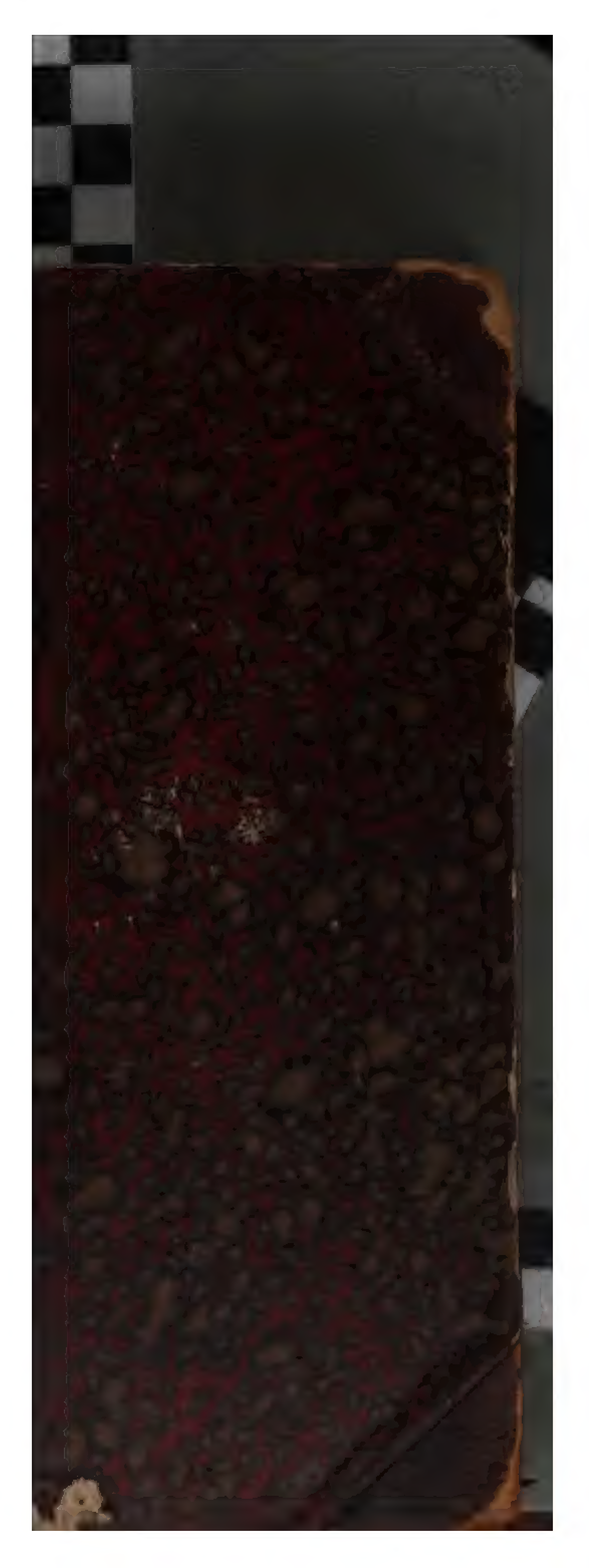

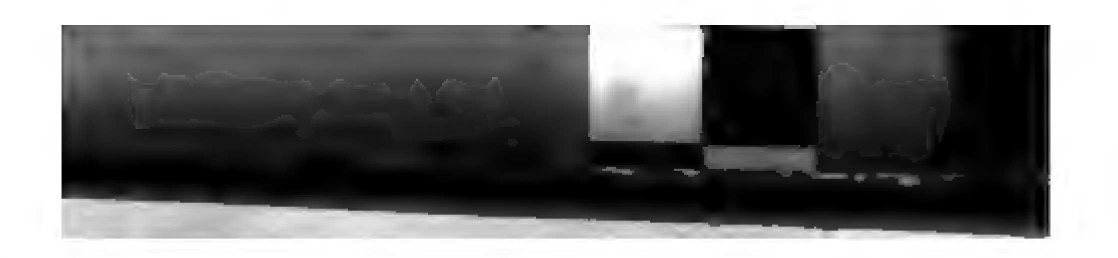

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ТЮРЬМА и ССЫЛКА.

[redacted]

Nikitin

ТЮРЬМА и ССЫЛКА.

Историческое, законодательное, административное и бытовое положеніе заключенныхъ, пересыльныхъ, ихъ дѣтей и освобожденныхъ изъ подъ стражи, со времени возникновенія русской тюрьмы, до нашихъ дней.

Въ темницѣ былъ и вы пришли ко мнѣ (25 гл. 36 ст.).

Евангелистъ Матоей.

Преступникъ скорѣе откроетъ сердце тому, кого привелъ въ его темницу голосъ любви, а не долгъ званія. Желаешь узнать свойство природы человѣческой — посѣщай темницы; тамъ увидишь ее на одной изъ послѣднихъ крайностей, найдешь такою, какою не покажутъ тебѣ ни книги, ни театры.

Архіепископъ Инокентій.

1560—1880 г.

В. Н. НИКИТИНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Г. Шпарварть, Невскій просп. д. № 82.
1880.

ТЮРЬМА и ССЫЛКА.

Историческое, законодательное, административное и бытовое положеніе заключенныхъ, пересыльныхъ, ихъ дѣтей и освобожденныхъ изъ подъ стражи, со времени возникновенія русской тюрьмы, до нашихъ дней

[illegible]

1560—1880 г.

[illegible]

ОГЛАВЛЕНIЕ.

[redacted]

Предисловіе.

Ни одна изъ благотворныхъ реформъ нынѣшняго царствованія не производилась такъ медленно, какъ все еще предполагаемая тюремная реформа, о которой ведется рѣчь вотъ уже 17 лѣтъ сряду! Извѣстно, что къ созданію крестьянской, судебной, городской, земской, ипотечной и прочихъ реформъ старательно привлекались специалисты тѣхъ, или другихъ отраслей знанія, а труды занимавшихся, названными дѣлами, Коммиссій печатались *во всеобщее* свѣдѣніе и подвергались критикѣ прессы прежде, чѣмъ они вносились на разсмотрѣніе высшихъ законодательныхъ инстанцій. Напротивъ: въ 5 бывшихъ Коммиссіяхъ по тюремному преобразованію участвовали администраторы, юристы, финансисты, военные и проч., *кромѣ практическихъ* тюремныхъ дѣятелей, въ лицѣ тюремныхъ Комитетовъ, издавна существующихъ по всей Россіи *) и заинтересованныхъ въ правильномъ регулированіи жизни заключенныхъ лишь съ *моральной* стороны; потому что Комитеты учрежденія *филантропическія*.

---

*) Въ городахъ: Столичныхъ и губернскихъ — Комитеты, а въ уѣздныхъ — отдѣленія, по закону образующіеся: первые — изъ 30—20, а послѣднія — изъ 10 лицъ.

II

Тѣмъ не менѣе отъ Комитетовъ ни членовъ въ Коммиссіи не вызывали, ни чьихъ мнѣній, легальнымъ путемъ, не спрашивали, ни экспертовъ ни разу выслушать не потрудились, даже о томъ, что «общество попечительнаго о тюрьмахъ (Комитеты) имѣетъ предметомъ занятій своихъ улучшеніе нравственнаго и физическаго состоянія арестантовъ и мѣстъ заключенія»—Коммиссіи забывали, точно опасались, какъ-бы филантропы не разкритиковали ихъ замысловатые планы. Наконецъ и самые проекты реформъ не отдавались на общественный судъ, а оставались, постоянно, достояніемъ только ихъ авторовъ—Коммиссій...

Далѣе, по печатавшимся, многократно, свѣдѣніямъ, тюремная реформа требуетъ огромныхъ ежегодныхъ расходовъ, да единовременно, на постройку и приспособленіе зданій болѣе сорока милліоновъ рублей. Такого солиднаго капитала наше, далеко не богатое государственное казначейство, не отпуститъ, конечно, и въ нѣсколько сроковъ, а слѣдовательно и истинной реформы мы едва-ли скоро дождемся... Между тѣмъ повсюду слышатся естественные, въ этомъ отношеніи, вопросы: почему именно наши тюрьмы плохи и въ чемъ должно состоять ихъ обновленіе, чтобы онѣ сдѣлались удовлетворительными? На эти категорическіе вопросы раздаются, правда, отвѣты, но такіе, преимущественно, устарѣвшіе, либо легкомысленные, что невольно становишься, просто, въ тупикъ! Это происходитъ оттого, что обличителями тюремныхъ недостатковъ и реформаторами выступаютъ, въ печати, за весьма рѣдкими исключеніями, лица, нисколько не знакомыя ни съ историческими, ни съ законодательными, ни съ административными, ни съ бытовыми тюремными нашими условіями; но эти лица, алчущія «славы соблазнительной», или преслѣдующія исключительно свои эгоистическія цѣли ничуть не

стѣсняются дѣлать свои скороспѣлые, поверхностные выводы на «авось», да по иностраннымъ источникамъ, совершенно упуская изъ виду, что наши, вѣками сложившіеся, самобытные порядки, нравы и обычаи немыслимо передѣлать, по щучьему велѣнію, ни на нѣмецкій, ни на англійскій ладъ; на это понадобится, по крайней мѣрѣ, много, очень много времени!...

Не давно открылись «совѣтъ по тюремнымъ дѣламъ» и «Главное Тюремное Управленіе», призванные „завѣдывать тюремною частью и привести въ дѣйствіе тюремное преобразованіе, на основаніи главныхъ началъ, утвержденіе коихъ послѣдуетъ въ законодательномъ порядкѣ“. Такимъ образомъ откроется, какъ надо полагать, широкое поприще для тюремной дѣятельности по всему пространству земли русской, а отсюда явятся, разумѣется, и дѣятели,—каковы они будутъ—это теперь насъ не касается. Уроки исторіи и практики очень важное подспорье къ уразумѣнію всякаго предмета и къ избѣжанію ошибокъ, погрѣшностей. Дабы принести посильную пользу русскому тюрьмовѣдѣнію, мы сгруппировали, въ предлагаемой вниманію читателей, книгѣ исторически *всю суть* тюремнаго нашего вопроса, на основаніи законовъ, архивныхъ документовъ и личнаго, десятилѣтняго, безпрерывнаго занятія тюремнымъ дѣломъ въ столицахъ и въ провинціяхъ, до подробностей изучивъ, въ этотъ продолжительный періодъ времени, всѣ роды мѣстъ заключенія гражданскаго, военнаго и морского вѣдомствъ. Оттого намъ и думается, что изъ книги читали вполнѣ поймутъ причины тюремныхъ неурядицъ и средства, необходимыя къ ихъ искорененію, а также ознакомятся, въ главныхъ чертахъ, съ исторіею «общества попечительнаго о тюрьмахъ», за 60-лѣтнее его существованіе. Профаны же *тюрьмовѣды убѣдятся*, по книгѣ, кромѣ того, и [illegible]

крайнемъ своемъ заблужденіи о томъ, будто-бы „общество“ всегда бездѣйствовало, отчего и не образовало ни тюремной науки, ни россійскихъ Крофтоновъ и не превратило тюремъ въ разсадники добродѣтелей, когда такихъ разсадниковъ ни гдѣ, въ мірѣ, еще нѣтъ. Наконецъ и тѣ „кому вѣдать надлежитъ“ найдутъ, полагаемъ, въ книгѣ довольно поучительныхъ, интересныхъ фактовъ, способныхъ пролить истинный свѣтъ на прошлое и настоящее положеніе тюремъ, а также и цѣнный матеріалъ для логическихъ вывыдовъ о томъ, какими именно мѣропріятіями легче осуществить ожидаемую реформу.

Въ заключеніи отмѣтимъ, что половина книги является въ печати *впервые;* остальное-же хоть и было очерками и статьями, разновременно, помѣщено въ различныхъ первостепенныхъ изданіяхъ, но для книги значительно дополнено и исправлено, сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ. Смѣемъ надѣяться, что какъ прежнія наши труды по тюремной части *), такъ и настоящая книга будетъ встрѣчена сочувственно всѣми, кому дорого правдивое, безпристрастное изложеніе предмета, да жаль „узниковъ, въ темницахъ томящихся“.

---

*) Книги: „Жизнь заключенныхъ“; „Бытъ военныхъ арестантовъ въ крѣпо*стяхъ“ и проч.*

I.

Русскій тюремный вопросъ въ отдаленную старину.

Судя по дошедшимъ до насъ историческимъ памятникамъ въ древней Россіи не употреблялось даже и слова «тюрьма», ибо въ ней не особенно и нуждались: большинство преступниковъ до рѣшенія ихъ дѣлъ, оставалось, по господствовавшему тогда твердому обычаю «на порукахъ» у обществъ и частныхъ лицъ, отвѣчавшихъ «*головой*» за исчезновеніе взятыхъ ими на поруки; поэтому первые зорко стерегли послѣднихъ и на волѣ; подъ стражу-же брали только такихъ, которымъ, по ихъ «безпутству», не удавалось достать поручителей. Помѣщали этихъ «колодниковъ въ погребахъ, ямахъ—подъ землею» и даже въ «клѣткахъ», вслѣдствіе суровости нравовъ далекихъ нашихъ предковъ. Устраивать подземные остроги впервые воспрещено было въ 1560 г. Подчинялись эти «остроги», три столѣтія тому назадъ—намѣстникамъ, потомъ перешли въ вѣдѣніе «излюбленныхъ людей, губныхъ старостъ и цѣловальниковъ». Въ то время правительство ни одежды, ни пищи не отпускало колодникамъ, а ихъ снабжали, чѣмъ и какъ могли—ихъ родственники; безродные же «скованные по 2, ходили поочередно, со сторожами, по торгамъ и дворамъ за *милостынею*» и ею довольствовались. Этотъ *патріархальный способъ содержанія* колодниковъ долго считался

правильнымъ и успѣшно практиковался преимущественно потому, что простодушные и религіозные предки наши, начиная отъ царей и кончая простолюдинами, охотно подавали колодникамъ милостыню, въ надеждѣ получить за это, на томъ свѣтѣ, отпущеніе части своихъ грѣховъ.

Тяжкая жизнь колодниковъ начала видоизмѣняться и отчасти систематизироваться только въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Такъ, въ 1641 году, поручено было воеводамъ назначать особыхъ «цѣловальниковъ», для завѣдыванія «колодниками», а въ Уложеніи 1648 г. находимъ уже «тюрьму», какъ дополнительное наказаніе къ тѣлесному, за различныя преступленія; при этомъ приказывалось: а) строить тюрьмы на счетъ городовъ и уѣздовъ; б) сторожей избирать изъ «сошныхъ людей»; в) приставникамъ производить жалованье изъ «скуднаго приказа»; г) колодникамъ «черной избы» давать прокормежныя; д) умершихъ колодниковъ отдавать, для погребенія, родственникамъ, а безродныхъ—хоронить на казенный коштъ; е) за побѣгъ колодниковъ взыскивать съ приставниковъ,—и ж) губнымъ старостамъ наблюдать за колодниками и зданіями, въ которыхъ они помѣщались. Въ царствованіе Θеодора Алексѣевича предписывалось: вслѣдствіе значительнаго, повсюду, скопленія колодниковъ,—оправданныхъ судомъ отпустить по домамъ, безъ порукъ (въ 1667 г.); разобрать правильно-ли содержатся люди въ тюрьмахъ; а тюремщикамъ воспрещено было взимать въ свою пользу «влазный» сборъ съ приводимыхъ подъ стражу людей, которые платили, какъ видите, еще деньги собственно за то, что «влѣзали» въ остроги (въ 1676 г.). Въ 1700 г. установлено доставлять, о колодникахъ, отчетность Сенату, а симъ послѣднимъ—въ Кабинетъ, чтобы пріобрѣсть возможность слѣдить за ихъ числительностію. Далѣе забота о матеріальномъ положеніи колодниковъ ограничивалась тѣмъ, что послѣдовательно предписано: мѣнять солому для ихъ подстилки—въ 1717 г.; кормить ихъ на счетъ челобитчиковъ—въ 1720 г.; а предпи-

лагая, что этимъ способомъ они обезпечены отъ голоду,—запретили имъ ходить по улицамъ собирать милостыню—въ 1722 г. Затѣмъ, въ виду скудности пропитанія, доставлявшагося челобитчикамъ: чиновнымъ подсудимымъ — назначено содержаніе, а остальнымъ разрѣшили, по прежнему, собирать подаянія и питаться ими—въ 1726 г. Наконецъ постепенное уменьшеніе количества подаянія, вслѣдствіе размноженія колодниковъ и уменьшенія симпатіи къ нимъ, побудило правительство назначить имъ, разновременно, по ходатайству нѣсколькихъ губернаторовъ (въ 1736, 1737 и 1743 гг.) и казенное продовольствіе, безъ опредѣленія, впрочемъ, въ чемъ именно оно должно заключаться.

Мысль о полезности *исправленія* колодниковъ впервые получила практическое примѣненіе въ Россіи въ царствованіе Екатерины II,—учрежденіемъ для мужчинъ и женщинъ домовъ Смирительныхъ—въ 1775 г.—«для огражденія общества отъ великихъ продерзостей, добронравіе повреждающихъ, и потому бываютъ нужны, для общаго благочестія и спокойствія семей», а Рабочихъ — въ 1783 г., — для содержанія осужденныхъ за кражи, грабежи и мошенничества. Въ развитіе мысли о необходимости введенія, въ тюрьмахъ, исправительнаго элемента, Екатерина Вторая сама написала (въ 1787 г.) проектъ устава о тюрьмахъ, которыя полагала завести въ Россіи, уголовныя, гражданскія (съ раздѣленіемъ на подстражныя, приговорныя и осужденныя отдѣленія) и пересыльныя; но проектъ этотъ по различнымъ, достовѣрно, однако, неизвѣстнымъ причинамъ, оставленъ былъ безъ примѣненія; попеченіе-же о матеріальномъ улучшеніи быта колодниковъ, Екатерина проявила опредѣленіемъ количества кормовыхъ здоровымъ и больнымъ колодникамъ—въ 1778 году, да разрѣшеніемъ лечить послѣднихъ на счетъ казны—въ 1796 г. Наконецъ въ царствованіе Павла Петровича ничего выдающагося, о тюрьмахъ, предпринято не было.

И такъ до царствованія Императора Александра I, тюрьмы не получили, въ сущности, никакой сколько нибудь приличной

II

Тѣмъ не менѣе отъ Комитетовъ ни членовъ въ Коммиссіи не вызывали, ни чьихъ мнѣній, легальнымъ путемъ, не спрашивали, ни экспертовъ ни разу выслушать не потрудились, даже о томъ, что «общество попечительнаго о тюрьмахъ (Комитеты) имѣетъ предметомъ занятій своихъ улучшеніе нравственнаго и физическаго состоянія арестантовъ и мѣстъ заключенія»—Коммиссіи забывали, точно опасались, какъ-бы филантропы не разкритиковали ихъ замысловатые планы. Наконецъ и самые проекты реформъ не отдавались на общественный судъ, а оставались, постоянно, достояніемъ только ихъ авторовъ—Коммиссій...

Далѣе, по печатавшимся, многократно, свѣдѣніямъ, тюремная реформа требуетъ огромныхъ ежегодныхъ расходовъ, да единовременно, на постройку и приспособленіе зданій болѣе сорока милліоновъ рублей. Такого солиднаго капитала наше, далеко не богатое государственное казначейство, не отпуститъ, конечно, и въ нѣсколько сроковъ, а слѣдовательно и истинной реформы мы едва-ли скоро дождемся... Между тѣмъ повсюду слышатся естественные, въ этомъ отношеніи, вопросы: почему именно наши тюрьмы плохи и въ чемъ должно состоять ихъ обновленіе, чтобы онѣ сдѣлались удовлетворительными? На эти категорическіе вопросы раздаются, правда, отвѣты, но такіе, преимущественно, устарѣвшіе, либо легкомысленные, что невольно становишься, просто, въ тупикъ! Это происходитъ оттого, что оглашателями тюремныхъ недостатковъ и реформаторами выступаютъ, въ печати, за весьма рѣдкими исключеніями, лица, нисколько не знакомыя ни съ историческими, ни съ законодательными, ни съ административными, ни съ бытовыми тюремными нашими условіями; но эти лица, алчущія «славы соблазнительной», или преслѣдующія исключительно свои эгоистическія цѣли ничуть не

стѣсняются дѣлать свои скороспѣлые, поверхностные выводы на «авось», да по иностраннымъ источникамъ, совершенно упуская изъ виду, что наши, вѣками сложившіеся, самобытные порядки, нравы и обычаи немыслимо передѣлать, по щучьему велѣнію, ни на нѣмецкій, ни на англійскій ладъ; на это понадобится, по крайней мѣрѣ, много, очень много времени!...

Не давно открылись «совѣтъ по тюремнымъ дѣламъ» и «Главное Тюремное Управленіе», призванные „завѣдывать тюремною частью и привести въ дѣйствіе тюремное преобразованіе, на основаніи главныхъ началъ, утвержденіе коихъ послѣдуетъ въ законодательномъ порядкѣ". Такимъ образомъ откроется, какъ надо полагать, широкое поприще для тюремной дѣятельности по всему пространству земли русской, а отсюда явятся, разумѣется, и дѣятели,—каковы они будутъ—это теперь насъ не касается. Уроки исторіи и практики очень важное подспорье къ уразумѣнію всякаго предмета и къ избѣжанію ошибокъ, погрѣшностей. Дабы принести посильную пользу русскому тюрьмовѣдѣнію, мы сгруппировали, въ предлагаемой вниманію читателей, книгѣ исторически *всю суть* тюремнаго нашего вопроса, на основаніи законовъ, архивныхъ документовъ и личнаго, десятилѣтняго, безпрерывнаго занятія тюремнымъ дѣломъ въ столицахъ и въ провинціяхъ, до подробностей изучивъ, въ этотъ продолжительный періодъ времени, всѣ роды мѣстъ заключенія гражданскаго, военнаго и морского вѣдомствъ. Оттого намъ и думается, что изъ книги читатели вполнѣ поймутъ причины тюремныхъ неурядицъ и средства, необходимыя къ ихъ искорененію, а также ознакомятся, въ главныхъ чертахъ, съ исторіею «общества попечительнаго о тюрьмахъ», за 60-лѣтнее его существованіе. Профаны же тюрьмовѣды убѣдятся, по книгѣ, кромѣ того, и въ

крайнемъ своемъ заблужденіи о томъ, будто-бы „общество“ всегда бездѣйствовало, отчего и не образовало ни тюремной науки, ни россійскихъ Крофтоновъ и не превратило тюремъ въ разсадники добродѣтелей, когда такихъ разсадниковъ ни гдѣ, въ мірѣ, еще нѣтъ. Наконецъ и тѣ „кому вѣдать надлежитъ“ найдутъ, полагаемъ, въ книгѣ довольно поучительныхъ, интересныхъ фактовъ, способныхъ пролить истинный свѣтъ на прошлое и настоящее положеніе тюремъ, а также и цѣнный матеріалъ для логическихъ выводовъ о томъ, какими именно мѣропріятіями легче осуществить ожидаемую реформу.

Въ заключеніи отмѣтимъ, что половина книги является въ печати *впервые;* остальное-же хоть и было очерками и статьями, разновременно, помѣщено въ различныхъ первостепенныхъ изданіяхъ, но для книги значительно дополнено и исправлено, сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ. Смѣемъ надѣяться, что какъ прежнія наши труды по тюремной части *), такъ и настоящая книга будетъ встрѣчена сочувственно всѣми, кому дорого правдивое, безпристрастное изложеніе предмета, да жаль „узниковъ, въ темницахъ томящихся“.

---

*) Книги: „Жизнь заключенныхъ“; [illegible] арестантовъ въ крѣпостяхъ“ и проч.

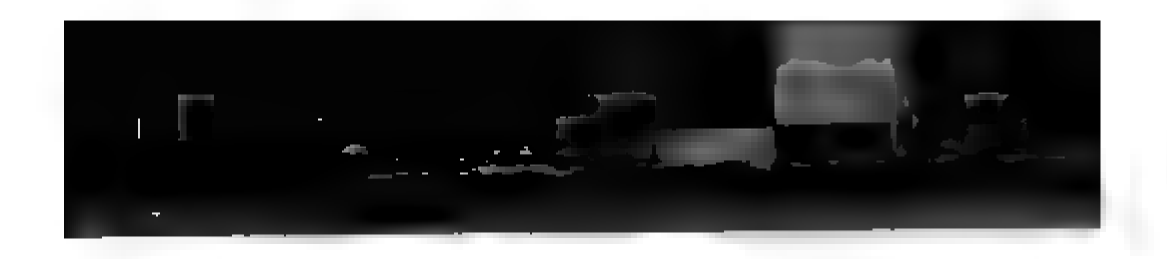

сандра Павловича,—представилъ ему Венинга. Императоръ настолько заинтересовался планомъ Венинга, что приказалъ Голицыну „войдти съ нимъ въ совѣщаніе о томъ, какимъ способомъ приложить тѣ начала, какими подобныя общества руководствуются, къ образу здѣшняго правленія“, да разрѣшилъ ему осмотрѣть московскія, тверскія и петербургскія тюрьмы, находившіяся въ исключительномъ вѣдѣніи полицейской администраціи, подъ надзоромъ губернаторовъ и прокуроровъ, какъ помянуто выше. Замѣтимъ, кстати, что смотрителя тюремъ не имѣли даже единообразной инструкціи, а руководствовались приказаніями своего начальства да личнымъ усмотрѣніемъ.

Изучивъ бытъ петербургскихъ мѣстъ заключенія, Венингъ представилъ Голицыну «доношеніе о состояніи тюремъ и прочихъ мѣстъ заключенія въ Петербургѣ» и «записку, содержавшую въ себѣ общія замѣчанія о лучшемъ содержаніи тюремъ». Голицынъ доложилъ оба документа Александру Павловичу и по его повелѣнію копію съ «доношенія»—передалъ, 8 марта 1818 г., бывшему, въ то время, петербургскимъ генералъ-губернаторомъ графу М. А. Милорадовичу, для «немедленнаго улучшенія мѣстъ заключенія Столицы».

Содержаніе «доношенія» ярко рисуетъ истинное состояніе тогдашнихъ тюремъ, отчего изложимъ это „доношеніе“ въ сокращенномъ видѣ. Начинается доношеніе со съѣзжихъ дворовъ (частей), гдѣ «страданія несчастныхъ, обыкновенно, начинаются». Нашелъ Венингъ эти мѣста «неспособными къ помѣщенію человѣчества: мужчины и женщины, виновные и невиновные, молодые и старые—всѣ вмѣстѣ толпились въ одной комнатѣ; если же гдѣ и имѣлись двѣ комнаты, то между ними существовали сообщенія: мужчины помѣщались—во внутренней, а женщины — въ передней, подъ карауломъ солдатъ; всѣ комнаты были подземныя, сырыя, темныя, безъ кроватей; воздухъ въ нихъ былъ дурной; люди всѣ были праздны и жаловались на недостатокъ хлѣба. Въ одной съѣзжей комнатѣ было 20 мужчинъ и 7 жен-

щинъ, но сказывали, что помѣщалось и 60 человѣкъ вдругъ». Тамъ-же видѣлъ онъ «*5 стульевъ съ цѣпями*». Тяжелыя сіи стулья „*колодники таскали на себѣ*". Въ другомъ мѣстѣ Венингъ замѣтилъ, что «бѣдная дѣвушка, которая попала въ сіе мѣсто хоть на одну ночь—должна была потерять всякое чувство добродѣтели и приготовиться на жизнь развратную и несчастную». Венингъ назвалъ съѣзжіе «истиннымъ разсадникомъ порока, въ семъ обильномъ городѣ». О казематахъ Управы Благочинія Венингъ говоритъ, что «двѣ низменныя комнаты были сыры и нездоровы: въ первой готовили пищу и помѣщались женщины, которыя хотя и были отгорожены, но на виду всѣхъ прохожихъ; ни кроватей, ни постелей въ нихъ не было, а спали женщины на настланныхъ доскахъ; въ другой комнатѣ было 26 мужчинъ и 4 мальчика; изъ нихъ трое мужчинъ были *въ деревянныхъ колодкахъ*; въ этой комнатѣ содержалось и до 100 чел., которымъ негдѣ было прилечь ни днемъ, ни ночью. Комната для колодниковъ высшаго состоянія находилась почти въ землѣ; попасть въ нее можно было чрезъ лужу; комната эта должна порождать болѣзни и преждевременную смерть». Въ смирительномъ домѣ «комнаты были также грязныя; воздухъ въ нихъ чрезвычайно былъ дурной, а видъ колодниковъ показывалъ ихъ недостатки во всемъ». Тутъ Венингъ «видѣлъ колодниковъ, *привязанныхъ за шею, и женщинъ въ рогаткахъ*, на которыхъ имѣлись *по 3 острыхъ спицъ*, длиною 8 дюймовъ и такъ вдѣланы, что женщины не могли ложиться ни днемъ, ни ночью». «Мучили такъ женщинъ», по удостовѣренію Венинга,—«въ угожденія тѣмъ, кто ихъ отдалъ въ сіе мѣсто» (помѣщики). Въ рабочемъ домѣ Венингъ нашелъ «въ одной комнатѣ почти въ землѣ, длиною 11, а шириною 21 футъ, 107 колодниковъ малыхъ, взрослыхъ и старыхъ,—всѣхъ вмѣстѣ безъ всякаго занятія. *Отъ этой тѣсноты* десятый человѣкъ въ недѣлю переправлялся въ больницу, а *Чаровъ, 72 лѣтъ, сидѣлъ тамъ съ 15 января 1789 г., — уже 22 года*».

Нѣкоторые колодники тамъ-же были *«въ цѣпяхъ, а караульные солдаты имѣли сообщеніе съ колодницами.* Лазаретъ съ 9 больными помѣщался почти въ землѣ, отчего стѣны комнаты были сыры, мокры и съ нихъ текло». О кордегардіи Губернскаго Правленія Венингъ отозвался, что «дворъ, ведущій къ этой тюрьмѣ, былъ чрезвычайно грязенъ; нужныя мѣста, не чистившіяся *нѣсколько лѣтъ*, такъ заразили воздухъ, что почти невозможно было сносить зловонія. Въ сіи мѣста солдаты водили мужчинъ и женщинъ *одновременно*, безъ всякаго разбора и благопристойности. Въ камерахъ было также темно, грязно, а полъ не мылся съ тѣхъ поръ, какъ *сдѣланъ*. Сидѣло въ одной комнатѣ до 200 чел., и, вмѣстѣ съ величайшими, напр., преступниками, *окованными желѣзами*,—несчастный мальчикъ, за потерю паспорта». Женская комната показалась Венингу «еще худшею, чѣмъ мужская», тѣмъ болѣе, что въ ней «съ женщинами находились днемъ и ночью 3 солдата. Невозможно безъ отвращенія и помыслить о скверныхъ слѣдствіяхъ такого учрежденія», прибавляетъ Венингъ. Наконецъ и городская тюрьма представилась ему тоже «грязною, дурною, а потолокъ, въ одной комнатѣ грозившій обрушиться,—подперли столбами при мнѣ», удостовѣряетъ Венингъ; «народъ въ камерахъ былъ напиханъ. Обычай взыскивать съ выпускаемыхъ, изъ этой тюрьмы, по 15 коп. за каждый день ихъ заточенія, а въ случаѣ неимѣнія денегъ задерживать людей, какъ должниковъ,—очень жестокій, и потому какъ скоро объ этомъ обычаѣ дойдетъ до свѣдѣнія высшихъ—отмѣнится» заключилъ Венингъ.

Для искорененія описаннаго зла, Венингъ въ „запискѣ о лучшемъ содержаніи тюремъ", изложилъ:

„Достопочтенный соотечественникъ мой, г. Джонъ Говардъ, коего человѣколюбіе было безпредѣльно, а благодѣтельные труды могла прекратить едина смерть, представилъ публикѣ драгоцѣннѣйшее сочиненіе о тюрьмахъ и о безчисленныхъ несовершенствахъ, каковыя находятся въ сихъ заведеніяхъ не только въ Англіи, но и во многихъ

организаціи, отчего колодники томились въ заключеніи только въ прямой ущербъ интересамъ государственнымъ. Александръ Павловичъ, желая исправить доставшуюся ему отъ предшественниковъ эту важную часть государственнаго управленія, началъ съ того, что издалъ указъ о постройкѣ, въ Малороссіи, остроговъ 3-хъ разрядовъ, съ тѣмъ, чтобы въ нихъ различно содержали арестантовъ; потомъ повелѣлъ губернскимъ прокурорамъ слѣдить за скорѣйшимъ разрѣшеніемъ арестантскихъ дѣлъ и ревизовать смирительные и рабочіе дома (въ 1802 г.); тоже самое вмѣнено было въ обязанность и губернаторамъ въ 1803 г.

Между тѣмъ тревожное состояніе Европы, происходившее отъ успѣшныхъ завоеваній Наполеона I, а затѣмъ наша собственная съ нимъ война, произвели неизбѣжный застой во всѣхъ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, въ томъ числѣ, разумѣется, и въ тюремномъ. Въ то же время чувство патріотизма увлекло въ армію всѣхъ тогдашнихъ передовыхъ Русскихъ людей, которые пробывъ довольно долго за-границею, успѣли близко ознакомиться съ тамошними порядками, учрежденіями, положеніемъ гражданъ и во многомъ столь быстро просвѣтились, что вернулись въ Россію съ значительнымъ запасомъ прогрессивныхъ и гуманныхъ идей. Обстоятельство это въ связи съ цивилизующимъ началомъ, проистекающимъ вообще изъ войнъ, оправдывало желаніе общества обновить и собственный внутренній нашъ бытъ. Всѣ эти взгляды раздѣлялъ, какъ извѣстно, и Александръ Павловичъ, отличавшійся, кромѣ того, истинною религіозностію, и потому онъ считалъ полезнымъ дать просторъ и благотворительности, которая хотя и изстари коренилась въ нашихъ нравахъ, но во многихъ случаяхъ она, безъ почина правительства, не могла рельефно высказываться. Оттого, въ учрежденное Александромъ Павловичемъ, въ 1816 г., „Человѣколюбивое Общество“ сразу явилось множество членовъ, жаждавшихъ безкорыстной дѣятельности, для блага ближнихъ,ктобъ они не были безразлично. Руководствуясь изреченіемъ Спаси[illegible] въ темницѣ бѣхъ—и

пріидосте ко мнѣ», Александръ Павловичъ предоставилъ членамъ этого общества право «посѣщать заключенныхъ», по примѣру обществъ, существовавшихъ за границею.

Вмѣшательству въ тюремную жизнь представителей филантропіи предшествовало и за границею грустное положеніе тюремъ. Началось и велось это дѣло съ двухъ сторонъ. Квакеры, считая своимъ долгомъ исправлять нравственность преступниковъ,— организовали, въ 1776 году, съ этою цѣлью, въ Филадельфіи, общество, которое проникло въ тюрьмы, убѣдилось въ ихъ негодности и потому направило все свое стараніе къ измѣненію всей системы содержанія заключенныхъ, а достигнувъ благопріятные результаты—распространило о нихъ по всей Америкѣ и Европѣ, посредствомъ изданныхъ, по этому предмету, книгъ (въ 1792 и 1794 г.), причемъ вездѣ нашло сочуствіе своимъ воззрѣніямъ. Богатый, молодой англичанинъ Говардъ, былъ захваченъ, въ морѣ, въ плѣнъ, французами (въ 1756 г.), очутился въ тюрьмѣ и на своей личности извѣдалъ всю тяжесть тогдашняго заключенія. Поэтому, вернувшись изъ плѣна въ Англію, онъ, въ званіи уже шерифа, энергически хлопоталъ объ улучшеніи тюремъ, устроилъ, въ 1785 году, въ Глочестерѣ, пенитенціарій, съ келейнымъ заключеніемъ, путешествовалъ, для изученія этого вопроса, по Европѣ, былъ и въ Польшѣ, Россіи, Турціи, издалъ, о своихъ изслѣдованіяхъ, 2 книги (въ 1777 и 1784 г.) и, возбудивъ вопросъ о тюремной реформѣ—умеръ, въ 1790 году, въ гор. Херсонѣ, отъ зараженія чумою, при посѣщеніи госпиталя *). Идею Говарда старательно пропагандировали его соотечественники, образовавшіе «Лондонское общество, для улучшенія порядка въ тюрьмахъ и исправленія преступниковъ». Труды этого общества, изложенные въ отчетѣ (въ 1816 г.) нашли подражателей и комитеты мужскіе

*) Въ Херсонѣ, на площади, противъ тюремнаго замка, воздвигнутъ, Говарду, *памятникъ*.

остается безъ успѣха и наконецъ совсѣмъ уничтожается, ежели не будетъ общества благомыслящихъ людей, для приведенія въ дѣйствіе тѣхъ благодѣтельныхъ средствъ, кои онъ изобрѣлъ для блага человѣчества. Общество, составившееся изъ нѣсколькихъ друзей человѣчества, согласившихся помогать другъ другу въ предпріемлемомъ ими по сему предмету дѣлѣ, имѣетъ въ виду избирать достойныхъ членовъ, въ случаѣ отбытія, или смерти кого либо изъ нихъ, доставлять денежное пособіе на распространеніе и поддержаніе сего дѣла, столь полезнаго и важнаго, и столь утѣшительнаго для сердецъ сострадательныхъ. Средства, кои общество нашло удобнѣйшими къ исправленію, суть слѣдующія: 1) непрестанный присмотръ за узниками; 2) раздѣленіе ихъ между собою и разборъ между ними; 3) наставленіе въ религіи и нравственности; 4) безпрестанныя занятія; и 5) заключеніе въ уединенное мѣсто".

„*Непрестанный присмотръ* есть важнѣйшее средство, коего вѣрное и непремѣнное исполненіе не можетъ не произвесть полезныхъ слѣдствій. Симъ средствомъ можно достигнуть желаемаго успѣха въ семъ дѣлѣ. Для того два члена Комитета обязуются посѣщать тюрьмы по два раза въ недѣлю, дабы лично видѣть внутреннее устройство, поведеніе надзирателя тюрьмы и его помощниковъ, справляться о поступкахъ и склонностяхъ заключенныхъ и узнавать: во всемъ-ли они имѣютъ довольство, всѣ-ли заняты работами и соблюдается-ли между ними должный порядокъ и опрятность? Осматривать пищу, количество и качество оной, снабженіе водою, какъ для питья, такъ и для чистоты, также состояніе больныхъ, ихъ одежду, покой и пищу. Члены-посѣтители должны также выслушивать жалобы заключенныхъ, принимать ихъ просьбы, касающіяся только до ихъ содержанія и обхожденія съ ними, но не о дѣлахъ, за кои они содержатся, и представлять оныя Комитету при первомъ засѣданіи. Главный успѣхъ сего принятаго плана зависитъ отъ дѣятельности и усердія таковыхъ надзирающихъ".

„*Раздѣленіе и разборъ.* Необходимость и важность сего средства очевидна. Она оказывается по вреднымъ послѣдствіямъ, происходящимъ отъ помѣщенія и заключенія вмѣстѣ преступниковъ, разнствующихъ въ родѣ преступленій, отъ смѣшенія безъ разбора обвиняемаго съ уличеннымъ, или отъ заточенія впавшаго въ какой либо проступокъ по неосторожности, съ неистовымъ и ожесточеннымъ разбойникомъ, отъ взаимнаго сообщенія виновныхъ, которые еще готовы загладить добродѣтельною жизнію вредъ, причиненный ими обществу, съ такими, которые не чувствуютъ уже ни стыда, ни раскаянія, и посему примѣромъ и словами своими могутъ погасить въ другихъ возраждающуюся искру раскаянія и заглушить слабый голосъ пробуждающейся совѣсти. Еще ужаснѣе содержать съ явными преступниками того, котораго преступленіе не доказано, и который оправдавшись, возвращается въ общество посрамленнымъ предъ всѣми и униженнымъ въ собственныхъ своихъ глазахъ, и можетъ заразиться такими пороками, коихъ прежде сего былъ чуждъ. Вредныя слѣдствія такого смѣшенія узниковъ особенно открываются въ несчастныхъ женщинахъ, кои по первому проступку заключаются иногда съ развращенными и закоснѣвшими уже въ порокахъ. Онѣ увлекаются такимъ образомъ стремительно въ бездну разврата, которой прежде ужасались, или къ коей, можетъ быть, едва приближаться начинали. Тамъ необходимо должны онѣ совершенно развратиться, гдѣ гнусный порокъ одного, изъ соревнованія предъ другими, тщится усиливаться и возрастать, гдѣ неистовая наглость стремится неистовство свое сообщать имѣющимъ еще нѣкоторый стыдъ, гдѣ льстивая развратница умышленно заманиваетъ въ свои сѣти другихъ, и погруженная во всѣ мерзости распутства, увлекаетъ своимъ примѣромъ, гдѣ все, что только можетъ заразить порокомъ и утвердить въ ономъ, содѣлывается занятіемъ въ ихъ праздности и развлеченіемъ въ отчаяніи. Славный и почтенный Говардъ говаривалъ, что половина воровства и обмановъ, случающихся въ Лондонѣ и въ окрестно-

стяхъ онаго, вымышляются въ тюрьмахъ и полагаются на мѣрѣ къ исполненію тамъ же. Удивительно, какъ скоро распространяется и сообщается нравственная зараза въ сихъ школахъ порока, и съ какою поспѣшностью духъ попадающихъ въ заключеніе соединяется и уравнивается съ духомъ тѣхъ, кои прежде вступили на сей путь и были порочнѣе ихъ. Въ самое короткое время, они, заражая одинъ другого, составляютъ всѣ совершенно одинъ духъ разврата. Человѣкъ весьма наклоненъ перенимать у другихъ, и готовъ слѣдовать тому, что отъ другихъ видитъ и слышитъ: мы это видимъ ежечасно изъ примѣровъ. Дерзкіе и буйные люди сообщаютъ немедленно свою дерзость людямъ кроткаго свойства, и содѣлываютъ ихъ совершенно себѣ подобными".

„*Наставленіе въ Религіи и нравственности.* Преступники обыкновенно бываютъ люди, порабощенные какимъ либо страстямъ, невѣдующіе Религіи и неимѣющіе понятія о должностяхъ своихъ ни къ Богу, ни къ ближнему. Посему должно научать ихъ главнымъ правиламъ Религіи и нравственности, должно показать имъ опасность и ужасныя послѣдствія ихъ беззаконнаго поведенія. Для сего нужно въ тюрьмѣ быть училищу, для обученія ихъ чтенію, и одинъ или нѣсколько изъ заключенныхъ, умѣющихъ читать, должны быть избираемы для обученія другихъ; ибо порокъ и невѣжество почти всегда неразлучны. Должно ихъ научать уважать совѣсть свою и познавать голосъ ея; должно удостовѣрить и глубоко впечатлѣть въ сердца ихъ, что Всевидящее Око Божіе всегда на нихъ устремлено, и устрашать ихъ показаніемъ праведнаго гнѣва Божія къ нимъ, яко къ грѣшникамъ, противящимся Святѣйшему Его закону; но притомъ объявлять имъ и увѣрять ихъ въ готовности Его всегда прощать тѣхъ, кои съ истиннымъ раскаяніемъ къ Нему обращаются, и ищутъ оправданія въ заслугахъ Іисуса Христа. Это ...ить твердѣйшее и надежнѣйшее основаніе къ повиновенію ...амъ какъ Божественнымъ, такъ и гражданскимъ, и убѣ-

дить ихъ, что необходимо должно обуздывать страсти свои. Ихъ должно также снабжать книгами Священнаго Писанія, кои однѣ могутъ умудрить ихъ во спасеніе. Должно научать ихъ чтить дни воскресные, и наблюдать, чтобъ они ходили къ Богослуженію, которое необходимо должно быть отправляемо въ тюрьмахъ. Употребленіе вина должно быть вовсе запрещено, и запрещеніе приносить оное къ заключеннымъ должно быть написано на доскѣ и вывѣшено при входѣ въ каждую комнату. Вино воспламеняетъ кровь, возбуждаетъ страсти и часто доводитъ несчастную жертву до содѣланія новыхъ преступленій, о которыхъ-бы и мысли не пришло въ трезвомъ состояніи. Пьянство ведетъ къ ссорамъ, неповиновенію, и отнимаетъ къ исправленію всѣ способы. Игры всякаго рода также должны быть запрещены, и строго надлежитъ наблюдать, чтобъ въ надзирателяхъ и приставникахъ при сихъ несчастныхъ не находилось таковыхъ, которые-бы сами заводили съ ними игры, пьянства, сквернословія и тому подобное. Когда средства сіи возъимѣютъ желаемый успѣхъ къ отвращенію нѣкоторыхъ изъ сихъ несчастныхъ отъ путей порока, и когда время заточенія ихъ оканчивается, то должно стараться примирять ихъ съ семействами своими и возвращать друзьямъ, такъ, чтобы удаливъ ихъ отъ порока, вводить въ сообщество съ людьми добрыми".

„*Постоянное занятіе.* Обращать тюрьмы въ домы работы, есть также великое средство къ исправленію. Можно справедливо сказать, что занятіе есть Ангелъ-Хранитель человѣка. Введеніе работъ въ тюрьмы не должно имѣть цѣлію прибытокъ или доходъ сего учрежденія, но токмо истребленіе праздности и пріученія къ труду, пренебреженіе коего бываетъ причиною большей части преступленій, содѣлываемыхъ низшимъ классомъ людей. Надобно тутъ-же имѣть лавку, снабженную всѣми нужными для сего предмета орудіями и матеріалами, какъ напримѣръ для сапожниковъ, портныхъ, шерстобоевъ, ткачей, прядильщиковъ и проч. Тѣ изъ заключенныхъ, которые по приговору должны

[redacted]

оставаться въ тюрьмѣ нѣсколько лѣтъ, могутъ прясть и ткать. Это весьма полезно, ибо они будутъ тогда снабжать себя одеждою. Женщины могутъ прясть, вязать, шить, мыть и проч. Большая часть изъ сихъ несчастныхъ находится въ заключеніи по винамъ, содѣянныхъ или отъ одной праздности. И такъ, коль скоро они вкусятъ отъ плодовъ трудолюбія, то и привыкнутъ къ нему тотчасъ, и полюбятъ оное. Преступники должны имѣть пользу отъ трудовъ своихъ, получая двѣ трети вырученнаго за оные, изъ коихъ одну треть слѣдуетъ выдавать имъ во время заключенія, а другую оставлять до выпуска оттуда, что и составитъ тотчасъ нѣкоторое пособіе имъ при первой нуждѣ, и дастъ способъ вступить или въ услуженіе, или приняться за какую либо работу. Остальная третья часть должна быть употребляема на заведеніе, учрежденное на сей конецъ при тюрьмѣ и на всѣ расходы, нужные къ доставленію имъ работъ, кромѣ содержанія надзирателей ихъ, коимъ жалованье должно быть опредѣлено достаточное, дабы не подать имъ повода къ притѣсненію несчастныхъ, имъ подчиненныхъ. Всѣ преступники должны быть заняты работою, по назначенію приставниковъ при нихъ, но подъ начальствомъ членовъ-посѣтителей, такимъ образомъ, кому какая работа прилична по силѣ, лѣтамъ, обстоятельствамъ и проч. Работа избирается, приносящая болѣе прибыли".

„*Заключеніе въ уединенное мѣсто*. Заключеніе одного въ особый покой на хлѣбъ и на воду, почти всегда оказывалось успѣшнымъ къ усмиренію самаго буйнаго и ожесточеннаго преступника. Многіе соглашались скорѣе и желали лучше лишиться жизни, нежели быть лишенными сообщества людей. Въ сихъ отдѣльныхъ покояхъ устройство должно быть таково, чтобы никакихъ ни съ кѣмъ сношеній и разговоровъ невозможно было имѣть. Заключенный предается тогда ужаснѣйшему наказанію — собственнымъ своимъ размышленіямъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, или недѣль, самая природа такого человѣка измѣняется. Таковое заключеніе производитъ то, что одно угроженіе

[redacted]

оныхъ нерѣдко удерживаетъ отъ содѣянія многихъ преступленій, какъ-то: отъ сквернословія, развратныхъ поступковъ, отъ ругательства надъ приставниками, отъ ссоръ, лѣности, умышленной утраты нужныхъ вещей и проч. Страхъ сего наказанія еще болѣе умножается мыслію, что въ то время, когда они находятся заключенными въ уединеніи и праздности, товарищи ихъ успѣваютъ вырабатывать себѣ на ежедневное содержаніе и на будущія свои нужды, а они время свое напрасно теряютъ, и по освобожденіи будутъ претерпѣвать недостатокъ и бѣдность. Наказаніе это во всякомъ случаѣ можетъ замѣнить цѣпи и тѣлесное наказаніе по тюрьмамъ. Всѣ таковыя распоряженія относятся наиболѣе къ преступникамъ, приговореннымъ къ заточенію временному. Заключеніе же вѣчное доводитъ до отчаянія, и отнимая всякую у нихъ надежду, содѣлываетъ уже равнодушными къ исправленію или къ полученію какой либо пользы, и наполняетъ голову ихъ мыслями о насильствѣ, буйствѣ, побѣгѣ и проч.".

„Вездѣ, гдѣ сіи орудія исправленія употребляются и благоразумно приводятся въ дѣйствіе, великое намѣреніе при столь человѣколюбивомъ наказаніи, исправлять преступниковъ, достигается съ успѣхомъ. Общество должно состоять изъ президента, а Комитетъ изъ нѣсколькихъ членовъ, *извѣстныхъ благомысліемъ честностью и человѣколюбіемъ*, коихъ присмотру и распоряженіямъ и подчинять тюрьмы. Комитетъ съ своей стороны назначаетъ членовъ-посѣтителей и всякій мѣсяцъ представляетъ донесеніе не только о нравственномъ состояніи узниковъ, но и о внутреннемъ управленіи ввѣреннаго ему заведенія, о расходѣ и приходѣ денегъ, съ показаніемъ откуда получена и на что употреблена сумма".

„Эта-то записка и послужила фундаментомъ къ разработкѣ для Общества правилъ, которыя Александръ Павловичъ, разновременно, три раза, собственноручно исправлялъ, улучшалъ и наконецъ утвердилъ, 19 іюля 1819 г. „Правила для Попе-

нительнаго Общества о тюрьмахъ“. „Правила“ же вотъ что гласили:

I. Въ Санктпетербургѣ учреждается Общество Попечительное о тюрьмахъ. Предметомъ онаго будетъ нравственное исправленіе содержащихся преступниковъ, улучшеніе состоянія заключенныхъ за долги и по другимъ дѣламъ людей, на основаніи, изъясненномъ въ прилагаемой у сего запискѣ (выше приведенной).

II. Обязанностію Общества сего будетъ стараться о томъ, чтобы въ тюрьмахъ и мѣстахъ заключенія вводимы были по удобности пять слѣдующихъ средствъ исправленія, которыя изъяснены пространнѣе въ запискѣ, а именно: 1) ближайшій и постоянный надзоръ надъ заключенными; 2) размѣщеніе ихъ по роду преступленій, или обвиненій; 3) наставленіе ихъ въ правилахъ Христіанскаго благочестія и доброй нравственности, на ономъ основанной; 4) занятіе ихъ приличными упражненіями и 5) заключеніе провинившихся, или буйствующихъ изъ нихъ въ уединенное мѣсто.

III. Общество сіе будетъ состоять подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государя Императора. Посему избраніе и назначеніе Президента онаго будетъ зависѣть отъ воли Его Императорскаго Величества.

IV. Всякій, дѣлающій подписку на ежегодныя приношенія, къ подкрѣпленію сего Общества въ благотворномъ дѣлѣ его, признается Членомъ онаго, а кто дѣлаетъ единовременные взносы, тотъ именуется Благотворителемъ. Приношенія не только могутъ быть наличными деньгами, но также съѣстными припасами, платьемъ и другими потребностями для заключенныхъ.

V. Для приведенія въ дѣйство предпринимаемаго Обществомъ симъ на себя дѣла, учредится Комитетъ онаго, который будетъ состоять изъ одного Президента, нѣсколькихъ Вице-Президентовъ, двѣнадцати, или болѣе Директоровъ, одного Казначея и двухъ Секретарей. Для составленія засѣданія таковаго Комитета, потребно не менѣе шести Членовъ и одного Секретаря... Всѣ

[redacted]

Члены Комитета утверждаются въ семъ званіи Государемъ Императоромъ. Посему на каждое вакантное мѣсто представляются отъ Комитета по три Кандидата, чрезъ Президента, Его Императорскому Величеству, для выбора одного изъ нихъ, по Высочайшему усмотрѣнію.

VI. Обязанностію Комитета будетъ принимать приличнѣйшія и надежнѣйшія средства къ умноженію капитала Общества, чрезъ единовременные вклады и ежегодныя приношенія для достиженія тѣмъ цѣли Общества, въ статьѣ I и II Правилъ сихъ изъясненной. Для сего надлежитъ употребить надежныхъ особъ къ собранію денежныхъ взносовъ по подпискамъ и единовременныхъ приношеній, и пещись о томъ, чтобы суммы Общества употребляемы были съ строгою бережливостію, и сохраняемы были вѣрно.

VII. Комитетъ имѣетъ право дѣлать нужныя распоряженія и постановленія для каждой части предпріемлемаго имъ дѣла и перемѣнять оныя со времени, когда признаетъ нужнымъ. Таковыя перемѣны будутъ съ согласія генеральнаго собранія Членовъ, каковое для сего нарочно созываемо будетъ.

VIII. По неимѣнію особаго рода тюремъ, совершенно сообразныхъ съ надобностями, въ прилагаемой запискѣ изъясненными, Комитетъ обратитъ вниманіе свое на содѣйствіе къ улучшенію существующихъ нынѣ, для произведенія въ дѣйство благотворныхъ видовъ Общества, по удобности и обстоятельствамъ.

IX. Члены Комитета имѣютъ все право и свободу посѣщать тюрьмы и домы, гдѣ содержатся заключенные, во всякое время, по своему произволенію. Все замѣченное ими при таковомъ осмотрѣ, сообщаютъ они Комитету, а сей чрезъ Президента своего доводитъ о томъ, что нужнымъ признаетъ, до свѣдѣнія Начальства, въ вѣдомствѣ коего состоятъ тюрьмы, или домы содержанія заключенныхъ.

X. Хотя въ таковыхъ зданіяхъ и невозможно заводить и устраивать всего того порядка, какой долженъ существовать въ

тюрьмахъ, по новому плану выстроенныхъ; однакожъ Комитетъ постарается приближаться и въ нихъ, какъ наивозможно къ той же цѣли, относительно распредѣленія содержащихся, по мѣрѣ ихъ вины и преступленія. Надзиратель и Смотрители обязываются способствовать въ томъ всемѣрно съ своей стороны.

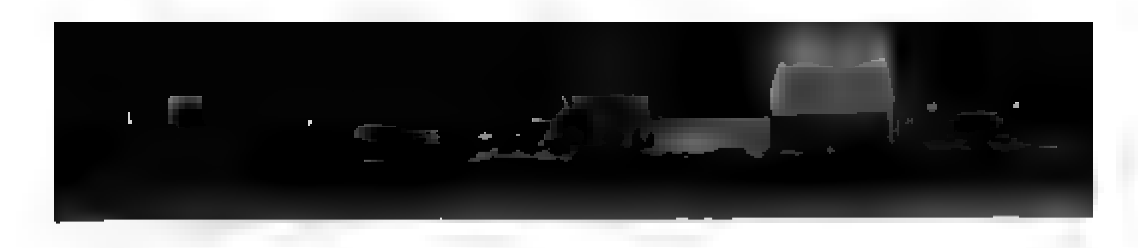
XI. Снабженіе книгами Священнаго Писанія и другими духовнаго содержанія книгами предоставляется попеченію Комитета. Наставленія и поученія Священника, когда и гдѣ возможно таковаго имѣть, весьма нужны и содѣйствуютъ благотворной цѣли попеченія о тюрьмахъ. Если найдется средство, при которой тюрьмѣ устроить и церковь, то сіе есть превосходнымъ учрежденіемъ для душевной пользы содержащихся. Провожденіе воскресныхъ и праздничныхъ дней въ благочестивыхъ чтеніяхъ, бесѣдахъ и молитвѣ, поставляется въ обязанность для Начальства тюремнаго, вводить между заключенными, общими стараніями съ Комитетомъ попечительнымъ.

XII. Въ тюрьмахъ пріемлются дѣятельнѣйшія мѣры къ отвращенію употребленія горячихъ напитковъ. Для сего въ приличныхъ мѣстахъ по тюрьмамъ должны быть прибиты печатныя правила, воспрещающія употребленія оныхъ.

XIII. Попеченіе Комитета распростирается на всѣ тюрьмы, рабочіе и смирительные домы, съѣзжіе дворы и тому подобныя мѣста заключенія, въ коихъ совѣтами своими, попечительностію и совокупнымъ присмотромъ съ Начальствомъ, содѣйствуютъ къ тому, дабы содержаніе вело болѣе къ нравственному исправленію заключенныхъ, нежели служило къ ожесточенію ихъ.

XIV. Комитетъ для исправленія дѣлъ своихъ собирается по одному разу въ каждомъ мѣсяцѣ, а когда бываетъ нужно, то и чаще, по назначенію Предсѣдательствующаго; о чемъ Секретарь разсылаетъ повѣстки.

XV. Президентъ занимаетъ первое мѣсто во всѣхъ засѣданіяхъ Комитета, какъ ежемѣсячныхъ, такъ и Генеральныхъ. Во время же его отсутствія, одинъ изъ Вице-Президентовъ, а въ

небытность и ихъ, одинъ изъ Директоровъ, по согласію прочихъ Членовъ, занимаетъ его мѣсто.

XVI. Въ засѣданіяхъ своихъ Комитетъ разсуждаетъ: 1) о средствахъ къ умноженію и сохраненію капитала своего, который нуженъ ему на облегченіе заключенныхъ въ содержаніи ихъ, на заведеніе между ними работъ, мастерствъ и рукодѣлій, на жалованье людямъ, употребляемымъ Комитетомъ въ своемъ дѣлѣ, и тому подобное; 2) объ удобнѣйшихъ способахъ къ достиженію своего предмета; 3) о разныхъ замѣчаніяхъ и предположеніяхъ къ усовершенствованію внутренняго между заключенными распорядка; 4) разсматриваетъ и соображаетъ видѣнное Членами, при обозрѣніи ими мѣстъ заключенія; 5) помышляетъ о распространеніи дѣйствій своихъ чрезъ учрежденіе подобныхъ Комитетовъ по разнымъ городамъ и мѣстамъ Россіи, и прочее.

XVII. Тѣ изъ Директоровъ, кои въ теченіи года съ наибольшею исправностію посѣщали засѣданія Комитета и тюрьмы, остаются и на слѣдующій годъ, буде пожелаютъ; а прочіе, другими занятіями удерживаемые отъ исправленія сихъ обязанностей, не включаются уже въ новый списокъ Членовъ Комитета.

XVIII. Секретари ведутъ журналы каждаго засѣданія Комитета и Генеральнаго Собранія, равнымъ образомъ заготовляютъ всю переписку, по сношеніямъ Комитета нужную. Журналы и сношенія подписываются Предсѣдательствовавшимъ въ Собраніи и Секретаремъ.

XIX. Казначей принимаетъ приношенія единовременныя и ежегодныя, въ которыхъ даетъ квитанціи за своимъ подписаніемъ. Онъ ведетъ книги приходныя и расходныя, кои всегда должны открыты быть для просмотрѣнія Членамъ Комитета. Каждый мѣсяцъ онъ подаетъ Комитету краткую вѣдомость о полученныхъ и выданныхъ деньгахъ. По истеченіи же года, книги его ревизуются троими изъ Членовъ, отъ Комитета назначенныхъ; послѣ чего отчетъ, изъ того извлеченный, представляется Комитету, и по одобреніи онымъ, *читается* также въ Генеральномъ Собраніи.

Всѣ приказы Казначею о выдачѣ денегъ, подписываются Предсѣдательствовавшимъ въ засѣданіи, двумя Директорами и Секретаремъ, безъ чего не можетъ быть производимо накакихъ выдачъ.

XX. Ни одинъ изъ получающихъ жалованье отъ сего Общества не можетъ быть Членомъ Комитета, ни имѣть голоса въ его засѣданіяхъ.

XXI. Казначей и Секретари суть члены всѣхъ Комитетовъ по долгу своего званія.

XXII. Общій Комитетъ назначаетъ частнымъ Комитетамъ попеченіе и страданіе о различныхъ частяхъ общаго дѣла, какъ, изъяснено въ прилагаемой запискѣ.

XXIII. Попеченіе о заключенныхъ женскаго пола, приметъ на себя Комитетъ, составленный изъ особъ сего-же пола, который состоять будетъ изъ одной Предсѣдательницы, двѣнадцати, или болѣе Членовъ и Секретаря.

XXIV. Комитетъ женскій будетъ руководствоваться тѣми самыми правилами, какъ и мужской Комитетъ. Назначается нѣсколько подвѣдомственныхъ Комитетовъ, для посѣщенія каждой тюрьмы, которые доносятъ о послѣдствіяхъ посѣщеній ихъ общему Комимету, о чемъ также всякій разъ сообщается и Комитету мужскому, дабы сіе могло быть вносимо въ журналъ онаго.

XXV. Каждый годъ Общество имѣетъ Генеральное Собраніе членовъ, благотворителей и ревнителей сего дѣла; къ чему приглашаются также и дамы. Въ ономъ читается отчетъ Комитета объ успѣхахъ дѣйствій его за прошедшій годъ, вмѣстѣ съ отчетомъ Казначея, объ употребленіи денежныхъ суммъ; а также читается отчетъ и женскаго Комитета, которые всѣ, по одобреніи Собранія, печатаются вмѣстѣ со спискомъ членовъ и благотворителей.

Въ силу этихъ правилъ организовалось общество, на первый разъ изъ 30 лицъ обоего пола *), все знакомыхъ назначенному

---

*) Митрополитъ с.-петербургскій Михаилъ; архіепископъ тверской Филаретъ, (впослѣдствіи московскій митрополитъ); пасторъ Патерсонъ, графъ К. А. Ливенъ,

въ президенты общества князю Голицыну, по библейскому и человѣколюбивому обществамъ. Открылъ общество въ Петербургѣ (11 октября 1819 г.) кн. А. Н. Голицынъ рѣчью, соотвѣтствовавшею случаю. Потомъ члены избрали изъ своей среды: въ вицепрезиденты — 5-хъ: въ предсѣдатели Комитета — барона В. И. Фитингофа, а въ секретари — М. С. Пилецкаго. Затѣмъ: а) сдѣлали, между собою, подписку и по ней собрали единовременными и ежегодными взносами 8,500 р.; б) раздѣлились на группы: 6 человѣкъ — для городской тюрьмы, 3 человѣка — для кордегардіи Губернскаго Правленія, 2 человѣка — для арестантской въ домѣ Оберъ-Полиціймейстера, для смирительнаго и рабочаго домовъ — по 3 человѣка на каждый, 4 человѣка — для арестантской Управы Благочинія и 3 человѣка — для съѣзжихъ домовъ; в) получили алфавиты, для вписыванія „чрезъ *ласковые разспросы*“ кто, за что, и когда, попалъ подъ стражу; молится-ли Богу; говѣлъ-ли и когда; желаетъ-ли читать Св. Писаніе; былъ-ли на допросѣ; не рецидивистъ-ли; знаетъ-ли грамоту; имѣетъ-ли платье; какую получаетъ пищу; когда былъ въ банѣ; не ремесленникъ-ли; что побудило кого совершить преступленіе и раскаявается-ли въ этомъ. Комитетъ открылись: мужской — 11, а дамскій — 13 октября 1819 года. Въ заключеніе Комитеты поручили своимъ членамъ „*открывать тюремные недостатки и злоупотребленія*“.

баронъ В. И. Фитингофъ, Н. Н. Леонтьевъ, князь П. С. Мещерскій, М. Л. Магницкій, М. П. Штеръ, В. М. Поповъ, С. С. Джунковскій, П. А. Галаховъ П. П. Помiанъ-Песаровіусъ; Р. И. Габлицъ, М. С. Пилецкій, Н. И. Сѣровъ, А. В. Гиршельманъ, А. К. Зенгбушъ, В. В. Веннигъ, И. В. Веннигъ, баронъ Ф. И. Бруновъ; княгини. С. С. Мещерская, А. С. Голицына, А. М. Щербатова, Н. С. Трубецкая, г-жи: П. М. Толстая, А. Ф. Помiанъ-Песаровіусъ, Е. И. Бахерахтъ, А. С. Патерсонъ, А. П. Козодавлева, Веннигъ, Панкратьевъ.

III.

Дѣятельность Общества во время президенства князя А. И. Голицына.

Кончивъ всю подготовительную работу, члены съ полною вѣрою въ свое призваніе принялись за дѣло, тщательно вникали въ него, и короткое время спустя, подали въ Комитетъ множество „доношеній“, въ которыхъ излагали: одни, — что имъ требуется содѣйствіе смотрителя городской тюрьмы, который отказывается безвозмездно трудиться, потому необходимо дать ему, изъ средствъ Общества, добавку по 500 руб. въ годъ; другіе, что больные стонутъ безъ медицинскаго пособія, почему надобно достать хорошаго доктора и медикаментовъ, третьи, — что въ мѣстахъ заключенія нѣтъ церквей, достаточнаго числа приставниковъ, внутренней дисциплины, одежды, обуви, бѣлья; четвертые,—что слѣдуетъ закрыть въ городской тюрьмѣ мелочную лавку, ибо въ ней продаютъ арестантамъ горячіе напитки, табакъ; пятые,—что ближайшее наблюденіе за поведеніемъ заключенныхъ слѣдуетъ поручить, по крайней мѣрѣ, хотя лучшимъ изъ нихъ-же самихъ избраннымъ, грамотнымъ и безукоризненно себя ведущимъ, назвавъ ихъ „старостами“, а въ поощреніе ихъ службы, опредѣлить имъ нѣкоторое жалованье; *) шестые,—что арестанты не имѣютъ прачешныхъ, столовыхъ, даже голодаютъ, ибо „многіе квартальные *не даютъ имъ кормовыхъ* денегъ, *во избѣжаніе хлопотъ и переписки съ Казенною Палатою*“; седьмые—молча, и на свой счетъ, заводили для взрослыхъ арестантовъ работу—рѣзаніе пробокъ, „изъ *состраданія къ мерзнувшимъ* въ управской *кордегардіи*“ людямъ

---

*) Старосты и теперь существуютъ, избираются они—Смотрителями, а вознаграждаются чаемъ и сахаромъ отъ Комитета.

въ президенты общества князю Голицыну, по библейскому и человѣколюбивому обществамъ. Открылъ общество въ Петербургѣ (11 октября 1819 г.) кн. А. Н. Голицынъ рѣчью, соотвѣтствовавшею случаю. Потомъ члены избрали изъ своей среды: въ вицепрезиденты—5-хъ: въ предсѣдатели Комитета—барона В. И. Фитингофа, а въ секретари—М. С. Пилецкаго. Затѣмъ: а) сдѣлали, между собою, подписку и по ней собрали единовременными и ежегодными взносами 8,500 р.; б) раздѣлились на группы: 6 человѣкъ—для городской тюрьмы, 3 человѣка—для кордегардіи Губернскаго Правленія, 2 человѣка—для арестантской въ домѣ Оберъ-Полиціймейстера, для смирительнаго и рабочаго домовъ — по 3 человѣка на каждый, 4 человѣка—для арестантской Управы Благочинія и 3 человѣка—для съѣзжихъ домовъ; в) получили алфавиты, для вписыванія „чрезъ *ласковые разспросы*“ кто, за что, и когда, попалъ подъ стражу; молится-ли Богу; говѣлъ-ли и когда; желаетъ-ли читать Св. Писаніе; былъ-ли на допросѣ; не рецидивистъ-ли; знаетъ-ли грамоту; имѣетъ-ли платье; какую получаетъ пищу; когда былъ въ банѣ; не ремесленникъ-ли; что побудило кого совершить преступленіе и раскаявается-ли въ этомъ. Комитетъ открылись: мужской—11, а дамскій — 13 октября 1819 года. Въ заключеніе Комитеты поручили своимъ членамъ „*открывать тюремные недостатки и злоупотребленія*“.

баронъ Б. И. Фитингофъ, Н. Н. Леонтьевъ, князь П. С. Мещерскій, М. Л. Магницкій, М. П. Штеръ, В. М. Поповъ, С. С. Джунковскій, П. А. Галаховъ П. П. Поміанъ-Пезаровіусъ; Р. И. Габлицъ, М. С. Пилецкій, Н. И. Сѣровъ, А. В. Гиршельманъ, А. К. Зенгбушъ, В. В. Веннигъ, И. В. Веннигъ, баронъ Ф. И. Бруновъ; княгини: С. С. Мещерская, А. С. Голицына, А. М. Щербатова, Н. С. Трубецкая, г-жи: П. М. Толстая, А. Ф. Поміонъ-Пезаровіусъ, Е. И. Бахерахтъ, А. С. Патерсонъ, А. П. Козодавлева, Веннигъ, Папкертонъ.

пріятное вліяніе на заключенныхъ немыслимо до тѣхъ поръ, покуда они будутъ жить „въ смрадныхъ, холодныхъ и сырыхъ казематахъ, въ тѣснотѣ, впроголодь и подвергаться, при томъ-же, истязаніямъ рогатками, цѣпями и стульями". Справедливо мнѣніе это раздѣлялъ и князь Голицынъ. Какъ президентъ, онъ искренно стремился къ тому, чтобы труды Общества достигали опредѣленной, для него, цѣли. Такъ члены узнали напр., что ссылаемымъ: а) въ крѣпостныя работы; б) въ Сибирь — бродягамъ и в) къ слѣдствіямъ и на родину, *ни кормовыхъ, ни одежды — не полагается* (указъ 17 января 1818 г.). Голицынъ потребовалъ объясненія отъ Губернатора, и, когда послѣдній подтвердилъ заявленіе членовъ, — тотчасъ-же написалъ (13 февраля 1820 г.) Министру Внутреннихъ Дѣлъ, графу В. П. Кочубею бумагу, въ которой упрекалъ властей въ „недостаткѣ человѣколюбія", выяснилъ суровость закона и просилъ о предоставленіи Комитету права снабжать *всѣхъ*, безъ изъятія, пересыльныхъ вещами, на ту лишь сумму, какую казна ежегодно издерживала на арестантовъ безъ означенныхъ 3-хъ категорій, съ условіемъ, чтобы казна возвращала Комитету только эту именно сумму, и, чтобы введено было правиломъ посылать съ конвоемъ описи *) о выданныхъ арестантамъ вещахъ, въ которыхъ они доходили-бы до мѣстъ ихъ назначенія. За принятіе предложеннаго способа Голицынъ, отъ имени Комитета, присовокупилъ, что въ случаѣ недостатка помянутаго источника, онъ будетъ восполняться средствами Общества. Государь, по докладу Кочубея повелѣлъ: „всѣмъ пересыльнымъ выдавать кормовыя, одежду и обувь на счетъ казны, а суммы Общества обращать на другіе предметы". Кочубей, сообщивъ объ этомъ Голицыну (въ маѣ 1820 г.), отъ себя прибавилъ, что впредь до передачи обмундировочной части въ вѣдѣніе Комитета (о чемъ

---

*) Описи, названныя впослѣдствіи статейными списками, и по нынѣ препровождаются съ арестантами, а за цѣлость вещей отвѣтствуютъ партіонные *офицеры.*

раздавали имъ отъ себя: бѣлье, тулупы, валенки; доказывали, что голодавшимъ несостоятельнымъ должникамъ необходимо назначить, на пропитаніе, по 25 к. въ сутки; восьмое,—что изъ городскихъ священниковъ добровольно и даромъ никто не желаетъ отправлять, для арестантовъ, богослуженія, поэтому слѣдуетъ просить митрополита о назначеніи, для указанной надобности, священниковъ. Короче говоря, журналы 12 ноября, 19 и 28 декабря 1819 г. (окончательно открыто Общество 20 декабря), наполнены всевозможными сѣтованіями, просьбами, требованіями, совѣтами и т. д.

Комитетъ по общимъ вопросамъ просилъ содѣйствія князя Голицына, а обыденные недостатки самъ поспѣшилъ устранить отпускомъ денегъ на прибавку смотрителю, на наемъ добавочной стражи, учителя и мастера, для малолѣтнихъ, на лекарства, на жалованье старостамъ и т. п. Щедрость Комитета объясняется, конечно, тѣмъ, что къ 1820 г. въ его кассу набралось пожертвованіями 80,763 р. 27³/₄ к. ассигн. Значительность этой суммы и быстрое, въ 2 мѣсяца, ея скопленіе оправдывается сочувствіемъ Императора Александра, такъ какъ онъ пожаловалъ: единовременно—10,000 р. и ежегодно по 5,000 руб. *) изъ Кабинета Его Величества. Примѣръ Александра вызвалъ усердныхъ подражателей во всей тогдашней аристократіи, которая присоединилась къ Обществу своими единовременными и ежегодными взносами.

Такимъ образомъ Общество, вмѣсто преслѣдованія заданной ему спеціальной задачи — пещись лишь о моральномъ исправленіи заключенныхъ, съ перваго-же приступа къ нимъ, принялось улучшать матеріальное ихъ положеніе по той, естественной, разумѣется, причинѣ, что столкнувшись съ незнакомою дѣйствительностью, Общество убѣдилось въ томъ, что никакое благо-

*) Эту сумму С.-Петербургскій Комитетъ получаетъ и понынѣ изъ Кабинета Его Величества.

для постройки тюрьмы *) сбиралъ свѣдѣнія: во что она обойдется, по какой системѣ создать ее, а въ тоже время передѣлалъ флигель, въ который вскорѣ же и перевели малолѣтнихъ, женщинъ и больныхъ.

Осязательные, полезные результаты трудовъ Членовъ Общества побудили князя Голицына, между прочимъ, дорожить и ихъ временемъ; онъ просилъ, напр., ихъ „по отношенію къ нему *не стѣсняться никакими формальностями*, а являться къ нему *за просто*, во всякое время, говорить ему *откровенно* обо всѣхъ нуждахъ заключенныхъ, а если кто не застанетъ его дома,—записывать на бумагѣ свои заявленія, дабы онъ могъ безотлагательно исполнить все, отъ него зависящее“ (12 п. жур. 14 мая 1820 г.). Почетное значеніе званія Членовъ открывали имъ свободный доступъ и къ другимъ сановникамъ, напр. къ графамъ: В. П. Кочубею, М. А. Милорадовичу и другимъ, охотно удовлетворявшимъ всѣ просьбы Членовъ. По ходатайству, напр., Комитета семинариста Митенскаго, осужденнаго, по ошибкѣ, къ двойному наказанію, — Александръ Павловичъ совершенно помиловалъ, за то, что Митенскій, будучи въ тюрьмѣ, организовалъ хоръ пѣвчихъ, исполнялъ обязанности дьячка и отлично велъ себя; по представленіямъ Членовъ-же многіе неисправные должники и содержавшіеся въ рабочемъ домѣ, за неплатежъ податей, получили свободу и т. д.

Благодаря рвенію и распорядительности Членовъ, Комитетъ снабдилъ арестантовъ кое-какими работами; должникамъ воспретилъ отлучаться изъ тюремъ, чтобы не возвращались не трезвыми, не проносили запретныхъ предметовъ; для сбора пожертвованій спеціально „на выкупъ должниковъ“ повѣсилъ кружки; напечаталъ и роздалъ арестантамъ подробныя „правила“: какъ

---

*) Постройка не состоялась, а бывшія Литовскія казармы передѣлали и назвали „Тюремнымъ Замкомъ“, въ который и перевели: сперва, въ 1823 г.— часть, а потомъ, въ 1826 г.—всѣхъ подслѣдственныхъ и осужденныхъ арестантовъ и палачей. Замокъ этотъ,—противъ Литовскаго рынка, — до сихъ поръ служитъ мѣстомъ заключенія.

себя вести; отличавшимся благонравіемъ и трудолюбіемъ раздавалъ денежныя награды, а буйствовавшихъ—лишалъ права на полученіе заработка; приглашалъ, за плату, священниковъ вести съ арестантами, по праздникамъ, религіозно—нравственныя бесѣды; снабдилъ заключенныхъ книгами для чтенія. По настоянію Комитета всѣхъ арестованныхъ еженедѣльно водили въ баню, мѣняли имъ бѣлье, которое, какъ и одежду, Комитетъ же купилъ для нихъ на свой счетъ; онъ же организовалъ, окончательно, обширныя мастерскія, открылъ, для продажи арестантскихъ издѣлій особый магазинъ; установилъ вознагражденіемъ за трудъ $^2/_3$ изъ чистой прибыли; устроилъ лазаретъ, школу грамотности. Мало того: Члены—дамы сами учили арестантокъ Закону Божьему, грамотѣ, ремесламъ; брали ихъ на поруки, выкупали, пристраивали къ мѣстамъ (въ 1821 году).

Основываясь на заявленіяхъ Членовъ о томъ, что арестантовъ „сковываютъ *безчеловѣчно* въ тѣсные, острые кандалы, производившіе раны на ногахъ", Голицынъ настойчиво просилъ Кочубея воспретить эти «истязанія», а потомъ, когда Веннигъ выписалъ изъ Лондона кандалы, онѣ были Высочайше утверждены, какъ образцовыя; при этомъ освободили: малолѣтнихъ—отъ всякихъ, а женщинъ—отъ ножныхъ оковъ, которыя должны были, сообразно образцамъ, вѣсить не болѣе 5—5½ фунт., а обручи повелѣно было обшивать мягкою кожею (въ 1822 г.). Въ свою очередь Комитетъ опредѣлилъ отъ себя: въ городскую тюрьму—2-хъ помощниковъ надзирателей и 2-хъ приставниковъ; для надзора за кордегардіями: Губернскаго Правленія, Управы Благочинія, Смирительнаго дома—особыхъ надзирателей; для леченія больныхъ арестантовъ—докторовъ; выкупилъ изъ рабочаго дома мѣщанина, содержавшагося 6 лѣтъ, за неплатежъ податей 45 р. асигн.; купилъ посуды для арестантовъ на 500 р., и настолько развилъ мастерскія (клееніе коробокъ, разматываніе и сученіе нитокъ, шитье сапоговъ и переплетеніе книгъ), что образцы этихъ арестантскихъ издѣлій были представлены Голи-

для постройки тюрьмы *) сбиралъ свѣдѣнія: во что она обойдется, по какой системѣ создать ее, а въ тоже время передѣлалъ флигель, въ который вскорѣ же и перевели малолѣтнихъ, женщинъ и больныхъ.

Осязательные, полезные результаты трудовъ Членовъ Общества побудили князя Голицына, между прочимъ, дорожить и ихъ временемъ; онъ просилъ, напр., ихъ „по отношенію къ нему *не стѣсняться никакими формальностями*, а являться къ нему *за просто*, во всякое время, говорить ему *откровенно* обо всѣхъ нуждахъ заключенныхъ, а если кто не застанетъ его дома,—записывать на бумагѣ свои заявленія, дабы онъ могъ безотлагательно исполнить все, отъ него зависящее“ (12 п. жур. 14 мая 1820 г.). Почетное значеніе званія Членовъ открывали имъ свободный доступъ и къ другимъ сановникамъ, напр. къ графамъ: В. П. Кочубею, М. А. Милорадовичу и другимъ, охотно удовлетворявшимъ всѣ просьбы Членовъ. По ходатайству, напр., Комитета семинариста Митенскаго, осужденнаго, по ошибкѣ, къ двойному наказанію, — Александръ Павловичъ совершенно помиловалъ, за то, что Митенскій, будучи въ тюрьмѣ, организовалъ хоръ пѣвчихъ, исполнялъ обязанности дьячка и отлично велъ себя; по представленіямъ Членовъ-же многіе неисправные должники и содержавшіеся въ рабочемъ домѣ, за неплатежъ податей, получили свободу и т. д.

Благодаря рвенію и распорядительности Членовъ, Комитетъ снабдилъ арестантовъ кое-какими работами; должникамъ воспретилъ отлучаться изъ тюремъ, чтобы не возвращались не трезвыми, не проносили запретныхъ предметовъ; для сбора пожертвованій спеціально „на выкупъ должниковъ“ повѣсилъ кружки; напечаталъ и роздалъ арестантамъ подробныя „правила“: какъ

*) Постройка не состоялась, а бывшія Литовскія казармы передѣлали и назвали „Тюремнымъ Замкомъ“, въ который и перевели: сперва, въ 1823 г.— часть, а потомъ, въ 1826 г.—всѣхъ подслѣдственныхъ и осужденныхъ арестантовъ и палачей. Замокъ этотъ,—противъ . рынка, — до сихъ поръ *служитъ* мѣстомъ заключенія.

освобожденіемъ изъ подъ стражи, повлечетъ за собою подкупъ конвойныхъ, побѣги, пьянство и повтореніе преступленій". Комитетъ былъ увѣренъ, что во 1-хъ смотрители не углѣдятъ за полученіемъ арестантами денегъ; во 2-хъ послѣдніе не станутъ добровольно отдавать первымъ денегъ; въ 3-хъ при отбираніи отъ нихъ денегъ силою возникнутъ еще худшіе безпорядки; въ 4-хъ усчитать и смотрителей въ томъ: сколько и когда они отобрали и выдали кому денегъ, не представится возможности. Такимъ образомъ между Комитетомъ и администраціею завязалась полемика, которая ни одну изъ сторонъ не убѣдила, однако, отказаться отъ своего мнѣнія. Тогда кн. Голицынъ представилъ сводъ своихъ мнѣній Императору, а Онъ повелѣлъ: „распоряженіе всѣми, безразлично, подаяніями предоставить исключительно Комитету, по собственному его усмотрѣнію, съ тѣмъ, чтобы никто, и ни съ какой стороны, въ этотъ предметъ не вмѣшивался". А чтобы и Комитетъ поступалъ благоразумие, въ видѣ наставленія, прибавилъ: „изъ тюремъ должно быть изгнано всякое изобиліе, а заключенные должны содержаться въ чистотѣ и опрятности и пользоваться здоровою, но умѣренною пищею." Комитетъ тотчасъ же ввелъ для денегъ „артельные ящики", (кружки). Сборомъ изъ нихъ денегъ Комитеты, по нынѣ распоряжаются по всей Россіи.

Заслушенное повелѣніе это дало Комитету поводъ выразить князю Голицыну „признательность за горячее содѣйствіе къ благополучному исходу этого дѣла". Признательности этой князь однако не принялъ, а написалъ на журналѣ: „я только исполнилъ свою должность". И онъ дѣйствительно прекрасно исполнялъ „свою должность": воодушевлялъ членовъ, горячо поддерживалъ въ нихъ энергію, обращался съ ними „за просто, откровенно", защищалъ всѣ ихъ справедливыя мнѣнія и даже иногда сдерживалъ порывы ихъ неудовольствія. Многократныя, напр., возмущенія арестантовъ различными нововведеніями, казавшимися имъ вредными, для нихъ, вынуждали нѣкоторыхъ членовъ просить объ

усиленія отвѣтственности надзирателей и о взысканіи съ арестантовъ. На это Галицынъ неоднократно замѣчалъ, что „наказанія не касаются Общества, обязаннаго дѣйствовать на нравственность заключенныхъ мѣрами, предоставленными оному правилами“. И только разъ, когда арестанты городской тюрьмы сильно взволновались, Голицынъ согласился перевести зачинщиковъ, на время, въ крѣпость (4 пун. жур. 22 января 1822 г.); о предѣлахъ же власти смотрителей, и объ ихъ отношеніяхъ къ Комитету, предложилъ послѣднему составить особую инструкцію *). Въ довершеніе всего Комитетъ устроилъ церковь, исходатайствовалъ назначеніе въ нее причта, заставилъ его, за жалованье, назидать арестантовъ, окончательно исправилъ зданія, добился ассигнованія денегъ, на освѣщеніе мѣстъ заключеній, завелъ въ тюрьмахъ статистическую и денежную отчетности, установилъ форму арестантской одежды, которую Александръ Павловичъ повелѣлъ строить на счетъ казны, безъ опредѣленія, впрочемъ, количества матеріаловъ на каждый предметъ; одѣлъ, обулъ арестантовъ и, окончательно, усадилъ ихъ за работу (въ 1822 г.).

Между тѣмъ, независимое, по служебнымъ правамъ, положеніе тюремной администраціи Комитета, причиняли ему самыя разнообразныя препятствія къ установленію правильнаго теченія арестантской жизни, не смотря и на оказываемыя ей Комитетомъ матеріальныя пособія: комитетскіе надзиратели, часто мѣняемые, не въ состояніи были, безъ помощи администраціи, удовлетворять желаніямъ Комитета; усилить караульную стражу—комендантъ отказался по „недостатку солдатъ“. Комитетъ и избралъ въ вице-президенты Оберъ-Полиціймейстера, Генералъ-Лейтенанта И. В. Гладкова, въ увѣренности, что онъ, за оказанную ему честь, какъ непосредственный начальникъ администраціи городской тюрьмы, управы и съѣжихъ домовъ, своею властію, помо-

*) Утвержденіе ея затянулось до 1831 года.

жетъ Комитету выйти изъ затрудненія. Но Гладковъ, явившись въ засѣданіе Комитета, самовольно занялъ предсѣдательское мѣсто и категорически отказался уступить его предсѣдательствовавшему по выбору Комитета со времени его основанія,—барону В. И. Фитингофу, „до тѣхъ поръ, пока президентъ ему разъяснитъ: можетъ ли Комитетъ выбирать, по своему произволу, въ председатели лицо нившее чиномъ, въ присутствіи другого, высшаго чиномъ?“ Комитетъ въ свою очередь отказался засѣдать подъ предсѣдательствомъ Гладкова, а составилъ о случившемся журналъ и представилъ Голицыну, который, по волѣ Александра Павловича, объявилъ Комитету, чтобы «во всѣхъ Комитетахъ занималъ всегда первое мѣсто и предсѣдательствовалъ старшій *) (мѣстами, чиномъ, должностью, или по времени учрежденія въ званіи—не было означено). И въ здѣшнемъ мужскомъ посѣтительномъ Комитетѣ надлежитъ предсѣдательствовать по званію старшаго Вице-Президента, Оберъ-Полиціймейстеру, Ген.-Лейт. Гладкову; но какъ онъ весьма занятъ своею должностью, то *невозможно поручить ему руководство письменныхъ дѣлъ, которое должно оставаться на отвѣтственности старшаго по немъ* вице-президента (разумѣлся Фитингофъ, тайный совѣтникъ и камергеръ), или Директоръ; журналы же Оберъ-Полиціймейстеръ подписываетъ тѣхъ только засѣданій, въ коихъ онъ предсѣдательствовалъ, а подъ нимъ подписывается вице-президентъ, или старшій Директоръ“ (26 февраля 1822 г.). Повелѣніе это имѣло, такимъ образомъ въ виду: съ одной стороны—удовлетворить тщеславіе Гладкова и поддержать дисциплину, а съ другой стороны — оставить дѣло въ надежныхъ рукахъ Фитингофа и заявить Комитету, что Гладковъ неспособенъ справиться съ двумя должностями. Гладковъ, выигравъ споръ въ принципѣ «*по невозможности поручить ему руководство письменныхъ дѣлъ*» — долженъ былъ бы, понятно, удалиться

*) Предсѣдательство впослѣдствіи предоставлено было старшему чиномъ.

изъ Комитета, который къ тому же столь рѣшительно отказался имѣть его предсѣдателемъ; но онъ, напротивъ, сталъ являться во всѣ засѣданія предсѣдательствовать, почему Комитетъ вступилъ съ нимъ, по всѣмъ предметамъ, въ явную оппозицію. Онъ напр., заявилъ о „нерачительности комитетскаго доктора Вейса“, а Комитетъ призналъ Вейса отличнымъ докторомъ, „какъ всѣмъ извѣстно“. Мало того: постановилъ, что тюремная администрація, не отвѣчаетъ своему назначенію и цѣлямъ Комитета, а прекращеніе, въ тюрьмахъ, безпорядковъ, есть прямая обязанность администраціи, непосредственный начальникъ которой Оберъ-Полицiймейстеръ, предсѣдатель Комитета; поэтому Комитетъ уменьшилъ производившееся, изъ его средствъ, жалованье полицейскимъ чинамъ и т. д.

Пререканія Комитета съ Гладковымъ, конечно, тотчасъ-же устранились-бы, если-бы Голицынъ оставался президентомъ, но онъ, 22 іюля 1822 г., былъ уволенъ отъ этой должности; при чемъ огорченный этимъ событіемъ Комитетъ „движимый чувствомъ живѣйшей признательности къ князю А. Н. Голицыну, за благотворное, истинно отеческое попеченіе и содѣйствіе къ открытію Общества, къ распространенію его полезной дѣятельности, за способствованіе своимъ ходатайствомъ къ приведенію въ исполненіе многихъ предположеній, имѣвшихъ цѣлію облегчить участь несчастныхъ узниковъ улучшеніемъ нравственнаго и физическаго ихъ состоянія—постановилъ: засвидѣтельствовать князю А. Н. Голицыну глубочайшую признательность Комитета, особымъ отношеніемъ за подписью новаго президента“.

IV.

Дѣятельность Общества во время президентства барона В. В. Компенгаузена и И. В. Гладкова.

Новымъ этимъ президентомъ оказался тогдашній государственный контролеръ, тайный совѣтникъ баронъ В. В. Компенгаузенъ. Для прекращенія пререканій Комитета съ Гладковымъ, Компенгаузенъ началъ самъ предсѣдательствовать и направлять дѣло, которое пошло прежнимъ порядкомъ. Приставниковъ Комитетъ назначалъ уже такихъ, чтобы они были „сотрудниками Членовъ"; посѣщать арестованныхъ родственниками установилъ только трижды въ недѣлю, а не ежедневно, какъ было прежде; для свиданій отвелъ особыя комнаты, а въ камеры запретилъ ходить постороннимъ лицамъ; къ казеннымъ кормовымъ по 15 к. прибавилъ отъ 6 до 9 к. въ сутки на человѣка изъ своихъ суммъ (въ 1822 году). Тѣмъ временемъ, о дѣятельности Петербургскихъ мужского и дамскаго Комитетовъ, распространилось далеко за предѣлами Россіи, и знаменитая, въ тюремной филантропіи, англичанка Елизавета Фрей, узнавъ объ этомъ, прислала здѣшнему дамскому Комитету письмо, въ которомъ, между прочимъ, „удивлялась великимъ преимуществамъ, коими пользуются россіяне, имѣя Монарха, столь ревностно покровительствующаго и поощряющаго всякое доброе дѣло".

Устроивъ тюремную часть на довольно прочныхъ основаніяхъ, Комитетъ пошелъ дальше—сдѣлалъ обязательнымъ обученіе грамотѣ и для взрослыхъ; расширилъ мастерскія, поручилъ ремесленникамъ учить неумѣлыхъ товарищей; для установленія порядка при выкупѣ должниковъ составилъ, Генералъ-Губернаторомъ утвержденныя, правила, *) по которымъ выкупу подле-

*) Онѣ практиковались до отмѣны заключенія за долги въ 1879 г.

жалъ только тотъ, о коемъ Членъ собралъ, во всѣхъ отношеніяхъ, удовлетворительныя справки, имена выкупленныхъ и жертвователей на выкупъ—предписывалось оглашать въ газетахъ; самихъ должниковъ перемѣстилъ въ нанятый Комитетомъ домъ, чтобы ихъ не смѣшивать съ арестантами (1823 г.).

Кошпенгаузенъ, принадлежавшій къ сподвижникамъ Аракчеева, въ короткое время своего президентства, такъ сильно утомился энергіею *«вольныхъ* филантроповъ», что въ письмѣ къ Аракчееву называлъ ихъ *„пестрымъ сборищемъ высокопарныхъ философовъ, чувствительныхъ филантроповъ, просвѣщенныхъ дамъ и людей простодушныхъ“*, подъ давленіемъ которыхъ „иногда рѣшаешься подписать и что-нибудь уродное, чтобъ только не совсѣмъ разладиться съ ними“. Не долго, онъ, однако, уступалъ, а началъ стѣснять вступленіе въ Члены Общества; созывалъ весь Комитетъ и самъ въ немъ предсѣдательствовалъ, стараясь, этимъ маневромъ, уничтожить значеніе посѣтительнаго, работнаго и хозяйственнаго Комитетовъ; уклонялся отъ содѣйствія Комитету, допустилъ распоряжаться Гладкову единолично, какъ Оберъ-Полиціймейстеру; наконецъ рѣшилъ съузить свободу дѣйствій Комитета составленными „примѣчаніями о правильномъ дѣйствованіи Комитетовъ, и о званіи президента“. Противъ этихъ „примѣчаній“ сильно возстали всѣ Члены и изъ нихъ многіе прислали свои совершенно солидарныя о примѣчаніяхъ мнѣнія изъ разныхъ мѣстъ; напр. Фитингофъ—изъ Лондона, князь Мещерскій—изъ Берлина, Поповъ—изъ Рима и т. д., такъ, что ко дню предстоявшаго разсмотрѣнія „примѣчаній“, набралось 12 мнѣній отсутствовавшихъ, а явилось въ засѣданіе тоже 12 Членовъ, въ томъ числѣ изъ Твери архіепископъ Филаретъ, впослѣдствіи Московскій митрополитъ.

По открытіи засѣданія Филаретъ произнесъ: „Управленіе дѣлами Общества, яко благотворительнаго сословія, должно быть отеческое, основанное на взаимной, между Членами, довѣренности, особенно въ отношеніи къ президенту, и не стѣсняемо соблюде-

нiемъ формъ, необходимыхъ въ мѣстахъ присутственныхъ: ибо формы могутъ охладить усердiе Членовъ и любовь къ благотворному ихъ дѣлу. На семъ основанiи президентъ, въ засѣданiяхъ Комитета дѣйствуетъ яко предсѣдатель, а внѣ Комитета—яко президентъ, къ которому относятся Члены Общества, начальствующiя и частныя лица, съ изъясненiемъ своихъ желанiй и нуждъ, касающихся Общества. По симъ послѣднимъ отношенiямъ, президентъ можетъ употреблять благотворныя свои ходатайства и безъ предварительнаго свѣдѣнiя Комитета, коль скоро очевидная польза, общее благо и нетерпящiе отлагательства случаи, того требовать будутъ, на томъ именно основанiи, на какомъ дѣйствовалъ прежде бывшiй президентъ Общества". Мнѣнiе это, единодушно было принято всѣмъ наличнымъ составомъ Комитета, который постановилъ: 1) что онъ рѣшаетъ дѣла по большинству голосовъ, и есть *главное* мѣсто, коему должны быть подвѣдомы всѣ прочiе мужскiе и женскiе Комитеты; 2) что онъ именуется *общимъ*, вовсе не для того, чтобы только въ немъ одномъ могли происходить засѣданiя (это ввелъ Компенгаузенъ), а по отношенiю къ частнымъ своимъ: посѣтительному, работному и хозяйственному Комитетамъ; 3) что здѣшнiй женскiй Комитетъ есть также общiй по отношенiю къ своимъ частнымъ Комитетамъ, съ тою лишь разницею, что женскiй общiй Комитетъ не вѣдаетъ хозяйственныхъ и денежныхъ дѣлъ, и подчиняется мужскому Комитету, которому сообщаетъ свѣдѣнiя о своихъ дѣйствiяхъ, для включенiя въ общiй журналъ; 4) что хотя въ правилахъ прямо и не сказано, что мужской и женскiй Комитеты собираются вмѣстѣ, но это не препятствуетъ приглашать дамъ въ засѣданiе мужского Комитета, когда, по обстоятельствамъ, это признается нужнымъ; 5) что *Предсѣдатель Комитета* никто иной, какъ самъ *президентъ*, чрезъ посредство котораго приводятся въ исполненiе правила, Обществу утвержденныя, а потому наименованiе въ правилахъ: въ 3 пунктѣ—президентъ Общества, а въ 5 пунктѣ—президентъ Комитета, означаютъ одно и тоже

лицо (намекъ на то, что Гладкова ни во что не ставили). Оттого одинъ только президентъ и есть посредникъ между Обществомъ и Государемъ, Августѣйшимъ его покровителемъ, и президентъ этотъ, какъ посредникъ, доводитъ до свѣдѣнія Его Величества о дѣйствіяхъ и желаніяхъ Общества и управляетъ Обществомъ, сообразно преподанному оному правиламъ; 6) такъ какъ столичный Комитетъ, по 5 п. правилъ, есть Комитетъ *всего* Общества попечительнаго о тюрьмахъ, и въ этомъ Комитетѣ долженъ предсѣдательствовать, по 5 и 8 п. п. правилъ, самъ президентъ, то получаемыя имъ отъ существующихъ, по провинціямъ, Комитетовъ представленія,—онъ долженъ вносить на разсмотрѣніе Комитета; 7) если президентъ не согласенъ, по извѣстнымъ ему, важнымъ причинамъ, со сдѣланнымъ Комитетомъ, о чемъ либо, постановленіемъ, а Комитетъ сочтетъ, въ свою очередь, неудобнымъ отмѣнить это постановленіе, тогда президентъ обязанъ представить дѣло на Высочайшее разрѣшеніе; 8) созывать генеральныя собранія Общества чаще установленнаго 7 и 15 п. п. правилъ—разъ въ годъ, для обсужденія серьезныхъ мѣропріятій—президентъ вправѣ въ такихъ лишь случаяхъ, когда „*весь* Комитетъ Общества почувствуетъ въ томъ необходимую нужду". Обо всемъ вышеизложенномъ „Комитетъ положилъ: просить президента представить на Высочайшее благоусмотрѣніе". Журналъ этотъ Компенгаузенъ предложилъ Комитету „изъяснить въ особой выпискѣ и подписать ее всѣмъ Членамъ", а когда все это исполнили—Компенгаузенъ выразилъ Комитету, что „такъ какъ объясненія не измѣняютъ бывшаго доселѣ въ Комитетѣ порядка, и согласны, во всѣхъ отношеніяхъ, съ комитетскими правилами, то нѣтъ нужды входить по онымъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ" (2 п. журн. 24 августа 1823 года). Проще говоря Компенгаузенъ предпочелъ отступиться отъ своихъ „примѣчаній", нежели докладывать Государю журналъ, ибо зналъ, что Александръ Павловичъ высоко цѣнилъ Комитетъ и потому опасался навлечь себѣ непріятность.

Вслѣдъ затѣмъ, по случаю болѣзни Кошпенгаузена (онъ вскорѣ-же и умеръ), исправленіе должности президента поручено было Гладкову, который съумѣлъ примириться съ Комитетомъ, и полтора года поддерживалъ все, сдѣланное Комитетомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ старался и расширять его дѣятельность. Напр. арестанты сами себѣ уже шили всѣ вещи, явились контрагенты на доставку арестантамъ безпрерывной работы; исходатайствовалъ разрѣшеніе Александра Павловича на то, чтобы одержимыхъ заразительными болѣзнями арестантовъ передавать въ военные госпитали; мастерскія при немъ еще болѣе развились, поднялись въ цѣнѣ; такъ, что арестантамъ выдавали, напр. заработка: французу Гельману — 349 р., шляхтичу Куликовскому — 200 р., чиновнику Челищеву — 90 р., крестьянину Гусеву — 181 р. 50 к. за годъ. Наконецъ Гладковъ снабдилъ арестантовъ книжкою, сочиненною его дочерью, дѣвицею фрейлиною, подъ заглавіемъ „Занятія въ часы пріятныя".

Итакъ, 5-ти-лѣтними усиліями Комитету удалось, судя по времени, правильно организовать тюремную часть, которая постоянно удостаивалась особеннаго вниманія Александра Павловича; по его повелѣнію Комитету были доставлены образцы сукна, дѣлавшагося въ вѣнскихъ тюрьмахъ, на тотъ конецъ, чтобы примѣнить эту отрасль занятій къ Русскимъ тюрьмамъ, что оказалось однако невозможнымъ по недостатку помѣщенія. Императрицы: Елизавета Алексѣевна и Марія Ѳедоровна за поднесенныя имъ издѣлія, пожаловали арестантамъ „значительныя денежныя награды" (въ 1821 г.); арестанты переплетали книги для Кабинета Его Величества, Комитета Министровъ, Академіи Наукъ, и т. д.; отчеты Общества, съ соизволенія Александра Павловича, печатались и по французски, и разсылались заграницу; на пополненіе суммы на памятникъ Венингу (онъ умеръ и погребенъ, въ 1822 г., въ Петербургѣ), Александръ Павловичъ пожаловалъ 5,255 руб. Будучи не только въ столицѣ, но и въ вояжахъ Императоръ помнилъ тюрьмы; проѣздомъ, напр. чрезъ

Вологду онъ, 16 октября 1824 г., посѣтилъ и тщательно обозрѣлъ тамошній Тюремный Замокъ, выстроенный мѣстнымъ Комитетомъ *). Наконецъ члены печальной коммиссіи, сопровождавшей тѣло почившаго Александра Павловича изъ Таганрога въ Петербургъ, на пути осматривали тюрьмы и „дѣлали многія приношенія“, напр. графъ А. Г. Строгановъ въ Орлѣ пожертвовалъ на тюрьму 500 р. Петербургскій Комитетъ, участвовавшій въ печальной церемоніи погребенія Александра Павловича, истратилъ на траурное одѣяніе служащимъ 800 руб.

V.

Результаты дѣятельности Общества за первые пять лѣтъ.

Для окончательнаго оправданія тюремной реформы царствованія Александра Павловича, приведемъ нѣкоторыя статистическія и денежныя цифры, рельефно характеризующія дѣятельность Общества. Такъ, по его просьбамъ, правительство отпустило на улучшеніе тюремныхъ зданій въ 1820 г.—2.021,285 р. $35^{1}/_{2}$ к.; въ 1821 г.— 2.256,682 р. 84 к.; въ 1822 г.— 2.715,329 р. $19^{1}/_{4}$ к.; въ 1823 г.—3.378,495 руб. $09^{1}/_{4}$ к. ассигн. Деньгами этими впрочемъ распоряжалось инженерное вѣдомство.

Въ теченіи указанныхъ пяти лѣтъ Комитетъ научилъ грамотѣ, Закону Божію и Ариеметикѣ 347 малолѣтнихъ арестантовъ. Заработали арестанты въ устроенныхъ Комитетомъ: переплетной, портняжной, сапожной, картонажной и другихъ мастерскихъ:

*) Къ 1826 г. Комитеты существовали: въ Кронштадтѣ, Казани, Москвѣ, Калугѣ, Орлѣ, Архангельскѣ, Дерптѣ, Вологдѣ, Тамбовѣ и пр.

бывать, что намъ должно воздѣлывать такое поле, которое ужъ близко къ пожженію. Если всякое благое дѣло требуетъ терпѣнія, то наше наипаче. *Надобно быть довольными и малымъ успѣхомъ*, помня, что Самъ небесный Человѣколюбецъ оставляетъ девяносто девять овецъ. а ищетъ одной заблудшейся. Не будемъ думать, что мы нисходя въ темницы, не можемъ выносить изъ нихъ ничего для себя. Нѣтъ, *этотъ подвигъ человѣколюбія заключаетъ награду самъ въ себѣ!* Узники ничего не имѣютъ, но могутъ многое дать, если будемъ умѣть принимать. *Желаешь узнать свойства*, природы человѣческой? *Посѣщай темницы; тамъ увидишь ее на одной изъ послѣднихъ крайностей, найдешь такою какою не покажутъ тебѣ ее ни книги, ни театры.* Ты борешься съ искушеніемъ обольстительнымъ и чувствуешь нужду оживить въ себѣ отвращеніе къ пороку? *Посѣти темницу; тамъ увидишь, до чего доводитъ человѣка порокъ*, какъ онъ Ангела обращаетъ едва не въ діавола. Но паче всего, ты хочешь загладить, собственные грѣхи и стяжать хотя малое право на милость Божію? *Спѣши въ темницу*; тамъ встрѣтитъ тебя Тотъ, Кто сказалъ: „въ темницѣ бѣхъ и пріидосте ко мнѣ! Не думай, что Ему не прилично быть съ преступниками, можно ли не быть съ грѣшниками Тому, Кто умеръ за грѣшниковъ? Сими чувствами я почелъ за долгъ напутствовать васъ, Христолюбивые Члены новоучреждаемаго Общества, на святое поприще ваше", заключилъ Иннокентій.

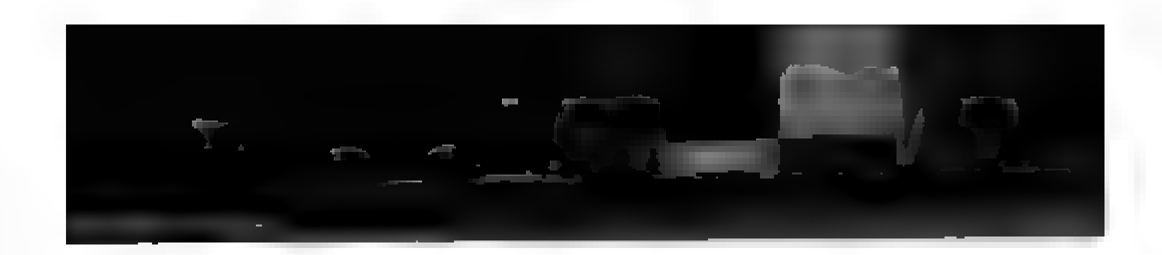
Прочувствованная рѣчь Иннокентія считалась лучшею программою для Общества. И дѣйствительно: въ ней рекомендовались состраданіе, справедливость, грамотность, трудъ, раздѣленіе арестованныхъ по категоріямъ—словомъ, все то, о чемъ теперь трактуется какъ о важномъ, будто бы, открытіи, только-что сдѣланномъ въ области тюрьмовѣдѣнія... Покончивъ съ первыми опытами дѣятельности въ тюрьмахъ попечительнаго, о нихъ, Общества, оговоримся, здѣсь, что — дальше мы поведемъ рѣчь уже по *предметамъ*, чтобы ихъ не смѣшивать между собою. Статистическія и денежныя вычисленія на послѣдующихъ страницахъ также встрѣтятся лишь изрѣдка, въ подкрѣпленіе тѣхъ или другихъ необходимыхъ выводовъ, потому что извлекать и группировать *всѣ* цифры,—какъ это читатели видѣли выше, —не будемъ: это слишкомъ кропотливый, утомительный, да и едва ли

благодарный трудъ: обыкновенные читатели вѣдь только бѣгло ихъ просматриваютъ; истиннымъ же цифирнымъ цѣнителямъ, (ихъ разъ — два, да и обчелся) совѣтуемъ лично заняться ихъ выборкою изъ архивныхъ источниковъ, если располагаютъ досугомъ на этотъ трудъ.

VI.

Очеркъ положенія хозяйственной части тюремъ съ 1826 года по настоящее время.

Читатели помнятъ, конечно, что И. В. Гладковъ долго исправлялъ должность президента Общества, но утвердиться въ этой должности ему не пришлось: 22мая 1826 г. былъ назначенъ президентомъ Сенаторъ, Генералъ-Лейтенатъ, Генералъ-Адъютантъ князь В. С. Трубецкой, человѣкъ, судя по послѣдующимъ его дѣйствіямъ—отлично понимавшій значеніе и цѣль Общества. Со вступленіемъ Трубецкаго въ должность президента Общества Члены Петербургскаго Комитета живо сплотились въ дружную, единомыслящую корпорацію, проявили свою горячую дѣятельность стараніемъ о скорѣйшемъ и дешевѣйшемъ приспособленіи казармы въ Тюремной Замокъ, въ который, 13 сентября того-же года, перевели изъ городской тюрьмы взрослыхъ: подслѣдственныхъ и осужденныхъ обоего пола и палачей; малолѣтнихъ же, пересыльныхъ и неисправныхъ должниковъ оставили въ городской тюрьмѣ; но малолѣтнихъ и должниковъ — въ одномъ, а пересыльныхъ — въ другомъ флигеляхъ. Какъ въ Замкѣ, такъ и въ тюрьмѣ размѣстили арестантовъ, въ камерахъ, по полу, возрасту, роду преступленія и по поведенію. Точно также распредѣлили и больныхъ въ расширенной и обновленной больницѣ Замка. Потомъ Комитетъ преподалъ, съ утвержденія Трубецкаго, для *руководства: смотрителямъ*, ихъ помощникамъ и надзирателямъ

при здоровыхъ, больныхъ арестантахъ, да при мастерскихъ особыя инструкціи, въ надеждѣ, что онѣ будутъ исполняться. Но этого то и не случилось: г. Венингъ опять указывалъ, что арестанты тюрьмы держатъ при себѣ деньги, получаемыя непосредственно отъ жертвователей, что Высочайше воспрещено было въ 1821 г., что народъ, проходя въ тюремную церковь и изъ нея,—свободно разговариваетъ съ арестантами на дворѣ, вслѣдствіе отсутствія за ними установленнаго надзора; что арестанты сами производятъ, въ конторѣ тюрьмы, дѣла, а должники на цѣлые дни распускаются въ городъ и возвращаются въ тюрьму ночевать пьяными; наконецъ, что тюремная администрація злоупотребляетъ своею властью вообще, а по продовольственной части въ особенности. Тоже самое повторяли и другіе Члены, по самымъ разнообразнымъ предметамъ и поводамъ.

Комитетъ пытался вразумлять администрацію, пріохотить ее къ труду денежными пособіями, но на нее ничего не дѣйствовало. Комитетъ и завелъ очередное дежурство, въ тюрьмахъ, Членовъ, которые проводили тамъ съ ранняго утра до поздняго вечера, даже обѣдали у докторовъ и мѣрами кротости и человѣколюбія полагали поднять умственный и нравственный кругозоръ какъ арестантовъ, такъ и ихъ непосредственныхъ начальниковъ. Это ежедневное присутствіе въ тюрьмахъ дало Членамъ возможность, между прочимъ, коротко изучить не состоятельную систему веденія смотрителями хозяйственной части.

И вотъ, чтобы парализовать своекорыстныя стремленія этой администраціи, Трубецкой, согласно заявленіямъ Членовъ, предписалъ смотрителю прекратить, на мѣсяцъ, продовольствіе арестантовъ, а Комитету предложилъ избрать двухъ Членовъ, которые занялись бы прокормленіемъ арестантовъ этотъ мѣсяцъ, *хозяйственнымъ* способомъ, въ видѣ опыта. Избранные Члены сами пріобрѣтали и расходовали всѣ продукты, наблюдали за приготовленіемъ пищи, а остальные, равно какъ и самъ Трубецкой пробовали эту пищу и *опрашивали* арестантовъ: довольны-ли они ею?

Результатъ убѣдилъ всѣхъ, что арестанты сыты, благодарны и тѣмъ не менѣе изъ полагавшихся (по 21 к. асигн. на человѣка въ сутки) 1,289 р. 59 к.,—Члены сэкономили 264 руб. 77 коп.

Трубецкой доложилъ объ этомъ Государю, со своимъ и Комитетскимъ мнѣніями, что возложеніемъ на Комитетъ продовольственной операціи легко сберечь въ годъ до 5,000 р., а эту сумму всего „приличнѣе употреблять на улучшеніе арестантской одежды, обуви и нравственности“. Докладъ этотъ повлекъ за собою рескриптъ на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ (отъ 17 іюля 1827 г.) слѣдующаго содержанія: „Согласно представленію Комитета Общества попечительнаго о тюрьмахъ, находя полезнымъ предоставить оному продовольствіе арестантовъ, повелѣваемъ: отпускаемыя изъ казны на пищу сихъ арестантовъ кормовыя деньги,—передавать прямо въ распоряженіе Комитета,—для арестантовъ, въ Петербургѣ содержащихся; по другимъ же городамъ—въ тюремные Комитеты, которые тамъ учреждены, или впредь имѣютъ учредиться, съ тѣмъ, чтобы Комитеты доставляли въ суммахъ, куда надлежитъ, установленнымъ порядкомъ, отчетность“.

Рескриптъ этотъ очень ободрилъ представителя Общества,—Петербургскій Комитетъ, выраженнымъ въ немъ довѣріемъ Государя къ Обществу, да еще распространеніемъ его силы на всю Россію. Въ тоже время рескриптъ лишалъ тюремную администрацію доли ея доходовъ, потому и встрѣченъ былъ ею, какъ и слѣдовало ожидать,—непріязненно, а это причинило Комитету не мало новыхъ хлопотъ и повлекло за собою непредвидѣнныя денежныя затраты. Смотрителямъ предписанно было сдать Членамъ Комитета продовольственныя принадлежности, но онѣ, какъ донесли Члены, „исчезли тотчасъ-же по ихъ явкѣ, для пріема“, смотрителя-же отозвались, что имъ „нечего сдавать“. Комитетъ купилъ, на свой счетъ, одной посуды на 436 р. 53 к., и просилъ Генералъ-*Губернатора* возвратить Комитету эту сумму изъ прежнихъ, какъ

полагалъ, остатковъ отъ прокормленія арестантовъ. Генералъ-Губернаторъ отвѣтилъ, что „никакихъ остатковъ никто никогда не представлялъ“. Комитетъ удовольствовался этимъ отвѣтомъ. Мало того: уже послѣ перехода продовольственной части въ вѣдѣніе Комитета,—Управа Благочинія вытребовала изъ Казенной Палаты, на прокормленіе арестантовъ, 10,000 р., и, когда Комитетъ обратился въ Палату за деньгами же,—она не додала ему 5,000 р., причитавшихся по числу арестантовъ, довольствовавшихся Комитетомъ, а посовѣтовала ему получить эту сумму отъ Управы; послѣдняя же увѣдомила Комитетъ, что „изъ 10,000 р. она уже издержала болѣе 7,000 р. на *разные* расходы по продовольствію арестантовъ“ и потому возвращать ей, дескать, нечего. Комитетъ тщетно задавалъ, разнымъ властямъ, одинъ и тотъ же вопросъ: откуда и какимъ способомъ долженъ онъ возмѣстить свою затрату въ 5,000 р.? Наконецъ Генералъ-Губернаторъ разрѣшилъ этотъ вопросъ тѣмъ, что онъ „приказалъ Управѣ больше денегъ не отпускать, сколь для избѣжанія напрасной съ нею переписки, столь-же и для того, чтобы отчетность въ суммахъ могла имѣть болѣе ясности и порядка, по ходу дѣлъ“ (1 декабря 1827 года). Комитетъ, согласившись съ отвѣтомъ, что съ Управы „взятки—гладки“—отступился отъ 5,000 р., а чтобы такая оказія не повторилась, просилъ Палату „кормовыхъ, на арестантовъ, денегъ не отпускать никому, кромѣ какъ Казначею и Члену Комитета В. Р. Гайнаму“.

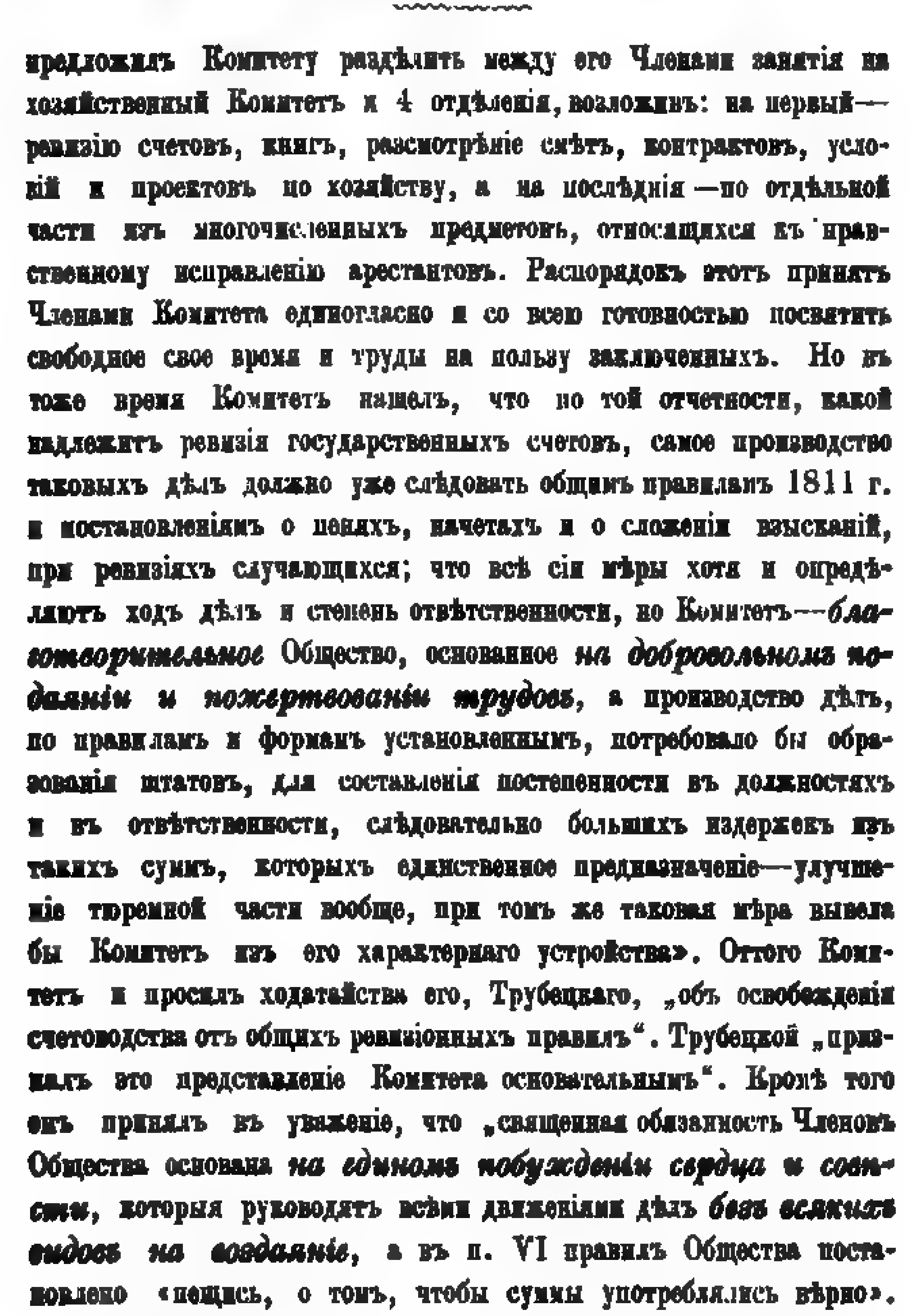
Организація продовольственной части на новыхъ, честныхъ началахъ, стоила Комитету вообще много денегъ, времени и усилій. За то онъ и показалъ блестящіе плоды: состоявшая изъ Членовъ: Кол. Сов. Рейнерса, В. Р. Гайнама и В. Веннига Коммиссія, въ теченіи года старательно занимавшаяся этою операціею,—сберегла 19,701 р. 14 к. Комитетъ, во главѣ съ Трубецкимъ, торжествовалъ и, чтобы упрочить этотъ новый порядокъ—Трубецкой опять доложилъ о немъ Государю. Государь, удивленный значительностью экономіи—потребовалъ справку о мате-

ріальномъ благосостояніи самихъ Членовъ Коммиссіи, а узнавъ, что Веннигъ располагалъ хорошими средствами, а Реймерсъ и Гайнамъ—жили скромнымъ содержаніемъ, пожаловалъ: первому бриллiантовый перстень въ 2,500 р., а послѣднимъ—по 2,000 руб. ассигн. изъ Кабинета Его Величества, за „весьма полезную и безкорыстную общественную ихъ дѣятельность". Точно также и въ слѣдующемъ году съэкономили: Надворный Совѣтникъ Мейеръ и Гайнамъ—17,555 р. 43 к., за что оба получили въ награду также по 2,000 руб. ассигн.

На сбереженный капиталъ Комитетъ устроилъ, въ Замкѣ, водопроводы, а возможность слѣдовать и дальше въ томъ же направленіи, т. е. увеличивать экономію, побудила Трубецкаго поручить хозяйственной Коммиссіи *) обсудить: не цѣлесообразнѣе ли будетъ перевести на Комитетъ и отопленіе, освѣщеніе и прочее содержаніе тюремныхъ зданій? Коммиссія посредствомъ собранныхъ свѣдѣній и произведенныхъ вычисленій—рѣшила вопросъ утвердительно, да еще прибавила, что это, по ея мнѣнію, „даже необходимо, для правильнаго содержанія зданій, расходованія суммъ, а главное для того, чтобы арестанты не роптали, а администрація занималась бы исключительно тюремною полицейскою службою". Раздѣляя это мнѣніе Трубецкой испросилъ (20 января 1829 г.) Высочайшее соизволеніе и на это нововведеніе.

Озабочиваясь всестороннимъ улучшеніемъ тюремъ и ощущая недостатокъ въ денежныхъ средствахъ, Трубецкой: сперва—получилъ Высочайшее одобреніе на предоставленіе въ распоряженіе Общества *всѣхъ остатковъ* отъ отпускаемыхъ изъ казны и городскихъ суммъ, а потомъ—представилъ Государю «записку», въ которой изложилъ, что «желая оправдать вниманіе и довѣренность къ попечительному о тюрьмахъ Обществу, онъ, Трубецкой, сообразуясь съ правилами Общества, для успѣшнѣйшаго достиженія возможнаго, въ дѣлѣ попеченія о заключенныхъ, совершенства,

*) Она состояла изъ Членовъ: В. П. Никитина, Кулавина, Круглова и *Перра*.

предложилъ Комитету раздѣлить между его Членами занятія на хозяйственный Комитетъ и 4 отдѣленія, возложивъ: на первый—ревизію счетовъ, книгъ, разсмотрѣніе смѣтъ, контрактовъ, условій и проектовъ по хозяйству, а на послѣднія—по отдѣльной части изъ многочисленныхъ предметовъ, относящихся къ нравственному исправленію арестантовъ. Распорядокъ этотъ принятъ Членами Комитета единогласно и со всею готовностью посвятить свободное свое время и труды на пользу заключенныхъ. Но въ тоже время Комитетъ нашелъ, что по той отчетности, какой надлежитъ ревизія государственныхъ счетовъ, самое производство таковыхъ дѣлъ должно уже слѣдовать общимъ правиламъ 1811 г. и постановленіямъ о пеняхъ, начетахъ и о сложеніи взысканій, при ревизіяхъ случающихся; что всѣ сіи мѣры хотя и опредѣляютъ ходъ дѣлъ и степень отвѣтственности, но Комитетъ—*благотворительное* Общество, основанное *на добровольномъ подаяніи и пожертвованіи трудовъ*, а производство дѣлъ, по правиламъ и формамъ установленнымъ, потребовало бы образованія штатовъ, для составленія постепенности въ должностяхъ и въ отвѣтственности, слѣдовательно большихъ издержекъ изъ такихъ суммъ, которыхъ единственное предназначеніе—улучшеніе тюремной части вообще, при томъ же таковая мѣра вывела бы Комитетъ изъ его характернаго устройства». Оттого Комитетъ и просилъ ходатайства его, Трубецкаго, „объ освобожденіи счетоводства отъ общихъ ревизіонныхъ правилъ". Трубецкой „призналъ это представленіе Комитета основательнымъ". Кромѣ того онъ принялъ въ уваженіе, что „священная обязанность Членовъ Общества основана *на единомъ побужденіи сердца и совѣсти*, которыя руководятъ всѣми движеніями дѣлъ *безъ всякихъ видовъ на воздаяніе*, а въ п. VI правилъ Общества постановлено «пещись, о томъ, чтобы суммы употреблялись вѣрно».

Трубецкой, и испрашивалъ соизволенія Государя: 1) чтобы, „не распространять правилъ общей ревизіи на Комитетъ, по примѣру Кабинета Его Величества, воспитательныхъ домовъ

и другихъ благотворительныхъ учрежденій; 2) чтобы ограничить отчеты по суммамъ, Комитету ввѣреннымъ, показаніемъ ихъ прихода, расхода и остатка къ будущему году, съ доведеніемъ о томъ до Высочайшаго свѣдѣнія въ годовыхъ отчетахъ Общества и 3) чтобы цѣлость суммъ, бережливость въ расходахъ, вѣрность въ выдачахъ и ревизію ихъ—возложить на попеченіе самого Комитета, который по VII п. правилъ, вправѣ дѣлать распоряженія для каждой части предпринимаемаго дѣла и перемѣнять свои постановленія по времени, когда признаетъ это нужнымъ". Записка эта по разсмотрѣніи ея Государственнымъ Контролеромъ и Комитетомъ Министровъ, согласившимися съ ея содержаніемъ, была Высочайше утверждена *) (29 мая 1829 года), т. е. отъ представленія подробной отчетности былъ избавленъ только петербургскій Комитетъ, какъ центральный и, по личному составу—коротко извѣстный Трубецкому, который по своему безпристрастію не рѣшился освободить отъ Государственной ревизіи провинціальные Комитеты.

Читатели помнятъ, надѣемся, изъ предшествовавшихъ главъ, что Обществу ввѣрено было, по правиламъ 1819 г., лишь моральная сторона заключенныхъ. Между тѣмъ 9-лѣтняя его дѣятельность привела его, вслѣдствіе усиленнаго радѣнія объ интересахъ заключенныхъ—и къ полному управленію тюремнымъ хозяйствомъ. Такъ что только опредѣленіе и увольненіе тюремныхъ смотрителей и ихъ помощниковъ осталось, по прежнему, въ исключительной зависимости Генералъ-Губернатора. Трубецкой и Комитетъ не добивались непосредственнаго подчиненія себѣ тюремной администраціи собственно потому, что смотрѣли на эту администрацію какъ на арестантскій караулъ, да и были увѣрены, что коль скоро кто нибудь изъ персонала этой администраціи окажется окончательно не соотвѣтствующимъ назначенію, то его всегда легко будетъ смѣнить. Взглядъ этотъ былъ,

*) *Законъ этотъ дѣйствуетъ и по нынѣ.*

однако, ошибоченъ, а эта ошибка давала себя чувствовать Комитету во многихъ случаяхъ и въ старину, хотя Комитетъ стоялъ тогда на высотѣ своего призванія.

Такъ, едва Комитетъ началъ завѣдывать зданіями, какъ (въ мартѣ 1829 г.) смотритель замка Шубертъ уже жаловался на то, что хозяйственная коммиссія (изъ Членовъ Комитета) „усчитываетъ: его и его помощниковъ—въ свѣчахъ, а служителей—въ дровахъ, отчего въ камерахъ холодно, темно и арестанты недовольны; что печки дымятся, а трубочистъ ему не подчиняется“. Жалоба эта, по ея провѣркѣ, ни въ чемъ не подтвердилась; тѣмъ не менѣе Комитетъ поручилъ: коммиссіи — удовлетворять всѣ *правильныя* просьбы Шуберта, а ему—со всѣми нуждами обращаться къ коммиссіи; если же она въ чемъ либо не уважитъ его *справедливыхъ* домогательствъ—заявлять Комитету. Не смотря, однако, на это безпристрастное отношеніе Комитета къ дѣлу, Шубертъ предпочелъ адресоваться въ Думу за *деньгами* на пилы, топоры и проч. мелочи; когда же Дума не дала ему денегъ—просилъ ихъ у Комитета, при чемъ настойчиво доказывалъ ему, что распоряжаться содержаніемъ зданія долженъ онъ, смотритель, а не коммиссія. Комитетъ снабдилъ его копіями съ Высочайшихъ повелѣній, объ изъятіи изъ его вѣдѣнія хозяйственной части, всецѣло перешедшей въ Комитетъ, предварялъ его, чтобы *денегъ* ни откуда не домогался, а за вещами и матеріалами относился бы въ коммиссію. Покамѣстъ Комитетъ полемизировалъ съ Шубертомъ,—смотритель городской тюрьмы Ключаревъ какъ-то умудрился получить именно изъ Думы и на содержаніе зданія 3.000 р. Трубецкой, согласно заявленію Комитета, что Ключаревъ не отдаетъ денегъ, сообщилъ о его поступкѣ Генералъ-Губернатору, который отозвался, что Ключаревъ уже „растратилъ большую половину ошибочно выданныхъ ему денегъ и не имѣетъ никакихъ средствъ пополнить ихъ“. Комитетъ и отъ этой суммы отступился, благо коммиссія сэкономила въ первый же годъ отъ однѣхъ дровъ 8.322 р. 45 к. Мало того, чтобы

смотрителя лучше служили и перестали обижаться на лишеніе ихъ доходовъ,—Комитетъ прибавилъ имъ отъ себя жалованья по 740 р. въ годъ (12 іюля 1830 г.).

Въ то-же время, желая, чтобы и въ Комитетѣ хозяйство велось безукоризненно,—Трубецкой утвердилъ, въ томъ же году особыя, въ 44 пункта, контрольныя правила. По этимъ правиламъ ревизія всей денежной и матеріальной отчетности возлагалась на избранныхъ Членовъ; они же по долгу *чести* и *совѣсти* обязывались заниматься дѣломъ безпристрастно, нелицепріятно и аккуратно, а обо всемъ замѣченномъ — безотлагательно заявлять Комитету и президенту, для дальнѣйшихъ распоряженій *). Правилами предусматривались сроки, формы отчетности и многія другія подробности.

Очерченная нами новая система веденія тюремнаго хозяйства въ Петербургѣ, постепенно такъ привилась и нравилась всѣмъ, что на этомъ основаніи 12 января 1834 года Высочайше предоставлено было и Московскому Комитету всѣ остатки отъ всѣхъ суммъ, Комитету отпускавшихся на прокормленіе арестантовъ и содержаніе зданій, — обращать въ экономическій его капиталъ. Замѣчательно, между тѣмъ, представляется то обстоятельство, что ни благоволѣніе Государя къ плодотворной дѣятельности Комитета, ни вліяніе въ высшихъ сферахъ Трубецкаго, не примиряли тюремной администраціи съ Комитетомъ,—именно по одной хозяйственной части. Такъ, смотритель замка Соколовъ жаловался Комитету на наблюдавшаго за водопроводными машинами крестьянина Кузьмина за то, что онъ „грубитъ и проноситъ пустяшныя записки арестантовъ ихъ родственникамъ на волю", почему просилъ „назначенія водопроводнымъ мастеромъ человѣка *благороднаго* и по контракту, копіею съ котораго снабдить его, чтобы онъ зналъ какъ поступать съ водопроводною конторою". Комитетъ отвѣтилъ ему, что „наблюдать за образомъ дѣйствій всѣхъ, по найму Ко-

---

*) *Въ указанномъ смыслѣ* контроль существуетъ по настоящее время.

митета служащихъ, по отношенію къ арестантамъ,—прямая его, смотрителя, обязанность и о замѣченныхъ имъ со стороны кого либо изъ этихъ лицъ нарушеніяхъ тюремныхъ правилъ,—онъ долженъ доносить Комитету, ибо онъ „не потерпитъ ни чьихъ безпорядковъ и своеволій; что же касается водопроводной конторы и контрактовъ съ нею, то эти предметы до него не относятся“. (6 іюня 1835 г.). Смотритель временно успокоился, но потомъ принялся притѣснять поставщиковъ: провизіи, дровъ, наконецъ мусорщика. Послѣдній, не стерпѣвъ—пожаловался Комитету на „вымогательство отъ него смотрителемъ денегъ“. Комитетъ разобралъ жалобу, дознался въ ея справедливости и настоялъ на взысканіи со смотрителя (19 января 1837 г.).

Систематическая придирчивость смотрителей къ поставщикамъ послужила основаніемъ къ организаціи замѣнившимъ умершаго Трубецкаго въ должности Президента (27 февраля 1841 года) графомъ А. Х. Бенкендорфомъ *) особой коммиссіи (изъ Членовъ Комитетовъ: тюремнаго и для разбора и призрѣнія нищихъ), для посредничества между хозяйственною коммиссіею, подрядчиками и тюремною администраціею, всячески стремившеюся вредить дѣлу (7 мая 1841 г.), которое на столько, впрочемъ, процвѣтало, что по представительству Бенкендорфа 12 іюля 1843 г. состоялся законъ о распространеніи правъ столичныхъ комитетовъ на экономическіе остатки—и на всѣ провинціальные комитеты. Мало того: Правительство такъ твердо довѣряло честности Комитетовъ, что какъ скоро узнало, что нѣкоторые Комитеты изъ нежеланія вести пререканія съ администраціей—уступили ей хозяйственную часть,—Сенатъ, въ 1844 г., издалъ указъ о томъ, чтобы хозяйство вѣдали не только губернскіе Комитеты, но и уѣздныя отдѣленія, подъ руководствомъ губернскихъ Комитетовъ.

Этотъ указъ Сената опять породилъ забытыя было уже неурядицы характернаго свойства. Ямбургскій и Новоладожскій го-

---

*) Быв. Шефомъ *Жандармовъ*.

родничіе отказались передать мѣстнымъ отдѣленіямъ деньги на содержаніе зданій и отчетность въ ихъ израсходованіи, а продолжали хозяйничать по старому. Петербургскій Комитетъ, по донесеніямъ этихъ отдѣленій, цѣлый годъ велъ съ администраціею, по этому предмету, переписку, покуда администрація принудила городничихъ исполнять указъ; относительно же отпущенныхъ имъ денегъ и отчетности, споръ кончился по пословицѣ „на нѣтъ и суда нѣтъ“. Лишь о растратѣ Шлиссельбургскою полиціею арестантскихъ кормовыхъ денегъ и объ употребленіи арестантовъ на даровыя работы, Комитетъ выигралъ дѣло чрезъ 2½ года спустя (10 декабря 1844 г., 24 февраля 1845 г. и 18 января 1846 г.).

За то въ слѣдующемъ 1847 г. смотритель столичнаго замка Абариновъ заявилъ Комитету, что „арестанты сѣтуютъ иногда на пищу и на квасъ; коммиссія же, завѣдывающая тюремнымъ хозяйствомъ, хотя и состоитъ изъ 4-хъ лицъ, но имъ, лицамъ *почетнымъ*, вовсе не подобаетъ заниматься мелочными хозяйственными дѣлами, „а тѣмъ болѣе унимать арестантовъ“, тогда какъ все это, увѣрялъ Абариновъ, могу легко исполнять, потому что „претендующихъ, часто ложно, арестантовъ буду тотчасъ же наказывать“. Въ силу этихъ соображеній Абариновъ просилъ Комитетъ снабдить его „копіями съ котрактовъ съ поставщиками, да предоставить ему: пріемъ отъ нихъ съѣстныхъ припасовъ, отопленія, освѣщенія, учетъ этихъ и подаянныхъ предметовъ; выдачу подрядчикамъ квитанцій въ исправномъ доставленіи матеріаловъ, дабы только по этимъ квитанціямъ они могли получать отъ Комитета деньги; ремонтъ камеръ, очистку нечистотъ, стирку бѣлья; наконецъ и избраніе нанимаемыхъ Комитетомъ приставниковъ“. Тогда только, заключалъ Абариновъ свой рапортъ, Комитетъ и избавится отъ всякихъ хлопотъ и дрязгъ. Комитетъ понялъ, что Абаринову нужны доходы и отвергъ его услуги, а предложилъ: ему—исполнять спеціальныя свои обязан*занности; а* тюремнымъ докторамъ и караульнымъ офицерамъ-

ежедневно присутствовать при пріемѣ экономомъ провизіи, повѣрять ея количество и качество, пробовать пищу и дѣлать обо всемъ соотвѣтственныя отмѣтки въ книгахъ, которыя представлять коммиссіи, а ею два разъ въ мѣсяцъ Комитету, для разсмотрѣнія. Абариновъ всѣмъ этимъ не удовольствовался, а чрезъ Оберъ-Полиціймейстера ходатайствовалъ о зачисленіи его Членомъ Комитета, съ назначеніемъ въ составъ хозяйственной коммиссіи, потому что, по мнѣнію его, поддержанному и Оберъ-Полиціймейстеромъ, онъ, „соединивъ въ себѣ званіе смотрителя и хозяина—принесетъ существенную пользу", —кому? не договорилъ, вѣроятно, изъ скромности. Комитетъ извѣстилъ Оберъ-Полиціймейстера, что никакой пользы ни казнѣ, ни арестантамъ въ членствѣ Абаринова не признаетъ, а напротивъ видитъ въ его домогательствѣ вредъ: онъ будтъ обижать арестантовъ (7 мая 1847 г.).

Точно также взглянулъ на стремленіе Абаринова и ему подобныхъ смотрителей захватить въ свои руки тюремное хозяйство и шестой Президентъ, графъ А. Ф. Орловъ *) (за смертію Бенкендорфа онъ былъ назначенъ Президентомъ 27 октября 1844 г.). Онъ циркулярно предложилъ всѣмъ Комитетамъ отнюдь не допускать смотрителей не только къ самостоятельному завѣдыванію хозяйствомъ, но даже и къ участію вмѣстѣ съ Членами Комитета, ибо *„не совмѣстно вѣрять смотрителямъ, властвующимъ надъ арестантами, распоряженіе матеріальнымъ ихъ благосостояніемъ:* они могутъ *заглушать* всякія претензіи арестантовъ". При этомъ Орловъ напоминалъ Комитетамъ, что управлять хозяйствомъ должны вездѣ непремѣнно коммиссіи изъ Членовъ Комитета, чрезъ подвѣдомственныхъ коммиссіямъ экономовъ опредѣляемыхъ, и увольняемыхъ Комитетами, не состоящихъ на казенной службѣ" (18 мая 1847 г.).

Съ своей стороны Абариновъ, разсерженный постигшею его неудачею—принялся возстановлять противъ эконома и Комитета

*) Былъ Шефомъ жандармовъ.

арестантовъ и устраивать всевозможныя каверзы. Онъ вдругъ, напр., отказался удостовѣрять численность арестантовъ, для полученія слѣдовавшихъ на нихъ отъ казны кормовыхъ денегъ, собственно потому, что самому ему „некогда повѣрять, а свободныхъ, для этого, писарей у него нѣтъ“. Послѣ тщетныхъ настояній, чтобы Абариновъ не уклонялся отъ служебныхъ обязанностей,—Комитетъ предоставилъ завѣрять списки самой Коммиссіи (18 октября 1847 г.), а объ упорствѣ Абаринова сообщилъ Генералъ-Губернатору.

Безуспѣшно старались завладѣть хозяйствомъ тюремъ смотрителя только въ столицахъ и исключительно потому, кажется, что Предсѣдателями этихъ двухъ Комитетовъ были всегда: въ Москвѣ—Генералъ-Губернаторъ, а въ Петербургѣ—лица, къ администраціи не причастныя, тогда какъ Предсѣдателями Губернскихъ Комитетовъ состояли и досалѣ состоятъ Губернаторы, непосредственные начальники городской и тюремной полиціи, которая умѣла представлять имъ лишь казовую сторону своихъ дѣйствій. Члены же мѣстныхъ Комитетовъ стѣснялись входить въ пререканія съ Губернаторами, изъ самосохраненія, по пословицѣ „съ сильнымъ не борись“. Вотъ причина, почему хозяйства нѣкоторыхъ тюремъ исподволь оказывались въ распоряженіи смотрителей. Сенаторы, ревизовавшіе губерніи и передали объ этомъ седьмому Президенту С. С. Ланскому, *) а онъ, какъ и его предмѣстникъ, счелъ это такимъ важнымъ отступленіемъ отъ закона и порядка, что оповѣстилъ объ этомъ, 20 сентября 1858 года, циркулярно, всѣ Комитеты, прибавивъ при томъ, что вслѣдствіе „нахожденія хозяйства въ рукахъ смотрителей, ощущается вездѣ недостатокъ въ бѣльѣ, арестанты рѣдко водятся въ баню и не занимаются работами, а Комитеты ограничиваются перепискою, да веденіемъ, формально, отчетности“. Ланской и предлагалъ Комитетамъ „исполнять возложенныя на нихъ обязанности не на

*) Былъ: сперва—только Президентомъ, съ званіемъ Сенатора, а потомъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ; умеръ же графомъ.

словахъ только, а на *самомъ дѣлѣ, по долгу совѣсти*", Вице-Президентамъ же, председательствовавшимъ въ Комитетахъ, т. е. Губернаторамъ, рекомендовалъ, „наблюдать за порядкомъ, *собственнымъ примѣромъ* возбуждать въ Директорахъ усердіе къ дѣлу, съ которымъ *сопряжено нравственное состояніе народа*".

Вопросъ о возвышеніи „нравственнаго состоянія народа", т. е. объ освобожденіи его отъ крѣпостной зависимости, разрѣшился въ 1861 г., а съ 1862 г. возникла и постепенно въ одномъ направленіи созрѣвала мысль о тюремной реформѣ, съ порученіемъ *хозяйства тюремной администраціи*. Оттого вопросомъ о томъ, кто именно въ дѣйствительности управляетъ тюремнымъ хозяйствомъ, мало по малу перестали интересоваться. Такъ, что вслѣдствіе помянутой идеи, упадка дѣятельности Комитетовъ (объ этомъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ) и большаго удобства для Губернаторовъ—председателей Комитетовъ возлагать обязанности хозяевъ на смотрителей, эта часть въ очень многихъ губерніяхъ перешла въ вѣдѣніе послѣднихъ.

Лишь Петербургскій Комитетъ продолжалъ держаться завѣщанныхъ ему традицій и закона и хозяйничать въ тюрьмахъ, по мѣрѣ ослабѣвавшихъ уже его силъ. Вотъ, въ подкрѣпленіе нашихъ словъ факты.

О цѣлесообразномъ продовольствіи арестантовъ, о доброкачественности пищи, о свидѣтельствованіи ее ежедневно Директорами, караульными офицерами и докторами, съ удостовѣреніемъ въ книгахъ —Комитетъ заботился постоянно (22 февраля 1852 г., 8 марта 1856 г., 7 марта 1857 г., 24 января 1859 г., 10 ноября 1862 г), а при появленіи цынготной болѣзни, между арестантами, разрѣшилъ приготовлять имъ улучшенную пищу (25 іюля 1859 г. и 7 іюня 1858 г.). Тѣмъ кто имѣлъ собственныя деньги, дозволялъ покупать чай у сбитеньщика, съ платою по 1 к. за стаканъ; тѣмъ же изъ нихъ, которые не въ состояніи были пріобрѣтать чай покупкою, предоставлялъ его на счетъ эконо

ніи, которая образовывалась отъ употребленія поступающихъ подаяній сырыми съѣстными припасами, въ пищу арестантамъ, взамѣнъ казенной порціи. (19 сентября 1853 г., 29 марта 1862 г.). Благородныхъ Комитетъ кормилъ всегда лучше простолюдиновъ; пищу благородныхъ предоставлялъ, за хорошее поведеніе, и иностранцамъ, почетнымъ гражданамъ и купцамъ (24 марта 1864 г.). Наконецъ арестантамъ изъ евреевъ вмѣсто пищи натурою, выдавалъ кормовыя деньги, въ томъ же порядкѣ, какъ и арестантамъ привилегированнаго сословія (21 декабря 1864 г.).

Обѣдали и ужинали арестанты издавна въ общей столовой. Въ числѣ помощниковъ смотрителя Замка былъ особенно ненавистный арестантамъ за придирчивость къ нимъ. Выходя, однажды изъ столовой они побили его. Это дошло до свѣдѣнія Генералъ-Губернатора и онъ предложилъ Комитету кормить арестантовъ въ жилыхъ ихъ камерахъ, мотивируя свое предложеніе тѣмъ, что „обѣдаютъ арестанты сразу до 300 человѣкъ, почему люди испорченной нравственности и закоренѣлые въ порокахъ, соединенные въ столовой,—устраиваютъ стачки, вредно вліяютъ на прочихъ, а это опасно для благочинія". Коммиссія, завѣдывавшая хозяйствомъ Замка (изъ 4-хъ Директоровъ) возразила, что никогда и нигдѣ не было такой тишины, какъ въ общей столовой, не взирая на то, что въ ней обѣдаютъ по 250 человѣкъ; происходитъ же тишина отъ того, что во время обѣда и ужина вслухъ читается Св. писаніе, да присутствуютъ караульные офицеры и конвойные солдаты; что устроить стачки немыслимо: сговариваться могутъ въ мастерскихъ, при пилкѣ дровъ, при мытьѣ бѣлья въ прачешной, при прогулкахъ на дворѣ и даже въ камерахъ; разносить пищу по четыремъ этажамъ огромнаго зданія, трудно, неудобно: оно будетъ простывать, да и на заведеніе различной мелкой посуды потребуется значительный расходъ, тогда какъ въ столовой, рядомъ съ кухнею, все отлично приспособлено. Комитетъ согласился съ коммиссіею (23 іюня 1864 г.), но вслѣдъ затѣмъ

предсѣдательствовавшій въ Комитетѣ А. А. Волоцкой уже безъ вѣдома Комитета обратилъ столовую въ мастерскую, чтобъ исполнить желаніе Генералъ-Губернатора *).

Въ надеждѣ на добросовѣстность Комитетовъ правительство ни табели о количествѣ матеріаловъ, потребныхъ на одежду и бѣлье для *мѣстныхъ* арестантовъ—не издавало, ни сроковъ, какіе вещи должны были носиться — не установляло, а предоставило Комитетамъ тратить, на этотъ предметъ, на счетъ казны, ежегодно столько денегъ, сколько понадобится. (Такъ дѣлается и до сихъ поръ). Обмундировочная часть окончательно перешла въ вѣдѣніе Петербургскаго Комитета въ 1834 г. Изъ опыта нѣсколькихъ лѣтъ Комитетъ вывелъ заключеніе, что на вещи для *мѣстныхъ* арестантовъ и арестантокъ достаточно по 2.170 р. въ годъ. Эту-то сумму онъ и получалъ до 1859 г. а тогда, вслѣдствіе значительнаго вздорожанія матеріаловъ и увеличенія числа арестованныхъ, прибавили еще по 3.000 р.; причемъ удѣлялось собственно на арестантокъ четвертая часть—но 2.992 р. 50 к. Изъ этихъ источниковъ мужской и дамскій Комитеты заготовляли новыя, чинили рвавшіяся вещи, да еще сберегали остатки, которые употребляли на неположенныя отъ казны постельныя принадлежности и проч.

Со введеніемъ, въ 1863 г., по Россіи единства кассы, Петербургская Казенная Палата затруднилась отпустить Комитету, на 1865 г., 5.170 р., а предварительно спросила Контрольную Палату: можно ли держаться прежняго, долголѣтіями практиковавшагося порядка? Контрольная Палата отозвалась, что на „основаніи 161 ст. правилъ новаго счетоводства

*) Въ 1873 г. просили дозволенія открыть столовую, но это было отклонено до „болѣе удобнаго времени", которое наступило едва въ 1875 г., когда въ Замкѣ сосредоточили одних осужденныхъ въ исправительное отдѣленіе (арестантскую роту), но въ 1877 г., столовую опять закрыли, вслѣдствіе происшедшаго безпорядка, причемъ арестанты до сихъ поръ ѣдятъ въ камерахъ, хотя пища отъ разноски по этажамъ и простываетъ, портится.

при производствѣ подобныхъ расходовъ слѣдуетъ прилагать оправдательными документами: а) контракты, заключаемые Комитетомъ съ подрядчиками на поставку вещей; б) талонъ квитанціи Казначейства, во взносѣ контрагентами залоговъ на принятый или на себя подрядъ; в) торговые листы, разсчеты съ подрядчиками и квитанціи пріемщиковъ вещей, съ указаніемъ, согласно 1952 ст. 1 ч. X т., времени пріема вещей и нумеровъ статей матеріальныхъ книгъ, въ которыхъ принятые предметы записаны на приходъ". Казенная Палата отказалась выдать, Комитету, деньги, до тѣхъ поръ, покуда онъ не исполнитъ всѣ перечисленныя формальности (9 марта и 26 апрѣля 1865 г.). Отказъ этотъ былъ совершенно неправильный: установленныя закономъ (1 п. 84, примѣч. къ 91, 113 и 114 ст. Уст. о содерж. подъ стр. т. XIV Св. Зак., изд. 1857 г.) привилегія Комитета получать на одежду и бѣлье именно *деньгами* счетными правилами не отмѣнялись, слѣдовательно Комитетъ могъ оспорить взглядъ Палатъ, но беззащитное, а отсюда и апатичное его положеніе заставило его подчиниться Палатамъ. И что же? Искусственное повышеніе являвшимися на торги, цѣнъ на матеріалы, ихъ стачки и долгое затѣмъ ожиданіе контрагентами удовлетворенія, покамѣсть оправдательные документы пересылались по инстанціямъ—сдѣлали то, что казна заплатила за первый же 1865 г. болѣе 9.000 р., а съ послѣдующихъ годовъ цифры прогрессивно все увеличивались и доходили до 15.000 р. въ годъ! Такимъ образомъ ради мертвой, бумажной формальности казна несетъ и по нынѣ ежегодно значительные убытки, а Комитеты не только лишились ежегодныхъ прежнихъ до 1.000 р. остатковъ отъ заготовки вещей, но еще и чинятъ ихъ на свой счетъ, потому что казна не принимаетъ этого расхода.

Въ тоже время казенное, комитетское и собственное арестантское въ тюрьмахъ имущество издавна постоянно подвергалось порчѣ и утрачивалось, не смотря на то, что во первыхъ—выносить что либо на волю всегда строго возбранялось, а

слѣдить за этимъ обязывалась стража, обыскивавшая выходящихъ изъ тюремныхъ воротъ, во вторыхъ—разрѣшенія выпустить вещи за ворота зависѣли исключительно отъ смотрителей; въ третьихъ—принимались отъ эконома и сдавались ему вещи надзирателями, подчиненными смотрителямъ. Всѣ эти предусмотрѣнныя предосторожности ничуть не вліяли на сбереженіе имущества, и препираніями объ этомъ можно наполнить сотни страницъ. Чтобы не утомлять читателей однообразіемъ этихъ фактовъ приводимъ, на выдержку, лишь нѣсколько изъ нихъ, для характеристики предмета. Въ 1840 г. три бывшіе арестанта просили Комитетъ заплатить имъ 300 р. за отобранныя у нихъ смотрителемъ, при поступленіи ихъ подъ стражу, но не возвращенныя имъ, впослѣдствіи, собственныя ихъ вещи. Смотритель подтвердилъ жалобу освобожденныхъ, но оправдался тѣмъ, что это случилось вслѣдствіе плохого запора шкафовъ. Ни какія мѣры не устраняли этой неурядицы ни въ 1840-хъ, ни въ 1850-хъ годахъ. Комитетъ и составилъ правила о порядкѣ храненія имущества и отвѣтственности за его цѣлость, между прочими и смотрителей, но Оберъ-Полиціймейстеръ отвергъ отвѣтственность всей администраціи, говоря, что ей некогда заниматься наблюденіемъ за имуществомъ, составляющимъ часть хозяйства, а оно вѣдается, по закону, Комитетомъ. Комитетъ возражалъ, что не можетъ освободить администрацію отъ отвѣтственности, такъ какъ опредѣленіе и увольненіе служителей, надзирателей и часовыхъ, зависитъ отъ смотрителей, сами они по закону обязаны повѣрять вещи на арестантахъ и главные пособники Комитета въ его дѣятельности; кромѣ того они живутъ въ Замкѣ, гдѣ экономъ не имѣетъ ни квартиры, ни власти надъ надзирателями и сторожами. Оберъ-Полиціймейстеръ не внялъ и этимъ доводамъ, а остался при своемъ первоначальномъ мнѣніи, которое восторжествовало на долго (въ 1858 г.).

Систематическое исчезновеніе, ежегодно, всякихъ, на значительныя суммы, вещей, даже такихъ громоздкихъ, какъ, напр.

мѣдные котлы, столярные верстаки, продолжалось, по отсутствію должнаго надзора (въ 1864, 1867, 1870 *), 1873, 1875, 1878 и 1879 гг.), ибо Комитетъ не располагалъ правомъ оштрафовать даже какого-нибудь сторожа!

Комитетъ лишался иногда вещей и оригинальнымъ, впрочемъ, маneромъ. Въ Петербургъ привезли, напр., 170 поляковъ и помѣстили въ Исправительномъ заведеніи, гдѣ не нашлось для нихъ свободныхъ постельныхъ принадлежностей (въ 1864 г.). Такъ какъ онѣ понадобились внезапно, то Генералъ-Губернаторъ приказалъ тотчасъ же взять, по числу поляковъ, постельныя принадлежности, изъ запаса Замка, что и было исполнено, даже безъ вѣдома ихъ собственника — Комитета, которому впослѣдствіи ничего и не возвратили, но онъ покорно перенесъ и этотъ причиненный ему убытокъ на сумму до 4.000 р. **).

Затрудненія правильно вести хозяйство вытекали, надо сознаться, и изъ другихъ причинъ, предпочтительно чисто законодательныхъ. Такъ, со времени первоначальнаго помѣщенія въ Замкѣ арестованныхъ (1827 г.)—почти 30 лѣтъ сряду Комитетъ поручалъ завѣдованіе разнороднымъ и весьма сложнымъ хозяйствомъ коммиссіи изъ 3—4 Директоровъ, которые образовывали коллегію. Затѣмъ, со введеніемъ, въ 1852 г., въ дѣйствіе новыхъ Устава Общества попечительнаго о тюрьмахъ и инструкціи смотрителю Замка, нѣкоторыми статьями Устава и инструкціи права представителей Комитета—директоровъ серьезно съузились: по 88 ст. Уст. *„каждое* мѣсто заключенія поручалось ближайшему надзору *одного* директора“;

---

*) 27 апрѣля 1870 г. Комитетъ образовалъ постоянную финансовую, изъ 4-хъ директоровъ, коммиссію, которая, между прочимъ, обязывалась трижды въ годъ повѣрять все тюремное имущество.

**) Только въ 1879 г. благодаря энергіи Предсѣдателя Комитета Ѳ. И. Смирнаго и согласія Градоначальника рѣшено для пріема и сдачи вещей, опредѣлять особыхъ 3 вахтеровъ, съ подчиненіемъ ихъ, по этой операціи, отвѣтственности исключительно предъ Комитетомъ. Отсюда явилась *надежда* на то, что вещи будутъ цѣлы.

по 149, 280 и 287 пп. инструкціи экономъ Замка ставился лицемъ, управляющимъ хозяйствомъ самостоятельно, подъ наблюденіемъ только директора, съ обязанностію представлять отчеты прямо Комитету. Эти ограниченія круга дѣятельности директоровъ, совмѣстно съ другими обстоятельствами, отъ Комитета преимущественно не зависѣвшими, привели, впослѣдствіи, къ тому, что Комитетъ ввѣрялъ хозяйственную часть эконому, а надзоръ за его дѣйствіями возлагалъ на одного изъ директоровъ, съ естественнымъ, конечно, желаніемъ, чтобы послѣдній направлялъ дѣло благообразно, правильно. Въ этомъ смыслѣ Комитетъ преподалъ, въ 1859 г., директору и эконому краткія правила, для руководства при отправленіи ихъ обязанностей.

Прогрессивныя реформы, слѣдовавшія одна за другою по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, реформы, имѣвшія прямую или косвенную связь и съ тюремнымъ бытомъ (напр. единство кассы, гласное судопроизводство и т. п.), постепенно, между тѣмъ, доказывали несостоятельность веденія хозяйственной части тюремъ *единолично*, на основаніи вышеуказаннаго закона, (онъ остается въ *книгѣ* не отмѣненнымъ и до сихъ поръ). Несостоятельность эта обусловливалась главнымъ образомъ тѣмъ, что экономъ признавалъ себя независимымъ, полнымъ хозяиномъ, а директоръ — безотвѣтственнымъ только *наблюдателемъ*. Да еслибъ это явленіе и устранялось взаимнымъ между обоими соглашеніемъ, и тогда они вдвоемъ физически не могли бы вести дѣло на раціональныхъ началахъ: такъ много нужно положить труда. Ненормальное это явленіе послужило, въ 1871 г., основаніемъ къ образованію въ Комитетѣ, согласно предложенію г. президента *), особой коммиссіи, для составленія проекта положенія объ учрежденіи въ бывшей срочной, нынѣ исправительной, столичной тюрьмѣ, въ видѣ опыта, хозяйственнаго

*) Изъ вице-президента В. Н. Спасскаго, директоровъ: А. П. Озерова, А. В. Бѣлостоцкаго, В. Н. Юферова, Я. И. Утина и В. Н. [illegible].

правленія. Коммиссія, чтобы вывести правильное сужденіе о томъ, какъ устроить хозяйственную часть въ будущемъ,—обратилась къ разсмотрѣнію существовавшаго порядка веденія хозяйства и въ Замкѣ, а замѣтивъ, по указаніямъ В. Н. Никитина, недостатки, пришла къ заключенію въ необходимости учредить во всѣхъ тюрьмахъ коллегіальныя хозяйственныя правленія изъ директоровъ Комитета и смотрителей тюремъ, о чемъ въ мартѣ 1872 года, сообщила предсѣдательствовавшему въ Комитетѣ А. А. Волоцкому, для внесенія этого вопросъ на обсужденіе Комитета; при этомъ коммиссія заявила, что разработку хозяйственныхъ вопросовъ въ подробности принялъ на себя В. Н. Никитинъ.

Вскорѣ послѣ того, въ іюлѣ 1872 г., Комитетъ, вслѣдствіе доклада В. Н. Никитина о безпорядкахъ, происходившихъ въ хозяйственной части Замка, образовалъ, для повѣрки этого доклада, другую коммиссію *), которая подтвердила указанныя въ упомянутомъ докладѣ свѣдѣнія. Оттого, а равно въ виду быстро увеличивавшихся по Замку расходовъ, на покрытіе которыхъ пришлось размѣнять изъ капитала билеты на 20.000 р., Комитетъ призналъ необходимымъ измѣнить систему веденія хозяйства, а потому, 30 октября 1872 года, постановилъ: „поручить завѣдываніе хозяйствомъ Замка нѣсколькимъ директорамъ, которые, осуществляя на практикѣ проектируемое къ учрежденію въ тюрьмахъ хозяйственное правленіе, воспользуются, въ интересахъ дѣла, участіемъ въ занятіяхъ правленія, на правахъ Члена, смотрителя Замка“.

Произведенною, въ засѣданіи Комитета, баллотировкою директоровъ въ составъ Правленія оказались выбранными: въ Предсѣдатели Правленія—Ѳ. Н. Смирной, а въ Члены: князь С. Д. Эристовъ, Ѳ. В. Кривцовъ и В. Н. Никитинъ. Что же

*) Изъ директоровъ О. И. Кииста, А. П. Пятковскаго, Ѳ. В. Кривцова и Н. И. Гвоздова-Головко.

предсѣдательствовавшій въ Комитетѣ А. А. Волоцкой уже безъ вѣдома Комитета обратилъ столовую въ мастерскую, чтобъ исполнить желаніе Генералъ-Губернатора *).

Въ надеждѣ на добросовѣстность Комитетовъ правительство ни табели о количествѣ матеріаловъ, потребныхъ на одежду и бѣлье для *мѣстныхъ* арестантовъ—не издавало, ни сроковъ, какіе вещи должны были носиться — не установляло, а предоставило Комитетамъ тратить, на этотъ предметъ, на счетъ казны, ежегодно столько денегъ, сколько понадобится. (Такъ дѣлается и до сихъ поръ). Обмундировочная часть окончательно перешла въ вѣдѣніе Петербургскаго Комитета въ 1834 г. Изъ опыта нѣсколькихъ лѣтъ Комитетъ вывелъ заключеніе, что на вещи для *мѣстныхъ* арестантовъ и арестантокъ достаточно по 2.170 р. въ годъ. Эту-то сумму онъ и получалъ до 1859 г. а тогда, вслѣдствіе значительнаго вздорожанія матеріаловъ и увеличенія числа арестованныхъ, прибавили еще по 3.000 р.; причемъ удѣлялось собственно на арестантокъ четвертая часть—по 2.992 р. 50 к. Изъ этихъ источниковъ мужской и дамскій Комитеты заготовляли новыя, чинили рвавшіяся вещи, да еще сберегали остатки, которые употребляли на неположенныя отъ казны постельныя принадлежности и проч.

Со введеніемъ, въ 1863 г., по Россіи единства кассы, Петербургская Казенная Палата затруднилась отпустить Комитету, на 1865 г., 5.170 р., а предварительно спросила Контрольную Палату: можно ли держаться прежняго, долголѣтіями практиковавшагося порядка? Контрольная Палата отозвалась, что на „основаніи 161 ст. правилъ новаго счетоводства

*) Въ 1873 г. просили дозволенія открыть столовую, но это было отклонено до „болѣе удобнаго времени“, которое наступило едва въ 1875 г., когда въ Замокъ сосредоточили однихъ осужденныхъ въ исправительное отдѣленіе (арестантскую роту), но въ 1877 г., столовую опять закрыли, вслѣдствіе происшедшаго безпорядка, причемъ арестанты до сихъ поръ ѣдятъ въ камерахъ, хотя пища отъ разноски по этажамъ и простываетъ, портится.

нимъ денегъ подлежали потомъ разсмотрѣнію и утвержденію Правленія въ его засѣданіяхъ; присылаемые подрядчиками припасы, вещи и проч. должны были быть доставляемы въ Замокъ при накладныхъ въ двухъ экземплярахъ, одинъ изъ коихъ, съ роспиской пріемщика, возвращался бы тотчасъ подрядчику, а другой оставался бы въ Правленіи; при требованіи подрядчикомъ денегъ, прилагать накладную съ роспиской, для свѣрки ея съ хранящеюся въ Правленіи накладной; самый пріемъ вещевыхъ и кормовыхъ предметовъ также возложенъ былъ на Членовъ, завѣдывающихъ частями, по принадлежности, а провизіи сверхъ того—въ присутствіи дежурныхъ и медиковъ караульнаго офицера, для удостовѣренія ея качества и количества; при разногласіи же съ подрядчиками, Правленіе обязывалось въ цѣломъ составѣ переосвидѣтельствовать спорный предметъ и рѣшить: удовлетворителенъ онъ, или нѣтъ. Какъ дрова, такъ и сукна, холсты, товары и т. п. предметы въ качественномъ и количественномъ смыслѣ было постановлено повѣрять всему Правленію и о результатѣ составлять, за общею подписью, акты, по которымъ подрядчики могутъ получать изъ Комитета причитающіяся имъ за поставки деньги.

Создавъ себѣ, изложеннымъ способомъ, програму общихъ дѣйствій, Правленіе завело, по каждому предмету, особыя дѣла, счеты, инвентари, перемѣнило весь личный составъ по хозяйственной части, отъ эконома до сторожей включительно, возложило храненіе ключей отъ кладовыхъ и раздачу всякаго рода имущества на эконома, и въ заключеніе всего раздѣлило занятія персонала такъ: предсѣдателю Ѳ. Н. Смирному — однообразное направленіе дѣйствій всего Правленія, переписку по всѣмъ предметамъ, до хозяйства относящимся, пріемъ, храненіе, раздачу, по разрѣшеніямъ Правленія, денегъ и руководство къ тщательному веденію денежной книги и отчетности, а Членамъ: В. Н. Никитину—продовольствіе арестантовъ, надзоръ за исправностью водопроводовъ, посуды, за вѣрнымъ поступленіемъ и

распредѣленіемъ между арестованными припасовъ, жертвуемыхъ частными лицами, и за цѣлостью кружечнаго сбора; Ѳ. В. Кривцову—арестантское обмундированіе, обувь, постельныя принадлежности, бѣлье, шитье и починку таковыхъ, а князю С. Д. Эристову—отопленіе, освѣщеніе Замка, перевозочныя средства и наблюденіе за починкой печей, очисткой дымовыхъ трубъ, нечистотъ, мусора, снѣга.

Вахтеры и ихъ помощники раздѣлены были также по частямъ и подчинены Членамъ. Надзоръ за чистотою и опрятностью въ камерахъ, за соблюденіемъ въ нихъ гигіеническихъ условій Правленіе предположило предоставить смотрителю Замка и старшему врачу больницы, для чего имѣло необходимымъ привлечь ихъ въ Члены Правленія, а до тѣхъ поръ, покуда это состоится, поручило назначеннымъ въ составъ Правленія Директорамъ самимъ обозрѣвать ежедневно камеры Замка. Правленіе завело, наконецъ, журналъ для записыванія всѣхъ подлежавшихъ обсужденію и разрѣшенію въ его засѣданіяхъ вопросовъ по хозяйству.

Такимъ образомъ Правленіе открыло свои дѣйствія 1 ноября 1872 г., а 4 того-же ноября представило Комитету правила для себя и инструкцію для эконома, впослѣдствіи утвержденныя. Хозяйство больницы въ нѣкоторыхъ статьяхъ велось отдѣльно старшимъ врачомъ больницы, но такъ какъ этотъ порядокъ противорѣчилъ общимъ началамъ, принятымъ Правленіемъ для завѣдыванія хозяйствомъ Замка, то Правленіе сочло полезнымъ присоединить эту часть къ Правленію, а старшаго врача больницы пригласить къ участію *во всѣхъ* дѣлахъ Правленія, въ качествѣ Члена, завѣдывающаго хозяйствомъ больницы, на тѣхъ же самыхъ правахъ, какія опредѣлялись для прочихъ Членовъ Правленія, что и утверждено было Комитетомъ того же 15 ноября. Правленіе разработало порядокъ веденія отчетности по больницѣ, для чего ввело журналъ ежедневнаго рецептурнаго расхода, книги: матеріальную, медикаментную, лабораторную, для записки при-

пасовъ, а для повѣрки правильности расхода медикаментныхъ принадлежностей пригласило къ участію специалиста, Директора А. К. Вейнберга.

Смотритель Замка, по существу его обязанностей, долженъ близко знать все, что происходитъ въ замкѣ, какъ для предупрежденія неправильныхъ претензій, легко возникающихъ среди арестантовъ, такъ и для того, чтобы имѣть возможность сознательно отвѣчать посѣтителямъ и начальству на всѣ вопросы о матеріальномъ положеніи заключенныхъ. Отсюда вытекла потребность въ присутствіи смотрителя въ Правленіи на правахъ Члена, безъ специальныхъ впрочемъ, по хозяйству занятій, которыя отвлекли бы его отъ прямыхъ его обязанностей, а чтобы пріобрѣсти въ немъ безпристрастнаго посредника между собою и народонаселеніемъ Замка, посредника, который постоянно посвящался бы *во всю*, безъ исключенія, *гласную для всѣхъ* дѣятельность Правленія. С.-Петербургскій Оберъ-Полиціймейстеръ, непосредственный начальникъ тюремной администраціи, на все это (4 того-же ноября 1872 г.) отвѣтилъ, что привлеченіе смотрителя въ хозяйственное Правленіе Замка представляется неудобнымъ, ибо это несогласно съ началомъ отдѣленія хозяйственной части отъ полицейской, а потому не можетъ согласиться на назначеніе смотрителя Членомъ Правленія. При этомъ онъ присовокупилъ, впрочемъ, что если Правленіе встрѣтитъ надобность въ совѣтахъ или разъясненіахъ смотрителя, то всегда можетъ обратиться къ нему съ увѣренностью, что онъ окажетъ Правленію всевозможное содѣйствіе.

Начало дѣятельности Правленія совпало съ временемъ смѣтъ по содержанію мѣстъ заключеній и заключеніемъ подрядовъ на поставку всѣхъ жизненныхъ припасовъ и матеріаловъ. Правленіе затруднилось высказаться категорически, по отсутствію точныхъ данныхъ за предшествовавшіе послѣдніе годы, а согласило подрядчиковъ сбавить часть денегъ изъ опредѣленныхъ имъ еще до открытія Правленія, да сдѣлало то же самое и по

другимъ статьямъ въ предположеніи, что расходы могли сократиться. Все это было одобрено Комитетомъ и вошло въ смѣту на слѣдующій годъ.

Правленіе передѣлало, насколько казалось возможнымъ, еще не заключенные дотолѣ съ подрядчиками 6 контрактовъ; но какъ они значительно разнились отъ кондицій, по коимъ совершаются торги, то подрядчики, видя, что проектами контрактовъ на нихъ налагались большія, чѣмъ въ кондиціяхъ, обязанности,—отказывались подписать проекты, чрезъ что Правленіе принуждено было во многомъ уступить подрядчикамъ, на сторонѣ которыхъ былъ юридическій Законъ.

Комитетъ, выслушавъ донесеніе коммиссіи, принимавшей имущество Замка, поручилъ Правленію „исправить замѣченныя коммиссіею недостатки“, которые заключались, между прочимъ, въ отсутствіи правильнаго инвентаря имуществу; въ томъ, что верхнее платье имѣлось преимущественно на одинъ средній ростъ; что товаръ на обуви былъ изъ пересохшей кожи, зимнія рамы плохо законопачены, отчего употреблялись на безполезную топку печей лишнія дрова; желѣзныя кровати, деревянныя нары, мѣдная и оловянная посуда оказались поломанными и требовали значительнаго исправленія, или замѣны новыми; фургоны нуждались въ капитальной ихъ ремонтировкѣ; ни описей въ дѣлахъ, ни алфавитовъ бумагамъ не нашлось и т. под. Чтобы знать качество и количество имущества, Члены Правленія лично приняли таковое каждый по своей части, составили всему вѣдомости, пересортировали прдметы на годные, требовавшіе исправленія и негодные къ употребленію, и послѣдняго сорта вещи подвергались освидѣтельствованію всего Правленія; то же самое дѣлалось каждый разъ въ продолженіе всего года. Въ заключеніе всего Правленіе приступило къ веденію хозяйства, распространявшагося по продовольственной части, кромѣ Замка, и на пересыльную тюрьму, причемъ Правленіе, развивая послѣдовательно основныя свои начала, разработывало ихъ насколько могло цѣлыя

годъ. Годичная дѣятельность Правленія изложена въ пространномъ отчетѣ *), извлеченіе изъ котораго было напечатано Комитетомъ въ „Правит. Вѣстникѣ". Это очень назидательное извлеченіе мы и помѣщаемъ здѣсь, въ скоращенномъ видѣ.

О внѣшнемъ и внутреннемъ содержаніи замка, о развозѣ по городу арестованныхъ и проч.

(Частію этою завѣдывали: съ 1 ноября 1872 г. по 14 мая 1873 г. князь С. Д. Эристовъ, а съ 14 мая по 1 ноября Е. Е. Аникинъ).

Освѣщается зданіе на счетъ городскихъ доходовъ (п. 6. ст. 84 Уст. сод. подъ стр.). Деньги на освѣщеніе отпускаются *„въ распоряженіе"* Комитета, по тому количеству освѣтительныхъ матеріаловъ, какое вычислено въ 6—8 п. 1 примѣч. къ 371 ст. Уст. о Земск. Повиннос., по прод. къ IV т. Св. Зак., изд. 1863 года.

Число лампъ, принадлежащихъ освѣщенію въ Замкѣ, въ 1872 году считалость по смѣтѣ того года 213, въ томъ числѣ: горѣвшихъ круглый годъ, собственно ночью — 182 ночью и днемъ—2, а временныхъ, зажигавшихся ежедневно, въ добавокъ къ постояннымъ, съ осени до весны—29. Это самое число лампъ включено и въ смѣту на 1873 годъ. По открытіи дѣйствій Правленія тотчасъ же обнаружился недостатокъ лампъ для освѣщенія отхожихъ мѣстъ, почему Правленіе прибавило: въ ноябрѣ же 1872 года 46 лампъ, а въ августѣ 1873 года два большія фонаря на дворѣ Замка. Опредѣленныхъ часовъ освѣщенія Замка нѣтъ; осѣщается же онъ, по заведенному издавна обычаю, предъ наступленіемъ сумерекъ, а гасятся огни только при полномъ дневномъ уже свѣтѣ; зажигаютъ огонь два ламповщика, но покуда они это дѣлаютъ съ двухъ концовъ огромнаго зданія, истекаетъ по крайней мѣрѣ 2 часа, въ про-

*) Отчеть состовлялъ пишущій эти строки, почему считаетъ себя вправѣ воспользоваться и сдѣланнымъ имъ же „извлеченіемъ".

касается правъ и обязанностей Правленія, то хотя В. Н. Никитинъ и предложилъ Комитету составленный имъ проектъ правилъ, но Комитетъ передалъ проектъ на предварительное обсужденіе организовавшагося Правленія, съ тѣмъ, чтобы оно, по указаніямъ опыта, исправило и представило его на утвержденіе Комитета, а до тѣхъ поръ руководствовалось бы въ своихъ дѣйствіяхъ прежнею инструкціею, преподанною Директору, завѣдывавшему хозяйствомъ Замка.

Тѣмъ временемъ, пока исполняла свое порученіе назначенная Комитетомъ третья комиссія *) для пріема тюремнаго имущества отъ завѣдывавшихъ онымъ эконома и Директора И. А. Хрипова,—лица, составившія Правленіе, занялись изученіемъ положенія хозяйства Замка и вышеуказанныхъ инструкцій Директору и эконому. Обѣ эти инструкціи оказались положительно ни въ чемъ неудобопримѣнимыми на практикѣ. Поэтому Правленіе разработало общія начала, которыя легли бы въ основу будущей его дѣятельности; взамѣнъ многихъ, по разнымъ предметамъ, имѣвшихся книгъ, положило вести только одну общую кассовую книгу и выборку продуктовъ по особой формѣ, потомъ въ правилахъ и инструкціи Правленіе ввело противоположный прежде существовавшему принципъ, что экономъ не хозяинъ, а только *исполнитель* распоряженій Правленія, а оно, въ лицѣ всѣхъ Членовъ—*распорядитель*, отвѣтствующій предъ Комитетомъ за все, въ Замкѣ, по хозяйственной части, совершающееся. Отправляясь отъ этой точки зрѣнія, Правленіе рѣшилось производить расходы не иначе, какъ по подписаннымъ каждымъ Членомъ, по своей части, требованіямъ, на основаніи которыхъ экономъ вправѣ пріобрѣсти необходимый предметъ, а подрядчикъ—доставить матеріалъ; требованія эти, занесенныя, для цѣлости, въ особыя книжки, а равно правильность выдачи по

*) Изъ директоровъ: Н. П. Сабурова, А. П. Пятковскаго и В. П. Поляжаева.

Это очевидно—неправильная раздача керосина была предметомъ сужденія Правленія: сперва, по инициативѣ князя С. Д. Эристова — относительно керосина, сожигающагося вечеромъ при ремесленныхъ занятіяхъ арестантокъ (заработки ихъ поступаютъ цѣликомъ въ распоряженіе дамскаго Тюремнаго Комитета), причемъ старшая надзирательница согласилась вносить за керосинъ въ Правленіе по 3 р. 30 к. въ мѣсяцъ, а потомъ, по предложеніямъ Ѳ. Н. Смирнаго и В. Н. Никитина,—касательно квартиръ администраціи, но вопросъ этотъ ничѣмъ не разрѣшился, вслѣдствіе настоянія администраціи, и двойное освѣщеніе квартиръ сохранилось досель, въ ущербъ средствамъ Комитета: во 1-хъ, изъ нежеланія Правленія возбудить противъ себя неудовольствіе администраціи, что могло бы отразиться на болѣе важныхъ предметахъ его дѣятельности, а во 2-хъ, потому, что Комитетъ допускалъ неумѣстность двойного одновременно освѣщенія и при ограниченныхъ его средствахъ.

На дрова для отопленія Замка отпускаются Комитету деньги, согласно 2—5 пп. вышеозначеннаго закона, также изъ городскихъ доходовъ и также по количеству печей и дровъ, въ указѣ указанныхъ. Нормы о томъ, какое количество дровъ тратится на каждую печь въ Замкѣ, не существуетъ, потому преимущественно, что вслѣдствіе древности зданія, камеры сохраняютъ различную теплоту; помѣщеніе, занимаемое карцерами, столь сыро, что 2 очень большія круглыя печи топились цѣлое лѣто, когда отоплять жилыя камеры не положено; наконецъ и печки— нѣсколькихъ различныхъ конструкцій,—требуютъ разныя количества дровъ, для ихъ топки. Поэтому въ камерахъ повѣшены были градусники, купленные на счетъ Ѳ. Н. Смирнаго, а Правленіе просило смотрителя объявить приставникамъ, что если они будутъ бережливо тратить дрова, то получатъ за то денежное вознагражденіе, по истеченіи года. Не смотря, однакожъ, на это, теплота во многихъ камерахъ доходила часто до 18 градусовъ. *Отсюда ясно*, что просьба и обѣщаніе Правленія не имѣли

успѣха. Хотя дворъ Замка и обширенъ, но въ предупрежденіе могущихъ случиться со стороны арестантовъ безпорядковъ, на дворѣ издавна не позволяется складывать сразу болѣе 50—60 саженъ дровъ, которыхъ нельзя оттого и закупать выгоднѣе. Подрядчики, обязанные на свой счетъ доставлять и складывать дрова по немногу, постоянно выговаривали себѣ цѣны гораздо дороже, нежели съ тѣхъ учрежденій, въ которыя ставили дрова и получали за нихъ деньги тотчасъ по укладкѣ всего заказнаго количества, тогда какъ Комитетъ платитъ деньги по мѣрѣ исполненія договора, каковые были заключены прежде, непрактично: съ января по январь, а не съ весны,—времени начатія сплава дровъ. Лѣтомъ 1872 г. возникало было, согласно предложенію О. И. Квиста, мысль о наймѣ двора и о закупкѣ полнаго количества дровъ, но различныя причины не привели къ желанной цѣли до ноября; подрядчикъ же, воспользовавшись оказавшимся затрудненіемъ, возвысилъ цѣну и, несмотря на многократныя совѣщанія съ нимъ князя С. Д. Эристова, взялъ все-таки по 11 р. 75 к. за сажень дровъ трехполѣнныхъ сосновыхъ пополамъ съ еловыми, тогда какъ въ другія учрежденія поставлялись такія же дрова по 9—10 р. сажень.

Экипажи для развозки по городу какъ арестантовъ, такъ и пищи для нихъ заведены Комитетомъ и содержатся *безъ всякой помощи отъ казны и города, на его исключительно счетъ:* первые—съ 1831, а послѣдніе—съ 1845 г. Въ Правленіи возникалъ вопросъ: стоитъ ли чинить дольше плохіе экипажи, или слѣдуетъ завести новые, причемъ принято было мнѣніе князя С. Д. Эристова о продолженіи чинить. Правленіе, имѣя въ виду, что до открытія онаго починка до крайности расхудавшихся экипажей обходилась, до учрежденія Правленія, очень дорого, оно вызывало, чрезъ газетныя публикаціи, желающихъ взяться ремонтировать экипажи, и охотники нашлись, но желали получить работу оптомъ за *все*, что придется исправлять, да и цѣны *заявляли тоже дорогія.* Правленіе и предоставило эту ра-

боту прінсканному княземъ С. Д. Эристовымъ мастеру, на основаніи домашняго условія, въ которомъ вычислило, по скольку именно слѣдуетъ ему платить какъ за новые, такъ и за починку старыхъ *отдѣльныхъ* предметовъ, составляющихъ принадлежность экипажей. Розничный платежъ за колесо, шину и т. п. былъ на столько выгоднѣе прежняго ремонта, что расходъ уменьшился на значительную сумму.

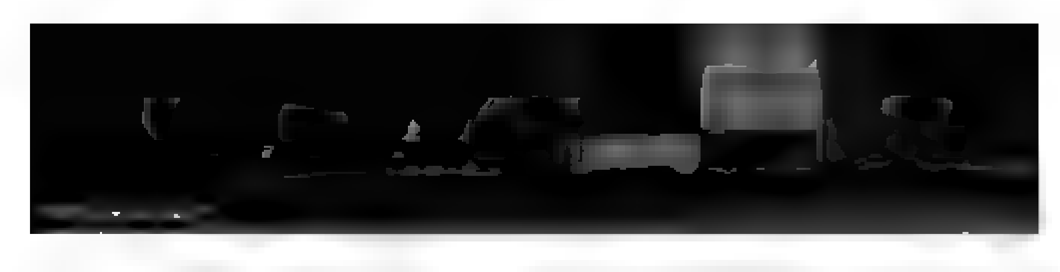
Пища развозится: въ пересыльную тюрьму — ежедневно, а на станціи Московской и Варшавской желѣзныхъ дорогъ — въ дни отправки изъ столицы пересыльныхъ арестантовъ. Приварокъ наливается въ мѣдные котлы, закрываемые плотными крышками; котлы вставляются въ деревянные съ крышками же ящики, обитые снаружи цинковою жестью, и затѣмъ помѣщаются въ глухіе фургоны, въ которыхъ для хлѣба, кваса и соли особыя отдѣленія такъ что пища, развозимая особымъ сторожемъ, за исключеніемъ дней, когда бываютъ сильные морозы, доставляется по назначенію всегда теплою. Каждый фургонъ возитъ одна лошадь. Лошадей и кучеровъ для управленія ими поставляетъ подрядчикъ, обязанный привозти пустые фургоны обратно въ Замокъ тотчасъ по ихъ освобожденіи. До образованія Правленія всѣ вызовы арестантовъ къ суду въ присутственныя мѣста и къ должностнымъ лицамъ обращались къ смотрителю и онъ, судя по числу подлежавшихъ къ отсылкѣ людей, требовалъ ежедневно до 10 лошадей отъ подрядчика, которому выдавалъ, потомъ, ежемѣсячно квитанціи о томъ, сколько лошадей развозило пищу и арестантовъ; съ этими квитанціями подрядчикъ обращался къ завѣдывавшему тюремнымъ хозяйствомъ Директору, а послѣдній отсылалъ квитанціи въ Комитетъ, откуда подрядчику выдавались, сообразно цифрамъ, проставленнымъ въ квитанціяхъ, деньги по 1 р. 50 к. за каждую лошадь, на счетъ *собственныхъ* средствъ Комитета. Требованія на пищу ежедневно поступали отъ смотрителя пересыльной тюрьмы мрано въ Праиленіе, отчего *оно знало о числѣ лошадей*, на это употребленныхъ; о числѣ же

лошадей, развозившихъ арестантовъ по городу, Правленіе, вслѣдствіе наложеннаго порядка, не располагало никакими свѣдѣніями. Вникая въ сущность этого предмета, Ѳ. Н. Смирной обратилъ, прежде всего, вниманіе на неумѣстность развоза на счетъ Комитета по городу малолѣтнихъ арестантовъ, содержавшихся въ больницѣ Св. Николая. Правленіе представило Комитету о прекращеніи развоза названныхъ арестантовъ, ибо больница, пользуясь всѣми остатками отъ содержанія малолѣтнихъ, могла сама нанимать, на счетъ этой экономіи, лошадей. Представленіе это утверждено было Комитетомъ 10 января 1873 г. Потомъ Правленіе задалось мыслію: во 1-хъ, объ установленіи правильнаго *контроля* по развозкѣ, по городу, арестантовъ; во 2-хъ, объ уменьшеніи числа лошадей, посредствомъ рассылки не всѣхъ безразлично въ экипажахъ, какъ это въ дѣйствительности дѣлалось, а людей, содержащихся въ Замкѣ за маловажныя проступки, пѣшкомъ, или на извощичьихъ дрожкахъ, что будетъ гораздо выгоднѣе; въ-3-хъ, опредѣлить, сколько именно въ фургонъ должно сажать человѣкъ, если многіе отправляются, какъ показывалъ опытъ, сразу, напр. въ зданіе судебныхъ мѣстъ; въ-4-хъ, не удобнѣе ли будетъ при отвозѣ арестантовъ въ присутственныя мѣста завозить по дорогѣ тѣхъ изъ нихъ, которые подлежатъ передачѣ въ пересыльную тюрьму? Изъ составленнаго княземъ С. Д. Эристовымъ доклада обнаружилось, что первоначально экипажи для развоза арестантовъ по городу заведены Комитетомъ, въ 1831 г., съ Высочайшаго *разрѣшенія*, что въ дѣйствующихъ законахъ нигдѣ не упоминается, что арестанты должны быть развозимы по городу на лошадяхъ; напротивъ, 100—117 пп. инструкціи, приложенной къ 96 ст. Уст. о содер. подъ стр., изд. 1857 г., установлено препровождать арестантовъ пѣшкомъ; что указомъ Сената отъ 27 февраля 1862 г. мѣстнымъ начальствамъ *дозволено*, если признаютъ возможнымъ, по денежнымъ своимъ средствамъ, вездѣ по городамъ развозить арестантовъ въ экипажахъ, для вѣрнѣйшаго предупрежденія побѣговъ, т. е., что

развозка въ экипажахъ арестантовъ съ юридической стороны для Комитета *не обязательна*. Правленіе, опираясь на мотивы доклада князя С. Д. Эристова, заключило, что развозить въ экипажахъ слѣдуетъ: а) числящихся за общими судебными мѣстами и судебными слѣдователями, обвиняющихся въ важныхъ преступленіяхъ, дабы не породить побѣговъ; б) всѣхъ, безъ исключенія, благородныхъ, въ которыхъ предполагается большее понятіе о чести, и потому имъ будетъ тягостно шествіе подъ конвоемъ по улицамъ, предоставляя право тѣмъ изъ нихъ, которые пожелаютъ платить свои деньги, нанимать *вольныя* кареты, несравненно удобнѣйшія, нежели комитетскіе экипажи; в) всѣхъ престарѣлыхъ, дряхлыхъ, больныхъ обоего пола, безъ различія сословій, препровождать повсюду въ фургонахъ. Точно также поступать и со всѣми женщинами, если дамскій Комитетъ, существующій въ денежномъ отношеніи, совершенно независимо отъ мужского Комитета, согласится принять на свой счетъ стоимость заподряжаемыхъ для развозки арестантовъ лошадей. Засимъ изъ остальныхъ арестантовъ тѣхъ, которымъ предстоитъ отправляться на одну изъ окраинъ города, отсылать на извощикахъ, въ сопровожденіи полицейской стражи, а прочихъ пѣшкомъ, за исключеніемъ случаевъ, когда потребуются въ одно мѣсто многіе сразу; тогда доставлять ихъ въ фургонахъ, что обойдется дешевле и устранятся неблаговидныя зрѣлища. Сажать въ фургоны не менѣе 7 человѣкъ въ каждый. Наконецъ обязать смотрителя Замка доставлять ежедневно Правленію вѣдомость о числѣ отправленныхъ арестантовъ, съ обозначеніемъ въ ней: кѣмъ вызваны отправленные люди и сколько лошадей и фургоновъ повезли этихъ людей.

Одобренное Комитетомъ представленіе Правленія по сему предмету, послано было на заключеніе Оберъ-Полиціймейстера, который изъ 8 перечисленныхъ Правленіемъ категорій арестантовъ, призналъ возможнымъ посылать пѣшкомъ: а) требуемыхъ мировыми судьями, въ качествѣ свидѣтелей и обвиняемыхъ, если не чис-

дится по другимъ ихъ преступленіямъ за общими судебными мѣстами; б) возвращаемыхъ изъ больницы Замка, по выздоровленіи, въ пересыльную тюрьму и въ части, изъ коихъ присылались для лѣченія пѣшкомъ; в) препровождаемыхъ въ полицейскую фотографію, предъ самымъ выпускомъ ихъ на свободу; г) пересылаемыхъ въ полицейскіе участки, для удостовѣренія званія, буде не считаются за судебными мѣстами; д) въ исправительную тюрьму, на счетъ средствъ этой тюрьмы, если ея начальству будетъ переданъ одинъ изъ наличныхъ фургоновъ.

Комитетъ, согласившись съ доводами Оберъ-Полиціймейстера, предложилъ Правленію, смотрителю Замка и начальнику исправительной тюрьмы, принять новый порядокъ, въ чемъ кого касается, къ исполненію, и независимо сего поручилъ смотрителю вести, для правильности отчета, по особой, ему преподанной формѣ, книгу, которая должна быть представляема ежемѣсячно на ревизію Правленія. Это новое положеніе должно было вступить въ дѣйствіе, какъ предполагалось, съ 1 апрѣля, но послѣдствія показали, къ сожалѣнію, противное.

Начальникъ исправительной тюрьмы заявилъ, что согласится на указанную мѣру въ такомъ лишь случаѣ, когда ему будетъ предоставлено право *выбрать* фургонъ по его усмотрѣнію. Правленіе отвѣтило, что за послѣдовавшими распоряженіями не считаетъ нужнымъ входить въ соглашеніе касательно фургона, ибо экипажи составляютъ *собственность* Комитета, и коль скоро Комитетъ *даритъ* одинъ изъ нихъ исправительной тюрьмѣ, то начальство послѣдней не въ правѣ, разумѣется, указывать, какого именно *достоинства* долженъ быть этотъ *даръ*. Начальникъ тюрьмы предназначеннаго Правленіемъ фургона не принялъ, а смотритель Замка продолжалъ отправлять арестантовъ въ названную тюрьму въ фургонахъ, не обращая вниманія на замѣчанія Правленія о неправильности своего дѣйствія. Правленіе не нашло также возможнымъ ревизовать книгу *безъ оправдательныхъ*, какъ слѣдуетъ, *документовъ*, а смотритель, ссылаясь на то, что, во-

первыхъ, Комитетъ поручилъ ему предъявлять Правленію *только книгу* и, во-вторыхъ, бумаги, по ихъ поступленіи прилагаются къ арестантскимъ дѣламъ, разрывать которыя затруднительно,— отказался представить Правленію на просмотръ документы. Правленіе трижды, тщетно домогалось отъ смотрителя документовъ и видя невозможность сознательно ревизовать книгу безъ документовъ,—донесло объ этомъ Комитету, который замѣнилъ мѣсячную повѣрку книги съ документами ежедневною, когда документы еще не разложены по дѣламъ, о чемъ извѣстилъ Правленіе и смотрителя Замка. Тогда смотритель донесъ Градоначальнику о невозможности удовлетворять желанія Правленія, ибо документовъ въ мѣсяцъ бываетъ, какъ онъ доносилъ, отъ 400 до 500, которые подшиваются къ дѣламъ каждаго изъ арестантовъ особо, вскорѣ по полученіи ихъ, отчего предъявленіе ихъ Правленію требуетъ много времени, которымъ не располагаютъ служащіе во ввѣренной ему конторѣ. Градоначальникъ, основываясь на донесеніи смотрителя, просилъ Комитетъ, чтобы Правленіе производило ревизію въ самой конторѣ Замка, гдѣ получитъ, для просмотра, документы. Правленіе, имѣя въ виду, что цѣлому составу неудобно, да и негдѣ помѣщаться въ конторѣ Замка, вынужденнымъ нашлось отступивъ отъ своего кореннаго принципа, поручить ревизію книги съ документами замѣнившему князя С. Д. Эристова Е. Е. Аникину, въ конторѣ Замка единолично, и о результатахъ докладывать Правленію.

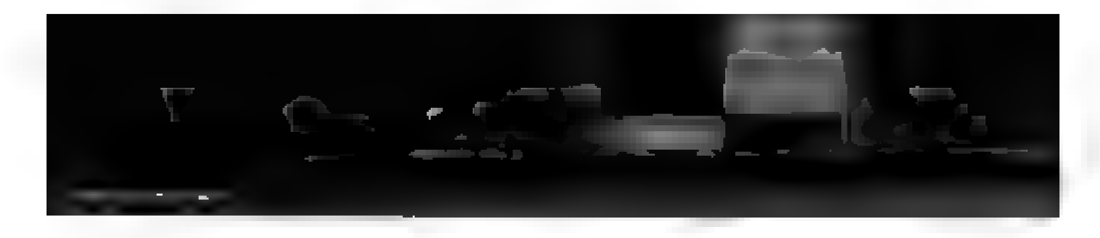
Ревизія этимъ способомъ не приводила, однакожъ, къ желанной цѣли; Е. Е. Аникинъ многократно убѣждался, что арестанты неправильно размѣщались въ фургонахъ: то въ пересыльную тюрьму отвозили одного человѣка, когда онъ легко могъ быть доставленъ туда въ числѣ прочихъ по пути; то въ Окружный Судъ отсылали въ фургонѣ только по 3 человѣка; то туда же отвозили въ одно утро, разновременно, по нѣсколько человѣкъ, которыхъ слѣдовало послать одновременно, чрезъ что *понадобилось бы* меньше лошадей; то въ пересыльную же тюрьму

отвозились не партіями, а по 2—3 человѣка; то подлежавшихъ отсылкѣ пѣшкомъ—отправляли въ фургонахъ и т. п. Правленіе опять донесло Комитету, ходатайствуя при томъ о сношеніи: во-первыхъ, съ предсѣдателемъ Окружнаго Суда, чтобы всѣхъ арестантовъ вызывали къ одному времени, до открытія засѣданій Суда, и слѣдователей, дабы они могли являться туда отобѣдавши; во-вторыхъ, съ Губернскимъ Правленіемъ, чтобы распорядилось о переводѣ арестантовъ (подлежащихъ ссылкѣ въ Сибирь, въ арестантскія роты и т. д.) изъ Замка въ пересыльную тюрьму партіями, а не по одиночкѣ; въ-третьихъ, чтобы администрація Замка относилась къ дѣлу съ подобающимъ вниманіемъ и допустила бы къ участію въ размѣщеніи арестантовъ въ фургоны эконома; въ-четвертыхъ, чтобы повторить Попечительству надъ исправительною тюрьмою о принятіи фургона (Правленіе писало Попечительству, но не получило никакого отвѣта), съ предвареніемъ, что перевозка арестантовъ будетъ прекращена, или же подрядчикъ будетъ направляться за деньгами по квитанціямъ въ Попечительство. Комитетъ предпринялъ всѣ перечисленныя мѣры, но ни откуда, кромѣ Губернскаго Правленія, не послѣдовало удовлетворительнаго отвѣта; что же касается администраціи Замка, то со времени полученія смотрителемъ (20 октября, № 1,242) вторичнаго отъ предсѣдательствующаго въ Комитетѣ князя А. И. Шаховскаго *предписанія*, чтобы, на основаніи 62 ст. Уст., въ точности исполнялъ преподанныя, по сему предмету, правила, порядокъ размѣщенія и разсылки арестантовъ въ фургонахъ наконецъ-таки установился и принесъ осязательную денежную выгоду (сэкономлено болѣе 1,000 р.), которая еще болѣе увеличится въ будущемъ, если введенный порядокъ сохранится на практикѣ въ полномъ объемѣ.

О снабженіи арестантовъ вещами, перемѣнѣ, мытьѣ, починкѣ, обращеніи ихъ въ негодность и проч.

(Частію этою завѣдывали послѣдовательно Члены: съ 1 ноября 1872 г. по 18 января 1873 г.—Ѳ. В. Кривцовъ, съ 18 января по 24 мая—В. Н. Никитинъ, съ 24 мая по 21 іюля — А. К. Вейнбергъ, а съ 21 іюля по 1 ноября—В. Н. Никитинъ, выдѣлявшеюся, временно, изъ этой части, съ 24 мая по 21 іюля, прачешною—Н. Л. Ломанъ).

На основаніи п. *а* ст. 84 и 113 Уст. о содер. подъ стр. т. XIV 1857 г., деньги „на постройку одежды, бѣлья и обуви для заключенныхъ должны поступать *въ распоряженіе* Тюремнаго Комитета". Въ силу этого закона Комитетъ (какъ указано выше нами) прежде и получалъ ежегодно опредѣленную сумму покупалъ на нее, хозяйственнымъ способомъ, матеріалы, строилъ изъ нихъ, въ мастерскихъ Замка, чрезъ арестантовъ, вещи. Этимъ способомъ достигалась троякаго рода полезная цѣль: арестанты были заняты, зарабатывали деньги для себя, своихъ семействъ, а Комитетъ сберегалъ остатки, которые обращалъ, согласно примѣчанію къ 84 ст., на покрытіе другихъ нуждъ, ни казною, ни городскою кассою не оплачиваемыхъ. Затѣмъ, Комитетъ сталъ производить, *формальнымъ* порядкомъ, торги, подрядчикъ доставлялъ матеріалы, или готовыя вещи, и потомъ получалъ деньги прямо изъ Казначейства. Это оказалось убыточнѣе и Комитету, лишившемуся остатковъ, и казнѣ, которой пришлось уплачивать подрядчикамъ вдвое-втрое большую сумму, нежели она отпускала Комитету, ибо, при формальныхъ торгахъ все обходится, какъ извѣстно, дороже, затѣмъ, вещи, по неопредѣленію закономъ срока, какой каждая изъ нихъ должна служить, строились ежегодно на значительную сумму. Нормальной табели о томъ, сколько, напримѣръ, аршинъ, вершковъ полагается на всякую отдѣльную вещь, закономъ не установлено. Осужденнымъ „на заключеніе" въ тюрьмѣ дозволяется 201 ст. Уст., „съ разрѣшенія *Комитета*, или мѣстнаго начальства, носить во время

заключенія собственное платье и бѣлье.“ Правленіе, возбуждало по заявленію Ѳ. Н. Смирнаго, вопросъ о введеніи въ дѣйствіе 201 ст., но смотритель замка, Г. Макаровъ, ссылаясь на 38 п. инструкціи смотрителю (прил. къ 96 ст. Уст.), по коему арестанты, безъ разъясненія категорій, должны содержаться во всемъ казенномъ одѣяніи, признавалъ инструкцію (приложеніе къ закону) болѣе для себя обязательною, нежели самый законъ, а потому означенною въ 201 ст. привилегіею никто изъ заключенныхъ не пользовался. Между тѣмъ, въ отчетномъ году содержалось осужденныхъ *„къ заключенію“* болѣе 100 человѣкъ. Еслибъ изъ нихъ лишь четвертая часть носила собственныя вещи, то осталось бы цѣлыми столько же кафтановъ, брюкъ, сапоговъ, и бѣлья, изнашиваемыхъ, обыкновенно, до негодности къ употребленію: пальто, брюкъ, рубашки, — въ теченіе года, а сапоги — въ 4 мѣсяца. Полный комплектъ вещей на человѣка стоилъ: благороднаго званія — 24 р. 15 к., а простолюдина — 18 р. 81 к. Взявъ же общею меркою среднюю цифру 16 р. 48 к., оказывается, что отъ 25 заключенныхъ въ годъ сохранилось бы казенныхъ 412 р. Были, правда, отдѣльные случаи ношенія арестантами собственной одежды, *но безъ вѣдома* Комитета и исключительно такими лицами привилегированнаго сословія, которыя не имѣли на это, по закону, права, но пользовались льготою по личному усмотрѣнію смотрителя...

Далѣе, въ виду предстоявшей постройки вещей, Правленіе не рѣшилось, —вслѣдствіе заявленія В. Н. Никитина, руководствоваться при кройкѣ матеріаловъ на вещи существовавшею дотолѣ, на этотъ предметъ, *частною* табелью, а просило Комитетъ о снабженіи Правленія *оффиціальною* табелью. Комитетъ, не располагая такою табелью, поручилъ Правленію самому составить ее. Персоналъ Правленія заставилъ при себѣ измѣрить изъ новыхъ по кафтану, шинели, рубашкѣ и проч., узналъ, сколько именно на нихъ истрачено матеріала, и потомъ велѣлъ накроить матеріала на образцовыя въ три роста (большой, средній и малый) пох-

ныя вещи и по сверкѣ табели со сдѣланною кройкою убѣдился что матеріала нужно гораздо меньше, нежели показывала частная табель. На основаніи этого измѣренія (для здоровыхъ, больныхъ, умалишенныхъ) Ѳ. Н. Смирной и В. Н. Никитинъ составили нормальное положеніе, которое Комитетъ утвердилъ и преподалъ къ руководству на будущее время. Отъ уменьшенія матеріаловъ на каждую отдѣльную вещь въ значительной степени умалилось требованіе матеріаловъ отъ подрядчика. Было обращено особенное вниманіе на содержаніе вещей какъ въ цейхгаузѣ, такъ и арестантами; разорванныя вещи чинились аккуратно до тѣхъ поръ, покуда дѣйствительно приходили въ негодность къ употребленію. Перечисленныя мѣры привели Правленіе къ сбереженію противъ предшествовавшаго года весьма почтенной цифры казенныхъ денегъ. Кромѣ того Правленіе признало полезнымъ малолѣтнихъ одѣвать вмѣсто простой въ лучшую и нѣсколько иной формы одежду, именно зимою: черпаго сукна сюртуки, брюки, пальто и шапки, лѣтнюю—изъ сѣраго холста сюртуки, брюки, шапки и сапоги, взамѣнъ лаптей, носимыхъ арестованными простолюдинами; о томъ же, чтобы они носили вмѣсто портянокъ носки, ходатайство Правленія отвергнуто Комитетомъ, вслѣдствіе дороговизны носковъ—по 25 к. за пару, чего Контроль, вѣроятно, не принялъ бы на счетъ казны. Наконецъ, по предложенію Комитета, поручено было В. Н. Никитину разсмотрѣть и сообразить съ законами вѣдомость о томъ, какія именно вещи можно изготовить, на счетъ казны, для арестантовъ, содержащихся въ городскихъ частяхъ; по исполненіи В. Н. Никитинымъ этого порученія, Правленіе одобрило его мнѣніе, донесло о немъ Комитету, а онъ, пріобрѣтая отъ подрядчика матеріалы на вещи согласно выработанному Правленіемъ нормальному положенію, принесетъ казнѣ также немалую выгоду при платежѣ послѣднему подрядчику денегъ.

Все новое, запасное имущество хранилось въ цейхгаузѣ, откуда при надобности вещи выдавались для носки не иначе, какъ

по представленіи негодной вещи съ письменнаго, а въ крайнемъ случаѣ и со словеснаго разрѣшенія Члена, завѣдывавшаго этою частію, о чемъ отмѣчалось въ подлежащемъ мѣстѣ общаго инвентаря. О томъ, сколько на каждомъ отдѣленіи находилось въ вѣдѣніи надзирателей отъ полиціи какихъ вещей, надзиратели и вахтеръ Правленія вели особыя книги, въ коихъ дѣлали также соотвѣтственныя, въ свое время, отмѣтки, объ увеличеніи или уменьшеніи числа вещей, подъ надзоромъ эконома и Члена, завѣдывавшаго этою частію. До отдачи вещей въ починку и по исполненіи сего онѣ свидѣтельствовались Членомъ, въ обоихъ случаяху докладывавшимъ Правленію, которое разрѣшало какъ починку, такъ и уплату за нее денегъ. Самую чинку производили въ мастерскихъ арестанты, которымъ и уплачивались деньги; бѣлье же чинилось арестантками Замка. Правленіе дѣлало опытъ чинки арестантами, но убѣдилось, что это дѣло свойственно только женщинамъ, которыя чинили несравненно лучше мужчинъ, да и нитки, иголки и проч. обошлись бы дороже, а потому, по экономическимъ разсчетамъ, предпочло вернуться къ прежнему порядку: сколько бы ни было чинки въ мѣсяцъ, за все платилась въ отчетномъ году, какъ и въ предшествовавшемъ, одинаковая сумма.

Мылось бѣлье арестантами въ устроенной въ Замкѣ издавна прачешной. Мылось не только для людей, содержавшихся въ Замкѣ, но и для заключенныхъ въ частяхъ, какъ Комитету принадлежащее, такъ и собственное частныхъ арестантовъ бѣлье, потому что до 1869 г. все хозяйство частей состояло въ вѣдѣніи Комитета; съ передачею же продовольствія арестантовъ частей въ вѣдѣніе полиціи, стирка бѣлья осталась за Комитетомъ, несмотря на то, что въ каждой части есть прачешная и тамъ, понемногу, гораздо легче было бы справиться съ этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что арестованные ничѣмъ тамъ не занимаются, тогда какъ мытье въ Замкѣ сопряжено бываетъ съ отвлеченіемъ *нѣсколькихъ* арестантовъ отъ работъ въ мастерскихъ,

съ затратою Комитетомъ на жалованье прачкамъ, по 2 р. въ мѣсяцъ, съ излишнимъ, для служащихъ Правленія, трудомъ и даже съ упреками, раздающимися изъ частей о томъ, что плохо будто бы вымыли, долго этого не сдѣлали, либо даже возвратили вмѣсто лучшихъ—худшія вещи. Голословность упрековъ *собственно* противъ Правленія доказывается самымъ порядкомъ пріема и сдачи бѣлья. Изъ частей солдаты являются съ тюками грязнаго бѣлья подъ ворота Замка, куда зимою и лѣтомъ выходитъ вахтеръ, завѣдывающій прачешною, и тамъ сдаетъ и принимаетъ отъ нихъ числомъ бѣлье, не имѣя физической возможности пересмотрѣть *достоинство* каждой изъ принесенныхъ сразу 100—200 штукъ: во-первыхъ, на это необходимо чуть ли не ежедневно (изъ 12 частей) по нѣскольку часовъ сряду, на что онъ, занятый своимъ дѣломъ, не имѣетъ времени, а во-вторыхъ подъ воротами, въ углахъ, всегда царствуетъ полумракъ, а зимою къ тому же еще и холодъ. Для устраненія послѣдней несообразности В. Н. Никитинъ полагалъ пріемъ и сдачу бѣлья производить въ самой прачешной или на дворѣ, глядя по погодѣ; но смотритель Замка находилъ, что нововведеніе это можетъ нарушить, при скопленіи солдатъ, порядокъ, а потому все осталось согласно прежнему обычаю. Впрочемъ Правленіе просило смотрителей частей переклеймить всѣ вещи, для избѣжанія случайнаго ихъ обмѣна, ибо вещи были неклеймены. Въ нѣкоторыхъ частяхъ послѣдовали совѣту Правленія, а изъ иныхъ и доселѣ доставляютъ въ мытье неклейменое бѣлье. Мылось бѣлье частей всегда отдѣльно отъ бѣлья Замка, во избѣжаніе обмѣна бѣльемъ Замка. Изъ частей нерѣдко присылали мыть, по свидѣтельству В. Н. Никитина, такія лохмотья, которыя положительно не стоили труда, употребляемаго на нихъ, и даже цѣнностью были ниже той соды, какая на нихъ издерживалась.

По поводу стирки бѣлья былъ возбужденъ вопросъ о томъ, *чтобы расходъ на* этотъ предметъ и на раздачу мыла моющимся

въ банѣ Замка содержащимся арестантамъ частей былъ обращенъ на счетъ остатковъ отъ продовольствія названныхъ арестантовъ, на которыхъ отпускается по 10 коп., а не по 7 коп, какъ въ Замкѣ, имѣя въ виду, что остатки отъ продовольствія въ частяхъ поступаютъ въ распоряженіе полиціи. Правленіе ходатайствовало объ этомъ предъ Комитетомъ, который, снесшись съ Оберъ-Полиціймейстеромъ, получилъ отрицательный отвѣтъ, на томъ основаніи, что остатки отъ продовольствія арестантовъ въ частяхъ имѣютъ особое назначеніе. И бѣлье моется, и людамъ выдаются мыло и вѣники по прежнему на счетъ Комитета.

Выжимная машина прачешной оказалась, по заявленію Н. Л. Домана, на столько разстроенною, что ремонтъ едва ли могъ бы исправить ее: поэтому Н. Л. Доманъ приглашалъ для освидѣтельствованія машины техниковъ, которые подтвердили, что прочное исправленіе ея потребуетъ немного менѣе расхода, нежели покупка новой машины. Н. Л. Доманъ пріискивалъ потомъ мастера, который бы поставилъ новую машину съ уплатою части денегъ старою машиною; но поиски не удались, а потому Правленію предстоитъ купить новую машину, для сокращенія труда прачекъ, послѣднее время выжимающихъ бѣлье руками. Работа прачекъ производилась ежедневно, кромѣ праздниковъ, а мѣнялось бѣлье людамъ еженедѣльно такимъ способомъ, что надзиратели получали отъ вахтера слѣдующее по числу содержавшихся въ отдѣленіяхъ людей бѣлье, которое надѣвали въ банѣ, по возвращеніи откуда надзиратели сдавали вахтеру такое же число грязнаго бѣлья, полотенецъ, простынь, наволочекъ и проч. Пріемъ и сдача бѣлья вахтеромъ записывались въ особыя, имъ ведущіяся, для частей и Замка, книги, которыя обозрѣвали экономъ и Членъ Правленія.

Баня въ Замкѣ очень просторная; мылись въ ней всѣ арестантки и арестанты еженедѣльно, отправляясь туда отдѣленіями, подъ присмотромъ надзирательницъ, надзирателей, приставниковъ, женщины особо, разумѣется, отъ мужчинъ. Простолюдины мо-

бять париться въ банѣ на полкѣ, поэтому имъ отпускалось по вѣнику на 2 человѣка на разъ, а мыла по 6 золотниковъ на человѣка на разъ-же.

О частныхъ денежныхъ и матеріальныхъ отношеніяхъ

(Частію этою завѣдывалъ съ 1 ноября 1872 года по 1 ноября 1873 года В. Н. Никитинъ).

Денежныя и матеріальныя приношенія поступаютъ, на основаніи лит. *а* п. 2 ст. 84 и 150 Уст. о содержаніи подъ стражею, „*въ распоряженіе*" Тюремнаго Комитета, для улучшенія содержанія заключенныхъ пищею, бѣльемъ, пособіемъ и т. п. Въ часовнѣ Замка, расположенной на Офицерской улицѣ, издавна принимались въ пользу заключенныхъ денежныя и матеріальныя приношенія. Деньги опускались въ кружки, изъ которыхъ вынимались завѣдывавшимъ хозяйствомъ И. А. Хрыповымъ и представлялись въ Комитетъ въ различные періоды времени, а продукты принимались сторожемъ, выдававшимъ приносителямъ, если желали, квитанціи, напечатанныя на отдѣльныхъ лоскуткахъ бумаги. Продукты эти приносились внутрь Замка, причемъ печеные, вареные дѣлились тамъ между заключенными ихъ товарищами-старостами *) а сырые продукты старосты же употребляли въ добавокъ къ казенной порціи, при чемъ иногда мѣняли ихъ на другіе, входя для сего въ разныя сдѣлки съ вахтерами. Отчетовъ никакихъ о подаянныхъ припасахъ не велось.

Для изученія порядка поступленія и распредѣленія между арестанттами подаяній, а равно для того, чтобы выработать улучшенный порядокъ веденія этой части, В. Н. Никитинъ первое

---

*) Въ старосты выбираются арестанты по одному въ каждое отдѣленіе смотрителемъ Замка—люди бойкіе, грамотные, потому что они ведутъ въ отдѣленіяхъ алфавитные списки арестантамъ, за которыми и наблюдаютъ въ помощь *приставникамъ*.

время являлся въ Замокъ въ 6—7 часовъ утра и убѣдившись въ несообразностяхъ, допускаемыхъ сторожами, принимавшими подаянія, и старостами при произвольныхъ дѣлежахъ таковыхъ, заявилъ обо всемъ Правленію, которое, согласно его мнѣнію, во-1-хъ, опредѣлило въ часовню благонадежнаго грамотнаго вахтера и снабдило его, по особой формѣ, книгою съ квитанціями, подлежавшими вырѣзкѣ изъ нея; во-2-хъ, установило, чтобы распредѣленіе саекъ, калачей и т. под. производилось сообразно наличному числу людей въ каждомъ отдѣленіи, по ровну, при непосредственномъ участіи старшаго вахтера и приставниковъ, которые должны были сопровождать старостъ съ подаяніями въ отдѣленія и тамъ равномѣрно раздавать подаянія. Наблюдалъ за правильностію дѣйствій всѣхъ указанныхъ лицъ ежедневно экономъ и В. Н. Никитинъ; въ-3-хъ, въ пріемѣ изъ часовни булокъ, саекъ и т. п. стали отбирать, ежедневно, росписки въ другой книгѣ: для женщинъ—отъ экономки, для мужчинъ—отъ дежурнаго по кухнѣ старосты изъ арестантовъ, а для пріютовъ дѣтей арестантовъ: дѣвочекъ—отъ начальницы, а мальчиковъ,—отъ надзирательницы пріюта; въ-4-хъ, сырые продукты рекомендовано было старостамъ класть въ котелъ, въ добавокъ въ казеннымъ порціямъ, не сразу, а постепенно; счетъ этимъ продуктамъ поручено было вести отдѣльно старостамъ; наконецъ, въ-5-хъ, чтобы благотворители знали, какъ и чѣмъ употребляются ихъ пожертвованія,—Правленіе печатало, ежемѣсячно, въ газетахъ отчеты о приходѣ и расходѣ подаяній, причемъ приглашало публику чрезъ газеты наводить, по сему предмету, въ часовнѣ *какія кому угодно справки* по книгамъ, каковыя *открыло для повѣрки всѣмъ желающимъ, прося сообщать* Правленію о замѣченныхъ недостаткахъ, для устраненія ихъ. На представленный Правленіемъ первый—за ноябрь мѣсяцъ 1872 г.—отчетъ (о подаяніяхъ) Комитетъ выразилъ Правленію „свою благодарность за полноту, обстоятельность отчета" и представленныхъ

„въ будущемъ держаться этого же вполнѣ цѣлесообразнаго порядка, Правленіемъ заведеннаго“.

Не смотря на всѣ эти мѣры, старосты продолжали, случалось, злоупотреблять своимъ правомъ распоряжаться сырыми подаянными продуктами, мѣняя ихъ на запрещенные лично для себя предметы и входя съ прислугою въ различные, заключеннымъ, несвойственные разсчеты. Въ виду этого и недостаточности отпускаемыхъ кормовыхъ по 7 к. на человѣка въ сутки, а также 3-го пункта инструкціи для завѣдывавшаго хозяйствомъ, о замѣнѣ пожертвованій мясомъ, рыбою, крупою, яйцами и т. п., казенныхъ порцій,—Правленіе просило Комитетъ о томъ, чтобы, примѣняясь къ 150 ст. Уст. о сод. подъ стр., жертвуемые мясо, горохъ, яйца, крупу и проч. сырые продукты употреблять: въ будни—взамѣнъ казенныхъ порцій и нѣкоторый добавокъ къ нимъ, а въ праздники—исключительно на улучшеніе пищи, съ устраненіемъ отъ *всякаго распоряженія* провизіею старостъ, обычаемъ присвоившихъ себѣ права хозяевъ, въ ущербъ своимъ товарищамъ. Комитетъ предоставилъ въ исключительное распоряженіе Правленія всѣ жертвуемые продукты, которые должны были употребляться на улучшеніе пищи, а въ случаѣ пожертвованій незначительнаго количества зачислять въ казенныя порціи. Правленіе просило смотрителя Замка объявить о постановленіи Комитета арестантамъ, но онъ не оказалъ содѣйствія, потому новый порядокъ не скоро еще водворился: старосты, лишившіеся выгодъ,—роптали на Правленіе и оно было вынуждено исподволь выполнить постановленіе Комитета.

Съ переводомъ въ Замокъ малолѣтнихъ арестантовъ, Правленіе, для подкрѣпленія развивающагося ихъ организма, распорядилось давать имъ вмѣсто 2½ только 1½ ф. чернаго хлѣба въ сутки, а взамѣнъ 1 фунта хлѣба: на завтракъ — чай съ полуфунтомъ ситнаго, а въ 4 часа, на полдникъ—по булкѣ изъ подаянныхъ, сверхъ той пропорціи, какая имъ полагалась по *очереди со взрослыми* арестантами. Разница между стоимостью

[redacted]

чая, сахара и ситнаго съ одной, и 1 фун. хлѣба съ другой стороны, составила въ мѣсяцъ 40 рублей, которые были уплочены пополамъ Ѳ. Н. Смирнымъ и княземъ С. Д. Эристовымъ; а потомъ Правленіе замѣнило ситный хлѣбъ подаянными булками, причемъ полагало въ тѣ дни, когда булокъ будетъ пожертвовано недостаточное число, — не давать таковыхъ въ оба пріюта, въ томъ соображеніи, что дѣти пріютовъ продовольствуются гораздо лучше арестованныхъ. Въ этомъ смыслѣ Правленіе просило, 15 мая 1873 г. разрѣшенія Комитета, который поручилъ Правленію „изъ всѣхъ жертвуемыхъ булокъ, саекъ и проч. *непремѣнно* выдавать *ежедневно въ оба пріюта* и *малолѣтнимъ арестантамъ*, а все, что отъ нихъ останется, дѣлить поочередно, между взрослыми заключенными".

Какъ только Правленіе начало дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, отчего для взрослыхъ уменьшилось количество подаяній, бывающихъ лѣтомъ вообще почти на половину меньше зимы,—арестанты вообще, и старосты въ особенности, сперва высказывали неудовольствіе, а потомъ старосты, уговорившись между собою, (28 іюня) настойчиво потребовали возстановленія, во всей силѣ, отмѣненной ихъ привилегіи распоряжаться всѣми подаяніями, не только булками, но и рыбою, мясомъ и проч., доказывая, что съ ними поступлено несправедливо, что ни о какихъ постановленіяхъ Комитета они не слыхали и слышать не хотятъ. Неправильныя эти жалобы арестантовъ на Правленіе, направленныя къ искорененію господствовавшей въ Замкѣ неурядицы,—довольно долго еще повторялись. Убѣдившись въ невозможности положить конецъ злоупотребленіямъ при раздачѣ подаяній старостами, Правленіе прибѣгнуло къ радикальной мѣрѣ, именно *совершенному устраненію старостъ* отъ раздачи подаяній товарищамъ, и потому опредѣлило; 1) когда булокъ, калачей и проч., очень много— раздавать безъ всякой очереди всѣмъ арестованнымъ по 1 — 2 штуки; 2) раздачу производить въ самыхъ камерахъ, въ 11 часовъ утра, *когда всѣ арестованные на лицо*, подъ наблюденіемъ

[redacted]

отъ хозяйственнаго Правленія — эконома, а отъ администраціи Замка—дежурнаго помощника смотрителя, старшимъ вахтеромъ Правленія и фельдфебелемъ полицейской команды; для малолѣтнихъ передавать ихъ воспитателю, который долженъ оделять своихъ воспитанниковъ, и 3) о томъ, сколько чего каждый разъ роздано обязать дежурнаго помощника смотрителя свидѣтельствовать въ расходной статьѣ книги. Этимъ Правленіе покончило свой трудъ по организаціи цѣлесообразнаго порядка пріема и раздачи подаяній. Отчеты же Правленіе посылало Комитету и ежемѣсячно печатало въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Голосѣ“, „Новомъ Времени“, и въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Всѣхъ подаяній съѣстными припасами поступило, въ отчетномъ году, на 7,264 р. 78³/₄ к., причемъ подаянія сіи распадались на 3 категоріи: первую составляли булки, калачи, сайки, пироги, ситный и т. п. *печеные* продукты, которые всѣ цѣликомъ раздавались прямо для ѣды. Общее число калачей, булокъ и обращенные въ такія же, по фунту порціи, ситный, полубѣлый хлѣбъ, крендели и т. п., на 5,679 р. 67³/₄ к., въ соединеніи образовали 134,184 порціи; раздѣливъ это число порцій на 365 дней года, на каждый день причиталось 368 порцій, а какъ среднее число людей, которые пользовались этими порціями составляю въ день, по приблизительному разсчету, 227 человѣкъ, то выходитъ, что цѣлый годъ всѣ имѣли болѣе чѣмъ по булкѣ, чего не выпадаетъ на долю большинства простолюдиновъ и на волѣ. Изъ второй категоріи (яицъ, чаю, сахару, меду, ягодъ и огурцовъ) на 897 р. 58 к., лакомства отдавались однимъ дѣтямъ; изъ 31,581 яйца — 1,401 употреблено въ приварокъ для больныхъ арестантовъ и привилегированныхъ, а чай и сахаръ дѣлился, въ видѣ случайности, между всѣми безразлично. Наконецъ, половина третьей категоріи сырыхъ продуктовъ: мясо, рыба, крупа, грибы и т. д., всего на 682 р. 68 к., употреблена на улучшеніе пищи, а другая половина замѣнила казенную дачу. Такимъ образомъ стоимость *зачтенныхъ* 1,401 яйца для благородныхъ и больныхъ,

25 р. 21³/₄ к. (сотня обходилась въ 1 р. 80 к.), и цѣнность зачтенныхъ въ казенную порцію продуктовъ на 341 р. 34 к., составили вмѣстѣ въ 366 р. 55³/₄ к. экономію, добытую Правленіемъ вслѣдствіе введенія новаго порядка пріема и раздачи подаяній.

Кружекъ, принадлежавшихъ Комитету, Правленіе нашло привѣшанными къ зданію Замка и поставленными въ часовнѣ 10, но нѣкоторыя изъ нихъ были съ одинаковыми надписями, ветхія и поломанныя. Правленіе испросило разрѣшенія Комитета сократить число кружекъ съ 10 на 6 и снеслось съ Комитетомъ для разбора и призрѣнія нищихъ о дозволеніи поставить въ часовнѣ зданія Комитета о нищихъ кружку, для сбора приношеній въ пользу заключенныхъ, взамѣнъ кружки, находившейся въ часовнѣ Замка для нищихъ; но Комитетъ о нищихъ предпочелъ взять свою кружку. Затѣмъ добавлены были впослѣдствіи 2 кружки съ надписями: „въ пользу больныхъ арестантовъ“ и „пріюта мальчиковъ, дѣтей арестантовъ“. Деньги высыпались изъ кружекъ ежемѣсячно, въ засѣданіяхъ Правленія, при смотрителѣ Замка или дежурномъ его помощникѣ; объ оказавшихся въ каждой изъ кружекъ деньгахъ составлялись особые, за общей подписью, акты, на которыхъ росписывался въ пріемѣ денегъ казначей Комитета; самые же акты отсылались, потомъ, въ Комитетъ. Сборъ изъ кружекъ въ отчетномъ году былъ болѣе предшествовавшаго на 449 р. 47 к., не смотря на уменьшеніе числа кружекъ. Увеличеніе этой суммы нельзя, конечно, приписать собственно Правленію—это зависило отъ жертвователей,—но цѣлости сихъ денегъ способствовало, безъ сомнѣнія, Правленіе: Комитету былъ извѣстенъ господствовавшій до открытія Правленія порядокъ веденія этого

[redacted]

О продовольствіи арестантовъ и предметахъ, сюда относящихся.

(Частію этою завѣдывали: съ 1 ноября 1872 г. по 21 іюня и съ 1 октября по 1 ноября 1873 г.—В. Н. Никитинъ, а съ 21 іюня по 1 октября—А. А. Волковъ).

На прокормленіе арестантовъ отпускаются Комитету, на основаніи лит. *а* пунк. 1 ст. 84, 114, 118, 119—125 Уст. о сод. подъ стр., отъ казны: на благородныхъ — порціоны по чинамъ, отъ 50 до 10 к., а на безчиновныхъ и простолюдиновъ — по табели, ежегодно Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ издаваемой; послѣдніе 2 года по этой табели полагалось по 7 к. на человѣка въ сутки, считая эту цифру, какъ выражено въ 118 ст., *„на муку, для хлѣба, крупу и соль“*; больше казна ничего, на свой счетъ, не принимаетъ, вся же прочая провизія, употребляемая для пищи, падаетъ на счетъ подаяній (прим. къ 118 ст.) и на средства, Комитетомъ, различными способами, добываемыя. Порядокъ продовольствія арестантовъ Замка при вступленіи Правленія въ отправленіе возложенныхъ на него Комитетомъ обязанностей, заключался въ слѣдующемъ: по присылавшимся въ хозяйственную контору смотрителями Замка и пересыльной тюрьмы рапортичкамъ о числѣ людей, состоявшихъ ежедневно къ вечеру, на лицо, дѣлался разсчетъ: сколько по табели слѣдуетъ на всѣхъ арестантовъ обѣихъ тюремъ положить въ разные, для каждой, котлы мяса, капусты, перцу, лавроваго листа, подболточной муки, соли и т. п.; разсчетъ этотъ передавался вахтеру, который при караульномъ офицерѣ или унтеръ-офицерѣ отпускалъ, по рапортичкѣ, *старостамъ*: благороднаго отдѣленія и дежурному изъ простолюдиновъ припасы, переносившіеся поварами изъ арестантовъ же, въ кухню, которая запиралась въ 6 часовъ вечера, а въ 4 часа слѣдующаго утра отпиралась; туда являлись тѣ же 2 старосты (кухня благородныхъ помѣщалась особо) и распоряжались варкою пищи; по ея изготовленіи вахтеръ отсылалъ приварокъ, хлѣбъ, соль и квасъ

въ пересыльную тюрьму, гдѣ на ужинъ тамъ уже разогрѣвалась доля, оставшаяся отъ обѣда; содержавшиеся же въ Замкѣ постоянно варилась на ужинъ особая гречневая кашица, съ постнымъ и скоромнымъ масломъ по мясоѣднымъ и постнымъ днямъ. Хлѣбъ на содержавшихся въ Замкѣ отпускался старостамъ, по $2^1/_2$ фунта на человѣка, а квасъ—по жбану на камеру. Распредѣленіе приварка и хлѣба по отдѣленіямъ зависѣло также отъ старостъ, которые съ ранняго утра вплоть до вечера расхаживали по двору Замка, въ качествѣ полноправныхъ хозяевъ. Служителя хозяйственной части довольствовались изъ одного съ арестантами котла, и будучи, посему, въ зависимости отъ старостъ (отпустить щи погуще, или пожиже зависѣло отъ старосты), мирволили имъ и совершенно стушевывались предъ значеніемъ старостъ изъ арестантовъ.

Правленіе распорядилось, чтобы качество провизіи во время пріема ея отъ подрядчика ежевечерно свидѣтельствовалъ дежурный, ординаторъ больницы; чтобы выдача провизіи для варки производилась не вахтеромъ, а экономомъ въ присутствіи караульнаго офицера, старостъ и поваровъ (послѣднихъ какъ делегатовъ отъ всѣхъ заключенныхъ); чтобы отъ начала до конца варки—въ кухнѣ находился, безотлучно, сторожъ, а вахтеръ тотчасъ послѣ вкладки въ котлы мяса и проч., запиралъ бы котлы на замки, которые отпирались бы не ранѣе какъ предъ самою раздачею приварка. Дабы предоставить прислугѣ необходимую самостоятельность, Комитетъ разрѣшилъ Правленію перевести довольствіе этой прислуги изъ арестантскаго котла къ полицейской командѣ, съ платою за каждаго, въ солдатскую артель, по 3 р. въ мѣсяцъ, или выдавать имъ порціонныя деньги. Правленіе прекратило довольствіе изъ общаго котла и церковнаго служителя и 3 надзирателей за мастерскими, именовавшихся по отчетамъ до открытія Правленія „учителями“, а по порціи изъ благородной кухни предоставило, вмѣсто названныхъ и всѣхъ старостъ, только дежурнымъ изъ нихъ поочередно въ кухнѣ и старшему

вахтеру, послѣднему, впрочемъ, временно, до Св. Пасхи. Точно также Правленіе, находя пищу слишкомъ однообразною, разрѣшило варить: простолюдинамъ, вмѣсто гречневаго супа, приготовляемаго въ ужину,—пшонную, перловую и гречневую кашицы попеременно, а чтобы кашицы были вполнѣ вкусны, прибавило сверхъ положенія по 4 фунта крупы ежедневно; въ обѣдъ щи, супъ, похлебку, въ скоромные дни—съ мясомъ, а въ два постные—горохъ, постами же: щи, супъ и проч. съ судаками, головизною и снятками, а не съ одними только снятками весь постъ, какъ это дѣлалось прежде; благороднымъ къ первому такому же, какъ простолюдинамъ, второе блюдо—котлеты, жареное мясо, и мясо съ хрѣномъ, уксусомъ, а по средамъ и пятницамъ, кромѣ рыбы, пироги съ рисомъ *). Засимъ въ первые дни Рождества и Новый годъ Правленіе накормили всѣхъ, до 600 человѣкъ, арестантовъ изъ подаяннаго мяса жаркимъ по $^1/_2$ фун. на человѣка съ картофелемъ, а въ Крещеніе простолюдиновъ—крутою кашею (до открытія Правленія пища долгіе годы состояла изъ одного постоянно блюда).

Кухня для благородныхъ помѣщалась совершенно отдѣльно, отчего необходимъ былъ такъ усиленный надзоръ, тогда какъ въ кухнѣ для простолюдиновъ была свободная комната. Правленіе, въ экономическихъ соображеніяхъ, признало возможнымъ приготовлять пищу для благородныхъ въ кухнѣ простолюдиновъ, что и было сдѣлано, причемъ сократились расходы какъ на добавочнаго сторожа, такъ и на топливо. По соединеніи кухонь

---

*) Въ пищу отпускались ежедневно продукты на каждаго человѣка: *благороднаго*—мяса $^1/_2$ фунта, муки крупчатой для приправки 4 зол., луку $^1/_4$ гар. на 15 человѣкъ, соли 5 зол., капусты $^1/_8$ ведра, крупы 40 зол., масла русскаго 5 зол.; *простолюдина*—мяса 12 зол., капусты $^1/_{100}$ ведра, луку $^3/_8$ на сто человѣкъ, соли 5 зол., перцу $^1/_8$ зол., крупы ослиной 3 зол.; муки въ подболтку 4 зол., крупы для кашицы 17 зол., а для питья всѣмъ квасъ. Наконецъ, въ праздничные и табельные дни всѣмъ крутая каша. Это росписаніе взято на выдержку на день, но варилась пища разнообразная, какъ указано выше, отчего и продукты, разумѣется, мѣнялись.

[redacted]

вмѣстѣ Члены Правленія ежедневно удостовѣрялись, что щи простолюдиновъ гораздо вкуснѣе, чѣмъ тѣ, которыя приготовлялись для благородныхъ, и потому предлагали послѣднимъ пользоваться первымъ блюдомъ изъ одного общаго котла, на что они никакъ не соглашались. Нѣкоторое время спустя Замокъ посѣтилъ предсѣдательствовавшій въ Комитетѣ вице-президентъ князь А. И. Шаховской и убѣдившись лично, что пища простолюдиновъ вкуснѣе пищи благородныхъ (въ котелъ послѣднихъ опускалось продуктовъ немного, по числу людей, тогда какъ въ котлѣ первыхъ, вслѣдствіе ихъ многочисленности, варилось большое постоянно количество мяса, дѣлавшее приварокъ несравненно лучшимъ), предложилъ Комитету кормить благородныхъ изъ одного съ простолюдинами котла, а такъ какъ на нихъ порціоны отпускаются въ большемъ противъ простолюдиновъ размѣрѣ, то добавлять имъ особое блюдо на счетъ остатка отъ той цифры, какая тратится на простолюдиновъ. Комитетъ подтвердилъ мнѣніе князя А. И. Шаховскаго. Лишь только Правленіе приступило къ введенію новаго порядка, арестованные возроптали, и не по существу, а главное изъ ложнаго самолюбія, что ихъ: офицеровъ, чиновниковъ, дворянъ, нельзя равнять съ мужиками, когда и законъ ставитъ ихъ выше послѣднихъ. Сѣтованія ихъ выразились въ многочисленныхъ жалобахъ, писавшихся въ защиту худшей пищи. Всѣ усилія Правленія убѣдить ихъ въ пользѣ этой мѣры не привели ни къ какому результату, а потому старый порядокъ продовольствія привиллегированныхъ арестантовъ былъ вновь возстановленъ съ разрѣшенія Комитета.

Отпускавшаяся для варки провизія переносилась, какъ сказано выше, въ кухню, гдѣ оставались повара-арестанты, которые, пользуясь отлучками сторожа, похищали, иногда, долю провизіи, годной къ употребленію, и невареною, напр. соленую рыбу, капусту. При вечернемъ обходѣ Замка В. Н. Никитинъ не разъ замѣчалъ, что повара вмѣстѣ съ городовыми ѣли бѣлую капусту, отпущенную на пищу слѣдующаго дня. Для устраненія этого,

Правленіе купило ларь, въ который запиралась провизія, а ключъ отъ ларя хранилъ у себя старшій вахтеръ. Съ этого времени вся провизія доходила по назначенію, но самая пища иногда не удавалась, вслѣдствіе частой перемѣны повара, назначаемаго изъ арестантовъ и едва успѣвавшаго привыкнуть, какъ его ужъ отсылали, по осужденію, въ исправительную тюрьму, арестантскіе роты и проч. Для устраненія этого не удобства Правленіе наняло *вольнаго* повара, подъ руководство котораго отданы были его помощники арестанты. Изготовленная для благородныхъ пища относилась арестантами на отдѣленіе и тамъ дѣлилась между заключенными поваромъ, вмѣстѣ съ старостой, который нерѣдко входилъ съ поваромъ въ стачку и послѣдній, уменьшая количество порцій для арестантовъ,—оставлялъ у себя нѣсколько лишнихъ пироговъ, которыми староста одѣлялъ солдатъ. Во избѣжаніе этой стачки Правленіе приказало вахтеру раздавать каждому изъ благородныхъ арестантовъ въ руки порціи.

Противъ этого распоряженій стали раздаваться новые протесты въ различныхъ формахъ. Староста благороднаго отдѣленія письменно, напримѣръ, доказывалъ, что касательно довольствія *его* отдѣленія Правленіе должно ограничиваться лишь отпускомъ *ему* провизіи, а старосты простолюдины, вслѣдствіе наступленія лѣта и появленія червей въ разныхъ мѣстахъ, начали подбрасывать ихъ въ недоѣденную пищу и выдавать потомъ администраціи Замка за найденныхъ въ самой пищѣ. Правленіе, усиливъ до послѣдней степени надзоръ, все-таки не могло открыть виновныхъ, потому что съ момента разливки приварка въ ушаты въ кухнѣ онъ разносился по двору, лѣстницамъ, корридорамъ и камерамъ подъ наблюденіемъ однихъ приставниковъ и старостъ: ѣли всѣ въ камерахъ, въ которыхъ жили. Правленіе было вынуждено ограничиться распоряженіемъ, чтобы принимающіе для отдѣленій пищу старосты осматривали ее въ кухнѣ и, въ случаѣ недоброкачественности, тамъ же заявляли о семъ; и затѣмъ, если черви будутъ предъявлены съ отдѣленій, то Правленіе за это не от-

вѣчаетъ. Не смотря на это, порядокъ раздачи пищи арестантамъ не могъ водвориться вполнѣ безъ устройства общей столовой, объ открытіи которой Правленіе ходатайствовало предъ Комитетомъ. Комитетъ, единогласно одобривъ представленіе, предложилъ Правленію привести его въ исполненіе. Исполнить это Правленію, однако, не удалось, по несогласію тюремной администраціи на открытіе общей столовой. Правленіе по этому вопросу доказывало, что разноска пищи по двору, корридорамъ и неоднократное разливаніе ея портятъ ее, причемъ нѣтъ возможности ни слѣдить за ея употребленіемъ, ни ручаться, что ее нарочно не портятъ; что въ камерахъ всегда и вездѣ валяются объѣдки хлѣба, которые плеснѣвѣютъ, разводятъ нечистоту, и что въ столовой инструментовъ никакихъ нѣтъ, арестанты въ ней не жили лѣтомъ уже нѣсколько лѣтъ сряду. Не смотря на эти доводы Правленія, открытіе общей столовой не послѣдовало.

Нѣкоторое время спустя, вслѣдствіе *просьбы* Исправительнаго Совѣта (состоявшаго изъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя дѣйствовали въ качествѣ предсѣдателя и членовъ Хозяйственнаго Правленія), смотритель Замка согласился допустить продовольствіе малолѣтнихъ въ одной камерѣ, обращенной, частнымъ образомъ, въ столовую для нихъ; въ эту камеру поставлены шкафъ съ посудою, столы, и до 60 мальчиковъ въ ней обѣдали, ужинали и пили чай, такъ что въ камерахъ, гдѣ они спали, не было никакихъ съѣстныхъ припасовъ, разводящихъ нечистоту. Ѣли мальчики подъ надзоромъ *одного* лишь воспитателя, и не смотря на то, что дѣти способны, по своему неразумѣнію, на всякаго рода шалости, въ столовой всегда было тихо; предъ ѣдою и послѣ нея они пѣли молитвы.

О томъ, сколько какихъ продуктовъ слѣдовало ежедневно употреблять на пищу, записывалось съ рапортичекъ въ книгу, которая хранилась въ Правленіи; но чтобы *всѣ*, по какимъ-бы то нибыло причинамъ приходящіе въ теченіе цѣлаго дня въ кухню арестанты служащіе, посѣтители, *знали подробные разсчеты* провизіи,

издерживаемой ежедневно на каждаго изъ арестованныхъ, Правленіи вывѣсило въ кухнѣ большую черную доску, на которой ежедневно писалось мѣломъ всѣ потребности довольствія, а подъ строками подписывались присутствовавшіе при пріемѣ провизіи, кладкѣ ея въ котелъ и раздачѣ для ѣды — старшій вахтеръ Правленія, дежурные: городовой, староста и караульный унтеръ-офицеръ.

Отъ продовольствія арестантовъ всегда оставались мясныя кости, помои, гуща изъ подъ кваса и проч. Въ прежнее время эти предметы составляли источникъ дохода поваровъ, но Правленіе пріискало на эти вещества покупателей и продавали ихъ.

Изъ всѣхъ лицъ, въ Замкѣ содержавшихся, не употребляли приготовляемой тамъ пищи евреи, а потому они получали порціонныя деньги, на счетъ которыхъ (по 7 к. въ сутки) не могли, конечно, порядочно довольствоваться врозь. В. Н. Никитинъ обратился къ распорядителю еврейской кухмистерской, директору Комитету П. Х. Розенбергу, съ просьбою: нельзя ли доставлять евреямъ оттуда пищу? Взаимнымъ соглашеніемъ названныхъ лицъ это устроилось такъ, что евреи получали ежедневно по 2 блюда горячаго за 5 коп., а за остальные 2 коп. хлѣбъ отъ Правленія; добавочныя же деньги за порціи, продававшіяся въ кухмистерской по 10 к., и вознагражденіе сторожу за относъ рапортичекъ и приносъ ежедневно, изъ Подъяческой улицы, пищи по 2 р. въ мѣсяцъ,—платилъ П. Х. Розенбергъ. Такимъ образомъ изъ причитавшихся евреямъ порціоновъ по 7 к. въ сутки Правленіе по 5 к. выдавало кухмистерской, а по 2 к. записывало на приходъ въ кассу за расходуемый для евреевъ хлѣбъ по 2 ф. въ сутки.

Вопросъ объ арестантскомъ хлѣбѣ доставилъ Правленію также весьма много затрудненій. Возникъ этотъ вопросъ по нижеслѣдующему случаю. В. Н. Никитинъ нѣсколько разъ встрѣчалъ, рано утромъ, за воротами Замка приставниковъ съ *мѣшками хлѣба,* съ которымъ они отправлялись въ разныя стороны,

[redacted]

Проследивъ это явленіе, онъ узналъ, что приставники носили продавать арестантскій хлѣбъ, скапливаемый отъ недоѣденныхъ порцій цѣлыми короваями, при чемъ арестанты-старосты отдавали приставникамъ коровай въ 10—ф. по 4 коп., приставники же продавали этотъ хлѣбъ по 10 к. за коровай въ лавки. Правленіе заключило, что эта торговля вноситъ растлѣвающее вліяніе въ среду заключенныхъ, находящихся въ матеріальной зависимости отъ товарищей-старостъ и приставниковъ, непосредственныхъ надзирателей за ихъ благонравіемъ. А какъ Члены Правленія, директоры, обязаны пещись объ исправленіи нравственности заключенныхъ (по Уст. о содерж. подъ страж.) и о сбереженіи средствъ Комитета, то Правленіе, не располагая правомъ уменьшить дачу хлѣба (по $2^1/_2$ ф. въ сутки по Закону) и не получая согласія старостъ на замѣнъ $^1|_2$ ф. хлѣба кашею,—рѣшилось, въ видѣ опыта, принимать излишній хлѣбъ обратно и платить за коровай то, во что онъ обходился Правленію—10 к., съ тѣмъ, чтобы деньги за него раздавались не старостамъ, а по принадлежности, чрезъ смотрителя Замка, котораго притомъ просило воспретить, засимъ, всякую торговлю хлѣбомъ. Нововведеніе это собственно арестантамъ понравилось— они стали получать деньги, но старосты и приставники, лишившись дохода,—остались недовольными. Дабы не дать старостамъ возможности возстановлять арестантовъ противъ Правленія, оно кормило арестантовъ три дня масляницы блинами по двѣ штуки на человѣка. Хлѣбъ пекся ежедневно, поэтому, чтобы отобранный хлѣбъ не пропадалъ, его сначала раздавали вторично на 3—4 день послѣ испеченія; потомъ, съ наступленіемъ Пасхи (первые два дня готовилось опять жаркое для всѣхъ *) подаяній было такъ много, что арестанты почти весь черный хлѣбъ возвращали назадъ. Дѣвать этотъ хлѣбъ было некуда, потому Правленіе, освѣдомившись, что во всѣхъ мелочныхъ лавкахъ и

*) Въ Троицу также готовилось два блюда.

даже въ войскахъ зачерствѣвшій хлѣбъ, посредствомъ превращенія его въ тѣсто — снова перепекаютъ, распорядилось сдѣлать пробу, причемъ маленькая корка случайно попала въ одинъ изъ выданныхъ короваевъ. Это живо разнеслось по Замку и послужило для старость сигналомъ къ предъявленію смотрителю зачерствѣвшихъ и заплѣсневѣвшихъ кусковъ, каковыхъ въ камерахъ валялось въ обиліи, съ заявленіями, что куски сіи только полученный будто бы ими хлѣбъ. Все это совершалось исключительно для возстановленія выгодной торговли хлѣбомъ.

Правленіе, убѣдившись, на опытѣ, въ значительности количества продаваемаго арестантами хлѣба, просило разрѣшенія Комитета превращать хлѣбъ въ сухари и раздавать таковые для ѣды, что Комитетъ и утвердилъ. Далѣе, для убѣжденія арестантовъ въ питательности сухарей, Правленіе стало раздавать ихъ, сверхъ хлѣба, 2 раза въ недѣлю, и всѣ ѣли охотно, но какъ скоро распорядилось отпускать сухари вѣсомъ, въ счетъ 1 ф. хлѣба, дважды же въ недѣлю,—старосты наотрѣзъ отказались принимать ихъ. Тѣмъ не менѣе Правленіе, оставаясь вѣрнымъ своимъ принципамъ, продолжало принимать хлѣбъ, обращать его въ сухари, а послѣдніе—продавать постороннимъ лицамъ. Долговременная борьба Правленія съ безпорядками привела, наконецъ, старостъ къ сознанію, что прежнія ихъ выгоды уже не возвратятся и потому несправедливыя претензіи мало по малу прекратились, а Правленіе пришло, путемъ практики, къ заключенію, что 2½ ф. хлѣба никто, за рѣдкими исключеніями, не съѣдаетъ. Тогда Правленіе, при личномъ убѣжденіи арестантовъ княземъ А. И. Шаховскимъ, достигло того, что всѣ арестанты согласились получать по 2 ф. хлѣба ежедневно, а за остальные ½ ф. по праздникамъ въ обѣдъ—крутую, съ масломъ, кашу.

Съ воспослѣдованіемъ рѣшительнаго запрещенія торговать хлѣбомъ, благородные, чрезъ своего старосту, обратились въ *Правленіе съ* заявленіемъ о томъ, чтобы остававшійся у нихъ

[redacted]

хлѣбъ имъ дозволено было *дарить* прислуживающимъ имъ солдатамъ и арестантамъ простолюдинамъ. Мысль эта родилась въ нихъ, съ одной стороны, вслѣдствіе ложнаго понятія о томъ, что все, на ихъ содержаніе положенное—составляетъ, будто бы, ихъ собственность, каковою они и будучи въ заключеніи — вправѣ распоряжаться по своему усмотрѣнію, а съ другой стороны—они разсчитывали перемѣною слова „торговли“ на „даръ“ удержать за собою прежнюю прерогативу. Правленіе отказало привилегированнымъ въ ихъ неосновательномъ домогательствѣ, а вслѣдствіе заявленія В. Н. Никитина о томъ, что дровоколамъ работающимъ цѣлые дни на дворѣ, сильнымъ простолюдинамъ, занимавшимся на волѣ, перетаскиваніемъ груза, первое время нахожденія подъ стражею мало бываетъ 2 ф. хлѣба въ сутки, прибавило: первымъ—навсегда по $^1/_2$ ф., а послѣднимъ — на первый мѣсяцъ, по 1 ф. въ день, на счетъ экономическихъ средствъ Комитета. Всего отобрано было хлѣба съ 12 марта по 1 октября 1.774 коровая, вѣсомъ въ 431 п. 28 ф.; за это количество заплачено 472 р. 78 к.

Предложенные докторомъ Данилевскимъ, для довольствія арестантовъ консервы употреблялись совмѣстно съ обычною пищею, варимою въ Замкѣ, причемъ эксперты: профессоры Лесгафтъ и Тарасевичъ, старшій врачъ полиціи г. Шабловскій, смотрители тюремъ и многіе другіе отдавали предпочтеніе натуральной пищѣ Замка, находя, что консервы должны считаться лишь суррогатомъ этой пищи; наконецъ и самъ г. Данилевскій, не отрицая мнѣнія экспертовъ,—отказался поставлять консервы по 5 к. порцію, во что обходится приварокъ на человѣка въ сутки. Во силу этихъ соображеній Правленіе дало заключеніе, что консервы полезны тогда, когда нѣтъ готоваго приварка, въ пути, для пересыльныхъ арестантовъ, ибо содержащіеся въ Замкѣ на 3 же разъ рѣшительно отказались ѣсть консервы: они дѣйствительно скоро очень пріѣдаются и на вкусъ гораздо ниже обыкновенной пищи.

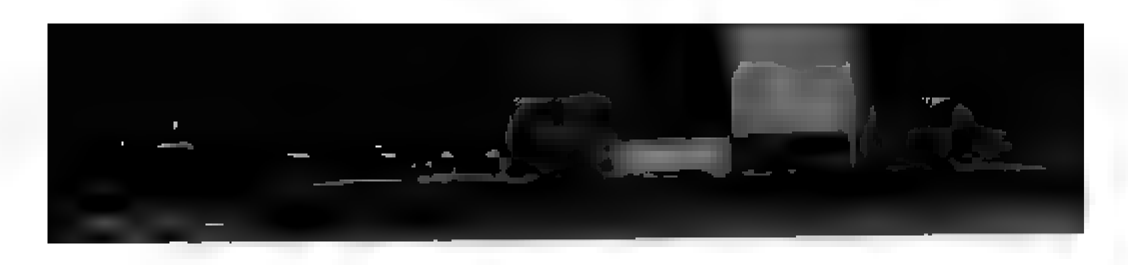
На основаніи Высочайше утвержденнаго, 27 марта 1858 г., росписанія, на продовольствіе проходящихъ, чрезъ Петербургъ, по этапу, арестантовъ Комитету отпускалось казною въ отчетномъ году по 10 коп. въ сутки, а издерживалось по 14 коп., причемъ прибавка 4 коп. на каждаго изъ 10.000 человѣкъ,—въ годъ 400 руб.,—падала на счетъ частныхъ средствъ Комитета; цѣны на провизію въ отчетномъ году были выше, нежели въ 1858 г. ровно вдвое. Поэтому Правленіе испрашивало разрѣшенія Комитета объ измѣненіи табели, по которой продовольствіе этихъ арестантовъ не можетъ обойтись менѣе 14 к. Комитетъ, не считая себя вправѣ измѣнять утвержденную табель, вошелъ, по сему предмету, съ представленіемъ къ г. президенту, но рѣшеніе этого дѣла не послѣдовало.

На прокормленіе привилегированныхъ арестантовъ Замка въ отчетномъ году отпускались порціонныя деньги по чинамъ, а продовольствіе было общее и стоимость порціи опредѣлена была Комитетомъ на всѣхъ безъ различія чиновъ по 12 к. въ сутки. Между тѣмъ людямъ, порціоны которыхъ превышали 12 коп., остальныя деньги выдавались на руки, а за тѣхъ, порціоны которыхъ были менѣе 12 к. (дворянамъ, неимѣющимъ чиновъ, канцелярскимъ служителямъ и т. п. полагалось только: первымъ—по 10 коп., а всѣмъ остальнымъ—по 7 коп. въ сутки) Комитетъ добавлялъ по 2 и по 5 коп. въ сутки.

О содержаніи больницы Замка и соприкасавшихся къ ней отдѣльныхъ предметовъ.

(Частію этою завѣдывали старшіе врачи больницы: съ 1 ноября 1872 г., по 1 марта 1873 г.—Г. Китнеръ, а съ 1 марта по 1 ноября—Н. Г. Купріяновъ; повѣркою отчетовъ по аптекѣ директоръ—А. К. Вейнбергъ).

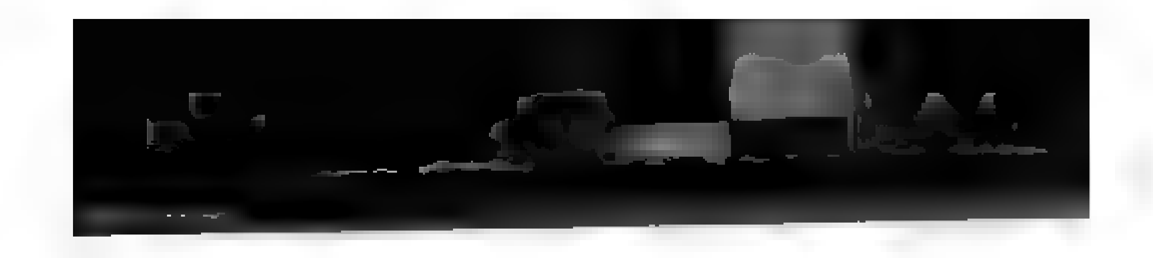
На содержаніе больныхъ и погребеніе умершихъ отпускаются *деньги Комитету,* на основаніи лит. *а*, п. 1 ст. 84, 180,

182 и 188 и примѣч. къ 189 ст. о содерж. подъ стражею, отъ казны, причемъ собственно на лѣкарство полагается по 3 к. въ сутки на человѣка.

Въ началѣ было кратцѣ указано, что образъ веденія хозяйства больницы не соотвѣтствовалъ стремленіямъ Правленія, которое застало, что деньги на матеріалы для приготовленія лѣкарствъ отпускались, ежемѣсячно, впередъ, подъ росписку старшаго врача, или аптекаря больницы; послѣдній покупалъ все, гдѣ, что и по какимъ цѣнамъ признавалъ удобнымъ, а по истеченіи мѣсяца отсылался въ Комитетъ краткій отчетъ за истекшій мѣсяцъ и т. д. На послѣдовательную изо дня въ день записку прихода и расхода медикаментныхъ веществъ книги не велось, общихъ сводовъ затратамъ изъ ежедневныхъ рецептовъ не дѣлалось. На прокормленіе больныхъ отпускалось ежедневно такое количество всякаго рода продуктовъ, какое означалось въ рапортичкахъ на порціи; самую провизію принимали поваръ-арестантъ съ кѣмъ-либо изъ больничныхъ сторожей. Ненормальность изложеннаго порядка вынудила Правленіе хлопотать объ его измѣненіи. Комитетъ поручилъ директору А. К. Вейнбергу преподать аптекарю формы веденія больничныхъ книгъ. Далѣе Правленіе провѣрило все наличное имущество больницы и изъ результатовъ провѣрки составился инвентарь, каковаго не было, и постановило, чтобы всѣ требованія на медикаменты, за подписью старшаго врача, или одного изъ 2-хъ ординаторовъ, передавались заблаговременно эконому, а сей послѣдній посылалъ бы за нужными предметами туда, гдѣ можно выгоднѣе ихъ пріобрѣсти. Съ этою цѣлію были собраны предварительно свѣдѣнія о цѣнности лѣкарственныхъ веществъ отъ нѣсколькихъ дрогистовъ, а потомъ Правленіе вошло въ соглашеніе съ торговымъ домомъ Штоля и Шмидта (этой фирмѣ отдано предпочтеніе, во-1-хъ, какъ болѣе исправной, а во-2-хъ прейскурантъ ея удовлетворялъ желанію Правленія) объ отпускѣ матеріаловъ по открытому, для Правленія, общему счету, съ тѣмъ, чтобы платить

деньги сразу, а не по мелочамъ, на основаніи счетовъ, которые повѣрялись съ заведенною приходною книгою: сперва—А. К. Вейнбергомъ, а потомъ, съ назначеніемъ старшимъ врачемъ больницы, 1 марта 1873 г. Н. Г. Купріянова,—симъ послѣднимъ. Пиво и вино покупались также оптомъ, дешевле; первое—изъ Калинкинскаго завода, а послѣднее — изъ погреба Воронцовыхъ. На экстренные же, чисто медицинскіе, расходы выдавалось антекарю по 15 р., по издержаніи коихъ и повѣркѣ правильности расхода аптекарь получалъ вновь такую же сумму. Кромѣ того Правленіе подтвердило къ исполненію правила о томъ, чтобы: а) провизію принималъ непремѣнно надзиратель больныхъ, который отвѣчалъ бы за ея цѣлость, хорошее приготовленіе и правильную раздачу больнымъ; б) ежедневныя рапортички о числѣ и количествѣ порцій не уничтожались бы, какъ дѣлалось прежде, а передавались для храненія при дѣлахъ Правленія, какъ оправдательные расходамъ документы; в) въ число покупаемыхъ для больныхъ булокъ, бѣлаго хлѣба и яицъ было разрѣшено отпускать свѣжія изъ жертвуемыхъ для арестантовъ Замка. Вслѣдствіе доклада Н. Г. Купріянова, Правленіе исходатайствовало: а) разрѣшеніе Комитета устроить въ больницѣ 23 вентиляціонныя форточки, купленныя за 46 руб. на заводѣ Санъ-Галли; б) передѣлку нѣкоторыхъ комнатъ сообразно гигіеническимъ потребностямъ; в) сверхъ того къ зданію Замка привѣшена особая кружка, для сбора денежныхъ приношеній собственно въ пользу больныхъ, которымъ предполагалось покупать на этотъ именно источникъ чай, клюкву и т. п. прихоти, являющіяся обыкновенно у выздоравливающихъ; но Комитетъ предоставилъ старшему доктору прописывать для больныхъ все, что признаетъ нужнымъ, на общій счетъ, а кружечный сборъ доставлялся бы въ Комитетъ. Съ переводомъ малолѣтнихъ арестантовъ изъ больницы Св. Николая больные малолѣтніе арестанты совершенно отдѣлены были отъ взрослыхъ въ особыя 2 комнаты, расположенныя въ нижнемъ этажѣ зданія. Для водворенія надлежащаго порядка

въ больницѣ Замка, Н. Г. Купріяновъ составилъ, взамѣнъ устарѣвшей новую инструкцію, утвержденіе которой отложено Комитетомъ, согласно мнѣнію Правленія, до 1874 г., когда подвергнутся пересмотру и правила хозяйственнаго Правленія.

Правленіе само сознавало, что далеко еще не исполнило *всего*, что при другихъ обстоятельствахъ могло бы исполнить—по нижеслѣдующимъ причинамъ; во 1-хъ оно считалось не оффиціальнымъ, а *частнымъ* въ Замкѣ, учрежденіемъ, рѣшенія котораго, какъ необязательныя по закону, часто игнорировались администраціею Замка, которая, напротивъ, во многомъ противодѣйствовало Правленію; въ-2-хъ, власть Комитета надъ мѣстами заключеній на столько, съ теченіемъ времени, постепенно ослабилась, что представителямъ Комитета,—въ данномъ случаѣ Правленію—рѣдко удавалось убѣдить повиноваться постановленіямъ самого Комитета: арестанты рѣшительно отрицали вліяніе на нихъ Комитета, называя его простымъ поставщикомъ жизненныхъ потребностей, поставщикомъ, отъ котораго можно требовать все, что вздумается, а потому за всякій ихъ трудъ для тюрьмы (напр. шитье бѣлья, печеніе хлѣба, варку пищи и т. п.) Комитетъ вынужденъ платить имъ деньги, вопреки 55 ст. Уст. и 151 п. инструкціи смотрителю Замка; въ-3-хъ, Правленію весьма затруднительно было скомплектовать и сохранить, на долго, составъ прислуги изъ людей благонадежныхъ; напримѣръ многіе, поступивъ на должность по хозяйственной части и едва освоившись съ нею, тотчасъ отказывались служить, вслѣдствіе неблагопріятнаго вліянія на нихъ администраціи и несправедливыхъ нареканій на Правленіе *); въ-4-хъ, сложная и разнообразная отчетность и переписка Правленія вызвала усидчивую, далеко

---

*) Ложные доносы и жалобы арестантовъ, поддерживавшіеся смотрителемъ, доходили и до Г. Президента, почему Правленію приходилось опровергать ихъ объясненіями, писанными, одно напр. на 12 листахъ. Правленіе, впрочемъ, разрушило всѣ *сочинявшіяся противъ него* кляузы.

не легкую работу на провѣрку, составленіе бумагъ отъ предсѣдателя, а также и отъ Членовъ Правленія, потому что получавшіе скудное жалованье, по 25 р. въ мѣсяцъ, два чиновника, при ихъ усиленныхъ занятіяхъ,—едва успѣвали вести повседневную отчетность и переписывать бумаги.

Подробный годовой отчетъ Правленія съ приложеніями, содержавшимися въ 22-хъ вѣдомостяхъ, о матеріальныхъ и денежныхъ операціяхъ, произведенныхъ Правленіемъ въ теченіе отчетнаго года, былъ заслушанъ въ экстренномъ засѣданіи Комитета, 14 января 1874 г. Комитетъ, обсудивъ внимательно всѣ заключавшіяся въ отчетѣ и приложеніяхъ точныя, по каждому предмету, хозяйства данныя,—нашелъ, что „дѣятельность Правленія,—этого новаго еще учрежденія,—превзошла возглавшіяся на него Комитетомъ надежды: въ отчетномъ году всѣ расходы покрыты изъ ассигнованныхъ суммъ, чѣмъ устранился дефицитъ, въ предшествовавшіе годы существовавшій, не смотря и на то, что кормовыя деньги съ 10 к. уменьшены были на 7 к., причемъ Правленіе еще съэкономило 27.689 р. 85 к., въ томъ числѣ: казнѣ—14.137 р. 34 к., а Комитету—13.552 р. 51 к. Комитетъ заключилъ: 1) отчетъ Правленія принять къ свѣдѣнію, а въ чемъ слѣдуетъ и къ руководству на будущее время, въ особенности при назначеніи смѣтныхъ ассигнованій на содержаніе зданія Замка и заключенныхъ въ немъ лицъ; 2) извлеченіе изъ этого отчета о всѣхъ мѣропріятіяхъ, какія предпринимались къ образованію Правленія, къ устройству хозяйственной части на правильныхъ началахъ, къ удержанію, по этой части, полнаго раціональнаго порядка,—напечатать, безотлагательно, для всеобщаго извѣстія, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ"; 3) всѣ цифровыя, денежныя и прочія свѣдѣнія, значавшіяся въ текстѣ отчета и приложенныхъ къ нему вѣдомостяхъ — включить, отдѣльными статьями, въ общій годовой по Комитету, отчетъ и 4) директорамъ, образовывавшимъ, въ теченіи года, персоналъ Правленія,—выразить глубочайшую признательность Комитета за неутомимые, плодотворные труды, какіе

они понесли для сбереженія матеріальнаго интереса казны и Комитета, а равно за очевидную пользу и облегченіе участи заключенныхъ въ Замкѣ людей.

На установившихся началахъ, но при другомъ уже составѣ директоровъ, Правленіе продолжало дѣйствовать, въ томъ же направленіи. Стараніе Комитета упрочить это учрежденіе и тѣмъ самымъ облегчить труды директоровъ, образовывавшихъ Правленіе, — послужило предсѣдательствовавшему, въ Комитетѣ, князю А. И. Шаховскому, логическимъ поводомъ домогаться о Высочайшемъ утвержденіи Правленія, чтобы сдѣлать его самостоятельнымъ хозяиномъ въ тюрьмѣ (16 мая 1873 г). Совѣтъ вице-президентовъ, разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, заключилъ, что „Комитетъ въ качествѣ хозяина тюрьмы, по закону, — воленъ управлять хозяйствомъ и чрезъ Правленіе, которое, поэтому нѣтъ причины утверждать Высочайшею властію; если же оно встрѣчаетъ препятствія въ выполненіи своихъ обязанностей, то въ этомъ отношеніи, должно пользоваться содѣйствіемъ и указаніями Комитета и президента Общества Попечительнаго о тюрьмахъ." Это мнѣніе Совѣта одобрилъ и г. президентъ, признавъ и съ своей стороны „совершенно цѣлесообразнымъ существованія Правленія, въ виду вполнѣ полезныхъ результатовъ, его дѣятельностію уже оказанныхъ" (24 февраля 1874 г.).

Такимъ образомъ Правленіе и осталось въ качествѣ учрежденія, лишь Комитетомъ санкціонированнаго и потому неоднократно подвергалось различнымъ стѣсненіямъ, порицаніямъ, въ родѣ описанныхъ выше, даже разстраивалось періодически. Но живучесть принципа о необходимости коллегіальнаго учрежденія, и перемѣна тюремной администраціи сдѣлали, въ совокупности, то, что Правленіе — существуетъ и до сихъ поръ, принося ежегодно большія или меньшія улучшенія и остатки въ кассу Комитета. Особенно оживило Правленіе и проявило разумную и полезную дѣятельность съ 1878 г., т. е. со времени вступленія въ предсѣдатели

Комитета—Ѳ. Н. Смирнаго, а Правленія сперва—В. Г. Карновича, а потомъ Е. Е. Аникина; они не жалѣли ни усилій, ни трудовъ на водвореніе гармоніи во всѣхъ отрасляхъ хозяйства тюрьмы.

[redacted]

VII.

Очеркъ положенія пересыльной части, съ 1826 года по настоящее время.

На сколько Попечительное Общество о тюрьмахъ заботилось о физическомъ благополучіи *мѣстныхъ* заключенныхъ,—читатели уже видѣли изъ предъидущаго очерка. Теперь посмотримъ какъ Общество относилось къ участи *пересыльныхъ* арестантовъ и арестантокъ.

Извѣстно, что до открытія Общества переправляли преступниковъ: самыхъ важныхъ—въ желѣзныхъ ошейникахъ, да на цѣпи, а менѣе важныхъ—въ кандалахъ и со связанными назадъ руками, чтобы не разбѣжались. Противъ этого жестокаго, съ людьми, обхожденія, впервые возстали Члены Петербургскаго Комитета Общества: братья Венинги, Джунковскій, Сѣровъ и проч. Настоянія филантроповъ постепенно привели къ тому, что ошейники были уничтожены—въ 1820 г.; тяжкія кандалы были замѣнены облегченными—въ 1822 г.; причемъ женщинъ совсѣмъ избавили отъ ножныхъ оковъ; цѣпи, стулья окончательно запретили надѣвать на людей—въ 1826 г., а связываніе назадъ руки отмѣнили — въ 1828 г., по предстательству Трубецкаго. Такъ, что только „на шедшихъ въ Сибирь безъ ножныхъ оковъ“ налагали, съ 1824 г., „желѣзные ручные прутья“, въ которыхъ, съ 1825 г., стали водить всѣхъ пересыльныхъ по всей Россіи, въ „предупрежденіе побѣговъ“.

Москва изстари составляла центральный пунктъ для всѣхъ ссыльныхъ. Члены Московскаго Комитета замѣчали, что „прутья —орудіе крайне изнурительное,—превосходитъ всю мѣру возможнаго человѣческаго терпѣнья". И вотъ, стремясь къ облегченію участи пересыльныхъ, — Члены занялись изученіемъ положенія пересылавшихся на прутьяхъ и убѣдились въ слѣдующемъ: „Чтобъ налагаемый на запястье желѣзный наручникъ, сквозь который проходитъ прутъ,—не могъ быть сдвинутъ съ руки, нужно, чтобы онъ весьма плотно къ ней прилегалъ; ибо разность въ толщинѣ запястья и сложенной кисти значительна. Инвалидъ, обязанный прикрѣплять арестантовъ къ пруту, ищетъ, между наручниками, такой, который ближе подходитъ къ рукѣ арестанта, но нужно особенное счастіе, чтобъ нашелся наручникъ, сходный по рукѣ такъ, чтобъ она была хотя нѣсколько свободна, и въ тоже время не могла бы быть выдернута. Наручникъ долженъ прикрѣплять руку арестанта плотно къ пруту, а посему каждая рука трется прутомъ при всѣхъ перемѣнахъ ея положенія, причиняемыхъ прочими руками. При ходьбѣ рука каждаго арестанта трется также объ его собственный наручникъ и о прутъ. Высокіе люди тащатъ вверхъ руки малорослыхъ, они тянутъ руки высокихъ внизъ, а слабые за сильными не поспѣваютъ. При неровной дорогѣ связаннымъ прутомъ арестантамъ очень трудно идти вмѣстѣ на столь маломъ разстояніи, какова длина прута. По причинѣ безпрестаннаго тренія прутомъ рукъ, на нихъ весьма часто видны опухоли, раны, нерѣдко бываетъ содрана совсѣмъ кожа на томъ мѣстѣ, гдѣ надѣтъ прутъ. На прикрѣпленныя къ пруту руки—арестанты не могутъ порядочно надѣвать рукавицъ: этому мѣшаютъ прутъ и наручники. Холодъ отъ желѣза причиняетъ людямъ зимою ужасныя мученія, тѣмъ болѣе, что они не могутъ дѣлать руками никакихъ движеній, для ихъ согрѣванія. Ключи отъ запоровъ прутьевъ хранятся въ общемъ сундукѣ, такъ, что, если изъ прикрѣпленныхъ къ пруту арестантовъ—одинъ въ дорогѣ забо-

можетъ, приходится всѣхъ вмѣстѣ посадить на повозку, а это дѣлать почти невозможно. На ночлегахъ арестанты также не имѣютъ нужнаго покоя: движенія одного—чувствуютъ всѣ прочіе, къ тому же пруту прикрѣпленные. Каждый разъ, когда одному изъ нихъ ночью понадобится выходить на дворъ,—всѣ товарищи его должны его сопровождать. Кромѣ физическихъ мученій, причиняемыхъ закрѣпленіемъ многихъ арестантовъ къ одному пруту,—это худо вліяетъ и на ихъ нравственность: связываются, безъ различія, важные преступники со ссылаемыми за меньшіе проступки, но всѣ они, терпя одинаковую тягость, согласуются въ чувствованіяхъ ропота на тѣхъ, коихъ почитаютъ ея виновниками. Ужасъ и уныніе охватываетъ арестантовъ, когда дѣлаются приготовленія прикрѣплять ихъ къ пруту. Напротивъ: всеобщая радость и благодарность возсылается ими начальству, когда ихъ отправляютъ порознь въ кандалахъ. Это явно убѣждаетъ, что прутья для нихъ безъ всякаго сравненія отяготительнѣе кандаловъ".

Все это побудило двухъ Членовъ Комитета изобрѣсти образецъ другихъ кандаловъ, которые были „признаны Московскимъ Комитетомъ весьма удобными". Московскій Генералъ-Губернаторъ (предсѣдатель мѣстнаго Комитета) представилъ цитированную нами записку Государю въ 1829 г. Комитетъ Министровъ передалъ ее на заключеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, а онъ внесъ въ Государственный Совѣтъ со своимъ мнѣніемъ, причемъ измѣненный порядокъ получилъ законодательную санкцію почти черезъ 3 года, со времени появленія записки (1 марта 1832 г.). Здѣсь же совершенно кстати отмѣтимъ, что Императоръ Николай Павловичъ и лично оказалъ пересыльнымъ значительное снисхожденіе. Именно, посѣтивъ Полтавскій острогъ, Онъ замѣтилъ, что всѣ, безъ различія, пересыльные содержались въ кандалахъ, а потому повелѣлъ: оставлять въ оковахъ лишь убійцъ и имъ подобныхъ важныхъ преступниковъ; остальныхъ же по приводѣ съ дороги въ остроги—тотчасъ же расковывать, а также

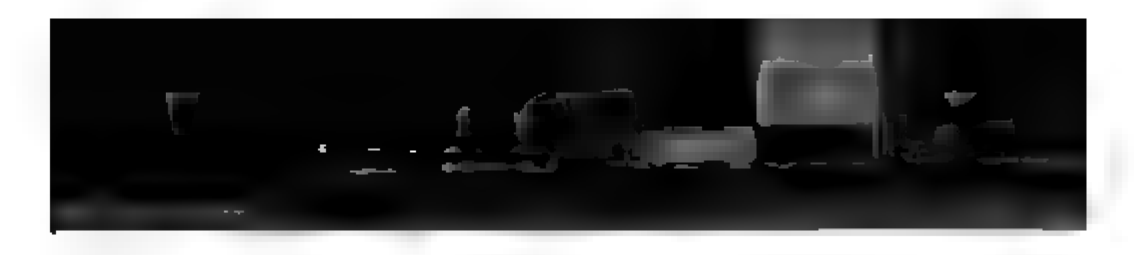
ковывать снова предъ самымъ отправленіемъ дальше въ путь (17 сентября 1832 г.).

Такимъ образомъ пересыльные терпѣливо уже сносили принаровленные къ возможно-удобной ходьбѣ кандалы и наручники. Между переправлявшимися по этапамъ были люди и не преступники, которымъ тѣмъ не менѣе ни какихъ льготъ не полагалось, коль скоро они попадали въ число пересыльныхъ. Этотъ тягостный порядокъ долго безпокоилъ представителей филантропіи. Наконецъ бывшая предсѣдательница Петербургскаго дамскаго Тюремнаго Комитета Т. Б. Потемкина написала президенту, графу М. Х. Бенкендорфу, что „въ числѣ пересыльныхъ случаются часто такіе, которые арестованы *безъ всякой вины*, а единственно по стеченію обстоятельствъ, отъ нихъ не зависящихъ, и назначаются только на родину, но и ихъ сковываютъ, въ предупрежденіе побѣговъ". Руководствуясь долгомъ человѣколюбія и справедливости,—она просила его ходатайства, чтобы люди эти „слѣдовали безъ оковъ" (21 іюня 1841 г.). Бенкендорфъ предложилъ мужскому Комитету „обсудить: на сколько это возможно"? Комитетъ принялъ мнѣніе Потемкиной и сообщилъ объ этомъ Бенкендорфу, а онъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Не дождавшись, скоро, отвѣта, Комитетъ повторилъ ходатайство въ пользу „женщинъ, увѣчныхъ, престарѣлыхъ, богомольцевъ и просрочившихъ паспорты". Однако заковку въ наручники отмѣнили лишь для маловажныхъ арестантокъ *) (22 ноября 1841 г.).

Съ тѣхъ поръ, судя по архивнымъ документамъ, долго не проявлялось ни стремленія Комитетовъ освободить кого либо отъ заковки, ни указаній отдѣльныхъ Членовъ Комитетовъ, на неправильность примѣненія закона о заковкѣ. Вдругъ Членъ Ко-

---

*) Категорія богомольцевъ постепенно упразднилась, а просрочившихъ паспорты и теперь заковываютъ въ наручники. Значитъ 38 лѣтъ тому назадъ филантропы обладали такимъ высокимъ чувствомъ гуманности, до какого и мы *еще не дожили!*.

нитета А. Н. Муравьевъ нашелъ въ Петербургѣ, въ числѣ пересыльныхъ, 4 арестантовъ изъ Кронштадтской военной арестантской роты, въ „ножныхъ кандалахъ и прикованныхъ руками, къ отдѣльнымъ тележкамъ, желѣзными поясами". Это такъ сильно поразило его, что онъ произвелъ цѣлое дознаніе, причемъ убѣдился въ томъ, что они пробыли въ такомъ положеніи: одинъ—7, другой — 6 лѣтъ сряду, а прочіе по году. По поводу этого ужаснаго истязанія Муравьевъ долго подавалъ, повсюду, записки, но чего онъ ими добился—въ дѣлахъ нѣтъ, къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній.

Черезъ 20 лѣтъ спустя, т. е. въ 1872 г., пишущій эти строки однажды, тоже увидѣлъ здѣсь, между прочими арестантами, человѣка высокаго роста, худощаваго, съ обритою вдоль полголовой, *закованнаго въ ножныя и ручныя кандалы*, наглухо заклепанныя. Кандалы и наручники были изъ 3 — 4 толстыхъ колецъ, очень узкія, такъ что рѣзко отличались отъ обыкновенныхъ. Я подумалъ было: вѣрно это его страшнымъ злодѣйствамъ воздаяніе; но вспомнилъ, что такой заковки законъ не предусматриваетъ. Изъ разговора съ арестантомъ и изъ другихъ свѣдѣній, я узналъ, что Потапъ Бумажниковъ, 25 лѣтъ, будучи мѣщаниномъ города Вольска, Саратовской Губерніи, нанялся въ рекруты за крестьянина, 13 февраля, а прибылъ въ матросы, во 2 флотскій экипажъ, въ Кронштадтъ—23 сентября 1871 года. Прослуживъ исправно недолгое время, онъ пошелъ, 13 мая 1872 года, въ домъ терпимости, гдѣ встрѣтился съ тремя пѣхотными солдатами. Вражда моряковъ съ пѣхотинцами, бывшая и прежде причиной значительныхъ безпорядковъ, еще не угасла въ Кронштадтѣ; они затѣяли, будто бы, между собою ссору, перешедшую въ драку, и въ это-то время Бумажниковъ вырвалъ у одного изъ солдатъ кошелекъ съ деньгами и намѣревался убѣжать, но его поймали, предали, за грабежъ, суду военно-морского суда, 26 іюля осудили на четыре года въ военно-исправительную роту и до исполненія надъ нимъ приговора за-

садили его въ другое помѣщеніе—сѣверо-восточную башню крѣпости. Тамъ, среди многихъ арестантовъ, онъ встрѣтилъ, совершенно неожиданно, своего зятя (мужа сестры), котораго не видалъ нѣсколько лѣтъ и который сообщилъ ему, что идетъ, за убійство, въ каторгу на двѣнадцать лѣтъ. Бывши еще дома друзьями,—они, естественно, рады были встрѣчѣ. Зять, гораздо старше его, высказалъ ему сожалѣніе, что ихъ скоро разлучатъ и при этомъ совѣтовалъ „постараться лучше угодить вмѣстѣ.“

— Веселѣе будетъ—толковалъ ему зять—пойдемъ мимо дома, родныхъ повидаемъ, свѣтъ разглядимъ, а то, что ты закабалишься въ какую-то арестантскую роту, гдѣ гораздо хуже каторги!...

— И разъ и другой это онъ мнѣ все долбилъ, долбилъ, а другіе арестанты поддакивали. И скучно таково мнѣ стало, и заскребло у меня на сердцѣ. Думалъ я, думалъ, да рѣшился не разставаться съ зятемъ. Да что-жъ молъ, набѣдокурить надо, чтобъ вмѣстѣ?

— А хвати, говорятъ товарищи, кого-нибудь повыше, въ зубы, и готовъ будешь.

— Пришелъ караульный офицеръ перекличку дѣлать. Я изловчился, да и саданулъ его по шеѣ... Это случилось 27 іюля, т. е. на другой день послѣ перваго судьбища. Того же числа и заковали меня во все это...

За это преступленіе—оскорбленіе офицера въ то время, когда тотъ отправлялъ служебныя обязанности, съ цѣлью избавиться отъ заключенія въ исправительную роту—и быть сосланнымъ въ каторгу — судъ осудилъ Бумажникова въ военно-каторжное отдѣленіе, въ Тобольскъ, на 12 лѣтъ. Разсказъ его дышалъ искренностью и какъ нельзя убѣдительнѣе доказывалъ весь вредъ помѣщенія въ казематахъ головорѣзовъ съ мало испорченными людьми, особенно, когда послѣдніе еще находятся подъ вліяніемъ наканунѣ слышаннаго приговора. Независимо, однако, отъ отягощенія *участи* Бумажникова, его посѣтили еще двѣ невзгоды:

[redacted]

зятя отправили раньше, по назначенію, о чемъ онъ сильно горевалъ, а его, какъ заковали въ башнѣ,—такъ командиръ 2-го флотскаго экипажа и передалъ въ кронштадтскую полицію, а та отправила дальше, и онъ пришелъ въ Столичную пересыльную тюрьму, 5 сентября, закованнымъ по рукамъ и ногамъ. Здѣсь онъ поставилъ въ тупикъ весь тюремный персоналъ: въ теченіи послѣднихъ 15 лѣтъ прослѣдовала чрезъ тюрьму, на каторгу, за самыя разнообразныя преступленія, не одна тысяча людей, но Бумажниковъ *первый* еще оказался такъ закованнымъ. Изъ доставленныхъ документовъ обнаружилось, что по статейному списку Бумажниковъ „долженъ слѣдовать за конвоемъ", а въ открытомъ листѣ, подписанномъ Кронштадтскимъ Полиціймейстеромъ, прописано: „въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ". По разсмотрѣніи этихъ документовъ мы заявили Губернскому Правленію о неправильной заковкѣ Бумажникова и просили распоряженія о снятіи съ него (подлежащаго заковкѣ только въ кандалы)—наручниковъ. Правленіе предварительно запросило о причинѣ отсылки Бумажникова въ ножныхъ и ручныхъ оковахъ Кронштадтскаго Коменданта. Между тѣмъ Бумажниковъ могъ: спать —только сидя, а ѣсть—съ большимъ затрудненіемъ. Для того, чтобъ снять пропотѣвшую на немъ шинель, распороли ея рукава, а когда онъ попросился въ баню — распороли рукава рубашки, брюки и проч., потомъ другія вещи, также распоротыя, надѣли и зашили на немъ. Достаточно было видѣть только, съ какимъ живѣйшимъ участіемъ и соболѣзнованіемъ прислуживали ему товарищи по камерѣ—убійцы, разбойники, чтобъ отвѣтить смѣло, что и въ этихъ отверженныхъ жило еще сильное чувство любви къ ближнему. Въ виду страданій Бумажникова мы обратились къ бывшему, тогда, Прокурору Окружнаго суда А. Ф. Кони съ просьбою возстановить силу закона о заковкѣ. Г. Кони пріѣхалъ въ тюрьму, увидѣлъ Бумажникова, прочелъ документы о немъ и тотчасъ же предписалъ смотрителю расковать Бумажникову руки, что и было

исполнено, ко всеобщей радости *). Изъ Кронштадта же чрезъ 3 недѣли спустя получился отвѣтъ, что Бунажникову сковали руки и ноги вслѣдъ за оскорбленіемъ имъ офицера, чтобы „на-предь лишить его возможности буйствовать“. Затѣмъ его продержали до осужденія въ каторгу и такъ и отослали въ Петербургъ... Нарушеніе закона очевидно никого не интересовало.

Еще хуже, нежели съ Бунажниковымъ, поступали съ преступниками въ Финляндіи. Тамъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь усаживали въ тележку, и приковывали ихъ руки и ноги къ этимъ тележкамъ, запрягали въ нихъ лошадей усаживали на козлы, обыкновенно, мальчиковъ и они везли арестантовъ въ Петербургъ. Возницы эти останавливались дорогою днемъ, ночью, а арестанты въ дождь, въ морозъ все сидѣли въ тележкахъ, на дворѣ, возлѣ харчевень, даже испражнялись подъ собою, до Петербургской пересыльной тюрьмы!... Этотъ, какъ видите, дешевый, но варварскій способъ перевозки, безъ конвоя, практиковался десятки лѣтъ сряду... Директоръ Ф. В. Кривцовъ заявилъ объ этомъ письменно бывшему Предсѣдателю Комитета князю А. И. Шаховскому (въ 1872 г.), а онъ Статсъ-Секретарю Княжества Финляндскаго, объ отмѣнѣ этой ужасной системы пересылки арестантовъ. Настоянія князя А. И. Шаховскаго привели къ тому, что Финлядскій Сенатъ ввелъ въ дѣйствіе обикновенную пѣшую пересылку (въ 1873 г.). Съ открытіемъ же Финляндской желѣзной дороги и арестанты пользуются ея услугами.

Въ слѣдующемъ 1874 г. (16 іюля) прибылъ въ Петербургскую пересыльную тюрьму, по этапу, изъ Пскова, мѣщанинъ Василій Катковъ, *16 лѣтъ, щедушный и самаго малаго, по лѣтамъ, роста, закованный въ кандалы, съ обритою* вдоль *полголовою, осужденный*, за грабежъ безъ насилія и безъ угрозъ *на поселеніе*, не въ отдаленныя мѣста Сибири. Мы опять обратились, 18 іюля, въ Губернское Правленіе за

---

*) См. „Голосъ“ 1872 г. № 151.

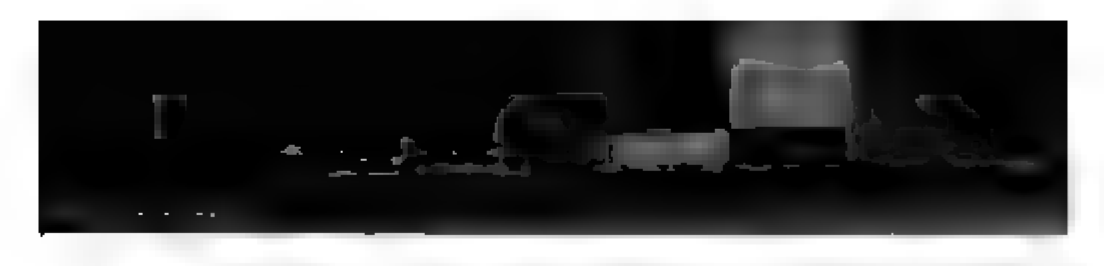
приказаніемъ расковать Каткова, освобожденнаго, по *несовершеннолѣтію*, отъ оковъ. Просьба эта была отвергнута потому, что ссыльные будто бы называются каторжные и поселенцы безразлично и, что коль скоро Катковъ, въ качествѣ ссыльнаго закованъ въ кандалы, то въ нихъ и долженъ слѣдовать до Сибири, не смотря и на то, что онъ несовершеннолѣтній. Мы доказывали, напротивъ, что для предупрежденія побѣговъ преступниковъ, тѣ изъ осужденныхъ *въ каторжную работу*, на которыхъ не распространяются льготы, предусмотрѣнныя 171 ст. Уст. о содерж. подъ страж. (т. XIV Св. Зак.) заключаются *въ кандалы*, на точномъ основаніи 2 части 170 ст. того-же Устава; что *на ссыльныхъ*, кои безъ оковъ (въ кандалы должны заковываться только каторжные мужчины-простолюдины) *надѣваются наручники*, установленные 96 ст. Уст. о ссыльныхъ и 463 ст. Уст. о сл. внутр. стражи; что и по самой даже Сибири, гдѣ побѣги несравненно легче, нежели внутри Имперіи, арестанты слѣдуютъ: *каторжные — въ кандалахъ*, а *ссыльные—въ наручникахъ* (347 ст. Уст. о ссыльныхъ), что законодатель, сознавая разницу между Сибирью и внутренними губерніями касательно арестантовъ, очевидно, нарочно ввелъ лишь въ Уставы о содерж. подъ страж. и о сл. внутр. стр., но не въ Уставѣ о ссыльныхъ статьи 224 и 406, которыя „*предоставляетъ* гражданскому начальству *облегчать* тѣхъ изъ пересылаемыхъ по этапу людей, кои не требуютъ *особыхъ мѣръ предосторожности*, назначая препровожденіе ихъ *безъ оковъ*", т. е. совершенно свободными, ибо оковами называются (171 ст. Уст. о содерж. подъ страж.) кандалы и наручники безразлично; наконецъ, что Правленіе вправѣ расковать Каткова и на основаніи одной 224 ст., предоставляющей ему „облегчать участь людей, не требующихъ особыхъ мѣръ предосторожности", къ каковымъ людямъ бесспорно принадлежалъ Катковъ.

Испытавъ неудачу въ Правленіи, мы прибѣгли къ помощи прокуратуры, причемъ бывшій Товарищъ Прокурора В. И. Жуковскій явился, 23 іюля, въ 11 часовъ утра, съ приказаніемъ расковать Каткова, но увы! уже было поздно: въ 6 часовъ утра того же дня Катковъ поплелся дальше „по полямъ, по дорогамъ, по тюрьмамъ, по острогамъ, на желѣзной цѣпи“... Мы адресовались къ попутному для Каткова „гражданскому начальству“ съ заявленіемъ о раскованіи Каткова по 224 ст., что было бы и законно и гуманно, ибо въ противномъ случаѣ онъ, по своему физическому состоянію, едва-ли благополучно доберется до Сибири и едва-ли будетъ годенъ къ „сельскимъ упражненіямъ“, къ которымъ пріурочена 4 п. 249 ст. Уст. о ссыльныхъ, но исполнило-ли попутное начальство нашу просьбу — мы не получили никакого отвѣта *). Тѣмъ не менѣе нѣкоторое время спустя было разъяснено, что несовершеннолѣтнихъ ни въ какомъ случаѣ заковывать не слѣдуетъ.

Водили, въ старину, пересыльныхъ этапомъ, какъ извѣстно пѣшкомъ, причемъ имѣвшіе при себѣ какія нибудь пожитки несли ихъ на плечахъ всю дорогу. Ноши эти ихъ, разумѣется, тяготили, отчего большинство продавало, мѣняло за безцѣнокъ и даже бросало свои вещи, о потерѣ которыхъ въ тоже время сожалѣло, сѣтовало. Комитетъ, по заявленіямъ своихъ Членовъ, доказывалъ, что для своза вещей, престарѣлыхъ, больныхъ и малолѣтнихъ пересыльныхъ, настоятельно необходимы подводы (въ 1822—1824 года). Подводы эти стали присылать: сперва—со второй, а потомъ — съ первой станціи отъ Петербурга (заставы), куда гнали пѣшкомъ всѣхъ съ ихъ имуществомъ. Комитетъ опять возсталъ противъ этого порядка. Бенкендорфъ велъ, отъ имени Комитета, продолжительную переписку, покуда начали исправно присылать подводы прямо въ тюрьму (12 декабря 1842 г., 10 января и 4 февраля 1843 г. и 12 марта 1844 г.).

---

*) *См.* „*Судебный* Вѣстникъ“ 1874 г. № 200.

Отъ Петербурга до Москвы партія двигались 48 сутокъ. Между тѣмъ на Волгѣ и Камѣ завелись пароходы и число ихъ постепенно увеличивалось. Николаевская желѣзная дорога также открылась для ѣзды по ней. Комитетъ и возбудилъ, въ 1851 г., вопросъ о томъ, нельзя-ли перевозить и ссыльныхъ въ Сибирь арестантовъ водою и по желѣзной дорогѣ? Въ подкрѣпленіе же своего, въ пользу перевозки, мнѣнія Комитетъ излагалъ, что этимъ способомъ „сбережется здоровье людей, они не будутъ являться въ Сибирь столь ослабленными, да и казна отъ принятія предложенія съэкономитъ значительную, ежегодно, сумму". Мысль эта была встрѣчена Правительствомъ сочувственно, но почему-то не возъимѣла никакого результата. Комитетъ повторилъ ее, въ 1852 г., съ большею настойчивостью. Министерство потребовало мнѣнія Генералъ-Губернатора, онъ—Губернатора, оба отвѣтили утвердительно и въ 1853 г. было утверждено „положеніе о перевозкѣ арестантовъ водою и по желѣзной дорогѣ".

Тѣмъ временемъ Россія начала Крымскую войну и „положеніе" осталось не введеннымъ въ дѣйствіе, потому что малочисленные пароходы и желѣзныя дороги нужнѣе были для перевозки войскъ. Кончилась печальная Крымская война и Комитетъ, въ 1856 г., поднялъ вопросъ уже о примѣненіи утвержденнаго положенія. Вотъ, между прочимъ, что писалъ Комитетъ Президенту, С. С. Ланскому. „Не касаясь матеріальныхъ выгодъ отъ этой мѣры и способовъ приведеніе ея въ исполненіе,—она представляется весьма полезною и благодѣтельною, вполнѣ соотвѣтствуя цѣлямъ Комитета—пещись объ облегченіи участи арестантовъ. Этимъ способомъ пересылки арестанты могутъ доставляться въ мѣста ихъ назначенія несравненно въ кратчайшій срокъ, не подвергаясь всѣмъ трудностямъ, болѣзнямъ отъ продолжительнаго и изнурительнаго пѣшаго препровожденія ихъ большія разстоянія. Въ нравственномъ отношеніи мѣра эта также весьма полезна, ибо, сокращая время нахожденія арестантовъ другъ съ другомъ въ пути,—отниметъ возможность сговоровъ ихъ между собою и въ

случаѣ нахожденія между ними закоренѣлыхъ преступниковъ,— ослабить дѣйствіе ихъ сообщества на нравственность прочихъ арестантовъ. Но какъ на всѣ необходимыя, при этомъ случаѣ, распоряженія потребуется не малое время, то Комитетъ, въ видахъ доставленія арестантамъ скорѣйшей пользы отъ сей мѣры",— просилъ „нынѣ же ввести этотъ способъ отправленія по желѣзной дорогѣ хотя только тѣхъ арестантовъ, которые пересылаются изъ С.-Петербурга въ Москву".

Результатомъ ходатайства Комитета и его Предсѣдателя, Тайнаго Совѣтнико Смирнова, какъ Гражданскаго Губернатора, было то, что въ 1857 г. послѣдовало разрѣшеніе ссылаемыхъ въ Сибирь перевозить: отъ Петербурга до Твери — по желѣзной дорогѣ, а отъ Твери до Тюмени—на пароходахъ. Затѣмъ въ 1858 г. „положеніе" подверглось измѣненію и новая редакція заключалась въ томъ, „что и вагоны и пароходы должны представлять собою арестантскія камеры, съ рѣшетками; люди обязаны сидѣть въ нихъ закованными; каждый вагонъ состоитъ изъ 4-хъ отдѣленій, а въ отдѣленіи помѣщать до 100 человѣкъ. Кромѣ конвойныхъ въ вагоны никто входить не вправѣ". Кормить арестантовъ приваркомъ приказывалось только предъ выѣздомъ, на дорогу же давать имъ на 2 сутокъ по 6 фунт. хлѣба и по 1 фунту варенаго мяса. Самая забота объ *указанномъ* продовольствіи пересыльныхъ—возложена была, по Высочайшему повелѣнію, на Тюремные Комитеты: Петербургскій, Московскій и попутные: Новгородскій и Тверской (на границахъ этихъ губерній установлялось принимать и сдавать пересыльныхъ).

Первый этапъ отправился изъ Петербурга въ Москву 5 апрѣля 1858 г. Потомъ, съ открытіемъ Нижегородской вѣтви прекратили отправку пересыльныхъ отъ Твери до Тюмени на пароходахъ, а начали возить всѣхъ водою отъ Нижняго, гдѣ сдѣлали центральный пересылочный пунктъ. Впослѣдствіи примѣнили перевозку ко всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, такъ, что теперь пѣшкомъ ходятъ пересыльные только по уѣзднымъ трактамъ, отдаленнымъ

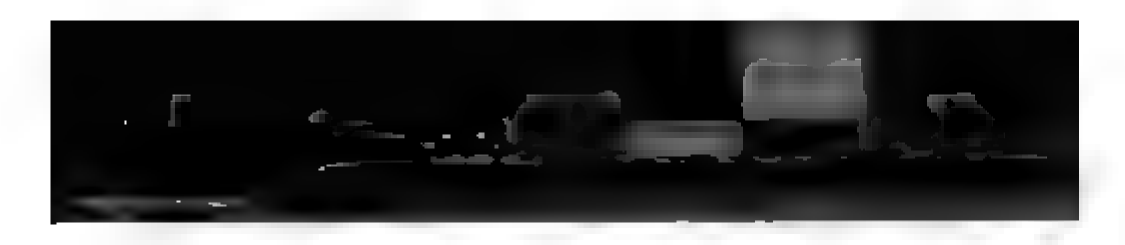
отъ желѣзныхъ дорогъ. Съ введеніемъ перевозки по желѣзнымъ дорогамъ отмѣнили доставку подводъ въ тюрьму, для своза людей на станцію. Комитетъ и предписалъ перевозить на его счетъ: больныхъ, престарѣлыхъ и беременныхъ женщинъ — въ „фургонахъ, съ употребленіемъ кожаныхъ, на пружинахъ, подушекъ“, а благородныхъ—въ каретахъ (16 декабря 1861 г.). Кромѣ того разрѣшилъ: въ случаѣ сопротивленія и буйства арестантовъ при ихъ отправленіи,—размѣщать ихъ въ фургоны, которые требовать изъ Тюремнаго Замка (28 февраля 1863 г.); малолѣтнихъ же арестантовъ на извощикахъ, тоже на счетъ Комитета (18 апрѣля 1863 г.). Все это дѣлается и до сихъ поръ.

Одежда и обувь отъ казны полагалась, въ старину, только на ссылаемыхъ въ каторгу и на поселеніе въ Сибирь. Это показалось Обществу неправоподобнымъ, потому что кромѣ этихъ двухъ категорій—пересылалось еще множество народа, точно также крайне нуждавшагося въ платьѣ и въ сапогахъ. Хотя Петербургскій губернаторъ Щербининъ и подтвердилъ вѣрность этого порядка (28 ноября 1819 г.), тѣмъ не менѣе Комитетъ поручилъ Члену Общества Н. И. Сѣрову изучить этотъ вопросъ. Сѣровъ письменно изложилъ, что „на вещи каторжнаго или ссыльнаго отпускается 30—31 р. въ годъ, потому Комитетъ удобно судить можетъ о добротѣ и видѣ сего платья! Таковымъ же платьемъ снабжаются, или, вѣрнѣе, должны снабжаться и посылаемые въ крѣпостную работу, *буде* не имѣютъ собственнаго; но сіе условное „буде“ считается за положительное „*есть*“. Въ подкрѣпленіе своего вывода Сѣровъ пояснилъ, что въ „кордегардіи сидятъ четверо такихъ людей (осужденные въ крѣпостную работу), которые не получатъ ни платья, ни кормовыхъ въ пути. Если осужденный въ какой либо губерніи очутился проходящимъ, здѣсь въ лѣтнемъ платьѣ, то хотябъ его послали дальше и среди зимы, его теплымъ платьемъ тоже не снабжаютъ; точно также и прибываютъ сюда зимою въ лѣтнемъ платьѣ и наоборотъ лѣтомъ въ зимнемъ платьѣ. Пересылающіеся въ слѣдствіямъ, для спра-

на счетъ Комитета, дабы не наживать новыхъ нареканій за притѣсненія людей, въ коихъ недостаточно совѣстливости. Коммиссія исполнила желаніе Трубецкаго, потомъ отказала прежнему подрядчику, наняла новаго, особаго смотрителя за вещами, установила отчетность, контроль статейныхъ списковъ, завела книгу, въ которую вписывала имя, отчество и фамилію каждаго, кому какія именно вещи даны казенныя, какія имѣлъ онъ собственныя и заставляла партіонныхъ офицеровъ росписываться въ полученіи вещей въ исправности (такъ дѣлается и по нынѣ). Наконецъ изъ отпущенныхъ казною денегъ на вещи Коммиссія сэкономила за первый же годъ 3.877 р. 42 к.

Введенный, такимъ образомъ, порядокъ этотъ держался долго безъ всякихъ, съ чьей либо стороны претензій, на Комитетъ, *честно* выполнявшій принятую на себя обязанность. Мы говоримъ „честно" вотъ почему. Безпаспортнымъ и нищимъ пересыльнымъ казенныхъ вещей не полагалось: ихъ не считали преступниками, хотя и пересылали въ качествѣ таковыхъ. Комитетъ, ни кѣмъ не усчитываемый въ томъ, кому, сколько и какихъ вещей раздавалъ онъ,—имѣлъ полную, разумѣется, возможность изъ сожалѣнія къ мерзшимъ, нуждавшимися людямъ названныхъ двухъ категорій давать и имъ казенныя вещи. Но нѣтъ: Комитетъ шилъ для нихъ особыя вещи на свой счетъ, въ тоже время запрещая торговать собственными вещами тѣмъ, кто имѣлъ ихъ (10 августа 1835 г.). Точно также въ Петербургѣ случайно арестовали цыганскій таборъ въ 80 чел. обоего пола, для отправки на югъ Россіи. Людей этихъ привели на этапный дворъ безъ верхней одежды. Комитетъ, снисходя къ ихъ грустному положенію,—одѣлъ и обулъ ихъ на свои средства, на которыя заготовилъ еще большой запасъ вещей и впослѣдствіи одѣлялъ всѣхъ нуждающихся (7 апрѣля 1840 г.).

Ссылаемые въ Сибирь въ кандалахъ не могли, на ночлегахъ, и дневкахъ снимать брюкъ, такъ какъ они въ пути не расковывались, а брюки чрезъ обручи не пролѣзали. Комитетъ, *согласно заявленіямъ* Членовъ, распорядился сдѣлать образцовыя

брюки, которыя растегивались съ наружныхъ боковъ обѣихъ ногъ и добился утвержденія, повсемѣстно, этихъ образцовыхъ брюкъ, стоившихъ дороже табели на 10 коп., принятыя имъ на свой счетъ. Кромѣ того Комитетъ рѣшилъ давать всѣмъ ссыльнымъ и подштанники на собственныя средства, а затѣмъ ходатайствовалъ, чтобы тоже самое дѣлалось по всей Россіи, но президентъ Бенкендорфъ велѣлъ „обождать обременять новымъ расходомъ прочіе Комитеты" (7 марта 1842 г.).

Право арестантовъ на благоразумное распоряженіе ихъ собственными вещами Комитетъ считалъ неприкосновеннымъ: Члены сообщали, что ссылаемымъ въ Сибирь администрація воспрещаетъ раздавать свои вещи родственникамъ предъ выступленіемъ въ дорогу, такъ что имущество остается въ пользу смотрителей и ихъ помощниковъ. Комитетъ выхлопоталъ арестантамъ разрѣшеніе брать съ собою вещи, или дарить ихъ родственникамъ, знакомымъ, какъ пожелаютъ (12 декабря 1841 г., 10 января 1843 и 15 апрѣля 1844 г.).

Изъ разсмотрѣнныхъ нами дѣлъ мы нигдѣ не нашли ничьихъ пререканій съ Комитетомъ по обмундировочной части. Тѣмъ не менѣе, 11 іюня 1845 г., были Высочайше утверждены новыя „правила заготовленія одежды и обуви для пересыльныхъ арестантовъ, свидѣтельства оной и отчетности". Вотъ главнѣйшіе пункты этихъ правилъ.

1) Всѣмъ вещамъ имѣть въ Губернскихъ Правленіяхъ образцы, утвержденные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. 2) Образцы доставлять въ штабъ корпуса внутренней стражи и всѣмъ командирамъ гарнизонныхъ баталіоновъ. 3) Заготовленіе матеріаловъ по образцамъ производить въ Губернскихъ Правленіяхъ, посредствомъ подрядовъ. 4) Матеріалы свидѣтельствовать командирамъ и наличнымъ штабъ-офицерамъ гарнизонныхъ батальоновъ, въ присутствіи жандармскаго штабъ-офицера и Полиціймейстера, и составлять актъ, за общимъ подписомъ. 5) Строить одежду изъ фабричнаго сукна, гдѣ окажется то удобнѣйшимъ, и въ семъ случаѣ назначать сроки выслуги одежды вдвое болѣе, противъ опредѣленныхъ для вещей, кои строятся изъ крестьянскаго сукна; гдѣ же заготов-

леніе фабричнаго сукна будетъ затруднительно, или слишкомъ дорого—допустить и пріемъ крестьянскаго, но чтобы оно было самое добротное, несмѣшанное съ коровьею шерстью. 6) Для первоначальнаго заготовленія одежды отпустить въ гарнизонные баталіоны матеріаловъ на полныя одежды сообразно количеству препровождаемыхъ арестантовъ; одежды должны быть немедленно шиты на большой, средній и малый росты и для малолѣтнихъ, и должны находиться всегда въ готовности, дабы, по прибытіи партіи, не могла встрѣтиться остановка въ безотлагательномъ ея отправленіи; по мѣрѣ же выдачи одежды—изъ запасовъ надлежитъ пополнять сіи послѣдніе. 7) При проходѣ арестантскихъ партій чрезъ губернскіе города, свидѣтельствовать одежду и обувь (въ цѣлости ли первая, а послѣдняя была ли смазываема и вѣрна ли противъ статейнаго списка) Члену Губернскаго Правленія, баталіонному командиру, Прокурору, штабъ-офицеру жандармовъ и Полиціймейстеру, а въ уѣздныхъ городахъ: городничимъ, со стряпчими и начальникомъ инвалидной команды, и выдавать въ томъ партіонному офицеру свидѣтельство. 8) Для отвращенія же растраты арестантской одежды въ пути, независимо отъ отвѣтственности, коей подвергаются за сіе конвойные, объявить жителямъ близь-этапныхъ трактовъ, что если кто осмѣлится купить у арестанта что либо изъ ихъ одежды во время пути, или ночлега, то будетъ взыскано съ него, какъ за покупку завѣдомо краденаго. 9) Одежду, прослужившую срокъ, свидѣтельствовать: Члену Губернскаго Правленія, Полиціймейстеру, жандармскому штабъ-офицеру и командиру баталіона. Лица сіи, отбирая одежду, годную еще къ употребленію съ починкою ея, назначаютъ срокъ, который она можетъ прослужить, бывъ выдаваема арестантамъ слѣдующимъ въ недальній путь; совершенно же годную одежду—употреблять на починку старой, не требуя уже въ ней никакой отчетности. 10) Деньги на шитье одежды отпускать баталіоннымъ командирамъ; для поддержанія же ея починкою и на смазку обуви производить 30 коп. сер. въ годъ на полную одежду одного взрослаго арестанта, а для малолѣтнихъ 15 коп. сер.; но въ израсходованіи всѣхъ денегъ, а равно и въ могущемъ быть остаткѣ отъ прикроя, отчета не требовать. 11) Отъ гражданскаго начальства выдавать книги, для записыванія въ приходъ и расходъ одежды и денежной суммы по формамъ, принятымъ въ коммиссаріатскомъ вѣдомствѣ. 12) Табель вещамъ вести при баталіонахъ, по коммиссаріатской формѣ, и для повѣрки ежемѣсячно отсылать отчеты въ то мѣсто, откуда будутъ получаться матеріалы. 13) Всю отчетность, по истеченіи года, представлять гражданскому вѣдомству на ревизію. 14) Постройка одежды изъ матеріаловъ по образцамъ, исправ-

[redacted]

ное содержаніе и выслуженіе положенныхъ сроковъ падаетъ на непосредственную отвѣтственность баталіонныхъ командировъ, оную строившихъ. Окружные генералы и ихъ помощники обязаны повѣрять исправность арестантской одежды во время инспектированія баталіоновъ. 15) По прошествіи *двухъ лѣтъ гражданское и военное вѣдомства бязаны донести*, по начальству, *о всѣхъ неудобствахъ*, въ продолженіи сего времени *замѣченныхъ*, дабы *можно было* составить въ третій годъ окончательнаго срока, назначеннаго для опыта, *безошибочное заключеніе* и измѣнить, что будетъ найдено неудобнымъ.

Правила эти Петербургскаго порядка не касались, ибо правила Комитета ими не отмѣнялись. Оттого онъ сохранилъ за собою право строить вещи, согласно Высочайшему разрѣшенію 1829 г. Но Комитетъ, очевидно не довольный этими, безъ его участія, явившимися правилами, разсмотрѣлъ ихъ и нашелъ, что коль скоро „исполненіе ихъ возлагалось на многія власти, то онѣ и будутъ въ точности исполняться". А отсюда Комитетъ заключилъ сложить и съ себя эту обузу, „дабы доставить правительству способъ удостовѣриться, въ какой степени полезны новыя правила и не потребуются ли къ нимъ какія либо дополненія, или перемѣны ихъ" (18 мая 1846 г.). Этотъ дипломатическій протестъ Комитетъ представилъ Президенту, графу Орлову, а онъ испросилъ разрѣшеніе Государя на отмѣну привилегіи Комитета заниматься обмундировкою пересыльныхъ арестантовъ (11 іюля 1846 г.).

Комитетъ сдалъ благополучно обмундировочную операцію въ гарнизонный баталіонъ. Прошелъ годъ новаго порядка и его несостоятельность выразилась оттуда, откуда этого и ожидать нельзя было. Енисейское Губернское Правленіе прислало Петербургскому Комитету, какъ и прочимъ, экземпляръ печатнаго указа экспедиціи о ссыльныхъ о томъ, что „арестанты приходятъ: одни— въ шубахъ, кафтанахъ и рубашкахъ безъ клеймъ, почему не извѣстно гдѣ именно получили они эти вещи; другіе—вовсе безъ вещей, которыя, какъ говорятъ, промѣнивали въ пути на пищу, по крайнему недостатку кормовыхъ; въ статейныхъ спискахъ

третьихъ не значится, выдавались ли имъ и какія именно вещи. Наконецъ самыя доносимыя арестантами вещи расходились, ни на что негодны". (4 сентября 1847 г. № 8844). Циркуляръ этотъ побудилъ Комитетъ вникнуть въ систему снабженія ссыльныхъ вещами и чрезъ мѣсяцъ спустя смотритель пересыльной тюрьмы донесъ Комитету (19 ноября), что „раздаваемые арестантамъ коты худой доброты, не сходные съ образцами". Членъ же Комитета Рюминъ представилъ „захваченные имъ коты, въ которыхъ нельзя дойти и до Ижоры, а дальше арестанты принуждены бываютъ покупать свои, или идти босикомъ". Комитетъ поручилъ изслѣдовать это явленіе нѣсколькимъ Членамъ, а затѣмъ 28 ноября написалъ Губернскому Правленію, что „всѣ раздаваемыя арестантамъ вещи до того дурны, не прочны, не сходны съ образцами, что не могутъ прослужить и половины сроковъ; коты, напр., обшиты старою кожею, безъ поднарядовъ, вмѣсто ремней привязываются къ ногамъ мочалками, веревками". Губернское Правленіе посовѣтовало Комитету, о „прекращеніи безпорядка и о взысканіи съ виновныхъ въономъ—адресоваться къ командиру гарнизоннаго баталіона", такъ какъ оно умываетъ, дескать, руки. Между тѣмъ смотритель пересыльной тюрьмы опять донесъ, что „арестантамъ даны на дорогу вмѣсто шубъ—полушубки". Комитетъ не стерпѣлъ—представилъ объ этомъ Президенту Орлову, а онъ предложилъ Командиру корпуса внутренней стражи Генералу Гартунгу разслѣдовать этотъ предметъ. Штабъ внутренней стражи увѣдомилъ Комитетъ, что „для строжайшаго разслѣдованія образована особая коммиссія", почему просилъ „назначить въ нее со стороны Комитета, депутата". Комитетъ отказался командировать депутата, потому что „Комитетъ къ дѣлу неприкосновенъ, да и раслѣдовать всего злоупотребленія нельзя: въ негодныхъ вещахъ люди цѣлый годъ разсылались по всей Россіи; но сущность зла подтверждается множествомъ полученныхъ, изъ разныхъ мѣстъ, жалобъ на дурную одежду". При этомъ *Комитетъ* послалъ обращенныя къ нему жалобы губернскихъ на-

[redacted]

чальствъ: Новгородскаго—6, Вологодскаго—2, Владимірскаго—3, Архангельскаго—7, итого 18. Въ свою очередь Орловъ, какъ Шефъ Жандармовъ, отъ себя посадилъ Члена въ коммиссію, которая открыла значительныя злоупотребленія гарнизоннаго начальства, да послабленія и нерадѣніе со стороны Губернскаго Правленія, прокурора и проч. властей (21 и 23 января, 2 и 6 февраля 1848 г.).

Виновныхъ покарали по заслугамъ и водворили порядокъ, впослѣдствіи не рѣдко, впрочемъ, опять разрушавшійся и возстановлявшійся мѣрами строгости. Короче, жалобы на дурную одежду продолжались періодически, многіе годы сряду. Соболѣзнуя объ арестантахъ Комитетъ опредѣлилъ ежемѣсячную сумму на починку вещей и за эту чинку (10 февраля 1852 г.) поручилъ Директорамъ наблюдать за прочностью выдаваемой арестантамъ одежды (3 марта 1856 г.) и принималъ нѣкоторыя другія мѣры, плохо, впрочемъ, устранявшія неурядицы. Наконецъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министерствами: Военнымъ и Финансовъ „для устраненія многихъ недостатковъ и безпорядковъ“ разработало еще новыя правила снабженія пересыльныхъ вещами и внесло проэктъ этихъ правилъ въ Государственный Совѣтъ. Совѣтъ призналъ возможнымъ „предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ распорядиться ввести ихъ въ дѣйствіе“. Мнѣніе Совѣта было Высочайше утверждено 2 октября 1863 г., а исполнено оно циркуляромъ Министра, отъ 21 октября 1863 г. за № 180. Существенная разница этихъ правилъ отъ предшествовавшихъ состояла въ томъ, что а) заготовленіе вещей поручалось Губернскимъ Правленіямъ; б) свидѣтельство ихъ качества и количества возлагалось повсемѣстно: на Совѣтниковъ арестантскихъ отдѣленій Губернскихъ Правленій, на самихъ командировъ и одного изъ офицеровъ гарнизонныхъ баталіоновъ, на одного изъ Директоровъ тюремныхъ Комитетовъ и на прокуроровъ, в) арестантамъ, отправленнымъ лѣтомъ, но застигнутымъ въ пути зимою, повелѣвалось перемѣнять одежду—сообразно

времени; г) снабжать ею предписывалось всѣхъ, по какимъ бы то ни было причинамъ пересылавшихся, если не располагали собственною одеждою; наконецъ д) введена табель количества матеріаловъ, необходимыхъ на каждую изъ вещей.

Нѣкоторое время спустя Директоры А. И. Муравьевъ и Н. И. Гвоздово-Голенко донесли, что „Губернское Правленіе еще не заготовило одежды, а гарнизонный батальонъ снабжаетъ людей крайне плохою, но ссылается на Губернское Правленіе. Такъ или иначе, а большая часть арестованныхъ отправлена на желѣзную дорогу, напр. 1 апрѣля, въ рубищахъ, а это произвело среди нихъ большое смущеніе; они отказывались ѣхать въ холодныхъ вагонахъ.“ Комитетъ сообщилъ объ этомъ въ Штабъ внутренней стражи и Губернатору. Между тѣмъ безпорядки повторились. Тогда Генералъ-Губернаторъ просилъ Комитетъ принять на себя, по прежнему, постройку одежди, для пересыльныхъ. Комитетъ, предпочитая остаться только контролеромъ по этому предмету, не принялъ сдѣланнаго ему предложенія. (7 апрѣля и 19 мая 1864 г.).

Далѣе, Губернское Правленіе, принявъ окончательно въ свое вѣдѣніе обмундировочную часть — въ свою очередь просило Комитетъ назначить въ составъ Коммиссіи одного изъ директоровъ, для свидѣтельствованіи одежды. Комитетъ сообразилъ, что „правилами предусмотрѣна служебная и матеріальная отвѣтственность лицъ, свидѣтельствующихъ вещи, а директоры не пользуются ни служебными правами, ни содержаніемъ, слѣдовательно едва ли справедливо возлагать на нихъ отвѣтственность, тѣмъ болѣе, что если на коммиссіи будутъ дѣлаться начеты — казна не можетъ имѣть обезпеченія по отношенію къ Члену этой Коммиссіи—Директору“. Оттого Комитетъ и отказался назначить своего представителя въ Коммиссію. Губернское Правленіе настаивало на обязанности Комитета — командировать Члена въ Коммиссію: Комитетъ представилъ о своемъ „недоразумѣніи“ Президенту, а *онъ успокоилъ* Комитетъ тѣмъ, что „ходатайство его объ осво-

божденія директоровъ отъ участія въ свидѣтельствованіи вещей— будетъ принято въ соображеніе при составленіи проекта *новыхъ* правилъ," а покуда это состоится совѣтовалъ не отказываться отъ дѣла. (7 сентября, и 29 ноября 1866 г.). Комитетъ назначилъ Членомъ Коммиссіи Н. И. Гвоздово-Голенко. Не прошло и мѣсяца какъ онъ уже извѣщалъ, что „хотя и старался, но ни разу не могъ свидѣтельствовать вещей, ибо Коммиссія опредѣливъ это дѣлать по пятницамъ, въ 10 часовъ утра,—ни разу еще не собиралась, а этапы прибываютъ и убываютъ разновременно утрами, днемъ, вечерами и даже ночью, отчего весьма трудно видѣть вещи. Акты же объ освидѣтельствованіи, будто бы, вещей ему неоднократно уже присылали подписывать, но онъ дѣлать это отказывался." Комитетъ написалъ объ этомъ Губернатору, „для возстановленія силы закона, выраженнаго въ правилахъ."

Коммиссія вынуждена была начать собираться свидѣтельствовать вещи, въ силу правилъ, которыя удовлетворительно практиковались тоже, впрочемъ, не долго: самъ Министръ внутреннихъ дѣлъ замѣтилъ недостатки обмундировочной системы и указалъ на нихъ Губернаторамъ и Комитетамъ циркуляромъ отъ 8 іюля 1867 г. № 151. Въ силу этого циркуляра и разныхъ несообразностей, разновременно обнаруживавшихся, Комитетъ обязалъ директоровъ поочередно находиться при отправленіи партій для наблюденія сообразно ли времени года снабжаются арестанты вещами, сходны ли онѣ съ образцами и объ отступленіяхъ отъ правилъ тотчасъ же заявлять Смотрителю тюрьмы и партіонному офицеру, а также писать объ этомъ въ книгѣ и доносить Комитету (22 мая 1868 г.).

Замѣчанія, правда, дѣлались, но результатовъ почти никакихъ не достигалось: Комитетъ постепенно все больше и больше терялъ свое значеніе, а отсюда и ослабѣвала его дѣятельность; безсиліе порождало естественную апатію въ Членахъ, ограничивавшихся выполненіемъ своей обязанности лишь съ формальной стороны. Оттого и „указанія," „замѣчанія" и „пререканія"

съ теченіемъ времени окончательно прекратились. Существующая же по нынѣ система „снабженія арестантовъ одеждою и обувью“ страдаетъ достаточными погрѣшностями: къ свидѣтельствованію вещей ни прокуроръ, ни командиръ гарнизона никогда не являются; самое свидѣтельствованіе производится когда какъ и кѣмъ придется; хранятся и раздаются вещи далеко не аккуратно; директоры предъ отправленіемъ этаповъ тюрьму не посѣщаютъ и потому, ничего, разумѣется, не видятъ и т. д.

Читатели помнятъ, конечно, что до открытія Общества нѣсколько категорій пересыльныхъ никакихъ кормовыхъ въ пути не получали, и, лишь благодаря предстательству Общества, начали снабжать кормовыми всѣхъ, пересылавшихся по этапу людей, безъ относительно къ причинамъ, по которымъ ихъ гнали по этапу. На эти-то кормовыя арестанты въ пути „покупали сухую пищу и ѣли ее, съ явнымъ вредомъ для здоровья“. Сожалѣніе объ арестантахъ, шедшихъ впроголодь, проявилъ первымъ Калужскій Комитетъ: „имѣя въ виду благо человѣчества и соблюденіе здоровья арестантовъ“, Комитетъ этотъ пригласилъ (въ 1830 г.,) согражданъ „принять участіе въ человѣколюбивомъ дѣлѣ пожертвованіями“ на горячую пищу пересыльныхъ, на этапныхъ станціяхъ. Сограждане охотно откликнулись и арестанты пріобрѣли, по всей губерніи, приварокъ, стоившій по 3 к. на человѣка, на счетъ собранныхъ Комитетомъ приношеній. Смоленскій и Калужскій Генералъ-Губернаторъ, князь Хованскій, извѣстилъ объ этомъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, графа Закревскаго и просилъ его содѣйствія къ „распространенію этой благодѣтельной мѣры повсемѣстно“ (6 сентября 1830 г. за № 2.590). Закревскій, въ свою очередь, предложилъ Петербургскому Комитету какъ центральному, разсмотрѣть этотъ вопросъ и отвѣтить ему „какое можно будетъ сдѣлать распоряженіе по этому предмету“.

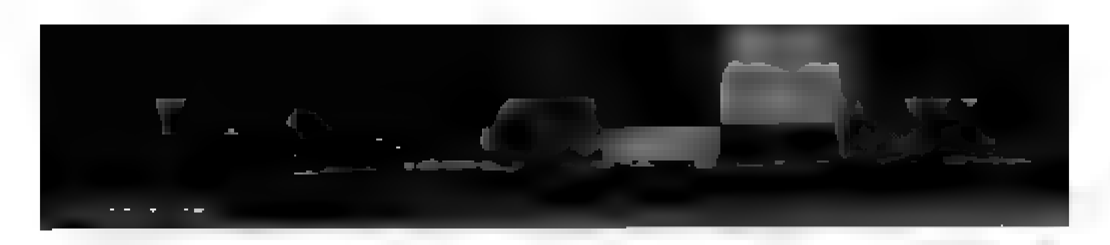
Комитетъ нашелъ поступокъ Калужскаго Комитета достойнымъ полнаго подражанія, о чемъ и представилъ Трубецкому,

чальствъ: Новгородскаго—6, Вологодскаго—2, Владимірскаго—3, Архангельскаго—7, итого 18. Въ свою очередь Орловъ, какъ Шефъ Жандармовъ, отъ себя посадилъ Члена въ коммиссію, которая открыла значительныя злоупотребленія гарнизоннаго начальства, да послабленія и нерадѣніе со стороны Губернскаго Правленія, прокурора и проч. властей (21 и 23 января, 2 и 6 февраля 1848 г.).

Виновныхъ покарали по заслугамъ и водворили порядокъ, впослѣдствіи не рѣдко, впрочемъ, опять разрушавшійся и возстановлявшійся мѣрами строгости. Короче, жалобы на дурную одежду продолжались періодически, многіе годы сряду. Соболѣзнуя объ арестантахъ Комитетъ опредѣлилъ ежемѣсячную сумму на починку вещей и за эту чинку (10 февраля 1852 г.) поручилъ Директорамъ наблюдать за прочностью выдаваемой арестантамъ одежды (3 марта 1856 г.) и принималъ нѣкоторыя другія мѣры, плохо, впрочемъ, устранявшія неурядицы. Наконецъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министерствами: Военнымъ и Финансовъ „для устраненія многихъ недостатковъ и безпорядковъ" разработало еще новыя правила снабженія пересыльныхъ вещами и внесло проэктъ этихъ правилъ въ Государственный Совѣтъ. Совѣтъ призналъ возможнымъ „предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ распорядиться ввести ихъ въ дѣйствіе". Мнѣніе Совѣта было Высочайше утверждено 2 октября 1863 г., а исполнено оно циркуляромъ Министра, отъ 21 октября 1863 г. за № 180. Существенная разница этихъ правилъ отъ предшествовавшихъ состояла въ томъ, что а) заготовленіе вещей поручалось Губернскимъ Правленіямъ; б) свидѣтельство ихъ качества и количества возлагалось повсемѣстно: на Совѣтниковъ арестантскихъ отдѣленій Губернскихъ Правленій, на самихъ командировъ и одного изъ офицеровъ гарнизонныхъ баталіоновъ, на одного изъ Директоровъ тюремныхъ Комитетовъ и на прокуроровъ, в) арестантамъ, отправленнымъ лѣтомъ, но застигнутымъ въ пути зимою, повелѣвалось перемѣнять одежду—сообразно

нимъ сухія порціи (по 6 фун. хлѣба и по 2 фун. говядины) кромѣ того устроили, собственнымъ иждивеніемъ, на Бологовской станціи кухню, снабдили ее посудою и договорились съ содержателемъ буфета названной станціи, чтобы кормить всѣхъ пересыльныхъ обѣдомъ за 8 к. каждаго, также на свои средства (29 іюля 1858 г., 9 марта и 22 ноября 1865 г.), причемъ снабдили контрагента книгами, въ которыя онъ всякій разъ означалъ число отпущенныхъ порцій, а партіонные офицеры удостовѣряли своею подписью, какъ вѣрность количества порцій, такъ и о томъ, доброкачественную ли и въ достаточномъ-ли количествѣ получили арестанты пищу. Разсчетъ Комитеты производили съ контрагентомъ ежемѣсячно, а чтобы судить правильно ли поступаютъ контрагентъ и партіонные офицеры,—Члены Комитетовъ ѣздили въ Бологое ревизовать ихъ дѣйствія. Этою же пищею Петербургскій Комитетъ довольствовалъ, безвозмездно, и военныхъ пересыльныхъ, по ходатайству Коменданта (5 ноября 1863 г.).

Здѣсь, кстати, отмѣтимъ и слѣдующій фактъ, наглядно характеризующій добросердечіе покойнаго Митрополита Московскаго Филарета. Онъ, какъ читателямъ извѣстно, изъ предъидущаго, былъ въ числѣ учредителей Общества, потомъ будучи Тверскимъ Архіепископомъ,—участвовалъ въ дѣятельности мѣстнаго Комитета, а въ Москвѣ—считался также вице-президентомъ тамошняго Комитета и принималъ участіе въ его дѣлахъ. Вслѣдствіе спѣшнаго устройства въ Бологое продовольственной части, распоряжавшіеся этимъ дѣломъ забыли озаботиться относительно питья дорогою арестантамъ, полагая, что воду на всякой станціи конвойные имъ достанутъ, въ чемъ однако ошиблись: вода требовалась ушатами, конвойные не успѣвали ею запасаться и арестанты нерѣдко терпѣли жажду. Услыхавъ объ этомъ, Филаретъ предложилъ снабжать арестантовъ на весь путь изъ Москвы въ Петербургъ и обратно квасомъ въ боченкахъ. Предложеніе это было немедленно принято обоими Комитетами,

затрачивавшихся на Вологодскій обѣдъ болѣе, чѣмъ по 3.000 р. въ годъ, по 1872 г. включительно: по настоянію воинскаго начальства, находившаго обѣды обременительными для конвоя — ихъ, съ этого времени, были отмѣнены; но Комитеты и досель снабжаютъ арестантовъ на всю дорогу 6 фун. хлѣба и 2½ фун. вареннаго мяса, или рыбы на человѣка, прибавляя къ кормовымъ по 10 к. — еще по 7—8 к. на человѣка; этою же пищею Петербургскій Комитетъ съ 1863 г. одѣлялъ отправлявшихся по желѣзнымъ дорогамъ: до Луги и Пскова — на одинъ, до Рѣжицы и Динабурга — на двое, а до Вильно — на трое сутокъ.

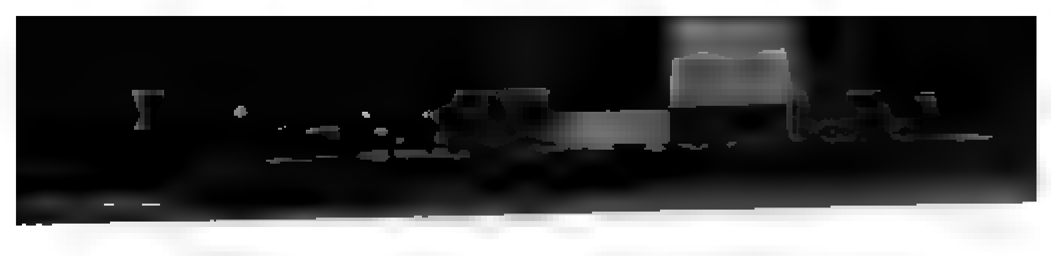
Независимо разсказаннаго Петербургскій Комитетъ, во вниманіе къ тому, что этапы уходятъ очень рано, установилъ давать арестантамъ, отправляющимся въ путь, сбитень, для чего и отпускать по 5 руб. въ мѣсяцъ, (29 марта 1862 г. и 19 сентября 1853 г.), на дѣтей же, отправляемыхъ при родителяхъ по желѣзнымъ дорогамъ, — вмѣсто пищи натурою, кормовыя деньги въ руки родителей (5 мая 1865 г.).

Обезпечивъ людей матеріально, Комитетъ поручилъ Директорамъ, завѣдывающимъ тюрьмою: желающихъ изъ числа грамотныхъ арестантовъ снабжать молитвенниками или книгами св. Писанія и духовно-нравственными, отпускаемыми Комитетомъ по требованіямъ Директоровъ, наблюдать — исполняются ли священниками предписанныя Духовнымъ Начальствомъ напутствованія при отправленіи партій ссыльныхъ и вообще свидѣтельствовать проходящія, чрезъ С.-Петербургъ, арестантскія партіи, и помогать людямъ всѣмъ, чѣмъ можно (22 мая 1862 г.).

Духовенство наше не только городское, но и спеціально тюремное, за рѣдкими исключеніями, далеко не охотно склоняется къ безвозмездному назиданію арестованныхъ въ правилахъ вѣры. Этотъ исконный недостатокъ духовенства побудилъ Комитетъ, по настоянію директора Ф. В. Кривцова, опредѣлить священнику пересыльной тюрьмы собственно за духовно-нравственныя бесѣды съ арестованными по 200 р. въ годъ (въ 1873 г.)

Большинство пересыльныхъ постоянно нуждается въ мелкихъ разнообразныхъ справкахъ, которыя всего скорѣе можетъ наводить смотритель пересыльной тюрьмы. Чтобы онъ отъ этого не уклонялся и внимательнѣе наблюдалъ за правильнымъ передвиженіемъ, по городу, партій, за размѣщеніемъ ихъ по вагонамъ и снабженіемъ вещами и пищею на дорогу (все это дѣлается, обыкновенно, ранними утрами) Комитетъ, по предложенію Директоровъ А. І. Гурко, Ф. В. Кривцова и пишущаго эти строки, — ассигновалъ и смотрителю, на разъѣзды, по 200 р. въ годъ (въ 1874 г.).

Живутъ въ тюрьмѣ пересыльные наименьшее — 2 недѣли, а случается и по мѣсяцу, въ ожиданіи отправленія ихъ дальше. Полное бездѣйствіе порождаетъ въ нихъ скуку, усиливаетъ тоску. Чтобы устранить эти явленія Дамскій Комитетъ поручилъ надзирательницѣ женскаго отдѣленія занимать арестантокъ шитьемъ простыхъ вещей, что онѣ и дѣлаютъ за вознагражденіе за трудъ, съ 1870 г., по настоящее время, — подъ наблюденіемъ директора А. І. Гурко. Оплачиваемыя же работы: портняжную и сапожную завелъ и для арестантовъ директоръ Ф. В. Кривцовъ въ 1872 г. Существовали мастерскія до 1876 г., а тогда вмѣстѣ со всею дѣятельностью Комитета разстроились; но со вступленіемъ въ предсѣдатели Комитета Ѳ. Н. Смирнаго, въ концѣ 1877 г., опять возобновились, по его иниціативѣ и сохранились до настоящаго времени, на счетъ Комитета.

VIII.

Очеркъ положенія арестованныхъ въ съѣзжихъ и полицейскихъ домахъ.

Читатели помнятъ, конечно, что Члены Петербургскаго Комитета Общества, за первый періодъ его дѣятельности, приложили значительныя усилія къ приведенію „кордегардій и съѣзжихъ“ въ благопристойный видъ. Тѣмъ не менѣе по вступленіи Трубецкаго въ Президенты въ съѣзжихъ содержалось, по различнымъ причинамъ, „множество народа“, который „въ одинъ голосъ вопилъ противъ тѣсноты, сырости, вони и скудости пропитанія“. Мало того: женщины опять находились въ помѣщеніяхъ, „лишенныхъ свѣта и воздуха, да въ сообществѣ мужчинъ“ (въ 1826—1828 г.) Новыя старанія Комитета улучшить „сіи неспособныя, для жилья человѣчества, мѣста“, на счетъ казны, или города—то же „пропадали даромъ“ (въ 1829 г.)

Все это, вмѣстѣ взятое, дало Трубецкому несомнѣнное право охарактеризировать, предъ Государемъ, особою „запискою“, грустное положеніе съѣзжихъ и въ заключеніе просить „дозволенія приспособить съѣзжія на экономическія средства Комитета“. Императоръ Николай Павловичъ благоволилъ одобрить мысль Трубецкаго (15 апрѣля 1830 г.) Трубецкой извѣстилъ Генералъ-Губернатора о дозволеніи Государя и объ учрежденіи Комитетомъ, для производства *работъ, хозяйственнымъ* способомъ, особой, къ

Членовъ Коммиссіи. Генералъ-Губернаторъ не встрѣтилъ препятствій къ допущенію Коммиссіи заняться порученнымъ ей дѣломъ, но надѣялся, что она „перестройками не измѣнитъ плановъ фасадовъ зданій, чего нельзя допустить безъ строительной Коммиссіи“ (2 іюня 1830 г.). Коммиссія пригласила къ участію въ своихъ трудахъ городского архитектора, составила разсчетъ на 12 съѣзжихъ въ 15.217 р. и прежде, нежели приступить къ работамъ, сочла необходимымъ вывести изъ съѣзжихъ: слѣдственныхъ арестантовъ—въ тюрьму, а словесные суды—на вольныя квартиры. Исполненія этого заключенія породило вотъ какія затрудненія: Оберъ-Полиціймейстеръ призналъ неудобнымъ перемѣщать подслѣдственныхъ, ибо «къ слѣдствіямъ требуются разные люди, а созывать ихъ съ разныхъ сторонъ въ тюрьму нельзя: тамъ негдѣ будетъ расположить ни этихъ свидѣтелей, ни слѣдственныхъ приставовъ; къ тому жъ и арестанты во время перевода ихъ изъ частей—могутъ разбѣжаться“. Это мнѣніе Оберъ-Полицiймейстера поддержалъ и прокуроръ, хотя и съ другой точки зрѣнія. Тюремное заключеніе есть слѣдствіе рѣшительнаго опредѣленія судебной власти, писалъ онъ Генералъ-Губернатору; въ частяхъ же сидятъ лишь вѣроятно обвиняемые; поэтому смѣщивать тѣхъ и другихъ закономъ не дозволено. Кромѣ того слѣдственные пристава, продолжалъ прокуроръ, обязаны производить слѣдствія на мѣстахъ преступленій, чтобы не отвлекать свидѣтелей отъ ихъ занятій, а это удобоисполнимо только тогда, когда арестанты находятся по близости—въ частяхъ. Точно также полицейскихъ арестантовъ сажать въ тюрьму запрещено. Наконецъ и словесные суды не слѣдуетъ выселять изъ частей, чтобы не замедлить судопроизводства. Генералъ-Губернаторъ присоединился къ приведеннымъ нами мнѣніямъ Оберъ-Полицiймейстера и прокурора. Оспаривать эти шаткія мнѣнія—значило плодить переписку и оттягивать дѣло. Трубецкой и предпочелъ обратиться за содѣйствіемъ къ Министру Юстиціи и онъ на половину его оказалъ — согласіемъ на удаленіе изъ частей словесныхъ судовъ.

Тогда возникъ уже споръ о томъ, какое вѣдомство будетъ платить за наемныя квартиры словесныхъ судовъ? Трубецкой провелъ этотъ вопросъ чрезъ Комитетъ Министровъ, откуда явилось Высочайшее повелѣніе объ отнесеніи этого расхода въ 1.560 р., — въ годъ на счетъ городскихъ доходовъ.

Словесные суды, наконецъ, покинули помѣщенія съѣзжихъ, а затѣмъ и полицейское начальство перестало сопротивляться. Коммиссія въ 3—4 мѣсяца успѣла отремонтировать и привести въ порядокъ шесть съѣзжихъ. Комитетъ радовался благоприличному ихъ виду, но увы не долго! Оберъ-Полиціймейстеръ адресовался въ Комитетъ съ жалобами на то, что Коммиссія во 1-хъ въ Московской части разгородила помѣщеніе арестованныхъ отъ помѣщенія забираемыхъ за пьянство, чѣмъ произвела большое стѣсненіе; во 2-хъ въ рождественской и каретной частяхъ сдѣлала изъ корридоровъ отдѣльныя двери къ арестованнымъ мужчинамъ и женщинамъ, а чрезъ это требуется удвоенный караулъ, явилось неудобство въ смотрѣніи за арестантами; въ 3-хъ, комната, которую занимали въ адмиралтейской части фонарщики, превращена въ арестантскую для благородныхъ лицъ; фонарщиковъ же Коммиссія вывела на вольную квартиру. Оберъ-Полиціймейстеръ и настаивалъ, чтобы Комитетъ: уничтожилъ перегородки, двери, отпускалъ бы деньги на наемъ для фонарщиковъ квартиры и на ея отопленіе и освѣщеніе. Комитетъ доказывалъ, что перегородки и двери крайне необходимы, а содержаніе квартиры фонарщиковъ — обязанность города, но не Комитета. Полемика о платѣ за квартиру кончилась однако тѣмъ, что Комитетъ заплатилъ 407 р. 99 к., по ходатайству Генералъ-Губернатора, объяснявшаго, что изъ городской кассы достать денегъ за квартиру за 1831 г. немыслимо, тѣмъ болѣе, что помѣщеніе уступлено было собственно Комитетской Коммиссіи; перегородки же и двери полиція предпочла снять собственною властію, безъ всякой переписки (7 и 10 января, 18 и 30 апрѣля и 28 октября 1831 г.).

Это заключеніе выводимъ мы изъ того, что чрезъ четыре года спустя не только все, Комитетомъ устроенное, было разрушено до тла, но еще прибавилось неурядицъ. Это вынудило Комитетъ занести въ свой журналъ, что „всѣ издержки Комитета, для улучшенія помѣщенія съѣзжихъ, какъ показали многократные опыты, къ сожалѣнію, остались въ тунѣ“, потому неосновательно еще что либо предпринимать (2 мая 1835 г.). Миновало еще пять лѣтъ и помѣщенія частей представлялись Трубецкому такими скверными, что онъ опять доложилъ объ нихъ Государю (въ 1840 г.) Императоръ Николай Павловичъ снова повелѣлъ „сдѣлать соображеніе къ немедленному улучшенію частей“. Это повелѣніе заставило Оберъ-Полиціймейстера въ особой „запискѣ“ откровенно сознаться предъ Государемъ, что помѣщенія „весьма тѣсны, сыры, пришли въ ветхость, чрезъ крыши протекаетъ вода, балки, полы и рамы сгнили, каланчи такъ сильно шатаются, что при вѣтрахъ угрожаютъ паденіемъ; отъ скопленія арестантовъ въ праздники негдѣ имъ лечь, они и проводятъ цѣлыя ночи стоя на ногахъ“. Эта „записка“ послужила основаніемъ къ повторенію повелѣнія о „самоскорѣйшемъ приведеніи частей въ должный порядокъ“. Для достиженія этого порядка проживавшимъ въ зданіи временного отдѣленія Управы Благочинія полицейскимъ чиновникамъ отказали въ дальнѣйшемъ проживаніи тамъ, а ихъ квартиры на скоро приспособили въ арестантскія и помѣстили туда содержавшихся за Управою.

Предсѣдательница дамскаго Комитета, Т. В. Потемкина, узнавъ, что улучшеніе частей дѣйствительно началось,—поспѣшила со многими требованіями въ пользу арестантокъ. Она одновременно просила Президента, Генералъ-Губернатора и Оберъ-Полиціймейстера: для расширенія помѣщенія въ частяхъ—вывести изъ нихъ 8 совѣстныхъ судовъ; отграничить особыя благопристойныя комнаты для женщинъ; ассигновать на отдѣлку этихъ комнатъ 8,000 р.; въ каждую изъ съѣзжихъ опредѣлить осо-

быхъ смотрительницъ, съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ *), дабы ввѣрить смотрительницамъ надзоръ за арестантками, а послѣднихъ занять рукодѣльями, работами подъ руководствомъ первыхъ. Хотя Потемкина и располагала вліяніемъ въ высшихъ сферахъ, однако и ей пришлось отступиться отъ желанія поставить съѣзжія на степень благоустроенныхъ мѣстъ заключенія, по безнадежности въ достиженіи отпуска отъ казны, или города, значительной суммы. Она и ограничилась вторичнымъ заявленіемъ о томъ, что коль скоро нельзя разсчитывать на скорое выполненіе всѣхъ первоначальныхъ ея пунктовъ, то, чтобы устроили, по крайней мѣрѣ, хоть одно, для всѣхъ, арестантокъ отдѣленіе въ Замкѣ. Оберъ-Полиціймейстеръ на это послѣднее желаніе Потемкиной отвѣтилъ, что „желая способствовать благотворной, по послѣдствіямъ, цѣли — я вполнѣ на это согласенъ". Въ это устроенное Комитетомъ отдѣленіе и перемѣстили изъ всѣхъ частей болѣе важныхъ арестантокъ; обвинявшіяся же въ маловажныхъ проступкахъ—остались въ частяхъ (26 апрѣля 1841 г.).

Въ свою очередь мужской Комитетъ настаивалъ на соединеніи въ одно мѣсто всѣхъ подслѣдственныхъ арестантовъ, содержавшихся въ частяхъ, чтобы они жили на одинаковомъ положеніи. Президентъ Бенкендорфъ велъ, по этому предмету, энергическую переписку съ Министрами юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и Генералъ-Губернаторомъ, но никто изъ названныхъ властей не отводилъ помѣщенія, потому Комитетъ и согласился нанять. Бенкендорфъ получилъ на это разрѣшеніе Государя. Комитетъ приспособилъ домъ, и подслѣдственныхъ перевели въ него 2 февраля 1842 г., а въ слѣдующемъ году это утвержденное слѣдственное отдѣленіе ввели также въ Замокъ, по приспособленіи спеціально для него камеръ.

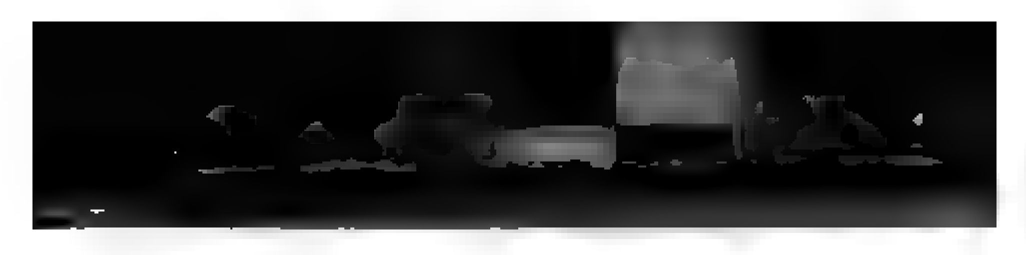
Такимъ образомъ въ частяхъ сдѣлалось, какъ слѣдовало полагать, просторно для размѣщенія арестованныхъ по роду ихъ

---

*) Такихъ смотрительницъ даже теперь еще нигдѣ нѣтъ въ частяхъ.

преступленій, возрасту и проч. Но это не сбылось: Члены Комитета опять нашли: въ московской части—47 чел. „въ одной комнатѣ, въ которой по ея пространству они могли только стоять“, а въ адмиралтейской части—2-хъ сумасшедшихъ женщинъ, безъ всякой медицинской помощи (4 апрѣля и 11 мая 1842 г.). Эти и имъ подобныя, часто повторявшіяся грустныя явленія, сообщались постоянно вниманію Генералъ-Губернатора А. А. Кавелина. И вотъ онъ, въ доказательство своего сочувствія къ дѣятельности Комитета, прислалъ Бенкендорфу при письмѣ (отъ 25 марта 1843 г.) экземпляръ печатнаго приказа по своему вѣдомству (отъ 22 марта 1843 г. за № 3026). Приказъ этотъ чрезвычайно интересенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Отъ того мы и приведемъ его здѣсь. Послѣ бытности на пожарѣ, Кавелинъ кстати осмотрѣлъ съѣзжій домъ рождественской части, нашелъ строеніе, конюшни, дворы и покои въ удовлетворительномъ состояніи, за что и благодарилъ Пристава.

„Но благодаря за хорошее, говорилъ онъ далѣе,—считаю обязанностію указать и худое, и обратить вниманіе полиціи на слѣдующее. При осмотрѣ арестантской сей части, я нашелъ ее хотя и безъ сравненія чище всѣхъ видѣнныхъ мною арестантскихъ полиціи; но столь *тѣсною*, что арестанты *спали по нарамъ*, вокругъ покоя устроеннымъ, *плотно одинъ къ другому;* этого мало: *надъ нарами арестанты помѣщались еще*, если возможно, *тѣснѣе первыхъ*. Замѣтивъ, при посѣщеніи мною арестантскихъ при Съѣжихъ домахъ, Управѣ Благочинія и домѣ Оберъ-Полицiймейстера, что помѣщеніе и вообще удобности жизни арестантовъ безъ всякаго сравненія хуже, нежели въ городской тюрьмѣ,—я давалъ словесныя приказанія, отправлять въ оную изъ частей всѣхъ арестантовъ, коихъ дѣла не могутъ скоро быть окончены Слѣдственными Приставами, по невозможности кончить ихъ скорѣе, или можетъ быть, и по *мнѣнію* и *безчеловѣчному* нерадѣнію нѣкоторыхъ изъ Слѣдственныхъ Приставовъ, не упоминая уже о проволочкахъ изъ *корыстолюбивыхъ видовъ иныхъ* изъ нихъ, чему, къ несчастію, иногда бывали примѣры; но не смотря на мое приказаніе, оно, къ сожалѣнію моему, не исполняется по неизвѣстной мнѣ причинѣ; почему, для пресѣченія сего безпорядка, я вынужденденнымъ *нахожусь предписать* по вѣдомству Полиціи слѣдующее:

Отнынѣ не держать арестантовъ при частяхъ *болѣе мѣсяца* (а чѣмъ менѣе, тѣмъ лучше), а отправлять ихъ въ тюрьму, если только въ оной есть мѣсто для помѣщенія ихъ, хотя бы дѣла ихъ и не кончились. Въ которой изъ частей окажется арестантъ, *передержанный* сей, назначенный мною, *срокъ*,—то я *строго взыщу* съ Пристава Исполнительныхъ дѣлъ; а Слѣдственный Приставъ, за *каждый лишній день, будетъ посаженъ на недѣлю подъ арестъ*, съ содержаніемъ на гауптвахтѣ; а за *шесть* такихъ *арестовъ*,—онъ непремѣнно, и немедля ни мало, *будетъ* мною *отставленъ* изъ штата Полиціи. Если же (что можетъ иногда случиться), будетъ предстоять крайняя необходимость оставить арестанта при части, то о таковыхъ доносить г-ну Оберъ-Полиціймейстеру и мнѣ, *за шесть дней до мѣсячнаго срока*, съ подробнымъ изложеніемъ причинъ, требующихъ оставленія его при части, и ожидать моего, по сему, разрѣшенія. Симъ способомъ навѣрное нѣсколько убавится необыкновенная тѣснота въ арестантскихъ при Частныхъ домахъ. Другое средство улучшить положеніе сихъ несчастныхъ, хотя и виновныхъ людей (между коими часто могутъ случиться и невинные, а въ особенности маловиновные),—это отдѣлять еще комнату или двѣ, для арестантовъ, *чрезъ уменьшеніе квартиры* самаго *Пристава*, въ особенности *гдѣ* оный *не имѣетъ семейства*, какъ напримѣръ въ Рождественской части, или *чрезъ уменьшеніе квартиръ* другихъ *чиновниковъ*, гдѣ сіе можетъ быть сдѣлано безъ затрудненія. Отъ всѣхъ частей представить соображенія Приставовъ, по сему предмету, къ г. Оберъ-Полиціймейстеру, который оныя, съ мнѣніемъ своимъ не оставитъ препроводить на мое разсмотрѣніе. Изъ соображеній сихъ легко можетъ открыться, что съ весьма незначительными передѣлками и издержками можно будетъ нѣсколько отвратить сіе *неприличное*, смѣю сказать, *для человѣчества оскорбительное* и совершенно противное благимъ видамъ Правительства, состояніе арестантовъ, въ теперешнемъ ихъ положеніи. Я надѣюсь, что Пристава Исполнительныхъ и Слѣдственныхъ дѣлъ, *водимые* не только долгомъ службы, но и *христіанскимъ чувствомъ человѣколюбія*, помогутъ мнѣ, г-ну Оберъ-Полиціймейстеру и достойнѣйшему Предсѣдателю Тюремнаго Комитета, заботящемуся безпрестанно о возможномъ улучшеніи помѣщенія арестантовъ,—достигнуть, хотя нѣсколько сей благой цѣли, тѣмъ болѣе, что мы должны всегда помнить, сколь много Государь Императоръ обращать изволитъ на сію часть вниманія*.

Грозный приказъ этотъ на первое время возымѣлъ благопріятный результатъ. Но впослѣдствіи утвержденная, въ 1843 г.,

правила объ отсылкѣ подслѣдственныхъ арестантовъ въ тюрьму то исполнялись, то отмѣнялись, сообразно отношеніямъ, какія существовали между властями: съ одной стороны—Генералъ-Губернаторами и Оберъ-Полиціймейстерами, а съ другой стороны—президентами и Комитетомъ. Впрочемъ споровъ о нарушеніи правилъ мы въ дѣлахъ послѣдующихъ годовъ уже не находили, по той, конечно, уважительной причинѣ, что Комитетъ просто отступился отъ желанія расширенія и улучшенія арестантскихъ помѣщеній частей. Это подтверждается и постановленіями Комитета. Напр., ввѣряя Директорамъ надзоръ за арестантскими въ частяхъ,—Комитетъ предупредилъ ихъ, чтобы „не вмѣшивались ни въ какія полицейскія распоряженія и въ положеніе помѣщеній“ (24 января 1854 г.). О томъ же, что помѣщенія продолжали быть тѣсными, скверными, и что не долженствовавшіе быть въ частяхъ люди сидѣли въ нихъ—директоры по прежнему продолжали удостовѣрять. Такъ, они видѣли въ Литейной части „по 33 чел. въ одной комнатѣ на нарахъ, подъ нарами, а 7 женщинъ въ темномъ чуланѣ“, причемъ добытыя директорами справки разъяснили имъ, что держалъ этихъ людей въ части слѣдственный приставъ, чтобы легче дѣлать очныя ставки (11 января 1858 г.). Отсюда ясно, слѣдовательно, что правила 1843 г. далеко не аккуратно выполнялись.

Комитетъ пытался, правда, и потомъ блюсти „за неисправностями полицейскаго управленія“ частей (3 марта 1862 г., 12 января 1863 г., 21 сентября 1865 г.), но „неисправности“ порождали безплодную переписку, кончавшуюся постоянно, даже и въ 1870-хъ годахъ, рѣшительно ничѣмъ; смотрителя всегда умѣли сваливать вину на недостатокъ ремонтныхъ денегъ и помѣщенія, отводившагося, безъ ихъ вѣдома, на квартиры полиціймейстеровъ, приставовъ, медиковъ, акушерокъ, чиновниковъ и т. д.

Ни одежды, ни обуви, ни бѣлья для содержавшихся въ частяхъ отъ казны никогда не полагалось. Между тѣмъ люди

Отнюдь не держать арестантовъ при частяхъ *болѣе мѣсяца* (а чѣмъ менѣе, тѣмъ лучше), а отправлять ихъ въ тюрьму, если только въ оной есть мѣсто для помѣщенія ихъ, хотя бы дѣла ихъ и не кончились. Въ которой изъ частей окажется арестантъ, *передержанный* сей, назначенный мною, *срокъ*,—то я *строго взыщу* съ Пристава Исполнительныхъ дѣлъ; а Слѣдственный Приставъ, за *каждый лишній день, будетъ посаженъ на недѣлю подъ арестъ*, съ содержаніемъ на гауптвахтѣ; а за *шесть* такихъ *арестовъ*,—онъ непремѣнно, и немедля ни мало, *будетъ* мною *отставленъ* изъ штата Полиціи. Если же (что можетъ иногда случиться), будетъ предстоять крайняя необходимость оставить арестанта при части, то о таковыхъ доносить г-ну Оберъ-Полиціймейстеру и мнѣ, *за шесть дней до мѣсячнаго срока*, съ подробнымъ изложеніемъ причинъ, требующихъ оставленія его при части, и ожидать моего, по сему, разрѣшенія. Симъ способомъ навѣрное нѣсколько убавится необыкновенная тѣснота въ арестантскихъ при Частныхъ домахъ. Другое средство улучшить положеніе сихъ несчастныхъ, хотя и виновныхъ людей (между коими часто могутъ случиться и невинные, а въ особенности маловиновные),—это отдѣлить еще комнату или двѣ, для арестантовъ, *чрезъ уменьшеніе квартиры* самаго *Пристава*, въ особенности *гдѣ* оный *не имѣетъ семейства*, какъ напримѣръ въ Рождественской части, или *чрезъ уменьшеніе квартиръ* другихъ *чиновниковъ*, гдѣ сіе можетъ быть сдѣлано безъ затрудненія. Отъ всѣхъ частей представить соображенія Приставовъ, по сему предмету, въ г. Оберъ-Полиціймейстеру, который оныя, съ мнѣніемъ своимъ не оставитъ препроводить на мое разсмотрѣніе. Изъ соображеній сихъ легко можетъ открыться, что съ весьма незначительными передѣлками и издержками можно будетъ нѣсколько отвратить сіе *неприличное*, смѣю сказать, *для человѣчества оскорбительное* и совершенно противное благимъ видамъ Правительства, состояніе арестантовъ, въ теперешнемъ ихъ положеніи. Я надѣюсь, что Пристава Исполнительныхъ и Слѣдственныхъ дѣлъ, *водимые* не только долгомъ службы, но и *христіанскимъ чувствомъ человѣколюбія*, помогутъ мнѣ, г-ну Оберъ-Полиціймейстеру и достойнѣйшему Предсѣдателю Тюремнаго Комитета, заботящемуся безпрестанно о возможномъ улучшеніи помѣщенія арестантовъ,—достигнуть, хотя нѣсколько сей благой цѣли, тѣмъ болѣе, что мы должны всегда помнить, сколь много Государь Императоръ обращать изволитъ на сію часть вниманія".

Грозный приказъ этотъ на первое время возъимѣлъ благотворный результатъ. Но впослѣдствіи утвержденныя, въ 1843 г.,

предувѣдомлялъ Кавелина, что „если онъ это сдѣлаетъ,—то будетъ ему очень благодаренъ". На другой же день Кавелинъ прислалъ Бенкендорфу заготовленную книжку, съ просьбою „украсить своимъ именемъ начало", т. е. подписать первымъ пожертвованіе. Бенкендорфъ уклонился подписаться, а далъ 1.500 р. Кавелинъ самъ подписалъ 1.000 р. и въ короткое время снова одѣли, обули полицейскихъ арестантовъ, да еще сберегли большой запасъ имущества (28 февраля и 21 марта 1843 г.).

Впослѣдствіи Комитетъ продолжалъ тоже періодически снабжать, на свои средства, части вещами, на заготовленіе собственно бѣлья—ассигновалъ по 350 р. въ годъ (26 января 1857 г.) и распорядился стирать это бѣлье въ Замкѣ (11 января 1858 г,), что совершается и до сихъ поръ. О томъ же, чтобы смотрители вели отчетность имуществу—Комитетъ и по нынѣ добиться не могъ, хотя многократно и преподавалъ для этого книги, и просилъ содѣйствія администраціи, и жаловался и т. д. Впрочемъ, особенно винить въ этомъ многихъ смотрителей даже и нельзя: приводится въ части и отсылается изъ нихъ круглые годы въ теченіи *цѣлыхъ* сутокъ масса народа, такъ, что отмѣчать кому, когда и какая именно вещь дана, отъ кого отобрана—очень трудно, тѣмъ болѣе, что штатныхъ канцелярій они не имѣютъ, а завѣдываютъ арестантами, ихъ прокормленіемъ, разсылкою, зданіями, передачею депешъ, конвертовъ по участкамъ, да сверхъ того на нихъ возлагаются еще и другія разнородныя порученія. Такъ, что по недосугу, они пренебрегаютъ именно Комитетскимъ дѣломъ, благо Комитетъ для нихъ не начальство, а постороннее вѣдомство, котораго нечего особенно остерегаться.

Продовольствіе арестантовъ частей находилось въ вѣдѣніи полиціи до 1827 г.; а съ этого времени перешло, какъ читатели помнятъ, въ Комитетъ. На первыхъ порахъ Комитетъ ограничился раздачею кормовыхъ денегъ на арестантовъ съѣзжихъ *смотрителямъ*; на опросы арестантовъ членами вскорѣ же убѣ

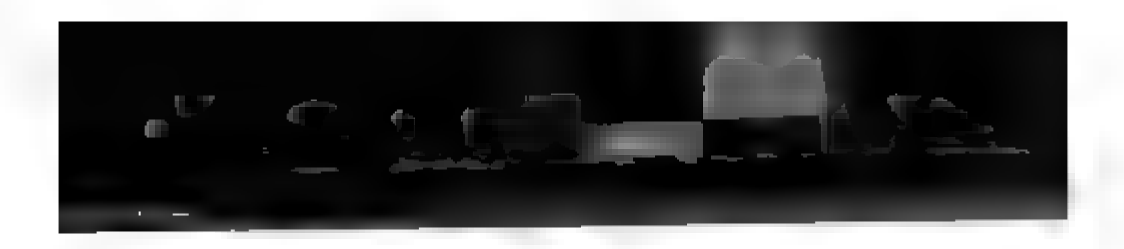
дили послѣднихъ, что арестанты живутъ „впроголодь, ибо харчевня до нихъ часто не доходятъ". Комитетъ рѣшилъ устроить въ частяхъ кухни. Съ этою цѣлію онъ адресовался къ Генералъ-Губернатору объ отводѣ для кухонь помѣщеній въ частяхъ. Заводить въ съѣзжихъ кухонь негдѣ, отвѣтилъ Генералъ-Губернаторъ, да въ нихъ нѣтъ и важной надобности: „въ съѣзжихъ сидятъ, обыкновенно, по короткому времени" (3 мая 1828 г.). Комитетъ возразилъ, что „короткое время"—суть мѣсяцы, а отъ недостатка въ продовольствіи—здоровье людей страдаетъ. Генералъ-Губернаторъ уступилъ на половину, т. е. дозволилъ Комитету устроить въ 5 частяхъ кухни и въ 3-хъ хлѣбопекарни. Комитетъ затратилъ значительную сумму на кухни и пекарни и принялся развозить повсюду пищу въ котлахъ и въ закрытыхъ телѣгахъ (съ 1830 г.).

Способъ этотъ не удовлетворялъ многихъ, за исключеніемъ, впрочемъ, смотрителей, такъ какъ въ 5 кухняхъ распоряжались, по приглашенію Комитета, ихъ товарищи, а на нихъ претендовать они находили неумѣстнымъ. Несообразность порядка развоза пищи Комитетъ сознавалъ, но не имѣлъ возможности замѣнить его лучшимъ порядкомъ. Вдругъ, однажды, вернулся изъ заграницы Членъ Комитета Протасовъ, видѣвшій какъ иноземцы развозятъ горячую и не разбалтывавшуюся пищу по улицамъ. Онъ и сдѣлалъ, по предложенію Комитета, образцовый котелъ, а другой Членъ А. Н. Леонтьевъ придумалъ особой конструкціи фургоны, для той же цѣли (4 декабря 1843 и 4 сентября 1844 г.). Мѣдный, съ крышкою, котелъ, имѣвшій подъ дномъ нѣчто въ родѣ печки—вставлялся въ деревянный ящикъ, обитый: внутри—войлокомъ, а снаружи—жестью; ящикъ также вставлялся въ соотвѣтственное его величинѣ мѣсто фургона такъ плотно, что не могъ шевелиться; внутренность глухого фургона была обита также войлокомъ; везли фургонъ на лежачихъ рессорахъ. Произведенный опытъ вполнѣ удался: въ 28-градусный морозъ пища повсюду была доставлена 55 градусовъ тепла,

Тогда Комитетъ завелъ 4 фургона, 4 котла и ящики, расширилъ въ Замкѣ, кухню и началъ развозить пищу изъ этой центральной кухни, а чтобы арестованные знали, что именно полагается имъ,—распорядился повѣсить въ частяхъ, на видномъ мѣстѣ, для свѣдѣнія арестантовъ табель количества припасовъ, положенныхъ на каждаго человѣка въ отдѣльности и на всѣхъ въ сложности, а равно въ какіе дни, что именно будетъ вариться (25 января 1845 г.).

На пріобрѣтеніе котловъ, ящиковъ, фургоновъ и на передѣлку тюремной кухни Комитетъ затратилъ единовременно 2.000 р., да на наемъ лошадей, фургонщиковъ и вахтера опредѣлилъ еще 500 р. въ годъ. Кромѣ того отпущенныхъ, на 1845 г., на Замокъ дровъ не хватило: на усиленную топку печей для варки пищи на 1000 чел. частей, истреблено было до 200 саж. дровъ. Оттого Комитетъ попросилъ Генералъ-Губернатора приказать передать въ Замокъ оставшіяся въ 4 частяхъ, за закрытіемъ тамъ кухонь, 104 саж. дровъ, но и въ этомъ получилъ отказъ, потому что „дрова нужны частямъ" (2 іюля 1845 г.).

Не успѣлъ Комитетъ привить новоизобрѣтенный способъ развоза пищи, какъ смотрители, лишившись нѣкотораго дохода, распространили слухъ будто бы доставляемая въ части пища дурного качества. Комитетъ, для прекращенія этихъ нареканій адресовался къ Оберъ-Полицігмейстеру, чтобы приказать дежурнымъ въ частяхъ чиновникамъ: во 1-хъ самимъ принимать и пробовать пищу, а о ея качествѣ и количествѣ расписываться въ привозимой, вмѣстѣ съ нею, книгѣ, а во 2-хъ аккуратно присылать въ Замокъ, ежедневно, къ 5 часамъ, рапортички о числѣ людей, подлежавшихъ продовольствію на слѣдующій день. Генералъ Кокошкинъ обязалъ дежурныхъ расписываться только въ тѣхъ случаяхъ, когда пищи будетъ привезено недостаточно; что же касается рапортичекъ, то нашелъ невозможнымъ присылать ихъ „по недостатку солдатъ, для ихъ относа" (18 января *1846 г.). Комитетъ*, привыкнувъ подчиняться, поручилъ вахтеру,

вошедшему лицу, собирать рапортички, а на прокормленіе приводившихся подъ стражу послѣ отдачи вахтеру рапортичекъ отпускалъ смотрителямъ авансомъ кормовыя деньги. Эти *деньги* на долго всѣхъ успокоили: сколько именно съ полудня прибывало и раннимъ утромъ слѣдующаго дня убывало людей повѣрить, по всему городу, было физически немыслимо, почему Комитетъ и оставлялъ цифры на совѣсть смотрителей...

Описанная продовольственная система практиковалась безъ пререканій, тринадцать лѣтъ сряду. Въ 1859 г. прокормленіе каждаго арестованнаго обходилось Комитету въ $6\frac{1}{2}$ к. въ сутки. Оберъ-Полиціймейстеръ доложилъ Генералъ-Губернатору, что пища, отъ развозки „теряетъ свое достоинство", а потому предпочиталъ заняться ея варкою мѣрами полиціи во всѣхъ частяхъ, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы: а) Комитетъ отпускалъ на человѣка по $9\frac{1}{2}$ к. въ сутки и б) арестантамъ давали бы вмѣсто 3, — только по 2 ф. хлѣба на человѣка въ сутки. Генералъ-Губернаторъ одобрилъ это мнѣніе и передалъ его на заключеніе Комитета (4 октября 1859 г.). Комитетъ отвергъ эту комбинацію, потому что не считалъ себя обязаннымъ доплачивать на пищу по 3 к. въ сутки на человѣка изъ своихъ ограниченныхъ источниковъ, да и сомнѣвался, чтобы полиція и на $9\frac{1}{2}$ к. кормила арестантовъ лучше, нежели онъ это дѣлалъ на $6\frac{1}{2}$ к.; прибавляя къ казеннымъ кормовымъ, по $\frac{1}{2}$ к. (19 ноября 1859 г.). Предложеніе это было повторено Комитету также безуспѣшно и въ 1862 г. Затѣмъ Оберъ-Полиціймейстеръ, вслѣдствіе донесенія пристава 2 части, сообщилъ Комитету, что „26 декабря 1864 г. въ часть доставлены были щи до того не вкусныя, не доброкачественныя, что арестанты не въ состояніи были ѣсть". Между тѣмъ предъ отправкою изъ замка эту пищу пробовали караульный офицеръ и докторъ, записывавшіе въ книгу, что она доброкачественная, вкусная. Комитетъ оправдывался этою отмѣткою. Когда книгу предъявили приставу — онъ признался, что пробовалъ пищу не онъ, а дежурный чиновникъ и безъ постороннихъ лицъ, вопреки тому, какъ

было установлено и что донесеніе свое онъ основалъ на заявленіи чиновника; послѣдній же отозвался совершеннымъ незнаніемъ обо всемъ. Приставъ отрекся отъ своего донесенія и вмѣстѣ съ чиновникомъ получили выговоръ (въ 1865).

Въ защиту ли сослуживцевъ, или пища дѣйствительно ухудшилась,—но заявленія и жалобы на дурное продовольствіе арестантовъ частей усилились, сдѣлались хроническимъ недугомъ. Комитетъ, вообще уже ослабленный, терявшій свое значеніе, очутился въ затруднительномъ положеніи. Въ это время Оберъ-Полиціймейстеръ нашелъ возможнымъ кормить арестантовъ сперва—вмѣстѣ съ пожарными командами, а потомъ отдѣльно, по, на 9 к.; при 2½ ф. хлѣба въ сутки на человѣка, въ видѣ опыта, въ двухъ частяхъ". (26 іюня 1866 г. и 27 марта 1867 г.) Комитетъ, въ знакъ признательности властямъ, за намѣреніе освободить его отъ тяжелой обузы, — охотно согласился допустить опытъ, который взялся произвести полицейскій чиновникъ г. Рагоцкій, простершій свою ревность и на третью часть. Опытъ долженъ былъ заключаться въ томъ, что г. Рагоцкій, получивъ, авансомъ, извѣстную, изъ Комитета, сумму, на нее воленъ былъ покупать гдѣ и какъ хотѣлъ продукты и отпускать ихъ въ части (на 7 — 8 к. на человѣка) по числу находившихся въ каждой изъ нихъ арестантовъ, по дневнымъ рапортичкамъ смотрителей. Они же обязывались принимать продукты, наблюдать за варкою, наемными кухарками, пищи и ею кормить арестантовъ. Съ точки зрѣнія полиціи опытъ признанъ былъ вполнѣ удачнымъ; Комитетъ же отнесся къ нему равнодушно: никто изъ его Членовъ при опытѣ не присутствовалъ. Вслѣдъ затѣмъ завязалась переписка объ обращеніи опыта въ постоянную систему. Комитетъ встрепенулся и за уступку этой части выговаривалъ: во первыхъ,—чтобы деньги отпускались Рагоцкому изъ Комитета, которому онъ ежемѣсячно доставлялъ бы въ нихъ отчетность; во вторыхъ, чтобы онъ не расходовалъ больше, въ сложности 9 к. на человѣка въ сутки

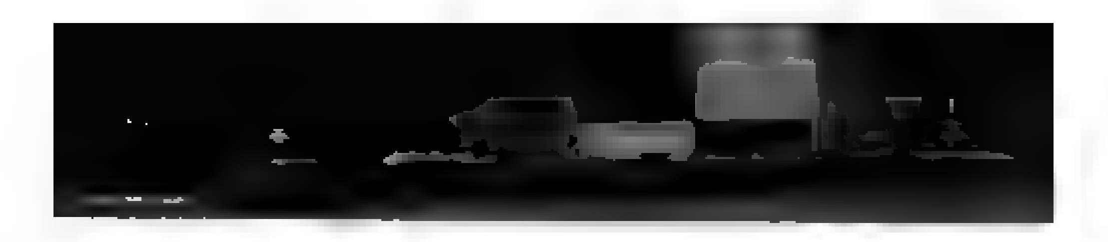
воинскому пищу, собирать рапортички, а на прокормленіе приводившихся подъ стражу послѣ отдачи вахтеру рапортичекъ отпускалъ смотрителямъ авансомъ кормовыя деньги. Эти *деньги* на долго всѣхъ успокоили: сколько именно съ полудня прибывало и раннимъ утромъ слѣдующаго дня убывало людей повѣрить, по всему городу, было физически немыслимо, почему Комитетъ и оставлялъ цифры на совѣсть смотрителей...

Описанная продовольственная система практиковалась безъ прерывній, тринадцать лѣтъ сряду. Въ 1859 г. прокормленіе каждаго арестованнаго обходилось Комитету въ 6$^1/_2$ к. въ сутки. Оберъ-Полицiймейстеръ доложилъ Генералъ-Губернатору, что пища, отъ развозки „теряетъ свое достоинство", а потому предпочиталъ заняться ея варкою мѣрами полиціи во всѣхъ частяхъ, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы: а) Комитетъ отпускалъ на человѣка по 9$^1/_2$ к. въ сутки и б) арестантамъ давали бы вмѣсто 3,—только по 2 ф. хлѣба на человѣка въ сутки. Генералъ-Губернаторъ одобрилъ это мнѣніе и передалъ его на заключеніе Комитета (4 октября 1859 г.). Комитетъ отвергъ эту комбинацію, потому что не считалъ себя обязаннымъ доплачивать на пищу по 3 к. въ сутки на человѣка изъ своихъ ограниченныхъ источниковъ, да и сомнѣвался, чтобы полиція и на 9$^1/_2$ к. кормила арестантовъ лучше, нежели онъ это дѣлалъ на 6$^1/_2$ к.; прибавляя къ казеннымъ кормовымъ, по $^1/_2$ к. (19 ноября 1859 г.). Предложеніе это было повторено Комитету также безуспѣшно и въ 1862 г. Затѣмъ Оберъ-Полиціймейстеръ, вслѣдствіе донесенія пристава 2 части, сообщилъ Комитету, что „26 декабря 1864 г. въ часть доставлены были щи до того не вкусныя, не доброкачественныя, что арестанты не въ состояніи были ѣсть". Между тѣмъ предъ отправкою изъ Замка эту пищу пробовали караульный офицеръ и докторъ, записывавшіе въ книгу, что она доброкачественная, вкусная. Комитетъ оправдывался этою отмѣткою. Когда книгу предъявили приставу — онъ признался, что пробовалъ пищу не онъ, а дежурный чиновникъ и безъ постороннихъ лицъ, вопреки тому, какъ

ція производилась постепенно, во всѣхъ полицейскихъ домахъ устроены особыя кухни, а въ нихъ приготовляется для арестантовъ пища, подъ наблюденіемъ особаго чиновника". Чтобы положить твердое основаніе новому способу продовольствія арестантовъ, установить порядокъ, надзоръ и контроль по сему предмету, къ прибавленію ,,прилагались" къ точному руководству и исполненію „правила объ арестантскомъ продовольствіи". Сущность правилъ слѣдующая:

Завѣдываніе продовольствіемъ полицейскихъ арестантовъ возлагается на одного изъ состоящихъ въ штатѣ полиціи чиновниковъ, по назначенію Оберъ-Полиціймейстера. Въ помощь ему опредѣляются бухгалтеръ, экономка и писарь. Для прислуги полагаются: два хлѣбопека, двѣнадцать поваровъ или кухарокъ, два разсыльныхъ и кучеръ. Содержаніе завѣдывавшему продовольствіемъ, бухгалтеру, экономкѣ, писарю и прислугѣ производится *) на счетъ имѣющей быть отъ продовольствія экономіи, а въ случаѣ недостатка оной—изъ другихъ источниковъ. Завѣдывающій продовольствіемъ, въ концѣ каждаго мѣсяца, входитъ къ Оберъ-Полиціймейстеру съ представленіемъ о количествѣ суммы, необходимой, по приблизительному исчисленію, на приготовленіе пищи арестантамъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ и на гуртовое заготовленіе по выгоднымъ цѣнамъ провизіи. Истребованныя по этимъ представленіямъ изъ Тюремнаго Комитета суммы Счетное Отдѣленіе Канцеляріи Оберъ-Полиціймейстера записываетъ на приходъ въ особую книгу, и выдаетъ, по мѣрѣ надобности Завѣдывающему продовольствіемъ чиновнику, установленнымъ порядкомъ. Завѣдывающій продовольствіемъ на отпущенныя ему деньги, пріобрѣтаетъ продукты, хозяйственнымъ способомъ или съ подряда, оптомъ или въ розницу, смотря потому, что окажется болѣе выгоднымъ. О цѣнѣ продуктовъ, тотчасъ по заготовленіи оныхъ, Завѣдывающій доноситъ Оберъ-Полиціймейстеру и въ тоже время вывѣшиваетъ во всѣхъ кухняхъ вѣдомости продуктамъ, съ обозначеніемъ цѣнъ, измѣняя и дополняя эти вѣдомости при каждомъ новомъ заготовленіи. Продукты хранятся, въ складѣ Александро-Невской части, гдѣ устроена и общая хлѣбопекарня, для всѣхъ полицейскихъ арестантовъ.

*) Завѣдывающему продовольствіемъ 1,200 р.; ему же на разъѣзды 600 р.; бухгалтеру 360 р.; экономкѣ 240 р.; писцу 120 р.; старшему хлѣбопеку 180 р.; младшему хлѣбопеку или двумъ рабочимъ 144 р.; 2 разсыльнымъ 140 р.; служителю при лошадяхъ (онъ же и при складѣ) 70 р.; 12 поварамъ или кухаркамъ 780 р.; на содержаніе двухъ лошадей для развозки продуктовъ изъ склада и ремонтъ повозки 420 р.; за доставку воды на арестантскія кухни 420 р.; всего 4.674 р.

Смотрители Полицейскихъ домовъ ежедневно, въ часъ пополудни, извѣщаютъ по телеграфу (чрезъ станцію Александро-Невской части) Завѣдывающаго о числѣ арестантовъ, для которыхъ потребно продовольствіе на слѣдующій день. *Примѣчаніе*. Въ вѣдомость о числѣ арестантовъ не слѣдуетъ включать тѣхъ изъ нихъ, которые удовлетворяются кормовыми деньгами. Слѣдуетъ также исключать изъ вѣдомости и тѣхъ арестантовъ, убыль которыхъ до раздачи пищи несомнѣнно предвидится. Завѣдывающій продовольствіемъ, получивъ свѣдѣніе о числѣ арестантовъ, дѣлаетъ распоряженіе о доставленіи въ каждую часть хлѣба и сырыхъ, на приготовленіе горячей пищи, продуктовъ согласно раскладкѣ. Хлѣбъ и продукты изъ общаго склада развозятся по частямъ при накладной въ двухъ экземплярахъ, для каждой части порознь, съ обозначеніемъ вѣса или мѣры предметовъ продовольствія. Хлѣбъ и продукты принимаются по накладной находящимися при частяхъ кухарками или поварами, въ присутствіи смотрителей или ихъ помощниковъ, которымъ вмѣняется въ обязанность свѣрять по накладной продукты, обращать вниманіе на доброкачественность оныхъ и наблюдать, при содѣйствіи дежурныхъ изъ резерва городовыхъ, чтобы при самомъ приготовленіи пищи отнюдь не было допускаемо никакихъ злоупотребленій. Затѣмъ, одинъ экземпляръ накладной смотрителя возвращаютъ въ тотъ же день завѣдывающему продовольствіемъ, съ надписью объ оказавшемся по пріему продуктовъ; другой же экземпляръ этого документа вывѣшиваютъ на видномъ мѣстѣ въ кухнѣ, а по истеченіи мѣсяца всѣ накладныя отсылаются въ Счетное отдѣленіе канцеляріи Оберъ-Полиціймейстера. Въ случаѣ сомнѣнія въ доброкачественности принимаемыхъ изъ склада продуктовъ, смотрителя обращаются къ мѣстнымъ полицейскимъ врачамъ, прося ихъ объ освидѣтельствованіи таковыхъ и затѣмъ, если сими послѣдними продукты будутъ найдены дѣйствительно негодными къ употребленію, то смотрителя тотчасъ же распоряжаются пріобрѣтеніемъ новыхъ на счетъ завѣдывающаго продовольствіемъ, о чемъ тогда же извѣщаютъ его по телеграфу и доносятъ Оберъ-Полиціймейстеру. Если бы при пріемѣ продуктовъ оказалась невѣрность въ вѣсѣ или мѣрѣ ихъ противъ накладной, то смотрителя должны тотчасъ же истребовать отъ Завѣдывающаго продовольствіемъ недостающее количество оныхъ. Приготовленная на кухняхъ пища, а равно и полученный изъ склада печеный хлѣбъ дѣлятся кухарками или поварами, подъ наблюденіемъ смотрителей и ихъ помощниковъ, на сколько возможно безобидныя для всѣхъ арестантовъ пор-

ціи, по наличному числу ихъ, и раздаются по камерамъ, посредствомъ арестантскихъ старостъ. Вновь прибывшимъ уже послѣ обѣда арестантамъ, если не останется для нихъ горячей пищи, въ первый день ареста выдаются только порціи хлѣба, который доставляется изъ общаго склада по особымъ требованіямъ, при дополнительныхъ накладныхъ. *Примѣчаніе.* На этотъ случай Завѣдывающему предоставляется устроить небольшіе склады при частяхъ.

Въ бланки квитанцій смотрителя домовъ ежедневно вносить, вполнѣ согласно съ арестантскими списками, дѣйствительное число арестантовъ: а) получившихъ кормовыя деньги на руки и б) получившихъ довольствіе натурою. Одинъ экземпляръ квитанцій отсылается въ тотъ же день къ Завѣдывающему продовольствіемъ, для сличенія съ полученными наканунѣ требовательными вѣдомостями, въ предупрежденіе могущаго быть перебора продуктовъ, который, въ случаѣ обнаруженія онаго, возмѣщается на счетъ виновнаго смотрителя; на другомъ экземплярѣ квитанцій, остающемся въ тетради, арестанты, получающіе кормовыя деньги на руки, росписываются въ полученіи оныхъ, а самая тетрадь, по истеченіи каждаго мѣсяца отсылается въ канцелярію Оберъ-Полицціймейстера, и по повѣркѣ сихъ документовъ, отсылаетъ ихъ въ Тюремный Комитетъ, для окончательнаго съ онымъ разсчета о суммахъ, подлежавшихъ къ отпуску на продовольствіе арестантовъ въ минувшемъ мѣсяцѣ. По истеченіи каждаго мѣсяца, Завѣдывающій, составивъ вѣдомость о количествѣ суммъ, израсходованныхъ на продовольствіе арестантовъ въ истекшемъ мѣсяцѣ, съ показаніемъ, во что обошлось содержаніе каждаго изъ арестантовъ, получавшихъ пищу натурою, представляетъ эту вѣдомость не позже 15 числа, вмѣстѣ съ выписками изъ денежной и матеріальной книгъ, подлинными накладными и квитанціями смотрителей, въ канцелярію Оберъ-Полицціймейстера, для ревизіи, а по окончаніи года, составивъ изъ нихъ общій отчетъ представляетъ его, вмѣстѣ съ книгами и надлежащими къ расходнымъ статьямъ документами въ тоже отдѣленіе.

Полицціймейстеры и частные Полицейскіе Врачи обязаны, не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, посѣщать арестантскія кухни, для освидѣтельствованія какъ сырыхъ продуктовъ, доставляемыхъ изъ склада, такъ и приготовляемой изъ нихъ пищи, для повѣрки цѣнности ихъ съ вывѣшанными въ кухнахъ на этотъ собственно предметъ вѣдомостями, и для выслушанія могущихъ быть со стороны арестантовъ разнаго рода претензій на неудовлетворительность получаемаго ими продовольствія. Полицціймейстеры, врачи и чиновники, объ оказавшемся по осмотру арестантскихъ кухонь, при каждомъ своемъ посѣ-

щенія оныхъ дѣлаютъ отмѣтки на вывѣшанныхъ въ кухняхъ дубликатахъ накладныхъ; въ случаѣ же обнаруженія злоупотребленій, безпорядковъ, неумѣренности цѣнъ на продукты и основательности заявленныхъ имъ арестантами претензій, они обязаны тотчасъ же доносить о томъ Оберъ-Полиціймейстеру, на его усмотрѣніе. Если при посѣщеніи Полиціймейстерами и другими лицами арестантскихъ кухонь замѣчены будутъ безпорядки и злоупотребленія, о которыхъ мѣстный смотритель не могъ не знать при должномъ надзорѣ, но не принялъ однако къ устраненію оныхъ своевременно надлежащихъ мѣръ, то сей послѣдній подвергается за это взысканію по усмотрѣнію Оберъ-Полиціймейстера.

На продовольствіе вообще арестантовъ, съ 1827 г. по настоящее время, Комитетъ расходовалъ собственныя деньги, а потомъ, ежемѣсячно, посылалъ, о числѣ находившихся на довольствіи людей, вѣдомости, по которымъ казенная палата и возвращала ему суммы. На составленіе и провѣрку сложныхъ разсчетовъ употреблялось не мало времени какъ въ Комитетѣ, такъ и въ Казенной Палатѣ, почему разсчеты часто затягивались. На полицейскихъ арестантовъ Комитетъ выдавалъ также изъ своей кассы авансомъ, но иногда и въ кассѣ не доставало денегъ, а оттого и передача ихъ полиціи замедлялась. На эту медленность Оберъ-Полиціймейстеръ жаловался президенту, а онъ поставилъ это на видъ Комитету, въ томъ вниманіи, что „несвоевременность отпуска денегъ крайне затрудняетъ распоряженія начальства и неблагопріятно вліяетъ на способъ хозяйственнаго заготовленія припасовъ". Комитетъ, считая себя правымъ, обидѣлся и просилъ президента „не найдетъ ли возможнымъ распорядиться, чтобы Оберъ-Полиціймейстеръ получалъ кормовыя деньги непосредственно изъ Казенной Палаты" (23 февраля 1868 г.). Этотъ поступокъ Комитета послужилъ основаніемъ къ утвержденію за Оберъ-Полиціймейстеромъ, законодательнымъ порядкомъ, права получать кормовыя деньги на полицейскихъ арестантовъ прямо отъ казны (24 марта 1869 г.).

Съ этого же времени на прокормленіе содержавшихся въ частяхъ стали отпускать по 10 к. въ сутки на человѣка, а Ко-

митетъ окончательно устранился отъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло, принадлежавшее его вѣдомству. Впрочемъ, прибавимъ, что съ 1870 г. Комитетъ ни разу, кажется, не утруждался разсмотрѣніемъ чьихъ либо заявленій или жалобъ на плохую, въ частяхъ, пищу: она не уступаетъ пищѣ тюремной по качеству, а по количеству состоитъ изъ двухъ блюдъ ежедневно (щи и каша—въ обѣдъ, а на ужинъ—щи). Пища эта, сколько разъ мы ее ни пробовали,—вездѣ оказывалась хорошею.

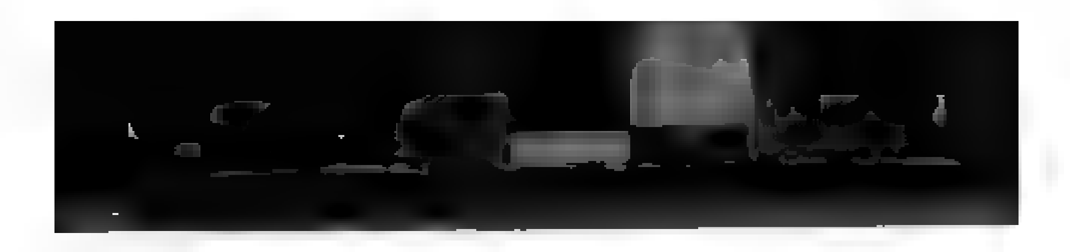
Отношенія Комитета къ частямъ съ 1870 г. вообще выражались въ снабженіи ихъ періодически вещами, книжками для чтенія, въ мытьѣ ихъ бѣлья и въ различныхъ ходатайствахъ за арестованныхъ нѣкоторыхъ *отдѣльныхъ* Директоровъ. Такъ, напр., А. М. Розенталь, соболѣзнуя о подвергавшихся, за безпаспортность и просрочку ихъ: сперва—аресту, а потомъ—высылкѣ, массами, по этапу, на родину,—вызвался, въ 1871 г., платить до 200 р. въ мѣсяцъ, на выправку имъ паспортовъ и отсрочекъ, чтобы только ихъ избавить отъ путешествія на родину, въ наручникахъ. Пишущій эти строки тогда же присоединился къ прекрасному предложенію г. Розенталя личными трудами, т. е. сносился письменно и словесно съ полиціею, Волостными Правленіями, Мѣщанскими Управами и т. д. Деньги—одного и работа—другого помогли, въ теченіи года, оставить, въ покоѣ, 122 человѣка, изъ числа такихъ безпаспортныхъ, которыхъ полиція не считала ни въ чемъ другомъ повинными, или заподозрѣнными, т. е. случайно потерявшихъ паспорты, просрочившихъ ихъ, лежа въ больницахъ, или по неразумѣнію довѣрившихъ ихъ на сохраненіе разнымъ содержателямъ ночлежныхъ пріютовъ, не возвратившимъ ихъ по принадлежности. Эта помощь несчастнымъ людямъ прекратилась, потомъ, собственно вслѣдствіе нашего недосуга съ поступленіемъ въ тюремные хозяева, и нежеланія никого изъ Директоровъ замѣнить насъ по этой хлопотливой части. Освобожденіе отъ пересылки 122 человѣка избавило: ихъ—отъ *страданія, а казну*—отъ значительнаго, непроизводительнаго рас-

хода: они должны были прожить здѣсь въ частяхъ и въ пересыльной тюрьмѣ—по двѣ недѣли, ѣхать, положимъ, лишь до Москвы—2 сутокъ, въ Москвѣ пробыть тоже двѣ недѣли (это обыкновенный срокъ остановокъ этаповъ), считая же за 47 дней кормовыхъ, отопленіе, освѣщеніе, обмундированіе, содержаніе стражи и проч., — они обошлись бы, по меньшей мѣрѣ, въ 2.000 руб.

О занятіи содержавшихся въ частяхъ работами многократно происходила переписка, кончавшаяся, однако, всегда, ничѣмъ, по невозможности организовать „мастерскія для краткосрочныхъ заключенныхъ". Но вотъ нѣкоторыя Губернскія начальства обратились въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи назначать всѣхъ вообще арестантовъ податного состоянія, содержащихся въ тюрьмахъ по приговорамъ общихъ и Мировыхъ судебныхъ установленій, *на общественныя и городскія работы*, съ примѣненіемъ къ нимъ 208 ст. Уст. о сод. подъ страж. Министерство, имѣя въ виду, что статья эта касается лишь отдѣльныхъ категорій арестантовъ,—входило объ этомъ съ вопросомъ въ Государственный Совѣтъ. Вопросъ этотъ имѣетъ серьезное значеніе повсемѣстно, поэтому приведемъ здѣсь, въ извлеченіи Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.

„Совѣтъ остановился, прежде всего, на томъ, что лицамъ, назначаемымъ на общественныя и городскія работы, предполагается значительно сокращать опредѣленныя для нихъ судебными приговорами сроки заключенія (весною и лѣтомъ—на половину, а осенью и зимою—даже на двѣ трети), а разрѣшая эту мысль,—нашелъ, что мѣра эта уже допущена (Уст. сод. подъ страж. ст. 208) для лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній за маловажныя преступленія: съ 1853 г. для весьма незначительной категоріи лицъ, въ числѣ способовъ къ уменьшенію числа содержавшихся въ тюрьмахъ, которыя по чрезвычайной продолжительности опредѣленныхъ уложеніемъ 1845 года сроковъ заключенія,—были тогда до крайности переполнены. Съ тѣхъ поръ сроки пребыванія преступниковъ въ мѣстахъ заключенія значительно уменьшены, а

потому распространіе означенной мѣры на огромное большинство арестантовъ могло бы имѣть весьма неблагопріятныя послѣдствія, въ смыслѣ крайняго ослабленія карательной силы судебныхъ приговоровъ. Поэтому Совѣтъ принялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, во вниманіе, что поощреніе арестантовъ къ труду съ неменьшимъ успѣхомъ можетъ быть достигнуто назначеніемъ имъ денежнаго вознагражденія (208 ст. Уст. о сод. подъ страж.) за работы, производимыя, по наряду. Оттого и не представляется, по мнѣнію Совѣта, надобности въ изданіи новаго правила, ибо дѣйствующими уже законами (55 ст. Улож. о наказ. и 204—206 ст. Уст. о содерж. подъ страж.) мѣстному начальству разрѣшается назначать содержащихся въ тюрьмахъ мѣщанъ и крестьянъ на городскія общественныя и иныя работы. Сомнѣніе можетъ возникнуть собственно о томъ, могутъ ли: во 1-хъ, употребляться на работы внѣ мѣстъ заключенія, содержащіеся въ тюрьмахъ по приговорамъ мировыхъ судебныхъ установленій и во 2-хъ, назначаться на эти работы лица, не принадлежащія къ мѣщанскому и крестьянскому сословіямъ? Въ разрѣшеніе этихъ сомнѣній Совѣтъ нашелъ, что хотя по 3 ст. Уст. о наказ., налаг. мир. суд., присужденные къ заключенію въ тюрьмѣ и должны быть употребляемы на работы, установленныя для рабочихъ домовъ, (въ самомъ мѣстѣ заключенія), но за силою пункта 8 ст. 942 Уст. о содерж. подъ страж., заключенные въ рабочихъ домахъ могутъ употребляться на плотничныя и земляныя работы на дворахъ, въ садахъ, огородахъ и другихъ мѣстахъ; по статьѣ же 945, они могутъ быть доставляемы и на городскія работы за условленную плату. Кромѣ того, въ статьѣ 205 того же Устава содержится положительное правило о томъ, что въ нарядъ на общественныя работы назначаются преимущественно тѣ изъ содержащихся въ тюрьмахъ арестантовъ, которые приговорены къ сему заключенію, *вмѣсто* другого, строжайшаго наказанія, т. е. содержанія въ рабочемъ или смирительномъ домѣ. Въ виду сего, въ случаѣ неимѣнія работъ внутри самой тюрьмы, не можетъ быть никакого препятствія къ употребленію на работы внѣ тюремныхъ зданій, также и арестантовъ, содержащихся по приговору мировыхъ судебныхъ установленій. Что же касается лицъ, не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, то Совѣтъ нашелъ, что въ отношеніи къ нимъ въ законадательствѣ нашемъ (Улож. о наказ. изд. 1866 года, ст. 55, Уст. о наказ., налаг. мир. суд. ст. 8), ясно выражено, что они могутъ быть употребляемы въ работы, не исключая общественныхъ, но лишь въ случаѣ *„собственнаго ихъ на то желанія“*. Въ силу сказанныхъ соображеній Совѣтъ положилъ: сообщить

наложенныя соображенія, для разъясненія. губернскимъ начальствамъ, въ отвѣтъ на возбужденные ими вопросы.

Объ этомъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомилъ, цир-
крно, Губернаторовъ, съ поясненіемъ, что „употребленіе оз-
зныхъ арестантовъ на внѣшнія работы предоставляется бли-
жему ихъ усмотрѣнію, по соображеніи съ мѣстными сред-
ами относительно обезпеченія арестантовъ отъ побѣговъ, наб-
еніемъ благонадежныхъ надзирателей или военнаго конвоя,
въ наряду послѣдняго не встрѣтится препятствій со сто-
н военнаго начальства" (28 сентября 1877 г.).

Разъясненіе Государственнаго Совѣта" распространялось, оче-
ю, и на содержавшихся, по приговорамъ Мировыхъ Судей, въ
ербургскихъ частяхъ. Оттого Предсѣдатель Столичнаго Комитета
Н. Смирной предложилъ примѣнить это „разъясненіе" въ томъ
дѣ, что бы люди занимались работами въ камерахъ, такъ какъ
р. не принято посылать арестованныхъ выгружать барки,
улицы, дѣлать мостовыя и т. д. Комитетъ отпустилъ
рителямъ частей деньги на разсчеты, а Предсѣдатель учре-
дагося, надъ частями, изъ Директоровъ Попечительства,
А. Федоровъ, принялся вводить занятія,—щипать пеньку,
ть конверты и шить мѣшки, потому что устроить напр., сапож-
, портняжныя и т. п. мастерскія нельзя было, какъ по тѣснотѣ
щеній, такъ и по краткости сроковъ содержанія людей въ
дхъ (отъ 1 до 6 мѣсяцевъ). Привились указанныя занятія
летворительно только въ Спасской, Александро-Невской и
ейной частяхъ, но по малости трудятся до сихъ поръ по-
во всѣхъ частяхъ.

Отмѣтимъ, кстати, въ заключеніе, что Московскую часть
екторъ В. Ф. Мартыновъ въ 1878 г. снабдилъ постель-
и принадлежностями, да съ тѣхъ поръ постоянно награж-
ъ чаемъ и сахаромъ, за нѣкоторыхъ арестованныхъ уплачи-
ь подати, другимъ выхлопатывалъ паспорты и т. п.

IX.

Очеркъ положенія духовно-нравственной части тюремъ, съ 1826 г. по настоящее время.

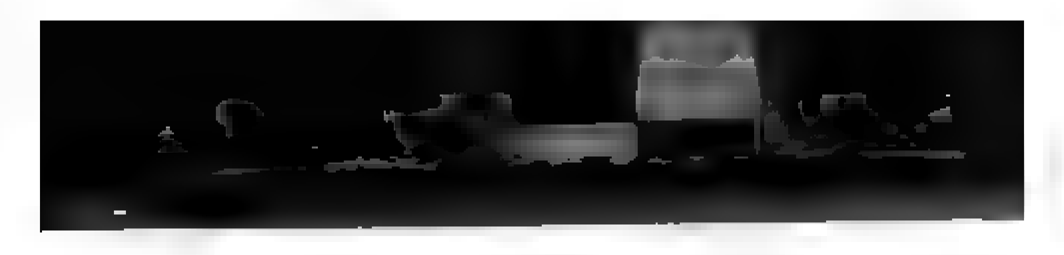
До открытія Общества о воздѣйствіи на умъ и сердце заключенныхъ, посредствомъ религіи, — никто, какъ читателямъ извѣстно, вѣдь и не помышлялъ. Оттого даже въ Петербургѣ тюремныя церкви устроилъ Комитетъ на свои средства: православныя —въ 1820-хъ годахъ; католическую и лютеранскую—въ 1835 г. Содержаніе причтовъ относилось также на суммы Комитета. Входъ въ церкви былъ открытъ всѣмъ „*вольнымъ*" людямъ, но недостатокъ надзора за ними породилъ, вскорѣ же, стачки между ними и арестованными, а среди послѣднихъ, кромѣ того, еще и усиленную тоску по волѣ, тоску, служившую и источникомъ проступковъ. Обстоятельства эти вынудили Комитетъ, для водворенія въ тюрьмахъ порядка и для отстраненія заключенныхъ отъ соблазна, — воспретить пускать постороннихъ въ церкви (6 ноября 1826 г.). Однако стремленіе вліять на узниковъ именно церковью сильно жило въ представителяхъ Комитета, почему Трубецкой и испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на повсемѣстное сооруженіе въ тюрьмахъ, церквей, на счетъ Комитетовъ (въ 1836 г.). Разрѣшеніемъ этимъ Комитеты не замедлили воспользоваться и церкви быстро открывались вездѣ, *гдѣ существовали* Комитеты.

[redacted]

Высокое значеніе *тюремной* церкви, а кстати и филантропіи поспѣшилъ разъяснить покойный московскій митрополитъ Филаретъ, въ „словѣ", произнесенномъ при освященіи церкви московской пересыльной тюрьмы (въ 1843 г.). „Слово" это изъ устъ одного изъ учредителей Общества такъ важно, что мы считаемъ полезнымъ привести его здѣсь, для иллюстраціи тюремнаго дѣла и въ поученіе современнымъ тюрьмовѣдамъ.

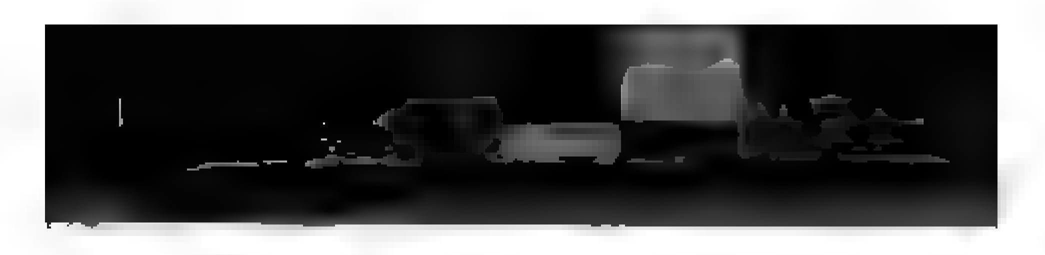
„Вотъ и мы, молящіеся, поемъ Бога, если не въ самой темницѣ, то близь темницы, ради темницы, и слушаютъ насъ юзницы, говорилъ Филаретъ. Если бы кому пришла мысль во дворѣ темничномъ построить царскій домъ: кто не сказалъ бы, что это несообразно съ достоинствомъ дома царскаго? Какъ же дерзнули мы, во дворѣ темничномъ, устроить домъ болѣе, нежели царскій, домъ Божій? Чистота и святость принадлежатъ дому Божію, преимущественно предъ всякимъ другимъ мѣстомъ, хотя, впрочемъ, не лишеннымъ своей чистоты. Напротивъ: темница осужденныхъ, не есть ли такое мѣсто, куда общество человѣческое повергаетъ отъ себя нравственную нечистоту? И такъ, сохранится ли чистота, не оскорбится ли святость дома Божія, когда мы поставляемъ его въ соприкосновенности съ темницею осужденныхъ? Правила Святыхъ удаляютъ отъ святыхъ Христовыхъ Таинъ, и едва допускаютъ переступать чрезъ прагъ Храма людей, обремененныхъ тяжкими грѣхами, доколѣ не очистятъ ихъ совѣсти покаяніе, слезы и время, иногда довольно продолжительное. И неудивительна сія строгость, когда и человѣческій законъ тѣхъ же людей, за тѣ же грѣхи, которые онъ обнаруживъ, называетъ преступленіями, удаляетъ отъ домовъ и селеній непорочныхъ гражданъ, даже на всегда. Какже теперь святый Храмъ, со святыми Тайнами, самъ пришелъ къ симъ людямъ, которымъ строгость священныхъ Правилъ не даетъ права приступать къ Святымъ Тайнамъ, и едва позволяетъ входить во Храмъ? Если, научась отъ Апостола поминать юзники, аки съ ними связаны мы, хотимъ раздѣлить съ ними, что только знаемъ утѣшительнѣйшаго для себя, именно, благодать Святаго Храма, и спасительное общеніе, *или по* крайней мѣрѣ, благотворную бли-

зость животворящихъ Таинъ. Не въ темницу-ли, не къ изгнанникамъ ли, ни къ узникамъ ли пришелъ и самъ Ты, на землю, чтобы основать Твой живый Храмъ, Твою Святую Церковь? Ибо что такое вся земля, послѣ рая, какъ не *пространная темница*? Что человѣкъ вообще, какъ не осужденный преступникъ райскаго закона, изгнанникъ рая, плѣнникъ грѣха, узникъ бренной плоти, отягощающей душу? Ты пришелъ, и въ сей темницѣ, для сего преступника, изгнанника, плѣнника, узника, поставилъ Твой Голгофскій Крестный жертвенникъ; Твоимъ страданіемъ и смертію совершилъ на немъ Твою вселенскую божественную литургію; принесъ Твою вѣчную жертву, которая одна и та же, и здѣсь нынѣ совершается. И кто были ближайшіе къ сему Твоему Жертвеннику? Разбойникъ — одесную; разбойникъ—ошую. Если сія близость шуяго возбуждаетъ негодованіе, то какое утѣшеніе подаетъ близость деснаго, который и крестныя жертвы Твоея вѣрою пріобщился, и Тебя прославилъ, и самъ спасся, и самымъ безнадежнымъ грѣшникамъ подалъ примѣръ и надежду спасенія! А вы, которыхъ законъ и правосудіе сдѣлали чуждыми для насъ, которыхъ еще братіями называть побуждаетъ насъ любовь Христіанская! Поймите любовь сію въ ея опытахъ, которые предъ вами. Зачѣмъ пришли къ вамъ, узникамъ, сіи люди свободные, люди почетныхъ званій? Какъ вы съ удовольствіемъ исторглись бы изъ вашей темницы, такъ они съ удовольствіемъ отторглись отъ своихъ дѣлъ и занятій, и поспѣшили къ вамъ въ темницу. Не имѣютъ ли они какой въ васъ нужды? Безъ сомнѣнія никакой! Какая же сила привлекла ихъ сюда? Сила любви Христіанской. Видно могущественна сія сила; видно пріятно слѣдовать ея влеченію. По любви Христіанской, они находятъ *приращеніе своего благополучія* въ томъ, чтобы *сострадать вашему несчастію*, чтобы *трудиться для вашихъ нуждъ*, чтобы по возможности *облегчать ваши тягости*, наипаче же, чтобы *указать вамъ* единственное вѣрное *средство* для вашего *примиренія* съ вашимъ жребіемъ въ вашемъ внутреннемъ примиреніи съ самимъ собою и съ человѣколюбцемъ Богомъ. Для чего такъ торжественно явился, среди васъ, и Цер-

ковный Соборъ, и такъ близко къ вамъ водворилъ Святыню Храма Христіанскаго? Почему правосудіе Церковное не такъ для васъ неумолимо, какъ гражданское, хотя церковь требуетъ не только непорочности во внѣшнихъ отношеніяхъ, но и во внутренней святости, и потому могла бы строже судить виновныхъ? Почему тогда, какъ гражданское общество изгоняетъ васъ, а Церковь какъ бы гонится за вами? Одно изъясненіе сихъ неожиданностей — любовь Христіанская. Даже и грозность строгостью церковныхъ правилъ не иной кто вооружилъ служителей вѣры, какъ любовь, по реченному Апостоломъ: „страхомъ спасайте отъ огня восхищающе"; любовь же повелѣла и умягчать строгость правилъ: милуйте разсуждающе. Любовь во Христѣ избрала и провозгласила сей неожиданный образъ дѣйствованія: не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе. Пріиде сынъ человѣческій взыскати и спасти погибшаго. Таже любовь и нынѣ, отъ девятидесяти девяти овецъ незаблудшихъ идетъ искать одной заблудшей. Не будьте къ сей любви невнимательны и холодны. Если въ васъ есть нѣкоторое расположеніе къ благодарности, какъ оно есть въ общей природѣ нашей, неужели вы попустите себѣ оказаться недобрыми для тѣхъ, которые такъ дѣятельно добры для васъ? Неужели не захотите доставить нѣкоторое утѣшеніе тѣмъ, которые заботятся о вашемъ утѣшеніи? Заботьтесь же сколько нибудь и вы, чтобы доставить имъ утѣшеніе, котораго они ищутъ, въ вашемъ нравственномъ и духовномъ улучшеніи. Когда примѣчаете близъ себя, что Христіанство раскрываетъ въ людяхъ способность находить благополучіе въ томъ, чтобъ идти въ темницу, заботливо заниматься осужденными,—догадайтесь, изъ сего, что есть въ Христіанствѣ сила, и въ самихъ осужденныхъ, и въ самихъ заключенныхъ въ темницѣ, или странствующихъ въ изгнаніи или заточеніи, *открыть способность къ благополучію*, котораго и *темница не помрачитъ*, которое и на пути въ изгнаніе назади не останется. Не удивился бы я, если бы вы стали жаловаться, какъ трудно вамъ возвышать духъ вашъ, изъ подъ тяжести бѣдствія. Не оспариваю сей трудности, но

утверждаю, что есть вѣрная возможность преодолѣть ее; и чтобы доказать сіе несомнѣнными опытами, указываю вамъ на темницу, или, если угодно, и на нѣсколько темницъ и изгнаній, или заточеній, которыя несравненно тяжелѣе вашей темницы и вашего изгнанія, но которыя не препятствовали возвышаться духу, когда онъ того желалъ. Апостолы Павелъ и Сила, въ городѣ Филиппахъ, за проповѣдь Евангелія, и за изгнаніе духа пытливаго, возмутившимся народомъ битые, израненные, отданы въ темницу, подъ крѣпкую стражу. Темничный стражъ, не довольствуясь заключеніемъ ихъ во внутреннюю темницу,—ноги ихъ забі въ кладѣ. Что же они дѣлаютъ, изнуренные біеніемъ, страждущіе отъ ранъ, не могущіе дать удобнаго положенія тѣлу отъ стѣсняющей ноги обоихъ колоды, что дѣлаютъ они тогда, какъ и неизнуренные уступаютъ немощи тѣла? Полунощи Павелъ и Сила, молящеся пояху Бога. Можетъ быть, вы думаете, что Апостольскій только духъ могъ быть такъ возвышенъ и не преодолѣваемъ ни бѣдствіемъ, ни немощію? Не совсѣмъ такъ. По числу молитвы Апостольской и прочіе заключенные въ той же темницѣ, не только не Апостолы, но, по всей вѣроятности, даже не Христіане, (что было въ языческомъ городѣ), возвысились духомъ и надъ бѣдствіемъ, и надъ немощію плоти, не предались сну въ полунощи: послушаху ихъ юзницы. И видно сильно ихъ объялъ восторгъ молитвы Апостольской, потому что и чудо надъ ними совершилось: всѣмъ юзы ослабѣша. Кто не слыхалъ о юномъ, невинномъ Іосифѣ, отторгнутомъ отъ отца, проданномъ братьями въ плѣнъ и въ рабство, увлеченномъ въ дальнюю страну, къ иноплеменникамъ, оклеветанномъ, вверженномъ въ темницу. Знаете конечно и то, что столько бѣдствій не могли унизить духа юноши, ни поколебать его добродѣтели, но и *въ рабствѣ она была свободна, и въ темницѣ просіяла*. Не видите ли, что и въ темницѣ и въ заточеніи можно находиться безъ упадка духа, не безъ надежды, и даже *достоинствомъ и славою*? Осмотрите еще одну темницу и узы, которыя должны показать вамъ, что темница и узы не только не погубятъ невиннаго, но еще могутъ споспѣшествовать спасенію виновнаго, если онъ бла-

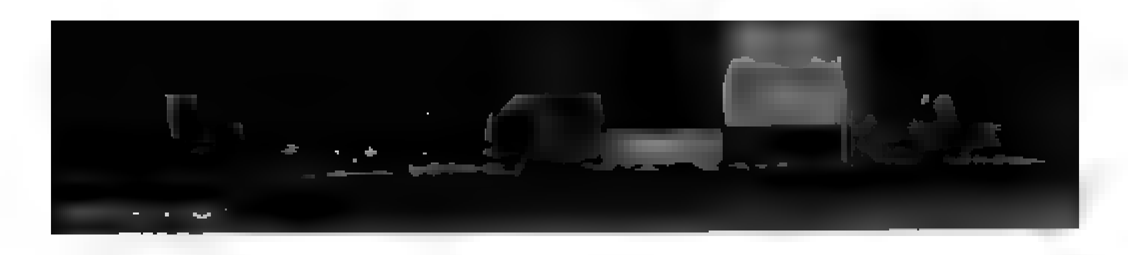
горделивце лики воспользуется. Манассію, виновнаго въ отступленіи отъ Бога, и въ другихъ тяжкихъ преступленіяхъ, яша въ узахъ, и связаша его оковы ножными, и отведоша его въ Вавилонъ. И егда озлобленъ бысть взыска лице Господа Бога Своего, и смирися зѣло предъ лицемъ Бога Отецъ своихъ, и помолися къ Нему, и послуша Его. И такъ, если вы не можете, какъ Іосифъ, сдѣлать свою темницу, изгнаніе, заточеніе почтенными и славными, посредствомъ невинности и непоколебимой добродѣтели: покрайней мѣрѣ, какъ Манассія, старайтесь сдѣлать ваши бѣдствія и трудности спасительными для васъ, посредствомъ покаянія, исправленія жизни и безропотной покорности закону, власти и судьбѣ Божіей. Что скажу, наконецъ, соединеннымъ подвижникамъ Христіанскаго человѣколюбія, посѣтителямъ темницъ, попечителямъ ихъ обитателей и пресельниковъ? Что въ особенности споработникамъ дѣла благочестія, которое нынѣ запечатлѣла благодать? Не многое потребно слово тамъ, гдѣ уже довольно дѣла благонамѣренно совершилось, или совершается. Не обидливъ Богъ забыти дѣла вашего и труда любве, юже показасте во имя Его. Любовь Божія да не престаетъ одушевлять и услаждать вашъ трудъ. Имя Господа Іисуса да исполняетъ силою слова и дѣйствія вашего человѣколюбія. Въ благоуспѣшномъ утѣшеніи бѣдствующихъ, въ обращеніи заблуждающимъ, въ радостномъ о семъ свидѣтельствѣ совѣсти вашей, да является вамъ и въ темницѣ Тотъ, Который *отъялъ отъ нея поношеніе*, и украсилъ ее своимъ увѣреніемъ, что онъ въ ней былъ: „въ темницѣ бѣхъ".

Пріобрѣвъ церкви и причты, персоналъ Петербургскаго Комитета внимательно слѣдилъ за своевременнымъ отправленіемъ богослуженія, за религіознымъ наставленіемъ и утѣшеніемъ арестованныхъ, особенно подлежавшихъ, по судебнымъ приговорамъ, смертному наказанію, чтобы хоть до нѣкоторой степени примирить ихъ съ суровостью тогдашнихъ законовъ.

Одинъ изъ Членовъ Комитета, князь Н. И. Дондуковъ-Корсаковъ освѣдомился, напр., что о „приготовленіи преступни-

ковъ къ торговой казни сообщается священникамъ лишь вечеромъ, на канунѣ дня назначенной казни“, заявилъ Комитету, что„ для внушенія преступникамъ о покорности ожидающей ихъ участи слишкомъ мало одного вечера; равнодушіе же къ ихъ душевному настроенію несообразно съ человѣколюбивою „цѣлію Комитета“, тѣмъ болѣе, что „преступники, до ихъ осужденія, могли, во избѣжаніе наказанія, или для уменьшенія своей виновности,—оговорить совсѣмъ невинныхъ“, тогда какъ убѣдившись, что „въ сей жизни для нихъ все уже кончено“ (иные умирали подъ ударами палачей),—они„ способны раскаяться и открытіемъ истины избавить оговоренныхъ отъ безвинныхъ страданій“. Комитетъ немедленно адресовался къ Генералъ-Губернатору за предложеніемъ судебнымъ учрежденіямъ тотчасъ же по утвержденіи ими приговоровъ,—извѣщать о нихъ Комитетъ, дабы пріобрѣсть, заблаговременно, возможность, посредствомъ духовныхъ наставленій, „примирить преступниковъ съ постигшею ихъ участью и добиться признаній, объ истинномъ положеніи ихъ дѣлъ“. Генералъ-Губернаторъ приказалъ Уголовной Палатѣ, Надворному, Совѣстному и Уѣздному Судамъ, а также Магистрату въ точности исполнять „справедливое желаніе Комитета“ (9 и 19 августа 1840 г.), который въ свою очередь, отдѣлялъ, потомъ, осужденныхъ въ особыя номера и обязывалъ духовенство ежедневно бесѣдовать съ ними, въ интересахъ религіи и правды.

Содержавшихся въ частяхъ тоже наказывали тѣлесно, слѣдовательно и они нуждались въ духовномъ утѣшеніи и примиреніи съ обществомъ. Поэтому и въ частяхъ были устроены, на счетъ пожертвованій, подобіе церквей—часовни, молельни, такъ что не доставало только духовниковъ, а нанять ихъ Комитету было не на что. Бенкендорфъ, согласно заключенію Комитета, просилъ Петербургскаго Митрополита Серафима „назначить, отъ приходскихъ церквей, въ части, священниковъ, для молитво*словій, назиданій* и поученій изъ священной исторіи, по вос-

кресным, торжественным днямъ, а въ великіе посты, для исповѣди и пріобщенія Св. Таинъ". Серафимъ отнесся къ просьбѣ Бенкендорфа такъ сочувственно, что чрезъ день же послѣ полученія бумаги „поручилъ 35 священникамъ заниматься, поочередно и безъ всякихъ упущеній" сказаннымъ предметомъ. Комитетъ распредѣлилъ назначенныхъ священниковъ по ближайшимъ, къ мѣстамъ ихъ жительства, частямъ; снабдилъ смотрителей книгами, для собственноручной записи священниками содержанія бесѣдъ и времени ихъ происхожденія, а за аккуратнымъ посѣщеніемъ ими частей,—поручилъ наблюдать своимъ Членамъ (9, 24 и 26 марта 1841 г.).

Миновалъ годъ. Вдругъ Бенкендорфъ узналъ, отъ одного изъ Членовъ, что прикомандированный къ Нарвской части, священникъ, подъ разными предлогами, уклоняется бесѣдовать. Объ этомъ упущеніи священника Бенкендорфъ тотчасъ же написалъ Епископу Венедикту, а онъ отвѣтилъ, что „виновному сдѣлано строгое внушеніе, а всѣмъ прочимъ священникамъ подтверждено неукоснительно исполнять свои обязанности въ частяхъ, подъ опасеніемъ подвергнуться, за противное, строжайшему оштрафованію" (12 мая и 19 іюня 1842 г.). Это единичное, въ теченіи года, нарушеніе православнымъ священникомъ заведеннаго порядка запомнилось Бенкендорфу; поэтому, обозрѣвая тюрьмы, онъ полюбопытствовалъ: аккуратно-ли исполняетъ свои обязанности иновѣрческое духовенство? Членъ Комитета, князь Н. И. Дондуковъ-Корсаковъ представилъ выписку о томъ, что:

	Должны были служить въ 1842 году.	Дѣйствит. служили въ 1842 году.
Католическіе ксендзы . .	37 разъ	15 разъ
Пасторы: лютеранскіе . .	12 „	9 „
„ финскіе . .	12 „	11 „

Это отступленіе повлекло за собою также переписку Бенкендорфа съ начальствомъ названнаго духовенства и оно по неволѣ стало исправнымъ.

Духовенство не рѣдко затруднялось въ выборѣ темъ для бесѣдъ съ осужденными. Оттого Комитетъ, при участіи духовенства, разработалъ одобренныя Бенкендорфомъ и утвержденныя св. Синодомъ „правила для назиданія ссыльныхъ въ Сибирь, въ обязанностяхъ вѣры и нравственности, во время слѣдованія ихъ къ мѣстамъ назначенія" (въ 1842 г.). Правила эти преподаны были въ руководство по всей Россіи циркуляромъ отъ 15 іюля 1842 г. Любопытными этими правилами предписывалось духовенству „наставлять арестантовъ въ правилахъ вѣры на ночлегахъ, дневкахъ и остановкахъ". Собесѣдованія съ арестантами рекомендовалось вести съ должнымъ человѣколюбіемъ и сострадательностью, дабы этимъ способомъ открывать путь назиданію. Бесѣдовать слѣдовало съ христіанскою любовію, простотою, снисхожденіемъ, тщательно остерегаться говорить съ ними уничижительно, оскорбительно: *„низко преступленіе, но человѣкъ достоинъ состраданія"*. Бесѣдами указывалось располагать людей къ признанію ихъ виновности предъ Богомъ и постановленною отъ него властію, къ безропотной покорности волѣ законнаго начальства и судьбамъ провидѣнія Божія. Духовенство, кромѣ того, обязывалось утѣшать преступниковъ въ настоящемъ ихъ положеніи, ободрять ихъ тѣмъ, что если терпѣливо перенесутъ положенную на нихъ кару, то временнымъ этимъ страданіемъ пріобрѣтутъ средство къ спасенію въ будущей жизни. Совѣтовалось „въ вѣрѣ и молитвѣ указывать источникъ неотъемлемаго утѣшенія, подкрѣпленія и всякой помощи Бога, Іисуса Христа, пострадавшаго и умершаго за спасеніе грѣшниковъ. По мѣрѣ расположенія слушателей обращать разговоръ въ поученіе, сопровождать его чтеніемъ приличныхъ мѣстъ изъ священнаго писанія, относящихся къ исправленію жизни, соединять съ наставленіемъ общую молитву. Не внимающихъ не принуждать, а только убѣждать, чтобы не препятствовали другимъ: искренность молящихся — умягчитъ ожесточеніе остальныхъ. Поученія приспособлять къ слушателямъ; съ про-

[redacted]

поведью или богослуженіемъ совмѣщать молебное пѣніе, а мѣста св. писанія для чтенія—согласовать съ требованіями слушателей. Въ воздаяніе безкорыстныхъ трудовъ проповѣдниковъ самыя правила заключены пунктомъ, что „проповѣдниковъ, ревностно и съ пользою трудящихся—духовное начальство будетъ имѣть въ виду, при представленіяхъ къ наградамъ".

Въ надеждѣ ли на „награды", или подъ страхомъ „строжайшаго оштрафованія",—судить не беремся,—но, на основаніи документовъ, утверждаемъ, что духовенство „рачительно исполняло возложенную на него обязанность"—дѣйствовать на арестованныхъ съ религіозной точки зрѣнія. Препятствія въ этомъ отношеніи встрѣчались, но рѣдко, совсѣмъ съ другой стороны—въ равнодушіи тюремной администраціи, отчего приходилось прибѣгать къ помощи силы власти. Мысль эта подтверждается, между прочимъ, „предписаніемъ Генералъ-Губернатора Оберъ-Полицiймейстеру". Такъ, первый писалъ послѣднему: „до свѣдѣнія моего дошло, что во время богослуженія въ тюремной церкви, въ ней бываетъ мало арестантовъ, да и тѣ стоятъ не съ должнымъ благоговѣніемъ, а благородные, пользуясь открытыми дверьми,—шляются толпою въ коррадоръ, и тамъ передаютъ другъ другу наставленія къ запутанности дѣлъ и къ сокрытію истины, такъ, что малоопытные получаютъ здѣсь полное развитіе дурныхъ правилъ отъ закоренѣлыхъ преступниковъ". Оттого Генералъ-Губернаторъ предписывалъ „обязать смотрителей, подъ личною ихъ отвѣтственностью предъ закономъ: непремѣнно водить въ церкви всѣхъ арестантовъ, за исключеніемъ только больныхъ и занятыхъ по хозяйственной части; во время богослуженія заставлять ихъ стоять смирно, воспретить имъ: переходить съ одного мѣста на другое и ранѣе окончанія службы уходить, кромѣ случаевъ приключившейся болѣзни" (7 ноября 1848 г.).

Это содѣйствіе своевременно оказало, безспорно, должное вліяніе на устраненіе неурядицъ. Но промахи нашихъ предшест-

*

венниковъ заключались именно въ томъ, что они постоянно ограничивались мѣрами *только* палліативными, а не радикальными; задумывавшіяся ими нововведенія и улучшенія осуществлялись *простымъ* взаимнымъ соглашеніемъ съ лицами, стоявшими въ извѣстное время, во главѣ учрежденій, связанныхъ съ какою либо отраслію тюрьмовѣдѣнія. Между тѣмъ лица мѣнялись, преемники не знали, или даже и не желали поддерживать распоряженій своихъ предшественниковъ, а отсюда и благія начинанія разшатывались. Именно этотъ результатъ получился, чрезъ 10—11 лѣтъ спустя, отъ бесѣдъ священниковъ: тяготясь даромъ трудиться,—они постепенно перестали посѣщать заключенныхъ...

Доброе дѣло однако никогда, какъ извѣстно, не остается безъ поддержки. Одинъ изъ Членовъ Комитета, знатокъ и ревнитель религіи А. Н. Муравьевъ, велъ знакомство съ Петербургскимъ Митрополитомъ, покойнымъ Никоноромъ. Муравьевъ-то, какъ гласитъ преданіе, и обратилъ вниманіе Никонора на безучастье Столичнаго духовенства къ религіознымъ потребностямъ заключенныхъ. Никоноръ поручилъ Члену Консисторіи, Архимандриту Платону составить „правила для руководства священникамъ при назиданій арестованныхъ", а когда Платонъ это сдѣлалъ, Никоноръ, одобривъ правила, — заявилъ Святѣйшему Синоду, что для религіозно-нравственнаго образованія арестантовъ Столицы полагаетъ необходимымъ назначить 10 священниковъ, получившихъ *высшее образованіе*, но не обязанныхъ службою по духовному управленію, съ тѣмъ, чтобы они безвозмездно, но обязательно посѣщали арестантовъ: въ будни,—когда они свободны отъ работъ, по очередно, а въ воскресные и праздничные дни—всѣ; чтобы священники эти ежегодно преставляли отчеты о способахъ, какіе будутъ употреблять для достиженія цѣли и о плодахъ, какіе принесутъ заключеннымъ бесѣды съ ними. А чтобы доставить священникамъ большій просторъ въ ихъ дѣйствіяхъ и въ возмездіе за ихъ трудъ—утверждали бы ихъ Директорами Комитета. Наконецъ, чтобы священники дѣйстви-

[redacted]

тельно трудились—поручить наблюденіе за ними, независимо Комитета,—Архимандриту Платону, для извѣщенія его, Никонора. Синодъ спросилъ мнѣнія Президента. Орловъ выразилъ полное свое согласіе и желаніе имѣть, въ числѣ вице-президентовъ Комитета, одного изъ Столичныхъ Архіереевъ (10 октября, 20 и 24 декабря 1854 г.). Синодъ одобрилъ все предположеніе, а въ вице-президенты предложилъ Викарія здѣшней Епархіи Христофора, которому поручилъ наблюденіе за исполненіемъ священниками возложенныхъ на нихъ обязанностей (17 февраля 1855 г.). Тогда, по докладу Орлова, были Высочайше утверждены: вице-президентомъ Преосвященный Христофоръ, а Директорами рекомендованные Никонороиъ священники: Красноцвѣтовъ, Гортинскій, Опатовичъ, Остромысленскій, Топильской, Благовѣщенскій, Бенескриптовъ, Сидонскій, Морошкинъ и Никольскій.

Такимъ образомъ религіозно - нравственныя бесѣды священниковъ съ арестованными были опять устроены и велись съ успѣхомъ, судя по сохранившимся свѣдѣніямъ изъ отчетовъ, представлявшихся чрезъ вице-президентовъ—Архіереевъ—Митрополиту. Что же касается иновѣрческаго духовенства, то оно не прерывало своихъ занятій; но такъ какъ оно было малочисленно, а арестованные ихъ религій содержались во всѣхъ тюрьмахъ, расположенныхъ въ разныхъ частяхъ города, то Комитетъ ассигновалъ на разъѣзды пасторамъ: лютеранскому—по 100 р., а финскому, католическому ксендзу, органисту и магометанскому муллѣ—по 30 р. въ годъ *) (11 апрѣля 1858 г.).

Отъ религіозныхъ предметовъ перейдемъ къ грамотности. Обученіе арестантовъ грамотѣ производилось, въ Столичныхъ тюрьмахъ, какъ мы указывали выше, еще изстари; но школы многократно организовывались и разстраивались, по самымъ разнообразнымъ причинамъ, достовѣрность которыхъ изложить, къ

*) Деньги эти отпускаются имъ и по настоящее время за посѣщенія даже исправительной тюрьмы и дома предварительнаго заключенія, изъятыхъ изъ вѣдѣнія Комитета, который *по принципу* помогаетъ всѣмъ, чѣмъ можетъ.

лись, по Европѣ, съ этимъ дѣломъ). Результатомъ этого изученія было заключеніе коммиссіи, что неудовлетворительность этой части коренится, между прочимъ, въ неопредѣленности отношеній между завѣдывающими тюремнымъ вѣдомствомъ органами, въ недостаткѣ постановленій по этому предмету и въ скудномъ содержаніи, получаемомъ лицами, которымъ ввѣрено вѣрообученіе арестантовъ. Коммиссія и нашла необходимымъ: во 1-хъ дѣйствовать на мѣстахъ чрезъ особые исправительные Комитеты; во 2-хъ разработать общіе начала религіозно-нравственнаго образованія арестантовъ и въ 3-хъ прибавить содержаніе священникамъ и учителямъ, на книги, педагогическія и классныя пособія, въ количествѣ 2.450 р. въ годъ къ затрачивавшимся уже Комитетомъ на этотъ предметъ: 3.285 р. (штатное казенное содержаніе духовенству Столичныхъ тюремъ составляло только 2.460 р. въ годъ). Общіе начала коммиссія формулировала такъ. „Коммиссія дѣйствуетъ посредствомъ исправительныхъ Комитетовъ; состоитъ она изъ вице-президента духовнаго званія и Директоровъ, предсѣдательствующихъ въ исправительныхъ Комитетахъ; но въ засѣданіяхъ могутъ участвовать и посторонніе лица, въ нее приглашенныя. Комитеты образуются изъ Директора, завѣдывающаго тюрьмою, ея смотрителя, священника и учителя. Средствами для религіозно-нравственнаго исправленія арестантовъ служатъ: богослуженіе, назиданіе, школьное обученіе и пріученіе къ благочинію. Пособія, приспособленныя къ нуждамъ заключенныхъ—библіотеки. Деньги на расходы опредѣляются Комитетомъ и собираются пожертвованіями". Коммиссія просила Комитетъ исходатайствовать утвержденія Президентомъ этихъ „общихъ началъ", съ обѣщаніемъ составить, потомъ, подробный уставъ, если ея просьба будетъ уважена (2 февраля 1871 г.). Все, предусмотрѣнное „общими началами" значилось подробно въ Уставѣ о содерж. подъ страж., въ числѣ предметовъ вѣдомства Комитета, слѣдовательно и хлопотать бы, казалось, *не о чемъ*. Но коммиссія твердо помнила, что устарѣвшій

чаемыхъ въ учителя. Расходы по введенію обученія арестантовъ грамотѣ предстоятъ въ размѣрѣ: единовременно—100 руб., а ежегодно—240 руб., но для сокращенія затратъ можно установить особый, на этотъ предметъ, сборъ пожертвованій, въ часовнѣ Замка. Впрочемъ, для этого Члены Общества: Гинцбургъ уже внесъ 100 руб., а часть учебныхъ пособій обѣщалъ жертвовать книгопродавецъ Смирдинъ". (17 марта 1861 г.).

Президентъ разрѣшилъ открыть школы. Комитетъ ввелъ обученіе грамотности и извѣстилъ объ этомъ, для свѣдѣнія, Генералъ-Губернатора. Оберъ-Полицій́мейстеръ подалъ Генералъ-Губернатору рапортъ противъ превышенія Комитетомъ предоставленной ему власти, и, кстати высказался противъ грамотности,— указаніемъ на безпорядки, которые отъ этого неминуемо произойдутъ. Генералъ-Губернаторъ прислалъ Комитету копію съ рапорта. Предсѣдательствовавшій въ Комитетѣ князь Г. А. Щербатовъ предложилъ рапортъ на обсужденіе Комитета, а потомъ, согласно его постановленію, отправилъ, за своею подписью, Генералъ-Губернатору, слѣдующій замѣчательный, по содержанію, отвѣтъ (8 мая 1861 г.).

„Разсмотрѣвъ рапортъ г. Оберъ-Полиціймейстера, Комитетъ нашелъ, что мысль г. Генералъ-Адъютанта Паткуля *), *дозволить обучать грамотѣ* лишь *только срочныхъ арестантовъ*, заключаетъ въ себѣ безусловное запрещеніе учить читать и писать всѣхъ арестантовъ, ибо собственно срочныхъ (приблизительно до 10 чел.) отсылаемыхъ, по заведенному порядку, для содержанія въ пересыльную тюрьму,—въ Замкѣ нѣтъ ни одного и потому не согласуется съ его убѣжденіемъ въ пользѣ грамотности, высказаннымъ имъ же въ началѣ рапорта. Хотя Оберъ-Полиціймейстеръ и допускаетъ, при многихъ оговоркахъ, открытіе классовъ, однако же предлагаетъ, чтобы учителя изъ арестантовъ и сами учащіеся не собирались въ одномъ классѣ, а были

*) Умеръ.

можным то не нужно особой iерархической ступени—въ формѣ Коммиссiи." Президентъ „возвратилъ Комитету проектъ для исправленiя" (8 октября 1871 г. № 3789). Тоже самое просилъ сдѣлать Коммиссiю и Комитетъ.

Такимъ образомъ представлялся как нельзя болѣе подходящiй случай *откровенно* выставить всѣ причины „трудности практическаго исполненiя" закона, т. е. нарисовать яркую, поразительную картину систематическаго противодѣйствiя, встрѣчаемаго Комитетомъ на каждомъ шагу, чтобы Президентъ получилъ по ней полное понятiе о безсилiи Комитета. Тогда Президентъ, безъ всякаго сомнѣнiя, принялъ бы такiя рацiональныя мѣры, которыя открыли бы Комитету просторъ, развязали бы ему руки. Но Коммиссiя, вмѣсто всего этого, употребила чисто дипломатическiй маневръ—отказалась какъ отъ исправленiя „началъ", такъ и отъ выраженiя „причинъ трудности исполненiя закона," „въ виду организацiи особаго учрежденiя, которому порученъ пересмотръ всего тюремнаго устава, а въ немъ и вопроса о реформѣ духовно-нравственной части." Словомъ, Коммиссiя сама, къ сожалѣнiю, уклонилась провести свою логическую идею до конца, чрезъ Президента. Но чувствуя, въ тоже время, потребность въ живой дѣятельности, она, по настоянiямъ Θ. Н. Смирного, пожелала открыть, въ Замкѣ, первый исправительный совѣтъ, въ видѣ опыта, въ предѣлахъ правъ Комитета, который охотно на это согласился (31 марта 1872 г.).

Совѣтъ открылся подъ предсѣдательствомъ *Θ. Н. Смирного*, изъ смотрителя А. А. Макарова, священника А. Я. Эвенхова и двухъ учителей школы. Къ составу Совѣта вскорѣ же примкнули и приняли въ немъ непосредственное участiе Директоры: *Ф. В. Кривцовъ*, *В. Н. Полывановъ*, *И. Н. Палисадовъ*, *В. Н. Никитинъ*, а также: приватъ-доцентъ педагогiи С. А. Соллертинскiй и священники: М. П. Альбовъ, М. И. Соколовъ и другiе.

[redacted]

Отчетъ о дѣятельности Совѣта за первый годъ его существованія помѣщенный, отъ Комитета, въ „Правит. Вѣстникѣ“, такъ характеренъ, что мы рѣшились привести его здѣсь, въ сокращенномъ видѣ. *)

Совѣту не было, преподано никакихъ, для руководства, правилъ, а потому онъ началъ свои занятія разсмотрѣніемъ тѣхъ теоретическихъ началъ, которыя могли бы болѣе успѣшно привиться къ практикѣ, и этимъ способомъ пришелъ къ заключенію въ необходимости: а) распространить, среди арестантовъ, обстоятельныя понятія о православномъ богослуженіи; ввести; б) бесѣды съ ними въ камерахъ, гдѣ они живутъ; в) чтенія съ туманными картинами, по примѣру открытыхъ въ Солянomъ-Городкѣ; г) организовать школу и библіотеку на современныхъ началахъ преподаванія, и д) устроить мастерскіе замка такъ, чтобы онѣ породили въ людяхъ охоту къ производительному труду. Исходя изъ этого взгляда на дѣло, Совѣтъ раздѣлилъ свои занятія на выработку раціональныхъ правилъ и программъ, для религіозно-нравственнаго развитія арестантовъ, а равно правилъ для веденія книгъ, счетоводства, для распредѣленія заработковъ и на введеніе всего этого въ дѣйствіе.

Отъ осмысленныхъ, общепонятныхъ бесѣдъ съ арестантами ожидались скорѣйшіе плоды, а потому Совѣтъ составилъ по этому предмету, правила, которыя были разсмотрѣны *Коммиссіею о духовно-нравственномъ развитіи арестантовъ*, утверждены Комитетомъ и примѣнены къ практикѣ. Существенный принципъ этихъ правилъ заключался въ томъ, что бесѣды могутъ касаться предметовъ не только религіозно-нравственныхъ, но и историческихъ и другихъ, въ одобренныхъ программахъ, подробно означенныхъ, а лекторы, избираемые Совѣтомъ, допускаются къ занятіямъ съ арестантами съ разрѣшенія *предсѣдателя Ком-*

*) Мы считаемъ себя вправѣ это сдѣлать, потому что сами редактировали этотъ отчетъ.

мисіи, епископа Тихона и оберъ-полицеймейстера, содержаніе же бесѣдъ записывается, вкратцѣ, въ особую книгу, хранящуюся въ конторѣ Замка. Этимъ способомъ могла быть гарантирована цѣлесообразность бесѣдъ. Далѣе, Совѣтъ встрѣтилъ большое затрудненіе въ пріисканіи благонадежныхъ и способныхъ къ преподаванію лицъ, которыя взялись бы бесѣдовать съ арестантами *безвозмездно* или за малое вознагражденіе. Оттого Совѣтъ принужденъ былъ ограничится лишь услугами нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, которыя занимались нижеслѣдующимъ порядкомъ:

Священникъ Соколовъ бесѣдовалъ по 1½ часа, 2 раза въ недѣлю, съ 56 срочными арестантами, переведенными изъ исправительной тюрьмы, за участіе въ покушеніи Герасимова, на убійство смотрителя Михнева. Всѣ эти люди, содержась довольно долго вмѣстѣ, представляли собою общество, весьма сходное въ взглядахъ и желаніяхъ. Это обстоятельство способствовало тому, что лекторъ, ознакомясь съ ихъ міросозерцаніемъ,—настойчиво дѣйствовалъ на нихъ въ нужномъ направленіи. Начало бесѣдъ о. Соколова съ этою группою совпало съ временемъ воспоминанія въ Церкви страданій Господа Іисуса Христа. Такъ какъ въ эти дни церковная служба производитъ наиболѣе сильное впечатлѣніе на молящихся, то о. Соколовъ помогъ своимъ слушателямъ сознательно приступствовать при богослуженіи Страстной недѣли, причемъ вниманіе ихъ было до такой степени возбуждено, что нѣкоторые изъ нихъ просили о. Соколова познакомить ихъ съ содержаніемъ богослуженія въ теченія цѣлаго года.

Отвѣчая на вопросы, онъ представилъ имъ сущность исторіи спасенія, потомъ говорилъ, какъ эта исторія представляется въ православномъ богослуженіи—всенощномъ бдѣніи и литургіи. Нравственные примѣры изъ жизни ветхозавѣтныхъ праведниковъ производили на слушателей живое впечатлѣніе, какъ замѣчали прусутствовавшіе при бесѣдахъ члены Совѣта. Съ этой группой о. Соколову удалось пройти всю священную исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, указавъ въ какомъ мѣстѣ богослуже-

нія исполняется то или другое изъ главныхъ событій священной исторіи. Въ числѣ помянутыхъ людей было грамотныхъ 5 человѣкъ, которые чтеніемъ послѣ бесѣдъ вслухъ книгъ, тоже благотворно вліяли на товарищей. Наконецъ, одинъ изъ этихъ грамотныхъ, вслѣдствіе запрещенія арестантамъ держать при себѣ писанныя бумаги, запомнилъ, на словахъ, адресъ магазина, гдѣ онъ могъ бы пріобрѣсти Библію, которую и купилъ, потомъ, на заработанныя имъ въ тюрьмѣ деньги, какъ это достовѣрно извѣстно было о. Соколову.

О. Соколовъ бесѣдовалъ, также, періодически съ заключенными за нищенство и бродяжничество. Тутъ бесѣды имѣли, къ сожалѣнію, отрывочный характеръ, по непродолжительности срока заключенія (на двѣ-три недѣли). Общій нравственный типъ этихъ людей представлялъ собою грустное явленіе: совершенно здоровые, зрѣлые лѣтами, чуждые угрызенія совѣсти за свои, относительно маловажные, проступки, довольные пріобрѣтеніемъ своего пристанища,—они были совершенно беззаботны, апатичны ко всему, для удовлетворенія требованій желудка. Съ однимъ изъ этихъ лицъ о. Соколовъ встрѣтился послѣ, въ Апраксиномъ рынкѣ. Онъ, будучи выпивши, узналъ о. Соколова и на разспросы послѣдняго безцеремонно отозвался: „я всегда бы оставался въ тюрьмѣ, да, жаль, тамъ не даютъ водки“. Этого сорта нищихъ, постоянно являвшихся въ тюрьму на отдыхъ, Совѣтъ *обязательно* пріурочилъ къ труду, дабы лишить ихъ возможности тунеядствовать и развращать случайныхъ товарищей по ремеслу, каковы бывали выпускаемые изъ больницъ, по выздоровленіи, или исключенные на фабрикахъ, простолюдины, не обладавшіе ни кровомъ, ни пищею въ моментъ выхода за ворота больницъ и фабрикъ. Второй періодъ бесѣдъ о. Соколова состоялъ съ двумя новыми группами: одна изъ нихъ состояла изъ подслѣдственныхъ (число колебалось отъ 55 до 73 человѣкъ), а другая изъ несовершеннолѣтнихъ (отъ 40 до 50 человѣкъ). Онъ проходилъ съ ними параллельно св. исторію Ветхаго Завѣта,

безъ отношенія къ богослуженію, стараясь притомъ, чтобы каждая бесѣда имѣла законченный характеръ и проникнута была близкими, къ жизни, примѣрами. Историческія личности служили ему матеріаломъ для болѣе осязательныхъ выводовъ: какъ человѣкъ долженъ поступать и чего избѣгать для своего благополучія. Взрослые подслѣдслѣдственные распадались на двѣ категоріи: одни, обладавшіе силою воли—не только внимательно слѣдили за бесѣдами, но смѣло спрашивали о встрѣченныхъ ими недоразумѣніяхъ; за то другіе, слабохарактерные—старались оставаться не замѣченными, и когда ихъ вызывали на откровенность,—они смиренно признавались, что голова ихъ занята одною лишь неотвязною думою о томъ, что ихъ постигло и о невѣдомомъ будущемъ; что имъ совѣстно спрашивать, ибо они не умѣютъ красно говорить; наконецъ, стѣсняются товарищей. И дѣйствительно, складъ тюремной жизни на столько своеобразенъ, что нельзя, иногда, не опрывдывать простолюдиновъ за ихъ сосредоточность въ самомъ себѣ и недовѣрчивость къ людямъ, которыхъ они видятъ 2—4 раза въ недѣлю. Кромѣ того они не могутъ скоро отрѣшиться отъ мысли, что Директоры, вступающіе съ ними въ разговоры, предлагающіе имъ совѣты, свои услуги—не начальство; а какъ съ *начальствомъ*, по понятію ихъ, не резонъ распространяться, то они и остерегаются касаться, напримѣръ своимъ дѣлъ, до разбирательства таковыхъ въ Судѣ, дабы этимъ, какъ имъ кажется, не повредить себѣ. Не рѣдко встрѣчались и такіе самолюбивые арестанты, которые въ присутствіи товарищей не желали казаться не понятливыми, чтобы тѣ послѣ не подшучивали надъ ними, а этого устранить невозможно: въ каждой камерѣ, гдѣ живетъ 20—30 человѣкъ, непремѣнно найдутся 2—3 такихъ, которымъ ни тюрьма, ни ссылка не страшны, и потому они всегда въ веселомъ настроеніи духа. Несовершеннолѣтіе гораздо лучше взрослыхъ подчинялись желанію общаго участія въ бесѣдахъ, потому, преимущественно, что разумъ ихъ еще не окрѣпъ, они мало знакомы съ

жизнью, податливѣе на ласковое обращеніе, да и понимаютъ, что проступки ихъ караются несравненно слабѣе, чѣмъ взрослыхъ. Тѣмъ не менѣе, полный успѣхъ бесѣдъ съ ними надлежало тѣснѣе связать съ вліяніемъ на нихъ школы, которая должна усиленнѣе возбуждать юношей развивающими умъ классными уроками.

Священникъ А. Я. Эвенховъ говорилъ о необходимости вѣроученія ко спасенію; о св. писаніи, какъ источникѣ вѣроученія; о десяти заповѣдяхъ. Священникъ Альбовъ—объ установленіи таинства причащенія І. Христомъ и образѣ совершенія сего таинства въ первые вѣка, о литургіи оглашенныхъ, объ ученіи о блаженствахъ. Священникъ Полисадовъ—о крестномъ знаменіи, его значеніи и употребленіи въ молитвѣ, о Св. Троицѣ, особенно о второмъ лицѣ—І. Христѣ, изображеніи св. Троицы на иконахъ, объ иконахъ и молитвѣ предъ ними, о необходимости и пользѣ молитвы, равно слушанія и чтенія Слова Божія; о молитвѣ Господней „Отче нашъ“. Протоіерей Меньшинъ—о покаяніи, о средствахъ къ возбужденію въ себѣ чувства раскаянія, о плодахъ покаянія; изъ Новаго Завѣта—о нагорной проповѣди и ученіи І. Христа въ притчахъ и о послѣднихъ дняхъ земной жизни І. Христа. Священникъ Закѣскій — о значеніи имени христіанина, о крестномъ знаменіи, какъ отличительномъ знакѣ христіанина православнаго, о христіанскомъ образѣ жизни во всякомъ званіи и состояніи, объ извлеченіи душевной пользы изъ пребыванія въ заключеніи, о необходимости знать св. вѣру и житіи по вѣрѣ; объяснялъ Символъ вѣры, съ нравственнымъ приложеніемъ къ слушателямъ, съ разсказами при этомъ изъ св. исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, особенно при объясненіи 3-го члена Символа вѣры, о рожденіи І. Христа до Его вступленія на общественное служеніе роду человѣческому.

Независимо поименованныхъ лекторовъ совѣтъ пригласилъ, съ разрѣшенія епископа Тихона, на время вакацій здѣшней Ду-

ховной Академіи четырехъ студентовъ, которые бесѣдовали съ арестантами также о нравственныхъ предметахъ, съ вознагражденіемъ по рублю за урокъ, на счетъ вышеупомянутыхъ директоровъ. Съ открытіемъ же курса въ Академіи, студенты, къ сожалѣнію, перестали посѣщать замокъ, вслѣдствіе недосуга и дальняго разстоянія замка отъ ихъ мѣста жительства. По оставленіи студентами занятій, Совѣтъ, согласно изъявленному членами-директорами согласію жертвовать для платы за чтенія по *три* рубля за часъ,—выдавалъ этотъ гонораръ священникамъ Меньшицу и Соколову. Затѣмъ Совѣтъ воспользовался предложеніемъ Дамскаго Тюремнаго Комитета опредѣлить извѣстную плату за бесѣды въ мужскомъ отдѣленіи тюрьмы, назначенному для назиданія арестантокъ, содержавшихся въ замкѣ, священнику Закѣрскому, которому Совѣтъ предоставилъ бесѣдовать по четыре часа въ недѣлю, съ платою за этотъ трудъ четырехсотъ рублей сер. въ годъ. Деньги на этотъ расходъ были пожертвованы княжною М. М. Дундуковою-Корсаковою и Е. А. Гернгроссъ.

Такимъ образомъ бесѣды введены были во всѣхъ отдѣленіяхъ замка, который оттого вполнѣ оживился. Лицамъ, составлявшимъ тюремную администрацію, все это не понравилось: это нарушало ихъ покой. Смотритель г. Макаровъ и донесъ Оберъ-Полицеймейстеру, что „назидательныя бесѣды развились не только каждый день, но иногда и по 2 раза на дню; кромѣ того разъ въ недѣлю читаются арестантамъ еще лекціи“. Все это отвлекаетъ его и его помощниковъ отъ прямыхъ ихъ обязанностей, да и арестанты не охотно посѣщаютъ эти бесѣды. Поэтому г. Макаровъ просилъ „сократить всѣ бесѣды на 2 раза въ недѣлю (12 апрѣля 1872 г.) Оберъ-Полицеймейстеръ отправилъ рапортъ въ Комитетъ со своимъ мнѣніемъ, что заявленіе смотрителя заслуживаетъ уваженія, ибо „посѣщеніе бесѣдъ не слѣдуетъ дѣлать обязательными для арестантовъ, дабы не по-*селить въ нихъ* предубѣжденіе противъ бесѣдъ, а напротивъ

таки ихъ обставить, чтобы воспрещеніе посѣщать ихъ считалось арестантами однимъ изъ существеннѣйшихъ лишеній и чтобы угроза лишить права посѣщать ихъ—стала въ рукахъ тюремной администраціи однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ наказаній за дурное поведеніе; что назначеніе бесѣдъ надо сообразовать съ силами и средствами тюремной администраціи и условій тюремнаго быта, дабы служащіе въ тюрьмѣ не отвлекались отъ исполненія лежащихъ на нихъ разныхъ обязанностей". (22 апрѣля 1872 г.) Подъ вліяніемъ этого заключенія Совѣтъ сократилъ число бесѣдъ на 4 раза въ недѣлю; администрацію освободилъ отъ обязанности присутствовать при бесѣдахъ; директоры распредѣлили между собою дни, въ которые всегда находились при бесѣдахъ, для наблюденія за порядкомъ, т. е. замѣняли и административную власть, причемъ не было ни одного случая нарушенія кѣмъ либо изъ арестантовъ порядка во время бесѣдъ. Всѣхъ бесѣдъ въ году было 182.

Въ виду занимательности чтеній съ туманными картинами, Совѣтъ составилъ о нихъ особыя правила, также Комитетомъ утвержденныя. Въ силу этихъ правилъ, чтенія должны были производиться по программѣ, Совѣтомъ введенной, въ классной комнатѣ, куда приводились арестанты, а содержаніе чтеній и число посѣщавшихъ таковыя арестантовъ,—записывалось въ особую книгу. Заручившись правилами, Совѣтъ открылъ и эти чтенія въ февралѣ 1872 г. Безостановочное производство этихъ чтеній было упрочено пріобрѣтеніемъ Ѳ. Н. Смирновымъ, на свой счетъ, фонаря Карпентера, картины выдавались даромъ изъ Коммиссіи для Народныхъ Чтеній, освѣщеніе фонаря принялъ на себя воспитатель 2-й военной гимназіи штабсъ-капитанъ Аргамаковъ. Всѣхъ чтеній было 27. Изъ нихъ: духовнаго содержанія—21, а историческаго—6; посѣщавшихъ было 1.478 человѣкъ.

По недостатку средствъ для пополненія скудной тюремной библіотеки сочиненіями, *вполнѣ* пригодными для заключенныхъ,

Совѣтъ ограничился составленіемъ каталога этой библіотеки, пересмотромъ самихъ книгъ и сношеніями съ разными мѣстами и лицами, относительно пожертвованій книгъ. Потомъ, для установленія правильнаго порядка при выдачѣ книгъ арестантамъ, завелъ особую книгу, въ которой старосты каждаго отдѣленія, при полученіи книгъ, росписывались въ ихъ принятіи, въ опредѣленные дни и часы, въ которые библіотекарь, діаконъ Снигиревъ, выдавалъ оныя, отбиралъ старыя книги, о чемъ вывѣшено было объявленіе въ каждомъ отдѣленіи замка. Кромѣ того, чтобы выдаваемыя, для чтенія, книги соотвѣтствовали нравственному настроенію каждаго изъ арестантовъ, какъ то дѣлается въ заграничныхъ тюрьмахъ, Совѣтъ обязалъ лекторовъ отмѣчать объ этомъ въ книгѣ, назначенной для записки содержанія бесѣдъ, о выдачѣ въ отдѣленія или отдѣльнымъ арестантамъ полезныхъ, по ихъ мнѣнію, сочиненій, такъ какъ имъ ближе знакомо общее развитіе арестантовъ и въ частности индивидуальное развитіе отдѣльныхъ личностей.

Всѣхъ книгъ въ библіотекѣ къ 1872 году значилось 962. Изъ нихъ духовнаго содержанія—835, свѣтскаго—127. Въ теченіе года вновь поступило 407 книгъ, изъ коихъ духовнаго содержанія—351, а свѣтскаго—56, въ томъ числѣ пріобрѣтенныхъ на суммы Комитета 67 книгъ; остальныя же были пожертвованы разными лицами. Въ теченіе 1872 года роздано было для чтенія арестантамъ книгъ: духовныхъ—2,247, историческихъ—784, географическихъ—211, итого 3,242.

Тюремная школа распредѣлялась на два разряда людей: совершеннолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ. Чтобы улучшить состояніе этой школы,—Совѣтъ открылъ особый классъ, для арестантовъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ въ арестантскія роты, въ камерахъ, гдѣ они помѣщались. Самое помѣщеніе школы удалено отъ швальни, откуда доносившійся говоръ, а иногда и шумъ мѣшалъ занятіямъ въ классахъ. Для болѣе правильнаго обученія *грамотѣ несовер*шеннолѣтнихъ Совѣтъ раздѣлилъ ихъ на два

Отчетъ о дѣятельности Совѣта за первый годъ его существованія помѣщенный, отъ Комитета, въ „Правит. Вѣстникѣ", такъ характеренъ, что мы рѣшились привести его здѣсь, въ сокращенномъ видѣ. *)

Совѣту не было, преподано никакихъ, для руководства, правилъ, а потому онъ началъ свои занятія разсмотрѣніемъ тѣхъ теоретическихъ началъ, которыя могли бы болѣе успѣшно привиться къ практикѣ, и этимъ способомъ пришелъ къ заключенію въ необходимости: а) распространить, среди арестантовъ, обстоятельныя понятія о православномъ богослуженіи; ввести; б) бесѣды съ ними въ камерахъ, гдѣ они живутъ; в) чтенія съ туманными картинами, по примѣру открытыхъ въ Соляномъ-Городкѣ; г) организовать школу и библіотеку на современныхъ началахъ преподаванія, и д) устроить мастерскіе замка такъ, чтобы онѣ породили въ людяхъ охоту къ производительному труду. Исходя изъ этого взгляда на дѣло, Совѣтъ раздѣлилъ свои занятія на выработку раціональныхъ правилъ и программъ, для религіозно-нравственнаго развитія арестантовъ, а равно правилъ для веденія книгъ, счетоводства, для распредѣленія заработковъ и на введеніе всего этого въ дѣйствіе.

Отъ осмысленныхъ, общепонятныхъ бѣсѣдъ съ арестантами ожидались скорѣйшіе плоды, а потому Совѣтъ составилъ по этому предмету, правила, которыя были разсмотрѣны *Коммиссіею о духовно-нравственномъ развитіи арестантовъ*, утверждены Комитетомъ и примѣнены къ практикѣ. Существенный принципъ этихъ правилъ заключался въ томъ, что бесѣды могутъ касаться предметовъ не только религіозно-нравственныхъ, но и историческихъ и другихъ, въ одобренныхъ программахъ, подробно означенныхъ, а лекторы, избираемые Совѣтомъ, допускаются къ занятіямъ съ арестантами съ разрѣшенія *предсѣдателя Ком-*

*) Мы считаемъ себя вправѣ это сдѣлать, потому что сами редактировали этотъ отчетъ.

иного, потому что остальные предпочитали заниматься ремеслами, ради матеріальной своей выгоды.

Озабочиваясь участью заключенныхъ по выходѣ изъ тюрьмы, Совѣтъ на суммы, ассигнованныя Комитетомъ, съ присоединеніемъ пожертвованій Директоровъ и Членовъ Совѣта, заготовилъ платье для тѣхъ выходящихъ на свободу, которые не имѣли своей приличной одежды. Выдавались платье и обувь по удостовѣренію Членовъ Совѣта, постановленіями Совѣта. Построено было Совѣтомъ: 15 полушубковъ, 30 паръ сапоговъ, пальто черныхъ — 8, сибирокъ — 8, брюкъ черныхъ — 9, сѣрыхъ — 8; изъ нихъ выдано: 5 полушубковъ, 2 пары сапоговъ, 1 сибирка и 2 пары сѣрыхъ брюкъ; осталось: 10 полушубковъ, 28 паръ сапоговъ, 8 пальто.

Совѣтъ достигъ благопріятныхъ результатовъ, касательно направленія нравственности арестантовъ, а это, самое существенное, такъ какъ ограниченіемъ круга дѣйствій арестантовъ только въ мастерскихъ — они превратились-бы, какъ это водится въ иныхъ тюрьмахъ, въ жалкихъ автоматовъ, которые при соприкосновеніи съ дѣйствительностью неминуемо возвращаются на путь преступленій. Физическій трудъ долженъ служить только восполняющимъ нравственное воспитаніе факторомъ, а отнюдь не поглощать все время заключенныхъ, не оставляя имъ досуга для размышленія о моральныхъ достоинствахъ человѣка.

Возвращаясь отъ Совѣта къ духовно-нравственной комиссіи, скажемъ, что ея составъ пополнился Предсѣдателемъ и нѣкоторыми Членами Совѣта, какъ примѣнителями ея предположеній. Далѣе, она разработала правила для бесѣдъ во всѣхъ тюрьмахъ и въ полицейскихъ домахъ, по религіозно-нравственнымъ, историческимъ и географическимъ предметамъ. Эти правила однако тоже не удостоились утвержденія: Президентъ совершенно основательно замѣтилъ, что эти „правила не составляютъ *окончательнаго* проекта нравственнаго образованія арестантовъ, почему онѣ и не *требуютъ особаго* утвержденія"; но при этомъ прибавилъ, впро-

чаетъ, что „не встрѣчаетъ препятствій къ введенію этихъ правилъ въ дѣйствіе" (11 іюля 1872 г.).

Съ выбытіемъ Преосвященнаго Тихона изъ Столицы, председательство въ Коммиссіи перешло къ Преосвященному Палладію (нынѣ епископствуетъ въ Тамбовѣ). Коммиссія трудилась дальше въ прежнемъ направленіи, видѣла, что Совѣту очень тяжело преодолѣвать различныя препятствія, и потому подняла вопросъ о Высочайшемъ утвержденіи Совѣта, по примѣру попечительства надъ исправительною тюрьмою, въ надеждѣ этимъ путемъ доставить Совѣту твердое значеніе, самостоятельность, въ тюремныхъ стѣнахъ. Председательствовавшій въ Комитетѣ князь А. И. Шаховской внесъ объ этомъ представленіе, съ цѣлію „дать Совѣту возможность достигнуть двоякихъ полезныхъ цѣлей" (16 мая 1873 г.). Совѣтъ вице-президентовъ, разсмотрѣвъ представленіе, нашелъ, что „исправленіе нравственности арестантовъ всецѣло лежитъ на Комитетѣ, потому и учрежденіе Совѣта вполнѣ зависитъ отъ него же". Исходя изъ этого, вышеупомянутаго взгляда, Совѣтъ отклонилъ ходатайство, оговорившись, при томъ, что „для устраненія затрудненій Исправительнаго Совѣта, — онъ долженъ пользоваться содѣйствіемъ и указаніемъ Комитета и Президента". Это мнѣніе Совѣта одобрилъ и Президентъ, признавая со своей стороны существованіе Совѣта совершенно цѣлесообразнымъ, а въ виду оказанныхъ его дѣятельностію результатовъ, — вполнѣ полезнымъ" (24 февраля 1874 г.).

Такимъ образомъ Коммиссія и Совѣтъ остались дѣйствующими въ качествѣ органовъ, лишь отъ Комитета исходившихъ. Оттого председательствовавшіе въ Совѣтѣ: сперва — Н. Л. Ло-[illegible], а потомъ — Ю. Ф. Нейманъ (1874—1875 г.) направляли всѣ усилія, положили массу труда на поддержаніе прежняго порядка, но во многомъ не имѣли успѣха, потому, преимущественно, что съ одной стороны — тюремная администрація игнорировала представителей Комитета, ставила имъ разнообразныя препятствія, а съ другой стороны — сами Члены Совѣта теряли

вѣру въ свое призваніе, не желали вести энергической борьбы изъ за своихъ правъ, либо и равнодушно относились къ принятымъ на себя обязанностямъ... Отсюда понятно, что дѣло не спорилось, а напротивъ—расстраивалось. Затѣмъ, со времени происшедшей, безпримѣрной въ лѣтописяхъ Комитета, печальной операціи съ его суммами,—Коммисія и Совѣтъ на годъ окончательно растерялись... (1876—1877 г.).

Со вступленіемъ въ Предсѣдатели Комитета Ѳ. Н. Самарина все опять ожило. Въ числѣ другихъ учрежденій, возобновилась, съ 1878 г., и дѣятельность Совѣта и Коммиссіи,—послѣдней подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Варлаама, изъ директоровъ: Н. А. Астафьева, М. И. Горчакова, В. Л. Давыдова, Е. П. Карповича, графа М. М. Корфа, Н. Л. Ломана, Ю. Ф. Неймана, В. И. Никитина, А. П. Пятковскаго, К. Ф. Хартулари, П. П. Шраменко и князя С. Д. Эристова. Преосвященный Варлаамъ многократнымъ личнымъ обозрѣніемъ всѣхъ мѣстъ заключенія, совѣтами и предложеніями—воодушевилъ многихъ членовъ на трудъ, принявшій практическое значеніе. Въ теченіи года Коммиссія тщательно изучила, разсмотрѣла и рѣшила множество вопросовъ. Выдающіеся изъ нихъ заключались во введеніи: а) молитвословій и бесѣдъ съ арестантами въ частяхъ при чемъ во всѣхъ все это аккуратно исполняли приглашенные священники (въ нѣкоторыхъ частяхъ даже по двое), записывавшіе, по прежнему, въ книги, содержаніе бесѣдъ, какъ Коммиссія удостовѣрялась изъ провѣрки книгъ; б) соотвѣтствующаго состава библіотекъ и порядка раздачи книги для чтенія арестантовъ; в) цѣлесообразной системы школьнаго обученія; г) въ снабженіи мѣстъ заключенія книгами Св. Писанія; д) системы занятія арестантовъ работами, сообразно ихъ наклонностямъ и безъ ущерба для умственныхъ ихъ занятій; е) о томъ, какого рода лекціи могутъ читаться съ пользою, въ частяхъ; ж) о правильнаго преподаванія закона Божья; з) программы духовно-нравственныхъ бесѣдъ съ арестантами; и) предприняла мѣры къ улуч-

такъ ихъ обставить, чтобы воспрещеніе посѣщать ихъ считалось арестантами однимъ изъ существеннѣйшихъ лишеній и чтобы угроза лишить права посѣщать ихъ—стала въ рукахъ тюремной администраціи однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ наказаній за дурное поведеніе; что назначеніе бесѣдъ надо сообразовать съ силами и средствами тюремной администраціи и условій тюремнаго быта, дабы служащіе въ тюрьмѣ не отвлекались отъ исполненія лежащихъ на нихъ разныхъ обязанностей". (22 октября 1872 г.) Подъ вліяніемъ этого заключенія Совѣтъ сократилъ число бесѣдъ на 4 раза въ недѣлю; администрацію освободилъ отъ обязанности присутствовать при бесѣдахъ; директоры распредѣлили между собою дни, въ которые всегда находились при бесѣдахъ, для наблюденія за порядкомъ, т. е. замѣняли и административную власть, причемъ не было ни одного случая нарушенія кѣмъ либо изъ арестантовъ порядка во время бесѣдъ. Всѣхъ бесѣдъ въ году было 182.

Въ виду занимательности чтеній съ туманными картинами, Совѣтъ составилъ о нихъ особыя правила, также Комитетомъ утвержденныя. Въ силу этихъ правилъ, чтенія должны были производиться по программѣ, Совѣтомъ введенной, въ классной комнатѣ, куда приводились арестанты, а содержаніе чтеній и число посѣщавшихъ таковыя арестантовъ,—записывалось въ особую книгу. Заручившись правилами, Совѣтъ открылъ и эти чтенія въ февралѣ 1872 г. Безостановочное производство этихъ чтеній было упрочено пріобрѣтеніемъ Ѳ. Н. Смирновымъ, на свой счетъ, фонаря Карпентера, картины выдавались даромъ изъ Коммиссіи для Народныхъ Чтеній, освѣщеніе фонаря принялъ на себя воспитатель 2-й военной гимназіи штабсъ-капитанъ Аргамаковъ. Всѣхъ чтеній было 27. Изъ нихъ: духовнаго содержанія—21, а историческаго—6; посѣщавшихъ было 1.473 человѣка.

По недостатку средствъ для пополненія скудной тюремной библіотеки сочиненіями, вполнѣ пригодными для заключенныхъ,

X.

Очеркъ положенія тюремныхъ мастерскихъ съ 1826 г. по настоящее время.

Мастерскія въ столичныхъ тюрмахъ были организованы, какъ читателямъ извѣстно, немедленно послѣ открытія Общества и постепенно развивались. Это подтверждается вышепроставленными цифрами заработка и тѣмъ, что, напр. въ 1825 году, въ Замкѣ „плели сѣти, веревки, сучили нитки, дѣлали табакъ, щипали паклю, пенку, терли сандалъ, шили сапоги, одежду, бѣлье". Завѣдывали мастерскими члены Комитета. Цѣлесообразность мастерскихъ выражалась степенью ихъ доходности: въ 1827 г. отъ нихъ осталось барыша 5.443 руб. 73 коп.; въ 1828 г. заработкъ простирался до 14.168 р. 47 к. и т. д.

Совершенно не ожидано Баварскій профессоръ Гарли представилъ, въ 1831 году, Императору Николаю Павловичу записку „объ исправленіи нравовъ арестантовъ учрежденіемъ, по всей Россіи, фабрикъ, въ коихъ бы работали дни и ночи безпрерывно". Записку эту передали на заключеніе Трубецкаго, а онъ— Комитета. Обсудивъ содержаніе записки, Комитетъ заявилъ Трубецкому, а онъ—Государю, что предложеніе Гарли въ Россіи не удобопримѣнимо, потому что „фабричные рабочіе должны имѣть навыкъ, находиться у извѣстнаго имъ дѣла постоянно, тогда *какъ русскіе* арестанты за исключеніемъ малости, сидящихъ въ

различныя отдѣленія по степени познаній учениковъ. Предметы занятій въ школѣ были слѣдующіе: Законъ Божій: изученіе главнѣйшихъ молитвъ, съ объясненіемъ ихъ смысла, символъ вѣры и заповѣдей, съ объясненіемъ непонятныхъ славянскихъ словъ; краткій катихизисъ, важнѣйшія событія изъ ветхаго и новаго Завѣта; нѣкоторыя событія изъ исторіи церкви; разъясненіе воскресныхъ евангелій. Грамотность: звуковое обученіе чтенію (гражданскому и церковному) и письму; чтеніе съ разсказами о прочитанномъ устно или письменно. Статьи для чтенія выбирались изъ книгъ, изданныхъ для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ; при выборѣ чтенія и объясненія прочитаннаго, главною цѣлью тюремнаго преподаванія было стремленіе къ искорененію порочныхъ наклонностей, къ развитію въ ученикахъ чувства долга, справедливости, отсутствіе котораго въ невѣжественныхъ юношахъ порождаетъ преступленія. Ариѳметика: умственное счисленіе, понятіе о числѣ, единицѣ, о нумераціяхъ, о четырехъ дѣйствіяхъ надъ числами особой величины. Умственное счисленіе и практическія задачи предпочитались простому механизму; выборъ задачъ основывался на приложеніи къ жизни.

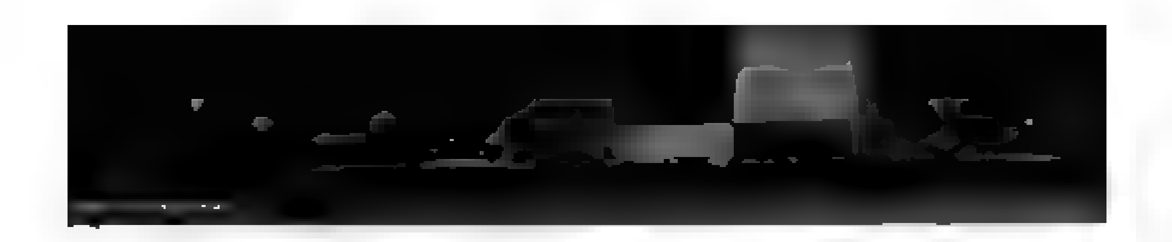
Школа несовершеннолѣтнихъ арестантовъ. Общее число посѣщавшихъ школу было 408, грамотныхъ—268, неграмотныхъ—148, научившихся читать—80, научившихся читать и писать—49. Школа совершеннолѣтнихъ арестантовъ. Общее число посѣщавшихся школу 251, грамотныхъ—164, неграмотныхъ—287, научившихся читать—30, научившихся читать и писать—18. Общее число содержавшихся въ Замкѣ было 5.464.

Неравномѣрное число людей, посѣщавшихъ школу, зависѣло оттого, что, во-1-хъ, большинство было подслѣдственныхъ, часто прибывавшихъ и освобождавшихся изъ Замка, поэтому и цифры учившихся значительно видоизмѣнялись, а, во-2-хъ, совершеннолѣтнихъ арестантовъ законъ не обязывалъ учиться грамотѣ, почему школу посѣщали только *желающіе*, а ихъ было не-

жась руками, ворочаетъ ногами огромное колесо. Сія работа хотя не вредна для здоровья, однакожь столь утомительна, что ни одинъ изъ работниковъ не можетъ долго выдержать оной и послѣ требуется продолжительный отдыхъ. Считая совокупность всего рабочаго времени, преступникъ работаетъ, смотря по тѣлосложенію, отъ 2 до 6 часовъ въ сутки. Впрочемъ, къ сему наказанію не приговариваютъ никогда болѣе чѣмъ на 6 недѣль. Если даже устроить колесо, чтобы оно просто ворочалось ногами, безъ содѣйствія рукъ, то сія работа, которую на многихъ фабрикахъ отправляютъ вольные люди, — могла бы, кажется, быть введена весьма удобно".

Трубецкой, по обыкновенію, адресовался къ Членамъ Комитета за ихъ мнѣніемъ по столь важному предмету. Члены живо откликнулись. В. Р. Гайманъ объяснилъ, что „ступательная мельница, движимая ногами, существуетъ въ англіи какъ для работъ, такъ и для наказанія арестантовъ — мужчинъ, взамѣнъ ссылки, срокомъ отъ года до 10 лѣтъ; въ русскихъ же тюрьмахъ содержатся люди не обвиненные, а впредь до ихъ осужденія, когда они наказываются тѣлесно и ссылаются въ Сибирь, въ арестантскія роты, въ солдаты, или освобождаются на волю, за оправданіемъ ихъ судомъ. Такимъ образомъ введеніемъ мельницы: одни—получатъ двойное наказаніе, а другіе—будутъ наказываемы совершенно безвинно." По этому Гайманъ полагалъ, что „тяжкой работѣ этой могутъ подвергаться, лишь находящіеся въ смирительныхъ и рабочихъ домахъ, какъ въ исправительныхъ заведеніяхъ. Къ заключеніе Гайманъ пояснилъ, что опасаться орудій,—значитъ закрыть существующія переплетную, сапожную, портняжную и столярную мастерскія, а остаться только при плетеніи рогожъ, лаптей и щипаньи пеньки, чего онъ никакъ не желаетъ.

Князь Н. И. Дондуковъ — Корсаковъ оказался рѣшительнымъ противникомъ введенія мельницы для какихъ бы то ни было арестантовъ, собственно потому, что она „изнуряетъ работниковъ, а дѣлать это *попечительному* обществу не прилич-

ствуютъ, тѣмъ болѣе, что оно исправляетъ арестантовъ въ существующихъ мастерскихъ, школѣ и даже въ камерахъ чтеніемъ бесѣдами и назиданіями".

Напротивъ: Адеркасъ, Красовскій, Мятлевъ и Джунковскій признавали мельницу не только полезною для искорененія праздности, но и благодѣтельною для порочныхъ людей, ибо „обращая непрестанно ихъ вниманіе на сію мельницу, они не имѣютъ способа и времени обдумывать свои порочные замыслы, а по окончаніи дѣйствія мельницы,—бываютъ столь утомлены, что ни о чемъ, кромѣ успокоенія, и не помышляютъ". Сознавая, однакожъ, что работа на мельницѣ дѣйствительно тяжкая и названные Члены признавали возможнымъ ввести мельницу: во-1-хъ, для обыкновеннаго занятія на ней въ смирительныхъ и рабочихъ домахъ, при томъ, впрочемъ, условіи, если возможно измѣнить ея механизмъ на столько, чтобы она не изнуряла людей, а во-2-хъ въ замкахъ исключительно для работы на ней „вмѣсто наказанія, лишь на нѣсколько часовъ".

Графъ С. Г. Строгоновъ выражалъ „увѣренность, что машина не можетъ и не будетъ принята въ нашихъ тюрьмахъ," хотя и допускалъ, что „орудіе сіе можетъ принести нѣкоторую пользу въ смирительныхъ домахъ". Мнѣніе это вотъ онъ какъ мотивировалъ: „Изобрѣтенная Вильямомъ Кобитомъ мельница имѣла необыкновенный успѣхъ въ Англіи, гдѣ всѣми смотрителями смирительныхъ домовъ признавалась надежнѣйшимъ средствомъ къ укрощенію дерзости преступниковъ. Въ Англіи обхожденіе съ заключенными вообще сурово, а причина, по сдѣланнымъ изслѣдованіямъ, находится въ духѣ неповиновенія и буйственности, въ сихъ заведеніяхъ весьма часто обнаруживающихся. По введеніи мельницъ въ нѣкоторые смирительные дома—успѣхъ ихъ былъ столь удаченъ, что въ скоромъ времени мѣста сіи упразднились: впечатлѣніе на низкій классъ народа утомительной и трудной работы на мельницѣ было такъ велико, что бродяги оставляли графство, гдѣ вводились мельницы, и переходили въ сосѣднія,

гдѣ это орудіе еще не было принято. Движеніе мельницы несравненно тяжелѣе всякой обыкновенной работы: скорость движенія колеса зависитъ не отъ силы и тяжести болѣе слабыхъ (въ этомъ случаѣ работа сильныхъ составляла бы прогулку), но отъ силъ послѣднихъ, отчего для большей части людей занятіе это дѣлается чрезвычайно утомительнымъ и вреднымъ для здоровья. Мнѣніе извѣстныхъ медиковъ Лондона подтвердило замѣчаніе славнаго филантропа Гипельса, что употребленіе мельницы въ величайшей степени вредно для здоровья, а изъ сочиненій Париса видны всѣ пагубныя послѣдствія неосторожнаго употребленія этого орудія. Вслѣдствіе жалобъ королю разныхъ обществъ и лицъ, нижняя палата изслѣдовала это дѣло, и въ заключеніе предоставила судьямъ графствъ допустить сіе средство исправленія сообразуясь съ мѣстными обстоятельствами. Парижское Тюремное Общество, по донесеніямъ и свѣдѣніямъ графовъ: Марбуа и Шаброльи, единогласно отвергнуло этотъ способъ занятія узниковъ. Почитая доказаннымъ весьма тяжкое и утомительное движеніе мельницы, продолжаетъ графъ Строгоновъ, думаю, однакожъ, что она можетъ быть съ нѣкоторою пользою введена въ Смирительные дома въ случаяхъ *вторичнаго* заключенія за развратную жизнь, но съ тѣмъ, чтобы при этой работѣ дѣлить людей сообразно ихъ силамъ и сложенію, и опредѣлять число рабочихъ часовъ; женщинъ же и пожилыхъ мужчинъ свыше 50 лѣтняго возраста — рѣшительно исключить".

Переходя, затѣмъ, къ запискѣ Принца Ольденбургскаго, графъ Строгоновъ находилъ, что „важнѣйшая часть ея—предупрежденіе праздности не обслѣдована, и по этому признавалъ необходимымъ введеніе въ русскихъ тюрьмахъ ручныхъ занятій, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстныхъ тюремныхъ обществъ, которымъ слѣдуетъ преподать правиломъ, чтобы 1) занятія никогда не были предписаны въ видѣ наказанія; 2) переходъ къ работамъ, болѣе для узника прибыльнымъ, служилъ бы мѣрою вознагражденія; 3) вырученныя деньги

женію религіозно-нравственной части и проч. Короче Коммиссія на столько пріохотила дѣятелей, что 15 священниковъ занимались безвозмездно, иные даже и въ двухъ мѣстахъ, напр. Н. Н. Кодратовъ, а В. В. Нильскій представилъ такой всесторонній отчетъ, за который Коммиссія и Комитетъ выразили ему искреннюю признательность.

Вотъ, на сколько представители филантропіи старались о духовно-нравственномъ исправленіи арестантовъ, въ теченіи десятковъ лѣтъ сряду. Они не многаго, правда, достигли, но вѣдь „кто малымъ доволенъ, тотъ очень богатъ“.

Между тѣмъ, мнѣніе графа С. Г. Строгонова о необходимости удаленія смотрителей отъ всякаго участія въ мастерскихъ не замедлило восторжествовать и на практикѣ. Дѣло въ томъ, что Комитетъ, стремясь лучше обставить мастерскія и не имѣя въ своей средѣ спеціалистовъ въ ремеслахъ,—отдалъ мастерскія (въ 1832 г.) въ аренду купцу Гусеву, съ условіемъ: а) чтобы двѣ трети чистаго барыша отъ нихъ отъ 3.000 до 4.000 руб. въ годъ, представлять въ распоряженіе Комитета; б) чтобы для возбужденія въ арестантахъ большей охоты къ труду, онъ покупалъ имъ, на часть ихъ заработковъ, улучшенную пищу; в) чтобы остатокъ выдавался имъ въ руки при выходѣ ихъ изъ заключенія. Вѣрность дѣйствій Гусева обусловливалось правомъ Членовъ наблюдать за работами, ревизовать ихъ и всѣ разсчеты. Миновало три года благополучнаго существованія мастерскихъ на указанныхъ началахъ. Вдругъ смотритель Замка Соколовъ воспретилъ Гусеву раздавать арестантамъ „маловажное харчевое довольствіе,“ а приказалъ ему всѣ арестантскія заработки полностію доставлять ему, Соколову, отчего арестанты отказались работать. Гусевъ обратился къ Комитету съ просьбою объ освобожденіи его отъ „убыточныхъ сношеній съ смотрителемъ“. Если же Комитетъ не можетъ этого сдѣлать, писалъ Гусевъ, то „благоволитъ освободить меня совсѣмъ отъ управленія мастерскими, дабы смотритель въ конецъ меня не разорилъ“. Комитетъ, разобравъ жалобу,—предписалъ Соколову не вмѣшиваться въ дѣло мастерскихъ, находящихся въ прямомъ вѣдѣніи Коммиссіи о работахъ въ Замкѣ. Соколовъ не послушался, а дальнѣйшими безпрерывными придирками и притѣсненіями довелъ Гусева до рѣшительнаго отказа отъ мастерскихъ (въ 1836 г.), которыя такимъ образомъ разстроились.

Дабы оградить мастерскія отъ смотрителя и поправить ихъ, Комитетъ принялъ (въ 1837 г.) въ число своихъ членовъ купца Зеленкова, и, въ качествѣ самостоятельнаго хозяина,—поручилъ *ему мастерскія* на коммиссіонерскомъ правѣ, въ увѣренности, что

рабочихъ домахъ,—преимущественно подслѣдственные и подсудимые,—часто пересылаются съ мѣста на мѣсто, содержатся неопредѣленное время, потому и нельзя ждать, чтобы они могли темномъ пріучиться къ фабричной работѣ. Кромѣ того *люди не машина*, слѣдовательно съ нравственной стороны такія фабрики не свойственны назначенію нашихъ тюремъ, даже и для осужденныхъ тяжкихъ преступниковъ, тѣмъ болѣе, что и для послѣднихъ у насъ есть, въ изобиліи, работа въ Сибирскихъ желѣзныхъ, мѣдныхъ и золотыхъ заводахъ и пріискахъ, гдѣ однако работаютъ они тоже лишь днемъ, а не безпрерывно." Императоръ согласился съ приведенными доводами, почему мысль Гарли была отвергнута.

Прошло менѣе двухъ лѣтъ. „Путешествовавшій по россіи Принцъ Петръ Гольштейнъ Ольденбургскій представилъ Государю, между прочими своими замѣчаніями, также „записку о занятіи арестантовъ работами". Министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Н. Блудовъ, по повелѣнію Императора сообщилъ выписку *) Трубецкому (25 сентября 1834 г.) Выписка эта гласила:

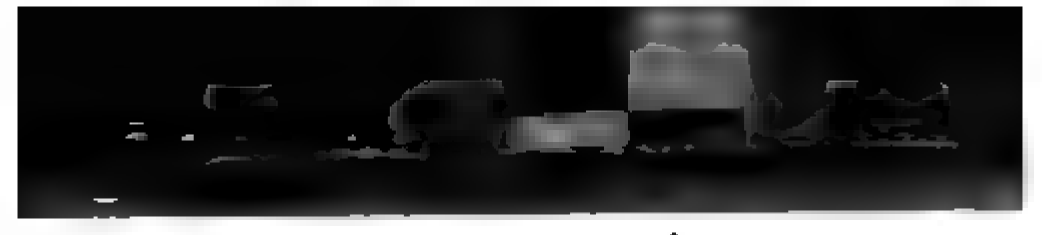
„Успѣхъ, превосходящій всякое вѣроятіе, оказывающійся въ соединенныхъ американскихъ штатахъ, относительно исправленія преступниковъ, приписывается полезнымъ упражненіямъ, въ продолженіи заключенія ихъ подъ стражею. Надлежало бы пріискать, внутри тюремъ, такія, для арестантовъ, работы, которыя наиболѣе утомляли бы тѣлесныя силы ихъ, не требуя вспомогательныхъ орудій, всегда къ употребленію болѣе или менѣе опасныхъ. Въ Гамбургѣ есть заведеніе, устроенное по примѣру англичанъ и соединяющее въ себѣ всѣ сіи выгоды. Оно извѣстно подъ именемъ Мельницы, движимой ногами. Преступникъ, дер-

---

*) Выписку эту Блудовъ препроводилъ и Губернаторамъ, для „доставленія своихъ мыслей и заключенія," причемъ предваряль ихъ, что онъ „считаетъ весьма полезнымъ пріисканіе для арестантовъ, внутри тюремъ, такихъ работъ, которыя бы не требовали вспомогательныхъ орудій, всегда болѣе или менѣе опасныхъ въ рукахъ людей, увлеченныхъ порокомъ."

лярій: Президента и Комитета) засталъ мастерскія запертыми, собралъ всѣ нужныя справки, и подалъ Президенту, графу А. Ф. Орлову, записку, „о неправильномъ распоряженіи“ Кавелина. Орловъ запросилъ Кавелина: почему онъ, безъ его вѣдома, закрылъ мастерскія, при чемъ послалъ ему и самую записку, для доставленія, по ея содержанію, объясненія. Кавелинъ не замедлилъ отвѣтомъ, который приведемъ почти цѣликомъ, такъ какъ онъ кажется намъ весьма любопытнымъ.

Онъ писалъ: „Я вовсе и не думалъ воспрещать на всегда занимать арестантовъ работами; но я счелъ необходимымъ принять сію мѣру на нѣкоторое время. Безпорядки, въ тюрьмѣ происходившіе, открыли, что: 1) арестанты, во время работъ, два раза покушались поджигать паклю,—о чемъ никому не было доносимо; 2) арестантамъ дозволялось, во время работъ, курить трубки; 3) арестанты имѣли безпрестанныя, непозволительныя сношенія съ городскими жителями и получали отъ нихъ деньги и краденыя, на сохраненіе, вещи; 4) не смотря на мое строжайшее запрещеніе не выпускать, ни подъ-какимъ видомъ, изъ карцера преступника Гаврилова,—онъ былъ водимъ въ контору и пилъ въ корридорѣ чай; 5) найдены спрятанные въ трубѣ: солдатскій киверъ, въ немъ галстухъ и шинель; эти вещи переданы однимъ изъ караульныхъ солдатъ, бѣжавшему съ каторги дѣлателю фальшивыхъ ассигнацій, Коршуну-Осмоловскому, для способствованія новому его побѣгу; 6) арестанты имѣли при себѣ разныя вещи и бумаги, что закономъ строго воспрещается; 7) въ карцерѣ, гдѣ содержался Гавриловъ, открытъ подкопъ, сдѣланный имъ, вѣроятно вмѣстѣ съ Осмоловскимъ, котораго кто-то распорядился помѣстить въ одинъ покой съ Гавриловымъ; 8) арестанты оказывали явное ослушаніе, даже дерзость и сопротивленіе не только противъ часовыхъ и подчасковъ, но и противъ караульныхъ офицеровъ; 9) въ мужскихъ камерахъ содержалась, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, женщина въ мужскомъ платьѣ; 10) во временной Управѣ Благочинія, въ женской камерѣ помѣщались два

15 лѣтнихъ мальчика, посаженные туда однимъ изъ Членовъ Комитета; 11) въ мужской арестантской для благородныхъ, былъ арестантъ босикомъ и въ одной рубашкѣ. Онъ объявилъ мнѣ, что въ этомъ нарядѣ находится уже болѣе мѣсяца, смотритель же за одеждой (опредѣленный Комитетомъ) отозвался мнѣ, что у него много башмаковъ, но всѣ слишкомъ малы, для сего арестанта; 12) приговоренный къ ссылкѣ на поселеніе Вешнетовъ, не смотря на усиленныя его просьбы о приведеніи въ исполненіе рѣшенія о немъ,—просидѣлъ въ тюрьмѣ, по распоряженію Комитета, двадцать лѣтъ, потому только, что онъ былъ искусный рѣзчикъ, и, если-бы Ваше Сіятельство не исходатайствовали отправленіе Вешнетова на поселеніе,—онъ, вѣроятно, просидѣлъ бы и еще долѣе. Изъ сего можно заключить: исполняютъ ли Члены Комитета свои обязанности, сообразно истинной цѣли установленія попечительнаго общества, которое основано въ видахъ Христіанскаго человѣколюбія?"

„Обращаясь къ „запискѣ" одного изъ Членовъ Комитета, усматриваю, что главная ея цѣль, очевидно, воспрещеніе мнѣ вмѣшиваться въ порядокъ тюремный, въ подкрѣпленіе чего онъ приводитъ узаконенія, для Комитета постановленныя; но, приводя оныя, онъ забылъ упомянуть, а можетъ быть и вовсе не зналъ, что мѣста заключенія должны находиться въ непосредственномъ завѣдываніи мѣстнаго полицейскаго Начальства, коего главный Начальникъ — я; стало быть, я *никакъ не могу предоставить размѣщенія арестантовъ* многочисленнымъ Членамъ Комитета, безъ предварительнаго сношенія съ Начальствомъ. Если каждый изъ Членовъ будетъ отдавать приказанія, то безпорядки въ тюрьмѣ превзойдутъ, если можно, вышеупомянутые мною. Слѣдствіемъ *удаленія отъ настоящей цѣли и прямыхъ своихъ обязанностей Членовъ* Комитета—тюрьма обратилась *въ развратную богадѣльню*.—Какъ лучшій образчикъ бывшаго присмотра за размѣщеніемъ арестантовъ, служитъ помѣщеніе въ одномъ покоѣ убійцы Гаврилова и бѣглаго каторжника Коршуна-

Осмоловскаго, вслѣдствіе чего и былъ сдѣланъ ими подкопъ, которымъ они, безъ сомнѣнія, воспользовались бы, если бы случайно сіе покушеніе не было открыто. Вольнонаемные приставники оказываются дѣятельнѣйшими соучастниками бывшихъ безпорядковъ, а они-то и были изъяты,—незнаю по какому Закону,—изъ завѣдыванія смотрителя тюрьмы. Членъ Комитета, сочинитель записки, старается доказать, что такъ должно быть; но я никакъ не могу на это согласиться, покамѣсть тюрьма не будетъ совершенно изъята изъ вѣдомства Генералъ-Губернатора, на что неугодно ли Вамъ испросить Высочайшее повелѣніе, если признаете толкованіе Законовъ Членами Комитета справедливымъ,—чего я, впрочемъ, не позволяю себѣ думать. Что касается до опасеній, что вольнонаемные приставники напугали сочинителя записки, будто они не захотятъ служить при тюрьмѣ,—то опасеніе его напрасны: на мѣсто одного уволеннаго найдутся десять охотниковъ, притомъ опасеніе сіе не имѣетъ никакого основанія, ибо я самъ спрашивалъ нѣкоторыхъ служителей: просили ли они объ увольненіи отъ должности и они отвѣчали, что о томъ и не думали. Относительно рапорта и д. смотрителя Бѣляева, то, справедливо, что я далъ ему приказаніе завѣдывать служителями, на правилахъ воинской дисциплины, и неотмѣню его, пока тюрьма въ моемъ вѣдѣніи, но я никогда не приказывалъ, чтобы нанимаемые Комитетомъ приставники, прежде опредѣленія, являлись на смотръ къ смотрителю. За эту выдумку, въ рапортѣ помѣщенную, я сдѣлаю Бѣляеву строжайшій выговоръ".

„Долженъ откровенно сказать Вашему Сіятельству, какъ вице-президентъ Комитета, что я нахожу разсужденія Члена, писавшаго записку, вообще *чрезвычайно неприличными, неосновательными* и даже *противъ меня неучтивыми*: онъ усиливается напомнить мнѣ мои обязанности, и хотя не называетъ прямо меня,—но относится къ отдавшему приказаніе о пріостановленіи работъ, и къ осмѣлившемуся прекратить безпорядки, не испросивъ, предварительно, его разрѣшенія; а такъ

какъ распоряженіе сіе сдѣлано мною, — то очевидно, все неумѣстное его разглагольствованіе относится ко мнѣ. Посему обязанностію считаю просить Васъ объявить ему, что я гораздо лучше его знаю мѣру предоставленной мнѣ власти, и *если превзойду ее, то буду отвѣчать предъ Его Величествомъ*. Напротивъ: Членъ превратно понималъ и исполнялъ свои обязанности; почему прошу поставить ему на видъ воздержаться отъ слишкомъ неумѣстныхъ и чрезвычайно неучтивыхъ противъ меня разсужденій. Членъ и сочинитель записки, *по превратному образцу мыслей, болѣе принесетъ вреда, нежели пользы* Комитету".

Въ заключеніе, Кавелинъ признавалъ „слабости" Фромме, рекомендовалъ назначеннаго на его мѣсто „отличнѣйшаго полковника Домра, который не допуститъ неимовѣрныхъ безпорядковъ," просилъ образовать скорѣе Коммиссію изъ „благоразумнѣйшихъ *) Членовъ Комитета, Полиціймейстера Поля и Домра, для составленія правилъ о порядкѣ управленія мѣстами заключенія и заключилъ „готовностью всѣми силами и властію, Закономъ ему предоставленною, содѣйствовать гг. Членамъ Комитета во всемъ, что только можетъ, безъ вредныхъ послѣдствій, облегчить участь узниковъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ" (14 февраля 1846 г.).

Отвѣтъ этотъ Орловъ предъявилъ Леонтьеву, а онъ изготовилъ на него возраженіе, слѣдующею „справкою":

1) О покушеніи поджигать паклю долженъ былъ доносить своему начальству смотритель тюрьмы; 2) отъ Комитета никогда не только не дозволялось арестантамъ, въ продолженіи работъ, курить трубки, но, напротивъ, когда Члены находили гдѣ либо трубки, то тотчасъ давали о томъ знать смотрителю, для взысканія съ виновныхъ; 3) не позволительныя сношенія съ городскими жителями, если и допускались, то тюремною командою

*) Этимъ „благоразумнѣйшимъ" во главѣ Членовъ Орловъ тогда же назначилъ Леонтьева, о чемъ и увѣдомилъ Кавелина.

и гарнизоннымъ карауломъ, ибо составъ полка вовсе не благонадеженъ; 4, 5, 6, 7 и 8 пункты отношенія Генералъ-Губернатора до Комитета не относятся, а произошли отъ упущеній и слабаго присмотра тѣхъ же администраціи и караула; 9) поступленіе въ тюрьму женщины въ мужскомъ платьѣ,—равнымъ образомъ явное упущеніе со стороны администраціи, обязанной осматривать даже всякаго посторонняго, не только что арестанта, при входѣ въ тюрьму; 10) чтобы избавить отъ разврата среди порочныхъ мужчинъ двухъ 13 лѣтнихъ мальчиковъ, Членъ А. Н. Муравьевъ дѣйствительно перевелъ ихъ въ женское отдѣленіе, но лишь на два дня до ихъ отправленія и подъ ближайшій надзоръ смотрительницы женскаго отдѣленія, въ коемъ сидѣли тогда только двѣ старухи-арестантки; 11) хотя пересыльныя до ихъ отправленія по этапу и сидятъ въ собственной одеждѣ, но весьма нуждающимся она выдается отъ Комитета. У найденнаго арестанта босикомъ ноги дѣйствительно были такъ велики, что на нихъ долго не могли прибрать котовъ; почему Муравьевъ купилъ ему, на свой счетъ, сапоги и одежду, и 12) о Вешметовѣ Комитетъ не только не заботился, но, напротивъ, въ 1839, 1841 и 1842 годахъ безуспѣшно ходатайствовалъ, чрезъ Президента, у Государя Императора о совершенномъ его освобожденіи изъ тюрьмы".

„Справка" на столько удовлетворила Орлова, что онъ сообщилъ ее Кавелину (28 февраля 1846 г.) съ присовокупленіемъ, что „почти всѣ исчисленные вами безпорядки относятся единственно до полицейскаго управленія". Затѣмъ высоко цѣня разностороннюю и въ высшей степени плодотворную дѣятельность Леонтьева, который рѣшительно всѣмъ занимался, Орловъ счелъ для него оскорбительнымъ отзывъ о немъ Кавелина, и, чтобы доказать послѣднему несообразность его поступка — доложилъ обо всемъ Государю. Судя по совпаденію времени доклада съ временемъ прекращенія Кавелинымъ занятій Генералъ-Губернаторствомъ, вытекаетъ прямое, кажется, заключеніе, что именно

рѣзкость отвѣта и дурной отзывъ объ Леонтьевѣ, повлекли за собой увольненіе Кавелина отъ должности (Указъ 7 апрѣля 1846 г.).

Съ назначеніемъ Генералъ-Губернаторомъ Генералъ-Адъютанта Храповицкаго, всѣ пререканія сразу прекратились, вліяніе Комитета на тюрьмы вполнѣ возстановилось, а нѣкоторое время спустя даже усилилось. Это свидѣтельствуетъ, напр., „предписаніе“ его Оберъ-Полиціймейстеру. Онъ предписывалъ: „Всѣхъ, свободныхъ отъ занятій арестантовъ непремѣнно запирать въ камерахъ; арестантовъ классныхъ, канцеляристовъ и дворянъ размѣщать по росписанію камеръ, по роду преступленій; въ столовую водить ихъ къ обѣду и ужину по отдѣленіямъ: классныхъ—отдѣльно отъ канцелярскихъ, кормить ихъ хотя и въ одно время, но на разныхъ половинахъ; тяжкимъ же преступникамъ подавать кушанье въ камеры. Хотя правильное размѣщеніе арестантовъ по роду преступленій составляетъ обязанность Комитета, но какъ арестанты приводятся въ тюрьму во всякое время дня и ночи, то размѣщать ихъ по камерамъ обязанъ смотритель, согласно инструкціи; затѣмъ о всякомъ, вновь прибывшемъ чиновномъ арестантѣ приставники Отдѣленій должны ежедневно доносить дежурному члену Комитета, объясняя, кто онъ, за что арестованъ и въ какой № посаженъ. Если членъ замѣтитъ неправильность въ помѣщеніи, то смотритель тотчасъ же перемѣщаетъ арестанта по указанію; если въ размѣщеніи разночинныхъ арестантовъ члены Комитета, посѣщая тюрьму, замѣтятъ какую либо неправильность смотрителя, то по сдѣланному ему о томъ членами замѣчанію, онъ обязывается немедленно переводить арестанта въ подлежащее, по роду его преступленія, мѣсто“ (7 ноября 1848 г.).

Относительно мастерскихъ приходится сказать, что въ нихъ по прежнему работали какъ на тюремныхъ обитателей, такъ и по заказамъ частныхъ лицъ. Заказовъ, случалось, не хватало для занятія всѣхъ рабочихъ, и потому нѣкоторые бездѣйствовали. Обстоятельство это побудило одного изъ членовъ Комитета,

Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Беклана, пожертвовать 2.000 р. на оборотный фондъ мастерскихъ (въ 1852 г.). Тогда Комитетъ ввелъ работы и на коммерческомъ правѣ, т. е. предоставилъ завѣдывавшему мастерскими члену покупать матеріалы, дѣлать изъ нихъ вещи и продавать ихъ съ „*нѣкоторымъ*,“ противъ стоимости вещей, барышомъ, чтобы конкуренціею съ вольными ремесленниками, привлекать больше заказчиковъ. Дѣло, такимъ образомъ, подвинулось впередъ. Сложность переписки и разсчетовъ по мастерскимъ отнимало у членовъ много времени; по этому, чтобы облегчить ихъ трудъ—Комитетъ возложилъ веденіе шнуровыхъ книгъ, для записки работъ, ихъ цѣнности и прибыли—на эконома (3 и 17 мая 1858 г.).

Дѣятельность мастерскихъ на столько, однако, не удовлетворяла Комитета, что онъ откровенно сознавался Президенту, что „въ теченіи многихъ лѣтъ заботился введеніемъ работъ, но къ осуществленію этого полезнаго дѣла постоянно встрѣчалъ препятствія въ воспрещеніи арестантамъ имѣть нѣкоторые инструменты, необходимые при производствѣ работъ, въ неимѣніи достаточнаго, для мастерскихъ, мѣста, въ значительности требовавшихся на присмотръ за мастерскими издержекъ, въ трудности сбыта вещей и т. д., почему до 200 человѣкъ (изъ 600) остаются праздными“ (17 марта 1861 г.). Неудачи происходили оттого, что законъ относился къ мастерскимъ съ чрезмѣрною осторожностію: его смущали инструменты, могущіе превратиться въ орудія преступленій, тогда какъ безъ топоровъ, ножей, утюговъ и т. п. вещей никакія мастерскія, вѣдь, не мыслимы. Понятно, что, становясь на эту точку зрѣнія, смотритель былъ совершенно правъ, когда, напр., донесъ Полиціймейстеру, онъ—Генералъ-Губернатору, а послѣдній приказалъ произвести дознаніе о пропажѣ изъ мастерской „бурава“. Между тѣмъ буравъ этотъ, какъ потомъ обнаружилось, взялъ изъ столярной экономъ и „поручилъ одному изъ арестованныхъ просверлить дыру въ квасной *бочкѣ*“ *(11 октября* 1861 г.).

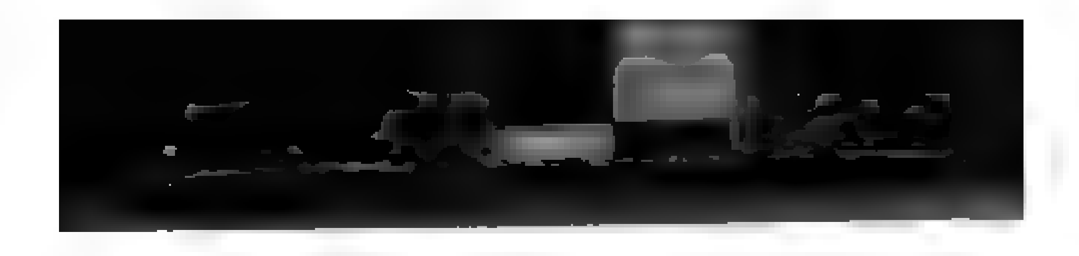
15 лѣтнихъ мальчика, посаженные туда однимъ изъ Членовъ Комитета; 11) въ мужской арестантской для благородныхъ, былъ арестантъ босикомъ и въ одной рубашкѣ. Онъ объявилъ мнѣ, что въ этомъ нарядѣ находится уже болѣе мѣсяца, смотритель же за одеждой (опредѣленный Комитетомъ) отозвался мнѣ, что у него много башмаковъ, но всѣ слишкомъ малы, для сего арестантъ; 12) приговоренный къ ссылкѣ на поселеніе Бешметовъ, не смотря на усиленныя его просьбы о приведеніи въ исполненіе рѣшенія о немъ,—просидѣлъ въ тюрьмѣ, по распоряженію Комитета, двадцать лѣтъ, потому только, что онъ былъ искусный рѣзчикъ, и, если-бы Ваше Сіятельство не исходатайствовали отправленіе Бешметова на поселеніе,—онъ, вѣроятно, просидѣлъ бы и еще долѣе. Изъ сего можно заключить: исполняютъ ли Члены Комитета свои обязанности, сообразно истинной цѣли установленія попечительнаго общества, которое основано въ видахъ Христіанскаго человѣколюбія?"

„Обращаясь къ „запискѣ" одного изъ Членовъ Комитета, усматриваю, что главная ея цѣль, очевидно, воспрещеніе мнѣ вмѣшиваться въ порядокъ тюремный, въ подкрѣпленіе чего онъ приводитъ узаконенія, для Комитета постановленныя; но, приводя оныя, онъ забылъ упомянуть, а можетъ быть и вовсе не зналъ, что мѣста заключенія должны находиться въ непосредственномъ завѣдываніи мѣстнаго полицейскаго Начальства, коего главный Начальникъ — я; стало быть, я *никакъ не могу предоставить размѣщенія арестантовъ* многочисленнымъ Членамъ Комитета, безъ предварительнаго сношенія съ Начальствомъ. Если каждый изъ Членовъ будетъ отдавать приказанія, то безпорядки въ тюрьмѣ превзойдутъ, если можно, вышеупомянутые мною. Слѣдствіемъ *удаленія отъ настоящей цѣли и прямыхъ своихъ обязанностей Членовъ* Комитета—тюрьма обратилась *въ развратную богадѣльню.*—Какъ лучшій образчикъ бывшаго присмотра за размѣщеніемъ арестантовъ, служитъ помѣщеніе въ одномъ покоѣ убійцы Гаврилова и бѣглаго каторжника Коршуна-

ссылкою на „Францію, гдѣ вольные мастера многократно жаловались на стѣснительность для нихъ конкурренціи тюремъ, а это, дескать, доказываетъ, что арестантскій трудъ предпочитается вольному“. Заручившись приведеннымъ отвѣтомъ, Комитетъ пожелалъ получить заказъ шинелей и мундировъ для столичныхъ полицейскихъ и пожарныхъ солдатъ, но получилъ категорическій отказъ отъ того же Генералъ-Губернатора, потому что „надо будетъ водить солдатъ на примѣрку въ тюрьму, гдѣ они могутъ передавать арестантамъ письма, входить съ ними въ стачки, а это вызоветъ различные безпорядки“ (22 іюня 1865 г.).

Указанное разногласіе между словомъ и дѣломъ отнюдь, однако, не помѣшало Генералъ-Губернатору, не далѣе, какъ чрезъ годъ, замѣтить „сильный упадокъ мастерскихъ“. Оттого онъ предложилъ Комитету занять арестантовъ шитьемъ вещей для пересыльныхъ, чѣмъ занимался, отъ Губернскаго Правленія, подрядчикъ (14 мая 1866 г.). Комитетъ изъявилъ на это готовность, съ оговоркою, если не будутъ торопить и требовать сразу готовыхъ вещей, по значительному количеству, потому, что портныхъ и сапожниковъ среди арестантовъ не много свободныхъ отъ работъ собственно для мѣстныхъ содержащихся подъ стражею. Кромѣ того, Комитетъ заявилъ цѣны, по какимъ именно можетъ взять за каждый предметъ (6 іюня). Хотя цѣны и были выше справочныхъ, тѣмъ не менѣе Министръ Внутреннихъ Дѣлъ предоставилъ эту операцію Комитету, чтобы: арестанты перестали томиться бездѣйствіемъ, да и „казна получила бы лучшія, по качеству вещи, нежели отъ подрядчика“. Шить допускалось исподволь, а матеріалы поручалось заготовлять Комитету же, подряднымъ способомъ.

Управлять мастерскими на изложенныхъ началахъ взялся Директоръ И. С. Шустовъ, издержавшій на приспособленія мастерскихъ Комитетскихъ 500 р., но за то къ августу 1865 г. мастерскія заработали 1.400 р., а къ ноябрю чистаго барыша образовалось 900 р. Успѣхъ этотъ побудилъ Комитетъ разрѣшить Шу-

ку: а) нанять смотрителя и закройщика, съ жалованьемъ: пер-
—по 300 р., а послѣднему—по 180 р. въ годъ, и б) запи-
ь закройщика въ цѣховые мастера, чтобы онъ свободно яв-
ся на торги по подрядамъ на шитье и поставку вещей въ
ныя учрежденія. Энергія Шустова доставила заказчиками, не-
ению Губернскаго Правленія, городскія больницы и нѣкото-
ые кадетскіе корпуса, а для болѣе удобнѣйшихъ сношеній съ
и учрежденіями, Комитетъ привлекъ въ свои Члены предста-
елей этихъ учрежденій.

Мастерскія процвѣли. Работали ежедневно 420—470 чел. слѣдственныхъ, а до 360 чел. „осужденныхъ къ заключенію" здѣйствовали, ибо 159 ст. Уст. о содерж. подъ стр., изд. 57 г., предоставляла имъ „заниматься возможными въ ихъ по-еніи работами, не иначе, какъ по собственному желанію", орымъ они не располагали. Коль скоро подслѣдственные, ви-вость которыхъ еще не была констатирована, обязывались ра-ать, то осужденные тѣмъ болѣе должны бы, казалось, это ать. Для разрѣшенія этого страннаго законодательнаго ана-низма образована была особая коммиссія изъ директоровъ И. Олферьева, Н. Л. Лонана, И. А. Хрынова и Проку-а Окружнаго Суда, обязательнаго Члена Комитета (въ іюлѣ 87 г.). Коммиссія нашла, что

„всѣ безъ изъятія арестанты, содержащіеся въ заключеніи, какъ слѣдственные, такъ и осужденные на заключеніе, безъ различія званія, пола, возраста, должны быть занимаемы работами, а отнюдь не оставаться въ праздности, неослабное наблюденіе за симъ лежитъ на прямой заботливости Тюремныхъ Комитетовъ, самый надзоръ вмѣняется въ обязанность Тюремнаго Начальства, какъ это ясно опредѣлено въ 159 и 204 ст. т. XIV Уст. о сод. подъ страж. (изд. 1857 г.) и въ разд. III Высоч. утв. дополнит., къ сему уставу, правилъ (1831 г. № 19286, п. 6 пол. Сбор. Зак. Россійской Имперіи); что за симъ вкоренившійся искони обычай предоставленія осужденнымъ арестантамъ, какъ бы законнаго права, уклоняться отъ занятій и пребывать въ праздности, чему подвергаются ежедневно до 360 человѣкъ, происходитъ единствен-

но отъ неяснаго пониманія смысла ст. 159. Статья эта въ отношеніи полнаго ея значенія, по примѣненію къ дѣлу, не иначе должна быть разсматриваема, какъ посредствомъ сличенія съ ст. 204, а именно: въ 1-й изъ сихъ статей говорится, что тѣ изъ содержащихся подъ стражею, кои осуждены на заключеніе въ наказаніе за преступленія и проступки, занимаются возможными, въ ихъ положеніи, работами не иначе, какъ по собственному желанію, но при этомъ добавлено: какъ постановлено въ ст. 204—207, а въ 204, что осужденные на заключеніе въ тюрьмѣ, могутъ во время онаго избирать для себя занятія изъ числа дозволенныхъ въ Смирительныхъ домахъ, если токмо сіе можетъ быть допущено по внутреннему устройству Тюремнаго Замка, а равно и другія, но не иначе, какъ съ разрѣшенія Тюремнаго Начальства, надзоръ коего въ семъ отношеніи ограничивается только наблюденіемъ, чтобы содержащіеся въ тюрьмѣ не проводили время въ праздности. Кромѣ того по сличеніи той же статьи съ ст. 55, оказывается, что въ отношеніи обязательности труда заключенныхъ арестантовъ, не имѣютъ никакого значенія ни званіе, ни полъ, ни возрастъ послѣднихъ, ибо въ сей статьѣ ясно выражено что *особенной заботливости* Комитетовъ и Отдѣленій, подлежитъ занятіе арестантовъ, по мѣстнымъ удобствамъ, приличными званію, полу и возрасту, работами и различными рукодѣліями. Такимъ образомъ изъ сличенія 159 ст., по силѣ которой осужденные на заключеніе арестанты, а съ ними и смотритель Тюремнаго Замка, основываютъ, какъ бы права первыхъ работать не иначе, какъ по желанію,—съ статьями 55 и 204 оказывается только лишь то, что арестанты *могутъ избирать* лишь *родъ занятій*, дозволенныхъ въ Смирительныхъ домахъ или разрѣшаемыхъ Тюремнымъ Начальствомъ, и при томъ сообразно званію, полу и возрасту, подвергаясь при этомъ неуклонно обязанности пребывать въ занятіяхъ. Далѣе, будучи обязаны заниматься работами, арестанты не должны, подъ опасеніемъ отвѣтственности за неисполненіе закона, уклоняться отъ обязанности работать безъ вознагражденія для пользы тюрьмы и заключенныхъ, а Тюремное Начальство, имѣя въ виду *ст. 55, не должно допускать, въ семъ случаѣ, никакого послабленія, ибо по силѣ сего узаконенія, нѣкоторое вознагражденіе арестантовъ за работы и рукодѣлія, назначается имъ по правиламъ въ ст. 160 означеннымъ, единственно только въ томъ случаѣ, если сіи работы и рукодѣлія исполняются не для нуждъ тюрьмы и заключенныхъ».*

По сему и принимая во вниманіе, что оставленіе въ Тюремномъ Замкѣ на волю осужденныхъ на заключеніе арестантовъ, заниматься работами или оставаться безъ занятій, есть такого рода упущеніе, которое кромѣ вреда для самихъ аре-

стантовъ въ нравственномъ отношеніи, составляетъ прямое противорѣчіе съ требованіями закона, а уклоненіе арестантовъ отъ безплатной работы для пользы тюрьмы и заключенныхъ, кромѣ отступленія отъ точной силы 55 ст. можетъ приносить явный ущербъ тюремному хозяйству.—Коммиссія полагала предписать смотрителю Замка, чтобы онъ немедленно объявилъ осужденнымъ на заключеніе арестантамъ: а) что всѣ, безъ изъятія, арестанты, содержащіеся въ заключеніи, какъ слѣдственные, такъ и осужденные на заключеніе, безъ различія званія, пола и возраста, должны быть занимаемы работами и отнюдь не оставаться въ праздности, подъ опасеніемъ за уклоненіе отъ сего строгой отвѣтственности по закону; б) что нѣкоторое вознагражденіе арестантовъ должно быть производимо имъ, на основаніи ст. 55, лишь въ томъ случаѣ, если сіи работы и рукодѣлія исполняются ими не для нуждъ тюрьмы и заключенныхъ; работы же для пользъ тюрьмы и заключенныхъ, исполняемыя по назначенію Начальства, должны быть производимы арестантами безплатно, безъ всякаго прекословія, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, также отвѣтственности по закону; в) что, по силѣ 159 ст., осужденные на заключеніе арестанты, отнюдь не могутъ оставаться въ праздности, ибо узаконеніе сіе, не избавляя отъ обязанности пребывать постоянно въ занятіяхъ, предоставляетъ лишь имъ право, по сличенію съ ст. 204 и 55 выбирать родъ занятій, изъ дозволенныхъ въ Смирительныхъ домахъ или разрѣшаемыхъ начальствомъ, сообразно званію, полу и возрасту заключенныхъ. Наконецъ по объявленіи о семъ арестантамъ, смотритель долженъ имѣть строгое наблюденіе, за неоставленіемъ арестантовъ въ праздности, но бо всѣхъ содѣйствующихъ сему обстоятельствахъ, представлялъ бы Комитету, прося, въ нужныхъ случаяхъ, содѣйствія гг. директоровъ, завѣдывающихъ частями Замка“.

Комитетъ, раздѣляя выраженное Коммиссіею мнѣніе, относительно пониманія законовъ о занятіяхъ арестантовъ,—утвердилъ это мнѣніе къ исполненію (22 ноября 1867 г.).

Результатъ мнѣнія Коммисіи и распоряженія Комитета вполнѣ совпали и съ видами Правительства: согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, Министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярно предложилъ усилить развитіе работъ въ разработанномъ Коммиссіею смыслѣ (22 декабря 1868 г. № 207). Съ увеличеніемъ числа рабочихъ пріобрѣталось и больше зара-

ботка. Такъ, за послѣдовательное управленіе мастерскими Директорами получилось:

	Заработка.	Барыша.
Н. С. Шустовимъ (2 года).	11.430 р. 38 к.	2.462 р. 97 к.
П. С. Богушевичемъ (годъ 3 м.)	4.541 „ 62 „	2.306 „ 47 „
И. А. Хрыповымъ (4 г. и 4 м.)	10.955 „ 16 „	1.631 „ 62 „ *)
Итого . .	26.968 р. 77 к.	6.401 р. 07 к.

Въ 1872 г. мастерскія перешли въ вѣдѣніе учредившагося въ Замкѣ, изъ нѣсколькихъ директоровъ, вышеупомянутаго Исправительнаго Совѣта, которому пришлось организовать мастерскія на иныхъ, совершенно, началахъ, потому, главнымъ образомъ, что въ это время заготовка вещей для пересыльныхъ была отнята отъ Комитета безъ всякаго на то серьезнаго основанія. Въ годовомъ отчетѣ **) Совѣта, помѣщеннаго, въ 1873 г., въ „Правит. Вѣстникѣ,“ вотъ, между прочимъ, что изложено было о мастерскихъ.

Занятіе несовершеннолѣтнихъ арестантовъ слѣдуетъ сообразовать съ ихъ физическими силами. Совѣтъ, по рекомендаціи Ф. В. Кривцова, вошелъ въ соглашеніе съ переплетнымъ мастеромъ Ламковскимъ, который взялся мѣсяцъ, въ видѣ опыта, учить мальчиковъ ремеслу безвозмездно; потомъ Совѣтъ заключилъ съ нимъ условіе, сущность котораго заключалось въ томъ, что Ламковскій обязался содержать въ Замкѣ своихъ, для обученія, мастеровъ, инструменты, слѣдить за обученіемъ мальчиковъ, доставлять всегда достаточное, для работъ, количество матеріаловъ. Затѣмъ Совѣтъ утвердилъ таксу, по которой Ламковскій платилъ: за фальцовку въ одинъ сгибъ—4 к.

*) Въ 1873 г. Комитетъ, по докладу пишущаго эти строки, сдѣлалъ на Г. Хрыпова начетъ въ 6.284 р. 89 к., потомъ многократно требовалъ отъ него или отчетъ, въ израсходованіи денегъ, или послѣднихъ, но онъ, уволенный, въ 1872 г.; изъ состава Комитета, ни отчета, ни денегъ не доставилъ и до сихъ поръ.

**) Составлялъ отчетъ также пишущій эти строки, потому и счелъ себя въ правѣ включить и его въ настоящую книгу.

Развитіе мастерскихъ зависѣло иногда отъ сущихъ пустяковъ. Такъ, однажды, одинъ изъ Директоровъ, завѣдывавшихъ Замкомъ, баронъ Фиттингофъ, разрѣшилъ арестанту заниматься сапожнымъ ремесломъ, но смотритель запретилъ за то, что арестантъ не спросилъ его разрѣшенія. Объ этомъ возникла переписка, при чемъ Оберъ-Полиціймейстеръ принялъ сторону смотрителя, доказывая, что въ тюрьмѣ „онъ главное во всемъ лицо," знаетъ, что дѣлаетъ и мѣшать ему ни въ чемъ не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что „Директоры должны только во всемъ содѣйствовать смотрителю," тогда какъ законъ установилъ именно на оборотъ, что смотритель главный сотрудникъ Комитета и его Членовъ во всѣхъ отношеніяхъ (6 октября 1862 г.) *).

Точно также Генералъ-Губернаторъ, чтобы узнать, какъ себя ведутъ арестанты,—приказалъ, состоявшимъ при немъ гг. Шабельскому и Давыденко, произвести внезапный осмотръ тюрьмы. Они нашли въ одномъ отдѣленіи бумагу и запретили ее держать, хотя она была не писчая, а картонажная, такъ какъ въ камерахъ дѣлали картоны, съ дозволенія самого же Генералъ-Губернатора. Когда Комитетъ это выяснилъ, ревнители возразили, что и на „картонажной бумагѣ можно писать письма, ябеды". Кончилось тѣмъ, что самую картонажную работу запретили, по ихъ настоянію (27 апрѣля и 13 мая 1865 г.). Тогда Комитетъ обратился къ Генералъ-Губернатору за содѣйствіемъ къ доставленію арестантамъ безопасныхъ работъ. Онъ отозвался, что „если арестанты хорошо и аккуратно работаютъ — легко доставать заказы не только отъ частныхъ промышленниковъ, но и отъ казенныхъ вѣдомствъ, такъ какъ отдавать ихъ въ тюрьмы и сходнѣе по цѣнамъ и вѣрнѣе, вслѣдствіе неисправности вольныхъ рабочихъ". Мысль эту подкрѣпилъ онъ

---

*) Такого рода полемика естественный результатъ того, что въ 1862 году, напр., мастерскія существовали только въ 29 губерніяхъ, а заработокъ ограничивался 8.600 р., да на огородахъ заработали арестанты 5.464 р.

казчикомъ былъ все время коммисіонеръ фабрики Лаферма, Поручикъ Назаровъ, получавшій за это процентъ со стоимости тысячи гильзъ. Такъ какъ трудъ этотъ плохо оплачивался, то Совѣтъ не счелъ возможнымъ отчислять что-либо въ свое распоряженіе изъ заработковъ этихъ арестантовъ.

Наконецъ 4 — 8 чел. благородныхъ арестантовъ, освобожденныхъ закономъ отъ всякаго труда, работали, изъ крученой бумаги, папиросницы и спичечницы, бонбоньерки и т. п. предметы, покупая матеріалы на свой счетъ. Посему Совѣтъ, руководствуясь 206 ст. Уст. о Содерж. подъ Страж., также ничего не отчислялъ въ свое распоряженіе, а старался только сбывать ихъ произведенія, каковыхъ продалъ съ августа по январь на 72 руб.

	Распредѣлено Арестантовъ.		въ пользу: Совѣта.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Въ портняжной, съ августа 1872 г. по январь 1873 г., 158 чел., 467 р. 6 к. . . .	238	54	235	54
Въ Переплетной, съ августа по январь 1872 г., 180 чел., 285 р. 85 к.	142	92½	142	92½
Въ сапожной, съ 10 октября по 1 января 1873 г., 65 чел., 123 р. 46 к.	61	73	61	73
Въ столярной, съ 15 сентября по 1 января 1873 г., 43 чел., 141 р. 36 к.	70	68	70	68

Дѣлавшіе гильзы 30 чел.. съ августа по январь 1873 г. 129 11 к., такъ что всего было заработано 1.218 84

Изъ коихъ роздано арестантамъ. 709 97½;

остальные 508 руб. 88½ к. составили чистый барышъ овѣта; за исключеніемъ же истраченныхъ изъ собственныхъ редствъ Ф. В. Кривцова на матеріалы для работъ 58 р. 48½ к., ыгода оказалась за 4—5 мѣсяцевъ 450 р. 40 к.

Эта очевидная выгода, какъ съ нравственной, такъ и съ атеріальной стороны, сдѣлала на практикѣ то, что люди съ ольшою охотою занимались ремеслами, и тѣ, которые совершали роступки въ мастерскихъ, были, на время, удаляемы изъ нихъ ъ наказаніе, которое считалось ими несравненно тягчайшимъ, нежели высидѣть въ карцерѣ 3—5 сутокъ. Результатомъ этого аспоряженія было то, что мастеровые вели себя безупречно. начала большинство работавшихъ почти ничего изъ своихъ ълей не откладывало на тотъ черный день, когда получать вободу и первое время имъ нечѣмъ будетъ жить, а издерживали тѣ деньги на чай, булки и т. п. Поэтому Совѣтъ вынужденымъ нашелся постановить правиломъ, что они вправѣ расходоать во время заключенія только до половины своихъ заработковъ. Постановленіе это было принято съ неудовольствіемъ, но резъ нѣкоторое время арестанты примирились съ нимъ, сознавъ, то оно создано исключительно въ ихъ собственныхъ интересахъ.

Вслѣдствіе неопредѣленнаго срока содержанія подслѣдственихъ арестантовъ въ Замкѣ, отъ нихъ, конечно, трудно было ребовать вполнѣ отчетливой работы, а еще менѣе можно было ждать, чтобы неумѣвшіе обучались ремесламъ, тѣмъ болѣе, то, на основаніи 159 ст. Уст., подслѣдственные арестанты не огли быть обязательно принуждены къ какимъ-нибудь работамъ омѣ *„хозяйственныхъ для Замка"*.

Въ этомъ, по *денежнымъ* результатамъ далеко, конечно, цвѣтущемъ состояніи, мастерскія просуществовали около двухъ ѣтъ. Наступилъ 1875 годъ. Въ открытый тогда „Домъ предрительнаго заключенія" перевели всѣхъ подслѣдственныхъ, а опустѣвшій больше, чѣмъ на половину, Замокъ, „по распоженію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ стали присылать,

для содержанія," осужденныхъ въ С.-Петербургской, Псковской, Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерніяхъ къ заключенію въ гражданскія исправительныя арестантскія отдѣленія (роты), съ тѣмъ, чтобы люди эти занимались безпрерывными работами, для нихъ, по закону, обязательными (17, 22 и 28 августа 1875 г.). Какъ „распоряженіе," такъ и быстрый наплывъ осужденныхъ были для Комитета явленіемъ, совершенно не ожиданнымъ. Достать для 400—600 арестантовъ однородной „*безпрерывной*" работы—трудъ почти неимовѣрный. Оттого исправительный Совѣтъ, а въ особенности предсѣдательствовавшій въ немъ Директоры: сперва—Ю. Ф. Нейманъ, а потомъ—В. Л. Давыдовъ употребили чрезвычайно много усилій и труда на организацію обширныхъ столярной, слесарной, портняжной и сапожной мастерскихъ, на пріисканіе контрагентовъ и заказчиковъ. Но тѣ и другіе вскорѣ же отказывались отъ выполненія условій: арестанты, привыкшіе, въ провинціальныхъ арестантскихъ ротахъ, къ свободнымъ *внѣшнимъ* работамъ (мѣтенію, напр., улицъ, садовъ) до крайности тяготились стѣснительными внутренними работами, а потому и не повиновались; часто нарочно ломали и портили инструменты, матеріалы и т. п., наивно разсчитывая этими ухищреніями добиться возвращенія ихъ въ провинціальныя роты...

Полное безсиліе Комитета успокоить и примирить арестантовъ съ постигшею ихъ участью, а также стремленіе „опредѣлить взаимныя отношенія Комитета и администраціи Замка" дослужили основаніемъ къ образованію (изъ представителей Градоначальства и Комитета) въ Министерствѣ особой коммиссіи, для достиженія цѣли, закономъ предусмотрѣнной. Коммиссіи этой В. А. Давыдовъ предлагалъ цѣлый проектъ практическихъ мѣропріятій, которые носили, какъ казалось, примирительный и въ тоже время прочный характеръ, но проектъ этотъ признанъ былъ неудобопримѣнимымъ, а (17 сентября 1877 г.) *состоялось* положеніе Комитета Министровъ, собственно по от-

стантовъ въ нравственномъ отношеніи, составляетъ прямое противорѣчіе съ требованіями закона, а уклоненіе арестантовъ отъ безплатной работы для пользы тюрьмы и заключенныхъ, кромѣ отступленія отъ точной силы 55 ст. можетъ приносить явный ущербъ тюремному хозяйству.—Коммиссія полагала предписать смотрителю Замка, чтобы онъ немедленно объявилъ осужденнымъ на заключеніе арестантамъ: а) что всѣ, безъ изъятія, арестанты, содержащіеся въ заключеніи, какъ слѣдственные, такъ и осужденные на заключеніе, безъ различія званія, пола и возраста, должны быть занимаемы работами и отнюдь не оставаться въ праздности, подъ опасеніемъ за уклоненіе отъ сего строгой отвѣтственности по закону; б) что нѣкоторое вознагражденіе арестантовъ должно быть производимо имъ, на основаніи ст. 55, лишь въ томъ случаѣ, если сіи работы и рукодѣлія исполняются ими не для нуждъ тюрьмы и заключенныхъ; работы же для пользъ тюрьмы и заключенныхъ, исполняемыя по назначенію Начальства, должны быть производимы арестантами безплатно, безъ всякаго прекословія, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, также отвѣтственности по закону; в) что, по силѣ 159 ст., осужденные на заключеніе арестанты, отнюдь не могутъ оставаться въ праздности, ибо узаконеніе сіе, не избавляя отъ обязанности пребывать постоянно въ занятіяхъ, предоставляетъ лишь имъ право, по сличенію съ ст. 204 и 55 выбирать родъ занятій, изъ дозволенныхъ въ Смирительныхъ домахъ или разрѣшаемыхъ начальствомъ, сообразно званію, полу и возрасту заключенныхъ. Наконецъ по объявленіи о семъ арестантамъ, смотритель долженъ имѣть строгое наблюденіе, за неоставленіемъ арестантовъ въ праздности, но бо всѣхъ содѣйствующихъ сему обстоятельствахъ, представлялъ бы Комитету, прося, въ нужныхъ случаяхъ, содѣйствія гг. директоровъ, завѣдывающихъ частями Замка".

Комитетъ, раздѣляя выраженное Коммиссіею мнѣніе, относительно пониманія законовъ о занятіяхъ арестантовъ,—утвердилъ это мнѣніе къ исполненію (22 ноября 1867 г.).

Результатъ мнѣнія Коммисіи и распоряженія Комитета вполнѣ совпали и съ видами Правительства: согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, Министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярно предложилъ усилить развитіе работъ въ разработанномъ Коммиссіею смыслѣ (22 декабря 1868 г. № 207). Съ увеличеніемъ числа рабочихъ пріобрѣталось и больше зара-

успѣшностью;„ что „эти неудобства могутъ быть устранены только участіемъ Комитета *своими средствами* въ завѣдываніи мастерскими". Оттого президентъ и не встрѣчалъ препятствій къ принятію этой мѣры, въ видѣ опыта, съ тѣмъ, чтобы отношенія Комитета и Попечительства были установлены взаимнымъ соглашеніемъ Предсѣдателей Комитета и Попечительства. „Взаимное соглашеніе" это заключилось полною передачею Комитету мастерскихъ, съ одобренія самого же Президента (7, 25 и 29 апрѣля и 1 мая 1878 г.).

Такимъ образомъ положеніе Комитета Министровъ, вслѣдствіе его непрактичности, было изъято изъ употребленія, а Исправительному Совѣту опять пришлось принять въ свое вѣдѣніе мастерскія и направить ихъ къ настоящей цѣли. На вопросъ же: достиглась ли цѣль — отвѣтимъ цифрами: за послѣдній годъ управленіе Совѣтомъ мастерскими арестанты заработали 14.876 р. 60 к., тогда какъ за предшествовавшій годъ нахожденія мастерскихъ въ завѣдываніи тюремной администраціи, заработокъ составлялъ лишь 7.137 р. 23 к. Разницу слѣдуетъ отнести къ чести предсѣдательствовавшихъ: въ Комитетѣ—Ѳ. М. Смирнаго, а въ Совѣтѣ — К. Ф. Хартулари и въ особенности завѣдывавшаго мастерскими И. А. Хрущова: лишь ихъ тщательными наблюденіями и разумными распоряженіями удалось удвоить количество заработка. Онъ могъ бы, безъ сомнѣнія, утроиться, а быть можетъ и учетвериться, еслибъ этому не воспрепятствовало Петербургское Военно-Окружное Интендантство.

Какая же, съ недоумѣніемъ спросятъ читатели, связь между тюремными мастерскими и Интендантствомъ? А вотъ какая. Военный Совѣтъ, журналомъ 5 ноября 1876 г., постановилъ: „для скорѣйшаго формированія вещевыхъ запасовъ для войскъ, строить вещи и *посредствомъ арестантовъ гражданскаго вѣдомства*, на условіяхъ, Министромъ внутреннихъ дѣлъ одобренныхъ и военнымъ Совѣтомъ утвержденныхъ". Мастерскимъ *Столичныхъ: Исправительной* тюрьмы и Замка опредѣлено было сшить

[redacted]

66.8456 вещей, т. е. на Замокъ 33.228 вещей по цѣнамъ: за мундиръ—40 к.; шаровары—9 к.; панталоны—10 к.; шапку—15 к.; шинель—35 к.; пару сапоговъ — 45 к.; башлыкъ — 3 к. и т. д. Согласно этому „*постановленію*“ Главное Военно-Интендантское Управленіе, между прочимъ, „предписало Окружному Интендантскому Управленію *тотчасъ же отпустить* мастерскимъ матеріаловъ и припасовъ по указанному наряду, въ такой пропорціи на первый и послѣдующіе разы, въ какой *потребуютъ сами арестантскія мастерскія*“ (23 ноября 1876 г. № 6201). Представители Комитета намѣрены были воспользоваться прекраснымъ постановленіемъ Совѣта, для снабженія мастерскихъ обильною, какъ видите, работою, но ее: сперва — вовсе не давали, потомъ—удѣляли по стольку, что ее не хватало для занятія и пятой доли арестантовъ; наконецъ, нерѣдко до 80 чел. сапожниковъ цѣлыми мѣсяцами сиживали сложивши руки... Правда Ѳ. Н. Смирной многократно обращался за работою *ко всему* Интендантскому Начальству, но увы! безуспѣшно!.. На естественный, въ этомъ случаѣ, вопросъ: отчего же это происходило,—отвѣтимъ выдержкою изъ справедливой передовой статьи газеты „Новости“ (1878 г. № 235). Интендантское начальство, писали статьи—„обратило чиновниковъ, служащихъ въ обмундировальной мастерской въ *частныхъ* исполнителей заказовъ, т. е. каждому изъ нихъ отвело казенное помѣщеніе, дало инструменты, опредѣлило установленныя таксою цѣны за шитье вещей, которыя они должны были поставить къ назначенному сроку. Проще говоря: имъ, *служащимъ*, предоставили эксплоатировать рабочихъ, ибо съ назначенной, за вещи, платы, имъ дозволили дѣлать, по ихъ усмотрѣнію, сбавки рабочимъ... Преслѣдуя личную выгоду, чиновники, разумѣется, не клали охулки на руку, тѣмъ болѣе, что принимали отъ нихъ вещи „свои-же сослуживцы,“ а „свой своему—по неволѣ другъ“. И такъ, чиновники, благодаря лишь своей *службѣ* въ Интендантскомъ Вѣдомствѣ, *наживали деньги*... О томъ, что не слѣдовало допускать подобнаго способа

заготовленія вещей въ ущербъ рабочимъ вообще, а арестантамъ въ особенности,—не подлежитъ, понятно, ни малѣйшему сомнѣнію"... Тѣмъ не менѣе, способъ этотъ господствовалъ и никакіе доводы Ѳ. Н. Смирнаго не могли его устранить, кажется, и до сихъ поръ... Скажемъ больше: тюремнымъ мастерскимъ приходилось работать, отъ бездѣлья, даже по *частнымъ переуступкамъ* работы чиновникамъ, которые не успѣвали выполнить принятыхъ ими, отъ обмундировальной мастерской, заказовъ...

Между тѣмъ выгодность для казны и арестантамъ [illegible] интендантской работы по нынѣ обусловливается вотъ чѣмъ. Установленную въ доходъ казны долю заработка—Комитетъ отдаетъ ей сполна; чтобы арестанты не роптали на дешевизну цѣны за шитье вещей,—Комитетъ уступаетъ имъ половинную часть изъ доли, положенной „на улучшеніе содержанія арестантовъ и на постановку работъ;" наконецъ, Комитетъ же освѣщаетъ мастерскія, платитъ жалованье двумъ смотрителямъ, бухгалтеру, надзирателю и двумъ закройщикамъ мастерскихъ, т. е. передерживаетъ изъ своей кассы до трехъ тысячъ рублей въ годъ, съ единственною нравственною цѣлію — пріучить арестантовъ къ труду, избавить ихъ отъ праздности—матери всѣхъ пороковъ. Съ этою же цѣлію Комитетъ, вслѣдствіе медленности производящихся интендантствомъ пріема вещей и отпуска за ихъ шитье денегъ, разсчитываетъ арестантовъ, пріобрѣтаетъ матеріалы и т. п. изъ своей же кассы, не считая уже весьма сложныхъ, постоянныхъ, но даровыхъ трудовъ, прилагаемыхъ на веденіе мастерскихъ Директорами г. Хрущевымъ и его сотрудниками.

а остальные 508 руб. 88½ к. составили чистый барышъ Совѣта; за исключеніемъ же истраченныхъ изъ собственныхъ средствъ Ф. В. Кривцова на матеріалы для работъ 58 р. 48½ к., выгода оказалась за 4—5 мѣсяцевъ 450 р. 40 к.

Эта очевидная выгода, какъ съ нравственной, такъ и съ матеріальной стороны, сдѣлала на практикѣ то, что люди съ большою охотою занимались ремеслами, и тѣ, которые совершали проступки въ мастерскихъ, были, на время, удаляемы изъ нихъ въ наказаніе, которое считалось ими несравненно тягчайшимъ, нежели высидѣть въ карцерѣ 3—5 сутокъ. Результатомъ этого распоряженія было то, что мастеровые вели себя безупречно. Сначала большинство работавшихъ почти ничего изъ своихъ долей не откладывало на тотъ черный день, когда получать свободу и первое время имъ нечѣмъ будетъ жить, а издерживали всѣ деньги на чай, булки и т. п. Поэтому Совѣтъ вынужденнымъ нашелся постановить правиломъ, что они вправѣ расходовать во время заключенія только до половины своихъ заработковъ. Постановленіе это было принято съ неудовольствіемъ, но чрезъ нѣкоторое время арестанты примирились съ нимъ, сознавъ, что оно создано исключительно въ ихъ собственныхъ интересахъ.

Вслѣдствіе неопредѣленнаго срока содержанія подслѣдственныхъ арестантовъ въ Замкѣ, отъ нихъ, конечно, трудно было требовать вполнѣ отчетливой работы, а еще менѣе можно было ожидать, чтобы неумѣвшіе обучались ремесламъ, тѣмъ болѣе, что, на основаніи 159 ст. Уст., подслѣдственные арестанты не могли быть обязательно принуждены къ какимъ-нибудь работамъ кромѣ *„хозяйственныхъ для Замка“*.

Въ этомъ, по *денежнымъ* результатамъ далеко, конечно, не цвѣтущемъ состояніи, мастерскія просуществовали около двухъ лѣтъ. Наступилъ 1875 годъ. Въ открытый тогда „Домъ предварительнаго заключенія“ перевели всѣхъ подслѣдственныхъ, а въ опустѣвшій больше, чѣмъ на половину, Замокъ, „по распоряженію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ стали присылать

отъ прочихъ, и, смотря по мѣстнымъ удобствамъ,—доставлять имъ предусмотрѣнныя льготы, а гдѣ нѣтъ мѣста — нанять и приспособить, сообразно потребности, дома въ губернскихъ, только, впрочемъ, городахъ, куда присылать изъ уѣздовъ и тѣхъ обвиненныхъ, которые будутъ приговорены на сроки, болѣе мѣсяца". Вытекавшія же изъ „разъясненія" естественныя недоразумѣнія: какъ, въ обыкновенныхъ тюрьмахъ: однимъ—все позволить, а другимъ — все воспретить, устраняя притомъ зависть, ропотъ, точно также, на чей именно счетъ нанимать и приспособливать дома,—эти, повторяемъ, самыя насущныя недоразумѣнія остались безъ отвѣтовъ.

Вслѣдствіе этой неудачной переписки, Президентъ Общества распорядился отправлять, „до возведенія нужнаго новаго зданія осужденныхъ: за важныя преступленія—въ исправительное заведеніе, какъ это уже и исполнялось нѣкоторыми судебными инстанціями, а за малыя вины—въ полицейскія съѣзжія", въ надеждѣ, что въ этихъ мѣстахъ можно будетъ практиковать законъ (25 ноября 1846 г.). Лишь только это распоряженіе огласилось—Генералъ-Губернаторъ возразилъ, что „въ съѣзжихъ и при наличномъ числѣ арестованныхъ весьма тѣсно, почему новую категорію арестантовъ поселить тамъ рѣшительно негдѣ". Но, чтобы доказать и свою заботливость относительно необходимости руководствоваться закономъ, онъ прибавилъ, что „предписалъ Оберъ-Полиціймейстеру немедленно пріискать и нанять удобный домъ" (18 декабря 1846 г.).

Комитетъ вывелъ, изъ бумаги Генералъ-Губернатора, заключеніе, что платить за домъ будутъ казна или городъ, почему рѣшился выждать „немедленнаго найма дома". Миновалъ годъ, другой, наступилъ и третій, а дома все еще не производилось, несмотря и на многократныя напоминанія. Комитетъ, потерявъ надежду дождаться благопріятнаго исхода,—изъ сожалѣнія къ заключеннымъ, самъ нашелъ домъ и предложилъ Генералъ-Губернатору свои услуги и деньги на приспособленіе этого дома,

до на жалованье 16 служителей. Генералъ-Губернаторъ принялъ предложеніе Комитета и назначилъ городского архитектора, для производства приспособленія этого дома. Архитекторъ составилъ смѣту на 6.000 р., но Комитетъ, одобривъ смѣту, самое выполненіе ея поручилъ директорамъ: А. Н. Лентьеву, И. И. Тимофѣеву и П. В. Чебыкину (3 іюня 1850 г.). Съ своей стороны директоры эти устроили тюрьму на 100 мужчинъ и 50 женщинъ, съ раздѣленіемъ на 4 отдѣленія (отдѣльно для благородныхъ и простолюдиновъ мужчинъ и женщинъ), помѣщенія для мастерскихъ, кухонь, цейхгауза и проч., да купили всѣ хозяйственныя принадлежности, затративъ *на все* только 2.963 р. 34 к. За денежную бережливость, хорошую и скорую работу Комитетъ поблагодарилъ названныхъ членовъ и далъ знать кому слѣдовало, что тюрьма готова.

Заключенные перешли въ эту тюрьму 8 сентября 1850 г.; а пробыли въ ней около 8-хъ лѣтъ, покамѣстъ устраивалось пересыльная тюрьма (въ Демидовомъ переулкѣ). По ея открытіи, въ 1858 г., въ нее перевели изъ Замка всѣхъ, *столичными* судами осужденныхъ къ ссылкѣ, ибо они, обыкновенно, по долгу жили въ Замкѣ, до отсылки ихъ въ прежнюю пересыльную тюрьму—предъ *самою* отправкою по назначенію (въ пересыльной помѣщались только *проходящіе*). Затѣмъ, освободившіяся въ Замкѣ, нѣкоторыя камеры поправили, назвали „отдѣленіемъ для заключенныхъ," и туда перемѣстили послѣднихъ, чтобы не платить за нанимавшійся для нихъ домъ и особый полицейскій персоналъ и проч. Передвиженія эти клонились, конечно, къ расширенію и улучшенію тюремныхъ помѣщеній, но увы! на короткій періодъ времени; черезъ годъ—другой въ Замкѣ, полагавшемся на 700, находилось до 1.500 чел. арестованныхъ, почему въ немъ опять образовались тѣснота и неудобства вообще, а по отношенію къ „заключеннымъ" въ томъ, что для сохраненія за ними дарованныхъ имъ льготъ требовались строгое отдѣленіе ихъ отъ другихъ категорій, да усиленный составъ стражи, съ

предупрежденіе побѣговъ въ „вольномъ платьѣ" въ особенности въ праздничные дни, когда имѣли „свиданія" съ родственниками арестованные изъ всѣхъ 12 отдѣленій—по нѣскольку сотъ человѣкъ въ теченіи 4—5 часовъ въ день.

Потребность въ дополнительной еще тюрьмѣ чувствовалась очень сильная, настоятельная. И вотъ, чтобы способствовать скорѣйшей ея постройкѣ, предсѣдательствовавшій въ Комитетѣ, графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ пожертвовалъ Комитету 1.000 р., для выдачи преміи за составленіе проекта и плана образцовой тюрьмы (20 апрѣля 1857 г.). На соисканіе этой преміи приглашались, чрезъ русскія и иностранныя газеты, спеціалисты; но никто проектовъ не доставилъ *). Вопросъ о необходимости для „заключенныхъ" особой тюрьмы вызвалъ было, правда, предположеніе объ обращеніи зданія исправительнаго заведенія въ тюрьму для „срочныхъ осужденныхъ не за позорящія преступленія,"—но и оно осталось безъ послѣдствій (въ 1862 г.).

Тѣмъ не менѣе Комитетъ продолжалъ мечтать объ устройствѣ именно „новѣйшаго образца тюрьмы," на манеръ европейскихъ. Едва огласилось, что "Судебные уставы" Высочайше утверждены, какъ Комитетъ уже сообразилъ, что, „въ виду кореннаго измѣненія характера судопроизводства нельзя обойтись безъ цѣлесообразной тюрьмы," а чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ, тотчасъ же „образовалъ изъ Директоровъ: А. Д. Крылова, Н. С. Шустова, Н. И. Можневскаго и И. А. Храпова, особую коммиссію, для выработки проекта положенія о „домѣ заключенія" (въ 1864 г.). Коммиссія эта и составила проектъ положенія, штата и смѣты вещамъ и другимъ предметамъ для заключенныхъ. Коммиссія проектировала на содержаніе личнаго состава: Директору 3.000 р., 3-мъ смотрителямъ 4.660 р. и т. д., а на весь домъ и его обитателей 46.558 р. 50 к.

Проектъ „положенія", представляется и теперь достойнымъ вни-

---

*) Билетъ въ 1.000 р., до сихъ поръ въ кассѣ Комитета.

66.3456 вещей, т. е. на Замокъ 33.228 вещей по цѣнамъ: за мундиръ—40 к.; шаровары—9 к.; панталоны—10 к.; шапку—15 к.; шинель—35 к.; пару сапоговъ — 45 к.; башлыкъ — 3 к. и т. д. Согласно этому *„постановленію“* Главное Военно-Интендантское Управленіе, между прочимъ, „предписало Окружному Интендантскому Управленію *тотчасъ же отпустить* мастерскимъ матеріаловъ и припасовъ по указанному наряду, въ такой пропорціи на первый и послѣдующіе разы, въ какой *потребуютъ сами арестантскія мастерскія*“ (23 ноября 1876 г. № 6201). Представители Комитета намѣрены были воспользоваться прекраснымъ постановленіемъ Совѣта, для снабженія мастерскихъ обильною, какъ видите, работою, но ее: сперва — вовсе не давали, потомъ—удѣляли по стольку, что ее не хватало для занятія и пятой доли арестантовъ; наконецъ, нерѣдко по 80 чел. сапожниковъ цѣлыми мѣсяцами сиживали сложивши руки... Правда Ѳ. Н. Смирной многократно обращался за работою *ко всему* Интендантскому Начальству, но увы! безуспѣшно!.. На естественный, въ этомъ случаѣ, вопросъ: отчего же это происходило, —отвѣтимъ выдержкою изъ справедливой передовой статьи газеты „Новости“ (1878 г. № 235). Интендантское начальство, писала статья—„обратило чиновниковъ, служащихъ въ обмундировальной мастерской въ *частныхъ* исполнителей заказовъ, т. е. каждому изъ нихъ отвело казенное помѣщеніе, дало инструменты, опредѣлило установленныя таксою цѣны за шитье вещей, которыя они должны были поставить къ назначенному сроку. Проще говоря: имъ, *служащимъ*, предоставили эксплоатировать рабочихъ, ибо съ назначенной, за вещи, платы, имъ дозволили дѣлать, по ихъ усмотрѣнію, сбавки рабочимъ... Преслѣдуя личную выгоду, чиновники, разумѣется, не клали охулки на руку, тѣмъ болѣе, что принимали отъ нихъ вещи „свои-же сослуживцы,“ а „свой своему—по неволѣ другъ“. И такъ, чиновники, благодаря лишь своей *службѣ* въ Интендантскомъ Вѣдомствѣ, *наживали деньги*... О томъ, что не слѣдовало допускать подобнаго способа

пользуются офицеры въ госпиталяхъ". Арестованнымъ предоставлялось: право „курить, нюхать табакъ, имѣть въ комнатахъ бумагу, карандаши, чернила, перья, перочинные ножи, краски, грабштихели" и т. п. Заниматься могли они между прочимъ, „сочиненіемъ, перепиской манускриптовъ, рисованіемъ, черченіемъ, гравированіемъ и чтеніемъ *всѣхъ*, одобренныхъ цензурою книгъ и повременныхъ изданій". Уборка комнатъ относилась проектомъ „къ обязанностямъ прислуги заведенія" и т. д. Проектировался домъ на 70 мужчинъ и 15 женщинъ. Короче говоря, положеніе „Дома предварительнаго заключенія" — очень неудачный сколокъ съ цитированнаго нами проекта, который былъ отвергнутъ, какъ слишкомъ либеральный.

Впослѣдствіи, со введеніемъ въ Петербургѣ въ дѣйствіе судебной реформы, столичныя мѣста заключенія оказались до столько переполненными осужденными скорымъ мировымъ судомъ, что ихъ положительно некуда стало сажать. Тогда администрація позаимствовала у военнаго вѣдомства часть аракчеевскихъ казармъ и направила туда „краткосрочныхъ арестантовъ" (въ 1867 г.), въ предположеніи обойтись, вѣроятно, безъ участія Комитета. Затѣмъ, когда понадобились, на обстановку тюрьмы, матеріальныя средства, Оберъ-Полиціймейстеръ обратился въ Комитетъ за одеждою, обувью, постельными и прочими принадлежностями для арестованныхъ. Комитетъ, узнавъ *впервые* о происшедшемъ, — предварительно какого либо распоряженія, — въ свою очередь просилъ разъясненія Президента: „считается ли часть аракчеевскихъ казармъ отдѣленіемъ тюрьмы, и, если да, то указать полицейскому начальству: откуда брать деньги на содержаніе арестованныхъ?" Президентъ далъ знать Комитету, что онъ „долженъ вступить въ завѣдываніе этою тюрьмою на общемъ, во всѣхъ отношеніяхъ, основаніи". Комитетъ снабдилъ казарму имуществомъ, устроилъ кое какія мастерскія и началъ завѣдывать этою тюрьмою (8 марта, 9 и 23 августа и 13 *октября 1867* г.).

XI.

Мѣропріятія къ правильному содержанію осужденныхъ „къ заключенію", „исправленію", и на „краткіе сроки" въ теченіи последнихъ 30 лѣтъ.

Введеннымъ, въ 1846 г., въ дѣйствіе, Уложеніемъ о наказаніяхъ 1845 г., за нѣкоторыя преступленія, каравшіяся прежде содержаніемъ виновныхъ въ крѣпости, смирительномъ и рабочемъ домахъ, а также тѣлеснымъ наказаніямъ, — *впервые* установлялось „тюремное заключеніе отъ одного дня до шести лѣтъ". Содержать этихъ осужденныхъ предписывалось „отдѣльно отъ прочихъ," при чемъ имъ разрѣшалось „носить собственную одежду, имѣть свои постели, пищу, чаще видѣться съ родственниками и избирать занятія по собственному усмотрѣнію".

Примѣнить къ дѣйствительности этотъ, обнародованный законъ, оказалось, однако, невозможнымъ по неимѣнію свободныхъ помѣщеній, потому и продолжали направлять этихъ людей въ *общія* тюрьмы, гдѣ имъ узаконенныхъ, для нихъ, льготъ не предоставляли. Сперва Петербургскій, а по его почину,— и многіе провинціальные Комитеты возбудили интересовавшій ихъ вопросъ: какимъ образомъ исполнять, на самомъ дѣлѣ, то, что значилось въ законѣ? Министръ внутреннихъ дѣлъ разъяснилъ что „тамъ, гдѣ въ тюрьмахъ просторно—осужденныхъ отдѣлять

ключались въ ночныхъ кельяхъ, просторныхъ мастерскихъ, да въ преподанныхъ для управленія тюрьмы краткихъ правилахъ. По этимъ правиламъ *всѣ* арестованные обязывались работать черныя, сѣрыя и бѣлыя работы, состоявшія: первыя — въ хозяйственныхъ, вторыя — въ стиркѣ бѣлья, щипаньи пеньки, витьѣ канатовъ и веревокъ; а третьи — въ ремесленныхъ занятіяхъ. Черныя работы считались безвозмездными, потомъ полагались работавшимъ: за сѣрыя — 1/3, а за бѣлыя — 1/2 количества заработка, установлявшагося таксою. Учившимся ремесламъ никакого вознагражденія, за время ихъ ученія, не полагалось. Для учета заработка проектировались рабочія книжки; рабочимъ позволялось до 1/2 ихъ заработка издерживать въ бытность ихъ въ тюрьмѣ, а остальною воспользоваться при освобожденіи на волю. Проступки, кромѣ наказанія, влекли за собою еще „уменьшеніе заработка на 1/10 и болѣе, по опредѣленію начальника тюрьмы, обязывавшагося имѣть общій надзоръ по тюрьмѣ и отвѣтствовать за порядкахъ въ ней и за распоряженіе мастерскими. „Производство работъ въ мастерскихъ предполагалось поставить въ такое положеніе, чтобы *онѣ возмѣщали правительственный расходъ на содержаніе арестантовъ и сверхъ того, доставляли бы* въ ихъ пользу 10—12 к. въ день, кромѣ затраты на артельный ихъ чай по 3—4 руб. въ мѣсяцъ на человѣка“.

Мало того: „въ видахъ развитія работъ, М. Н. Галкинъ *) просилъ содѣйствія городскаго Головы „къ образованію изъ благонадежныхъ столичныхъ мастеровъ Общества, Члены котораго принимали бы, по условіямъ, въ аренду тюремныя мастерскія, чтобы этимъ манеромъ знакомиться со степенью умѣнья работать арестантовъ, а потомъ, хорошо аттестованныхъ изъ нихъ, выпущенныхъ на свободу, брали бы къ себѣ на мѣста“. Наконецъ, для заключенія съ контрагентами условій, веденія отчетности пріема

---

*) [illegible] же послѣ того выбылъ изъ столицы въ губернаторы.

заказовъ, опредѣленія ихъ стоимости предусматривался Комитетъ изъ тюремныхъ: смотрителя, священника, доктора, архитектора и директора, вѣдавшаго тюремное хозяйство *).

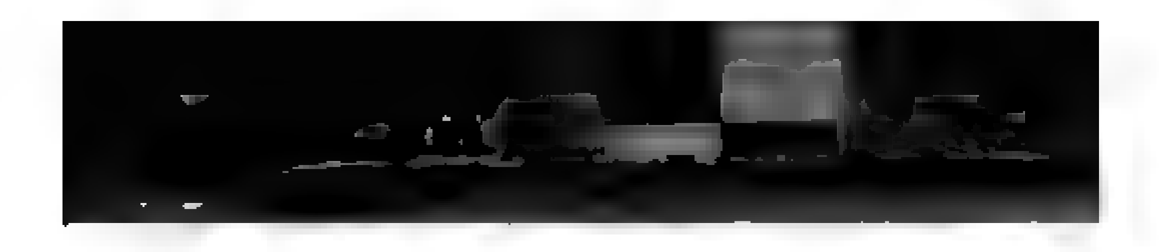
Такимъ образомъ теоретически всѣ отрасли тюрьмовѣдѣнія были солидно регламентированы, очерчены и разграничены. Именно: въ наказаніе за провинности — лишеніе свободы, дисциплина и такой физическій трудъ, который „возмѣщалъ бы казнѣ ея издержки по содержанію осужденныхъ," а имъ: въ защиту отъ произвола — наблюдательный Комитетъ; за благонравіе и прилежаніе къ труду — матеріальное и моральное вознагражденіе: сперва — долю заработка; дозволеніемъ занятія на артельныхъ началахъ, а потомъ, въ будущемъ — безобидное существованіе въ заведеніяхъ ремесленниковъ, — Членовъ Общества патронатства!.. Все это представлялось интереснымъ, заманчивымъ до такой степени, что иныя люди мысленно уже дѣлили обильную, плодотворную жатву съ этой, дотолѣ заброшенной, тощей нивы...

На созданіе въ городѣ тюрьмы было затрачено 85.500 р., а открылась она 13 января 1868 г. Началась практика. Въ теченіи 2—3-хъ мѣсяцевъ, смотритель такъ ловко распоряжался, что арестанты уже сидѣли за плетеньемъ матъ, коробокъ, за пряденьемъ канатовъ, за шитьемъ одежды, обуви, строгали — въ столярной, били молотами — въ кузнечной мастерскихъ и т. д. Тюрьма походила на фабрику разнообразныхъ предметовъ. Но... орлиному полету смотрителя мѣшали: во 1-хъ) писанныя правила, а во 2-хъ) представители устарѣвшаго, забракованнаго учрежденія — тюремнаго Комитета! Они любопытствовали знать: какъ и что именно творитъ онъ; а онъ, напротивъ, стремился къ безусловной, во всемъ независимости, безотчетности и еще къ завѣдыванію *хозяйственною* частію. И вотъ, какъ человѣкъ энергическій, онъ и вступилъ въ борьбу со своимъ противникомъ — Комитетомъ. Съ своей стороны Комитетъ, помня изъ своей

*) На приведенныхъ же, въ общихъ чертахъ, началахъ открыта, въ 1867 г., въ Москвѣ, *Исправительную тюрьму.*

исторіи, притязанія всѣхъ смотрителей на роль хозяевъ, ставя въ оборонительное положеніе. Смотритель требовалъ, какъ можно больше денегъ на развитіе мастерскихъ, а Комитетъ, скупиться выдавъ на этотъ предметъ, въ 2 мѣсяца—2.016 р. 16 к.; онъ хотѣлъ предварительно убѣдиться: на что именно затрачена эта сумма, чтобы разсудить—дѣйствительно ли нужны дополнительныя ассигновки? Дѣло, кажется, ясное, безобидное, потому что „денежки вѣдь любятъ счетъ“. На бѣду Комитета, организаторскій талантъ смотрителя не переваривалъ именно этой послѣдовательности. Онъ жаловался на скудость Комитета и умудрился такъ односторонне скомпилировать свою жалобу, что Комитетъ получилъ отъ Президента замѣчаніе, смиренно ее выслушалъ, но продолжалъ слѣдовать по прежнему направленію. Это еще сильнѣе возстановляло противъ него смотрителя и энергія его направлялась на притѣсненія и обиды эконома и писца по хозяйственной части. Покойный Богущевичъ оказался безсильнымъ охладить порывы смотрителя и потому заявилъ о нихъ Комитету. Комитетъ деликатно напомнилъ смотрителю, что „хозяйственная часть, а равно экономъ и писецъ его не касаются, а подчинены Богущевичу, къ которому онъ, во всѣхъ нужныхъ случаяхъ, и долженъ обращаться“. Это внушеніе навѣяло на смотрителя сатирическое вдохновеніе. Въ „рапортѣ“ въ Комитетъ онъ написалъ: „продовольствіе арестантовъ находится въ лихорадочномъ состояніи, симптомы которыхъ обнаруживаются настроеніемъ эконома; онъ, на какой-то табели, то прибавляетъ, то убавляетъ продукты. Это ставитъ меня въ фальшивое положеніе къ арестантамъ“. Комитетъ снабдилъ смотрителя экземпляромъ утвержденной табели количества продуктовъ, опредѣленныхъ для ежедневной варки на каждаго арестованнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ ему замѣчаніе о „неумѣстности тона и выраженій въ рапортѣ“.

Съ этого момента декорація быстро начала замѣняться самыми прозаическими, обыденными, въ дѣлахъ Комитета, жалобами на смотрителя, величавый обликъ котораго обрисовывал.

своимъ. Соображая положеніе этого вопроса съ существующимъ для свѣдѣній арестантовъ порядкомъ, въ виду того, что свиданіе разрѣшается или запрещается не только судебными мѣстами и лицами, но и полицейскими мѣстами и лицами, къ тому же иногда и въ противорѣчіе одни другимъ,—Комитетъ счелъ своимъ долгомъ обратиться къ Военному Генералъ-Губернатору съ просьбою: во *первыхъ*—не найдетъ-ли онъ полезнымъ войти въ ближайшее обсужденіе какія именно мѣста и лица, за исключеніемъ судебныхъ слѣдователей и судебныхъ мѣстъ, имѣютъ право дозволять или запрещать арестантамъ имѣть свиданія на *законномъ* основаніи; во *вторыхъ*—съ ходатайствомъ о томъ, чтобы вмѣнено было въ обязанность слѣдственнымъ приставамъ, судебнымъ мѣстамъ и лицамъ, за коими это право будетъ признано, при заарестованіи лицъ съ точностію означать—подлежитъ ли заарестованный содержанію секретному и дозволяется ли ему свиданіе съ родственниками, и при томъ, такъ какъ обстоятельства дѣла могутъ быть, положеніемъ самого слѣдствія измѣняемы, то приказать вышеозначеннымъ мѣстамъ и лицамъ сообщать вышесказанныя свѣдѣнія при послѣдовавшихъ въ слѣдствіи измѣненіяхъ, и наконецъ, при самомъ окончаніи слѣдствія, представляя дѣла къ судебному разсмотрѣнію, добавлять таковыми же свѣдѣніями о содержаніи арестанта и наконецъ, въ *третьихъ*, въ отвращеніе трудности надзора за разговорами арестантовъ съ посѣтителями и во избѣжаніе большого стеченія посѣтителей, въ замѣнъ существующаго допуска посѣтителей одинъ только разъ въ недѣлю на одинъ часъ,—опредѣлить для свиданія *нѣсколько дней* въ недѣлю съ болѣе продолжительнымъ срокомъ, назначивъ каждый изъ опредѣленныхъ дней не для всѣхъ содержащихся вообще, но собственно для арестантовъ такихъ-то отдѣленій, по усмотрѣнію тюремнаго начальства".

„*Объ одеждѣ.* Содержащійся въ Замкѣ мѣховщикъ Лютовскій, просилъ дозволить ему носить теплое его платье, говоря, что въ казенномъ платьѣ *ему холодно.* Просьба его, какъ противо-

Объ открывшихся неурядицахъ было отмѣчено въ «С.-Петерб. Вѣдом». Тогда смотритель просилъ Комитетъ защитить его отъ газетной клеветы, но Комитетъ, подтвердивъ печатно объ организаціи коммиссіи, прибавилъ при томъ, что „всякое сужденіе о безпорядкахъ до ихъ разбора коммисіею—преждевременно и по-*сему* бездоказанно" (18 февраля, 6, 23 и 24 марта, 10 и 24 апрѣля, 8 мая, 25 сентября и 18 ноября 1868 г.). Коммисія, приступивъ къ ревизіи, попала въ такія дебри, что съ большимъ трудомъ изъ нихъ выбралась. За то она нашла, между прочимъ, что „матеріальная книга была ничто иное, какъ выписка изъ денежной книги; матеріалы одновременно полностію записывались въ приходъ и въ расходъ; въ мастерскихъ никакихъ книгъ не велось; изъ денегъ, поступившихъ за работы 1.275 р. 91¾ к. вовсе не записаны на приходъ, а 910 р. 12 к. выписаны въ расходъ вдвойнѣ; отпущенные на устройство водопроводовъ 1.000 р. ни въ приходѣ, ни въ расходѣ по книгамъ нигдѣ не значились. Не попавшихъ въ отчетность денегъ, коммисія насчитала 4.486 р. 62 к. за 6 мѣсяцевъ, да открыла массу существенныхъ закононарушеній и упущеній криминальнаго свойства. Спрошенный о случившемся смотритель, полковникъ Михневъ *), оправдывался во всемъ единственно „недосугомъ, незнаніемъ правилъ веденія отчетности, да тѣмъ, что въ конторѣ тюрьмы было мало писарей". Коммисія представила Комитету результатъ ревизіи на 309 листахъ!..

Дѣло это, преизобиловавшее самыми вѣскими данными въ пользу мнѣнія графа С. Г. Строгонова, объ удаленіи смотрителей отъ мастерскихъ (см. 211 стр.)—сильно смутило и повергло Комитетъ въ всякія грустныя размышленія на тему, какъ „ни что не ново подъ

*) Мы назвали фамилію смотрителя и ограничились только маленькою перепечаткою изъ двухъ статей, помѣщенныхъ въ газетѣ „Петерб. Листокъ" (отъ 24 и 27 ноября 1873 г. № 231 и 233). Въ статьяхъ этихъ разнообразныя дѣянія г. Михнева были очерчены самыми густо-темными красками. Тѣмъ не менѣе *онъ, будучи тогда* еще смотрителемъ, ни печатно не возражалъ, ни жалобы на *оклеветаніе его не приносилъ*.

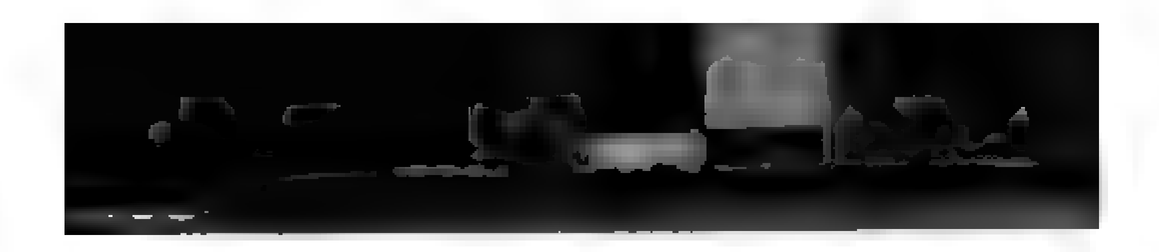
сти свободы впредь до рѣшенія, по требованію суда, для успѣшнѣйшаго хода дѣлъ, по этимъ соображеніямъ, они не должны быть лишены права на безвредныя занятія, къ коимъ они имѣли наклонность и получили привычку. Мысль о введеніи въ тюрьмахъ обязательныхъ работъ, постоянно занимаетъ Правительство и въ виду ожидаемой отъ этихъ работъ нравственной пользы, Правительство не опасается, подъ условіемъ строгаго надзора, давать арестантамъ въ руки болѣе или менѣе опасные инструменты; но не всѣ арестанты по своимъ прежнимъ занятіямъ, и воспитанію, могутъ воспользоваться механическими работами: для многихъ умственныя занятія представляютъ единственное средство развлеченія и возможность удаляться отъ пустословныхъ разговоровъ, неизбѣжныхъ при постоянно обязательномъ сообществѣ десятковъ по необходимости, праздныхъ людей".

„*О переписке*. Арестантамъ, имѣющимъ надобность, по производящимся о нихъ дѣламъ, подавать прошенія, объясненія и проч. бумаги въ судебныя мѣста, дозволяется писать ихъ лишь въ тюремной канцеляріи, подъ надзоромъ тюремнаго начальства. Это запрещеніе имѣетъ цѣлію препятствовать всякой перепискѣ заключенныхъ съ лицами, внѣ Замка находящимися. На дѣлѣ же эта цѣль не достигается: письма, записки, всякія, вообще, свѣдѣнія и даже посылки отъ арестантовъ и къ нимъ довольно свободно проходятъ черезъ тройныя ворота Замка. При теперешнемъ положеніи тюремнаго персонала, иначе и быть не можетъ: тюремное начальство за жалованье, болѣе чѣмъ ограниченное, затрудняется въ пріисканіи надлежащихъ служителей и большая часть приставниковъ, не дорожа мѣстомъ, за предлагаемую имъ арестантами плату, способствуютъ имъ въ пріобрѣтеніи бумаги, чернилъ и перьевъ, потворствуютъ имъ въ исполненіи ихъ намѣреній, нарушающихъ правила. Выборъ приставниковъ и назначеніе имъ жалованья лежитъ на отвѣтственности полицейскаго начальства столицы, а потому, если Комитетъ объ этомъ упоминаетъ, то только съ цѣлію убѣдить, что запрещеніе арестантамъ писать но

ламъ большаго простора въ ихъ дѣятельности, на основаніи заграничныхъ опытовъ. Поэтому, проектъ остался безъ приложенія.

Съ другой стороны Комитетъ, для правильнаго теченія жизни въ тюрьмѣ, поручилъ ее по частямъ Директорамъ: хозяйственную — Д. П. Лактаеву; школьную и нравственную — М. И. Горчакову (Профессоръ, Священникъ), а наблюденіе за мастерскими и собираніе статистическихъ свѣдѣній — Я. И. Утину, въ надеждѣ, что, при облагодѣтельствованномъ смотрителѣ, они введутъ въ тюрьмѣ, стройный, во всѣхъ отношеніяхъ, порядокъ. И дѣйствительно, около года, покамѣстъ „дѣло“ испарялось изъ памяти, — царствовалъ міръ. За этотъ міръ дали смотрителю „въ награду отлично-усердной службы“ 1.000 р. изъ суммъ Комитета (23 іюня 1870 г.) Съ этихъ же поръ, снова возгорѣлась война... То М. И. Горчаковъ заявлялъ Комитету, что смотритель не пускаетъ арестованныхъ учиться грамотѣ, потому что она, по его мнѣнію, вредна простолюдинамъ: научившись писать, — они будутъ дѣлать фальшивые паспорты, цедлони; то Я. И. Утинъ объяснялъ Комитету, что мастерскими управляетъ вахтеръ, а именующіеся контрагентами — лица фиктивныя, точно также онъ жаловался на вторженія смотрителя опять въ хозяйственныя распоряженія и т. д. Названные Директоры тоже отказались отъ своихъ обязанностей, по примѣру Богушевича, во избѣжаніе столкновеній со смотрителемъ. Ихъ замѣнили другіе, но и они тоже встрѣтили въ немъ антагониста, вступали, и безуспѣшно, въ препирательства съ нимъ, потомъ бросали свои занятія и сходили со сцены разочарованными...

Одному смотрителю счастье не измѣняло: — по докладу управлявшаго Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, 14 августа 1871 г., послѣдовало сепаратное распоряженіе о томъ, чтобы эту тюрьму переименовать въ исправительную тюрьму для приговариваемыхъ: а) въ смирительные и рабочіе дома; б) къ заключенію; в) для лицъ *зазорнаго* поведенія (высылавшихся въ исправительное заведеніе), *кромѣ* женщинъ и несовершеннолѣтнихъ, до 17-лѣтняго возраста,

оставленныхъ въ заведенiи, впредь до новаго распоряженiя, съ переводомъ и всѣхъ наличныхъ арестантовъ заведенiя въ эту же тюрьму. При этой исправительной тюрьмѣ предписывалось образовать особое попечительство: *изъ вице-директора* департамента полицiи исполнительной и нѣкоторыхъ директоровъ тюремнаго Комитета (по указанiю Президента). Попечительству этому представлялось: а) организовать работы въ тюрьмѣ; б) изыскать средства къ устройству надлежащаго, за арестантами, надзора по выпускѣ ихъ изъ тюрьмы; в) для доставленiя средствъ попечительству предоставлено воспользоваться частью капитала, какая въ комитетѣ образовалась и впредь образовываться будетъ изъ остатковъ отъ заработываемыхъ арестантами, въ срочной тюрьмѣ содержащимися, суммъ, съ тѣмъ, чтобы деньги эти употреблялись по общепредписаннымъ, на сей предметъ, для тюремныхъ комитетовъ, правиламъ. Всю же хозяйственную часть по ремонту, содержанiю и продовольствiю тюрьмы—оставили, по прежнему, въ вѣдѣнiи Комитета. Наконецъ, — попечительство имѣло получить особую инструкцiю.

По утвержденной, 23 того же августа, управлявшимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ инструкцiи, попечительству предоставлялось приглашать, для образованiя артелей, хозяевъ ремесленныхъ заведенiй, войдя съ ними въ соглашенiе о размѣрѣ заработной платы—поштучно за каждую вещь, или поденно за каждаго поставленнаго, въ артель, рабочаго; при каждой артели полагался, отъ заказчика мастеръ для обученiя арестантовъ ремеслу, а отъ тюремнаго начальства надзиратель, для наблюденiя за поведенiемъ арестантовъ; причитавшiяся за работу арестантовъ деньги, установлялось получать попечительству и распредѣлять на основанiи закона и инструкцiи. Исправленiе арестантовъ поручалось попечительству прiученiемъ ихъ къ труду, какимъ либо спецiальностямъ, а также умственнымъ и религiозно-нравственнымъ ихъ развитiемъ, съ тѣмъ, чтобы для заключенныхъ на большiе сроки устроило школу, въ которой аре-

бѣгми; что, при поступленіи людей подъ арестъ, трудно судить о степени ихъ виновности; наконецъ, что тѣ, которымъ отможутъ въ правѣ носить свое платье—будутъ роптать". Комитетъ не отступился, а снова сталъ убѣждать, въ справедливости своихъ доводовъ, Генералъ-Губернатора. И что же? Генералъ-Губернаторъ вскорѣ же извѣстилъ Комитетъ, что „по соглашеніи съ Министромъ внутреннихъ дѣлъ, дозволяется носить собственное платье благороднымъ, купцамъ и иностранцамъ, содержащимся первый разъ за легкія преступленія, хорошо себя ведущимъ, а также предназначеннымъ къ выбытію изъ тюрьмъ" (20 мая, 18 и 20 іюня, 29 августа и 22 декабря 1860 г.), т. е. обязательное ношеніе казеннаго платья сохранилось только за подслѣдственными простолюдинами. Комитетъ на этомъ примирился, а арестованные перечисленныхъ категорій переодѣлись въ свое платье и носили его безпрепятственно больше 3 лѣтъ сряду, до побѣга изъ замка двухъ арестантовъ. Администрація, чтобы ослабить свое упущеніе, приписала побѣгъ исключительно собственному платью, которое Генералъ-Губернаторъ и воспретилъ носить кому бы то ни было (24 марта 1864 г.). Попытки возстановить силу „разрѣшенія Министра внутреннихъ дѣлъ", *формальнымъ* порядкомъ дѣлались Комитетомъ, правда, впослѣдствіи многократно, но безуспѣшно: призраки бѣглецовъ служили основаніемъ къ отказамъ; *частнымъ* же образомъ разрѣшеніе не рѣдко практиковалось, но въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда смотрители этого хотѣли...

При внимательномъ разсортированіи содержавшихся въ Замкѣ, пятая часть ихъ оказалась за потерю, просрочку и неимѣніе паспортовъ, или по подозрѣнію въ проживаніи по фальшивымъ паспортамъ. Комитетъ, обсудивъ это грустное явленіе, уполномочилъ своего Предсѣдателя, А. А. Волоцкаго, представить объ этомъ вниманію Президента и ходатайствовать для облегченія участи лицъ первыхъ двухъ категорій и устраненія чрезмѣрнаго накопленія, этихъ же арестантовъ, по всей Россіи, что бы всѣмъ

тѣмъ, у кого виды просрочены, или утеряны и, которые, по этому случаю, подверглись заключенію, — выдавать отъ мѣстнаго Начальства временныя свидѣтельства на свободное проживаніе на время, соотвѣтствующее поверстному сроку въ оба пути, до тѣхъ мѣстъ, гдѣ имъ должны быть получены для нихъ новые паспорты, а если отзывы съ мѣстъ ихъ родины дадутъ поводъ сомнѣваться въ справедливости показаній обвиняемыхъ, тогда, такихъ лицъ отправлять на мѣсто родины или въ Сибирь безъ суда, смотря по тому, подтвердится или нѣтъ показаніе о ихъ родопроисхожденіи. Этою мѣрою Комитетъ расчитывалъ уменьшить массу арестантовъ и значительный государственный расходъ на ихъ содержаніе.

Председатель, какъ Министръ внутреннихъ дѣлъ, сообщилъ Генералъ-Губернатору, что Коммиссіею о пересмотрѣ устава о паспортахъ, предполагается опредѣлить подробныя правила о значеніи и существѣ видовъ, опредѣляющихъ званіе каждаго, но эта мѣра законодательнымъ порядкомъ еще не утверждена, и не скоро можетъ быть приведена въ исполненіе; что число содержащихся за просрочку, или потерю паспортовъ, судя по одной столицѣ, доходитъ до 180 челов. (1/5 часть 909 арестантовъ), то и представляется необходимымъ устранить излишній расходъ казны на содержаніе подобныхъ лицъ, а также и облегчить участь особенно тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли только *неосторожность* потерять видъ на жительство. Затѣмъ, сообразивъ представленіе Комитета съ дѣйствующими о паспортахъ постановленіями, Министръ нашелъ, что въ 582 ст. указано, кого слѣдуетъ считать бродягами, бѣглыми или жительствующими съ просроченными видами. Такъ, бродягами признаются всѣ тѣ, которые жительствуютъ не только безъ вѣдома полицейскихъ начальствъ и безъ установленныхъ видовъ, но и безъ всякихъ средствъ — доказать настоящее свое званіе или состояніе, или же упорно отъ этого отказывающіеся; а за это они подлежатъ отдачѣ въ арестантскія роты отъ 4-хъ до 6 лѣтъ; въ случаѣ же негодности къ работамъ, — ссылкѣ на водвореніе. Бѣглыми счи-

таются тѣ, которые отлучились безъ надлежащаго дозволенія далѣе срока и мѣста, какія опредѣлены для временныхъ отлучекъ, въ данныхъ имъ видахъ. Виновные въ этомъ присуждаются лишь къ денежному штрафу, легкому тѣлесному наказанію и общественнымъ крестьянскимъ работамъ, смотря по состоянію и званію. Къ послѣдней категоріи принадлежатъ всѣ просрочившіе и утратившіе паспорты и проживавшіе безъ видовъ, а примѣняя къ нимъ послѣднія узаконенія,—ихъ слѣдовало бы не подвергать тюремному заключенію, а, по удостовѣренію въ настоящемъ ихъ званія,—выдавать имъ, изъ Управы Благочинія, отсрочки или отсылать ихъ на родину, сообразно выяснившимся доказательствамъ.

Въ этихъ видахъ, Министръ просилъ Генералъ-Губернатора распорядиться провѣрить арестантовъ въ Замкѣ по ихъ билетамъ и дѣламъ и раздѣлить задержанныхъ здѣсь за просрочку видовъ или утрату ихъ, на двѣ категоріи, съ отнесеніемъ къ первой тѣхъ,—о которыхъ есть доказательства, свидѣтельствующія о ихъ званіи или мѣстѣ ихъ жительства, какъ наприм.: прописка паспортовъ въ кварталахъ и адресныхъ экспедиціи и столѣ, или поручителство извѣстныхъ полиціи домохозяевъ, или лицъ, заслуживающихъ довѣрія, а ко второй—всѣхъ тѣхъ, которые не могутъ доказать своего званія и не представятъ порукъ; затѣмъ, первымъ—выдать отсрочки или свидѣтельства на жительство до окончанія возникшихъ о нихъ дѣлъ, или выслать ихъ на родину, а относительно послѣднихъ—наблюсти за скорѣйшимъ окончаніемъ производящихся о нихъ дѣлъ. (15 іюня и 24 сентября 1865 г.).

Все это было исполнено чиновниками особыхъ порученій Генералъ-Губернатора совмѣстно съ членами Комитета. Такъ, что, къ началу 1866 г., получили свободу болѣе 100 человѣкъ. Далѣе, чтобы такіе же люди опять не содержались по долгу, подъ стражею, по соглашенію Генералъ-Губернатора съ Комитетомъ, Прокуроръ и одинъ изъ Директоровъ, ежемѣсячно провѣряли паспорты и дѣла арестованныхъ, при чемъ многихъ изъ

щихъ, отпускали на волю съ отсрочками. Занимался этимъ дѣломъ, отъ Комитета сынъ устроителя часовни, Директоръ же, А. В. Никитинъ, (27 апрѣля и 30 мая 1866 г.).

Въ томъ же году введена была, какъ извѣстно, судебная реформа. Отъ новыхъ судебныхъ дѣятелей, Комитетъ ожидалъ дѣятельнаго содѣйствія, сочувствія къ несчастію ближнихъ, но встрѣтилъ совершенно противоположное направленіе. Дѣло въ томъ, что, по 57 ст. Уст. о содерж. подъ страж., Комитетамъ вмѣнено, издавна, въ обязанность: „употреблять ходатайства и настоянія, посредствомъ сношеній или лично, чрезъ Директоровъ, о скорѣйшемъ окончаніи дѣлъ о тѣхъ арестантахъ, кои долго содержатся въ заключеніи и стараться объ освобожденіи тѣхъ изъ нихъ, кои не подлежатъ заключенію". При прежнемъ порядкѣ судопроизводства, Директоры не имѣли никакихъ затрудненій въ Присутственныхъ мѣстахъ и у должностныхъ лицъ въ исполненіи возложенной на нихъ обязанности; по введеніи же въ дѣйствіе Судебныхъ уставовъ одни Судьи и Слѣдователи, при обращеніи къ нимъ Директоровъ за справками по арестантскимъ дѣламъ,—вовсе отказывали имъ въ удовлетвореніи ихъ просьбъ, говоря, что они не повѣренные арестантовъ; а другіе, хотя и сообщали свѣдѣнія, но выражали, что они это дѣлаютъ изъ любезности, такъ какъ не считаютъ себя къ тому обязанными. Препятствія эти лишали Директоровъ возможности достигать одной изъ главныхъ цѣлей ихъ назначенія—заботиться о средствахъ къ облегченію участи заключенныхъ, въ явное нарушеніе закона. Почти годъ, Директоры тщетно вели пререканія съ представителями правосудія. Наконецъ, Комитетъ пожаловался Президенту, а онъ—Министру юстиціи. Послѣдній циркулярно предписалъ всему судебному вѣдомству исполнять законъ, т. е., непремѣнно снабжать Членовъ Комитета всякими справками по арестантскимъ дѣламъ (17 января, 8 и 14 іюня 1867 г.). Добившись возстановленія силы закона, Комитетъ изложилъ пререканіе въ выпискѣ изъ журнала, напечаталъ ее и снабдилъ ею всѣхъ Директоровъ, ко-

Объ открывшихся неурядицахъ было отмѣчено въ «С.-Петерб. Вѣдом». Тогда смотритель просилъ Комитетъ защитить его отъ газетной клеветы, но Комитетъ, подтвердивъ печатно объ организаціи коммиссіи, прибавилъ при томъ, что „всякое сужденіе о безпорядкахъ до ихъ разбора коммисіею—преждевременно и по *сему* бездоказанно" (18 февраля, 6, 23 и 24 марта, 10 и 24 апрѣля, 8 мая, 25 сентября и 13 ноября 1868 г.). Коммисія, приступивъ къ ревизіи, попала въ такія дебри, что съ большимъ трудомъ изъ нихъ выбралась. За то она нашла, между прочимъ, что „матеріальная книга была ничто иное, какъ выписка изъ денежной книги; матеріалы одновременно полностію записывались въ приходъ и въ расходъ; въ мастерскихъ никакихъ книгъ не велось; изъ денегъ, поступившихъ за работы 1.275 р. 91¾ к. вовсе не записаны на приходъ, а 910 р. 12 к. выписаны въ расходъ вдвойнѣ; отпущенные на устройство водопроводовъ 1.000 р. ни въ приходѣ, ни въ расходѣ по книгамъ нигдѣ не значились. Не попавшихъ въ отчетность денегъ, коммисія насчитала 4.486 р. 62 к. за 6 мѣсяцевъ, да открыла массу существенныхъ закононарушеній и упущеній криминальнаго свойства. Спрошенный о случившемся смотритель, полковникъ Михневъ *), оправдывался во всемъ единственно „недосугомъ, незнаніемъ правилъ веденія отчетности, да тѣмъ, что въ конторѣ тюрьмы было мало писарей". Коммисія представила Комитету результатъ ревизіи на 309 листахъ!..

Дѣло это, преизобиловавшее самыми вѣскими данными въ пользу мнѣнія графа С. Г. Строгонова, объ удаленіи смотрителей отъ мастерскихъ (см. 211 стр.)—сильно смутило и повергло Комитетъ въ самыя грустныя размышленія на тему, какъ „ни что не ново подъ

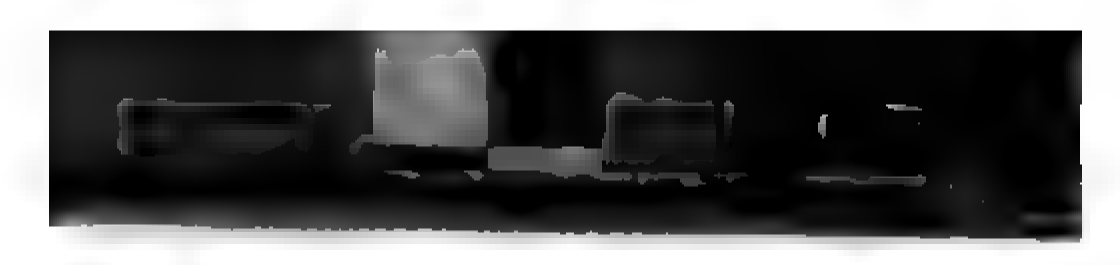
*) Мы назвали фамилію смотрителя и ограничились только маленькою перепечаткою изъ двухъ статей, помѣщенныхъ въ газетѣ „Петерб. Листокъ" (отъ 24 и 27 ноября 1873 г. № 231 и 233). Въ статьяхъ этихъ разнообразныя дѣянія г. Михнева были очерчены самыми густо-темными красками. Тѣмъ не менѣе *онъ*, будучи тогда еще смотрителемъ, ни печат[illegible]валъ, ни жалобы на *оклеветаніе* его не приносилъ.

обратился съ нею къ Генералъ-Губернатору (24 іюля 1866 г.), который отвергъ эту, по существу, прекрасную идею.

Не менѣе интересно слѣдующее заявленіе А. Н. Муравьева. Онъ видѣлъ содержавшихся за кражи: одного за —фартукъ, стоющій 15 к.; а другаго лоханку въ 10 к.—по 1 1/2 мѣсяца каждаго; третьяго—3 платка, оцѣненные въ 23 к.—3 мѣсяца, а четвертаго—2 ведеръ капусты въ рубль—4 мѣсяца. Эта степень наказанія, по мнѣнію Муравьева, весьма не уравнительна со стоимостью похищеннаго. Если принять во вниманіе, разсуждаетъ Муравьевъ, что прокормленіе арестанта обходится въ сутки 9 к., а въ мѣсяцъ—2 р. 70 к., то одно лишь продовольствіе похитившаго капусты на рубль, стоитъ казнѣ въ 4 мѣсяца,—10 р. 80 к., а прибавивъ къ этой цифрѣ обмундированіе, помѣщеніе, содержаніе зданія, стражи и проч. получится огромный лишній казенный и комитетскій расходъ. Кромѣ того, въ этихъ наказаніяхъ Муравьевъ видѣлъ величайшій вредъ народной нравственности: люди отрываются отъ семьи, производительнаго труда и утрачиваются единственно по чрезмѣрной суровости закона. Комитетъ безусловно согласился съ Муравьевымъ и представилъ объ этой аномаліи вниманію Президента (29 ноября 1866 г.). Отвѣта мы никакого не нашли, но судя по дѣйствующимъ Уложенію и Уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями, аномаліи эта и до сихъ поръ еще, чуть ли не ежедневно, практикуется по всей Россіи.

Огромное большинство арестантовъ изстари было неграмотные, но семейные, и имъ доставляло отраду—вести съ семействами переписку и различныя дѣла. Комитетъ многократно нанималъ, для писанія арестантамъ просьбъ и писемъ, особыхъ писарей и отпускалъ на это деньги смотрителямъ, но проку все не выходило: то—смотрителя брали себѣ деньги; то—писаря лѣнились много писать; то—арестанты жаловались, что писаря написали противоположное тому, чего они желали; то—вымогали отъ нихъ денегъ, то—*входили съ ними въ* стачки, а все это порождало

самыя разнообразныя неудобства, неурядицы, временно исчезавшія и возобновлявшіяся.

Въ одинъ изъ періодовъ разстройства этой части арестантскаго быта, Генералъ-Губернаторъ предложилъ, въ бумагѣ Комитету, что „арестантамъ грамотнымъ возбраняется писать какія бы то ни было бумаги, до ихъ личности не относящіяся, почему они не вправѣ писать для неграмотныхъ; неграмотнымъ же нельзя подавать бумагъ, писанныхъ посторонними лицами, такъ какъ ихъ въ тюрьмахъ нѣтъ. Неграмотные и лишены возможности приносить жалобы, просьбы по ихъ личнымъ дѣламъ" (29 декабря 1861 г.). Онъ и спрашивалъ мнѣнія Комитета, какъ помочь неграмотнымъ? Комитетъ отозвался, что „необходимо дозволить писать: грамотнымъ — для неграмотныхъ, ибо арестованные между собою ведутъ себя честно, но съ условіемъ, чтобы 1) пишущіе подписывали на прошеніяхъ свои званія, имена и фамиліи; 2) подающіе неграмотные, — ставили бы, на прошеніяхъ, три креста, и 3) дѣйствительность выраженныхъ въ прошеніяхъ желаній неграмотныхъ удостовѣряли бы подписью, Прокуроръ, или одинъ изъ Директоровъ, или же Смотритель Тюрьмы. Это мнѣніе, принятое Генералъ-Губернаторомъ, — утверждено было, потомъ, Министромъ внутреннихъ дѣлъ (31 января и 13 марта 1862 г.).

Способъ веденія арестантской переписки указаннымъ путемъ практиковался здѣсь около 10 лѣтъ. Затѣмъ, арестанты начали жаловаться на его неудовлетворительность. Комитетъ, по заявленію пишущаго эти строки, поручилъ ему и еще двумъ Директорамъ составлять, для арестантовъ, прошенія, а также редижировать составленныя ими самими, да писцамъ Конторы Смотрителя Замка — за переписку прошеній, сколько бы ихъ ни набралось, — опредѣлилъ по 10 р. въ мѣсяцъ (въ 1872 г.). Точно также ассигновалъ Комитетъ деньги, по нашему предложенію, на почтовую бумагу, конверты и марки для писемъ неимущихъ арестованныхъ къ ихъ роднымъ (въ 1874 г.). *Писали и посылали* на счетъ Комитета, массу писемъ — года три

оставленныхъ въ заведеніи, впредь до новаго распоряженія, съ переводомъ и всѣхъ наличныхъ арестантовъ заведенія въ эту же тюрьму. При этой исправительной тюрьмѣ предписывалось образовать особое попечительство: *изъ вице-директора* департамента полиціи исполнительной и нѣкоторыхъ директоровъ тюремнаго Комитета (по указанію Президента). Попечительству этому представлялось: а) организовать работы въ тюрьмѣ; б) изыскать средства къ устройству надлежащаго, за арестантами, надзора по выпускѣ ихъ изъ тюрьмы; в) для доставленія средствъ попечительству предоставлено воспользоваться частью капитала, какая въ комитетѣ образовалась и впредь образовываться будетъ изъ остатковъ отъ заработываемыхъ арестантами, въ срочной тюрьмѣ содержащимися, суммъ, съ тѣмъ, чтобы деньги эти употреблялись по общепредписаннымъ, на сей предметъ, для тюремныхъ комитетовъ, правиламъ. Всю же хозяйственную часть по ремонту, содержанію и продовольствію тюрьмы—оставили, по прежнему, въ вѣдѣніи Комитета. Наконецъ, — попечительство имѣло получить особую инструкцію.

По утвержденной, 23 того же августа, управлявшимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ инструкціи, попечительству предоставлялось приглашать, для образованія артелей, хозяевъ ремесленныхъ заведеній, войдя съ ними въ соглашеніе о размѣрѣ заработной платы—поштучно за каждую вещь, или поденно за каждаго поставленнаго, въ артель, рабочаго; при каждой артели полагался, отъ заказчика мастеръ для обученія арестантовъ ремеслу, а отъ тюремнаго начальства надзиратель, для наблюденія за поведеніемъ арестантовъ; причитавшіяся за работу арестантовъ деньги, установлялось получать попечительству и распредѣлять на основаніи закона и инструкціи. Исправленіе арестантовъ поручалось попечительству пріученіемъ ихъ къ труду, какимъ либо спеціальностямъ, а также умственнымъ и религіозно-нравственнымъ ихъ развитіемъ, съ тѣмъ, чтобы для заключенныхъ на большіе сроки устроило школу, въ которой аре-

рики, заводы, къ ремесленникамъ, въ услуги и работы къ частнымъ лицамъ за плату, въ нѣсколько разъ превосходящую ту, которая опредѣлена въ рабочемъ домѣ, т. е. доставили бы они обѣднѣвшимъ семействамъ способъ имѣть подкрѣпленіе въ необходимомъ содержаніи, котораго онѣ теперь лишены. Наконецъ и въ законѣ, которымъ общества мѣщанское и цѣховое обязаны руководствоваться при взысканіи податей, Комитетъ не находилъ прямаго дозволенія обществамъ сажать своихъ сочленовъ для заработка податей, именно въ рабочій домъ. Обо всѣхъ своихъ соображеніяхъ, Комитетъ сообщилъ Генералъ-Губернатору, ходатайствуя объ облегченіи участи неплательщиковъ.

Генералъ-Губернаторъ отозвался, что Городская Дума, на обсужденіе которой онъ передавалъ соображенія Комитета, вполнѣ согласилась съ ними и признала необходимымъ установить, на будущее время, для руководства сословныхъ управъ слѣдующія предупредительныя и, въ тоже время, понудительныя мѣры къ своевременному взысканію съ мѣщанъ и ремесленниковъ податей, а именно: а) „вмѣнить Управамъ въ непремѣнную обязанность не допускать накопленія на мѣщанахъ и ремесленникахъ значительной податной недоимки, а употреблять своевременно мѣры, предписанныя 609, 621 ст. Т. V Св. Зак.; б) на томъ же основаніи 611 ст., мѣщанъ и ремесленниковъ, оказывающихся неисправными плательщиками податей по нерадѣнію или безпечности отдавать, по распоряженіямъ сословныхъ управъ, первыхъ— въ общественныя работы *по очищенію улицъ, тротуаровъ* и другимъ операціямъ, которыя могутъ быть предоставлены Мѣщанскому Обществу, а ремесленниковъ—къ мастерамъ и хозяевамъ— фабрикъ и заводовъ, сообразуясь съ познаніями и способностями ихъ; вырученныя же за ихъ трудъ деньги—обращать на пополненіе числящихся на нихъ недоимокъ; в) тѣхъ изъ мѣщанъ и ремесленниковъ, которые и послѣ этихъ понужденій окажутся неисправными плательщиками повинностей,—*сдавать*, по пригово-

отъ добросовѣстныхъ, *съ рекрутскимъ* зачетомъ за нихъ Обществу при слѣдующихъ наборахъ или съ продажею полученныхъ за нихъ квитанцій очереднымъ семействамъ, желающимъ нанять за себя рекрута; г) наконецъ, тѣхъ изъ неблагонадежныхъ плательщиковъ, которые не будутъ способны къ военной службѣ,—*отсылать*, по общественнымъ приговорамъ, „*въ исправительное заведеніе*“.

По поводу послѣдняго пункта Дума пояснила, что онъ нисколько не будетъ противенъ правиламъ рабочаго Дома, ибо эти люди, какъ изобличенные въ праздной и нерадивой жизни, будутъ помѣщаемы въ рабочій домъ не столько для отработки недоимокъ, сколько для исправленія ихъ нравственности. Генералъ Губернаторъ призналъ эти правила совершенно основательными, и Министръ внутреннихъ дѣлъ утвердилъ ихъ къ исполненію 8 февраля и 24 іюля 1850 г.

На основаніи приведенныхъ правилъ, явившихся по инціативѣ Комитета, общественные должники сразу получили свободу, благодаря исключительно заступничеству за нихъ Комитета. Достигнувъ этой благой цѣли, Комитетъ слѣдилъ, потомъ, за точнымъ исполненіемъ „правилъ“. Менѣе чѣмъ чрезъ годъ, онъ замѣтилъ, что онѣ нарушены Мѣщанскою Управою,—присылкою въ рабочій домъ мѣщанина, впервые не заплатившаго податей. Комитетъ тотчасъ же извѣстилъ объ этомъ Генералъ-Губернатора, а тотъ: мѣщанина—освободилъ, а членамъ Управы—объявилъ выговоръ за „неповиновеніе распоряженію высшаго начальства“ (2 сентября 1851 г). Вторичное отступленіе отъ правилъ, Комитетъ увидѣлъ лишь чрезъ 15 лѣтъ спустя, когда мѣщане Крыловъ и Жикуловъ, пожаловались ему на неправильное заключеніе ихъ въ рабочій домъ, при чемъ Крыловъ объяснилъ, что онъ содержался, въ 1862 г., за недоимку въ 58 р. 42 к.—9 мѣсяцевъ, потомъ его освободили, съ обязательствомъ уплатить подати: онъ внесъ 16 р., но заболѣлъ, а когда выздоровѣлъ—его опять посадили за 42 р. 39 к. Комитетъ напомнилъ Городскому Головѣ,

Н. И. Погребову, о существовавшихъ правилахъ и просилъ его увѣдомить: почему мировыми Крыловъ и Викуловъ? Погребовъ отвѣтилъ, что они поставлены, именно по правиламъ „за дурное поведеніе для ихъ исправленія" (29 Іюня, 4 августа и 9 декабря 1864 г). Комитетъ [illegible] [illegible] [illegible] Крылова пособія, [illegible] Комитетъ, прибавилъ, часто дѣлалъ, а порядокъ и самыя подати уплачивалъ, а людей освобождалъ.

XII.

Очеркъ разнообразной помощи заключеннымъ и защиты ихъ интересовъ, съ 1826 г. по настоящее время.

Представители филантропіи не ограничивались вліяніемъ на умъ и сердце заключенныхъ религіозными и школьными предметами и физическимъ трудомъ, а шли дальше,—стараясь смягчать тяжесть ихъ заключенія самими разнообразными способами, какъ читатели усмотрятъ ниже.

Начнемъ съ того, что однажды Императоръ Николай Павловичъ изволилъ замѣтить, что „при пѣшемъ хожденіи арестантовъ въ присутственныя мѣста подъ конвоемъ, ихъ родственники сопровождали ихъ по улицамъ воплями" Трубецкой, узнавъ объ этомъ замѣчаніи, тотчасъ же вызвался, отъ имени Петербургскаго Комитета, въ отвращеніе этихъ „воплей," возить арестантовъ по городу въ экипажахъ, которые построить и содержать, равно какъ прислугу и лошадей, на счетъ Комитета. Государь удостоилъ одобреніемъ эту мѣру (31 марта 1829 г.). Комитетъ тогда же завелъ экипажи и, не только десятки лѣтъ сряду строго исполнялъ свое обѣщаніе, но впослѣдствіи еще расширилъ нѣкогда полученное „дозволеніе" — развозить арестантовъ въ экипажахъ. Именно, онъ предоставилъ ѣздить въ нихъ изъ тюремъ въ части и обратно: сперва—кромѣ

митетъ ввелъ обученіе ея не только по русски, но и по нѣмецки (въ 1822 г.). Вообще, наилюбимѣйшимъ предметомъ занятій многихъ Членовъ—были дѣти. Изъ нихъ, въ теченіи 5 лѣтъ, научились грамотѣ 347 человѣкъ и почти всѣхъ ихъ Комитетъ возвратилъ родителямъ, опредѣлилъ, въ качествѣ подмастерьевъ, въ ремесленныя заведенія, къ разнымъ мѣстамъ; короче, вывелъ на честную дорогу.

Съ наступленіемъ слѣдующаго царствованія, Комитету сдѣлалось уже труднѣе *свободно* распоряжаться дѣтьми: право заарестованія и содержанія ихъ подъ стражею принадлежало разнымъ властямъ: административнымъ, судебнымъ, полицейскимъ, родителямъ, опекунамъ и даже помѣщикамъ. Эти власти только расшатывали первоначальное значеніе Комитета. Комитетъ не могъ устроить для дѣтей пріюта, о чемъ неоднократно пытался, напр., въ 1826 г.; онъ лишь слѣдовалъ, на сколько былъ въ состояніи, завѣщаннымъ ему основателями его гуманнымъ принципамъ—учить дѣтей грамотѣ и ремесламъ, хотя такое обученіе также считалось роскошью, да хлопотать объ облегченіи участи малолѣтнихъ заключенныхъ, —участи, представлявшейся филантропамъ тяжкою по отношенію къ наказаніямъ, ихъ постигавшимъ, и по отсутствію закона о воздѣйствіи на ихъ умъ и сердце путемъ образованія и развитія въ нихъ нравственныхъ понятій.

Впрочемъ, неоднократныя ходатайства представителей общества за дѣтей не исчезали безслѣдно, а, напротивъ—постепенно принесли послѣднимъ облегченіе въ наказаніяхъ; да и идея о полезности примѣненія къ нимъ воспитательныхъ средствъ проникла въ правительственныя сферы, въ которыхъ начали ее принимать благосклонно, какъ читатели увидятъ ниже.

Такъ, Императоръ Николай Павловичъ, при личномъ осмотрѣ Псковскаго острога, изволилъ замѣтить тамъ малолѣтнихъ вмѣстѣ со взрослыми, а потому повелѣлъ: малолѣтнихъ, недостигшихъ 17 лѣтняго возраста и именовавшихся бродягами—не *держать въ тюрьмахъ*, а отдавать въ военно-сиротскія отдѣленія

(кантонисты), при чемъ самый возрастъ определять по внешнему виду, чрезъ медицинскихъ чиновниковъ (9 января 1828 г.), т. е. милостиво избавилъ ихъ отъ предусматривавшихся за бродяжничество наказаній, ибо, въ сиротскихъ отдѣленіяхъ, дѣтей только воспитывали. Въ свою очередь, Государственный Совѣтъ, въ которомъ былъ поднятъ вопросъ о милосердіи къ дѣтямъ, призналъ справедливымъ: во-1-хъ, дѣтей до 10 лѣтъ, за уголовныя преступленія не каратъ, а отдавать, для исправленія, родителямъ, родственникамъ, и опекунамъ; во-2-хъ, по дѣламъ дѣтей отъ 10 до 14 лѣтъ, когда ихъ преступленія будутъ подлежать торговой казни, прежде всего разрѣшать вопросъ: съ разумѣніемъ или безъ него, они поступали? Затѣмъ, при утвердительномъ отвѣтѣ, освобождать ихъ отъ ссылки въ каторгу и наказанія кнутомъ и плетью; въ-3-хъ, за такія же преступленія дѣтей отъ 14 до 17 лѣтъ, когда они признавались—дѣйствовавшими съ разумѣніемъ — избавлять отъ тѣлеснаго наказанія, а сроки каторги ограничивать по усмотрѣнію суда (28 іюня 1833 г.).

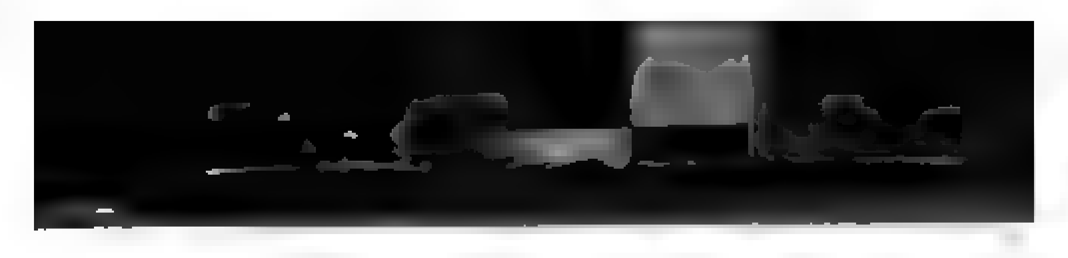
Снисхожденіе это было, разумѣется, весьма важно для сбереженія физическихъ силъ дѣтей; но, нѣкоторое время спустя, имъ даровали право надѣяться, что и относительно развитія умственныхъ и нравственныхъ силъ ихъ будутъ также приняты мѣры. Именно, указомъ Сената 13 января 1839 г., учреждено было, въ Петербургѣ, исправительное заведеніе (изъ смирительнаго и рабочаго домовъ), а въ немъ предписывалось содержать и осужденныхъ дѣтей отъ 10-лѣтняго возраста, на сроки до 2-хъ лѣтъ, но только до совершеннолѣтія *). Принимать ихъ въ заведеніе приказывалось и по нѣскольку разъ, но помѣщать „отдѣльно отъ взрослыхъ, въ работы назначать сообразно съ ихъ физическими силами и способностями, а также учить грамотѣ, закону Божію и первымъ правиламъ ариѳметики, чрезъ

*) Относительно наказуемости—совершеннолѣтіемъ считалось тогда 17 лѣтъ.

священника или учителя“ (33, 39, 68, 156 и 167 пп. Положенія о заведеніи).

Такимъ образомъ, было у насъ узаконено и *обученіе и воспитаніе* дѣтей, въ видѣ *наказанія*, но въ вѣдомствѣ попечительнаго совѣта общественнаго призрѣнія. Въ вѣдѣніи Комитета остались, подъ стражею, дѣти *подслѣдственныя*, безпаспортныя и бродячія, также нуждавшіяся въ нравственной и умственной пищѣ, которою удовлетворить ихъ въ тюрьмѣ было немыслимо, а между тѣмъ вывести ихъ изъ тюрьмы, Комитетъ не располагалъ правомъ. Состраданіе къ этимъ дѣтямъ побуждало Комитетъ добиваться и для нихъ необходимыхъ льготъ. И вотъ, Президентъ общества, графъ М. Х. Бенкендорфъ, въ докладѣ Императору Николаю I-му, между прочимъ, изложилъ, что „заключенные малолѣтніе и несовершеннолѣтніе — *почти вовсе не преступники*, и *въ нѣжномъ ихъ возрастѣ требуютъ особеннаго о нихъ попеченія и нравственнаго воспитанія*, а потому не должны быть содержимы въ одномъ зданіи съ преступниками, отъ коихъ такъ легко, неопытные и даже невинные, заражаются духомъ порока“ (7 апрѣля 1843 г.). Эта смѣлая защита дѣтей повлекла за собою учрежденіе, тогда же, при исправительномъ заведеніи, особаго *„малолѣтняго отдѣленія“*, — изъ осужденныхъ и подслѣдственныхъ дѣтей, съ тѣмъ, чтобы на послѣднихъ распространялись правила, преподанныя для руководства при содержаніи первыхъ. Введенная система перевоспитанія порочныхъ дѣтей была, правда, самая простая, но, по тогдашнимъ воззрѣніямъ и закону, она представлялась все таки очень важнымъ шагомъ впередъ.

Домогаясь и достигнувъ улучшенія быта арестованныхъ дѣтей — Комитетъ, по закону сохранилъ за собой обязанность печься о нихъ. Комитетъ питалъ увѣренность, что онъ не встрѣтитъ ни малѣйшаго препятствія къ выполненію своего „человѣколюбиваго назначенія“ и въ исправительномъ заведеніи; но ошибся въ этомъ. *Заведеніе* подчинялось, во всѣхъ отношеніяхъ, попечительному

Совѣту общественнаго Призрѣнія и еще особому попечителю, поэтому Комитетъ лишенъ былъ возможности *хозяйничать въ чужомъ* домѣ, въ которомъ опредѣлили только 36 вакансій для подслѣдственныхъ, тогда какъ дѣтей постоянно оказывалось до ста человѣкъ. Отсюда между Комитетомъ и попечителемъ, возникли из-за числа вакансій и права распоряжаться въ отдѣленіи, пререканія, при чемъ попечитель, относительно вакансій, одолѣлъ Комитетъ, который, по этому, устроилъ, на свой счетъ, для остальныхъ дѣтей въ тюрьмѣ—другое отдѣленіе, „на правахъ семьи" (29 апрѣля 1844 г.). Дальнѣйшіе, затѣмъ, споры Комитетъ также не выигрывалъ. Оттого онъ и вынужденъ былъ ограничиваться отпускомъ начальству заведенія денегъ на содержаніе малолѣтнихъ, нанимать для нихъ учителей, назначать, для завѣдыванія „отдѣленіемъ" своихъ Членовъ, долженствовавшихъ *ладить* съ Попечителями, ибо, безъ ихъ согласія, нельзя было ни опредѣлить, ни уволить, ни наградить, ни покарать не только учителей, но и приставниковъ—такихъ лицъ, отъ которыхъ зависѣло, какъ преуспѣяніе, такъ и разрушеніе благихъ намѣреній... Воспитательныя начала плохо прививались, а отсюда—желательныхъ результатовъ не пріобрѣталось.

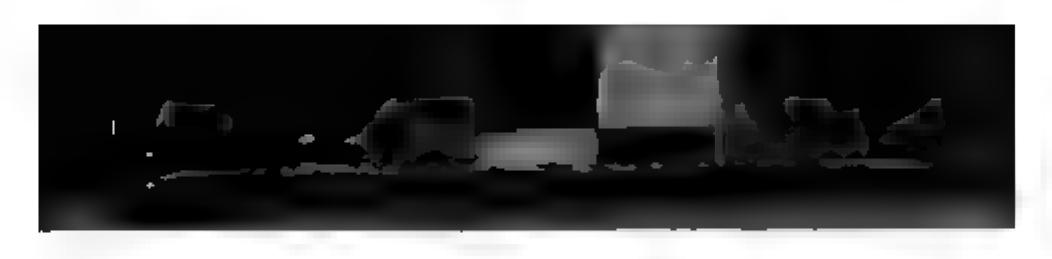
Между тѣмъ, Комитетъ понялъ, что дѣти „почти вовсе не преступники и требуютъ особеннаго о нихъ попеченія и нравственнаго воспитанія", а потому, по прежнему, лелѣялъ мысль о томъ, нельзя ли избавить ихъ отъ суровыхъ каръ, на нихъ обрушивавшихся. Въ силу практиковавшихся тогда законовъ, дѣти, отъ 14 до 17 лѣтъ *), дѣлавшія тяжкія преступленія съ разумѣніемъ, ссылались въ каторгу; по преступленіямъ же менѣе важнымъ, но влекшимъ за собою: ссылку на поселеніе и наказаніе плетьми,—дѣтей отъ 15 до 17 лѣтъ—наказывали не палачи, а служителя; дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ—драли розгами и т. д. (137, 138 ст. XV т. Св. Зак., изд. 1842 г.). Эти кары опять застав-

*) Съ 17 лѣтъ они все еще считались совершеннолѣтними для наказанія.

[redacted]

ляли Комитетъ указывать властямъ на жестокость закона, такъ какъ правосудіе для дѣтей, по мнѣнію Комитета, не должно было превышать „благопристойнаго ихъ лишь воспитанія и обученія по правиламъ христіанскимъ“. Къ чести правительства, оно прислушивалось къ голосу представителей филантропіи, и не затруднилось еще разъ значительно смягчить тяжесть наказанія дѣтей. Именно, уложеніемъ о наказаніяхъ 1845 г., совершеннолѣтіе, для наказуемости, было отдалено отъ 17 до 21 года отъ роду. Потомъ, дѣтей отъ 10 до 14 лѣтъ, дѣйствававшихъ, если было доказано, съ разумѣніемъ, и потому подлежавшихъ: а) наказаніямъ плетьми и ссылкѣ въ каторгу, устанавливалось отсылать только на поселеніе; б) за преступленія, влекшія на поселеніе и наказаніе плетьми, предписывалось отсылать въ монастырь или смирительный домъ—срокомъ отъ 5 до 8 лѣтъ; в) за дѣянія, предусмотрѣнныя отдачею въ смирительный или рабочіе дома, или въ арестантскую роту,—повелѣвалось направлять ихъ въ монастырь или въ смирительный домъ—отъ 2 мѣсяцевъ до года; г) за преступленія, которыя вели въ смирительный домъ—домашнему исправленію, и д) дѣти отъ 14 до 21 года, если они подлежали ссылкѣ на житье или въ рабочій домъ—предписывалось отдавать въ солдаты, безъ лишенія правъ состоянія и т. д. (143—148 улож. 1845 г.).

Независимо отъ показаннаго раздѣленія наказаній дѣтей на градаціи и умаленія степени наказанія, самый судъ надъ дѣтьми должны были чинить *совѣстные судьи*, которымъ вмѣнялось въ обязанность: „*милосердное* окончаніе дѣлъ, *человѣколюбіе, почтеніе къ особѣ ближняго, отвращеніе отъ угнетенія и притѣсненія человѣчества*“. На совѣстные суды возлагались вообще большія надежды во всѣхъ отношеніяхъ: суды эти организовывались изъ смѣшанныхъ элементовъ, представлявшихъ, въ совокупности, подобіе суда присяжныхъ. Уложеніе введено было въ дѣйствіе въ 1846 г. Въ совѣстные суды начали поступать новыя дѣла, а также и не рѣшенныя къ тому времени

оловными палатами. Миновало менѣе 3-хъ лѣтъ и Петербургскій совѣстный судъ скопилъ, лежавшихъ безъ движенія, 1729 дѣлъ дѣтей, содержавшихся подъ стражею... Фактъ этотъ изумилъ предсѣдательствовавшаго въ Комитетѣ, С. С. Ланскаго, (впослѣдствіи Президента и Министра внутреннихъ дѣлъ) и онъ, по совѣту Членовъ Комитета, сообщилъ о немъ главноуправлявшему законодательнымъ II отдѣленіемъ, графу Д. Н. Блудову, и кстати снова попытался выразить желаніе, чтобы „дѣла малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ—подчинить суду полиціи, предоставивъ ей право налагать на виновныхъ исправительныя взысканія," т. е. поддерживалъ существовавшее все еще въ Комитетѣ убѣжденіе въ несообразности считать дѣтей *преступниками* (17 мая 1849 г.). Блудовъ отозвался, что хотя сочувствуетъ мысли объ ослабленіи наказанія малолѣтнихъ, но „въ передачѣ ихъ дѣлъ полиціи—не усматриваетъ пользы; большая или меньшая степень наказуемости несовершеннолѣтнихъ зависитъ отъ того: дѣйствовали ли они съ разумѣніемъ или безъ разумѣнія; разрѣшеніе же этого вопроса предоставлено *совѣсти* судей, обязанныхъ дѣйствовать, *какъ присяжные*;" слѣдовательно совѣстные суды могутъ, дескать, поступать лучше, нежели полиція. Блудовъ благодарилъ, впрочемъ, Ланскаго за его замѣчанія, ибо „только совокупными наблюденіями за различными частями Государственнаго управленія, можно достигнуть, общаго всѣхъ благомыслящихъ людей желанія — усовершенствованія законодательства".

Ланской не удовольствовался благодарностію Блудова, а склонилъ отчасти на свою сторону Президента, графа Орлова, который (20 марта 1850 г.) жаловался Министру внутреннихъ дѣлъ, графу Л. А. Перовскому, на „чрезмѣрную медленность производства въ совѣстныхъ судахъ, отъ чего люди томятся по 2-хъ лѣтъ, подъ арестомъ, до суда," при чемъ просилъ содѣйствія графа къ устраненію „этого зла". Вслѣдъ затѣмъ, одинъ изъ Членовъ Комитета, совѣстный судья Давыдовъ (6 апрѣля

1850 г.), умолялъ Орлова „обратить Монаршій взоръ на несчастную участь подсудимыхъ малолѣтнихъ, терпящихъ несравненно выше мѣры своей вины отъ долговременнаго содержанія ихъ подъ стражею". Заручившись мнѣніемъ Давыдова, какъ совѣстнаго судьи и различными справками,—Ланской представилъ Орлову подробную записку „о встрѣчаемыхъ неудобствахъ въ подсудности малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ арестантовъ совѣстнымъ судамъ. „Отъ медленности этихъ судовъ,—излагалъ Ланской въ особомъ письмѣ къ Орлову,—въ столицѣ, изъ содержащихся подъ стражею несовершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ, умерла въ годъ 6-я часть:—13 человѣкъ. Ручаюсь за вѣрность цифръ, точность выводовъ и убѣдительнѣйше прошу васъ *вступиться за страждущее* человѣчество, повергнувъ записку воззрѣнію Государя: *одно лишь сильное его слово можетъ расшевелить нашихъ законодателей*, которые, хоть и сами убѣдились въ несообразности закона, но съ 1848 г. ведутъ объ этомъ только тщетную переписку. Записка представляетъ истинную, но жалкую картину части существующаго у насъ уголовнаго закона".

Для характеристики дѣла, считаемъ нужнымъ привести здѣсь, въ сокращенномъ видѣ, эту любопытную „записку".

Изъ собранныхъ свѣдѣній, гласитъ записка, вытекаютъ вотъ какіе, о несовершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ, выводы. Въ Петербургскій совѣстный судъ поступило:

	Дѣлъ	подсудим.	арестант.
При дѣйствіи прежняго уложенія, съ 1843 по 1846 годъ .	675	428	298
При дѣйствіи уложенія 1845 съ 1846 по 1850 годъ . . .	2.062	1.198	1.056

Число подсудимыхъ совѣстнымъ судамъ дѣлъ увеличивается еще присылкою подсудимыхъ для разбора ихъ дѣлъ изъ всѣхъ уѣздовъ, тогда какъ прежде они судились въ мѣстныхъ судахъ, отчего и дѣлопроизводство ускорялось, да и подсудимые не страдали отъ пересылки, особенно гибельной для малолѣтнихъ осенью и зимою. Вредные результаты эти происходятъ *во всѣхъ губерніяхъ отъ тѣхъ же причинъ.* Но, *кромѣ* медленности теченія дѣлъ, отъ которой терпятъ дѣти,

встрѣчается, по словамъ записки, разительная несоразмѣрность наказаній за однѣ и тѣ же преступленія между взрослыми и дѣтьми, къ вящщему отягощенію участи послѣднихъ: по 1676 ст. Улож. совершеннолѣтніе подлежатъ полицейской расправѣ за маловажные проступки, какъ — воровство, кража и воровство-мошенничество, когда цѣна похищеннаго не превышаетъ 30 р., за что опредѣлено денежное взысканіе до 30 р., арестъ до 3 мѣсяцевъ,—или же—до 30 ударовъ розгами; а по 146 ст. Улож., несовершеннолѣтніе за тѣ же преступленія отдаются въ солдаты. Совершеннолѣтніе, не подвергаясь тюремному заключенію, наказываются и возвращаются домой а несовершеннолѣтніе, надолго заключаются въ тюрьму, предаются суду совѣстному и въ заключеніе еще наказываются. Наглядными этому примѣрами служатъ пять дѣлъ совѣстнаго суда, по коимъ подсудимые за первую кражу: одинъ — 26 р.; другой — на 9 р., третій — на 6 р. 10 к., четвертый—на 1 р., а пятый—на 30 к.—приговорены въ солдаты, по 146 ст. Совѣстный судъ, основываясь на своей обязанности быть „человѣколюбивымъ"—ходатайствовалъ предъ Сенатомъ о вмѣненіи всѣмъ 5-ти подсудимымъ въ наказаніе—долговременное содержаніе ихъ подъ стражею—но Сенатъ, ссылаясь именно на 146 ст. — отвергъ это ходатайство.

Отсюда слѣдуетъ, что покровительству совѣстныхъ судовъ несовѣршеннолѣтніе и малолѣтніе поручены въ наказаніе ихъ только за важныя преступленія, но отнюдь не за маловажные проступки, при которыхъ ихъ участь несравненно тягостнѣе участи совершеннолѣтнихъ преступниковъ. Несообразность закона сего уже разсматривалась въ губернскомъ правленіи и въ Сенатѣ; но пока дойдетъ до высшей законодательной инстанціи—протечетъ много времени, а дѣла накопляются въ совѣстныхъ судахъ, подсудимые томятся въ заключеніи годами и многие, не дождавшись рѣшенія своей, участи—преждевременно умираютъ: изъ общаго числа судившихся, въ 1846—1848 гг., въ совѣстномъ судѣ 893 арестантовъ—умерло несовершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ, до состоянія о нихъ приговора 72 челов., ибо содержались подъ стражею: почти годъ—37 годъ—1, болѣе года—30, а долѣе 2 лѣтъ—4 человѣка. Этихъ умершихъ, по состоявшимся о нихъ, впослѣдствіи приговорамъ, опредѣлено: одного—отдать роднымъ; двухъ—отослать на родину; одного—освободить; прочіе же ни къ чему не осуждены, собственно за ихъ смертію. Наконецъ, изъ числа умершихъ судились: за неимѣніе вида—10, за сокрытіе своего званія—3; за бродяжничество—11 и т. д.

Судьба подсудимыхъ дѣтей отягощается, число томящихся въ заключеніи и дѣлъ о нихъ увеличивается въ ужасаю-

щей прогрессіи; а это приноситъ самыя вредныя послѣдствія для народной нравственности: оправданные во время продолжительнаго заключенія—невольно заражаются духомъ разврата отъ сообщества съ преступниками. По этому необходимо,—настаивалъ Ланской—Высочайшею властію подвергнуть *неотлагательному* разсмотрѣнію *неудобство законоположеній* о подсудности малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ. А какъ разсмотрѣніе этого вопроса и *долженствующее послѣдовать измѣненіе* порядка подсудности и мѣры наказанія—скоро послѣдовать не можетъ, то для предупрежденія неизбѣжныхъ, отъ настоящаго порядка, пагубныхъ послѣдствій,—одно средство: *всѣ дѣла* о малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ за маловажныя преступленія представить полицейскому разбору, съ примѣненіемъ взысканій, которыя всемѣрно облегчали бы участь малолѣтнихъ".

Цитированную нами записку Орловъ доложилъ Государю (30 мая 1850 г.), съ присовокупленіемъ, что хотя „*совершенно раздѣляетъ* мнѣніе Ланскаго, но все-таки полагаетъ передать записку, для предварительнаго соображенія, Министру юстиціи и главноуправляющему II отдѣленіемъ, т. е. графамъ В. Н. Панину и Д. Н. Блудову". Государь написалъ „да". Орловъ исполнилъ резолюцію, а Ланской, слѣдившій за дальнѣйшею судьбою записки, въ августѣ того же года узналъ отъ товарища Министра юстиціи Илличевскаго, что вопросъ этотъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ. Совѣтъ же предпочелъ удержать подсудность дѣтей совѣстнымъ судамъ, а чтобы они не накопляли дѣтскихъ дѣлъ, нѣкоторыя дѣла взрослыхъ передали въ уголовныя и гражданскія палаты. И такъ, надежда Ланскаго, что „сильнее слово Государя расшевелитъ законодателей," къ сожалѣнію, не сбылось. Тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить, что Ланской, какъ это показываетъ и содержаніе записки,—былъ истинный филантропъ, во имя дѣтей ратовавшій прямо, честно, энергично.

Описанныя неудачи не охладили, однако, Комитетъ къ интересамъ дѣтей. Члены по прежнему радѣли о нихъ, опять находили ихъ въ частяхъ, гдѣ они содержались по распоряженію Управы Благочинія, „впредь до отправки ихъ, по этапу, въ

жданія мѣста" (въ 1850 г.). Комитетъ снова протестовалъ противъ этого распоряженія, и переписка затянулась, по обыкновенію, надолго. Убѣдившись изъ горькаго опыта, что „прать противъ рожна"—тяжело, Комитетъ открылъ, при пересыльной тюрьмѣ, *третье* отдѣленіе для предназначаемыхъ къ высылкѣ мальчиковъ (въ 1853 г.). Это отдѣленіе тоже, впрочемъ, не спасало дѣтей отъ полицейскихъ частей: вскорѣ же одинъ изъ Членовъ Комитета, А. Н. Муравьевъ, нашелъ, среди взрослыхъ Рождественской части, 10 мальчиковъ. Тоже самое подтвердилъ другой Членъ, Г. С. Поповъ (22 мая 1854 г.) Комитетъ пожаловался Генералъ-Губернатору, онъ потребовалъ объясненія Оберъ-Полиціймейстера, этотъ—отъ Управы Благочинія а она—отъ полиціи, и только 11 февраля 1855 г. Генералъ-Губернаторъ отозвался, что распорядился отсылать: до 36 дѣтей—въ исправительное заведеніе, а если ихъ будетъ набираться больше, то остальныхъ—въ отдѣленіе пересыльной тюрьмы, ибо въ заведеніи помѣстить всѣхъ—негдѣ.

Недостатокъ помѣщенія въ отдѣленіи заведенія объяснялся тѣмъ, что родители и помѣщики очень широко пользовались правомъ отдавать туда дѣтей для исправленія. Кромѣ того, туда же различныя власти направляли и такихъ дѣтей, которыхъ просто некуда было дѣвать. Безродный мальчикъ Косой жилъ, напр., въ ученіи у столяра Сушкевича, который, заподозривъ Косого въ кражѣ съѣстныхъ припасовъ, въ раздраженіи вышибъ ему глазъ. Сушкевича арестовали, мастерскую его закрыли, а Косаго помѣстили въ числѣ слѣдственныхъ малолѣтняго отдѣленія, до окончанія дѣла Сушкевича. Комитетъ освободилъ Косаго и отдалъ, для излеченія, на свой счетъ, въ лечебницу доктора Арендта (въ 1852 г.). Точно также Генералъ-Губернаторъ донесъ Министру внутреннихъ дѣлъ, что въ Столицѣ проявились дѣвочки, которыя вслѣдствіе ихъ сиротства и недостатка нравственнаго за ними надзора, „уклонились съ пути добродѣтели и предались пороку, какъ ремеслу," почему для ис-

правленія ихъ—полагалъ направлять ихъ въ исправительное заведеніе до достиженія ими 16 лѣтняго возраста. Министръ С. С. Ланской, разрѣшивъ эту мѣру, въ качествѣ Президента предложилъ столичному Дамскому Комитету принять этихъ дѣвочекъ „подъ попечительную заботливость дамъ, съ тѣмъ, чтобы дѣвочки постоянно были наставляемы на путь нравственный и религіозный; при выпускѣ же ихъ изъ заведенія были помѣщаемы на фабрики, заводы и въ услуженіе, для снисканія пропитанія честнымъ трудомъ“ (12 ноября 1855 г.). Комитетъ „съ живѣйшимъ участіемъ изъявилъ готовность взять на себя попеченіе о сихъ дѣвочкахъ,—но желалъ: во-1-хъ, помѣстить ихъ совершенно отдѣльно отъ прочихъ заключенныхъ; во-2-хъ, не ограничивать срока 16 лѣтнимъ возрастомъ, а предоставить Комитету пристраивать ихъ раньше или позже, сообразно степени ихъ исправленія (20 ноября 1855 г.). Заручившись этимъ отвѣтомъ, Ланской поручилъ и мужскому Комитету „принять самыя дѣйствительныя мѣры къ исправленію дѣвочекъ,—изысканіемъ средствъ, чтобы время, проведенное ими въ заведеніи, отдѣльно отъ арестантокъ до 16 лѣтняго возраста, привело ихъ къ раскаянію и пріохотило къ честной, трудовой жизни; по достиженіи же ими 16 лѣтъ, а въ крайнемъ случаѣ и нѣсколько позже—опредѣлять ихъ, глядя по способностямъ и знанію, въ услуженіе къ мастерицамъ женскихъ издѣлій и на фабрики, въ чемъ окажутъ содѣйствіе сотрудники Комитета о разборѣ нищихъ“. При этомъ Ланской прибавилъ, что дальнѣйшія дѣйствія „предоставляетъ благоразумному, основанному на христіанскихъ чувствахъ, усердію обоихъ Комитетовъ, которымъ старательно будетъ содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ всѣми зависящими отъ него способами“ (21 января 1856 г.). Комитеты: мужской—купилъ для нихъ одежду, бѣлье, обувь, постельныя и проч. принадлежности по 17 р. для каждой изъ 20 дѣвочекъ; опредѣлилъ вознагражденіе священнику за занятіе ими, а дамскій занялся—бесѣдами съ ними, при чемъ общія усилія дали, конечно, полезные плоды.

[redacted]

Возвращаясь къ мальчикамъ, отмѣтимъ, что они часто радовали Комитетъ: завѣдывавшій ими Членъ, князь Н. И. Дундуковъ-Корсаковъ, 16 марта 1856 г. доносилъ, напримѣръ, что они „содержатся выше всякой похвалы—хорошо; произведеннымъ при мнѣ экзаменомъ ихъ ученія, они оказались—правильно пишущими подъ диктовку, твердо знающими Законъ Божій, молитвы, символъ вѣры, а поведеніе ихъ таково, что изъ 45 человѣкъ никто, въ теченіе года, не подвергался никакимъ наказаніямъ".

Занимали въ отдѣленіи мальчиковъ грамотностью и разными работами, но регулировать и въ особенности контролировать занятія—Комитету не удавалось; провѣрку этой *доходной* статьи начальство заведенія отклоняло, а отъ совмѣстнаго пріисканія работъ и распредѣленія вознагражденія ихъ—рѣшительно отказывалось. Это также служило предметомъ полемики между Комитетомъ и попечителями заведеніи, но одолѣвалъ Комитетъ до нѣкоторой лишь степени только тогда, когда завѣдывали отдѣленіемъ Директора, по своей *знатности*, имѣвшіе сильное вліяніе въ высшихъ сферахъ, а это случалось рѣдко, до наступленія нынѣшняго царствованія.

Въ это время, духъ прогресса по немногу вторгся и въ заведеніе, и Комитетъ постепенно вступалъ въ свои права надъ отдѣленіемъ. По настоянію Директора, князя К. А. Суворова, освободили мальчиковъ отъ щипанья пеньки, вредно дѣйствующаго на здоровье вообще и на зрѣніе въ особенности, но за то дѣтей заставляли щипать корпію, въ *свободное* отъ классовъ время (въ 1865 г.). Директоръ, Н. С. Шустовъ, устроилъ для нихъ портняжную мастерскую, въ которой роботали 20 мальчиковъ изъ 36, подъ руководствомъ дядекъ-ремесленниковъ. Изъ чистаго заработка—³/₄ удѣлялось мальчикамъ, въ поощреніе за трудъ, причемъ деньги эти сдавались въ сберегательную кассу на отдѣльныя, для каждаго, книжечки, до освобожденія дѣтей изъ подъ ареста. Для обученія ихъ пѣнію, Комитетъ нанялъ пѣвчаго придворной

капеллы, съ платою по 1 р. 50 к. за каждый урокъ; для физическаго ихъ развитія, въ саду заведенія устроили гимнастику, улучшили ихъ пищу; къ прежнему одному—прибавили еще двухъ учителей; воспретили тѣлесно наказывать мальчиковъ за проступки прибавили: сапожную, столярную и переплетную мастерскія (1866—1868 г.).

Тѣмъ временемъ, указомъ 17-го апрѣля 1863 г., *) отмѣнени были тѣлесныя наказанія, а Уложеніемъ о наказ. 1866 г. наказанія дѣтей были еще болѣе ослаблены, а также и разбиты на множество степеней. Такъ, дѣтей отъ 10 до 14 лѣтъ, дѣйствовавшихъ безъ разумѣнія — разрѣшено отдавать на исправленіе родителямъ; дѣтей отъ 10 до 14 лѣтъ, поступавшихъ съ разумѣніемъ: за преступленія, влекущія, взрослыхъ въ каторгу— ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе; за преступленія, наказуемыя поселеніемъ—заключенію въ монастырь или смирительный домъ отъ 3 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ; за меньшія преступленія, сопровождающіяся ссылкою на житье въ Сибирь— въ исправительную арестантскую роту или въ рабочій домъ— содержанію въ монастырѣ или смирительномъ домѣ отъ 40 дней до 8 мѣсяцевъ; за дѣянія, караемыя смирительнымъ домомъ— домашнему исправленію. Дѣтей, отъ 17 л. до 21 года, за преступленія, подвергающія лишенію всѣхъ правъ состоянія—тѣмъ же наказаніямъ, какъ и совершеннолѣтнихъ, но съ сокращеніемъ срока на треть. Наконецъ, дѣтей отъ 14 до 17 лѣтъ, совершившихъ преступленія безъ полнаго разумѣнія—одной изъ означенныхъ каръ или отдачѣ въ *исправительные пріюты* **) и т. д., какъ подробно означено въ 136—143 ст. Уложенія.

И такъ, мысль, выраженная въ докладѣ Бенкендорфа въ 1843 г., что дѣти „требуютъ особеннаго о нихъ попеченія и нравственнаго воспитанія,“ вполнѣ признана была *закономъ* нынѣ-

*) Въ этомъ году школы значились въ 20 губерніяхъ и 18 уѣздныхъ тюрьмахъ, въ которыхъ учились 2.498 чел.

**) Слѣдующій очеркъ о пріютахъ; поэтому здѣсь распространяться о нихъ *не станемъ*.

бѣжнею—только въ 1866 г., т. е. 23 года, спустя! Фактъ этотъ безспорно свидѣтельствуетъ, что тюремное общество состояло въ старину, дѣйствительно, изъ *передовыхъ* людей, стремившихся къ прогрессу, и свѣту просвѣщенія...

Съ 1869 г. начинается близкое, личное наше, съ арестованными дѣтьми знакомство, доселѣ не прерывающееся. Вслѣдствіе этого дальнѣйшія разсужденія будутъ основываться не тольто на документальныхъ данныхъ, на также на собственной нашей практикѣ, въ качествѣ завѣдывавшаго малолѣтними. Мы застали ихъ въ заведеніи занимавшимися обученіемъ: грамотѣ, закону Божію, переплетному, портняжному и сапожному ремесламъ, а также духовному пѣнію и гимнастикѣ. Учебные предметы преподавали дѣтямъ: священникъ, діаконъ и учитель — люди способные и усердно исправлявшіе свои обязанности. Учились мальчики—по буднямъ, ежедневно, по очереди, до и послѣ обѣда: одни — грамотѣ, а другіе—ремесламъ. Школа дѣлилась на классы: для грамотныхъ и неграмотныхъ. Преподавали: въ первомъ—чтеніе, письмо и первыя четыре правила ариеметики—дьяконъ; а въ послѣднемъ азбуку—учитель по старой методѣ Золотова; священникъ же училъ всѣхъ закону Божію, заповѣдямъ, молитвамъ и знакомилъ съ главными основаніями христіанскихъ религій *).

Кромѣ того, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ—отъ 3 до 4 часовъ разъясняли всѣмъ мальчикамъ смыслъ читанныхъ за обѣднею Евангелій и вели съ ними вообще нравственныя бѣсѣды 4 студента духовной академіи, назначавшіяся туда для практики къ предстоявшей имъ священнической дѣятельности.

Въ 1871 г., мы вступили въ завѣдываніе отдѣленіемъ и,—ознакомившись съ мальчиками, представили Комитету, въ январѣ 1872 г.

---

*) Между мальчиками были здѣшніе, 2 лютеранъ, 5 католиковъ изъ Вильны, присланныхъ сюда за то, что, во время бывшаго тамъ мятежа, они, по наущенію взрослыхъ, обливали кислотою цвѣтныя платья дамъ, неносившихъ траура по „ойчизнѣ". Осуждены они были, въ 1864 г., до совершеннолѣтія, но изъ нихъ 2 умерли въ заведеніи же; а остальныхъ 3 перевели въ земледѣльческую колонію, по *открытіи послѣдней*.

донесеніе, въ которомъ, между прочимъ, изложили, что „дѣти (ихъ было 70 мальчиковъ) состояли: а) изъ незаконнорожденныхъ, о которыхъ, во время бытности ихъ на волѣ, некому было заботиться; б) изъ привезенныхъ, изъ разныхъ провинцій, на заработки, въ Петербургъ и отданныхъ здѣсь куда попало, отчего имъ жутко жилось, поэтому убѣгая отъ хозяевъ, они дѣлались жертвами своей безпріютности; в) изъ брошенныхъ родителями,—по безнравственности, нищетѣ и невѣжеству послѣднихъ, и г) самая малая часть—изъ ненуждавшихся матеріально, но впавшихъ въ проступки по недоразумѣнію и легкомыслію, случайно. Доживая въ заведеніи опредѣленный приговорами срокъ, большинство мальчиковъ заранѣе сочиняло уже планы будущихъ проступковъ: они твердо помнили, что для нихъ нѣтъ иныхъ способовъ существованія. Оттого и содержались: *второй* разъ—38 челов.; *третій*—10; а *четвертый* разъ—5 челов. Самое пребываніе въ заведеніи способствовало порчѣ ихъ нравственности: они размѣщались тѣсно, ни по категоріямъ преступленій, ни по возрасту не раздѣлялись, а сидѣли въ классѣ, въ мастерскихъ, спали въ камерахъ 17-ти съ 12-ти лѣтними рядомъ, отчего предавались онанизму, педерастіи — ибо, надзиравшіе за ними сторожа, ночевали въ своей казармѣ, а заключенные оставались одни. Возлѣ ихъ камеръ находилась больничная мужская и женская прислуга" *) и т. п.

Эта картина состоянія отдѣленія, привела Комитетъ, согласно нашему мнѣнію, къ заключенію о необходимости перевести мальчиковъ въ какое либо другое, соотвѣтствующее для нихъ помѣщеніе. И цѣлый потомъ годъ, представители Комитета, начиная съ предсѣдательствовавшаго князя А. И. Шаховскаго, хлопотали, въ разныхъ вѣдомствахъ, объ уступкѣ для малолѣтнихъ такого помѣщенія, которое *не напоминало бы* собою *тюрьмы* и въ

*) Въ августѣ 1871 г., заведеніе, какъ сказано выше, упразднилось, а зданіе обратили въ больницу для умалишенныхъ; при этомъ оставили тамъ только *временно* „отдѣленіе".

которомъ можно было бы поселить съ ними *настоящихъ* воспитателей; словомъ, организовать хоть и городской, но пріютъ. Получивъ отовсюду категорическій отказъ, но въ тоже время, читая не возможнымъ дальнѣйшее пребываніе мальчиковъ въ больницѣ, Комитетъ, по предложенію нѣкоторыхъ Директоровъ рѣшился перевести ихъ въ тюремный замокъ, и хотя тамъ, по возможности, благоприлично обставить, подъ непосредственнымъ надзоромъ состоявшаго въ Замкѣ, изъ нѣсколькихъ директоровъ, исправительнаго совѣта, въ которомъ Ѳ. Н. Смирной предсѣдательствовалъ.

Совѣтъ зналъ, что большинство мальчиковъ будутъ подлежать, посредствомъ осужденія, передачѣ въ земледѣльческую колонію, поэтому согласился съ тогдашними ея Директорами: Я. Гердомъ и Ѳ. Ѳ. Резенеромъ, относительно организаціи занятій мальчиковъ въ Замкѣ соотвѣтственно занятіямъ ихъ въ колоніи, такъ чтобы Замокъ представлялъ первоначальные классы общей програмкѣ системы воспитанія, принятой въ колоніи; чтобы оба мѣста установили между собою крѣпкую связь, отъ которой какъ дѣти, такъ и самыя учрежденія, могли бы значительно выиграть. Послѣ того, Совѣтъ составилъ правила, инструкціи, программы и отыскалъ способныхъ, по его мнѣнію, исполнителей предначертаннаго плана дѣйствій. Комитетъ все это одобрилъ и опредѣлилъ: воспитателемъ Е. И. Гасабова, помощникомъ его г. Васильева; на жалованье имъ и на прибавку лучшимъ надзирателямъ ассигновалъ по 200 р. въ мѣсяцъ. Когда все было готово, 47 осужденныхъ и подслѣдственныхъ мальчиковъ переселились въ Замокъ, 3 марта 1873 г. Въ свою очередь и хозяйственное правленіе Замка (Предсѣдатель и Члены были тѣ же, что и въ исправительномъ совѣтѣ) улучшило пищу мальчикамъ, давая имъ ежедневно, сверхъ казенной порціи, на завтракъ—чай и по полуфунту ситнаго хлѣба на человѣка; а на полдникъ, въ 4 часа—по булкѣ, сайкѣ и т. п.

Все, казалось, благопріятствовало, но при соприкосно
съ практикою, совѣтъ, увы! не въ силахъ былъ устранить
численныхъ препятствій, ежедневно выроставшихъ... Дворъ З
столь обширенъ, что побѣгать по немъ дѣтямъ, для полир
застоявшейся, во время работъ, крови, было-бы весьма уд
и полезно; но... это нарушало 74 п. инструкціи смотрител
пунктъ, который „вообще запрещаетъ заключеннымъ всякаго
рѣзвости". Въ силу этого же пункта, нельзя, да и негдѣ
приспособить гимнастическихъ занятій, тогда какъ гимнас
введена во всѣхъ учебныхъ, и даже въ военныхъ и морс
тюремныхъ заведеніяхъ. И поневолѣ дѣти должны были
чиваться въ одномъ изъ крошечныхъ садиковъ, гдѣ не то
прогуляться, но и ходить и сидѣть 50 челов. сразу — т
Мало того, и въ садикѣ имъ оставаться долго нельзя было,
надлежало уступить мѣсто взрослымъ: каждому изъ 12-ти о
леній отводился, для прогулки, въ 4-хъ садикахъ, извѣс
часъ дня... Корридоръ малолѣтняго отдѣленія былъ длин
просторный, такъ что въ ненастную погоду дѣти могли бы
немъ хоть прохаживаться въ рекреаціонное время, но...
шло въ разрѣзъ съ 22 п. инструкціи о томъ, „что заключе
должны быть заперты на замкѣ въ камерахъ". Деревенскій м
чикъ—а таковы почти всѣ дѣти-преступники — разгоняетъ
тоску, обыкновенно, пѣснями; но... 78 п. инструкціи возбран
заключеннымъ „пѣть соблазнительныя пѣсни". Былъ со
вленъ репертуаръ изъ духовныхъ и свѣтскихъ, вполнѣ благо
стойныхъ пѣсенъ, но какъ скоро мальчики запѣвали — жи
ниже и выше ихъ этажами взрослые — тотчасъ подхватыва
Замокъ оглашался всеобщимъ пѣніемъ, а такъ какъ 7
инструкціи возбраняетъ „вообще пѣть", то и мальчикамъ
шлось перестать: зажать рты взрослымъ физически было не
можно, а дозволять и имъ пѣть — значило ждать неприличн
возгласовъ, непріятностей, неизбѣжно соединенныхъ съ жалоб
доносами и т. п.

[redacted]

и. Дѣти, какъ извѣстно, любятъ рисовать,—предоставили, лучшимъ по поведенію, эту забаву. Вскорѣ, однакожь, открылось, что нѣкоторые писали тайкомъ роднымъ записки, а это, по инструкціи, проступокъ, влекущій за собою дисциплинарную кару... Запретили и рисованіе, такъ какъ 68 п. инструкціи гласитъ: „въ камерахъ арестантамъ запрещается имѣть карандаши, бумагу“. Ту же участь постигли фребелевскія, а отчасти занятныя игры, развивающія сообразительность,—постигли въ силу 22 и 71 п. инструкціи, которые строго воспрещаютъ „всякія игры, въ особенности же въ шашки, кости“ и проч...

Воспитатели, по существу ихъ обязанностей, должны быть чаще возлѣ своихъ воспитанниковъ, но, квартиры воспитателю внутри Замка не нашлось—и онъ жилъ на сторонѣ. Дѣти больше всего шалятъ ночью, когда они въ камерахъ одни. Появленіе къ нимъ, напр., въ 12 час. ночи воспитателя было сопряжено съ серьезными затрудненіями: надо было поднимать на ноги, по 17 п. инструкціи, караульнаго офицера, а не то и смотрителя, когда офицеръ не рѣшится впустить безъ него. Затѣмъ, нужно было проходить чрезъ корридоры, а гулъ шаговъ и звукъ отпирающихся замковъ отчетливо доносился до чуткаго слуха арестантовъ; слѣдовательно, войдя въ камеры, ихъ всегда заставали притворившимися спящими... Предположено было, обязать ночевать вмѣстѣ съ ними сторожей, но тѣ наотрѣзъ отказались спать по одному среди 10—12 мальчиковъ, изъ основательнаго опасенія—быть поколоченными дѣтьми за тѣ дневныя непріятности, которыя ихъ, случалось, постигали въ силу заявленій сторожей; раздѣлить же мальчиковъ на меньшія группы, по камерамъ, было невозможно, по неимѣнію свободныхъ камеръ...

Въ колоніи ни запоровъ, ни воротъ нѣтъ; навѣщать мальчиковъ вправѣ каждый, во всякое время, причемъ посѣтитель можетъ говорить съ посѣщаемымъ о чемъ хочетъ и наединѣ. И чѣмъ чаще родители навѣдываются къ дѣтямъ, тѣмъ начальство колоніи довольнѣе: между дѣтьми и родителями завязы-

вается и растетъ расположеніе, взаимность, а это полезно въ нравственномъ смыслѣ. Въ Замкѣ же, напротивъ, свиданія дозволялись, по 158 п. инструкціи, разъ въ недѣлю, и то не иначе, какъ въ присутствіи начальства, черезъ рѣшетку и не менѣе, какъ 10 человѣкамъ заразъ.

Заключены были мальчики подъ стражу: за кражи со взломомъ — 7 челов., безъ взлома — 30 челов., за проживаніе по подложному паспорту—1. Матеріяльность ихъ прегрѣшеній была, однако, маловажная: напр., кража кнута, шара съ билліарда, тетрадки бумаги и т. д. Содержались арестованными: первый разъ 23; второй—10; третій—4; четвертый, шестой и седьмой разъ—по 1-му человѣку. Тотъ, который, содержался 7-й разъ, былъ изъ самыхъ маленькихъ, безродный. Въ Замкѣ занимались мальчики, кромѣ грамотности, ремеслами: портняжнымъ — 25 челов.; сапожнымъ — 4 челов.; столярнымъ — 4 челов.; а 7 челов.; бездѣйствовали. Переболѣло въ годъ 98 челов., считая въ томъ числѣ нѣкоторыхъ по нѣскольку разъ, а умерло 2 челов.; изъ долгосрочныхъ. Гигіеническія условія Замка на столько разрушительно дѣйствовали на организмъ мальчиковъ, что осужденіе слабосильнаго на годъ было равносильно— этому бывали примѣры—смертному приговору. Изъ 40 челов. 29 очутились подъ стражею изъ столичныхъ ремесленныхъ заведеній; 8—были круглыми сиротами, а 22—жили здѣсь безъ родителей; итого—30-ти человѣкамъ первую же ночь, по выходѣ изъ заключенія негдѣ было провести безплатно, не отъ кого было встрѣтить ни моральнаго участія, ни матеріальной помощи! Отсюда, естественно, вытекало то, что, не зная, куда преклонить головы, большинство отправлялось прямо въ разныя трущобы и поступало въ „науку“ къ сбытчикамъ краденыхъ вещей...

Учители эти, по разсказамъ мальчиковъ, предварительно сами разузнаютъ, гдѣ что плохо лежитъ, а потомъ посылаютъ туда своихъ учениковъ. Ученикъ, безпрепятственно сломавшій

„фомкою сережку“ (всякимъ орудіемъ замокъ) и притащившій добычу, либо только удачно ускользнувшій отъ привязчивыхъ „пауковъ“ (городовыхъ), за это поощряется чайкомъ, выпивкою; тотъ же, кому въ теченіи 2—4-хъ дней „не форты“ (не удалось) доставить учителю никакой выгоды, съ позоромъ изгоняется изъ трущобы, въ которой „валялся на рогожкѣ, да ѣлъ черствый хлѣбъ съ дубовыми щами“.

Подвергшіеся изгнанію изъ трущобы смѣльчаки, организуютъ, изъ своей среды, шайку, избираютъ атамана *) пускаются на добычу и дѣлятъ ее между собою поровну. Трусливые же пускаются на торную дорогу поодиночкѣ, въ разбродъ; причемъ, спустивъ на пищу и ночлегъ свои пожитки, переряжаются въ лохмотья и днемъ слоняются по церковнымъ папертямъ, скверамъ, по дворницкимъ, трактирамъ, балаганамъ съ живностью и т. д., вездѣ наровя что нибудь похитить. Если въ теченіи дня не повезетъ—они, съ наступленіемъ, сумерекъ перебираются на лѣстницы, высматриваютъ—не отворена ли гдѣ дверь; не отпертъ ли чердакъ; пролезаютъ въ слуховыя окна, спускаются по водосточнымъ трубамъ, и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, стаскиваютъ вещи; отвертываютъ: мѣдныя дощечки съ дверей, замки отъ ларей, фонари, даже вынимаютъ стекла... Словомъ, эти отверженцы ничѣмъ не пренебрегаютъ для пріобрѣтенія пропитанія!... Съ добытыми предметами направляются они къ тряпичникамъ (это самые вѣрные покупатели), въ извѣстныя имъ заведенія, лавки, гдѣ сбываютъ все за самую дешевую цѣну, а съ деньгами заначовываютъ въ малолюдныхъ трактирахъ-ямкахъ, либо и въ домахъ терпимости

---

*) Я помню 12-ти-лѣтняго красиваго Богданова, бывшаго около 2-хъ лѣтъ сряду атаманомъ за чрезвычайную свою ловкость и сообразительность. Судился онъ 6 разъ. Наконецъ, какъ безроднаго, его выслали въ Тамбовъ, но онъ пѣшкомъ вернулся сюда, потому что „тамъ скучно было безъ дѣла“, какъ онъ мнѣ говорилъ. Однако, попавшись 7-й разъ за „дѣло“, онъ зачахъ и умеръ въ тюремной больницѣ; при благопріятныхъ воспитательныхъ условіяхъ изъ него вышелъ бы, навѣрное, замѣчательный человѣкъ...

низшаго сорта; если же заработокъ не превышаетъ 10 коп., то и въ ночлежныхъ пріютахъ. Ежели же день пропадаетъ безплодно, а также если въ карманѣ и желудкѣ пусто—мальчики проводятъ всю ночь въ хожденіи по улицамъ, въ выискиваніи случая снять что нибудь съ запоздалаго, охмѣлевшаго обывателя. Только—крайняя усталость и изнеможеніе загоняютъ ихъ на окраины города, въ пустые сараи, барки, огородныя будки, на сѣновалы и т. п. Съ разсвѣтомъ продолжается та же отчаянная борьба съ невзгодами, которая увеличиваетъ въ нихъ смѣлость. Съ голоду они мѣняютъ — съ выгодою, конечно, для себя, не то и продаютъ—свои „бирки“ (паспорты), а безъ нихъ—нейдутъ уже и въ ночлежные пріюты, чтобы не быть арестованными; просятъ, плача съ горя, на углахъ милостыню, именуясь—выписанными, утромъ, изъ больницъ; рѣшаются на глазахъ всѣхъ взламывать кладовыя и т. п.

У этихъ несчастныхъ дѣтей, также какъ и у взрослыхъ, есть свой жаргонъ, однимъ имъ понятный. Вотъ любопытный образчикъ этого жаргона, съ вѣрнымъ переводомъ. Если одинъ воруетъ, а другой — наблюдавшій, чтобы не попасться, крикнетъ: „шестъ“, значитъ—опасность столь велика, что первый обязанъ все бросить и бѣжать безъ оглядки. Быть пойманнымъ—называется—„сгорѣть“; когда ведутъ въ полицію схваченнаго, онъ—„втрекался“; при погонѣ передать похищенное другому, значитъ „перетырка“; полицейскіе чиновники именуются „фараоны“; „сламъ“—дѣлежъ; „голуби“—бѣлье; „луковица“—часы; „шишка“—кошелекъ; „лопатошникъ“—бумажникъ; „лепень“—платокъ; „оржина“—деньги; „герцовка“—рубль; „пѣтухъ“—5 р. бумажка; „скуржа“—серебро; „перевязь“—цѣпочка; „камюшка“—шапка; „шкеры“—брюки; „кони“—сапоги. Если одинъ укралъ у другаго, незнакомаго, но, по профессіи, тоже вора, и послѣдній, хвативишсь предмета, скажетъ обокравшему его „стремъ“—тотъ тотчасъ же возвратитъ похищенное: обижать *товарища* не принято.

...бившиеся, въ короткое время, изъ сиротъ, мальчики конча... ...домыми преступленіями, попадаютъ въ части, а изъ нихъ ...къ, подъ стражу. Лѣтомъ ихъ содержится на половину ...ѣе, нежели зимою: лѣтомъ теплой одежды не нужно, ноче... удобно въ паркахъ, лѣсахъ, да на дачахъ, гдѣ бываетъ ...до трудиѣе ловить ихъ, вслѣдствіе незначительнаго состава ... полиціи. Съ наступленіемъ же осени и съ опустѣніемъ ...дачи принуждены, какъ и взрослые, перебираться въ го..., ...гдѣ нужно и одѣваться лучше, и имѣть пристанище отъ ...оды, а слѣдовательно, и усиленнѣе работать—красть!... А ...сько—и какихъ сильныхъ—побоевъ выносятъ эти несчаст... ...дѣти при поимкѣ ихъ на мѣстѣ преступленія, при препро...ленія въ полицію—это „только грудь-да подошвека моя зна...", отвѣчаютъ они со слезами на глазахъ... . . . . . .

Разсказанное нагнало на весь персоналъ Совѣта и Коми... ...уныніе, а воспитателей вынуждало отказываться отъ служ... (въ 2 года перемѣнилось счетомъ *десять* воспитателей). Со... ...да сколько могъ, старался поддерживать учебно-воспита... ...ную часть, которою въ особенности занимался, изъ Директоровъ, ...дин Н. Л. Люманъ. Всѣ числѣ средствъ къ облегченію ...ия мальчиковъ, болѣе практичными оказались два: мальчи... ...имѣвшихъ въ провинціяхъ родителей, было рѣшено отсы... ...къ нимъ по миновaніи сроковъ заключенія, а безрод... ...—помѣщать въ пріютъ. Совѣтъ отправлялъ многихъ на ...л комитетскій счетъ на родину *), чтобы удалить ихъ отъ ...наго вліянія столичнаго ихъ быта, да разработалъ про... ...пріюта, по программѣ народныхъ школъ. Содержать пріютъ ...предполагалъ Комитетъ на средства изъ собственныхъ ис...иковъ. Проектъ этотъ былъ представленъ г. Президенту ...1874 г.), но не удостоился одобренія, потому что, по за...

*) На эту отсылку тратили свои деньги чаще и больше всѣхъ Ѳ. Н. Смир... и Ф. В. Кравцовъ.

кону, Комитетъ, призванный дѣйствовать только въ *стѣнахъ* тюрьмы—неправильно мечталъ работать *на волѣ*, что входитъ въ округъ обязанностей уже другихъ вѣдомствъ... Тогда принялись опять стараться вырвать дѣтей изъ тюрьмы, и добились перевода ихъ (14 декабря 1875 г.) въ Коломенскую часть, гдѣ отвели отдѣльное помѣщеніе лишь для *осужденныхъ*, а *подслѣдственныхъ* направили: считавшихся за окружнымъ судомъ—въ домъ предварительнаго заключенія, а за мировымъ судомъ—въ полицейскія части, тогда какъ, въ обоихъ мѣстахъ, они принуждены были исключительно *сидѣть*: никакихъ ни учебныхъ, ни физическихъ занятій тамъ не полагалось.

Помѣщеніе отдѣленія было обставлено прилично, завели кое-какія мастерскія, административнымъ порядкомъ ослабили, въ значительной степени, суровый уставъ о содержащ. подъ стражею, распредѣлили дневныя занятія мальчиковъ, приставили для наблюденія за ними надзирателей, увеличили педагогическій персоналъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ мѣръ, мальчики зажили нѣсколько свободнѣе. Перебывало въ этомъ отдѣленіи, съ декабря 1875 г. по 1877 годъ—240 человѣкъ, на волѣ учившихся ремесламъ: сапожному—10; переплетному—6; столярному—14; портняжному—26; позолотному и часовому—12; служившихъ: чернорабочими—121, въ торговыхъ и питейныхъ заведеніяхъ—48; наконецъ, не имѣвшихъ никакихъ занятій—8 человѣкъ. Изъ этихъ 240 человѣкъ безграмотныхъ было всего 15%, а рецидивистовъ—44 человѣка; 236 человѣкъ принадлежали къ крестьянскому сословію. Объ умственномъ и нравственномъ развитіи мальчиковъ за это время прилагалось самое ничтожное попеченіе. Причина такого печальнаго состоянія дѣлъ заключалась въ томъ, что въ это время произошла растрата суммъ, и Члены, пораженные этимъ неслыханнымъ событіемъ, побросали свои занятія: одни—изъ опасенія подвергнуться отвѣтственности; другіе — по слабохарактерности; третьи—вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній къ виновникамъ растратъ. Въ свою очередь, воспитательный

персоналъ, воспользовавшись отсутствіемъ надзора за нимъ, являлся въ отдѣленіе только для случайнаго инспектированія, на часъ или полчаса, въ сутки.

Наконецъ, виновные въ растратѣ суммъ по „строптительности характера и легкомыслію" оставили Комитетъ и Предсѣдателемъ былъ назначенъ Ѳ. Н. Смирной. Онъ съ такою горячностію относся къ интересамъ малолѣтняго отдѣленія, что доходилъ даже до пристрастія къ отдѣленію противъ другихъ учрежденій. Онъ тотчасъ же организовалъ надъ отдѣленіемъ Попечительство, подъ предсѣдательствомъ Ю. Ф. Неймана, изъ Н. Л. Ломана, А. I. Кочетова и другихъ Директоровъ. Попечительство это, по инициативѣ Ѳ. Н. Смирного, тотчасъ же замѣнило негодный воспитательный персоналъ новымъ, живо исправило всѣ упущенія, ввело во всемъ полный порядокъ, а вслѣдъ за тѣмъ, Комитетъ снова приступилъ къ осуществленію завѣтной мысли—устроить ремесленный исправительный пріютъ. По важности этого вопроса, онъ обсуждался, 16 Февраля 1878 г., въ многочисленномъ экстренномъ собраніи и пренія были стенографированы. Бывшій тогда еще въ числѣ Директоровъ, И Я. Фойницкій *), вслѣдствіе полнѣйшаго незнанія натуры и положенія дѣтей, настаивалъ на суровомъ содержаніи этихъ „безнравственныхъ преступниковъ". Доводы г. Фойницкаго были выслушаны многими съ негодованіемъ. Я также счелъ долгомъ заявить, что не раздѣляю страннаго мнѣнія г. Фойницкаго, будто дѣти только „преступники и преступники"; будто бы ничего хорошаго, изъ нихъ выдти уже не можетъ и будто бы они дѣлаются рецедивистами только въ силу своей глубокой безнравственности. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, я пояснилъ: „мальчикъ, похитившій 10 листовъ бумаги, или кнутъ у извозчика—за что содержится въ тюрьмѣ два, три мѣсяца—вовсе не преступникъ, и собственно исправлять его едвали предстоитъ и надобность. Надо знать причины, по которымъ эти бѣдные

*) Комитетъ освободился и отъ него въ 1878 году. Онъ-то и оправдывалъ растрату „строптительностію характера и легкомысліемъ" обвинявшихся.

дѣтей впадаютъ въ проступки и отчего дѣлаются рецидивистами, а потомъ уже устанавливать степень ихъ безнравственности. Изъ деревень кулаки привозятъ мальчиковъ партіями и раздаютъ, за деньги (просто: торгуютъ ими): кого—въ мастерскую; кого—въ лавку; кого—въ кабакъ и т. д. Тутъ они остаются на произволъ хозяевъ, которые дѣйствуютъ съ ними такимъ образомъ, что мальчикъ приходитъ въ отчаяніе отъ дурнаго обращенія, убѣгаетъ, слоняется по улицамъ въ отрепьяхъ, голодный... Искать помощи, защиты, ему, одинокому, безродному, не у кого!.. У него не хватаетъ силъ терпѣть голодъ—и вотъ онъ стаскиваетъ сайку съ лотка, кнутъ у извощика, или что нибудь въ этомъ родѣ; его задерживаютъ, осуждаютъ—и вотъ онъ: это несчастное дитя, *преступникъ!*... Между тѣмъ, если вникнуть въ его горькую участь, легко убѣдиться, что ничего преступнаго въ немъ нѣтъ: его вынудила на проступокъ просто отвратительная жизнь у хозяина, крайность, отчаяніе... Мальчикъ попадаетъ въ тюрьму, просиживаетъ тамъ извѣстный срокъ, выходитъ изъ нея и—для него является грозный вопросъ: куда дѣваться? Обратиться къ прежнему хозяину, виновнику его несчастія—у него не хватаетъ духа, да тотъ и самъ не возьметъ его, не способнаго покорно выносить мученія, которымъ онъ подвергался; другихъ хозяевъ—брошенный на произволъ судьбы, мальчикъ не знаетъ гдѣ искать... И опять, оставшись безъ крова, поневолѣ шатается онъ по улицамъ, дрогнетъ, голодаетъ; умереть голодною смертью у него недостаетъ мужества—и вотъ онъ *рецидивистъ!*.. Пристроить выпущенныхъ изъ тюремъ къ мѣстамъ—задача чрезвычайно трудная, почти недостижимая при низкомъ уровнѣ развитія и безсердечіи нашихъ торговцевъ и хозяевъ-ремесленниковъ. Этихъ мальчиковъ, какъ чумы, всѣ обѣгаютъ... Пристраивать такихъ мальчиковъ мнѣ иногда удавалось только путемъ обмана: приходилось хвалить его, говорить, что онъ прекрасный мальчикъ, безродный, а что онъ былъ въ тюрьмѣ—тщательно скрывать и т. д. Но коль скоро вы скажете ли

встрѣчается, по словамъ записки, разительная несоразмѣрность наказаній за однѣ и тѣ же преступленія между взрослыми и дѣтьми, къ вящшему отягощенію участи послѣднихъ: по 1676 ст. Улож. совершеннолѣтніе подлежатъ полицейской расправѣ за маловажные проступки, какъ — воровство, кража и воровство-мошенничество, когда цѣна похищеннаго не превышаетъ 30 р., за что опредѣлено денежное взысканіе до 30 р., арестъ до 3 мѣсяцевъ,—или же—до 30 ударовъ розгами; а по 146 ст. Улож., несовершеннолѣтніе за тѣ же преступленія отдаются въ солдаты. Совершеннолѣтніе, не подвергаясь тюремному заключенію, наказываются и возвращаются домой, а несовершеннолѣтніе, надолго заключаются въ тюрьму, предаются суду совѣстному и въ заключеніе еще наказываются. Наглядными этому примѣрами служатъ пять дѣлъ совѣстнаго суда, по коимъ подсудимые; за первую кражу: одинъ — 26 р.; другой — на 9 р., третій — на 6 р. 10 к., четвертый—на 1 р., а пятый—на 30 к.—приговорены въ солдаты, по 146 ст. Совѣстный судъ, основываясь на своей обязанности быть „человѣколюбивымъ"—ходтайствовалъ предъ Сенатомъ о вмѣненіи всѣмъ 5-ти подсудимымъ въ наказаніе—долговременное содержаніе ихъ подъ стражею—но Сенатъ, ссылаясь именно на 146 ст. — отвергъ это ходатайство.

Отсюда слѣдуетъ, что покровительству совѣстныхъ судовъ несовершеннолѣтніе и малолѣтніе поручены въ наказаніе ихъ только за важныя преступленія, но отнюдь не за маловажные проступки, при которыхъ ихъ участь несравненно тягостнѣе участи совершеннолѣтнихъ преступниковъ. Несообразность закона сего уже разсматривалась въ губернскомъ правленіи и въ Сенатѣ; но пока дойдетъ до высшей законодательной инстанціи—протечетъ много времени, а дѣла накопляются въ совѣстныхъ судахъ, подсудимые томятся въ заключеніи годами и многіе, не дождавшись рѣшенія своей участи—преждевременно умираютъ: изъ общаго числа судившихся, въ 1846—1848 гг., въ совѣстномъ судѣ 893 арестантовъ—умерло несовершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ, до состоянія о нихъ приговора 72 челов., ибо содержались подъ стражею: почти годъ—37 годъ—1, болѣе года—30, а долѣе 2 лѣтъ—4 человѣка. Этихъ умершихъ, по состоявшимся о нихъ, впослѣдствіи приговорамъ, опредѣлено: одного—отдать роднымъ; двухъ——отослать на родину; одного—освободить; прочіе же ни къ чему не осуждены, собственно за ихъ смертію. Наконецъ, изъ числа умершихъ судились: за неимѣніе вида—10, за сокрытіе своего званія—3; за бродяжничество—11 и т. д.

Судьба подсудимыхъ дѣтей отягощается, число томящихся въ заключеніи и дѣлъ о нихъ увеличивается въ ужасаю-

[redacted]

представлены, куда слѣдовало, 24 мая 1878 г. Построить и обезпечить пріютъ предполагалось на 140.000 р., освободившихся отъ специальнаго ихъ назначенія — выкупа неисправныхъ должниковъ, за отмѣною заключенія подъ стражу за долги. Мѣсто для пріюта предполагалось арендовать отъ Кабинета Его Величества за 695 р. 50 к. въ годъ. Изъ проектированныхъ мѣръ до сихъ поръ, однако, ничего еще не исполнено до сихъ поръ не осуществлено, потому что сами проекты еще не утверждены; безъ особеннаго, впрочемъ, надо признаться, ущерба: благодаря сочувствію Градоначальника, попечительство пользуется самымъ широкимъ просторомъ дѣйствій.

Въ ожиданіи преобразованія отдѣленія въ пріютъ, оно (отдѣленіе), въ 1878 г. было еще значительно улучшено: на 40—50 мальчиковъ, Комитетъ опредѣлилъ воспитателя, съ жалованьемъ въ 1.500 р., и трехъ ему помощниковъ, по 600 р., трехъ мастеровъ: столярнаго, портняжнаго и сапожнаго ремеслъ, которыя и были введены. Къ положенной казенной пищѣ Комитетомъ прибавлены: чай, молоко, бѣлый хлѣбъ; по просьбѣ попечительства Градоначальникъ разрѣшилъ водить мальчиковъ, ежедневно, прогуливаться, подъ надлежащимъ надзоромъ, по улицамъ, а лѣтомъ и купаться. Заработокъ дается имъ, въ видѣ награды, за ученіе и поведеніе. Помощники-воспитатели живутъ въ самомъ отдѣленіи, куда могутъ свободно входить и родные мальчиковъ. Освобождаемыхъ изъ отдѣленія помѣщаютъ въ существующее отъ Комитета, съ 1875 г., убѣжище, гдѣ они живутъ, по нѣскольку мѣсяцевъ, а иные и по году, на всемъ готовомъ и продолжаютъ учиться работать въ мастерскихъ. Изъ убѣжища они уже легче пристраиваются къ мѣстамъ.

Въ то время, когда для осужденныхъ мальчиковъ сдѣлано почти все, для *подслѣдственныхъ*—ровно ничего не было сдѣлано; они съ утра до ночи валяются на нарахъ, въ частяхъ, впадаютъ въ проступки, дурѣютъ отъ полнѣйшаго бездѣйствія, поэтому-то мы и возбудили (въ сентябрѣ 1878 г.) вопросъ о

[illegible] 1878 г. [illegible] 3.558), [illegible] Воспитательной [illegible] свободы (20 марта 1879 г.) [illegible] теченіе 1878 г. [illegible] 244 [illegible] 1; [illegible] 20; [illegible] 201; [illegible] 1; [illegible] Судимыхъ [illegible] 199; [illegible] 2; [illegible] 130 [illegible] 4; [illegible] 49 [illegible] 66 [illegible] ное образованіе—143; научившихся читать и писать—59; [illegible] р. 80 [illegible] года [illegible] р. 815 [illegible] 1 [illegible] 94 [illegible] 200 р. 18 к. [illegible] въ воспитаніи и образованіи [illegible] служили въ тюремной церкви, куда они ходили подъ над[illegible] [illegible]тателей и надзирателей, совершеніе [illegible]

священниковъ въ самомъ отдѣленіи; школьное обученіе; бесѣды, чтенія; обученіе мастерствамъ и систематическая трудовая жизнь. Учебный курсъ школы распадался на два класса: въ 1-мъ обучались безграмотные и полуграмотные, а во 2-мъ—умѣвшіе порядочно читать, писать и нѣсколько знакомые со счетомъ. По закону Божію имъ сообщались фактическія свѣдѣнія изъ священной исторіи, основы христіанскаго ученія, съ нравственными выводами въ примѣненіи къ жизни малолѣтнихъ. Другими предметами преподаванія были: въ 1-мъ классѣ — обученіе чтенію, письму и ариѳметикѣ: во 2-мъ классѣ—чтеніе, письмо подъ диктовку и ариѳметика (именованныя и отвлеченныя числа). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ обоихъ классахъ велись бесѣды по отчизновѣдѣнію, два раза въ недѣлю, да объяснительныя чтенія статей по другимъ полезнымъ свѣдѣніямъ (біографическіе, историческіе и естественно-научные очерки и разсказы)—два раза въ недѣлю, и обученіе пѣнію — два же урока въ недѣлю. Кромѣ того, по праздникамъ происходили чтенія съ волшебнымъ фонаремъ. Пособіемъ и восполненіемъ школьнаго обученія служила библіотека, состоявшая изъ учебниковъ, руководствъ для учителей, книгъ для чтенія религіозно-нравственнаго, историческаго, этнографическаго и естественно-научнаго содержанія, путешествій, дѣтскихъ повѣстей и разсказовъ. Всѣхъ книгъ значилось 268 экземпляра.

Въ теченіи отчетнаго года, изъ 244 малолѣтнихъ обучалось: въ швальной—82; сапожной—51; столярной—37; переплетной—18; мѣшочной—31; щипали пеньку—25.; За трудъ въ мастерскихъ мальчикамъ полагалось: за вновь изготовленную вещь—половина назначенной за нее суммы, за починку же—$^2/_3$, а остальная часть платы обращалась на содержаніе мастерскихъ. Заработки питомцевъ могли покрывать лишь расходъ на матеріалы и инструменты. Заработали они 888 р. 9 к.; затрачено же было: на матеріалъ—458 р. 77 к.; на инструменты—48 р. 61 к.; выдано имъ заработка—381 р. 88 к.; общихъ расхо-

Возвращаясь къ мальчикамъ, отмѣтимъ, что они часто радовали Комитетъ: завѣдывавшій ими Членъ, князь Н. И. Дудуковъ-Корсаковъ, 16 марта 1856 г. доносилъ, напримѣръ, что они „содержатся выше всякой похвалы—хорошо; произведеннымъ при мнѣ экзаменомъ ихъ ученія, они оказались—правильно пишущими подъ диктовку, твердо знающими Законъ Божій, молитвы, символъ вѣры, а поведеніе ихъ таково, что изъ 45 человѣкъ никто, въ теченіе года, не подвергался никакимъ наказаніямъ".

Занимали въ отдѣленіи мальчиковъ грамотностью и разными работами, но регулировать и въ особенности контролировать занятія—Комитету не удавалось; провѣрку этой *доходной* статьи начальство заведенія отклоняло, а отъ совмѣстнаго пріисканія работъ и распредѣленія вознагражденія ихъ—рѣшительно отказывалось. Это также служило предметомъ полемики между Комитетомъ и попечителями заведенія, но одолѣвалъ Комитетъ до нѣкоторой лишь степени только тогда, когда завѣдывали отдѣленіемъ Директора, по своей *знатности*, имѣвшіе сильное вліяніе въ внешнихъ сферахъ, а это случалось рѣдко, до наступленія нынѣшняго царствованія.

Въ это время, духъ прогресса понемногу вторгся и въ заведеніе, и Комитетъ постепенно вступалъ въ свои права надъ отдѣленіемъ. По настоянію Директора, князя К. А. Суворова, освободили мальчиковъ отъ щипанья пеньки, вредно дѣйствующаго на здоровье вообще и на зрѣніе въ особенности, но за то дѣтей заставляли щипать корпію, въ *свободное* отъ классовъ время (въ 1865 г.). Директоръ, Н. С. Шустовъ, устроилъ для нихъ портняжную мастерскую, въ которой роботали 20 мальчиковъ изъ 36, подъ руководствомъ дядекъ-ремесленниковъ. Изъ чистаго заработка—$^3/_4$ удѣлялось мальчикамъ, въ поощреніе за трудъ, причемъ деньги эти сдавались въ сберегательную кассу на отдѣльныя, для каждаго, книжечки, до освобожденія дѣтей изъ подъ ареста. Для обученія ихъ пѣнію, Комитетъ нанялъ пѣвчаго придворной

слѣдить за чистотою и убирать комнаты: это считается знакомъ довѣрія со стороны воспитателей.

Изъ разсказаннаго, читатели убѣдились, полагаемъ, что отдѣленіе находится въ хорошемъ состояніи, которымъ оно обязано, безъ преувеличенія можно сказать, Ѳ. Н. Смирнову, Ю. Ф. Нейману, А. І. Кочетову и Н. Л. Ломану, проводившимъ тамъ ежедневно по нѣскольку часовъ сряду и дѣйствовавшимъ систематически, какъ опытные педагоги.

Ознакомивъ читателей со всѣми законодательными, административными, педагогическими и бытовыми перемѣнами, происшедшими съ арестованными дѣтьми втеченіи 60-ти лѣтъ,—перейдемъ къ нѣкоторой дополнительной характеристикѣ дѣтей, причемъ постараемся выяснить, какія именно личности пригодны въ руководители этихъ дѣтей.

Дѣтей исправляли, разновременно, суровыми, строгими и мягкими мѣрами. Самыя удобопримѣнимыя, благотворныя оказались послѣднія мѣры, и вотъ почему, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ лишившіяся родительскаго попеченія, брошенныя: сперва—въ сферу тягостнаго физическаго труда, а потомъ—на холодъ, голодъ, „только лѣнивыми не колоченные,“ во время ихъ бродяжничанья по волѣ, дѣти эти совершено привыкли, притерпѣлись ко всякимъ жестокостямъ, грубостямъ и пошлостямъ, такъ что всѣ эти суровыя мѣры представлялись имъ обыкновенными, неразлучными съ горемычнымъ ихъ житьемъ-бытьемъ, и потому для нихъ вовсе неисправительными, даже и не страшными. Смотритель сѣкъ ихъ за шалости, а они отвѣчали ему за это—новыми шалостями и, по мѣрѣ своихъ силъ и возможности, мстили ему. Надзиратель днемъ колотилъ ихъ, а они ночью изрѣзывали въ клочки его шинель. Учитель заставлялъ ихъ наизусть „вызубривать“ по страницѣ, ставилъ на колѣни, а они на экзаменахъ, по предварительному уговору, отвѣчали на всѣ вопросы молчаніемъ, или объявляли, что учитель ничему ихъ не училъ и т. д. Словомъ, *они* ожесточались, мстили, какъ и чѣмъ только могли. Въ

[redacted]

„малолѣтнихъ отдѣленіи они встрѣчалися съ тою же системою, которая практиковалась надъ ними вездѣ, гдѣ они прежде учились, служили, работали. Понятно, что въ такой системѣ исправленія не было ни малѣйшаго прока, тѣмъ болѣе, что, по освобожденіи дѣтей изъ-подъ стражи, имъ опять негдѣ было провести первую же ночь, вслѣдствіе чего они продолжали совершать кражи, возвращаться подъ арестъ, страдать физически и нравственно.

Между тѣмъ, когда съ момента привода ихъ въ отдѣленіе для нихъ прекращалась надобность вести борьбу за свое существованіе на волѣ, когда въ отдѣленіи встрѣчали ихъ словомъ участія; ласково разспрашивали о родителяхъ; обѣщали не давать ихъ въ обиду; покровительствовать имъ; совѣтовали имъ научиться грамотѣ, ремеслу, чтобы потомъ имѣть честный заработокъ, они совершенно терялись, часто, въ умиленіи, плакали отъ этого обхожденія, о которомъ прежде и не слыхивали. Затѣмъ, когда они, черезъ день-другой, убѣждались, что имъ не „лясы точили", а говорили правду — они становились старательными, покорными, признательными. Истрадавшіеся, изнурившіеся физически и морально, ничего хорошаго не ждавшіе, они вдругъ, неожиданно, обрѣтали это хорошее, и потому придавали ему высокую цѣну... Независимо отъ сказаннаго, они быстро измѣнялись къ лучшему и потому еще, что вся обстановка въ отдѣленіи была для нихъ чѣмъ-то *новымъ*. Все это примиряло ихъ съ окружающими; вызывало въ нихъ,—кстати прибавимъ:—весьма сообразительныхъ, впечатлительныхъ,—заглохшую-было потребность предъ кѣмъ нибудь быть откровеннымъ, кого-нибудь уважать, даже любить. Пріобрѣсти полную довѣрчивость со стороны этихъ дѣтей—дѣло, впрочемъ, медленное и не для всякаго доступное. Въ силу обстоятельствъ своей прежней жизни,—эти дѣти бываютъ чрезвычайно мнительны, трусливы передъ властями, а потому откровенны могутъ быть только предъ тѣми изъ воспитателей и членовъ, которые не имѣютъ начальственнаго тона, а просто присядутъ къ нимъ и

поведутъ рѣчь ровнымъ, сочувственнымъ голосомъ; усмѣютъ задѣть живую ихъ струну. Мальчикъ, напр., сидѣлъ третій разъ и слылъ отчаяннымъ, ничему не учился, а шалилъ безпрерывно. Ни лишеніе чая и булки, ни отдѣленіе отъ товарищей, ни сидѣнье въ карцерѣ — короче, ничто на него не дѣйствовало. Вдругъ мать прислала ему изъ деревни письмо о томъ, что пожаръ истребилъ ихъ избу и всю рухлядь, и что она принуждена ходить по міру. Я прочелъ мальчику это письмо въ присутствіи его товарищей. Онъ задумался.

— Видишь-ли, въ какомъ горѣ твоя мать, а ты, 15-тилѣтній ея сынъ, единственный ея будущій кормилецъ, — третій разъ въ тюрьмѣ сидишь, да и здѣсь только дебоширишь... Не стыдись, опомнись!

— Я шалилъ—это правда, но съ сегодняшняго дня, будьте увѣрены, перестану — твердо отвѣтилъ онъ, вспыхнувъ. — Вы увидите, что я буду кормильцемъ матери.

И дѣйствительно, съ этого момента онъ точно переродился: велъ себя прекрасно, старательно занялся сапожнымъ ремесломъ, чрезъ 6 мѣсяцевъ выучился цѣлые сапоги шить и скопилъ 10 руб. Эти деньги были отправлены его матери, а самъ онъ торжествовалъ побѣду надъ собой.

Другой остепенился изъ опасенія, какъ бы не осуществили угрозу — отправить его на родину по этапу: „потому совѣстно будетъ домой глаза показать". Третій, напротивъ,—умолялъ отослать его, какимъ угодно способомъ, въ деревню, „не то я здѣсь встрѣчусь съ товарищами и безпремѣнно опять заболтаюсь съ ними и сбѣдокурю". Четвертый—былъ съ такими громадными способностями, что въ теченіи трехъ лѣтъ перемѣнилъ у сапожника, переплетчика, слесаря — всѣмъ ремесламъ научился, но нигдѣ, вслѣдствіе своего чрезвычайно подвижного темперамента, ужиться не могъ: „скучно становилось, когда выучивался"—объяснялъ онъ. Пятаго—взяла къ себѣ знатная дама, нарядила по-барски, отвела ему отдѣльную комнату, наняла ему гувернера; но онъ

„стосковался въ хоромахъ,“ завелъ дружбу съ поваромъ, а тотъ подстрекнулъ его на кражу серебра у благодѣтельницы, и онъ попалъ вновь въ тюрьму, гдѣ и умеръ. Шестой—предпочиталъ всѣмъ тюрьму, потому что „тамъ голодаешь, голодаешь, работаешь какъ волъ, и всякій тебя бьетъ; а здѣсь — сытно: кормятъ, учатъ, даютъ отдыхъ, пальцемъ не трогаютъ... ну, тутъ и вольготнѣй жить“ и т. д.

Собственно, грамотѣ мальчиковъ учили послѣдовательно, по всѣмъ методамъ, какіе когда-то существовали у насъ въ вольныхъ школахъ. Учительствовали разновременно, сообразно духу времени: дьячки, священники, офицеры, технологи, дѣствительные и самозванные педагоги, но вліяніе имѣли на дѣтей лишь тѣ изъ учителей, которые умѣли ясно, выразительно излагать предметъ, понимать натуру обездоленныхъ дѣтей, да знали *деревенскій бытъ*. Этими качествами они увлекали ихъ вниманіе и пріобрѣтали въ ихъ глазахъ авторитетъ. Такимъ именно воспитателемъ былъ баронъ М. О. Косинскій. Учителя же, старавшіеся „краснобайничать,“ говорившіе вяло, или заикавшіеся — никакого значенія въ ихъ глазахъ не имѣли: „трещитъ, точно сверчокъ;“ „у самаго въ чердакѣ пусто;“ „душу вытягиваетъ своимъ эканьемъ,“ говаривали про такихъ учителей дѣти. Мы часто сиживали въ классахъ для наблюденія за степенью воспріимчивости дѣтей. Однажды, священникъ горячо толковалъ на тему: „грѣхъ воровать“. Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. По окончаніи бесѣды мы спросили одного изъ мальчиковъ: понравилась ли она ему?

— Да, очень, очень понравилась; но только я думаю... Онъ замялся.

— Договаривай, что думаешь: я, будь увѣренъ, тебя не выдамъ.

— Хоть батюшка и преотлично говоритъ, а коли ему нечего станетъ жрать—и онъ украдетъ,—вотъ, что я думаю — потому съ пустымъ брюхомъ жить нельзя.

— Слышавшіе этотъ отвѣтъ товарищи одобрительно кивали головами, а одинъ прибавилъ:

— Батюшка разсказывалъ, какъ Богъ и святые терпѣли, да намъ велѣли; но мы—грѣшные, въ насъ терпѣнья и не хватаетъ... Ничего, стало быть и не подѣлаешь.

Священникъ услыхалъ эти разсужденія и тотчасъ же снова повелъ бесѣду и говорилъ цѣлый часъ, но ужь ни на іоту не разрушилъ, какъ мы видѣли, мнѣнія своихъ слушателей.

Другой учитель-штюкмейстеръ, преподавая ариѳметику, спросилъ одного мальчика: сколько у него и двухъ его сосѣдей пальцевъ на рукахъ?

— Разумѣется, тридцать, съ безграничнымъ негодованіемъ въ голосѣ и лицѣ, отозвался спрошенный.

— Отчего же ты такъ разозлился?

— Оттого, что пустымъ вопросомъ только конфуаите меня. Я, сколько угодно, сосчитаю вамъ.

И дѣйствительно, мальчикъ этотъ сидѣлъ за кражу брилліанта, который продалъ за 1.205 руб., а изъ денегъ отослалъ: отцу—450 р., брату—40 р., на 75 р. экипировался, рублей 30 прогулялъ, а остальные нашли при немъ, при его заарестованіи.

— А кто знаетъ: сколько въ четырехъ пятіалтынныхъ копѣекъ?

— Извѣстно шестьдесятъ!—гаркнуло нѣсколько голосовъ разомъ. Нѣтъ ли въ ариѳметикѣ какихъ задачъ позамысловатѣе?...

Учитель смутился и поспѣшилъ кончить урокъ. Факты поучительны для нашихъ методистовъ-цыфирелнихъ...

Третій учитель называлъ мальчиковъ „вы“.

— Мы прозываемся арестантами, только лѣнивый насъ не колачивалъ, а онъ съ нами миндальничаетъ — выкаетъ насъ— разсуждали мальчики про себя. Этакій дур-ракъ!...

И учителя иначе не называли, какъ „дур-ракъ“.

Четвертый учитель спросилъ: для чего крестьянину лошадь?

Всѣ презрительно переглянулись, но молчали. Учитель повторилъ вопросъ.

— Лошадь въ крестьянствѣ нужна, чтобы пахать, боронить, снопы, дрова возить,—сердито отозвался одинъ.—Неужто вы этого не знаете?—уже съ упрекомъ спросилъ онъ.

— Я хотѣлъ отъ васъ услышать отвѣтъ.

— Спрашивайте про что нибудь такое, чего мы не знаемъ, а для такихъ пустяковъ и въ классѣ сидѣть не стоитъ: всѣ знаютъ, что Христовъ день праздникъ.

Пятый учитель, знакомясь съ мальчиками, домогался узнать отъ нихъ въ чемъ они повинны?

— Да взялъ изъ дворницкой чуйку, меня съ нею и остановили...

— Отчего вы всѣ отвѣчаете „взялъ,“ а не „укралъ,“ когда за то именно, что „крали,“ васъ и осудили.

— Изойдите вы всѣ части, всѣ тюрьмы, да переспросите всѣхъ: за что сидятъ, и развѣ трое-пятеро изъ ста скажутъ вамъ: „укралъ,“ а не „взялъ“.

— Почему же не скажутъ „укралъ“?—приставалъ учитель.

— Да потому, что слово это „укралъ“ скверное, ну—и *стыдно* его вымолвить. Вотъ и вся недолга! Прежде около насъ приглядитесь, а потомъ ужь и мы у васъ поучимся съ полнымъ нашимъ удовольствіемъ...

— Вы умны, но и намъ палецъ въ ротъ не кладите: откусимъ — подхватилъ другой.—Извините за правду!

Въ засѣданіи петербургскаго Педагогическаго общества сидѣли, однажды, рядомъ двое молодыхъ людей и я. Одинъ освѣдомился у другого: гдѣ онъ учительствуетъ? Тотъ отвѣтилъ: въ тюрьмѣ у малолѣтнихъ.

— Ахъ это занятіе должно быть чрезвычайно поучительное и полезное въ интересахъ общества?

— Изучать воришекъ? Ничуть не бывало! Сносны изъ нихъ только сидящіе въ первый разъ; рецидивисты же—просто негодяи отъявленные, и я ихъ ненавижу за ихъ уловки...

Услышавъ приведенный отзывъ педагога объ его ученикахъ, я на другой день узналъ, что педагогъ такъ рѣзко отзывался о дѣтяхъ вслѣдствіе того, что они живо разгадали его бездарность и, чтобы злить его, нарочно осаждали его самими разнообразными вопросами и вслухъ сомнѣвались въ вѣрности его отвѣтовъ.

Смѣло увѣряемъ всѣхъ и каждаго, что полезнымъ учителемъ тюремныхъ мальчиковъ можетъ быть только тотъ, кто готовъ къ отвѣту на всякій вопросъ, а главнѣе всего, если онъ обладаетъ *расположеніемъ*, любовью къ этимъ заброшеннымъ дѣтямъ... Роль учителя тѣмъ еще трудна, что мальчики заключаются на самые различные сроки, отъ 1 до 12 мѣсяцевъ, чуть ли не ежедневно прибываютъ и убываютъ; слѣдовательно, систематическое выполненіе какой либо програмы преподаванія почти немыслимо, а приходится снабжать учениковъ такими знаніями, какія они, по опредѣленнымъ срокамъ ихъ ареста, успѣваютъ себѣ усвоить.

Возникала, правда, не разъ мысль о необходимости увеличенія сроковъ заключенія, или о предоставленіи воспитательному персоналу права—удерживать мальчиковъ подъ арестомъ до основательнаго ихъ обученія; но такая нелѣпая мысль, ни въ комъ изъ знающихъ дѣло, не встрѣчала сочувствія: воспитывать въ тюрьмѣ, какъ бы отлично она ни была устроена — совершенная химера. Кромѣ того, продолжительное заключеніе быстро сводитъ дѣтей въ могилу, какъ доказала практика и медицина. Отсюда ясно, почему и судъ ограничивается краткосрочными приговорами, обусловливающимися тѣмъ еще важнымъ мотивомъ, что въ прегрѣшеніяхъ дѣтей, какъ обнаруживается въ каждомъ почти разбирательствѣ, повинны не они, а главнымъ образомъ: среда, обстоятельства, доводящія ихъ до грошовыхъ кражъ, ради утоленія голода; а карать голоднаго ребенка—у судей, по чувству человѣколюбія, рука не поднимается.

Въ подкрѣпленіе мысли о дурномъ вліяніи на мальчиковъ, *именно, среды*, приведемъ, на выдержку, еще факты. Мальчикъ,

[redacted]

напр., во время заключенія свободно читалъ вслухъ, работающимъ въ швальнѣ товарищамъ,—книги и пріохотился къ чтенію. По освобожденіи и поступленіи къ мастеру, онъ цѣлый мѣсяцъ провелъ въ мастерской, прилежно работая, а будучи, затѣмъ, уволенъ со двора, явился ко мнѣ съ просьбою—дать ему книгу для чтенія на досугѣ, такъ какъ въ мастерской и помину нѣтъ о книгахъ. Я удовлетворилъ его желаніе, но въ слѣдующій приходъ онъ съ горечью разсказалъ мнѣ, что за чтеніе и отвлеченіе вниманія товарищей, онъ былъ дважды исколоченъ хозяиномъ, сжегшимъ и книгу. По наведенной справкѣ это подтвердилось. Другой мальчикъ жаловался на то, что кормятъ въ мастерской объѣдками, остающимися отъ подмастерьевъ; мяса же онъ и кусочка не съѣлъ въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ. Это также удостовѣрили потомъ и подмастерья. Третій объяснилъ, что хозяинъ, находясь часто въ загулѣ, бьетъ учениковъ чѣмъ попало, ни за что, ни про что. Я посѣтилъ обѣ мастерскія и попытался возбудить въ хозяевахъ жалость къ дѣтямъ.

— Лучшаго корма они, пожалуй, еще не стоятъ: отъ ихъ работы—мало барыша, возразилъ хозяинъ; къ тому же у насъ такое положеніе для всѣхъ мальчишекъ, а мѣнять это положеніе для вашего—не станемъ.

— Насъ самихъ колотили въ ученьи, оттого мы и въ хозяева произошли, потому и ихъ бить надо: стерпится—слюбится! отозвался другой хозяинъ.

До настоящаго времени правительственныхъ пріютовъ для осужденныхъ дѣтей не учреждено еще ни одного. Когда, въ какихъ мѣстахъ и на какихъ именно началахъ создадутся все еще предполагаемые правительственные пріюты, покуда ровно ничего неизвѣстно. Въ существующихъ малочисленныхъ частныхъ

пріютахъ комплектъ питомцевъ на столько ограниченъ (отъ 15 до 40—50 мальчиковъ, а для дѣвочекъ и вовсе нѣтъ), что изъ контингента дѣтей-преступниковъ попадаетъ въ пріюты не болѣе десятой части. Гдѣ-жъ остальныя, осужденныя судебными приговорами, дѣти? За неимѣніемъ мѣста въ этихъ заведеніяхъ, они сидятъ въ тюрьмахъ, острогахъ и кутузкахъ, за что имъ сокращается срокъ, т. е., если мальчикъ приговоренъ въ колонію на 3 года, то въ тюрьмѣ онъ долженъ пробыть всего годъ, либо 8 мѣсяцевъ. Далѣе, дѣти подслѣдственныя, отъ момента совершенія ими преступленій до полученія въ окончательной формѣ судебнаго приговора (если дѣянія ихъ подсудны окружнымъ судамъ), просиживаютъ, обыкновенно, подъ предварительнымъ арестомъ, *безъ всякаго занятія*, 3—4 мѣсяца—періодъ, въ который легко можно научить первоначальной грамотѣ и какому либо простому ремеслу. Чтобы этотъ срокъ уменьшился хоть на половину со введеніемъ предполагаемой тюремной реформы—нельзя и предполагать: процедура производства слѣдствій, утвержденія обвинительныхъ актовъ и проч. на столько уже установилась, что дай Богъ, чтобы этотъ срокъ еще не увеличился...

Проектируемыя исправительныя и слѣдственныя тюрьмы будутъ, положимъ, устроены во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно; но изъ этого отнюдь еще не слѣдуетъ, чтобы дѣтей удобно было помѣщать въ нихъ: исправительныя тюрьмы будутъ устроены исключительно для совершеннолѣтнихъ; слѣдовательно, дѣтямъ, подлежащимъ отсылкѣ въ колоніи, въ этихъ тюрьмахъ рѣшительно не мѣсто, безъ явнаго нарушенія какъ основнаго принципа подраздѣленія осужденныхъ на категоріи преступленій и по возрасту, такъ и закона о направленіи дѣтей въ пріюты и колоніи. Въ подслѣдственныхъ же тюрьмахъ—обязательныхъ занятій не узаконяется; люди, какъ и теперь, такъ станутъ сидѣть въ одиночныхъ кельяхъ; закупоривать же дѣтей зауряд съ *взрослыми* на 3—4 мѣсяца—просто жестокосердно: они вы-

[redacted]

дутъ въ идіотизмъ, въ сумасшествіе, до выслушанія приговора о переводѣ ихъ въ колонію, въ пріютъ.

Однимъ словомъ, каковы бы ни были благія стремленія тюремныхъ дѣятелей всѣхъ оттѣнковъ — *перевоспитаніе* дѣтей собственно *въ тюрьмахъ* — положительно немыслимо ни при теперешнемъ уставѣ о содержащихся подъ стражею, ни въ будущемъ. То, что возбраняетъ нынѣшняя инструкція, то и проектируемая новая инструкція также не дозволитъ, а такъ какъ лица, въ руководство которымъ она преподана или преподается, обязаны теперь и будутъ обязаны тогда въ точности исполнять ее, то перевоспитаніе дѣтей въ тюрьмахъ, какъ бы, повторяемъ, усовершенствованы онѣ ни были, будетъ немыслимо.

Между тѣмъ, вопросъ объ улучшеніи быта малолѣтнихъ преступниковъ столь настоятельный, животрепещущій, что разрѣшеніе его нельзя надолго оттягивать, потому что дѣти по цѣлой Россіи сидятъ, вездѣ, въ тюрьмахъ, а въ большинствѣ даже вмѣстѣ со взрослыми арестантами. Это вѣрно не только относительно далекихъ провинцій, но даже Петербургской губерніи. Осужденныхъ, напр., въ Петергофѣ, въ Царскомъ Селѣ, еще иногда присылаютъ для содержанія сюда, а изъ Ладожскаго, Гдовскаго и проч. уѣздовъ этого уже не дѣлается, по дальности разстоянія, а провинившіеся дѣти отбываютъ опредѣленные имъ сроки въ мѣстныхъ клоповникахъ.

Чтобы правильнѣе и скорѣе разрѣшить этотъ насущный вопросъ, необходимо, кажется намъ, безотлагательно прибѣгнуть къ слѣдующимъ мѣропріятіямъ.

Во первыхъ, слѣдуетъ теперь же издать законъ о томъ, что дѣти, отъ 10 до 16 лѣтъ (моложе 10 л. не наказываются), положительно изъемлются отъ заключенія въ тюрьмахъ, устраиваемыхъ исключительно для взрослыхъ преступниковъ.

Во вторыхъ, сообразно этому измѣнить редакцію 6 ст. уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями и 2 часть 137 ст. улож. о наказаніяхъ, выразивъ ихъ категорически, что дѣти

[redacted]

подлежать помѣщенію въ исправительные пріюты, а не такъ, какъ изложено: „могутъ быть“ и „по усмотрѣнію суда“.

Въ третьихъ, за кражи со взломомъ, за мошенничества и т. под. измѣнить подсудность: вмѣсто окружныхъ — мировымъ судамъ. Кромѣ того, дѣтей, которыя будутъ обвиняться въ другихъ болѣе важныхъ преступленіяхъ, подсудныхъ окружнымъ судамъ, на время, покуда о нихъ производится слѣдствіе, посылать также въ пріюты, гдѣ они, въ теченіи 3-хъ — 4-хъ мѣсяцевъ, въ состояніи будутъ многому научиться, что принесетъ имъ несомнѣнную пользу, даже и въ случаѣ оправданія судомъ. Опасаться, что они разбѣгутся изъ пріютовъ до рѣшенія ихъ дѣлъ, нѣтъ основанія: суровѣйшія кары, чѣмъ отдача въ пріютъ, ихъ ожидать не будутъ и при обвиненіи, а будучи оправданы — они уйдутъ во свояси... При томъ, и надзоръ за ними въ пріютахъ будетъ, конечно, зорче, нежели за осужденными. Наконецъ, тѣхъ, которые подвергаются осужденію какъ окружнаго, такъ и мироваго суда, на сроки не болѣе 2-хъ мѣсяцевъ — можно сажать хотя и въ арестные дома, но отдѣльно отъ взрослыхъ; допустить это можно потому лишь, что арестные дома получатъ, какъ гласитъ проектъ, совершенно отличную отъ тюремъ организацію, т. е. арестованные будутъ пользоваться значительными льготами противъ заключенныхъ въ тюрьмахъ.

Въ четвертыхъ, предложить тюремнымъ комитетамъ, существующимъ во всѣхъ губерніяхъ, немедленно размѣнять часть лежащихъ ихъ капиталовъ, имѣющихся почти вездѣ, а въ иныхъ и въ солидномъ количествѣ, и на эти деньги открыть, въ теченіи года, пріюты, на тѣхъ же самыхъ началахъ, на какихъ дѣйствуютъ они близъ Петербурга, съ тѣмъ, чтобы, по исполненіи сего, казна приняла на свой счетъ содержаніе этихъ пріютовъ, по меньшей мѣрѣ — хоть на столько же, на сколько она участвуетъ въ содержаніи колоній (кормовыя деньги, одежда и обувь) все же остальное, равно какъ и завѣдываніе пріютами — возложить непосредственно на комитеты (по аналогіи съ Петербург-

[redacted]

свою колонію), которые остались дѣйствующими на прежнихъ основаніяхъ. Употребленіе комитетами сбереженныхъ денегъ на пріюты — есть ихъ лучшее назначеніе, и комитеты охотно, мы увѣрены, увѣковѣчатъ память о себѣ этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что билеты непрерывнаго дохода (комитеты ими снабжены взамѣнъ денегъ, отъ нихъ взятыхъ во время крымской войны) приносятъ комитетамъ столь ограниченные проценты, изъ за которыхъ билетовъ и держать не стоитъ.

Въ пятыхъ, всѣ православные монастыри располагаютъ значительнымъ количествомъ земли и солидными капиталами. Образовать изъ бродячихъ дѣтей полезныхъ гражданъ — дѣло вполнѣ богоугодное, соотвѣтствующее призванію служителей церкви. Необходимо, очевидно, привлечь монастыри къ участію въ судьбѣ этихъ дѣтей, т. е. къ устройсту, на ихъ счетъ, земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ, могущихъ принести несомнѣнную выгоду и самимъ даже монастырямъ: они пріобрѣтутъ, вмѣсто нанимаемыхъ, даровыхъ работниковъ: портныхъ, сапожниковъ, столяровъ и проч. ремесленниковъ. Мысль эта тѣмъ болѣе, думается намъ, основательна, что при монастыряхъ: а) издавна существовали школы для безпріютныхъ дѣтей; б) при нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., Петербургской Александро-Невской Лаврѣ (Киновія), Соловецкомъ, во Владимірской губерніи (Спасо-Суздальскій), — и доселѣ есть даже *тюрьмы*, для содержанія осужденныхъ духовныхъ лицъ, и в) по дѣйствующему доселѣ уложенію, дѣти направляются, какъ читатели видѣли выше, прямо въ монастыри, съ единственною, разумѣется, цѣлію исправленія ихъ, превращенія въ добропорядочныхъ гражданъ.

Наконецъ, въ шестыхъ, со времени обнародованія закона объ учрежденіи правительственныхъ пріютовъ прошло уже 13 лѣтъ, значитъ пора, право, пора осуществить этотъ законъ — открытіемъ хоть по одному пріюту въ каждой губерніи, чтобы законъ пересталъ быть лишь мертвою буквою. Коль скоро правительство устроитъ свои пріюты, — духовныя, земскія и частныя учрежденія

послѣдуютъ его примѣру, и въ этомъ отношеніи, т. е., по готовымъ формамъ и правиламъ, обзаведутся также пріютами, настоятельная потребность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

довъ было по мастерскимъ—128 р. 65 к.; итого—1.071 р. 91 к., т. е. убытка было 183 р. 82 к. Впрочемъ, матеріальный убытокъ вознаградился тѣмъ, что мальчики учились, да были заняты физическимъ трудомъ.

Время мальчиковъ распредѣлялось такъ: въ будни—въ 6 ч. они вставали, и убирали камеры; въ 7 час.—происходила молитва и питье чая; въ 8—9 час.—урокъ; съ 9 до 12 час. работали въ мастерскихъ; въ 12—обѣдали; съ 12 до часу—отдыхали; съ часу до 2-хъ—урокъ; съ 2-хъ до 5—работали въ мастерскихъ; въ 5 час.—пили чай; съ $5^1/_2$ до 7—работали въ мастерскихъ; съ 7 до $7^1/_2$—убирали камеры и отдыхали; съ $7^1/_2$ до 8—занимались гимнастикой; въ 8 час.—ужинали; въ $8^3/_4$ ч.—происходила вечерняя молитва, а въ 10-мъ часу ложились спать. Кромѣ того, по понедѣльникамъ и пятницамъ, отъ 2-хъ до 4-хъ час. у нихъ были уроки закона Божія; по вторникамъ отъ 2-хъ до 3-хъ час. уроки пѣнія. Исключая дней для прогулокъ, отъ 10 до 12 час. пилили утромъ дрова, для моціона. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ: въ $9^1/_2$ часовъ шли въ церковь, откуда возвращались въ 12 часамъ; отъ 12 до $1^1/_2$ час. обѣдали и отдыхали; отъ $1^1/_2$ до 3-хъ занимались плетеніемъ корзинъ, чтеніемъ книгъ, свиданіями съ родственниками. Отъ 4 до 5 час. велъ съ ними нравоучительныя бесѣды Директоръ графъ М. М. Корфъ; отъ $5^1/_2$ до $6^1/_2$ были чтенія съ туманными картинами; отъ $6^1/_2$ до $7^1/_2$ дѣлали гимнастику, а отъ $7^1/_2$ до $8^1/_2$ час. происходили объяснительныя чтенія. Мальчики нарушали правила чаще всего грубымъ отношеніемъ другъ въ другу, бранью, куреньемъ и самоуправствомъ. Проступки наказывались лишеніемъ чая, втораго блюда, содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ отъ одного дня до трехъ въ общихъ камерахъ, отдѣленіемъ отъ товарищей и заключеніемъ въ карцеръ, что примѣнялось, впрочемъ, въ рѣдкихъ случахъ, когда были тщетны мѣры нравственнаго воздѣйствія. Наконецъ, лучшіе изъ питомцевъ выбирались, въ поощреніе, въ корридорные, обязанность которыхъ—

[redacted]

самой Швейцаріи (такъ теперь ихъ 50), такъ и другимъ государствамъ, къ учрежденію земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ, для помѣщенія малолѣтнихъ: преступниковъ, бродягъ и нищихъ, которыхъ повсюду стали воспитывать и перевоспитывать, въ общихъ чертахъ, по однообразной системѣ. Такъ, колоніи послѣдовательно открылись: во Флоренціи — въ 1782 г.; въ Англіи, въ Стритонѣ—въ 1783 г.; въ Америкѣ: въ Нью-Іоркѣ—въ 1825; въ Бостонѣ и Филадельфіи—въ 1826; въ Англіи: въ Востъ-[illegible] аббатствѣ—въ 1830; въ Цюрихѣ—въ 1834 г.; въ Германіи: въ Горнѣ, близь Гамбурга, [illegible] Домъ—въ 1833; во Франціи: въ Метре, около Тура—въ 1839; въ Италіи: въ Піемонтѣ—въ 1847; въ [illegible] 1850; въ Бельгіи—въ 1849 г.; въ Рюиселедѣ, Верненской, Вингенской общинахъ, въ Люксембургѣ, въ Литтихѣ; въ Голландіи, въ Цютфенѣ—въ 1851 г. и т. д. Короче говоря, всѣ государства постепенно пришли къ непоколебимому убѣжденію въ томъ, что не раціонально подвергать наказаніямъ малолѣтнихъ преступниковъ, бродягъ и нищихъ за ихъ промыслъ, такъ какъ ихъ должно, прежде всего, воспитать, пріучить къ труду и тогда они безспорно будутъ полезными сынами отечества. Оттого и земледѣльческія колоніи, и ремесленные пріюты вездѣ, съ теченіемъ времени, росли числомъ, получали такое право гражданства, что теперь нѣтъ, положительно, въ Европѣ, ни одного государства въ которомъ-бы не было десятковъ этихъ правительственныхъ и частныхъ филантропическихъ заведеній для мальчиковъ и дѣвочекъ. Заведеній этихъ было, напримѣръ, въ 1856 году: въ Англіи 26, въ Ирландіи [illegible], во Франціи: въ 1864 г.— 53, въ которыхъ было 6.442 мальчика и 1.644 дѣвочки, итого 8.076 чел. *) Лучшими изъ всѣхъ этихъ заведеній признаются: Метре, въ Цютфенѣ, въ Голландіи и швейцарскія, но и изъ нихъ отдаютъ предпочтеніе Метре.

---

*) См. книгу „Молодые Преступники" профессора [illegible].

Россія, какъ во многомъ, такъ и въ этомъ отношеніи, далеко отстала отъ европейскихъ государствъ. При с.-петербургскомъ исправительномъ заведеніи, правительствомъ учреждено было, правда, какъ сказано выше, въ 1843 г., отдѣленіе для исправленія малолѣтнихъ заключенныхъ, но оно лишено было исправительнаго характера, потому что принимать туда дѣтей, моложе десяти лѣтъ, возбранялось, а сажать дозволялось ихъ по нѣскольку разъ до 21-го года отъ роду; если-же лицо, бывшее въ заведеніи въ малолѣтствѣ, попадало туда вновь, по достиженіи совершеннолѣтія,—то оно считалось впервые такъ отличившимся. Срокъ содержанія ихъ въ заведеніи установлялся: большій—2 года, меньшій—мѣсяцъ; помѣщать ихъ предписывалось отдѣльно отъ взрослыхъ, но работами занимать тѣми-же, какъ и взрослыхъ, глядя по ихъ физическимъ силамъ и способностямъ; учить закону Божію и грамотѣ „столько времени, сколько то *удобность* позволитъ". Далѣе, забираемые на улицахъ нищіе, препровождались въ комитетъ для разбора и призрѣнія нищихъ, и, одни—оставлялись тамъ—щипать пеньку, за свое кратковременное прокормленіе; другіе—возвращались родителямъ, съ подпискою не пускать ихъ нищенствовать, а третьи, иногородные—отсылались на родину по этапу. За тѣмъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, открыты были воспитательныя заведенія для нравственно-испорченныхъ дѣтей, на частныя средства: въ 1848 г.—въ Нарвѣ, въ 1850 г.—въ Ревелѣ; близъ Петербурга, Маріинскій пріютъ, въ вѣдѣніи причта евангелическо-лютеранской церкви; въ 1863 г.—въ Москвѣ, для арестантскихъ дѣтей; въ 1864 г. — въ Петербургѣ, для исправленія нравственности испорченныхъ дѣвочекъ, а въ Москвѣ — исправительная школа для малолѣтнихъ арестантовъ; въ г. Вольскѣ ремесленное заведеніе — для исключенныхъ, за проступки, изъ военно-учебныхъ заведеній воспитанниковъ. Наконецъ, со времени введенія гласнаго судопроизводства, тѣхъ, отъ 14 до 17 лѣтъ, дѣтей, которыя признаны судомъ дѣйствовавшими „*безъ под-*

наго разумѣнія,“ 2-й п. 137 ст. приказываетъ, между прочимъ, отсылать *„въ исправительные пріюты,“* на ряду съ тѣми, съ 10 до 17 лѣтъ, которыхъ мировые судьи могутъ туда-же приговаривать, согласно 6-й ст. уст. о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, взамѣнъ заключенія въ тюрьму, съ тѣмъ, чтобы они не оставались въ пріютахъ долѣе 18-ти лѣтняго возраста.

Такимъ образомъ и наше законодательство установило пріюты и колоніи. Вслѣдъ затѣмъ, обнародованы были и правила для руководства пріютовъ — Высочайше утвержденнымъ, 5-го декабря 1866 года, мнѣніемъ государственнаго совѣта. Мнѣніе это заключаетъ въ себѣ, въ сущности, слѣдующіе пункты: независимо отъ учреждаемыхъ правительствомъ пріютовъ для нравственнаго исправленія несовершеннолѣтнихъ, отдаваемыхъ туда по судебнымъ приговорамъ, къ учрежденію такихъ *„богоугодныхъ* и *общеполезныхъ“* заведеній призываются: земства, общества, духовныя установленія и частныя лица. Пріютамъ послѣднихъ категорій, то есть частнымъ, законъ предоставляетъ вотъ какія преимущества: а) принадлежащее пріюту или пріобрѣтаемое для него недвижимое имущество освобождается отъ всякихъ сборовъ въ пользу казны; б) каждому пріюту дозволяется, ежегодно, розыгрывать, безъ взноса установленныхъ процентовъ, лоттерею, съ тѣмъ, чтобы сумма продаваемыхъ билетовъ не превышала 3.000 рублей; в) въ случаѣ производства, помѣщенными въ пріютѣ, земледѣльческихъ работъ, министерство государственныхъ имуществъ отводитъ ему, въ пользованіе, участокъ казенной земли; г) пріютамъ, за каждаго содержащагося въ нихъ несовершеннолѣтняго, выдается, мѣстными попечительными о тюрьмахъ комитетами, изъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе арестантовъ, ежемѣсячно, та плата, во сколько обходится *пища и одежда арестанта*. Родители отданныхъ въ пріюты дѣтей, могутъ быть обязаны (X т. св. зак. *гражд. ч.* I, ст. 172), по мѣрѣ средствъ своихъ, къ платежу

[redacted]

за содержаніе и воспитаніе ихъ дѣтей, не болѣе 3 р. въ мѣсяцъ, если они люди недостаточные. Никакой частный пріютъ не можетъ быть учреждаемъ иначе, какъ съ разрѣшенія Министра внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго, по соглашенію съ Министромъ юстиціи, зависитъ и утвержденіе положенія для каждаго пріюта. Пріюты эти учреждаются отдѣльно для несовершеннолѣтнихъ того или другого пола. Въ случаѣ побѣга изъ пріюта, несовершеннолѣтніе „снова въ оный возвращаются и содержатся тамъ, подъ особо строгимъ присмотромъ, отдѣльно отъ другихъ; но сіе наказаніе не можетъ продолжаться свыше одного мѣсяца". Назначенный судебнымъ приговоромъ срокъ пребыванія въ пріютѣ, для тѣхъ изъ несовершеннолѣтнихъ, которые признаны будутъ исправившимися, можетъ быть *сокращенъ* на *одну треть*; если же кто изъ таковыхъ послѣ опять замѣченъ будетъ въ дурномъ поведеніи, то онъ снова возвращается въ пріютъ, до истеченія полнаго срока. Выпущенные изъ пріюта состоятъ, въ теченіе опредѣленнаго срока, подъ покровительствомъ пріюта, который обязанъ оказывать имъ возможное содѣйствіе въ дѣлѣ устройства ихъ будущности. Каждый пріютъ долженъ ежегодно публиковать, во всеобщее свѣдѣніе, отчетъ о своемъ состояніи и своихъ дѣйствіяхъ (1, 4, 6, 9—12 п.п. правилъ).

Прошло почти три года, а законъ этотъ дѣйствовалъ только *на бумагѣ*. Въ 1869 г., въ память 50 лѣтняго юбилея Общества попечительнаго о тюрьмахъ,—Петербургскій комитетъ, въ качествѣ представителя Общества, рѣшился посодѣйствовать осуществленію на практикѣ, того, что изображено было въ законѣ. Онъ предложилъ конкурсъ, съ преміею въ 1.000 червонныхъ, за лучшее сочиненіе, которое всесторонне разрѣшитъ вопросъ: какъ устроить, закономъ указанные, пріюты; кромѣ того заявилъ, что первому, могущему открыться, на частныя источники, заведенію этого рода — окажетъ вспомоществованіе въ 10.000 р. изъ своихъ суммъ. Присланныя на конкурсъ многочисленныя сочиненія всѣ были забракованы, ибо ни одно не отвѣчало усло-

віямъ, какъ заключила Коммиссія, состоявшая подъ председательствомъ М. Г. Ковалевскаго изъ А. И. Деспота-Зеновича, Директоровъ Комитета Ѳ. Н. Смирнаго, П. П. Шранченко, Н. П. Сабурова, князя С. Д. Эристова, А. В. Бѣлостоцкаго, А. Ѳ. Кони и другихъ.

Въ тоже время столичные просвѣщенные обыватели, сочувствуя мысли объ учрежденіи частныхъ пріютовъ, соединилось, въ 1869 г., въ числѣ 275 человѣкъ, въ общество, и въ качествѣ членовъ-учредителей просили Министра внутреннихъ дѣлъ утвердить составленный ими „Уставъ общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ," что и послѣдовало 15-го января 1870 года *). Основная цѣль общества, по уставу, „содѣйствовать улучшенію участи несовершеннолѣтнихъ обоего пола, впавшихъ въ пороки и преступленія, а также безпріютныхъ сиротъ и малолѣтнихъ нищихъ, которые, по бѣдности и вредному вліянію окружающей среды, не могли получить правильнаго образованія, знанія какого-либо ремесла, и потому не могутъ заработывать себѣ пропитаніе и лишены возможности вести трудолюбивую и честную жизнь". Для достиженія этой цѣли, обществу предоставлено заботиться „о правильномъ физическомъ, нравственномъ и умственномъ воспитаніи дѣтей въ открываемыхъ имъ, по мѣрѣ средствъ, земледѣльческихъ колоніяхъ и ремесленныхъ пріютахъ", въ которыхъ должно преподавать воспитанникамъ элементарное образованіе и обучать ихъ земледѣлію и ремесламъ, дабы образовать изъ нихъ свѣдующихъ сельскихъ работниковъ и ремесленниковъ и тѣмъ обезпечить ихъ въ будущемъ средства къ существованію. Общество составляется изъ лицъ *обоего пола, всѣхъ сословій*, и число членовъ онаго не ограничено, а вносятъ они въ пользу общества: ежегодно — не менѣе 10 руб.,

---

*) По примѣру петербургской, пріютами, впослѣдствіи, обзавелись: Варшавская, Казанская, Кіевская, Нижегородская, Симбирская, Вологодская, Московская и Саратовская губерніи; но въ эти пріюты попадаетъ едва-ли даже *пятая часть многочисленныхъ осужденныхъ дѣтей*.

[redacted]

, единовременно—не менѣе 100 руб. Пожертвованія въ пользу
ества могутъ быть дѣлаемы какъ деньгами, такъ и вещами,
ледѣльческими орудіями, скотомъ, огородными и другими сѣ-
ами, провизіею и т. п. Всѣ заведенія общества (колоніи,
юты) открываются съ разрѣшенія Министра внутреннихъ
ъ и управляются особыми уставами, одобренными общимъ
аніемъ общества и утвержденными Министромъ внутреннихъ
ъ".

Получивъ законную санкцію, общество, имѣя уже 417 членовъ,
рылось въ февралѣ 1870 года, и немедленно же приступило къ
скайію средствъ для скорѣйшаго осуществленія задуманнаго
приятія. Оно поставило себѣ цѣлью—устройство земледѣль-
кихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ для воспитанія и
тическаго (земледѣльческаго или ремесленнаго) образованія
овершеннолѣтнихъ преступниковъ и безпріютныхъ дѣтей. Для
жженія этой цѣли, Обществу было необходимо: 1) пріобрѣ-
землю или имѣніе, удобныя для устройства колоній; 2) со-
ть необходимые капиталы для учрежденія колоній и прію-
ь; 3) составить уставы для этихъ заведеній и общій планъ
устройства; 4) подготовить будущихъ директоровъ этихъ
деній; кромѣ того: а) собрать свѣдѣнія о числѣ несовершен-
втнихъ преступниковъ, которые осуждаются, въ разныхъ мѣст-
ахъ Россіи, о ихъ возрастѣ и срокахъ заключенія, съ тѣмъ,
бы опредѣлить, болѣе или менѣе точно, какъ число пре-
пиковъ, которые подлежатъ пріему въ исправительныя ко-
и и пріюты, такъ и распредѣленіе ихъ по разнымъ губер-
ть; б) разсмотрѣть законоположенія о несовершеннолѣтнихъ
ступникахъ, съ тѣмъ, чтобы опредѣлить, какія измѣненія въ
омъ законодательствѣ были бы желательны для примѣненія
равительнаго воспитанія несовершеннолѣтнихъ преступниковъ
ля устраненія тѣхъ недоразумѣній и неудобствъ, которыя бу-
ь неизбѣжно предстоять при введеніи этого новаго, въ Россіи,
а,

Первый изъ этихъ вопросовъ — о матеріальныхъ средствахъ, въ одной своей части, именно: въ пріобрѣтеніи земель для устройства колоній — представлялъ Обществу, до извѣстной степени, удовлетворительный исходъ. Законъ 5-го декабря 1866 г. „объ исправительныхъ пріютахъ,“ предоставилъ Обществу право на отводъ казенныхъ, удобныхъ для хозяйства, земель, въ случаѣ открытія земледѣльческихъ колоній. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, Общество, при учрежденіи колоніи, имѣло право просить объ отводѣ изъ казенныхъ земель, необходимыхъ для его цѣлей, земельныхъ участковъ. Болѣе труднымъ представлялся вопросъ о денежныхъ средствахъ, которыя были необходимы Обществу, всего болѣе при самомъ началѣ его дѣйствій, для устройства колоній и пріютовъ, и при томъ въ довольно большихъ размѣрахъ. Собственныя средства Общества представлялись въ томъ, что число членовъ Общества простиралось до 416, и хотя это число членовъ, только что сформировавшагося Общества, представляло довольно большую цифру, но за всѣмъ тѣмъ одни взносы членовъ не могли дать достаточныхъ средствъ для устройства заведеній. Оттого Комитетъ Общества, съ перваго же времени, рѣшился обратиться къ правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ, преслѣдующимъ одинаковыя, съ обществомъ, цѣли, съ ходатайствомъ о помощи Обществу при началѣ его дѣятельности: 1) изъ спеціальнаго капитала на устройство тюремъ въ Россіи (считался до 3.000.000 р.); 2) изъ экономическаго капитала Общества Попечительнаго о тюрьмахъ (считался до 1.845.000 р.), изъ котораго, по случаю 50-ти-лѣтняго юбилея Общества, Петербургскій его Комитетъ назначилъ: а) на отправку за границу лицъ, которымъ поручено будетъ изученіе земледѣльческихъ колоній — 2.000 рублей, и б) на устройство первой земледѣльческой колоніи въ Россіи — десять тысячъ рублей, и 3) изъ суммъ С.-Петербургской Городской Думы, полагавшей назначить по 6.000 рублей въ видѣ ежегоднаго пособія ремесленнымъ школамъ.

Предсѣдательствовавшій въ С.-Петербургскомъ Комитетѣ Об-

напр., во время заключенія ежедневно читалъ вслухъ, работавшимъ въ швальнѣ товарищамъ,—книги и пріохотился къ чтенію. По освобожденіи и поступленіи къ мастеру, онъ цѣлый мѣсяцъ провелъ въ мастерской, прилежно работая, а будучи, затѣмъ, уволенъ со двора, явился ко мнѣ съ просьбою—дать ему книгу для чтенія на досугѣ, такъ какъ въ мастерской и помину нѣтъ о книгахъ. Я удовлетворилъ его желаніе, но въ слѣдующій приходъ онъ съ горечью разсказалъ мнѣ, что за чтеніе и отвлеченіе вниманія товарищей, онъ былъ дважды исколоченъ хозяиномъ, сжегшимъ и книгу. По наведенной справкѣ это подтвердилось. Другой мальчикъ жаловался на то, что кормятъ въ мастерской объѣдками, остающимися отъ подмастерьевъ; мяса же онъ и кусочка не съѣлъ въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ. Это также удостовѣрили потомъ и подмастерья. Третій объяснилъ, что хозяинъ, находясь часто въ загулѣ, бьетъ учениковъ чѣмъ попало, ни за что, ни про что. Я посѣтилъ обѣ мастерскія и попытался возбудить въ хозяевахъ жалость къ дѣтямъ.

— Лучшаго корма они, пожалуй, еще не стоятъ: отъ ихъ работы—мало барыша, возразилъ хозяинъ; къ тому же у насъ такое положеніе для всѣхъ мальчишекъ, а мѣнять это положеніе для одного—не станемъ.

— Насъ самихъ колотили въ ученьи, оттого мы и въ хозяева произошли, потому и ихъ бить надо: стерпится — слюбится! отозвался другой хозяинъ.

До настоящаго времени правительственныхъ пріютовъ для осужденныхъ дѣтей не учреждено еще ни одного. Когда, въ какихъ мѣстахъ и на какихъ именно началахъ создадутся все еще предполагаемые правительственные пріюты, покуда ровно ничего неизвѣстно. Въ существующихъ малочисленныхъ *частныхъ*

ванія. Первыя изъ этихъ средствъ представляли весьма мало надеждъ на значительные сборы. Изъ мѣръ же, обѣщавшихъ наиболѣе вѣрныя средства, представлялись—лоттерея или усиленные сборы частныхъ пожертвованій, при содѣйствіи всѣхъ членовъ Общества и лицъ, сочувствующихъ цѣли Общества. Считая первую изъ этихъ мѣръ крайнею,—Комитетъ рѣшился остановиться на сборѣ частныхъ пожертвованій. Для этого онъ обратился ко всѣмъ членамъ Общества и къ другимъ лицамъ, желавшимъ ему содѣйствовать, а также ко всѣмъ Предсѣдателямъ и Прокурорамъ окружныхъ судовъ, съ просьбою—содѣйствовать сбору пожертвованій, а собранныя деньги переслать Казначею Общества. Комитетъ разослалъ ко всѣмъ членамъ и упомянутымъ лицамъ до 500 книжекъ для сбора пожертвованій, открылъ агентства въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, назначивъ живущихъ тамъ членовъ, съ ихъ на то согласія, агентами Общества, и вошелъ къ Министру внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи: поставить въ судебныхъ учрежденіяхъ кружки для сбора пожертвованій.

Всѣ эти мѣры были приняты съ цѣлью подвинуть дѣло Общества и получить возможность приступить, въ теченіе 1871 г., къ устройству первой земледѣльческой колоніи, хотя бы и въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ; вполнѣ надѣясь, что открытіе побудитъ, какъ Правительство, такъ и многихъ частныхъ лицъ, принять болѣе существенное участіе въ дѣлахъ Общества. Вслѣдствіе этого, Комитетъ ходатайствовалъ у Министра государственныхъ имуществъ объ отводѣ ему участка земли изъ Охтенской лѣсной дачи, размѣромъ до 300 дес. Министръ государственныхъ имуществъ, на представленіе Комитета, увѣдомилъ, что онъ не преминетъ испросить Высочайшее соизволеніе на представленіе Кривскаго участка въ безвозмездное пользованіе Общества.

Средства для основанія колоніи имѣлись 7.000 р.—пособіе со стороны мѣстнаго земства и ежегодные взносы нѣкоторыхъ

дутъ въ идіотизмъ, въ сумасшествіе, до выслушанія приговора о переводѣ ихъ въ колонію, въ пріютъ.

Однимъ словомъ, каковы бы ни были благія стремленія тюремныхъ дѣятелей всѣхъ оттѣнковъ — *перевоспитаніе* дѣтей собственно *въ тюрьмахъ* — положительно немыслимо ни при теперешнемъ уставѣ о содержащихся подъ стражею, ни въ будущемъ. То, что возбраняетъ нынѣшняя инструкція, то и проектируемая новая инструкція также не дозволитъ, а такъ какъ лица, въ руководство которымъ она преподана или преподается, обязаны теперь и будутъ обязаны тогда въ точности исполнять ее, что перевоспитаніе дѣтей въ тюрьмахъ, какъ бы, повторяемъ, усовершенствованы онѣ ни были, будетъ немыслимо.

Между тѣмъ, вопросъ объ улучшеніи быта малолѣтнихъ преступниковъ столь настоятельный, животрепещущій, что разрѣшеніе его нельзя надолго оттягивать, потому что дѣти по цѣлой Россіи сидятъ, вездѣ, въ тюрьмахъ, а въ большинствѣ даже вмѣстѣ со взрослыми арестантами. Это вѣрно не только относительно далекихъ провинцій, но даже Петербургской губерніи. Осужденныхъ, напр., въ Петергофѣ, въ Царскомъ Селѣ, еще иногда присылаютъ для содержанія сюда, а изъ Ладожскаго, Гдовскаго и проч. уѣздовъ этого уже не дѣлается, по дальности разстоянія, а провинившіяся дѣти отбываютъ опредѣленные имъ сроки въ мѣстныхъ клоповникахъ.

Чтобы правильнѣе и скорѣе разрѣшить этотъ насущный вопросъ, необходимо, кажется намъ, безотлагательно прибѣгнуть къ слѣдующимъ мѣропріятіямъ.

Во первыхъ, слѣдуетъ теперь же издать законъ о томъ, что дѣти, отъ 10 до 16 лѣтъ (моложе 10 л. не наказываются), положительно изъемлются отъ заключенія въ тюрьмахъ, устраиваемыхъ исключительно для взрослыхъ преступниковъ.

Во вторыхъ, сообразно этому измѣнить редакцію 6 ст. уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями и 2 часть 137 ст. улож. о наказаніяхъ, выразивъ ихъ категорически, что дѣти

какъ то: ссылка на поселеніе, въ монастырь и т. п., въ примѣненіи къ малолѣтнимъ преступникамъ,—оказываются не цѣлесообразными.

Наконецъ, въ выборѣ кандидатовъ въ Директоры заведеній, Комитетъ остановился на А. Я. Гердтѣ и Ф. Ф. Резенерѣ, а для подготовки ихъ къ будущей дѣятельности командировалъ ихъ, съ разрѣшенія общаго собранія, на 6 мѣсяцевъ за границу, для подробнаго изученія земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ. Средства для командировки означенныхъ лицъ составились: изъ 2.000 р., отпущенныхъ Комитетомъ Общества Попечительнаго о тюрьмахъ, и изъ 1.000 р., пожертвованныхъ Вл. Ник. Каразинымъ. Командированныя лица изучали устройство, какъ земледѣльческихъ колоній, такъ и ремесленныхъ школъ и пріютовъ въ Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи, Англіи и Германіи. Только французскія заведенія не могли быть ими осмотрѣны по случаю войны. Всѣ швейцарскія заведенія, Раугаузъ, близь Гамбурга, и Рюиследе въ Бельгіи, гг. Резенеръ и Гердтъ осматривали вмѣстѣ. Затѣмъ, для изученія лучшей изъ частныхъ швейцарскихъ колоній для дѣтей, нравственно испорченныхъ, именно: колоніи Вехтеленъ, г. Гердтъ, съ разрѣшенія Комитета, оставался при ней, въ качествѣ ученика Директора Куратли въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ. Живя при колоніи и участвуя въ работахъ дѣтей, онъ имѣлъ, такимъ образомъ, возможность вполнѣ изучить ходъ всего дѣла. Колонія Бехтеленъ избрана была потому, что она, какъ первая изъ существующихъ, послужила прототипомъ для всѣхъ остальныхъ швейцарскихъ колоній, какъ частныхъ, такъ и правительственныхъ, и при ней учреждена семинарія, снабжающая всѣ колоніи учителями и воспитателями. Кромѣ Вехтеленъ, въ Швейцаріи г. Гердъ осмотрѣлъ: правительственныя колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ—Ландорфъ и Ларвангенъ; частную колонію для дѣтей нравственно испорченныхъ—Зонненбергъ, колонію для дѣвочекъ Victoria-Anstalt и колонію для бѣдныхъ

свою колонію), которые остались дѣйствующими на прежнихъ основаніяхъ. Употребленіе комитетами скопленныхъ денегъ на пріюты — есть ихъ лучшее назначеніе, и комитеты охотно, мы увѣрены, увѣковѣчатъ память о себѣ этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что билеты непрерывнаго дохода (комитеты ими снабжены взамѣнъ денегъ, отъ нихъ взятыхъ во время крымской войны) приносятъ комитетамъ столь ограниченные проценты, изъ за которыхъ билетовъ и держать не стоитъ.

Въ пятыхъ, всѣ православные монастыри располагаютъ значительнымъ количествомъ земли и солидными капиталами. Образовать изъ бродячихъ дѣтей полезныхъ гражданъ — дѣло вполнѣ богоугодное, соотвѣтствующее призванію служителей церкви. Необходимо, очевидно, привлечь монастыри къ участію въ судьбѣ этихъ дѣтей, т. е. къ устройсту, на ихъ счетъ, земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ, могущихъ принести несомнѣнную выгоду и самимъ даже монастырямъ: они пріобрѣтутъ, вмѣсто нанимаемыхъ, даровыхъ работниковъ: портныхъ, сапожниковъ, столяровъ и проч. ремесленниковъ. Мысль эта тѣмъ болѣе, думается намъ, основательна, что при монастыряхъ: а) изстари существовали школы для безпріютныхъ дѣтей; б) при нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., Петербургской Александро-Невской Лаврѣ (Киновія), Соловецкомъ, во Владимірской губерніи (Спасо-Суздальскій), — и доселѣ есть даже *тюрьмы*, для содержанія осужденныхъ духовныхъ лицъ, и в) по дѣйствующему доселѣ уложенію, дѣти направляются, какъ читатели видѣли выше, прямо въ монастыри, съ единственною, разумѣется, цѣлію исправленія ихъ, превращенія въ добропорядочныхъ гражданъ.

Наконецъ, въ шестыхъ, со времени обнародованія закона объ учрежденіи правительственныхъ пріютовъ прошло уже 13 лѣтъ, значитъ пора, право, пора осуществить этотъ законъ — открытіемъ хоть по одному пріюту въ каждой губерніи, чтобы законъ пересталъ быть лишь мертвою буквою. Коль скоро правительство итъ свои пріюты, — духовныя, земскія и частныя учрежденія

участокъ земли, въ 260 десятинъ (еловый и сосновый), посреди протекающей рѣчки Луны, Комитетъ распорядился лѣсъ, отъ большой дороги въ сторону, на версту прорубить, выкорчевать пни, сдѣлать дорогу, за которою, на пригоркѣ, еще на полверсты въ окружности, сдѣлано тоже самое, и, наконецъ, выстроилъ 9 деревянныхъ, двухэтажныхъ зданій: 4 для помѣщенія Директора и воспитанниковъ и 5 — для бани, прачечной, рабочаго дома, сарая, конюшни и проч. Когда всѣ работы приходили къ концу, Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ утвержденъ, 7-го іюня 1871 г., представленный Комитетомъ Общества „уставъ земледѣльческой колоніи и ремесленнаго при ней пріюта“ *).

Для болѣе правильнаго ознакомленія читателей съ этимъ *первымъ*, въ своемъ родѣ, благотворительнымъ учрежденіемъ въ Россіи, считаемъ полезнымъ привести главные пункты этого устава: „Колонія имѣетъ цѣлію—изъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и дѣтей, не имѣющихъ пріюта, образовать честныхъ, знающихъ и трудолюбивыхъ земледѣльцевъ—физическимъ, религіознымъ, нравственнымъ, умственнымъ ихъ воспитаніемъ и практическимъ земледѣльческимъ образованіемъ, которое дало бы имъ средства существовать, впослѣдствіи, своимъ трудомъ. Главными средствами къ достиженію цѣли этой служатъ: а) *личное вліяніе* Директора, священника и воспитателей; б) элементарное образованіе; в) земледѣльческій трудъ и практическое обученіе разнымъ производствамъ сельскаго хозяйства и ремесламъ, и г) правильная, простая, трудовая жизнь въ заведеніи. Въ колонію принимаются несовершеннолѣтніе преступники и дѣти, неимѣющія пріюта, изъ принадлежащихъ къ населенію Петербургской губерніи; но если средства колоніи позволятъ, Комитету Общества предоставляется право разрѣшить пріемъ питомцевъ и изъ другихъ губерній, до учрежденія въ нихъ своихъ колоній; нормальный размѣръ колоніи—на 200 человѣкъ, а первоначально, до увеличенія средствъ

*) *Подробности* значатся въ отчетѣ Комитета Общества за 1870 г.

щества, колонія учреждается на 30 *преступниковъ*. Коло-
я управляется Директоромъ, но для ближайшаго наблюденія за
ю и для рѣшенія, совмѣстно съ Директоромъ, наиболѣе важныхъ
ль заведенія, при колоніи учреждается наблюдательная Комис-
я, изъ 3-хъ Членовъ Общества. Воспитанники распредѣляются
отдѣленіямъ, каждое подъ надзоромъ особаго воспитателя, *жи-
щаго вмѣстѣ* съ воспитанниками. При колоніи, кромѣ того,
стоятъ докторъ, священникъ и лица, необходимыя для обуче-
я воспитанниковъ сельскому хозяйству и мастерствамъ и для
денія хозяйства. Мѣста воспитателей, мастеровъ и другихъ долж-
стныхъ лицъ предполагалось замѣщать, впослѣдствіи, преиму-
щественно лицами, приготовленными къ этой цѣли при самой ко-
ніи. Воспитаніе въ колоніи должно было направляться къ раз-
тію воспитанниковъ въ физическомъ, религіозномъ, нравствен-
мъ и умственномъ отношеніяхъ, пріучить ихъ къ труду и
ть имъ правильныя практическія знанія. Кромѣ нравствен-
го и религіознаго воспитанія, сообщаемаго Директоромъ, вос-
тателями и священникомъ, воспитанникамъ преподаются: за-
нъ Божій, чтеніе, письмо, черченіе, начало ариеметики, об-
ія понятія по естествознанію, съ объясненіями при производствѣ
льско-хозяйственныхъ и техническихъ работъ; а въ видѣ
сѣдъ—важнѣйшія свѣдѣнія изъ исторіи и географіи Россіи;
мледѣльческое же образованіе — въ практическомъ обученіи
спитанниковъ на хуторѣ всѣмъ работамъ въ сельскомъ хозяй-
вѣ и производствамъ, съ ними связаннымъ. Съ этою цѣлью,
омѣ полеводства, воспитанники обучаются скотоводству, огород-
честву и тѣмъ техническимъ производствамъ, которыя могутъ
ть съ пользою введены въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Хуторъ
лженъ представлять собою хозяйство, устроенное на правиль-
мъ разсчетѣ и соображенное съ учебными цѣлями колоніи, въ
кой степени, чтобы воспитанники, участвуя лично во всѣхъ
работахъ, могли находить въ немъ главное пособіе для практи-
ескаго образованія. Для этого, какъ общій планъ хозяйства

хутора и устройства всѣхъ его отдѣльныхъ частей, такъ и организація работъ воспитанниковъ, должны были примѣняться другъ къ другу такъ, чтобы экономическая и воспитательная стороны заведенія были тѣсно связаны между собою и направлялись къ одной общей цѣли. Независимо земледѣльческихъ работъ, воспитанники колоніи обучаются и ремесламъ: портняжному, сапожному, плотничному, печному, столярному, бондарному, кузнечному и т. п. Воспитанники-же занимаются: чисткою, уборкою, отопленіемъ и освѣщеніемъ помѣщеній, услугою за столомъ, мытьемъ посуды, помощью на кухнѣ, въ прачечной и проч. За проступки, дѣлаемые воспитанниками, они подвергаются Директоромъ: а) выговору; б) публичному выговору; в) недопущенію къ играмъ; г) къ занятію работами отдѣльно отъ товарищей, и д) помѣщенію въ особыя отдѣленія, находящіяся подъ болѣе строгимъ надзоромъ, на время, или до окончанія срока пребыванія воспитанника въ заведеніи. Не могутъ быть отдаваемы въ колонію мальчики: во 1-хъ, менѣе чѣмъ на 3 года; во 2-хъ, моложе 10-ти лѣтъ; имѣющіе болѣе 15-ти лѣтъ—на 2 года; при выпускѣ изъ колоніи—они получаютъ платье и денежное пособіе. Для составленія этого пособія, по опредѣленію Комитета, отдѣляется часть изъ зарабатываемыхъ воспитанниками, во время пребыванія въ колоніи, денегъ. Питомцы, окончившіе ученіе въ колоніи, пользуются содѣйствіемъ Директора, наблюдательной Коммисіи, ихъ рекомендаціями, какъ тотчасъ послѣ выпуска, такъ и впослѣдствіи, если они не переставали ежегодно доставлять въ заведеніе краткія свѣдѣнія о своихъ занятіяхъ. Исполнившимъ это условіе предоставляется также, въ случаѣ нужды или какихъ либо несчастій, обращаться въ заведеніе съ просьбою о помощи. Тогда они временно могутъ быть помѣщены въ заведеніи, впредь до пріисканія имъ мѣстъ или занятій. Наконецъ, отличнѣйшихъ изъ питомцевъ колоніи Комитетъ Общества можетъ опредѣлять, по истеченіи срока пребыванія ихъ въ колоніи, для дальнѣйшаго *образованія* въ земледѣльческія и техническія училища пансіоне-

раки на счетъ Общества (2, 5—8, 10, 14, 19—21, 23—25, 27, 55 п.п. устава).

Ремесленный пріютъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ помѣщается, на первое время, при земледѣльческой колоніи и предназначается преимущественно для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ изъ городскаго населенія, а комплектъ воспитанниковъ полагается 30 человѣкъ; впослѣдствіи, число это можетъ быть увеличено до 200. Пріютъ этотъ имѣетъ ту-же, какъ и колонія, цѣль — образовать честныхъ, знающихъ и трудолюбивыхъ ремесленниковъ, которые могли бы, впослѣдствіи, заработывать своимъ трудомъ средства къ жизни. Сообразно съ этой цѣлью, воспитанники получаютъ элементарное и практическое ремесленное образованіе, обращаются и къ земледѣльческимъ работамъ въ колоніи, по соглашенію съ Директоромъ послѣдней, и управляются на одинаковыхъ съ колоніею основаніяхъ.

Дорога въ колонію: съ Выборгской стороны на пороховой заводъ; чрезъ него насквозь, по большой дорогѣ, до предпослѣдняго телеграфнаго столба, а тамъ—вправо, чрезъ прочно устроенный мостикъ и лѣсъ, по просѣченной и пескомъ утрамбованной дорогѣ—прямо въ колонію. Поднявшись на гору, видите кругомъ красивые, одинъ отъ другаго на порядочномъ разстояніи, 2-хъ этажные, деревянные домики съ крылечками; а среди нихъ церковь. Система построекъ и содержанія мальчиковъ принята отъ Метрэ. Оттого, ни стражи, ни заборовъ, ни запоровъ нигдѣ никакихъ нѣтъ; нѣтъ, равнымъ образомъ, ни малѣйшихъ признаковъ и того, что тутъ живутъ люди, лишенные, приговорами судовъ, свободы; напротивъ: и свѣжій, пріятный воздухъ, красиво сдѣланныя дороги, высокій и частый, позади домиковъ, лѣсъ, веселенькіе домики, простота ихъ обстановки, да и сами мальчики—все дышетъ свободой, довольствомъ! На каждый домикъ опредѣлено было по 2.000 руб.; на выкорчеваніе, вырубку лѣса отъ большой дороги въ колонію, версты на $1^1/_2$ разстоянія, на настилку полотна, на дорогу въ колонію (по 2 руб.

[redacted]

кубическая сажень), на устройство 5 мостиковъ и всѣхъ вышеупомянутыхъ помѣщеній, а равно, на обзаведеніе хозяйственными принадлежностями, какъ то: одеждою, обувью, постельнымъ и тѣльнымъ бѣльемъ, кухонною, столовою, комнатною, посудою, коровами, лошадьми, упряжью, телѣгами, санями и прочими предметами, да со дня открытія колоніи—18 ноября 1871 года по 1 января 1872 г,—на самое содержаніе воспитанниковъ, начальства, прислуги, мастеровъ, для обученія ремесламъ, фермера, конюховъ и проч.—на все это—въ совокупности—истрачено 20.000 руб. Сравнивая эти постройки, приспособленія, удобства, съ постройками вообще казенныхъ и общественныхъ зданій, невольно поражаешься чрезвычайною дешевизною, объясняющеюся исключительно тѣмъ, что этимъ занимались люди не съ узкою, меркантильною цѣлью, а съ любовью къ человѣчеству, съ истиннымъ пониманіемъ значенія филантропіи; тогда какъ у насъ, на Руси, легко наткнуться и на такихъ филантроповъ, которые беззастѣнчиво увѣряютъ, что филантропія не нуждается ни въ сбереженіи, ни въ отчетахъ; при одномъ намекѣ объ чемъ—они становятся злѣйшими вашими врагами; а если дерзнете спросить отчетъ — васъ готовы проклясть на всѣхъ соборахъ!

Мы прожили въ колоніи первый разъ—2 сутокъ: ночевали вмѣстѣ съ воспитанниками, на ихъ постелѣ, довольствовались ихъ пищею, чаемъ, провели все время съ ними, вникли во всѣ подробности ихъ быта, и потому описали тогда все по порядку, съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ, по совѣсти. Это описаніе мы и предлагаемъ вниманію читателей, съ дополненіемъ и послѣдующихъ, о заведеніяхъ, свѣдѣній, почерпнутыхъ нами изъ новыхъ посѣщеній колоніи и отчетовъ.

Помѣщались въ домикахъ: въ первомъ — бывшій Директоръ колоніи А. Я. Гердтъ, человѣкъ семейный; его пріемная и канцелярія; во второмъ: внизу—столярная; а вверху — 14 мальчиковъ ремесленнаго пріюта и бывшій Директоръ Ѳ. Ѳ. Резенеръ, который и спалъ тутъ же, среди своихъ воспитанниковъ

[redacted]

(приютъ этотъ, впослѣдствіи, переселили за версту дальше въ лѣсъ); въ третьемъ: внизу—учитель ремеслъ и фермеръ; а вверху — 14 мальчиковъ, отъ 10 до 14 лѣтъ, съ ихъ воспитателемъ; въ четвертомъ же: внизу — кухня, она же для всѣхъ и столовая; а вверху—семь юношей 15—17 лѣтняго возраста, съ ихъ воспитателемъ; (должны были жить въ каждомъ домикѣ 12—15 мальчиковъ). Съ увеличеніемъ числа питомцевъ постепенно прибавлялось, потомъ, и число домиковъ. Воспитатели — молодые, образованные люди—получали жалованья по 600 руб. въ годъ; но было, добавимъ, предположеніе завести имъ помощниковъ, съ жалованьемъ по 240 руб. въ годъ.

Жилыхъ комнатъ въ каждомъ домикѣ по одной. Вокругъ стѣнъ, въ нихъ приспособлены висячія, на каждаго отдѣльно, нары, на день поднимающіяся вверхъ и пристегивающіяся, на крючкахъ, къ стѣнѣ; на нарахъ тюфяки и подушки, набитые соломою, простыни и байковыя одѣяла. Возлѣ каждой нары, на высотѣ въ ростъ мальчиковъ, полочки, для склада шапокъ, стакановъ и полотенецъ. Мальчики одѣвались сверхъ обычнаго бѣлья, въ пестрядя, темнаго цвѣта, тиковыя рубашки и брюки, въ сапогахъ; шапки носили они черныя, суконныя простолюдинскія съ козырьками, а на шеяхъ ситцевые платки. Въ воскресенье, такая же обмундировка ремесленниковъ—свѣжая, чисто вымытая и гладко выкатанная, а колонисты въ ситцевыхъ, пестрыхъ рубашкахъ, подпоясанныхъ ремнями. Бѣлье мѣняли всѣ еженедѣльно, но мы видѣли, до смѣны въ субботу, когда они ходили купаться, довольно еще чистое на всѣхъ бѣлье. Колонисты располагали, для надѣванья наскоро, ночью, сверхъ сапоговъ—еще лаптями. Одѣты были колонисты щеголеватѣе ремесленниковъ, за то послѣдніе держались въ большей дисциплинѣ, нежели первые, которые выходили напр., на дворъ, на досугѣ, когда хотѣли, а ремесленники спрашивали и на это дозволенія. Для зимы—всѣ имѣли суконные, толстые кафтаны, брюки, валенки и полушубки. Воспитатели носили русскія, красныя рубашки, плисовыя брюки,

сапоги съ длинными голенищами, а г. Резенеръ — нанкитовую блузу и брюки, близко подходящія подъ одежду его ремесленниковъ.

Занятія питомцевъ распадались на три категоріи: у каждой семьи былъ свой порядокъ. Такъ, вставали лѣтомъ колонисты: большіе — въ 5½ ч. утра, а маленькіе и ремесленники — въ 6 часовъ, чистили свои сапоги, одежду, умывались изъ жестяныхъ умывальниковъ (мыла давалось имъ вдоволь), молились, убирали свои комнаты и, чрезъ полчаса (каждая семья отдѣльно) шли купаться, потомъ возвращались, чрезъ полчаса, въ столовую, завтракать, послѣ чего:

Большіе:					*Маленькіе:*				
Отъ	7	до	8½	учились грамотѣ	Отъ	7	до	9½	работали,
„	8½	„	11	работали	„	9½	„	10	отдыхали,
„	11	„	11½	купались	„	10	„	12	учил. грам.
„	11½	„	12½	обѣдали	„	12	„	12½	купались
„	12½	„	3	гуляли	„	12½	„	1¼	обѣдали
„	3	„	5	работали	„	1¼	„	3	гуляли,
„	5	„	6	полдничали	„	3	„	4	учил. грам.
„	6	„	8	работали	„	4	„	5	полдничали;
„	8	„	8½	купались	„	5	„	7	работали,
„	8½	„	9	ужинали	„	7	„	7½	купались;
					„	7½	„	8¼	ужинали.

Ремесленники:

Отъ	8	до	12	половина работали, а другая—учил. грамотѣ
„	12	„	12½	купались
„	12½	„	1	обѣдали
„	1	„	3	гуляли
„	3	„	5	работали и учились грамотѣ пополамъ
„	5	„	6	купались и полдничали
„	6	„	8	работали и учились грамотѣ
„	8	„	8½	купались
„	8½	„	9	ужинали.

Затѣмъ всѣ ложились спать или гуляли еще нѣкоторое время. Иногда, отъ росписанія дѣлались отступленія, для починки одежды, въ ненастную, напр., погоду, когда на улицѣ быть непріятно.

Пища питомцевъ была пять дней въ недѣлю — скоромная, а два дня — постная. Завтракали: 3 раза въ недѣлю — ситника съ масломъ; 3 раза — по $^{1}/_{4}$ бутылки молока на каждаго съ хлѣбомъ; въ воскресенье же — чай съ ситникомъ. Обѣдали и ужинали всегда по *двѣ* перемѣны; по средамъ и пятницамъ — гороховый или другой супъ и вареный картофель съ огурцами, а въ остальные дни — щи, супъ съ говядиною, гречневую, ячневую кашу, либо говядину подъ соусомъ съ вермишелью; мяса клали въ котелъ, на каждаго въ день по полфунта. Полдничали: хлѣбъ съ квасомъ (который пили всегда), съ масломъ или чаемъ; кромѣ того, въ праздничные дни, имъ пекли еще пироги съ рисомъ или какою-нибудь крупою. Пишущій эти строки обѣдалъ, ужиналъ и завтракалъ съ питомцами, вкусную и питательную, во всѣхъ отношеніяхъ, пищу. Процессъ обѣда, ужина и проч. былъ столь любопытенъ, что мы и его описали. За $^{1}/_{4}$ часа до прихода семьи въ столовую — туда отправлялся дежурный питомецъ съ ключемъ отъ шкафа, въ которомъ хранилась семейная посуда: вынималъ ее, ставилъ каждому оловянную тарелку, внутрь ея деревянную чашку, клалъ по ложкѣ, вилкѣ и ножу. По прибытіи остальныхъ — прочитывалась молитва, всѣ садились; кухарка наливала щи въ большую миску и дежурный подавалъ ее на столъ. Директоръ (Ѳ. Ѳ. Резенеръ) или воспитатель наливалъ всѣмъ въ чашки, нарѣзывалъ и раздавалъ хлѣбъ и сами ѣли тутъ-же, тоже самое, чтобы воспитанники не завидовали имъ, какъ это дѣлается въ швейцарскихъ колоніяхъ, гдѣ воспитателямъ отпускаются гораздо лучшія порціи, которыя они и ѣдятъ, сидя рядомъ съ питомцами. Первое кушанье и хлѣбъ, всякій могъ ѣсть сколько хочетъ; второе же — только полученную отъ Директора или воспитателя, въ подставленную тарелку — порцію, причемъ Директоръ или воспитатель справля-

валъ воспитанниковъ: кому косточку, кому хрящикъ, кому жирный кусокъ? Первый, заявившій желаніе на тотъ или другой кусокъ—получалъ его, а остальные уже и не заикались о томъ, что и они того-же хотѣли-бы, т. е. не было никакихъ неудовольствій. Точно также и когда пили чай — всякій получалъ порцію ситнаго съ фунтъ, а чаю: кто одну, кто—двѣ кружки, съ сахаромъ въ прикуску. Нерѣдко питомцы, заблаговременно, просили замѣнить имъ одно кушанье, напр. пріѣвшееся, другимъ, и просьба ихъ удовлетворялась.

Съѣстные припасы для колоніи покупались ежедневно, въ городѣ, потому что въ колоніи не было ледника, гдѣ бы сохранять ихъ, да и ближе негдѣ было ничего достать. На пищу питомцамъ, какъ арестантамъ, казна отпускаетъ по 7 коп. въ сутки; но Общество, имѣя въ виду, что почти всѣ прибывающіе въ колонію, чрезвычайно заморены—добавляло еще по 8 к., изъ своихъ средствъ, въ день, для поправленія здоровья дѣтей, такъ что пища обходилась въ сутки 15 коп. на питомца.

Семьи образовались: первая (ремесленниковъ)—изъ 3-хъ мальчиковъ, находившихся въ исправительномъ заведеніи до совершеннолѣтія; 4 безпріютныхъ нищихъ, да 4, обвиненныхъ мировыми судьями въ воровствѣ, прямо съ воли; вторая (колонистовъ)—въ февралѣ и мартѣ 1872 года, потомъ ужъ третья и т. д. Хотя мальчики жили въ колоніи всего-то 6 — 7 мѣсяцевъ, тѣмъ не менѣе, они ужъ успѣли научиться много кое-чему хорошему. Они, раздѣленные: горожане—на ремесленниковъ, а деревенскіе—на колонистовъ, обработали (подъ руководствомъ фермера, молодаго человѣка, кончившаго курсъ въ Горыгорецкомъ земледѣльческомъ институтѣ) огородъ, на которомъ росли капуста, лукъ, тыква и еще что-то; на обсѣмененіе этого огорода издержано было до 40 р. Далѣе, 4 научились кузнечному ремеслу на столько, что дѣлали скобки, гайки, гвозди, и нѣкоторыя другія потруднѣе вещи, не только для колоніи, но и по заказамъ крестьянъ сосѣднихъ деревень. Точно также, человѣкъ 8 столярничали,—и мы видѣли

[redacted]

ихъ работы — простые столики, табуреты, рамы для кухни рабочаго дома колоніи и приготовленные для продажи до 20 штукъ табуретокъ. На обзаведеніе инструментами и на матеріалы истрачено: для столярной—до 50 руб., для кузницы и на меха—250 руб. Кузнецы, занимаясь этимъ дѣломъ всего-то $1^1/_2$ мѣсяца, заработали 30 руб. Учили кузнечному — одинъ, а столярному — другой мастера, которые получали за это и за безотлучное свое нахожденіе въ колоніи — по 30 руб. въ мѣсяцъ. Учились мальчики ремесламъ и сельскому хозяйству съ большою охотою и прилежаніемъ. По окончаніи работъ, Директоры осматривали ихъ произведенія и отмѣчали въ книжкахъ качество работы.

Дѣтей чрезвычайно занимала мысль, что все, въ колоніи имѣющееся, „ихнее,“—какъ они выражались.

— Чье-же именно: твое, что ли? спросили мы 12-лѣтняго ремесленника.

— Нѣтъ, наше, всѣхъ дѣтей и Директоровъ нашихъ.

— Что-же вы сдѣлаете со всѣмъ этимъ добромъ?

— Какъ что? Будемъ кормиться имъ, чтобы нужды не терпѣть; будемъ хозяйничать: заработаемъ денегъ, купимъ ржи, посѣемъ, выростетъ хлѣбъ и *свой* станемъ ѣсть—заголосили товарищи.

— Да вѣдь, когда выростете—домой отправитесь, а все это добро здѣсь останется?

— Домой?!... Нѣтъ, мы тутъ останемся; разведемъ садъ, пчельникъ, молочную ферму; всего, всего наживемъ. Намъ тутъ житъ споладгоря: мы ихъ полюбили, и они насъ любятъ. Правда вѣдь? слышалось (къ директору) со всѣхъ сторонъ. При этомъ одинъ, лѣтъ 14, развязно подошелъ къ Директору и въ подтвержденіе своихъ словъ крѣпко поцѣловалъ его въ щеку и получилъ отвѣтъ тѣмъ-же. Сцена эта привела насъ въ умиленіе.

Многіе мальчики хвалились намъ, что у нихъ есть 6 лошадей, жеребенокъ, двѣ коровы и два теленка; зазвали насъ поглядѣть на ихъ собственность, въ конюшню, гдѣ разсказывали:

какая лошадь—какъ бѣгаетъ, много или мало ѣстъ; какая—смирная, какая—брыкается; сколько каждая корова даетъ молока; гладили, кормили телятъ, пытались на перерывъ доказывать намъ, во сколько времени, какой теленокъ выростетъ и т. под. Видя предъ собою этихъ оживленныхъ, бойкихъ мальчиковъ, съ жаромъ трактовавшихъ о трудѣ и благихъ его результатахъ, эти нѣжныя ласкательства къ своему *главному* начальнику, намъ дивно было сразу повѣрить, что это тѣ самые „безпардонные буяны, воришки,“ которые по 3—5 разъ сиживали въ исправительномъ заведенiи (мы насчитали такихъ 16 чел.), гдѣ мы ихъ встрѣчали и гдѣ они ко всему относились враждебно, либо совершенно равнодушно, гдѣ, казались забитыми, пугливыми и дрожали не только предъ высшимъ начальствомъ, но даже и предъ сторожемъ...

Грамотѣ и всѣмъ тѣмъ наукамъ, какiя перечислены выше, учили: ремесленниковъ—Ѳ. Ѳ. Резенеръ, а колонистовъ—А. Я. Гердтъ. Особыхъ, классныхъ комнатъ не было, а занятiя производили въ спальняхъ, на раскидныхъ столахъ. Графили ученикамъ тетради и чинили имъ карандаши—сами преподаватели. Первоначальному, тихому чтенiю выучивались по системѣ—изобрѣтенной г. Резенеромъ—въ мѣсяцъ: одинъ вслухъ складывалъ буквы и потомъ выговаривалъ слова; а другой тоже самое дѣлалъ про себя; затѣмъ, роли ихъ мѣнялись на тѣхъ же самыхъ словахъ. Степень прилежанiя, любознательности мальчиковъ подкрѣпимъ фактами. Такъ, отлучавшiеся, по разнымъ случаямъ, изъ класса, живо возвращались назадъ. Одному было замѣчено деликатно: „ты, милый. плохо написалъ“.

— Я, ей-богу, стараюсь, да какъ-то у меня все не выходитъ, жалобно отвѣтилъ, краснѣя, мальчикъ 12 лѣтъ,—только я безпремѣнно научусь, и, какъ увидите — скоро; очень скоро, научусь.

Другой написалъ вмѣсто ъ — ь, и на вопросъ: почему?—

[redacted]

предъявилъ книжку, въ которой оказалась опечатка. Это было объявлено преподавателемъ вслухъ.

— Какъ опечатка? Что такое опечатка? Позвольте поглядѣть опечатку? заговорили всѣ въ недоумѣніи, и тогда лишь успокоились, когда имъ подробно объяснили способъ книгопечатанія и причины, по которымъ въ книгахъ попадаются опечатки.

Предъ окончаніемъ класснаго занятія, всѣ, наперерывъ, просили пересмотрѣть ихъ писанье, и заслужившіе одобреніе — отходили отъ учителя довольными и съ жалостью смотрѣли на недобившихся этой чести, а тѣ медленно двигались въ сторону, понуря головы, отъ постигшей ихъ неудачи. На досугѣ, дѣти занимались клееніемъ домиковъ, изъ картонной бумаги, и коробочекъ, также охотно.

Мальчики были всѣ здоровы, бодры; обходились съ ними гуманно, деликатно, отчего они не только ничуть не боялись начальства, а, напротивъ, со всею ребяческою пылкостью привязались къ нему, въ чемъ мы убѣдились—какъ очевидцы—изъ многочисленныхъ фактовъ. Такъ, А. Я. Гердтъ разъ вышелъ изъ дома очень рано—и, когда возвращался, часовъ въ 8 утра, назадъ—мальчики, увидѣвъ его издали, гурьбою, весело, побѣжали къ нему на встрѣчу, съ привѣтствіемъ: „здравствуйте, съ добрымъ утромъ,“ затѣснились около него на дорогѣ, на перерывъ, стараясь пожать ему руку (всѣ начальствующіе въ колоніи здоровались съ мальчиками не иначе, какъ за руки); а когда онъ, сидя, послѣ того, въ столовой, задумался, мальчики съ безпокойствомъ поглядывали на него молча, а потомъ пытались, между прочимъ, и отъ насъ, дознаться: не случилось-ли у него какой нибудь непріятности? Ѳ. Ѳ. Резенеръ пересталъ было курить, чтобы не соблазнять своихъ питомцевъ, но сила привычки томила его, да и докторъ, для здоровья, совѣтовалъ ему курить. Мальчики, услышавъ разговоръ своего начальника съ докторомъ, — въ свою очередь, просили его не стѣсняться курить, потому что

они даютъ *честное слово отъ всей семьи* никогда не курить. Директоръ сталъ курить въ присутствіи своихъ питомцевъ, иногда нарочно клалъ зря (счетомъ), папиросы, но никто ихъ не трогалъ, а данное слово сдерживалось твердо. Далѣе, мальчики такъ сильно дорожили благополучіемъ своего начальства, что когда только-что прибывшій и не успѣвшій еще освоиться съ новымъ своимъ бытомъ, убѣжалъ—всѣ возмутились, опечалились поступкомъ товарища и цѣлые часы, съ азартомъ, бѣгали, по разнымъ направленіямъ лѣса, ловить бѣглеца *).

— Какъ бы его слѣдовало наказать, еслибъ поймали?—спросили мы 14-ти лѣтняго колониста.

— Отдуть хорошенько, чтобы помнилъ, какъ это обидно Директору: срамъ для всѣхъ насъ, серьезно отвѣчалъ онъ.

— Неужели его побѣгъ конфузитъ и всѣхъ васъ?

— Разумѣется, потому мы обязаны смотрѣть другъ за другомъ, обязаны жить дружно, въ ладу, а не пакостить.

— Да вѣдь *воля* каждому дорога; а у васъ нѣтъ ни заборовъ, ни запоровъ, ни караульщиковъ, значитъ, убѣжать отъ *неволи*, пожалуй, простительно.

— Отъ добра добра не ищутъ—скажу я вамъ—и намъ здѣсь жить вольготнѣе, чѣмъ иному на волѣ, стало быть, и бѣгать не резонъ. Кабы онъ убѣжалъ изъ-за рѣшотокъ „исправительнаго"—мы бы точно всѣ его молодцемъ назвали, а отсюда куда хочешь, на всѣ четыре стороны, лети,—намъ и обидно, что онъ запачкалъ семью.

— Онъ пробылъ тутъ всего-то, однако, 2 — 3 сутокъ и могъ думать, что житье его ухудшится?

— Не смѣлъ онъ этого думать: дѣти ему, въ первый же день, все разсказали, и онъ долженъ былъ вѣрить имъ, воспитателю, Директору, какъ они намъ вѣрятъ. Захотимъ, напри-

*) Въ первый годъ существованія колоніи въ Метрэ—половина разбѣжалась, слѣдовательно, наша несравненно лучше привилась къ нравамъ маленькихъ преступниковъ.

[redacted]

ірь, въ шабашъ, въ лѣсъ, скажемъ: „позвольте,“ намъ отвѣ-
тъ: „ступайте на часъ“. „Придемъ“. „Ладно,“—добавятъ.
явишся къ сроку, а ежели и опоздаешь маленько—потому ча-
въ при себѣ не имѣемъ—извинишся и больше ничего намъ не
деть. А живи-ка въ ученикахъ у мастера, такъ онъ тебя за-
ритъ старается работой, кормитъ впроголодь, а про гулянье
будь и думать. А коли, въ кои-то вѣки и пуститъ, да опоз-
ешь—руготнѣ конца нѣтъ, не то, потомъ и всю спину испо-
зуетъ. Вотъ отъ него больше ничего и не остается, какъ
драть куда попало.

— Ну, а ты думаешь тягу дать домой? обратились мы къ
9-ти лѣтнему мальчику.

— Ни за что не убѣгу, молвилъ онъ, качая головой. Тутъ
къ и чаю, и ситнаго, и молока, и говядину даютъ, а щей,
—сколь хошь ѣшь; а у мамки одинъ черствый хлѣбъ ло-
й, да она еще бьется,—больно бьется, жалобно заключилъ онъ,
помнивъ, вѣрно, худое обращеніе съ нимъ матери.

— А вамъ какъ здѣсь живется? освѣдомились мы у 15-ти
лѣтняго, круглаго сироты, сына генералъ-маіора.

— Несравнено лучше, чѣмъ у опекуна, у котораго я не
илъ, а мучился—отозвался онъ, съ энергическимъ удареніемъ
послѣднихъ словахъ.—Ежели здѣсь всегда такъ хорошо бу-
тъ, какъ теперь, я, по окончаніи срока, останусь учиться и
ду воспитателемъ: меня, надѣюсь, оставятъ, потому что я
льше другихъ знаю науки.

На досугѣ дѣти ходили семьями, съ воспитателями, гулять
лѣсу, сбирали цвѣты, ягоды. Разъ и мы отправились съ ни-
и были свидѣтелемъ, какъ они забрасывали Директора сами-
разнообразными вопросами, въ родѣ слѣдующихъ, оставшихся
насъ въ памяти: „какъ называется этотъ цвѣтокъ? отчего
дерево сохнетъ, а лягушки живутъ безпремѣнно въ мокротѣ? не-
го воробьи ѣдятъ? почему птички вьютъ гнѣзда на сучьяхъ,
огда ихъ обломать можно, а не на землѣ? для чего жилки бьются

въ рукахъ, въ кисти, а не въ бокахъ? отчего солнце закатывается помаленьку, а не гаснетъ сразу, какъ свѣчка и т. п., такъ что почтенный педагогъ не переставалъ почти говорить, причемъ любезно, ровно удовлетворялъ любознательность всякаго; словомъ это была своеобразная лекція, которую слушали съ напряженнымъ вниманіемъ и удивленіемъ. Оставаясь въ рекреаціонное время дома, они качались на качеляхъ, играли въ чурки и городки.

— Можно намъ въ городки сыграть? спросили разъ трое молодцевъ.

— Сперва вымоемъ-те, дѣти, полъ, а то, играючи, устанете и не охотно будете полъ мыть, а надо держать его чистымъ, чтобы насѣкомые не развелись.

— Вѣрно-съ, согласились ребята. Такъ идемъ-те скорѣй, полъ мыть, а играть будемъ послѣ. И всѣ направились въ домикъ.

Для религіознаго назаданія и преподаванія мальчикамъ закона Божія, ѣздилъ въ колонію, безвозмездно, дважды въ недѣлю, священникъ пороховаго завода, и занимался съ ними 4 часа (два—съ ремесленниками и два—съ колонистами). Къ священнику дѣти тоже были искренно расположены. Мы это говоримъ потому, что они при насъ неутомимо сбирали ему въ сюрпризъ цвѣты, которые сносили ему, идучи къ обѣднѣ въ воскресенье (церкви тогда еще не было), въ церковь пороховаго завода и, не смотря на то, что церковь эта отъ колоніи была въ 5-ти верстахъ—дѣти, даже 10-ти лѣтнія, съ удовольствіемъ путешествовали въ церковь, слѣдовательно и религіозность въ нихъ развивалась въ надлежащей степени; они совершенно правильно и безошибочно читали всѣ обычныя молитвы.

Такъ какъ занятій въ праздники ни какихъ не бывало, то семьи нерѣдко, совершали прогулки въ сосѣднія деревни, даже въ городъ въ зоологическій, напримѣръ, садъ, со своими воспитателями, Директорами, для пріятныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полезныхъ цѣлей, — сбирать практическія свѣдѣнія по разнымъ

[redacted]

отрасляхъ знаній. Свиданія съ ними родителей, родственниковъ допускались во всякое время, безпрепятственно. Къ одному мальчику, въ нашу бытность въ колоніи, явился отецъ, отставной солдатъ, который до того восхитился счастливымъ положеніемъ своего румянаго, нарядного (въ новенькой, ситцевой рубашкѣ) сына, что, глядя на него,—радостныя слезы показались въ померкшихъ глазахъ этого дряхлаго, отъ бремени лѣтъ и невзгодъ, воина. По желанію питомцевъ, Директоры собирали справки о положеніи ихъ семействъ, писали имъ письма, лично посѣщали ихъ, при удобныхъ случаяхъ. Однажды, одинъ изъ Директоровъ зашелъ въ городѣ къ бѣдняку-еврею, сынъ котораго былъ въ колоніи, и поздоровавшись—сказалъ, что принесъ ему поклонъ отъ сына. Еврей посмотрѣлъ на гостя враждебно и началъ отрекаться отъ сына, причинившаго ему горе своими дурными поступками, но послѣ долгихъ преній едва согласился повидаться съ сыномъ, и то лишь на основаніи увѣреній Директора, что юноша не пропалъ, а есть надежда на совершенное его перевоспитаніе. Насталъ еврейскій, годовой праздникъ и Директоръ отпустилъ домой колониста (и это, иногда, допускалось), который вернувшись въ колонію въ срокъ, *одинъ*,—принесъ Директору письмо отъ отца, разсыпавшагося въ благодарностяхъ ему за сына, такъ какъ послѣдній не только безукоризненно провелъ праздники, но даже ничего не укралъ, тогда какъ прежде безъ этого не могъ, дескать, обойтись!...

Почти всѣ мальчики, живя на волѣ, подъ гнетомъ дурныхъ обстоятельствъ, по прибытіи въ колонію, сначала были чрезвычайно раздражительны, такъ что малѣйшее противорѣчіе, а особливо противодѣйствіе со стороны товарищей—выводило ихъ изъ терпѣнія, отчего они ссорились, толкались, не задумываясь даже и пустить въ товарища чѣмъ попало. Потомъ, видя, что пища хорошая и, помня прежнее свое полуголодное состояніе—они тоже въ первое время, тащили съѣстные предметы,—въ предположеніи, что сегодняшняя вкусная, сытная пища—

случайность, а завтра будетъ худая, и потому надо запастись, чѣмъ можно, про черный день; но убѣдившись, что опасенія напрасны—перестали красть. Другіе, возстановленные противъ бывшаго начальства, думали, что и новое, такое-же для нихъ, будетъ суровое, начинали продѣлывать разные казусы, дабы злить начальство. Третьи, старшіе лѣтами, добавляли къ сказанному грубость, неповиновеніе, проявляли ухарскія, арестантскія замашки; подстрекали меньшихъ къ тому-же и, главное, принимались курить. Важныхъ проступковъ, никакихъ, не бывало, за все время Директорства названныхъ лицъ.

Карались проступки: приказаніемъ извиниться предъ обиженнымъ при всѣхъ; внушеніями, выговорами, запрещеніемъ: а) работать вмѣстѣ съ другими—да, именно работать—и это изрядно огорчало многихъ; б) купаться; в) играть съ товарищами; г) гулять на дворѣ и въ лѣсу; д) отдѣленіемъ въ уголъ, и е) за невыполненіе *добровольно* наложеннаго взысканія или поступленіе напротивъ—виновный отдавался подъ особый надзоръ семьи, воспитателя и т. под. Перечисленныя кары опредѣлялись на время отъ часа до 3-хъ сутокъ; но чаще всего слагались значительно раньше наступленія срока, вслѣдствіе публичнаго раскаянія виновнаго, ходатайства за него семьи, воспитателя, личнаго благорасположенія Директора. Ни заключенія въ карцеръ, котораго въ колоніи и не было, ни тѣмъ болѣе, тѣлесное наказаніе, ни подъ какимъ видомъ, никогда не употреблялось.

Хворали, большею частію, вновприбывшіе мальчики отъ рѣзкаго перехода изъ душныхъ казематовъ на полную свободу, и предпочтительно разстройствомъ желудка, происходящимъ какъ отъ перемѣны пищи, такъ и оттого, что они съ крайнею жадностью накидывались на вкусную ѣду и, такъ сказать, объѣдались. Первоначальную медицинскую помощь оказывали питомцамъ воспитатели, Директоры медикаментами, хранившимися въ колоніи; а затѣмъ, туда ѣздилъ, безвозмездно же, докторъ съ порохового завода.

Мы отъ души порадовались за процвѣтаніе колоніи и за избраніе Директорами, *первыхъ* въ Россіи колоніи и пріюта, именно такихъ людей, какъ А. Я. Гердтъ и Ѳ. Ѳ. Резенеръ, дарованіями которыхъ, безъ преувеличенія можно сказать, спасены мальчики отъ торной дороги преступленій. Мы, искренно желали Директорамъ крѣпко, дружно держаться другъ друга и общими усиліями продолжать свое служеніе высокой идеѣ—направлять падшихъ на путь истинный, по примѣру популярнѣйшихъ: Песталоцци, Товарда, Венига, Демеца и Куртейля—этихъ дорогихъ для тюремнаго дѣла лицъ, достойныхъ того, чтобы имъ подражать.

Къ крайнему сожалѣнію, наши пожеланія не сбылись: въ 1873 г. Ѳ. Ѳ. Резенеръ покинулъ должность за болѣзнію, а управлявшій колоніею и пріютомъ годъ, А. Я. Гердтъ, въ 1874 г. отказался отъ директорства, вслѣдствіе крайняго утомленія. Съ этого времени, заведенія стали разстраиваться: слѣдующему Директору, П. А. Ровинскому, тяжело было одному справиться съ непривычнымъ дѣломъ, а замѣнившій его, г. Солнцевъ, вовсе не соотвѣтствовалъ назначенію, и потому былъ также уволенъ. Отъ этихъ частыхъ перемѣнъ, Комитету Общества, управляющему заведеніями стоило большихъ усилій поправить заведенія; но во всякомъ случаѣ лучшее ихъ положеніе во всѣхъ отношеніяхъ было при А. Я. Гердтѣ и Ѳ. Ѳ. Резенерѣ.

Состояло питомцевъ въ колоніи и пріютѣ: къ 1872 — 13; къ 1873—52; къ 1874—67; къ 1875—48; къ 1876—54; къ 1877—74; къ 1878—90; итого 398 чел. Изъ нихъ, за все время существованія заведеній, выпущено 54 чел.—размѣщенные: въ провинціяхъ — 5; у родныхъ—2; въ приказчикахъ—1; въ солдатахъ — 5; въ Петербургѣ, въ различныхъ мастерскихъ и должностяхъ — 28; осталось въ столицѣ безъ опредѣленныхъ занятій—4; а неизвѣстно чѣмъ живущихъ—8 чел.

На заведенія и соприкасавшіеся къ нимъ предметы было:

	Прихода.	Расхода.
въ 1870 г.	10.531 р. 45 к.	
» 1871 „	24.119 „ 92 „	23.469 р. 96 к.
» 1872 „	33.921 „ — „	28 855 „ 34 „
» 1873 „	45.127 „ 23 „	24.268 „ 94 „
» 1874 „	57.206 „ 42 „	42.217 „ 67 „
» 1875 „	48.671 „ 13 „	37.048 „ 94 „
» 1876 „	36.305 „ 10 „	37.684 „ 82 „
» 1877 „	32.048 „ 31 „	38.376 „ 24 „
» 1878 „	47.080 „ 75 „	36.108 „ 37 „ предполагалось
» 1879 „	38.125 „ — „	36.780 „ 57 „ по смѣтамъ.
	373.136 р. 31 к.	304.810 р. 85 к.

Изъ этихъ приходо-расходныхъ суммъ къ 1878 г. было запаснаго, собственно, капитала 45.956 р. 6 к. Собраніемъ столь солиднаго капитала, Общество положительно обязано старанію и вліянію въ высшихъ сферахъ персонала Комитета Общества, въ особенности предсѣдателя Н. В. Зиновьева, товарища предсѣдателя М. Е. Ковалевскаго (оба въ должностяхъ съ основанія Общества) и члена Г. К. Рѣпинскаго. Членовъ Общества было: къ 1871—275; въ 1872—415; въ 1873—580; въ 1874—610; къ 1875 — 604; къ 1876 — 556; къ 1877 — 631; а къ 1878—631 чел.

Занимались питомцы, въ 1878 г., какъ и въ предшествовавшіе года, изученіемъ: грамотности, исторіи, географіи, естествознанія, ремеслъ: столярнаго, слесарнаго, тележнаго, переплетнаго и сельскаго хозяйства. Хотя, выпущенные изъ заведеній и продолжали связь съ ними лично и письменно, но для лучшаго имъ покровительства неоднократно возникала мысль устроить особое патронатство. Такъ какъ эта мысль не осуществлялась, то ревизіонная коммиссія 1877 г. снова подняла этотъ животрепещущій вопросъ. И вотъ, въ концѣ 1878 г., общее собраніе

[redacted]

іщества образовало особую (изъ членовъ: К. Ф. Ордина, Е. И. Рагози-, А. А. Бенкендорфа, А. И. Ховена, Ѳ. Ѳ. Резенера и пишущаго эти роки) коммисію для разработки проекта особаго надъ ними попечиьства. Не успѣла коммиссія еще собраться, какъ появился утвержиный Министромъ внутреннихъ дѣлъ „уставъ общества пособія совершеннолѣтнимъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія". того коммиссіи и не суждено было заняться исполненіемъ данго ей порученія: новое Общество приняло, какъ намъ сообщи-, подъ свое покровительство и выпускаемыхъ изъ колоніи и іюта. Какъ Ѳ. Ѳ. Резенеръ, такъ и мы считали себя обязиными заняться составленіемъ проекта, потому что между выщенными изъ тюремъ и изъ колонія нѣтъ рѣшительно ничего щаго, но не могли добиться созванія коммиссіи и потому, по юлѣ, подчинились большинству...

Хотя въ заведеніяхъ и есть недостатки, но онѣ присущи ѣмъ учрежденіямъ: совершенства нѣтъ, вѣдь, на свѣтѣ. мъ же заведеніямъ, тѣмъ болѣе, многое извинительно, что онѣ ходятся далеко отъ города и управлять ими приходится Комитету іли: персоналъ Комитета не въ состояніи, понятно, ежеднев-туда ѣздить. Остается пожалѣть еще и о слѣдующемъ. Пе-ербургскому Обществу слѣдовало, по Уставу, стать во главѣ всѣхъ лоній и пріютовъ, открывшихся, разновременно, въ провинціяхъ, обы вездѣ господствовало единство дѣйствій, но объ этомъ не заботились и потому, между однородными заведеніями, не устаилось никакой связи. Точно также, въ началѣ существованія рвыхъ столичныхъ заведеній, предполагалось, именно въ нихъ, иготовлять воспитателей и Директоровъ для провинціальныхъ ведeній, но и это не осуществилось! Измѣненіе законодательва о наказаніяхъ дѣтей тоже не состоялось. Наконецъ, позднее іародованіе отчетовъ заставляетъ желать скорѣйшаго ихъ пожнія, чтобы не заниматься ими заднимъ числомъ...

XV.

Волчьи паспорты и водвореніе въ Сибирь.

Производящіеся въ мировомъ судѣ дѣла, какъ бы онѣ ни были сложны,—въ теченіи одного, двухъ мѣсяцевъ всегда разрѣшаются окончательно. Юрисдикціи этого же суда подвѣдомственны, согласно 169—180 ст. Уст. о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, между прочимъ, и уголовныя дѣла о людяхъ низшихъ сословій, обвиняемыхъ въ простыхъ кражахъ, мошенничествахъ, обманахъ и присвоеніи чужаго имущества, на сумму менѣе 300 руб. Хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., кражахъ, обвиняемыхъ и постигаетъ весьма чувствительная кара—годичное тюремное заключеніи (170 ст. Мир. уст.), — но коль скоро кара эта вынесена—она предается полному забвенію: на паспортахъ освобожденныхъ изъ тюремъ не дѣлается никакихъ отмѣтокъ, что они были наказаны за кражу; статья 191 Уст. угол. судопр. предписываетъ, правда, мировымъ судьямъ сообщать объ осужденныхъ ими къ заключенію обществамъ, къ которымъ они принадлежатъ, — но, во первыхъ, судя по практикѣ этого въ дѣйствительности *не дѣлается*, а во вторыхъ, если бы и дѣлалось—это было бы извѣстно только купеческимъ, мѣщанскимъ, ремесленнымъ и крестьянскимъ управамъ, а не цѣлому обществу, которое предоставляетъ бѣднымъ людямъ хлѣбъ насущный за ихъ личный трудъ, такъ что освобожденнымъ изъ

[redacted]

торыы предоставляются *всѣ* способы къ добыванію честныхъ путемъ пропитанія.

Совершенно противоположное постигаетъ, безъ различія сословія, людей, впавшихъ въ какое либо изъ подобныхъ вышеупомянутыхъ преступленій, подсудныхъ, на основаніи 200 ст. Уст. угол. судопр. и 181 ст. Уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями, окружному суду, по цѣнности, напр., похищеннаго превышающаго 300 р., или хоть и меньше,—но совершеннаго съ помощью взлома. Со времени начатія слѣдствія по обвиненіямъ въ кражахъ со взломомъ, мошенничествахъ, подлогахъ и т. п. до дня судебнаго засѣданія проходитъ, какъ показываетъ опытъ существованія гласнаго суда, обыкновенно отъ 4-хъ до 8-ми мѣсяцевъ, а по сложнымъ дѣламъ еще больше: дѣло должно, по закону, пройдти чрезъ руки слѣдователя, товарища прокурора окружнаго суда, прокурора судебной палаты, чрезъ самую палату и обратно до окружнаго суда включительно. Между тѣмъ, въ числѣ уголовныхъ преступленій, есть не мало и такихъ, которыя въ сознаніи общества лишены этого характера, вслѣдствіе суровости налагаемыхъ за нихъ, по закону, наказаній, и потому присяжные засѣдатели—эта ходячая общественная совѣсть,—постоянно оправдываютъ подсудимыхъ. Къ этой категоріи преступленій, отрицаемыхъ обществомъ, относятся взломы, напр., хранилищъ, для кражи изъ нихъ предметовъ на ничтожныя суммы; мелкія мелкія похищенія, содѣянныя *благородными*, всякаго рода нарушенія паспортной системы. Судебные слѣдователи, твердо помня взгляды общественной совѣсти касательно лицъ, привлеченныхъ къ слѣдствію по подобнымъ дѣламъ—ограничиваются, для воспрепятствованія имъ уклоняться отъ правосудія, примѣненіемъ къ нимъ чаще всего 1 п. 416 ст. Уст. угол. судопр., т. е. отобраніемъ отъ нихъ паспортовъ, взамѣнъ коихъ они снабжаются, на свободное жительство, такъ называемыми реверсами, въ которые вписывается, между прочимъ, *суть* предмета обви-

ненія. Съ этими-то реверсами подслѣдственные и вынуждены жить до оправданія или обвиненія ихъ судомъ присяжныхъ.

Поверхностно глядя на реверсы, немудрено предположить, что судебные слѣдователи, снабжая ими подслѣдственныхъ, поступаютъ весьма гуманно: вмѣсто того, чтобы, напр., заключить человѣка подъ стражу, онъ беретъ у него только его паспортъ, а самаго отпускаетъ гулять по волѣ. Но вникнувъ по глубже въ положеніе *бѣднаго* человѣка съ реверсомъ въ рукахъ, — убѣждаемся, что ему вовсе не оказано никакого снисхожденія, а, какъ часто случается, — онъ очутился въ гораздо худшемъ положеніи, нежели сидѣлъ бы подъ стражею: тамъ онъ, потерявъ свободу, пользовался бы казеннымъ помѣщеніемъ, продовольствіемъ, а здѣсь онъ и при свободѣ сразу потерялъ то и другое: изъ предосторожности, трусости, опасенія быть шокированнымъ — никто и нигдѣ не держитъ его на порядочной квартирѣ, не принимаетъ къ себѣ служить, работать. Пишущій эти строки, располагаетъ по опыту, множествомъ поразительныхъ, въ этомъ смыслѣ фактовъ, изъ которыхъ приведемъ на выдержку, лишь нѣсколько, для болѣе яркаго очертанія разсматриваемаго предмета.

Такъ, дворянинъ Ю. попалъ, по крайней бѣдности и безродству, на 16 году отъ роду, служить, за 8 р. въ мѣсяцъ, въ одно присутственное мѣсто, выдававшее паспорты и отсрочки. Мѣщанинъ М., занимаясь снабженіемъ *темнаго* люда фальшивыми паспортами и отсрочками и посѣщая вслѣдствіе этого часто то присутствіе освѣдомился о нищетѣ юноши, далъ ему 20 р. — значительный въ его положеніи капиталъ, — угостилъ его, и, разными ухищреніями, подъучилъ его взять, изъ валявшихся на столахъ присутствія нѣсколько штукъ бланокъ и подписать ихъ, что юноша, по свойственному его возрасту легкомыслію, и сдѣлалъ. Распродавъ эту серію отсрочекъ, М. присталъ къ Ю., чтобы тотъ досталъ ему еще такихъ же отсрочекъ, за неисполненіе чего грозилъ выдать его начальству. Ю. повиновался, изъ *самосохраненія*. Наконецъ, махинація открылась, обоихъ отдали

ь судъ, а Ю., кромѣ того, еще уволили отъ службы. Слѣд-
э тянулось больше 2-хъ лѣтъ, а Ю. все это время, съ ре-
юмъ, жилъ подаяніями, да писаніемъ просьбъ на лѣстницахъ
ръ мировыхъ судей, жилъ день на улицахъ, а ночь прово-
ь въ 3-хъ копеечныхъ ночлегахъ, питался чуть-ли не ман-
небесною, не будучи въ состояніи пріискать себѣ постоянное
венькое занятіе *переписывать* бумаги: какъ только пока-
ь желающему дать ему работу реверсъ, такъ тотчасъ-же по-
етъ отказъ и въ самой работѣ.

Молодой, здоровый мѣщанинъ Ф., очутившись подъ слѣд-
мъ за кражу изъ запертаго сундука вещи, оцѣненной въ 75
, перебывалъ, въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ, съ реверсомъ въ
хъ, чуть-ли не на всѣхъ здѣшнихъ фабрикахъ, заводахъ
п. заведеніяхъ, тщетно умоляя принять его на работу, и кон-
тѣмъ, что среди дня покусился, съ голоду, совершить ка-
льную кражу, и очень радъ былъ, что его поймали на мѣстѣ
тупленія: „Наконецъ-таки попаду на готовые харчи, хоть
тюрьму, заявлялъ онъ, съ злобною ироніей.

Эти-то самые реверсы сильно и способствуютъ распростра-
ю числу рецидивистовъ.

Далѣе, если чиновникъ подвергся, по суду, не только обви-
о въ какомъ либо уголовномъ преступленіи, но даже и оправ-
о, въ его формулярный списокъ или аттестатъ объ отставкѣ,
равно, внесутъ (на основаніи 1412, 1421, 1422, 1468
169 Уст. о сл. правит., т. III Св. Зак. гражд., изд. 1857
, и 1469 же ст. того же Устава и тома, по продолж. 1863
) соотвѣтствующую тому или другому событію отмѣтку, съ
эятельнымъ изложеніемъ *существа* судебнаго приговора.
щаясь къ людямъ другихъ сословій, узнаемъ, что законъ
етъ имъ, въ этомъ отношеніи, снисхожденіе — освобождаетъ
паспорты отъ включенія отмѣтокъ, въ случаѣ оправданія;
о при обвиненіи гораздо безцеремоннѣе смотритъ на нихъ.
асно 6 п. 110 ст. Уст. о паспортахъ т. XIV, Св. Зак.

какая лошадь—какъ бѣгаетъ, много или мало ѣстъ; какая—смирная, какая—брыкается; сколько каждая корова даетъ молока; гладили, кормили телятъ, пытались на перерывъ доказывать намъ, во сколько времени, какой теленокъ выростетъ и т. под. Видя предъ собою этихъ оживленныхъ, бойкихъ мальчиковъ, съ жаромъ трактовавшихъ о трудѣ и благихъ его результатахъ, эти нѣжныя ласкательства къ своему *главному* начальнику, намъ дивно было сразу повѣрить, что это тѣ самые „безпардонные буяны, воришки,“ которые по 3—5 разъ сиживали въ исправительномъ заведеніи (мы насчитали такихъ 16 чел.), гдѣ мы ихъ встрѣчали и гдѣ они ко всему относились враждебно, либо совершенно равнодушно, гдѣ, казались забитыми, пугливыми и дрожали не только предъ высшимъ начальствомъ, но даже и предъ сторожемъ...

Грамотѣ и всѣмъ тѣмъ наукамъ, какія перечислены выше, учили: ремесленниковъ—Ѳ. Ѳ. Резенеръ, а колонистовъ—А. Я. Гердтъ. Особыхъ, классныхъ комнатъ не было, а занятія производили въ спальняхъ, на раскидныхъ столахъ. Графили ученикамъ тетради и чинили имъ карандаши—сами преподаватели. Первоначальному, тихому чтенію выучивались по системѣ—изобрѣтенной г. Резенеромъ—въ мѣсяцъ: одинъ вслухъ складывалъ буквы и потомъ выговаривалъ слова; а другой тоже самое дѣлалъ про себя; затѣмъ, роли ихъ мѣнялись на тѣхъ же самыхъ словахъ. Степень прилежанія, любознательности мальчиковъ подкрѣпимъ фактами. Такъ, отлучавшіеся, по разнымъ случаямъ, изъ класса, живо возвращались назадъ. Одному было замѣчено деликатно: „ты, милый, плохо написалъ“.

— Я, ей-богу, стараюсь, да какъ-то у меня все не выходитъ, жалобно отвѣтилъ, краснѣя, мальчикъ 12 лѣтъ,—только я безпремѣнно научусь, и, какъ увидите — скоро; очень скоро, научусь.

Другой написалъ вмѣсто ъ — ь, и на вопросъ: почему?—

[redacted]

заался парадоксомъ—подкрѣпимъ его фактами, которые краснорѣчиво подтвердятъ наше мнѣніе.

Несостоятельность нашей тюремной системы вкоренила въ обществѣ огульное предубѣжденіе противъ всѣхъ, безъ исключенія, судившихся и содержавшихся подъ арестомъ. Отсюда и человѣкъ, вышедшій изъ заключенія безъ гроша денегъ, безъ достаточныхъ родныхъ, связей, съ „волчьимъ паспортомъ," будь хоть олицетворенная добродѣтель—долженъ твердо помнить, что независимо отъ наказанія, которое онъ ужъ вынесъ, его ждетъ еще другое, врядъ-ли не горшее предшествовавшаго наказанія — мытариться безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ къ существованію, такъ какъ никто и нигдѣ не позволяетъ ему зарабатывать честнымъ трудомъ пропитаніе, и потому ему остается одно изъ двухъ: умереть съ голода, или вернуться, посредствомъ новаго преступленія, опять въ тюрьму. Этотъ вопіющій анахронизмъ столь глубоко пустилъ въ общественные нравы свои корни, что царитъ въ немъ безпощадно, какъ въ этомъ читатели сами сейчасъ убѣдятся.

Молодой человѣкъ, чиновникъ В., служа въ Петербургѣ, попалъ подъ судъ, по обвиненію въ участіи, въ сбытѣ фальшивыхъ ассигнацій, просидѣлъ 2 года въ заточеніи и потомъ, разоренный физически и нравственно, вышелъ изъ суда оправданнымъ, явился въ то присутственное мѣсто, въ которомъ прежде служилъ и которое давно ужъ исключило его—съ просьбой принять его на старое, нештатное, мизерное мѣсто; но ему въ этомъ на-отрѣзъ отказали, и выдали аттестатъ объ отставкѣ, съ отмѣткою о его судимости и оправданіи. И что же? Благодаря роковой отмѣткѣ—онъ вскорѣ же превратился въ уличнаго бродягу, частенько фигурируетъ, въ качествѣ хвораго, въ больницахъ, а выйдя оттуда (тамъ долго не держатъ: другимъ, то же больнымъ, негдѣ помѣстится) торчитъ попеременно: утромъ и вечеромъ—на углахъ, а днемъ—на лѣстницахъ камеръ мировыхъ судей, мѣщанской управы и адресной экспедиціи, гдѣ строчитъ

всякаго рода просьбы, выхлопатываетъ отсрочки, билеты за 5—10 к., на дневное пропитаніе.

Другой чиновникъ П., будучи дежурнымъ—прозевалъ арестованныхъ, мужчину и женщину, какъ-то убѣжавшихъ. Чиновника удалили, за оплошность, со службы, предали суду, рѣшеніемъ котораго ему объявленъ выговоръ. Это включили въ его аттестатъ и онъ около трехъ лѣтъ не могъ никуда, за силою отмѣтки, пристроится, причемъ вытерпѣлъ цѣлую пропасть нравственныхъ и матеріальныхъ лишеній.

Третій, молодой чиновникъ, Б., впавъ, по непредвидѣннымъ семейнымъ обстоятельствамъ, въ долги, и желая какъ нибудь распутаться съ кредиторами, рѣшился отправиться служить въ Ташкентъ, въ предположеніи, что ему сразу дадутъ много денегъ, но ошибся въ разсчетѣ: ему пpичлось только 700 р., изъ коихъ, за удовлетвореніемъ кредиторовъ, ему осталось 84 р., а на эту сумму онъ не въ состояніи былъ самъ-четвертъ доѣхать и четверть пути. Недостатокъ денегъ привелъ его къ обычному, въ такихъ случаяхъ, исходу,—исключенію изъ службы, преданію суду, лишенію чиновъ и полученію „волчьяго паспорта". Промаявшись съ этимъ паспортомъ годъ, онъ попросился было хоть въ простые *солдаты*, на общій срокъ; но ему отвѣтили: „за силою 40 ст. 1 кн. Ц ч. Св. воен. пост., и этого нельзя". Ну, и увеличилъ собою контингентъ грошовыхъ ходатаевъ въ мировомъ судѣ, управѣ и экспедиціи, самъ сознается, что по необходимости *„околпачиваетъ"* мужиковъ, ибо не располагаетъ самоотверженностью уморить себя голодомъ, утопиться.

Пусть ужъ В., такъ и быть, терзается за промотаніе казенныхъ 700 р.—туда ему и дорога, „ибо долгъ красенъ платежемъ"; но за что же, вникните, ради Бога, одинаковое ярмо гнететъ оправданнаго В., безвинно высидѣвшаго въ заключеніи 2 года? За что, посудите, пожалуйста, *„околпачиваются"* В. ни къ чему не причастные мужики, которые по безградотству *передаютъ* скопищу подобныхъ В. „дровокатовъ", кровавыя но-

[redacted]

...мъ добытие гривенники, за сочинение нелѣпыхъ, злоумышленныхъ кляузъ? Неужели и эти простодушные мужики должны, ...енныхъ манеромъ, нести часть кары, которой подвергаются ...ди, въ родѣ В?

А вотъ и четвертый казусъ, по обстановкѣ, чуть ли не ...лище предшествовавшихъ. Мѣщанинъ М., отбывъ въ рабочемъ ...мъ $1^1/_2$ года, за мелкую кражу со взломомъ, проброди́лъ двое ...ое сутокъ по столицѣ, въ напрасныхъ поискахъ честнаго тру..., пришелъ, въ изнеможеніи, въ часть и попросился туда по...вать. Его приняли, продержали нѣсколько дней и, потомъ, ...увидѣвъ его „волчій паспортъ": самого—оставили, по какому ...подозрѣнію, въ числѣ арестантовъ, а паспортъ отослали въ ...щанскую управу, которая, не долго думая, составила пригово...ръ о ссылкѣ М. въ Сибирь на водвореніе, „за праздношата...льство," и представила приговоръ на утвержденіе высшаго ...чальства. Правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ дошедшее ...него, чрезъ три инстанціи, дѣло М., нашелъ, что съ нимъ ...шлись неправильно, и потому постановилъ: освободить его ...изъ подъ стражи. Однако, покуда тянулась переписка, и пишу... эти строки, а его просьбѣ бывшій товарищъ прокурора ...ружнаго суда В. И. Жуковскій хлопотали за М.—онъ все таки ...сидѣлъ $10^1/_2$ мѣсяцевъ.

Желаніе быть безпристрастнымъ побуждаетъ насъ обратить ...ниманіе читателей и на другую сторону медали. Бѣдные чинов...ки, выбившись изъ силъ, съ „волчьими паспортами," или спи...ются до смерти, или добываютъ себѣ, обыкновенно, изъ ста...рыхъ дѣлъ архивовъ чужіе, принимаютъ на себя все, что въ ...нихъ прописано, и возвращаются, какъ бывали случаи, на служ..., въ должности, или пускаются на всякія афферы, до поры до ...времени, такъ... такъ снова судятся, снова наказываются за прожи...ніе подъ чужимъ именемъ. Точно также и опытные простолюдины, ...видѣвъ всю горечь обладанія „волчьими паспортами", иногда ...бавляются отъ нихъ трояkaго рода оригинальными способами.

Одни — люди энергическіе, нахватавшись, въ тюрьмахъ, кое-какихъ свѣдѣній по части розысковъ преступниковъ и преступленій — принимаютъ на себя роль полицейскихъ агентовъ, открываютъ, при счастливыхъ *собственно для нихъ* обстоятельствахъ, важныя преступленія и за это награждаются, потомъ, чистыми паспортами; при чемъ иные простираютъ, на этомъ поприщѣ, свое рвеніе и до того, случалось, что просто подстрекаютъ кого нибудь на убійство, сперва соглашаются лично участвовать въ этомъ преступленіи, а потомъ, обманувъ подговореннаго — выдаютъ его, тотчасъ *по* совершеніи имъ преступленія. Это тоже фактъ, подтвержденный газетами въ уголовной хроникѣ, изъ дѣятельности столичнаго окружнаго суда. Очевидно, значитъ, жутко жить по „волчьему паспорту", ежели человѣкъ рѣшается добится чистаго — чрезъ убійство одного и подведеніе другаго человѣка въ ссылкѣ на каторгу!

Другіе, менѣе смѣлые и смышленые, разживаются, какимъ-нибудь манеромъ 2—3 руб. денегъ (на 2 листа гербовой бумаги, 60 к. достоинства и на уплату за сочиненіе и переписку прошенія) и за симъ рвутъ, жгутъ свои паспорты, подаютъ явочныя прошенія о потерѣ, будто-бы, *чистыхъ* паспортовъ; получаютъ копіи съ этихъ прошеній, съ удостовѣреніемъ, что онѣ „вѣрны съ подлинными, которыя записаны въ книгу явокъ, и что о выдачѣ новыхъ, вмѣсто утерянныхъ, паспортовъ претенденты имѣютъ обратиться куда слѣдуетъ". Заручившись этимъ документомъ — они, тотчасъ же, обыкновенно, переселяются въ отдаленную часть города, гдѣ ихъ никто, по ихъ разсчету, не знаетъ, или чаще всего за городъ, въ Царское Село, Петергофъ и т. п. окрестности, пристраиваются тамъ къ мѣстамъ, ведутъ себя, нѣкоторое время, что называется „тише воды, ниже травы," чтобъ какъ-нибудь не обнаружить своей продѣлки, а потомъ отсылаютъ на родину эти импровизированные паспорты, получаютъ, взамѣнъ ихъ, оттуда настоящіе, безпорочные, паспорты, и успокоиваются, [illegible]

[redacted]

Третьи, болѣе осторожные, откровеннѣе обдѣлываютъ это дѣло на родинѣ. Такъ крестьянинъ Д., по выпускѣ его изъ смирительнаго дома, гдѣ онъ прожилъ за мошенничество, 2 года, по рѣшенію окружнаго суда—поѣхалъ во свояси, въ деревню, прожилъ тамъ 2 мѣсяца, продалъ послѣднюю женину шубу, угостилъ, на вырученные 5 р., мирской сходъ, да вручилъ по цѣлковому сельскому старшинѣ и писарю, получилъ за это, „чистенькій паспортъ" на годъ, вернулся съ нимъ въ Питеръ и занялся сапожнымъ ремесломъ.

Побужденіе достать „чистенькій паспортъ," однимъ изъ послѣднихъ двухъ способовъ, съ одной нравственной стороны побужденіе, конечно, безкорыстное, пожалуй, даже и похвальное: люди стремятся стать честными; за то съ другой—юридической стороны—эти же самые люди, ежедневно, ежечастно принуждены рискуя, бояться, какъ бы ихъ поступокъ не открылся и не упекъ бы ихъ опять въ тюрьму, за это, уже новое, самостоятельное преступленіе, вмѣстѣ съ тѣми, кто помогъ имъ устроить обойти законъ. И точно: надо быть съ несокрушимою силою воли, съ громаднымъ запасомъ хладнокровія, деликатнаго такта, чтобы спокойно жить и заниматься чѣмъ нибудь въ такомъ рискованномъ положеніи. Оттого немногіе пускаются на этотъ скользкій путь. Напротивъ: большинство, убѣдившись, вскорѣ же по полученіи „волчьяго паспорта," въ трудности жить по нёмъ, и невозможности сбыть его съ рукъ—перестаетъ и помышлять вернуться на дорогу добропорядочности, а, махнувъ на нее рукою — присоединяется къ обитателямъ мрачныхъ притоновъ и влачитъ жизнь свою среди пороковъ и преступленій!... И нечего, читатели, и удивляться, если эти слабохарактерные люди, въ безсильной борьбѣ съ голодомъ и холодомъ, переполняютъ собою мѣста заключенія, и дѣлаются, нерѣдко, неисправимыми преступниками.

Вотъ причины, категорически оправдывающія фактъ, что на обвинительной скамьѣ окружнаго суда весьма часто фигурируютъ безпаспортные, живущіе по фальшивымъ паспортамъ и

обвиненіе въ кражахъ рецидивисти, люди въ цвѣтѣ лѣтъ, полные физическихъ силъ, годныхъ для всякаго труда, въ которомъ имъ общество, помните, отказываетъ, по милости „волчьихъ паспартовъ,“ представляющихся близкимъ сурроготомъ прежнимъ позорнымъ клеймамъ на щекахъ закоренѣлыхъ злодѣевъ. Спросите любаго изъ этихъ рецидивистовъ, что его побудило сдѣлаться таковымъ, и онъ вамъ непремѣнно и справедливо отвѣтитъ: „волчій паспортъ“: съ нимъ нашего брата, горемыку, отовсюда гонятъ вонъ“. Дабы читатели не сомнѣвались въ правдивости нашихъ словъ, они ежедневно могутъ видѣть подтвержденіе ихъ въ камерахъ мировыхъ и окружныхъ судовъ, такъ какъ, рѣдкій день, люди эти не обвиняются въ преступленіяхъ. Правда, въ уголовной статистикѣ нашихъ судовъ, къ сожалѣнію, не существуетъ отдѣльныхъ рубрикъ о числѣ рицедивистовъ, судившихся собственно за проживаніе по фальшивымъ или исправленнымъ чистымъ паспортамъ, взамѣнъ волчьихъ, а равно посягавшихъ на чужую собственность, вслѣдствіе критическаго, матеріальнаго положенія съ „волчьими паспортами,“ — но, на сколько намъ извѣстно, по личнымъ наблюденіямъ и практикѣ многихъ прокуроровъ, слѣдователей, судей и судовъ, обоего рода рецидивистовъ, бываетъ третья часть судившихся за нарушеніе паспортной системы.

Теперь ознакомимъ читателей съ категоріею отсылаемыхъ на водвореніе въ Сибирь. Осужденные за что либо въ исправительныя отдѣленія (арестантскія роты), по пробытіи въ нихъ положенныхъ сроковъ, возвращаются въ общество, къ которымъ принадлежали не иначе, какъ если общества на это согласятся; въ противномъ же случаѣ отсылаются „на водвореніе въ Сибирь *). Мѣщанинъ С.. приписанный напр., къ г. Калугѣ торговалъ, 9 лѣтъ сряду, въ Петербургѣ, совершилъ здѣсь пре-

*) Критическій разборъ несостоятельности собственно *законовъ* по этому предмету, читатели найдутъ въ нашей книгѣ „Жизнь заключенныхъ,“ изд. 1871 г.; такъ какъ вопросъ этотъ до сихъ поръ ни въ чемъ не измѣненъ.

Мы отъ души порадовались за процвѣтаніе колоніи и за избраніе Директорами, *первыхъ* въ Россіи колоніи и пріюта, именно такихъ людей, какъ А. Я. Гердтъ и Ѳ. Ѳ. Резенеръ, дарованіями которыхъ, безъ преувеличенія можно сказать, спасены мальчики отъ торной дороги преступленій. Мы, искренно желали Директорамъ крѣпко, дружно держаться другъ друга и общими усиліями продолжать свое служеніе высокой идеѣ—направлять падшихъ на путь истинный, по примѣру популярнѣйшихъ: Песталоцци, Говарда, Венига, Демеца и Куртейля—этихъ дорогихъ для тюремнаго дѣла лицъ, достойныхъ того, чтобы имъ подражать.

Къ крайнему сожалѣнію, наши пожеланія не сбылись: въ 1873 г. Ѳ. Ѳ. Резенеръ покинулъ должность за болѣзнію, а управлявшій колоніею и пріютомъ годъ, А. Я. Гердтъ, въ 1874 г. отказался отъ директорства, вслѣдствіе крайняго утомленія. Съ этого времени, заведенія стали разстраиваться: слѣдующему Директору, П. А. Ровинскому, тяжело было одному справиться съ непривычнымъ дѣломъ, а замѣнившій его, г. Солнцевъ, вовсе не соотвѣтствовалъ назначенію, и потому былъ также уволенъ. Отъ этихъ частыхъ перемѣнъ, Комитету Общества, управляющему заведеніями стоило большихъ усилій поправить заведенія; но во всякомъ случаѣ лучшее ихъ положеніе во всѣхъ отношеніяхъ было при А. Я. Гердтѣ и Ѳ. Ѳ. Резенерѣ.

Состояло питомцевъ въ колоніи и пріютѣ: въ 1872 — 13; въ 1873—52; въ 1874—67; въ 1875—48; въ 1876—54; въ 1877—74; въ 1878—90; итого 398 чел. Изъ нихъ, за все время существованія заведеній, выпущено 54 чел.—размѣщенные: въ провинціяхъ — 5; у родныхъ—2; въ прикащикахъ— 1; въ солдатахъ — 5; въ Петербургѣ, въ различныхъ мастерскихъ и должностяхъ — 28; осталось въ столицѣ безъ опредѣленныхъ занятій—4; а неизвѣстно чѣмъ живущихъ—8 чел.

кіе факты видимъ мы, массами, ежедневно; факты же эти ведутъ исключительно къ тому, что содержащіеся въ „Исправительныхъ отдѣленіяхъ“ относятсятся: совершенно равнодушно — къ аттестаціямъ начальства и враждебно — къ обществамъ, поступающимъ несправедливо, въ силу предоставленнаго имъ, закономъ, широкаго произвола карать и миловать сидящихъ въ отдѣленіяхъ, по *своему* усмотрѣнію... Мало того: этотъ произволъ озлобляетъ заключенныхъ даже и противъ попечительствъ надъ ними за то, что онѣ безсильны дать имъ, въ *дѣйствительности*, возможность сдѣлаться порядочными людьми, какими признаютъ ихъ своими лишенными, всякаго практическаго значенія, одобрительными аттестаціями.

Такимъ образомъ, всѣмъ вышеизложеннымъ мы обстоятельно, полагаемъ, доказали все ужасное нравственное и матеріальное состояніе бѣдныхъ *) людей съ „волчьими паспортами“ и реверсами въ рукахъ, а также и отправляемыхъ на водвореніе въ Сибирь. Принимая во вниманіе, что въ облегченіи участи всѣхъ этихъ людей заключается и общественный и правительственный интересъ — уменьшеніе преступленій — въ насъ рождается естественное желаніе: во-первыхъ — роковыя отмѣтки на паспортахъ или въ своемъ мѣстѣ указанныя статьи закона, установившія сіи отмѣтки, вовсе отмѣнить, какъ мѣру, напрасно отягощающую участь людей и не соотвѣтствующую ни правительственнымъ, ни общественнымъ цѣлямъ; во-вторыхъ — вмѣсто отобранія отъ бѣдныхъ подслѣдственныхъ паспортовъ — ввести, другой облегченный способъ пресѣченія имъ возможности уклоняться отъ слѣдствія, наконецъ въ третьихъ отнять у обществъ право подвергать остракизму людей, одобрительно аттестованныхъ попечительствами исправительныхъ отдѣленій, избавивъ ихъ, въ силу этихъ именно аттестацій, — отъ ссылки „на водвореніе въ Сибирь“, чтобы и люди

---

*) Мы говоримъ вездѣ лишь *о бѣдныхъ* потому, что богатымъ не приходится жить личнымъ трудомъ, а слѣдовательно и всѣ указанныя невзгоды къ *нимъ* не прикасаются.

[redacted]

дѣйствительно старались исправиться, да и попечительства пріобрѣли бы авторитетъ въ глазахъ ввѣренныхъ „ихъ исправленію и попеченію заключенныхъ“. Надежную опору къ оправданію нашего желанія, мы почерпаемъ во многихъ прогрессивныхъ и гуманныхъ перемѣнахъ, происшедшихъ у насъ, къ лучшему, въ послѣдніе минувшіе годы.

Въ формулярныхъ спискахъ чиновниковъ существовала, напримѣръ, на основаніи 1434 ст. Уст. о сл. правит. т. III, Св. зак., изд. 1857 г., *особая графа* *), въ которой всѣ отдѣльные начальники предъ повышеніями, переводами, увольненіями, производствами въ чины и т. п.—ихъ подчиненныхъ — обязывались собственноручно отмѣчать: *способны ли* подчиненные къ службѣ и *достойны ли* повышенія, награжденія и т. д. Хорошо или дурно аттестовать чиновниковъ, зависѣло, при этомъ, отъ *личнаго* усмотрѣнія начальника, такъ, что ежели послѣдній и отзывался о качествахъ перваго противно истинѣ—онъ отвѣтствовалъ за это предъ своею лишь *совѣстью*. Идеальной справедливости никогда, разумѣется, не было и не будетъ вслѣдствіе различныхъ человѣческихъ слабостей. Посему, подчиненные, видя, что надъ ними виситъ грозный Дамокловъ мечь—безапелляціонная аттестація начальника—всячески старались заслужить его благоволеніе; выражаясь другими словами; аттестаціи сплошь да рядомъ приносились въ жертву и честь, выгоды ближнихъ, связи и т. д., ибо худо аттестованному чиновнику, *разъ навсегда* преграждалась дорога не только къ лучшимъ должностямъ, почестямъ и т. п., но и къ сохраненію за собою и того даже мѣста и положенія, какимъ онъ располагалъ въ данный моментъ. Словомъ, начальникъ 2 — 4 фразами воленъ былъ стереть съ лица земли любаго изъ своихъ подчиненныхъ, не обладавшихъ связями, знатностью, богатствомъ. Оттого, во всѣ министерства,

*) Все прописанное въ этой графѣ, цѣликомъ переносилось въ аттестаты объ отставкѣ чиновниковъ, покидавшихъ службу.

24*.

сенатъ и коммиссію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, поступало пропасть жалобъ чиновниковъ, на несправедливое опороченіе ихъ начальниками, по интригамъ, личной ненависти, недопущенію совершиться казнокрадству, отступленію отъ закона, что заставлялъ ихъ дѣлать или пособлять себѣ начальникъ и проч. и проч. Долго и громко тщетно вопіяли, вездѣ, и правые, и виноватые чиновники. Наконецъ, указомъ правительствующаго сената 25 мая 1864 года, разсѣкая этотъ гордіевъ узелъ—ст. 1434 была *отмѣнена* законодательнымъ порядкомъ *): правительство пришло къ разумному заключенію, что начальники, по предоставленной имъ власти, всегда вправѣ уволить неспособнаго и не удостоить повышенія, награжденія недостойнаго подчиненнаго и помимо всякихъ аттестацій, слѣдовательно, нѣтъ никакого резона шельмовать ихъ еще и аттестаціями, портившими всю ихъ будущность.

Въ одинаковомъ почти положеніи съ чиновниками находилась прежде и домашняя прислуга, на паспортахъ которой нанимателямъ также предоставлялось неотъемлемое право писать хорошія, или худыя аттестаціи по собственному произволу. И кухарка, и лакей—съ отмѣтками на паспортахъ—„воровка“, „пьяница“, не то и „грубіянка“, „лѣнтяй“ (хотя понятіе о послѣднихъ 3-хъ словахъ—относительное,—весьма эластичное) лишались возможности пріискать себѣ другихъ нанимателей свойственныхъ имъ мѣстъ. Правительство благосклонно отнеслось къ безпрерывнымъ жалобамъ прислуги, и нанимателямъ—строжайше воспрещено *дурно* рекомендовать письменно, прислугу, т. е. кутитъ вашъ лакей—откажите ему отъ службы, и пусть онъ идетъ куда хочетъ, а если кухарка васъ обокрала—жалуйтесь на нее въ подлежащій судъ, но сами не расправляйтесь съ нею, не ввергайте ее (здоровую) въ нищету, порождающую проступки; короче—не будьте судьею въ собственномъ дѣлѣ.

---

*) *См. Полное* собраніе законовъ 1864 г., № 40988.

[redacted]

И вотъ, будучи послѣдовательными, и принимая въ соображеніе, что правительство само беретъ подъ свое покровительство ... или иначе угнетенныхъ,—нельзя не признать, что наступила настоящая пора отмѣнить и волчьи паспорты, что правительство, по чувству гуманности и по личнымъ интересамъ, непремѣнно, полагаемъ, сдѣлаетъ. Говорятъ, что отмѣна эта еще ...временна; что отмѣтки слѣдуетъ, покуда, еще удержать ... воспособленія суду распознавать рецидивистовъ, а также ... охраненія имущественнаго благосостоянія гражданъ; бывшій ... можетъ, съ чистымъ паспортомъ, втереться въ прислугу и ...расть хозяевъ. Всѣ эти доводы на столько, кажется, ...сны, что не выдерживаютъ серьезной критики, и потому мы ... сейчасъ опровергнемъ.

Во первыхъ — судъ у насъ гласный, публичный. Судебные ...ры полны всегда зрителями, въ отправленіи правосудія ежедневно участвуютъ представители общества—присяжные засѣдатели, выбирающіеся изъ *всѣхъ* сословій, да еще эксперты, свидѣтели. Мало того: почти всѣ уголовные процессы печатаются въ 10—15, большихъ и малыхъ, ежедневныхъ газетахъ, проникающихъ во *всѣ* слои общества, отъ чертоговъ, до кабаковъ ...ческихъ хижинъ включительно; газеты эти перечитываются ...ками тысячъ людей, при чемъ газеты печатаютъ *сполна* — ...ія, имена, отечества и фамиліи подсудимыхъ, такъ что граждане врядъ ли не могутъ воспрепятствовать, ежели пожелаютъ, ...реніе къ себѣ не только завзятыхъ мазуриковъ, но и такихъ ...; пожалуй, чудаковъ, какъ старикъ, который четыре раза ...ъ, на дворахъ, курицъ. Кромѣ того, вслѣдствіе одного *предположенія*, что укравшій человѣкъ можетъ это повторить, если будетъ съ волчьимъ паспортомъ,—нѣтъ никакого основанія ...ять у него возможность нравственно исправиться; нѣтъ ... мучить его съ такимъ паспортомъ. Потомъ, наниматели, ... разспросамъ, по впечатлѣнію, какое произведутъ на нихъ нанимающіеся, могутъ сами разсудить, достойны ли они ихъ до-

ами

[redacted]

вѣрія или нѣтъ. Наконецъ, не мало людей, принадлежащихъ къ одному съ бывшими ворами сословію, къ одинаковымъ занятіямъ, узнаютъ, часто, значительно раньше осужденія ихъ, въ видѣ новостей, что ихъ сослуживцы, сочлены, соработники, земляки — попали подъ судъ — стало быть тоже нѣкотораго рода гарантія для многихъ.

Во вторыхъ, по Высочайше утвержденнымъ 15 января 1870 года правиламъ, и мировой и окружной суды о *каждомъ* лицѣ, подвергнутомъ ими, за преступленіе, наказанію, не ниже тюремнаго заключенія, составляютъ подробныя біографическія свѣдѣнія и отсылаютъ ихъ въ министерство юстиціи, а оно печатаетъ ихъ (справки) отдѣльными книгами, которыя *всѣ* судебныя мѣста и лица *обязаны* выписывать, и, при каждомъ процессѣ — тщательно справляться по этимъ книгамъ: не второй ли разъ попадается въ преступленіи предстоящій предъ судомъ подсудимый, дабы присудить его къ болѣе суровому наказанію, если онъ рецидивистъ; слѣдовательно не многіе изъ подобныхъ лицъ ускользнутъ отъ правосудія и въ состояніи скрыть прежнихъ первой своей судимости, и независимо отмѣтки на паспортѣ.

Въ третьихъ, всякое привлеченіе кого либо къ слѣдствію или суду по обвиненію въ кражѣ, мошенничествѣ и т. п., начинается съ полицейскаго дознанія—протокола (ст. 47 — 49, 249—255 Уст. угол. судопр.), значитъ въ каждомъ полицейскомъ участкѣ замѣчаются неодобрительнаго поведенія лица. Далѣе: петербургская полиція зорко слѣдитъ за злоумышленниками, и для того, чтобы они никогда не уклонялись отъ ея вниманія — *всѣхъ* воровъ, мошенниковъ и проч., выпускаемыхъ изъ тюремъ, записываетъ, предварительно, въ сыскной полиціи, а съ замѣчательныхъ своими продѣлками, снимаютъ, сверхъ того, еще фотографическія карточки и, наконецъ, многихъ изъ нихъ администрація выпроваживаетъ изъ столицы на родину, въ отдаленныя *губерніи*. Порядокъ этотъ служитъ, какъ мы достовѣрно знаемъ:

показался парадоксомъ—подкрѣпимъ его фактами, которые красноречиво подтвердятъ наше мнѣніе.

Несостоятельность нашей тюремной системы вкоренила въ обществѣ огульное предубѣжденіе противъ всѣхъ, безъ исключенія, судившихся и содержавшихся подъ арестомъ. Отсюда и человѣкъ, вышедшій изъ заключенія безъ гроша денегъ, безъ достаточныхъ родныхъ, связей, съ „волчьимъ паспортомъ,“ будь онъ хоть олицетворенная добродѣтель—долженъ твердо помнить, что, независимо отъ наказанія, которое онъ ужъ вынесъ, его ждетъ еще другое, врядъ-ли не горшее предшествовавшаго наказанія — мытариться безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ къ существованію, такъ какъ никто и нигдѣ не позволяетъ ему зарабатывать честнымъ трудомъ пропитаніе, и потому ему остается одно изъ двухъ: умереть съ голода, или вернуться, посредствомъ новаго преступленія, опять въ тюрьму. Этотъ вопіющій анахронизмъ столь глубоко пустилъ въ общественные нравы свои корни, что царитъ въ немъ безпощадно, какъ въ этомъ читатели сами сейчасъ убѣдятся.

Молодой человѣкъ, чиновникъ В., служа въ Петербургѣ, попалъ подъ судъ, по обвиненію въ участіи, въ сбытѣ фальшивыхъ ассигнацій, просидѣлъ 2 года въ заточеніи и потомъ, измученный физически и нравственно, вышелъ изъ суда *оправданнымъ*, явился въ то присутственное мѣсто, въ которомъ прежде служилъ и которое давно ужъ исключило его—съ просьбою: принять его на старое, нештатное, мизерное мѣсто; но ему въ этомъ на-отрѣзъ отказали, и выдали аттестатъ объ отставкѣ, съ отмѣткою о его судимости и оправданіи. И что же? Благодаря роковой отмѣткѣ—онъ вскорѣ же превратился въ уличнаго нищаго, частенько фигурируетъ, въ качествѣ хвораго, въ больницахъ, а выйдя оттуда (тамъ долго не держатъ: другимъ, то же голоднымъ, негдѣ помѣстится) торчитъ попеременно: утромъ и вечеромъ—на углахъ, а днемъ—на лѣстницахъ камеръ мировыхъ судей, мѣщанской управы и адресной экспедиціи, гдѣ строчитъ

зывать ихъ подписками о неотлучкѣ никуда съ мѣстожительства; отдавать ихъ: в) подъ *особый* надзоръ полиціи; г) на поруки; д) взять съ нихъ залогъ; подвергнуть ихъ: е) домашнему и ж) тюремному аресту. И такъ, самою легкою мѣрою законъ считаетъ отнятіе паспорта; на практикѣ же, мѣра эта, по отношенію къ бѣднякамъ, является, какъ мы видѣли выше, ни чуть ни легче самой суровой — заключенія подъ стражу. Оттого необходимо замѣнить первую мѣру пресѣченія второю; а если подписка подслѣдственныхъ ничего не значитъ въ глазахъ слѣдователей, то четвертою—отдачею на поруки; а такое миніатюрное исправленіе въ 416 ст. будетъ соотвѣтствовать человѣческимъ потребностямъ и умалитъ число преступленій, вызываемыхъ нищетою.

Вопросъ этотъ мы вносили, еще въ 1872 г., на обсужденіе Комитета, который въ числѣ болѣе 20 лицъ, отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ приведеннымъ нами доводамъ и постановилъ: „о крайне печальномъ положеніи людей съ волчьими паспортами и реверсами представить на благосклонное усмотрѣніе Президента“. По этому вопросу, впослѣдствіи спрашивалось заключеніе Попечительства надъ исправительною тюрьмою, заключеніе котораго читатели найдутъ ниже,—но вопросъ этотъ и до сихъ поръ еще, къ сожалѣнію, остается открытымъ!..

[redacted]

XVI.

Публичная казнь.

и вамъ, читатель, случалось когда-нибудь, хоть только
ри раза въ мѣсяцъ проходить или проѣзжать мимо тю-
замка, въ 7-мъ часу утра, вы, навѣрно, моментально
вали, увидѣвъ настежъ растворенными ворота Замка, от-
ара чахлыхъ клячъ вывозила черныя дроги, на возвы-
скамейкѣ которыхъ сидѣлъ, спиною къ возницѣ, въ та-
, какъ дроги, мрачномъ облаченіи, крѣпко привязанный
ъ, а на груди его висѣла четырех-угольная, черная
съ бѣлою печатною, надписью: „убійца,“ „грабитель,“
никъ“ и т. д. Засимъ вы невольно, разумѣется, оста-
лись, озирались вокругъ, замѣчали группу вамъ подоб-
ужчинъ, женщинъ, дѣтей; дѣлались очевидцемъ, какъ
отрядъ солдатъ съ ружьями окружалъ колесницу и какъ
трогались шагомъ въ путь на Конную площадь, а изъ
ющихъ эту картину, одни—благоговѣйно крестились; дру-
дали въ колесницу мѣдяки „несчастненькому“; третьи—
, близкіе увезеннаго — плакали, тужили; четвертые-же,
чтительно лавочники) пригладѣвшіеся къ этимъ, какъ они
ются, „комедіямъ,“—плоско острили, беззаботно хохотали..
ихъ-то, весьма обычныхъ въ нашей грустной дѣйствитель-
обытіяхъ, которыхъ въ годъ бывало до 100 и болѣе,—

[redacted]

тоже любопытства, насмешек, жалости, слез и пщения, сильнаго пщенья!... И какую-же перемену производило в нем это предстоящее ему путешествие? Если он человек слабохарактерный, пугливый (это особенно относится ко всем, без изъятия, женщинам), он вдосталь опускался, впадал в полнейшую апатию и становился тряпкою в руках сторожей, привязывавших его в импровизированному креслу колесницы 6-ю ремнями за руки, стан и ноги. Если-же преступник крутого нрава, или особливо второй раз был везен на площадь, что, к сожалению, иногда тоже случалось,—он тщетно пытался освободится от поездки упорством: рвался, метался; его силою, конечно, втаскивали на колесницу, скручивали и он только пуще озлоблялся, да еще наживал себе сугубую беду—заключение, после церемонии, в карцер на несколько суток. Нельзя к сказанному, не присовокупить, что во всех описанных случаях, предшествовавшия старания священника примирить осужденных с властью и самим собою, по милости всем противной колесницы, пропадали бесследно, яко дым в пространстве. Впрочем, бывали и такие, редкие отъявленные по натуре преступники, в народе называемые „отпетыми", которые смело, с напускным ухарством входили на колесницу, отзывались обо всем, им предстоявшем, с едким сарказмом и не только высказывали удовольствие прокатиться *в креслах* „на фортунке" за сбором „подати с православных", т. е. милостыни, но даже просили: провезти их, ради наживы медяков, вторично.

И вот, преступник ехал на колеснице. Любопытные шли, бежали толпою вокруг, сзади его, толкали друг друга, стараясь ближе всмотреться в его лицо; иные знакомые взгляды пронизывали его насквозь, долетавшия до его ушей отрывочныя фразы переворачивали всю его внутренность, потом ощущения постепенно притуплялись в нем и он принимал равнодушный, безсмысленный вид... По прибытии на лобному ме-

[redacted]

ету, его окружалъ конвой, члены отъ прокуратуры, полиціи и священникъ. Послѣдній опять принимался вразумлять его, творить о немъ молитву. Человѣкъ смирный стоялъ, понуря голову, безъ малѣйшаго сознанія того, что съ нимъ дѣлають, а раздраженные, строптивые, зачастую прерывали духовника просьбами: кончить скорѣе свое дѣло; замѣчали ему, что имъ надоѣло слушать одно и то же; не то говорили ему и дерзости въ родѣ: „вы вѣдь не по своей охотѣ здѣсь, а посланы, какъ и всѣ тутъ стоящіе чиновники, солдаты“, либо и еще того хуже — кощунствовали. Всѣ эти и многіе другіе поразительные факты, коротко извѣстны многимъ священникамъ.

Какая, между тѣмъ, спрашивается, публика присутствовала на площади, съ какою именно цѣлью стекалась она сюда и каково ея міросозерцаніе и настроеніе? Публику эту составляли всегда почти одни только простолюдины, алчущіе какихъ-бы то ни было диковинокъ; относились они къ этимъ событіямъ всегда безъ всякаго смысла, безъ всякаго поучительнаго понятія о карающемъ правосудіи. Вслушайтесь внимательно въ ихъ рѣчи и вы возмутитесь—отъ однѣхъ, и улыбнетесь—отъ другихъ: такъ онѣ дики, невѣжественны, а иныя фантастичны до колоссальныхъ размѣровъ. Изъ множества подобныхъ рѣчей приведемъ, на выдержку, лишь двѣ-три.

— И что это нонѣ такъ церемонятся съ эфтими дерзавцами? однажды спросилъ, стоя впереди насъ, пожилой торговецъ своего собрата по ремеслу и лѣтамъ. — Эка важность проѣхать на колесницѣ! Конечь ломають и больше ничего!

— Конешно, ѣзда эта, плевое дѣло,—подтверждалъ товарищъ.—Лучше-бы, примѣрно, отодрали его, розгачей этакъ полсотни отсчитали-бы ему; по крайности, и онъ-бы зарубилъ себѣ это на носу, да и поглядѣть было-бы на што.

— Ну-да, по дѣломъ-бы вору и мука, а то никакой эфтимъ мошенникамъ острастки нѣту.

— Потому нонѣшній народъ и дебоширитъ, а кабы задавали дерку, какъ прежде, примѣрно, палачъ, такъ небось стихъ-бы безпутный этотъ народъ.

— Слышь, Ванюха, попъ-то вонъ отчитываетъ молодца; вѣрно къ разстрѣлу пойдетъ,—говорилъ крестьянинъ другому, не видя ровно ничего похожаго на упомянутое имъ дѣйствіе.

— Разстрѣла, врешь, братъ, не будетъ,—серьезно отвѣчалъ другой.—Яво, просто, отпѣваютъ, якобы то-ись на тотъ свѣтъ. Ну, отходная, чай смекаешъ што такое?

— Смѣкать-то смѣкаю, да гля-че-жь отходная-то живому?

— Потому, какъ за вѣру, баютъ, страдаетъ (обвиненъ былъ въ поддѣлкѣ фальшивыхъ монетъ), стало быть Богу больше угодитъ, да и дорога дальняя въ эфту анафемскую Сибирь, а тамъ когда ни на есть да помретъ-же взаправду, а поповъ въ Сибири ужь нѣтъ, потому, одни предступники подъ землей митарятся, ну, ему и отходная нужна: хрестьянская, чай, душа въ емъ.

— Няужто въ цѣлой Сибири никакихъ поповъ нѣтъ,—коли они у насъ и въ селахъ есть?

— Да нѣтъ-же, тебѣ говорятъ. Поди хучь самъ спроси нашего кабатчика Митрича: онъ опомнясь сказывалъ; а онъ ужъ какой дока, все знаетъ.

— Ловокъ-то, Митричъ, точно ловокъ, про это и калякать неча, а только вотъ оказія-то, што въ Сибири безпоповщина. Послухай-ка, Ванюха, што я те молвлю: какъ предступника увязутъ—пойдемъ прямешенько, въ кабачарово, разломаемъ косушку пополамъ и пускай этотъ Митричъ сызнова намъ разскажетъ про Сибирь, што поповъ нѣтъ. Это должно быть занятно.

— Ладно, пойдемъ.

— Не слыхала-ли, матка, за што это барыню-то, въ очкахъ, разказняютъ?—спрашивала, однажды, простая женщина другую, видя подвезенную къ эшафоту одну изъ осужденныхъ *въ Сибирь* на поселеніе, по извѣстному нечаевскому дѣлу.

[redacted]

то не барыня, а барышня, анаральская дочка, сдѣло товарка.

Штожъ она такое набѣдокурила-то?

Извѣстно, дѣвичье дѣло—воли нѣтъ; отецъ строгій, а хочется... Вотъ она, сердешная, взяла, да и родила бачонокъ сразу. Господь покаралъ. Отецъ ейной и осерчае за это, за самое, и подъ шохотъ и свелъ ее, погъ: трехъ собачонокъ родила. Сама ты, Татьянушка, акова это-то анаралу-то терпѣть?

Ай, ай, ай! цѣлыхъ трехъ собаченокъ! Эко диво-то, какое!... Нѣтъ, Матренушка, это не спроста, нѣтъ: стая сила попутала ее и за себя и за родительскіе ѣрно такъ. Што съ ею таперичко творять?

возять, Татьянушка, по городу, не сыщется-ли кто себѣ въ жоны и тогды отецъ прощаетъ и даетъ въ 18 тысячъ серебра. А штобъ вольготнѣй ее развозять на этой колымагѣ, съ остановками, на площашахотѣ, а шохотовъ-то, эдакихъ много, говорятъ, наездѣ.

Дай-то Богъ, штобъ женихъ сыскался, потому она вѣрлена по наговору злыхъ людей.

Што испорчена—это безъ сумленья и оченно хорошо-бы, лся добрый человѣкъ, да прикрылъ ейную бѣду. Баь обличья вѣдь хоть-куда и изъяновъ на ей никакихъ. Только мужчины-то нонѣ, сама Татьянушка, знаешь, ровцы и безъ жалости къ намъ, бабамъ, ну и худо...

И полно, матка, тужить: мужчины до денегъ страхъ дки и за 18 тысячъ иной хоть на козѣ, прости Госенится, не токмо на эдакой...

Можетъ анаралъ-то только сулитъ 18 тысячъ, а послѣ кажетъ, ктожъ яво вѣдаетъ. Ну того и гляди вовсе ся женихъ, а коли такъ, сгинетъ она, безталанная...

— Кудажъ, скажи, пожалуста, Матренушка, ее дѣнутъ, ежели весь городъ околесятъ понапрасну?

— Страхъ, родименькая, и вымолвить-то. Свезутъ въ Пулково, затащатъ такотка на самую што ни на есть высочениѣйшую каланчу, привяжутъ за тальицу и станетъ она до самой своей смерти болтыхаться промежъ небомъ и землей.

— Ты, Матренушка, никакъ съума спятила? Какъ это можно человѣку болтыхаться съ каланчи? Што ты, што ты!

— Повѣрь, Татьянушка, слову, такъ сбудется: нашъ извошикъ, Терентьичъ, божился въ этомъ самомъ, а онъ, знаешь, кажется, какой начетчикъ; говоритъ, какъ по писанному, всякіе законы, матушка, превзошолъ, а законы вѣдь не мутовку облизать. Таперя, толковалъ онъ, это еще вольготнѣй стало, кабы эдакая оказія да въ старину — ее бы посередь улицы на кострѣ сожгли, а пепелъ отъ нея по 7 губерніямъ развезли, да и разсыпали-бы по самымъ што ни на есть паскуднымъ болотамъ, гдѣ водятся черти, прости, Господи, мое согрѣшеніе.

— И такую-то моложавую, да на каланчу?... Вотъ чудеса-то?!...

— Знамо чудеса. Да матка, разныя чудеса, на свѣтѣ бываютъ съ бабами *).

Тѣмъ временемъ, покуда публика разговаривала описаннымъ родомъ,—священникъ кончалъ напутствіе преступника, которую полицейскіе солдаты вводили на эшафотъ, конвой бралъ ружье на караулъ, а секретарь суда прочитывалъ вслухъ приговоръ (3 т. 369 ст.) и, если преступникъ начиналъ, какъ нерѣдко случалось: перебивать чтеніе, возражать—рѣчь его заглушалась барабаннымъ боемъ; вслѣдъ затѣмъ солдаты осаживали преступника назадъ — къ черному столбу, вдѣвали руки его въ желѣзныя, висячія на цѣпяхъ кольца и оставляли его въ этомъ положеніи

*) Курьезный разсказъ этотъ цѣлую недѣлю повторяла женская прислуга *своимъ господамъ*, съ различными варіяціями, во всѣхъ частяхъ города.

на 10 минутъ, согласно 4 п. 963 ст. Въ это время сперва водарялась мертвая тишина, а немного погодя языки публики развязывались.

— Ишь растопырили-то какъ! восклицалъ, не сдержавшись, парень.

— Не твово ума это дѣло и потому не зубоскаль,—внушалъ старичокъ.—Ему за это за самое когда помретъ, половина грѣховъ простится.

— Г. офицеръ, г. околодочный, пожалуйте сюда: вора держу, вскрикивалъ кто-то. Онъ ко мнѣ въ карманъ залезъ и чуть не вытащилъ часовъ. Я, слава богу, чуткій и поймалъ его за руку. Возьмите его въ часть.

— Что вы, что вы угорѣли, что-ли? возражаетъ обвиняемый, силясь вырваться изъ мощныхъ рукъ.—Я случайно размахнулся рукой и задѣлъ васъ, а вы на-ко что выдумали?

— Врешь, мазура: мы сами видѣли, какъ ты въ карманъ, къ барину, забрался, полегоньку, подхватывали чьи-то голоса.—Лупите его, баринъ, по шеямъ замѣсто полиціи, а то того и гляди, такъ его отпуститъ.

Къ шумѣвшимъ подходилъ околодочный съ городовымъ и уводили спорившихъ. „Воровъ поймали, мазурики попались", передавали изъ устъ въ уста. Взоры всѣхъ обращались въ затылокъ ушедшихъ. И ни одна, почти, увѣряли насъ, печальная церемонія не кончалась безъ того, чтобы на томъ же мѣстѣ не совершилось какого-нибудь скандальчика, обвиненія въ кражѣ чего-нибудь изъ кармановъ.

По истеченіи 10 минутъ преступникъ освобождался изъ колодъ, сводился съ эшафота, усаживался въ обыкновенный арестантскій фургонъ, отвозился подъ незначительнымъ ужъ конвоемъ, обратно въ замокъ (5 п. 963 ст.), гдѣ расковывался, присоединялся къ рѣшеннымъ и жилъ до отправки по назначенію, этапнымъ порядкомъ.

Весь, по порядку изложенный нами процессъ объявленія приговора на площади, по духу нашего законодательства, производился, добавимъ, ради устрашенія неблагонадежныхъ, по своимъ занятіямъ, людей; другими словами: публичностью приговоровъ предполагалось достигнуть уменьшенія числа преступленій. Разсмотримъ, на сколько средство это оправдывало ожидавшуюся отъ него цѣль.

Устрашительный характеръ наказаній ни на кого и никогда, какъ доказываетъ исторія всѣхъ народовъ и вѣковъ, не имѣлъ рѣшительно никакого вліянія на воздержаніе преступной воли. Мало того: въ день самыхъ лютыхъ казней повторялись чуть-ли не на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ, за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, были казнены преступники, точно такія-же, или даже гораздо тягчайшія преступленія. Оттого всѣ государства постепенно смягчали наказанія, замѣняя ихъ нравственнымъ воздѣйствіемъ на умъ и сердце преступниковъ. Обращаясь къ нашему, собственно, отечеству, не можемъ не вспомнить, что еще такъ недавно криминальныхъ преступниковъ гоняли сквозь строй, стегали плетьми, розгами, клеймили; всѣ эти истязанія наводили паническій страхъ, да и было отчего: безстрастное, угрюмое выраженіе лица палача, его одежда, вскрикиванья: „берегись“, его взмахиванья плетью, его *воля*: *)

---

*) Однажды, въ началѣ 50-хъ годовъ, наблюдавшій за наказаніемъ плетьми, полиціймейстеръ закричалъ палачу, чтобъ крѣпче сѣкъ. „Коли вамъ не нравится мое сѣченье—нате плеть и дерите сами“, отвѣтилъ палачъ и бросилъ къ полиціймейстеру плеть. Эта выходка палача такъ сконфузила полиціймейстера, что онъ молча удалился съ площади, а палача едва уговорили кончить свое занятіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, намъ удалось пріобрѣсть довѣріе палача, который, между прочимъ намъ разсказывалъ съ грустью, что не мало людей отправилъ, преждевременно, въ могилу, вовремя оно. „Иной человѣкъ, еле, душа въ тѣлѣ. Знаешь, что ему на каторгу, ну, и порѣшишь: чѣмъ тебѣ, молъ, тамъ еще мучиться—лучше ужь сразу покончи. Размахнешься хорошенько плетью, да какъ хватишь, нѣсколько разовъ, изо всей мочи, такъ и духъ изъ него вылетитъ вонъ... Такъ-то вотъ я, окаянный, нагрѣшилъ много, очень много, а все потому, что воленъ былъ наказывать, какъ хотѣлъ и злость питалъ ко всѣмъ людямъ за *свое палачество*, заключилъ онъ.

-съ 2-хъ 4-хъ ударовъ засѣчь до смерти, другого и съ 00—оставить въ живыхъ. Брызги человѣческой крови, ья,. клочьями, живого мяса съ тѣла, отчаянные стоны аго—все это вмѣстѣ взятое холодило кровь, помрачало съ слабонервныхъ зрителей; но преступленія, за которыя ись такія-же истязанія, тѣмъ не менѣе повторялись своычнымъ чередомъ.

ода логически вытекалъ и благодѣтельный указъ 17-го 1863 г., объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ, я каторжныхъ и бродягъ: для первыхъ оставлены — которыми ихъ наказываютъ въ Сибири, на мѣстахъ соръ ими новыхъ преступленій, а для послѣднихъ—25 розогъ, получаемыхъ ими келейно, повсемѣстно, въ й, напр., банѣ. Съ отмѣною тѣлесныхъ наказаній, въ незначительно еще просвѣщенномъ отечествѣ, естественно ждать сильнѣйшаго возвышенія числа преступленій. Однастика вотъ что показываетъ намъ. Въ петербургскомъ мъ Замкѣ содержалось, напр., по обвиненіямъ: въ убій 1861 г.—22 чел.; въ 1863 г.—30 чел.; въ 1864 9 чел.; въ 1866 г.—36 чел.; въ 1868 г.—47 ч.; 0 г.—50 ч.; въ 1872 г.—47; въ 1874 г.—42 ч. стно глядя на эти цифры, онѣ отчасти оправдываютанное предположеніе, — но вникнувъ глубже въ *суть*, ъ удостовѣреніе, что преступленія уменьшаются. Такъ, номъ судѣ многія преступленія нерѣдко потушались, не и до суда, вслѣдствіе подкуповъ, укрывательствъ, безк полицейскихъ и иныхъ властей; объ уголовной стаи помину не было, а со времени введенія гласнаго суда, преступленіе не остается безнаказаннымъ, а статистика довольно правильная, вѣрная. Независимо отъ сего, нѣ изъ обвинявшихся въ убійствахъ предъ нынѣшнимъ суыходили изъ него оправданными присяжными засѣдатеначитъ, и ихъ слѣдуетъ исключить изъ общихъ цифръ.

За разбой и грабежи обвинялись въ 1861 г.—37 чел.; въ 1863 г.—98 чел.; въ 1864 г.—96 чел.; въ 1866 г.—96 чел.; въ 1868 г.—102 чел.; въ 1870 г.—53 ч.; въ 1874 году—45 чел., и т. д.

Какая-жъ, спрашивается, польза отъ публичности казни? Да никакой, отвѣтимъ мы категорически. Процедура эта, какъ мы знаемъ изъ практики, представляла противоположные результаты. Во первыхъ, обыкновенные, по міросозерцанію, преступники настолько нравственно уничтожалась, что не чувствовали своего позора. Во вторыхъ, твердаго характера преступники лишь возстановлялись окончательно и противъ властей, и противъ гражданъ, глазѣвшихъ на ихъ шельмованье. Въ третьихъ, отпѣтые преступники видѣли въ ѣздѣ на площадь—случай нажить хоть немного денегъ, а это ужь выходило глумленье надъ закономъ, надъ правосудіемъ. Въ четвертыхъ, зрители, какъ читатель помнитъ изъ вышеприведенныхъ *дословныхъ* разговоровъ, совершенно извращали смыслъ обряда, не воспринимали изъ него никакого поучительнаго урока, ничего разумнаго, а среди нихъ, этимъ способомъ развивались напротивъ, нелѣпые толки, предразсудки, противоестественные, кровожадные инстинкты. Въ пятыхъ санъ священника и святость религіи умалялись въ глазахъ безграмотныхъ, невѣжественныхъ людей. Наконецъ въ шестыхъ—обрядъ публичности казни шолъ въ разрѣзъ съ ученіемъ православной церкви. По мнѣнію профессора, священника, М. И. Горчакова, особенность взгляда нашей Церкви на наказанія заключается въ томъ, что наказанія должны имѣть, какъ указываетъ корчая V. 5, исключительно *исправительное* дѣйствіе на наказуемаго и чуждо устрашенія (книга прав. 1-го всел. собора 2; VI всел. прав. 102, Анк. соб. 5, Василія Великаго и многихъ другихъ), тогда какъ 963 ст. уст. угол. судопр. имѣетъ въ виду, именно, вооображаемое устрашеніе. Далѣе, въ первые вѣка послѣ основанія русской Церкви, византійскія публичныя наказанія замѣнялись на Руси наказаніями, также чуждыми публичности обрядовъ; это вытекаетъ изъ срав-

И вотъ, будучи послѣдовательнымъ, и принимая въ соображеніе, что правительство само беретъ подъ свое покровительство тѣмъ или иначе угнетенныхъ,—нельзя не признать, что наступила настоящая пора отмѣнить и волчьи паспорты, что правительство, по чувству гуманности и по личнымъ интересамъ, непремѣнно, полагаемъ, сдѣлаетъ. Говорятъ, что отмѣна эта еще преждевременна; что отмѣтки слѣдуетъ, покуда, еще удержать для воспособленія суду распознавать рецидивистовъ, а также для охраненія имущественнаго благосостоянія гражданъ; бывшій воръ можетъ, съ чистымъ паспортомъ, втереться въ прислугу и обобрать хозяевъ. Всѣ эти доводы на столько, кажется, легковѣсны, что не выдерживаютъ серьезной критики, и потому мы ихъ сейчасъ опровергнемъ..

Во первыхъ — судъ у насъ гласный, публичный. Судебные камеры полны всегда зрителями, въ отправленіи правосудія ежедневно участвуютъ представители общества—присяжные засѣдатели, выбирающіеся изъ *всѣхъ* сословій, да еще эксперты, свидѣтели. Мало того: почти всѣ уголовные процессы печатаются въ 10—15, большихъ и малыхъ, ежедневныхъ газетахъ, проникающихъ во *всѣ* слои общества, отъ чертоговъ, до кабаковъ и нищенскихъ хижинъ включительно; газеты эти перечитываются сотнями тысячъ людей, при чемъ газеты печатаютъ *сполна* — званія, имена, отечества и фамиліи подсудимыхъ, такъ что граждане врядъ ли не могутъ воспрепятствовать, ежели пожелаютъ, водворенію къ себѣ не только завзятыхъ мазуриковъ, но и такихъ, даже, пожалуй, чудаковъ, какъ старикъ, который четыре раза кралъ, на дворахъ, курицъ. Кромѣ того, вслѣдствіе одного *предположенія*, что укравшій человѣкъ можетъ это повторить, если не будетъ съ волчьимъ паспортомъ,—нѣтъ никакого основанія отнять у него возможность нравственно исправиться; нѣтъ логики мучить его съ такимъ паспортомъ. Потомъ, наниматели, по разспросамъ, по впечатлѣнію, какое произведутъ на нихъ нанимающіеся, могутъ сами разсудить, достойны ли они ихъ до-

цѣли и стѣснительно для самихъ монастырей, а потому Синодъ отдалъ предпочтеніе прохожденію эпитеміи „*негласно*, подъ надзоромъ отца духовнаго, каковая мѣра болѣе дѣйствительная, способная возбудить въ кающемся сознаніе совершеннаго имъ грѣха“.

Понятно, что выводъ изъ указанныхъ соображеній очень простъ: въ силу правилъ вселенскаго собора 1667 г., священники должны быть у осужденнаго „*за день или за два до казни*“, чѣмъ они, безспорно, освобождались отъ присутствія при самой казни; 2-я же часть 1 пункта 963 ст. уст. угол. суд. требуетъ, чтобы духовное лицо „сопровождало преступника на мѣсто казни, гдѣ оставалось бы при немъ до послѣдняго момента исполненія приговора, напутствуя его, къ открывающейся предъ нимъ здѣсь, или въ иномъ мірѣ—новой жизни“. Очевидно, что между церковными и свѣтскими законами непримиримое противорѣчіе, тогда какъ законы эти должны непремѣнно гармонировать одинъ другому. Поэтому необходимо устранить эту несообразность — приноровленіемъ гражданскаго къ церковному закону.

Заручившись изложенною неотразимою аргументаціей противъ публичности казней преступниковъ со стороны церковнаго закона, перейдемъ ко взгляду на это событіе гражданскаго уголовнаго нашего закона — комментаріямъ къ 963 ст. уст. угол. судопр. (2 изд. суд. уставовъ государственной канцеляріи). «Со введеніемъ публичности на судѣ и той торжественности, въ которую облекаются формы и обряды гласнаго судопроизводства вообще, и суда съ присяжными въ особенности—„исполненіе обряда публичной казни теряетъ свое значеніе,—гласитъ комментарій.—Составляя только окончаніе той формы, которая происходила на судѣ публично, обрядъ этотъ представитъ народу одно праздное зрѣлище, безъ всякаго поучительнаго значенія“,—вполнѣ предугадали комментаторы.—„Мало того: послѣ потери своего устрашающаго характера (тутъ подразумѣваются, конечно плети, клейма, розги — физическая боль), обрядъ этотъ можетъ подѣй*ствовать* и дѣйствительно, положимъ, дѣйствуетъ даже вредно

на массу народонаселенія, представляя ей позоръ, какъ бы единственнымъ наказаніемъ за тяжкія злодѣянія. Для большей части изъ осужденныхъ, которые, при совершеніи своихъ злодѣяній, руководились животными побужденіями, или успѣли заглушить въ себѣ всякое нравственное чувство,—позорный обрядъ не имѣетъ никакого значенія, а онъ отягощаетъ участь только тѣхъ осужденныхъ, которые принадлежатъ къ классу людей болѣе образованныхъ, у которыхъ нравственныя силы будутъ и безъ того глубоко потрясены публичнымъ изслѣдованіемъ, на судѣ, ихъ вины и для которыхъ, въ мѣстѣ ссылки, наказаніе, по непривычкѣ къ работамъ, окажется гораздо чувствительнѣе". Приведенныя строки дышатъ такою высокою правдою, такимъ вѣрнымъ отраженіемъ практической жизни, что нѣтъ надобности развивать это положеніе, и мы считаемъ безполезнымъ дополнять его хоть однимъ штрихомъ, словомъ. На основаніи этихъ выводовъ, составители судебныхъ уставовъ „предполагали справедливымъ сохранить публичность обряда совершенія наказанія лишь для смертной казни и политической смерти". Затѣмъ, при окончательномъ обсужденіи этого вопроса, выведено было заключеніе, что „правительство въ облегченіи наказаній *тогда не могло*, изъ предосторожности, *идти такъ далеко*, дабы не ослабить чрезмѣрно карающаго правосудія" и только потому удержался, въ главныхъ чертахъ, существовавшій прежде обрядъ казни.

Между тѣмъ, общественный строй русскаго общества на столько быстро двинулся впередъ и вообще, касательно наказаній, въ подлежащую ему колею, что разсматриваемый нами законъ оказывался отсталымъ, и не соотвѣтствующимъ духу нашего прогрессивнаго времени, а потому, въ интересахъ истины и гуманности, ощущалась потребность измѣнить этотъ законъ. Это тѣмъ болѣе логично, что людямъ просвѣщеннымъ это зрѣлище противно, а изъ посѣщавшихъ площадь неразвитыхъ людей: одни—мягкосердые—окружали преступниковъ ореоломъ мученичества; другіе—жестокосердые—тосковали, отчего въ этомъ актѣ нѣтъ ничего

кровожаднаго; третьи — не понимая въ чемъ дѣло — выдумывали и распространяли, по этому поводу, самые дикіе толки, курьезные предразсудки, — но никто, повторяемъ, замѣчательно, не проникался тою идеею устрашенія, ради которой поддерживалось правило — публично объявлять приговоръ. А коль скоро эта идея не располагала приверженцами, слѣдовательно, она отжила свой вѣкъ, отслужила свою службу и ей пора ужь въ отставку. Пора эта наступила и потому еще, что обрядъ публичной казни отмѣненъ во многихъ государствахъ, призиавшихъ, что онъ вреденъ для общественной нравственности.

Намъ остается посвятить читателя еще въ нѣкоторыя, восполняющія наше мнѣніе обстоятельства. И колесница, и эшафотъ — предметы вѣдь неодушевленные. Оттого почти вся антипатія народа въ этой процедурѣ переносилась на одушевленный предметъ — палача, который, играя при казняхъ значительную роль, — исстари слыветъ въ понятіяхъ простолюдиновъ, человѣкомъ проклятымъ, олицетворяющимъ въ своей персонѣ все ужасное. Между тѣмъ, на основаніи 6 п. 963 ст. уст. угол. судопр., палачъ вводитъ на эшафотъ осужденныхъ къ смертной казни и лишь ихъ, напр., собственноручно вѣшаетъ; что же касается остальныхъ, т. е. подлежащихъ ссылкѣ на каторгу, на поселеніе, то, по неуказанію въ 4 п. 963 ст.: кто именно „вставляетъ ихъ на эшафотъ и къ позорному столбу", — это дѣйствіе въ Петербургѣ напр., производили, какъ выше объяснено, сторожа замка, въ солдатскихъ шинеляхъ, отчего весь ожидаемый отъ церемоніи устрашающій эффектъ улетучивался безслѣдно: столичные обыватели ежедневно, ежечасно видѣли полицейскихъ солдатъ и никогда и нигдѣ, кромѣ площади, лицезрѣть палача не были въ состояніи: онъ, какъ всякій арестантъ, живетъ, по закону, безвыходно въ тюрьмѣ *). Оттого становится ясно, что законъ:

*) Въ настоящее время въ Петербургѣ *вовсе нѣтъ* палача: прослуживъ въ этомъ званіи болѣе 20 лѣтъ, онъ отосланъ, согласно его желанію, въ соловецкій *монастырь*, гдѣ намѣренъ провести остатокъ дней своихъ въ молитвѣ, постѣ и

а) держать палачей исключительно для дѣйствій при смертной казни и б) смотрить на уголовные процессы низшихъ, по категоріямъ, наказаній несравненно мягче, предоставляя распоряжаться на эшафотѣ простымъ, безукоризненнаго поведенія, солдатамъ и тѣмъ самымъ умаляетъ значеніе торжественности—шельмованія осужденныхъ на каторгу и на поселеніе.

Объ отмѣнѣ публичной казни, мы вносили вопросъ въ Комитетъ еще въ 1872 г., но Комитетъ, разсмотрѣвъ тогда нашъ подробный докладъ, въ составѣ болѣе 20 членовъ, въ томъ числѣ преосвященнаго Тихона, профессора, священника И. И. Горчакова, извѣстнаго проповѣдника И. Н. Полисадова и нѣкоторыхъ другихъ духовныхъ особъ призналъ наши доводы справедливыми, но ограничился рѣшеніемъ ходатайствовать, на первый разъ, объ отмѣнѣ послѣдней части 963 ст. уст. угол. судопр., т. е. объ избавленіи священника отъ тягостнаго сопровожденія преступниковъ на площадь и оставаться тамъ до окончанія всей процедуры.

Прошло 6 лѣтъ, въ теченіи которыхъ *частнымъ* образомъ не рѣдко игнорировался законъ: во вниманіе къ различнымъ просьбамъ, иныхъ не вывозили на площадь, а прямо отсылали по назначенію. Наконецъ, „по всеподданнѣйшему докладу Министра юстиціи отъ 27 сентября 1878 г., послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „*впредь до измѣненія въ законодательномъ порядкѣ* правилъ объ исполненіи судебныхъ приговоровъ, преступниковъ, присужденныхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ, высылать на поселеніе или въ каторжныя работы, безъ исполненія надъ ними обряда публичной казни". (Собраніе узаконеній 1878 г. № 178).

Съ радостью, привѣтствуя это благодѣтельное повелѣніе, позволимъ себѣ желать, чтобы скорѣе и цѣлесообразнѣе „измѣнились, законодательнымъ порядкомъ, и правила объ исполненіи судебныхъ приговоровъ".

тяжелыхъ трудахъ, чтобы замолить свои грѣхи, какъ онъ выражался намъ, предъ отправкой.

XVII.

Очеркъ различныхъ системъ покровительства освобожденнымъ изъ-подъ стражи заграницею и въ Россіи.

Вопросъ о призрѣніи выпущенныхъ изъ-подъ стражи, неимущихъ людей, на первое время нахожденія ихъ на свободѣ, тѣсно связанъ съ вопросомъ о рецидивистахъ: впавшіе въ преступленія и отбывшіе, заключеніемъ, установленныя наказанія— во всѣхъ странахъ свѣта встрѣчались, согражданами, съ предубѣжденіемъ, а оно неизбѣжно сопровождалось чрезвычайною для нихъ трудностью найдти скоро матеріально вознаграждаемое занятіе, отсутствіе котораго очень часто приводило людей вновь въ заключеніе. Оттого участь бывшихъ арестантовъ вездѣ занимала тюрьмовѣдовъ и филантроповъ, употреблявшихъ свои: знанія, трудъ и денежныя средства на облегченіе страданій выпущенниковъ.

Самые авторитетные теоретическіе и практическіе тюремные дѣятели, издавна настойчиво доказывали, что бывшіе арестанты въ государственныхъ, экономическихъ и нравственныхъ интересахъ, достойны безусловнаго вниманія, обезпеченія, и что помощь этимъ несчастнымъ должна имѣть не формальный, а непремѣнно: *частный, общественный характеръ*. По мнѣнію маркиза де-ла-Гранжъ, „покровительство общества составляетъ

[illegible] системы. Покровительство что есть [illegible] усилie милосердія,—для перевоспитанія освобожденныхъ [illegible] на то время, когда надежды со[illegible] исправленія, могутъ осуществиться, или разру[illegible]. [illegible] Общество [illegible], основанное въ Швейцаріи, [illegible] въ теченіи 19 лѣтъ со времени образованія, при [illegible] Женевы Комитета правосудности. Комитетъ этотъ, [illegible] въ 1848 г., попеченіемъ о заключенныхъ и осво[illegible] изъ заключенія, путемъ 10-ти лѣтней практики [illegible] необходимости раздѣлиться на два отдѣла: одинъ— [illegible], а другой [illegible] [illegible] на [illegible] [illegible] перевоспитаніе освобожденныхъ — дѣло [illegible] [illegible]. Оставшися послѣдній Комитетъ изъ 12 чело[illegible] [illegible] [illegible]—были членами тюремнаго Комитета для [illegible] соединенія [illegible] [illegible], добиться большей са[illegible] и [illegible] дѣйствій. Чрезъ своихъ сов[illegible] [illegible] [illegible] знать прежнюю жизнь [illegible], ихъ призваніе; а собравши добытыя свѣдѣнія, представляются [illegible] [illegible], и на основаніи было [illegible] [illegible] на мѣсто. [illegible] о [illegible] [illegible] [illegible], Комитетъ [illegible] каждому освобожденному, [illegible] своихъ членовъ, одной съ нимъ религіи—покровителя, [illegible] другимъ же [illegible] [illegible] въ бытность [illegible], [illegible] въ случаѣ [illegible] [illegible] на [illegible] [illegible],—Комитетъ [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible]. Покровитель [illegible] [illegible], [illegible] пріобрѣтаетъ [illegible], чрезъ [illegible] единственное довѣріе, [illegible] къ нему [illegible] отецъ [illegible] [illegible], [illegible] касающееся, [illegible] [illegible] Комитету. Освобожденные дѣлились въ Швейцаріи [illegible] и считались: первая—подъ непосредственнымъ [illegible] Комитета; вторая—подъ [illegible], но [illegible]-

ленныхъ ихъ надзоромъ; а послѣдняя — подъ присмотромъ лица статистическимъ.

Въ Бельгіи, для устройства будущности заключенныхъ, наблюдательные тюремные Комитеты за мѣсяцъ до ихъ выпуска на свободу, условливались съ ними относительно предстоявшаго имъ мѣста жительства, получали въ свое распоряженіе, заработанныя ими деньги, а по освобожденіи арестованныхъ—пристраивали ихъ къ мѣстамъ, ручались за ихъ исправность добропорядочность, въ чемъ убѣждались заблаговременно, во время ихъ содержанія въ тюрьмахъ. Комитеты же выдавали выпущенникамъ, отличавшимся безукоризненною нравственностью и трудолюбіемъ; одобрительные аттестаты, предъявители которыхъ освобождались по нимъ отъ надзора полиціи, запрещавшей имъ жить въ большихъ городахъ, гдѣ, затерявшись въ массѣ, — имъ было возможнѣе пропитывать себя собственнымъ трудомъ. Эти же, наконецъ, Комитеты надзирали за образомъ дѣйствій освобожденныхъ и о тѣхъ, которые выказывали преступныя наклонности, предупреждали мѣстную полицію,—для принятія, противъ нихъ своевременно, надлежащихъ мѣръ предосторожности.

Въ Англіи: для освобождаемыхъ существуютъ: а) убѣжища, напр., въ Фульгамѣ; б) въ Дублинѣ,—ссудо-сберегательныя кассы съ обоюднымъ, другъ за друга, ручательствомъ; в) въ Ирландіи—предварительное ихъ сближеніе съ обществомъ, посредствомъ отпуска предъ наступленіемъ срока освобожденія, однихъ въ послѣднее время, на вольныя работы, за покупками матеріаловъ для тюрьмы, даже на совершенную (на 1—2 мѣсяца) свободу съ временными свидѣтельствами, чтобы по минованіи срока, они не стѣснялись пріисканіемъ себѣ рода и мѣста занятій; г) общество, которое помогаетъ освобожденнымъ деньгами, пріискиваетъ имъ мѣста и т. д.

Во Франціи, Германіи—выпущенники также пользуются покровительствомъ обществъ въ различныхъ формахъ. Короче, ю

всѣхъ государствахъ существуетъ покровительство освобожденныхъ.

Наши предки тоже не отставали отъ европейцевъ. Ихъ тоже безпокоило безпомощное положеніе неимущихъ, освобождаемыхъ изъ тюремъ. Со времени утвержденія Общества попечительнаго о тюрьмахъ Петербургскій его Комитетъ неоднократно помогалъ имъ одеждою, деньгами и покровительствомъ. Всѣ эти способы, однако не удовлетворяли Комитетъ. Оттого онъ, съ одобренія Трубецкаго, устроилъ, при городской тюрьмѣ, особое отдѣленіе, въ которомъ выпущенники призрѣвались, временно, до пріисканія мѣстъ, занятій (въ 1827 г.). Число этихъ людей постепенно, между тѣмъ, увеличивалось, а держать ихъ, *вольныхъ*, въ тюрьмѣ, представлялось затруднительнымъ.

Потомъ, вслѣдствіе участія Комитета къ нимъ и нищимъ, въ уставъ Общественнаго призрѣнія, въ 1832 г., включены были 690—699 ст., объ учрежденіи „работныхъ домовъ, для доставленія всѣмъ, безразлично, нуждавшимся прокормленія собственнымъ трудомъ". Въ эти дома предписывалось принимать „убогихъ, могущихъ работать, неимѣющихъ пристанища и праздношатающихся, по распоряженію начальства". Подъ неимѣвшими пристанища и праздношатающимися разумѣлись, безъ всякаго сомнѣнія, и выпущенные изъ тюремъ. Объ осуществленіи на практикѣ закона никто, однако, не позаботился и выпущенники продолжали безпокоить Комитетъ.

Тогда Президентъ Трубецкой образовалъ, при Комитетѣ, изъ его членовъ и членовъ отъ городской думы особый частный Комитетъ, для устройства участи какъ этихъ, такъ и вообще нищихъ (6 мая 1834 г.). Едва этотъ Комитетъ приступилъ къ разрѣшенію предложенной ему задачи, какъ шведскій Посланникъ, баронъ Пальмстіернъ представилъ Императору Николаю Павловичу записку шведа Гейльборна, о его желаніи основать въ Петербургѣ, „заведеніе, (подобно существовавшимъ въ Швеціи), для доставленія бѣднымъ людямъ дешевой, но питательной

пищи

пищи". Императоръ поручилъ Трубецкому, какъ Президенту Общества попечительнаго о тюрьмахъ, разсмотрѣть эту записку. (8 сентября 1834 г.). Въ запискѣ этой Гейльборнъ излагалъ, что „успѣхъ его заведеній (въ Копенгагенѣ—7, а въ Або—5), одобренный Правительствомъ и Обществомъ, возбудилъ въ немъ намѣреніе устроить такое же заведеніе и въ Петербургѣ, въ полной увѣренности въ благосклонности публики къ содѣйствію всему, что цѣлію имѣетъ общее благо". Онъ спрашивалъ разрѣшенія на открытіе подписки, по которой каждому, внесшему 24 руб., выдастся билетъ, а по немъ, вспомоществуемому подписчикомъ, бѣдному „будетъ отпускаться ежедневно двѣ глубокихъ тарелки супу, вареннаго со свѣжею говядиною, попеременно: съ горохомъ, капустою, или крупою".

Узнать подробности проекта Гейльборна, Трубецкому, однако, не удалось: при самыхъ тщательныхъ розыскахъ, автора записки не нашли въ Петербургѣ. Оттого, основываясь на содержаніи записки, Трубецкой вывелъ заключеніе, что „прокормленіе однимъ супомъ за 24 р. въ годъ—отнюдь не дешево, да и неудобопримѣнимо по непривычкѣ русскаго простонародья къ такой пищѣ, безъ хлѣба". Въ подкрѣпленіе этой мысли, Трубецкой указалъ на то, что „къ $6^1/_2$ к. за приварокъ, человѣку надо въ день $2^1/_2$ ф. хлѣба, стоющаго $17^1/_2$ к., отчего все обойдется 24 к. ассигн.; тогда какъ за 25 к. въ сутки, въ артеляхъ кормятъ хорошо обѣдомъ и ужиномъ, а столичные арестанты довольствуются щами, кашею, квасомъ и хлѣбомъ, на 22 к., не смотря на чрезвычайную дороговизну съѣстныхъ припасовъ". Трубецкой и находилъ возможнымъ дозволить Гейльборну открыть заведеніе, но „содѣйствовать ему подпискою правительство не должно" (15 октября 1834 г.). Проектъ Гейльборна, вслѣдствіе соображеній Трубецкаго, оставленъ безъ послѣдствій.

Далѣе стремясь создать дѣйствительную и сообразную съ нашими нравами систему помощи выпущенникамъ и бродячимъ нищимъ, Трубецкой, по практическимъ опытамъ дѣятельности

гнаго Комитета рѣшился его узаконить,—внесеніемъ объ этомъ
ˈаго представленія, по которому послѣдовало Высочайше утвер-
ıнное мнѣніе Государственнаго Совѣта „объ учрежденіи, *при*
митетѣ С.-Петербургскаго Общества попечительнаго
ıюрьмахъ особаго Комитета, для разбора нищихъ“ (9 декабря
35 г.). Добившись осуществленія, въ принципѣ, своей идеи, Тру-
кой предложилъ Правительству разработанный и одобренный
ˈща Комитетами тюремнымъ и нищенскимъ, проектъ правилъ,
сочайше утвержденный 6 іюля 1837 г. *), „для руковод-
а Комитету о разборѣ нищихъ и изысканія способовъ къ ис-
ененію нищенства“. Въ Указѣ, по этому предмету, говорится:

«Высочайше утвержденнымъ, 9-го декабря 1835 года, мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, повелѣно было учредить, *при Комитетѣ С.-Петербургскаго Попечительнаго Общества о тюрьмахъ* особый Комитетъ, для разбора нищихъ и изысканія способовъ къ искорененію нищенства въ столицѣ, и составить, для руководства сему Комитету, надлежащія, по соглашенію Министра внутреннихъ дѣлъ, съ Президентомъ означеннаго общества, правила. Представленный генералъ-адъютантомъ княземъ Трубецкимъ проектъ правилъ, Министръ вносилъ на разсмотрѣніе Комитета гг. Министровъ, который, признавъ правила удовлетворительными, полагалъ утвердить оныя, съ нѣкоторыми указанными имъ измѣненіями и ограниченіями, и обнародовать ихъ ко всеобщему свѣдѣнію. На таковое положеніе Комитета гг. Министровъ послѣдовало, 6-го іюля Высочайшее соизволеніе. Измѣнивъ, вслѣдствіе того подлежащія статьи проекта Министръ представляетъ оный для обнародованія, присовокупляя, что сообщилъ о семъ генералъ-адъютанту князю Трубецкому, для зависящаго, въ чемъ слѣдовать будетъ, нынѣ же, со стороны его распоряженія».

По правиламъ Комитетъ учреждается, для разбора забираемыхъ полиціею за прошеніе подаяній и бродяжество людей обоего пола; для распредѣленія и призрѣнія ихъ, и наконецъ, для изысканія средствъ къ искорененію нищенства, временный, для опыта, на три года, со дня Высочайшаго утвержденія правилъ. Цѣль комитета должна была быть: 1) разборъ нищихъ, или людей, просящихъ милостыню и забираемыхъ полиціею, т. е. отдѣленіе изъ нихъ нищихъ, сдѣлавшихся таковыми—*отъ стеченія разныхъ неблагопріят-*

*) См. Полн. Собр. Закон. 1837 г. № 10425.

ныхъ обстоятельствъ,—отъ другихъ, *праздношатающихся* и нищенствующихъ отъ лѣности, разврата и привычки къ бродяжеству; 2) изысканіе средствъ къ надежному помѣщенію и возможному пособію первымъ; а также дѣятельныхъ мѣръ къ обращенію послѣднихъ отъ праздности къ труду честному и полезному; 3) Изысканіе способовъ къ учрежденію, со временемъ, *заведеній*, для призрѣнія нищихъ вообще, къ какому бы роду они не принадлежали, и 4) составленіе изъ всѣхъ наблюденій, опытовъ и существующихъ уже постановленій, одного общаго и полнаго положенія объ искорененіи нищенства.

Комитету слѣдовало находиться подъ главнымъ начальствомъ и управленіемъ Президента Общества попечительнаго о тюрьмахъ, и состоять изъ Вице-Президента и восьми Членовъ, избраніе коихъ предоставлялось Президенту Общества попечительнаго о тюрьмахъ, а избранныхъ онъ представляетъ на Высочайшее утвержденіе. Вице-Президентъ и члены Комитета не получаютъ никакого, собственно по занятіямъ ихъ въ комитетѣ, жалованья, но состоятъ по оному на дѣйствительной государственной службѣ и за ревностные труды, особенное отличіе, или значительныя денежныя пожертвованія представляются, чрезъ Президента Общества, къ Всемилостивѣйшимъ наградамъ. Собираться Комитету повелѣвалось два раза въ недѣлю въ опредѣленные дни и часы, да и во всѣхъ случаяхъ, когда Президентъ признаетъ то нужнымъ. Порядокъ дѣлопроизводства установлялся коллегіальный; но если меньшее число голосовъ не согласится съ большинствомъ, то оно вправѣ представить мнѣніе свое Президенту. Членамъ, несоглашавшимся съ общимъ мнѣніемъ—предоставлялось, при подписаніи журнала, пріобщать особыя свои мнѣнія; а журналы засѣданій вмѣнялось представлять на усмотрѣніе Президента, которому поручалось вести всю, по Комитету, съ правительственными мѣстами и лицами переписку, тѣмъ же порядкомъ, какой установленъ по дѣламъ Общества попечительнаго о тюрьмахъ. За тѣмъ регламентируется о дѣйствіяхъ комитета и его обязанностяхъ, о взысканіяхъ за допущеніе нищенства и не принятія мѣръ къ забиранію нищихъ, о составленіи капитала для пособія нищимъ и для учрежденія особаго, для призрѣнія ихъ, заведенія и т. д.

Президентомъ Комитета нищихъ былъ назначенъ Трубецкой, какъ Президентъ Общества Попечительнаго о тюрьмахъ. Потомъ, по его выбору, были Высочайше утверждены: Вице-Президентомъ—предсѣдатель тюремнаго Комитета, сенаторъ, тайный совѣтникъ графъ А. И. Апраксинъ, а членами—члены тюремнаго же Ко-

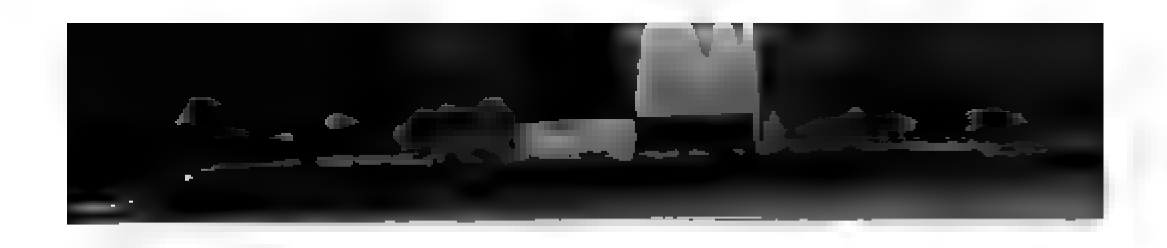
митета: Д. И. Позникъ, Г. А. Бибиковъ, В. П. Никитинъ, князь Н. И. Дондуковъ-Корсаковъ, именитые купцы: Жуковъ, Новиковъ и Сергѣевъ; наконецъ и дѣлопроизводителемъ—состоявшій для порученій при Президентѣ тюремнаго общества, ст. сов. Шкляревичъ (16 декабря 1837 г.).

Подъ покровительство этого-то Комитета, родившагося и выросшаго въ тюремномъ Комитетѣ, были переданы тогдашніе неимущіе тюремные выпущенники. Они ввѣрялись непосредственнымъ тюремнымъ дѣятелямъ, располагавшимъ возможностью знать достовѣрно: чѣмъ кому изъ выпущенниковъ целѣсообразнѣе помогать. Такимъ образомъ укрѣпилась тѣсная связь тюремнаго Комитета съ Комитетомъ нищихъ. Какъ развивалась дѣятельность Комитета нищихъ—распространяться не станемъ: это выходитъ изъ предѣловъ нашего труда, а лишь отмѣтимъ, что судя по любви къ ближнимъ Трубецкаго и его безпристрастію—Комитетъ, вѣроятно, соотвѣтствовалъ цѣли, потому что, предъ истеченіемъ, опредѣленнаго, для Комитета, правилами 3-хъ лѣтняго срока его существованія,—Трубецкой ходатайствовалъ о продолженіи дѣйствій Комитета, съ отпускомъ ему изъ казенныхъ и городскихъ источниковъ суммъ, назначенныхъ правилами 1837 г. Императоръ Николай Павловичъ, согласно мнѣнію Комитета Министровъ, повелѣлъ продлить существованіе Комитета еще на годъ, съ тѣмъ, чтобы въ теченіи этого времени былъ представленъ ожидаемый проектъ положенія о нищенствѣ (21 января 1841 г.).

Въ силу этого повелѣнія, преемникъ Трубецкаго по Президентству, графъ М. Х. Бенкендорфъ, предложилъ Предсѣдателю Комитетовъ: тюремнаго и нищихъ „образовать, изъ опытнѣйшихъ членовъ обоихъ Комитетовъ,—особую Коммиссію, для разсмотрѣнія составленнаго Шкляревичемъ проекта о способахъ къ уменьшенію, по Россіи, нищихъ" (12 Іюня 1841 г.). Коммиссія исполнила порученіе и проектъ былъ направленъ куда слѣдовало, но надо полагать, что былъ отвергнутъ, такъ какъ правила 1837 г. сохранили свою силу и по настоящее время.

Собственно, нищихъ постепенно увеличивалось числомъ, а смѣшивать ихъ съ выпущенниками признавалось неудобнымъ: послѣдніе оказывали дурное вліяніе на первыхъ. Это обстоятельство послужило Члену обоихъ Комитетовъ, князю Н. И. Дондукову-Корсакову, основаніемъ ходатайствовать объ учрежденіи *особаго* убѣжища для выпущенниковъ, которые могли бы на мѣсяцъ, до отысканія мѣста, найдти пристанище. Но Тюремный Комитетъ, съ утвержденія Президента, учредилъ именно *при Комитетѣ нищихъ пріютъ*, для „призрѣнія освобожденныхъ и оправданныхъ всякаго званія". Право поступленія въ пріютъ обусловливалось свидѣтельствами смотрителей мѣстъ заключенія о хорошемъ поведеніи просителей. Жить въ пріютѣ, на всемъ готовомъ, призрѣнникамъ предоставлялось мѣсяцъ или болѣе, покуда пристроятся. Отысканіе имъ мѣстъ возлагалось на членовъ обоихъ же Комитетовъ. Находясь въ пріютѣ призрѣнники должны были вести себя благоприлично и сами убирать комнаты. При отправленіи на мѣста, установлялось снабжать ихъ одеждою, бѣльемъ, обувью и даже деньгами, чтобы окончательно избавились отъ нужды. Помѣстили этотъ пріютъ въ отдѣленныхъ отъ нищихъ, особыхъ большихъ 2-хъ комнатахъ зданія. Комитета нищихъ (28 октября 1844 г.).

Нѣкоторые призрѣнники не оправдывали оказывавшагося имъ довѣрія; поэтому тюремный Комитетъ рѣшилъ, покровительство распространить только на людей вполнѣ благонадежныхъ; для достиженія же этой цѣли онъ предписалъ смотрителямъ тюремъ, изъ желающихъ поступить въ пріютъ, снабжать одобрительными аттестатами собственно тѣхъ, которые отличались въ тюрьмахъ добропорядочнымъ поведеніемъ (19 апрѣля 1845 г.). Призрѣнію выпущенниковъ придавалось столь серьезное значеніе, что объ этомъ включались особыя даже статьи во всеподданнѣйшихъ годовыхъ отчетахъ Общества. Такъ, читаемъ: „въ содержимыхъ Комитетами столичныхъ пріютахъ для временнаго пристанища освобожденныхъ *и въ поведеніи* одобренныхъ, были, въ 1846 г., призрѣны 14

чел., коимъ, при опредѣленіи на мѣста, выданы были пособія одеждою и деньгами".—„Въ столичныхъ пріютахъ было, въ 1847 г., призрѣно 21 чел., коимъ на полученіе видовъ, на одежду и первоначальное обзаведеніе выданы были пособія. Въ Житомірѣ заботливостію Комитета устроенъ, въ прошломъ году, подобный же пріютъ". — „На безпріютныхъ, освобожденныхъ, обращено попеченіе Комитетовъ, доставленіемъ имъ временнаго до пріисканія мѣстъ пристанища. Въ Петербургѣ—*въ домъ призрѣнія нищихъ*, а въ Москвѣ — въ нарочито Комитетомъ содержимомъ пріютѣ. Таковыхъ людей въ столицахъ было, въ 1848 г., 21 чел., коимъ на виды, одежду и обзаведеніе выданы пособія» и т. д. Въ петербургскомъ пріютѣ, напр., въ 1848 г., въ числѣ призрѣнниковъ значился коллежскій секретарь Флоридовъ; въ 1849 г. — было 13 чел.; въ 1850 г., между 14. чел.—былъ сынъ священника Соловьевъ, и проч.

Содержавшихся въ арестантскихъ ротахъ увѣчныхъ и дряхлыхъ, 1050 ст. Уст. о ротахъ предписывала направлять для призрѣнія въ богадѣльни. Этихъ стариковъ и искалеченныхъ, по неимѣнію свободныхъ мѣстъ въ богадѣльняхъ ближайшихъ, къ столицѣ, губернскихъ городовъ, насылали сюда, въ короткое время, столько, что въ здѣшнихъ тюрьмахъ ихъ „накопилось множество". Комитетъ отъ себя и чрезъ Генералъ-Губернатора домогался открытія при городскихъ богадѣльняхъ особаго отдѣленія для этихъ несчастныхъ. Попечительный совѣтъ общественнаго призрѣнія отказался облегчить ихъ участь также по отсутствію помѣщенія. Комитетъ представилъ о „тяжкой участи, изувѣчныхъ и стариковъ" Президенту и настойчиво доказывалъ, что съ ними поступаютъ несправедливо и нечеловѣколюбиво. Президентъ повторилъ доводы Комитета Министру внутреннихъ дѣлъ, а онъ увѣдомилъ, что предложилъ, кому слѣдовало, устроить для бывшихъ арестантовъ *особое* помѣщеніе въ зданіи исправительнаго заведенія, куда ихъ и перемѣстили на положеніе *призрѣнниковъ* (10 марта, 5 августа и 21 декабря 1850 г.). Страданія и этихъ отверженныхъ,

такимъ образомъ, удалены были Комитетомъ же, такъ какъ тѣ власти, которымъ надлежало заботиться объ этихъ людяхъ, не обратили на нихъ никакого вниманія.

Возвращаясь опять къ Комитету нищихъ, отмѣтимъ, что дѣятельность его, съ теченіемъ времени, вѣроятно, значительно ослабѣвала, потому что Президентъ призналъ необходимымъ поддержать ее штатомъ, по которому Вице-президенту, членамъ и сотрудникамъ были предоставлены мундиръ Министерства внутреннихъ дѣлъ и классы должности, чтобы привлечь на помощь нищихъ, жертвователей и тружениковъ изъ неслужилаго чиновничества, да изъ именитаго купечества, питавшаго изстари расположеніе къ шитымъ мундирамъ (29 марта 1850 г.). Тѣмъ не менѣе, не только общество, но и само Правительство продолжало считать этотъ Комитетъ тѣсно связаннымъ съ тюремными Комитетами. Оправданіе этой мысли находимъ мы въ Высочайшемъ повелѣніи отъ 4 августа 1852 г. Именно, 5 п. этого закона, не отмѣненнаго, кажется, и до сихъ поръ, гласилъ: „поручить *тюремнымъ* губернскимъ Комитетамъ и уѣзднымъ отдѣленіямъ производить разборъ и имѣть попеченіе о тѣхъ нищихъ, которые будутъ забираемы мѣстными городскими и земскими полиціями, сообразуясь, въ этихъ случаяхъ, съ правилами 1837 г., для руководства С.-Петербургскаго Комитета о нищихъ“ *). Солидарность же послѣдняго со здѣшнимъ тюремнымъ Комитетомъ выражалась, между прочимъ, и въ томъ, что женщины—нищія, еженедѣльно приводились по 20—30 въ замокъ мыть бѣлье арестантовъ (въ 1852—1856 г.); что въ числѣ выпущенныхъ изъ тюремъ и проживавшихъ въ Комитетѣ нищихъ, значились, напр., въ 1853 г.: чиновники Мусоринъ, Сходневъ, Ефстафьевъ и проч.

Попытки Комитета нищихъ—отдалиться отъ тюремнаго Комитета—начались, *частнымъ* образомъ, съ 1856—1857 годовъ, когда Предсѣдателями послѣдняго были назначены: сперва — П. И. Донауровъ, а потомъ — графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ,

*) Въ Москвѣ Комитетъ былъ издавна.

а) держитъ палачей исключительно для дѣйствій при смертной казни и б) смотритъ на уголовные процессы низшихъ, по категоріямъ, наказаній несравненно мягче, предоставляя распоряжаться на эшафотѣ простымъ, безукоризненнаго поведенія, солдатамъ и тѣмъ самымъ умаляетъ значеніе торжественности—шельмованія осужденныхъ на каторгу и на поселеніе.

Объ отмѣнѣ публичной казни, мы вносили вопросъ въ Комитетъ еще въ 1872 г., но Комитетъ, разсмотрѣвъ тогда нашъ подробный докладъ, въ составѣ болѣе 20 членовъ, въ томъ числѣ преосвященнаго Тихона, профессора, священника И. И. Горжакова, извѣстнаго проповѣдника И. Н. Полисадова и нѣкоторыхъ другихъ духовныхъ особъ призналъ наши доводы справедливыми, но ограничился рѣшеніемъ ходатайствовать, на первый разъ, объ отмѣнѣ послѣдней части 963 ст. уст. угол. судопр., т. е. объ избавленіи священника отъ тягостнаго сопровожденія преступниковъ на площадь и оставаться тамъ до окончанія всей процедуры.

Прошло 6 лѣтъ, въ теченіи которыхъ *частнымъ* образомъ не рѣдко игнорировался законъ: во вниманіе къ различнымъ просьбамъ, иныхъ не вывозили на площадь, а прямо отсылали по назначенію. Наконецъ, „по всеподданнѣйшему докладу Министра юстиціи отъ 27 сентября 1878 г., послѣдовало Высочайшее повелѣніе: *„впредь до измѣненія въ законодательномъ порядкѣ* правилъ объ исполненіи судебныхъ приговоровъ, преступниковъ, присужденныхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ, высылать на поселеніе или въ каторжныя работы, безъ исполненія надъ ними обряда публичной казни". (Собраніе узаконеній 1878 г. № 178).

Съ радостью, привѣтствуя это благодѣтельное повелѣніе, позволяемъ себѣ желать, чтобы скорѣе и цѣлесообразнѣе „измѣнились, законодательнымъ порядкомъ, и правила объ исполненіи судебныхъ приговоровъ".

тяжелыхъ трудахъ, чтобы замолить свои грѣхи, какъ онъ выражался намъ, предъ отправкой.

Пріютъ постепенно исчезъ изъ Комитета нищихъ, а выпущенники остались при указанныхъ способахъ покровительства, которые, въ свою очередь, не достигали цѣли.

Сознаніе необходимости радикальнаго улучшенія системы покровительства освобожденныхъ проявилось, прежде всего, среди „С.-Петербургскаго благотворительнаго общества“ *), которое, между прочимъ, рѣшилось открыть въ Петербургѣ „рабочій домъ, для выходящихъ изъ тюремъ, больницъ, для малолѣтнихъ, необученныхъ ремесламъ и вообще для павшихъ, но не утерявшихъ чувства стыда и доброй воли“. Общество, заручившись пожертвованіями и разрѣшеніемъ, открыло на Петербургской сторонѣ, въ 1869 г., „Домъ трудолюбія“. Президентъ Общества попечительнаго о тюрьмахъ, вслѣдствіе ходатайства названнаго общества и сознанія плодотворности его цѣли,—предложилъ здѣшнему Комитету обсудить: не слѣдуетъ ли ему, самому ближайшему къ арестантамъ учрежденію, матеріальнымъ воспособленіемъ оказать благотворительному обществу содѣйствіе къ устройству „Дома трудолюбія“ на твердыхъ началахъ? Комитетъ тотчасъ же отпустилъ обществу, изъ своихъ средствъ, 2.000 руб., съ тѣмъ, чтобы освобождаемые изъ-подъ стражи, которые будутъ нуждаться въ призрѣніи, на первое время пребыванія ихъ на волѣ, безпрепятственно принимались въ Домѣ трудолюбія (въ апрѣлѣ 1870 г.). Благотворительное общество охотно приняло это условіе, снабдивъ Директоровъ Комитета, смотрителей тюремъ и частей печатными, на право поступленія въ Домъ трудолюбія, билетами, которые названныя лица раздавали желавшимъ туда поселиться бывшимъ арестантамъ. Сначала они съ благодарностью поступали въ домъ, потомъ постепенно охладѣвали къ нему и, наконецъ, положительно отъ него отказывались. Это произошло, какъ

---

*) Уставъ былъ утвержденъ Министромъ внутреннихъ дѣлъ 18 января и 10 *октября 1868 г.*

Директоры Комитета лично убеждались, оттого, что въ домѣ введены были суровыя, по примѣру тюремъ, правила общежитія: со двора увольнялись призрѣнники только разъ въ мѣсяцъ, не больше, какъ на 3—4 часа; курить табакъ въ домѣ возбранялось; во всемъ требовалось безусловное повиновеніе; нарушеніе этихъ правилъ влекло за собою дисциплинарную отвѣтственность, наконецъ, и заработки были слишкомъ малы. Все это въ связи съ излишнею довѣрчивостью дамъ къ заправлявшимъ Домомъ, собственнымъ ихъ невѣдѣніемъ потребностей простонародья и привело къ закрытію Дома отъ истощенія всѣхъ собранныхъ значительныхъ средствъ (въ 1872 г.).

Послѣ открытія исправительной тюрьмы, Попечительство надъ нею тоже устроило, въ 1872 г., на счетъ Директора Комитета и Члена Попечительства, Н. И. Олонкина, убѣжище, въ которомъ, вышедшіе только изъ тюрьмы могли пріобрѣсть даромъ, въ теченіи 7 сутокъ, со времени выпуска ихъ изъ заключенія, ночлегъ и пищу. Воспользовалось призрѣніемъ убѣжища 61 челов. въ годъ, но лишь только осенью 1873 г. открылись, въ Петербургѣ, „ночлежные пріюты" (въ нихъ взималось за ночлегъ, ужинъ и завтракъ—изъ кружки чая и полфунта хлѣба—по 5 к. съ человѣка), освобожденные предпочли убѣжищу пріюты, такъ, что убѣжище закрылось 7-го октября 1873 г.

Съ своей стороны столичный Дамскій тюремный Комитетъ, по предложенію его Предсѣдательницы, Ея Императорскаго Высочества Принцессы Евгеніи Максимиліановны, еще въ 1871 г., въ принципѣ утвердилъ вопросъ о необходимости и для выпущенницъ убѣжища. Въ 1872 г. Комитетъ одобрилъ проектъ убѣжища, на открытіе котораго и на утвержденіе смѣты по устройству и содержанію его, въ теченіи перваго года, было испрошено разрѣшеніе Президента. Устройство и завѣдываніе убѣжищемъ поручалось Директриссѣ М. Г. Пейкеръ, а помогать ей завѣдываніемъ письменными и счетными дѣлами взялся Н. К. Мезенцевъ. Цѣль *убѣжища была* дать выпущенницамъ пріютъ,

все необходимое, возможность честнымъ трудомъ жить; развить въ нихъ, во время пребыванія въ убѣжище, расположеніе къ труду, порядку, сознательное благочестіе, нравственность, стараться пріискивать имъ занятія, поддерживать съ ними сношенія, а достойныхъ снабжать и рекомендательными свидѣтельствами. На основаніи этихъ руководящихъ началъ, убѣжище открылось 5 октября 1872 г.

На первоначальное обзаведеніе убѣжища, Ея Высочество Евгенія Максимиліановна пожаловала 650 руб., а издержано было 785 р. 70 к. За тѣмъ изъ отчета, за первый годъ существованія убѣжища, узнаемъ слѣдующее: призрѣно было 27 женщинъ; изъ нихъ выбыло на мѣстѣ—13 женщинъ. Онѣ вставали въ 6, а до 7—молились, читали Евангеліе, завтракали и убирали комнаты; отъ 7 до 12—работали; отъ 12 до часу—обѣдали; отъ 1 до 4—работали; отъ 4 до 5—чай пили; отъ 5 до 6—работали; отъ 6 до 8—учились грамотѣ; отъ 8 до 9—ужинали, молились, читали Евангеліе и ложились спать. Продовольствовались призрѣнницы: утромъ—кружкою чая съ хлѣбомъ; обѣдали и ужинали: въ скоромные дни — щи или супъ съ говядиною и кашу съ масломъ или жареный картофель; а въ постные дни— щи со снятками или грибами, кашу или винигретъ изъ картофеля со свеклою; во время стирки бѣлья — пили кофе; а въ праздники—получали пироги. Одѣвались: въ будни—въ однѣ, а въ праздники—въ другія, лучшія платья. Работали въ прачечной или швейной мастерскихъ. По четвергамъ съ ними бесѣдовалъ священникъ; по субботамъ они слушали всенощную, а по воскресеньямъ, послѣ обѣдни и обѣда, имѣли свиданія съ родными, слушали, какъ бы въ семейномъ кругу, чтеніе Евангелія и бесѣды. Заработали всѣ 837 р. 65½ к., изъ нихъ пошло на матеріалъ 129 р. 14½ к.; чистаго дохода осталось 708 руб. 51 коп. Изъ этой суммы отчислено: на содержаніе 350 р. 55 к.; а призрѣнницамъ—357 р. 16 к. Пища и горячее обошлось въ день на каждую по 17½ к., обзаведеніе же каждой сто-

всѣхъ государствахъ существуетъ покровительство освобожденныхъ.

Наши предки тоже не отставали отъ европейцевъ. Ихъ тоже безпокоило безпомощное положеніе неимущихъ, освобождаемыхъ изъ тюремъ. Со времени утвержденія Общества попечительнаго о тюрьмахъ Петербургскій его Комитетъ неоднократно помогалъ имъ одеждою, деньгами и покровительствомъ. Всѣ эти способы, однако не удовлетворяли Комитетъ. Оттого онъ, съ одобренія Трубецкаго, устроилъ, при городской тюрьмѣ, особое отдѣленіе, въ которомъ выпущенники призрѣвались, временно, до пріисканія мѣстъ, занятій (въ 1827 г.). Число этихъ людей постепенно, между тѣмъ, увеличивалось, а держать ихъ, *вольныхъ*, въ тюрьмѣ, представлялось затруднительнымъ.

Потомъ, вслѣдствіе участія Комитета къ нимъ и нищимъ, въ уставъ Общественнаго призрѣнія, въ 1832 г., включены были 690—699 ст., объ учрежденіи „работныхъ домовъ, для доставленія всѣмъ, безразлично, нуждавшимся прокормленія собственнымъ трудомъ“. Въ эти дома предписывалось принимать „убогихъ, могущихъ работать, неимѣющихъ пристанища и праздношатающихся, по распоряженію начальства“. Подъ неимѣвшими пристанища и праздношатающимися разумѣлись, безъ всякаго сомнѣнія, и выпущенные изъ тюремъ. Объ осуществленіи на практикѣ закона никто, однако, не позаботился и выпущенники продолжали безпокоить Комитетъ.

Тогда Президентъ Трубецкой образовалъ, при Комитетѣ, изъ его членовъ и членовъ отъ городской думы особый частный Комитетъ, для устройства участи какъ этихъ, такъ и вообще нищихъ (6 мая 1834 г.). Едва этотъ Комитетъ приступилъ къ разрѣшенію предложенной ему задачи, какъ шведскій Посланникъ, баронъ Пальмстіернъ представилъ Императору Николаю Павловичу записку шведа Гейльборна, о его желаніи основать въ Петербургѣ, „заведеніе, (подобно существовавшимъ въ Швеціи), для доставленія бѣднымъ людямъ дешевой, но питательной

и ея помощника слѣдующія: 1) составленіе инструкцій для внутренняго порядка въ убѣжищѣ (для служащихъ) и правилъ поведенія (для призрѣваемыхъ) и представленіе оныхъ на утвержденіе Комитета, 2) наблюденіе за правильностію дѣйствій Начальницы Убѣжища; 3) выборъ изъ желающихъ поступить въ Убѣжище освобожденныхъ изъ заключенія женщинъ и увольненіе ихъ; 4) замѣщеніе всѣхъ должностей въ убѣжищѣ; 5) наблюденіе за исполненіемъ инструкцій и правилъ, какъ служащими, такъ и находящимися въ Убѣжищѣ. 12) Обязанности, лежащія исключительно на помощникѣ Попечительницы Убѣжища: 1) внѣшнія сношенія по дѣламъ Убѣжища; 2) завѣдываніе суммами Убѣжища, письменными дѣлами, веденіе приходо-расходныхъ и разсчетныхъ книгъ и представленіе отчетности. 13) Внутреннимъ хозяйствомъ Убѣжища завѣдываетъ начальница. 14) Попечительница, помощникъ ея и Начальница Убѣжища стараются объ устройствѣ работъ, примѣненіи ихъ къ способностямъ женщинъ и увеличенія спроса на работы; заботятся объ устройствѣ судьбы выходящихъ изъ Убѣжища. Попечительница можетъ приглашать и поручать и другимъ постороннимъ лицамъ попеченіе о дальнѣйшей участи выходящихъ изъ убѣжища женщинъ. 15) Въ Убѣжище могутъ быть принимаемы женщины: 1) которыя, по выбору Попечительницы, признаны будутъ нуждающимися и достойными убѣжищнаго призрѣнія; 2) которыя физически и умственно способны къ труду; 3) которыя, узнавъ принятыя въ Убѣжище правила, согласятся добровольно имъ подчиняться и заявлять о своемъ желаніи, до выхода еще изъ заключенія воспользоваться убѣжищною помощью. 16) Въ Убѣжище могутъ быть приняты только тѣ изъ изъявившихъ желаніе женщинъ, которыя явятся въ оное *непосредственно послѣ выпуска ихъ изъ мѣста заключенія.* 17) Не могутъ быть принимаемы лица, бывшія уже въ Убѣжищѣ и по выходѣ изъ онаго вновь присужденныя за какой-либо проступокъ или преступленіе. *Примѣчаніе.* Исключенія могутъ быть допускаемы въ крайнихъ, исключительныхъ случаяхъ и только съ разрѣшенія Комитета. 18) Поступившія въ Убѣжище женщины получаютъ платье, бѣлье и обувь одной формы и покроя для всѣхъ безъ различія сословія или состояній. 19) Содержащимися выполняются всѣ хозяйственныя по дому работы. Большая часть дня посвящается работамъ по заказамъ постороннихъ лицъ: прачешной, шитью и другимъ; два же часа въ день удѣляется на занятія грамотностію. 20) Классныя занятія составляютъ: а) законъ Божій; б) чтеніе и письмо; в) начала ариѳметики; г) въ видѣ бесѣдъ сообщаются важнѣйшія свѣдѣнія изъ исторіи Россіи, и д) объяснительныя чтенія. 21. Для означенныхъ въ предъидущемъ § занятій Попечи-

тельница Убѣжища приглашаетъ священника и учительницу. 22) Порядокъ распредѣленія заработанныхъ денегъ установляется Комитетомъ. *Примѣчаніе.* На первое время, впредь до устройства болѣе обширнаго и правильнаго производства работъ, выручаемыя за оныя деньги должны быть раздѣляемы слѣдующимъ образомъ: за отчисленіемъ изъ общей суммы заработка стоимости матеріаловъ, оставшіяся деньги дѣлятся на двѣ половины: одна половина на покрытіе расходовъ по содержанію и на выдачу пособія выходящимъ; другая же—въ пользу содержащихся, на ихъ расходы и на выходъ. 23) Каждая изъ содержащихся женщинъ имѣетъ свою книжку, въ которую вносятся на приходъ отчисленныя на ея часть изъ заработанной суммы деньги и записывается произведенный ею, во время содержанія расходъ. 24) Рекомендаціи и удостовѣренія о хорошемъ поведеніи могутъ быть выдаваемы выходящимъ изъ Убѣжища женщинамъ, только пробывшимъ въономъ не менѣе 4-хъ мѣсяцевъ. 25) Высшаго, опредѣленнаго срока пребыванія въ убѣжищѣ не установляется, но онъ зависитъ: а) отъ усмотрѣнія Попечительницы; б) отъ поведенія призрѣваемой въ Убѣжищѣ; в) отъ открытія или прінсканія мѣста съ жалованьемъ, достаточнымъ для самостоятельнаго существованія женщины; поступленіе на прінсканное мѣсто признается *обязательнымъ*, и *отказъ* отъ него влечетъ *исключеніе* изъ убѣжища; г) отъ желанія самихъ призрѣваемыхъ, которому ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть насилія. 26. При выходѣ изъ Убѣжища, женщины, въ случаѣ надобности, могутъ получать платье и необходимое бѣлье; въ крайнемъ же случаѣ можетъ быть оказываемо, по возможности, денежное пособіе, по усмотрѣнію попечительницы, но не иначе, какъ по соглашенію съ помощникомъ ея и начальницею Убѣжища. 27. Для сбора частныхъ пожертвованій, Убѣжище имѣетъ право выставлять кружки въ разныхъ мѣстахъ столицы, гдѣ это будетъ разрѣшено подлежащимъ начальствомъ, а также и при тюрьмахъ. 28. Убѣжище имѣетъ свою печать, съ надписью: „Печать Убѣжища для выходящихъ изъ заключенія женщинъ". 29) Средства Убѣжища, для покрытія всѣхъ расходовъ, составляются: а) изъ суммъ, отпускаемыхъ Дамскимъ Комитетомъ на содержаніе помѣщенныхъ въ оное женщинъ; б) изъ экономіи отъ хозяйства и части изъ заработанныхъ въ Убѣжищѣ денегъ: в) изъ частныхъ пожертвованій и пособій въ пользу Убѣжища со стороны общественныхъ учрежденій и правительства деньгами и вещами, и г) изъ кружечныхъ сборовъ. 30) Всѣ суммы принимаются завѣдывающимъ счетною частью Убѣжища и записываются на приходъ. Сборы изъ

кружекъ принимаются помощникомъ Попечительницы съ однимъ изъ членовъ Комитета.

Убѣжище это такъ осязательно упрочилось, что намъ приходится ограничиться лишь извлеченіемъ изъ отчетовъ статистическихъ и денежныхъ свѣдѣній, наглядно характеризующихъ цвѣтущее состояніе учрежденія. Оно вело свою отчетность не съ января, а со времени открытія, отчего и мы проставимъ годы такъ:

	1873—74 г.		1874—75 г.		1875—76 г.		1876—77 г.	
Содержалось въ убѣжищѣ	37 ж.		34 ж.		29 ж.		46 ж.	
Изъ нихъ выбыло . . .	16 —		14 —		20 —		14 —	
Всѣ заработали	2030 р.	64 к.	2990 р.	59 к.	2847 р.	7 к.	4031 р.	33 к.
Затрачено на матеріалъ .	390	59	626	79	506	61	694	57
Отчислено работницамъ .	806	24½	1076	26	1042	94	1506	17
— за ихъ содержаніе	804	65	1075	6	1041	5	1504	90
Стоило все убѣжище. .	4037	38	3889	55	6437	42	9150	84
Каждая призрѣнница .	147	70	117	79	186	80	207	12

Значительность стоимости заведенія и призрѣнницъ въ 1876—1877 г., объясняется расширеніемъ и приспособленіемъ помѣщенія, а также пріобрѣтеніемъ машинъ для работъ. На содержаніе Убѣжища дамскій Комитетъ отпускалъ ежегодно по 3.000 р. Кромѣ того Министръ внутреннихъ дѣлъ оказалъ пособіе убѣжищу: въ 1875 г. – въ 3.000 р.; а въ 1876 г.—въ 1.000 р., а въ 1877 г.—въ 1.500 р. Ея Высочество, принцесса Евгенія Максимиліановна, пожаловала въ 1874 г.—125 р.; Л. В. Шидловская собрала съ устроенныхъ базаровъ: въ 1876 г.—1.441 р. 65 к., а въ 1877 г.—962 р. 30 к. Изъ всѣхъ суммъ отчислено въ фондъ на пособія женщинамъ при отправленіи ихъ на родину, для уплаты ихъ долговъ и на обзаведеніе при выходѣ замужъ: въ 1875 г.—208 р. 49 к., въ 1876 г.—226 р. 95 к., а въ 1877 г.—315 р. 70 к. За всѣми расходами къ 1878 г. оставалось въ наличности 3.511 р. 77 к. Словомъ, благодаря участію высокопоставленныхъ лицъ, энергіи

ученью завѣдывающихъ убѣжищемъ —оно вполнѣ усовершенствовано и приноситъ существенную пользу выпущенницамъ.

Наконецъ исправительный, въ замкѣ, Совѣтъ собралъ, въ 73 г., съ даннаго тогда концерта 1.160 р., и, заручившись ю суммою—ходатайствовалъ предъ мужскимъ Комитетомъ объ гройствѣ, для выпущенниковъ, до 16-ти-лѣтняго возраста, кого убѣжища, въ которомъ они могли бы продолжать учиться амотѣ и ремесламъ. Комитетъ, раздѣляя мнѣніе Совѣта, проiъ разрѣшенія на открытіе убѣжища на 20 челов. (въ ноябрѣ 73 г.), но, по не приложенію проэкта устава, возникла переска: съ одной стороны — замедлившая достиженіе цѣли, а съ угой стороны—выяснившая, что наибольшій срокъ пребыванія ъчниковъ въ убѣжищѣ слѣдуетъ ограничить 4 мѣсяцами; а іятія ихъ должны соотвѣтствовать программѣ народныхъ учищъ, подъ руководствомъ непремѣнно педагога, съ званіемъ ректора убѣжища, по примѣру земледѣльческой колоніи. Тѣмъ еменемъ, покуда велась эта переписка, предсѣдательствовавшій Комитетѣ, князь А. И. Крапоткинъ, успѣлъ исходатайствоъ утвержденіе устава убѣжища безъ ограниченія возраста ворѣнниковъ (8 апрѣля 1875 г.). Вотъ этотъ „Уставъ Убѣща для лицъ, освобождаемыхъ изъ тюремнаго заключенія".

1) Для арестантовъ, выходящихъ изъ мѣстъ заключенія, С.-Петербургскимъ Комитетомъ Общества Попечительнаго о тюрьмахъ открывается Убѣжище, гдѣ они могутъ находить для себя, на первое время послѣ выхода изъ тюремъ, пріютъ и пропитаніе, оплачиваемые работою. 2) Управленіе Убѣжищемъ ввѣряется: а) непосредственное — Начальнику Убѣжища, завѣдывающему въ немъ всѣми частями внутренняго управленія; должность эта замѣщается, съ утвержденія предсѣдательствующаго Вице-Президента Комитета, на основаніи III прим. къ штатамъ, приложеннымъ къ Уставу Общества Попечительнаго о тюрьмахъ; б) высшее управленіе—Попечительству, состоящему изъ свѣтскихъ и духовныхъ Директо-

ровъ тюремнаго Комитета, предсѣдательствующій Вице-Президентъ котораго состоитъ Предсѣдателемъ и Попечительства. *Примѣчаніе.* Попечительство имѣетъ право приглашать въ свою среду и постороннихъ, Комитету, лицъ, желающихъ ему содѣйствовать своими трудами или пожертвованіями, въ качествѣ Членовъ сотрудниковъ. 3) При Убѣжищѣ состоитъ, для назиданія поступающихъ въ оное, особый священникъ. 4) Начальникъ и священникъ Убѣжища состоятъ непремѣнными членами Попечительства. 5) Въ видѣ опыта, Убѣжище открывается на 40 человѣкъ; но затѣмъ, при увеличеніи у Комитета средствъ на сей предметъ, число вакансій въ Убѣжищѣ можетъ быть и увеличено, по усмотрѣнію Комитета. 6) Въ Убѣжище содержавшіеся въ тюрьмахъ поступаютъ не иначе, какъ по собственному желанію, въ теченіи *недѣли* со дня своего освобожденія изъ заключенія; по прошествіи же *большаго срока* со времени освобожденія выпущенника изъ тюрьмы, онъ принимается въ Убѣжище не иначе, какъ съ разрѣшенія Попечительства. 7) Помѣщенные въ Убѣжище остаются тамъ до пріисканія какихъ-либо постоянныхъ занятій. *Примѣчаніе.* Наибольшій срокъ пребыванія въ Убѣжищѣ опредѣляется Попечительствомъ. 8) Всѣ работы, произведенныя питомцами Убѣжища, оцѣниваются въ полной ихъ стоимости, изъ которой вычитается въ кассу Убѣжища часть, оплачивающая стоимость содержанія питомцевъ заведенія, затѣмъ остатокъ составляетъ собственность выпущенника. Опредѣленіе цифры, подлежащей удержанію, лежитъ на обязанности Попечительства. 9) Вычету изъ заработныхъ денегъ выпущенники не подвергаются только въ случаѣ болѣзни или за время неимѣнія въ Убѣжищѣ работы. 10) Въ случаѣ, если-бы присутствіе въ Убѣжищѣ кого-либо изъ выпущенниковъ, представлялось бы вреднымъ, онъ удаляется изъ заведенія, по постановленію Попечительства; въ безотлагательныхъ же случаяхъ такое удаленіе допускается и по распоряженію Начальника Убѣжища, который о всякомъ такомъ случаѣ докладываетъ Попечительству. 11) На обязанности Попечительства лежитъ: а) составленіе общихъ правилъ по внутреннему быту Убѣжища и нравственному развитію питомцевъ и наблюденіе за точнымъ исполненіемъ этихъ правилъ; б) наблюденіе за хозяйственною частью заведенія; в) устройство мастерскихъ и пріисканіе работъ для питомцевъ; г) пріисканіе занятій для лицъ, вышедшихъ изъ заведенія; д) заботы о матеріальномъ благосостояніи Убѣжища, принятіе пожертвованій и расходываніе суммъ, Попечительству принадлежащихъ. 12) Кромѣ ежемѣсячныхъ отчетовъ, по окончаніи года, Попечительство представляетъ общій отчетъ тюремному Комитету.

Не успѣлъ Комитетъ разсудить, какъ приступить ко введе-
э въ дѣйствіе этого Устава, какъ послѣдовало утвержденіе
5 іюля 1875 г.) „правилъ Убѣжища для освобожденныхъ
ь. заключенія малолѣтнихъ арестантовъ". Правила эти вотъ
. чемъ заключаются:

1) С.-Петербургскимъ Комитетомъ Попечительнаго о тюрьмахъ Общества учреждается Убѣжище, для освобождаемыхъ изъ тюремнаго Замка малолѣтнихъ, не свыше 16-ти лѣтъ, арестантовъ, съ цѣлію дать имъ пріютъ до пріисканія какихъ-либо занятій. 2) Освобождаемые, изъявившіе желаніе поступить въ Убѣжище, принимаются прямо по выходѣ изъ тюрьмы. 3) Во время нахожденія въ убѣжищѣ, питомцы его пользуются полнымъ содержаніемъ заведенія, обучаются грамотѣ и разнымъ полезнымъ ремесламъ. Срокъ содержанія мальчиковъ въ Убѣжищѣ не можетъ быть болѣе 4-хъ мѣсяцевъ, а элементарно-научное преподаваніе имъ, по программѣ начальныхъ народныхъ школъ, должно быть поручаемо лицу, имѣющему на такое преподаваніе право. 4) Тѣ изъ питомцевъ Убѣжища, которые заявятъ себя доброю нравственностію и прилежаніемъ къ труду, удостоиваются, при выходѣ изъ Убѣжища, одобрительнаго аттестата, а оказавшіе себя недостойными попеченія о нихъ или не желающіе подчиняться правиламъ Убѣжища, удаляются изъ него и не получаютъ никакого аттестата. 5) Ближайшее наблюденіе надъ Убѣжищемъ, Комитетъ поручаетъ исправительному, въ Замкѣ, Совѣту, предоставляя ему опредѣленіе воспитателя, съ званіемъ Директора Убѣжища. 6) Въ правильности расходованія выдаваемыхъ на содержаніе Убѣжища суммъ и въ педагогической дѣятельности Директора, онъ представляетъ, ежемѣсячно, чрезъ совѣтъ, отчетъ Комитету. 7) На исправительномъ Совѣтѣ лежитъ не только разъясненіе и правильное примѣненіе на практикѣ сего устава, но и забота объ изысканіи средствъ къ обезпеченію его существованія и улучшенію нравственнаго и матеріальнаго положенія заведенія *).

На содержаніе 2-хъ, различныхъ по характеру, убѣжищъ, Ко-
:тетъ не располагалъ требовавшими значительными средствами.
:ого онъ предпочелъ открыть одно общее убѣжище, а въ немъ

---

*) Мы помѣстили „Уставъ" и „Правила" Убѣжищъ преимущественно для
раненія надобности провинціальныхъ Комитетовъ обращаться за справками
столичному Комитету, что дѣлаютъ многіе, намѣревающіеся учредить Убѣ-
ща.

мальчиковъ содержать отдѣльно отъ взрослыхъ. Спеціально на убѣжище имѣлось 1.160 руб., да пожертвовали Директоры Г. Н. Макаровъ—3.000 р., И. Е. Семенихинъ—200 р., а В. Ф. Мартыновъ по 1.200 р. на наемъ квартиры, на 3 года; т. е. 3.600 р. Тогда Комитетъ образовалъ (21 августа 1875 г.), изъ Директоровъ: Ѳ. Н. Смирного, князя С. Д. Эристова, Г. Н. Макарова, В. Ф. Мартынова, А. С. Парамонова, К. П. Стефановича и пишущаго эти строки—Комиссію, для организаціи учрежденія. Гг. Смирной и Парамоновъ составили смѣту на 5.164 р. въ годъ и формы счетоводства; А. С. Парамоновъ и мы—разработали инструкцію для внутренняго управленія убѣжищемъ; В. Ф. Мартыновъ купилъ всю обстановку убѣжища, а когда все было готово,—сообщилъ объ открытіи убѣжища, съ приложеніемъ печатныхъ: устава, объявленій и билетовъ предсѣдателямъ столичныхъ: Окружнаго суда, Мироваго съѣзда, прокурору суда, начальнику сыскной полиціи, смотрителямъ всѣхъ тюремъ и частей, чтобы рекомендовали убѣжище освобождаемымъ изъ-подъ стражи; публиковали въ газетахъ объ открытіи убѣжища, съ приглашеніемъ желающихъ оказать ему содѣйствіе матеріально, морально, или личнымъ трудомъ, за что предлагали званіе члена Попечительства, съ правомъ голоса на равнѣ съ Директорами. Наконецъ комиссія избрала, для ближайшаго завѣдыванія убѣжищемъ, особое попечительство изъ князей: А. И. Крапоткина и С. Д. Эристова, Ю. Ф. Неймана, В. Ф. Мартынова, А. С. Парамонова, К. П. Стефановича и пишущаго эти строки. Изъ этого Попечительства приняли на себя: В. Ф. Мартыновъ и мы—совмѣстное завѣдываніе хозяйствомъ и мастерскими, а Ю. Ф. Нейманъ, князь С. Д. Эристовъ и А. С. Парамоновъ—пріисканіе призрѣнникамъ мѣстъ и наблюденіе за ними по поступленіи ихъ на мѣста. Кромѣ того, всѣ названные Директоры согласились поочередно, ежедневно, посѣщать убѣжище, въ качествѣ дежурныхъ, для подробнаго осмотра заведенія, для разрѣшенія всѣхъ недоразумѣній, экстренныхъ надобностей и для занесенія всего видѣннаго и сдѣ-

книгу замѣчаній. Самое убѣжище открылось 1 октяб-
)да.
у дню, В. Ф. Мартыновъ пожертвовалъ, по числу
4 Св. Иконъ, различной величины, въ кіотахъ, съ
новыхъ 40 желѣзныхъ кроватей, матрасовъ, байко-
ъ, подушекъ, наволочекъ, простынь и мебель, для
ачальника убѣжища.
ніи перваго мѣсяца поступило только 5 чел. Мало-
эта, при массѣ ежедневно освобождаемыхъ изъ-
и зимней почти порѣ года,—когда безпріютнымъ
летъ, дѣваться,—побудило насъ посѣтить, нѣсколько
ями вечерами и ночью ночлежные пріюты, въ кото-
отъ и нашли множество выпущенниковъ, но изъ нихъ:
али ничего объ убѣжищѣ, а другіе—опасались идти
тому, какъ они выражались, что—это ловушка для
спортныхъ, считающихся подъ надзоромъ полиціи,
будетъ забирать ихъ изъ убѣжища. Путемъ разъясне-
чи печатныхъ правилъ и билетовъ, убѣжище мало
ло наполняться народомъ, такъ что, въ теченіи перваго
жило 89 челов. Изъ нихъ было: отставныхъ офицеровъ
овъ, сыновей чиновниковъ и дворянъ — 8; изъ духовнаго
четныхъ гражданъ—2; мѣщанъ—28; крестьянъ—31;
тавныхъ—7; безсрочно и временно-отпускныхъ — 4
хъ сыновей—7; изъ нихъ было женатыхъ—8; вдо-
холостыхъ—78 чел.
ла, содержавшихся подъ стражею, судились: Окруж-
ь—32, а мировымъ—57; судились они: за кражи—78
юги—3; за мошенничество—6 и за убійство—1; всего
овершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ было 31 чел. Суди-
разъ—48 чел., второй—32; третій—8; шестой—1.
и они утромъ въ 7 часовъ, убирали комнаты, умы-
вались, молились, пили съ чернымъ хлѣбомъ чай,
й В. Ф. Мартыновымъ; а потомъ расходились: одни—

въ мастерскія убѣжища; другіе—на работу на волю; третьи—искать занятія; четвертые—выправлять документы и т. д. Обѣдали, ежедневно, въ часъ, 2 кушанья; въ 5 часовъ опять чай пили; въ 8—ужинали одно кушанье, а въ 9—ложились спать.

Для скорѣйшаго пристройства призрѣнниковъ, убѣжище было нарочно помѣщено вдали отъ центра города, въ такомъ мѣстѣ, которое изобилуетъ фабриками и заводами, нуждающимися, преимущественно, въ физической силѣ рабочихъ, въ надеждѣ помѣщать ихъ туда и въ „Сухопутную таможню" (наискось убѣжища), гдѣ ежедневно производится выгрузка и нагрузка, изъ вагоновъ, на воза, товаровъ. Но ихъ ни въ одиночку, ни группами съ вахтеромъ никуда не принимали, даже и съ отвѣтственностью Попечительства за ихъ исправность!... Происходило это оттого, что по установившемуся обычаю, рабочіе принимаются не иначе, какъ по рекомендаціи земляковъ, прикащиковъ, нерѣдко за угощеніе и даже за плату, а въ таможнѣ работаютъ биржевыя артели, отвѣчающіе своими залогами за пропажу какихъ либо предметовъ груза. Возникала мысль создать изъ призрѣнниковъ отдѣльную артель, представить въ таможню денежный, за исправность артели, залогъ, но и эта мысль не получила примѣненія: во 1-хъ, само начальство Убѣжища не могло ручаться за безусловную честность кого либо изъ призрѣнниковъ, отчего, казалось, неосторожнымъ подвергать риску значительный общественный капиталъ, а во 2-хъ, самое допущеніе призрѣнниковъ работать въ таможнѣ, по мнѣнію ея начальства—породило бы неурядицы: всякую пропажу—приписывали бы прямо имъ, хотябъ они и не были въ томъ виноваты.

Такимъ образомъ пришлось отказаться отъ содѣйствія заводовъ, фабрикъ и таможни къ доставленію призрѣнникамъ производительнаго труда, цѣнность котораго могла быть подведена подъ контроль по отношенію къ призрѣнникамъ. Неудача эта повлекла за собою другую: люди начали ходить на работы куда *кто хотѣлъ*, приносить заработковъ по стольку, по скольку

всему когда заблагоразсудилось; иные припрятывали и утаивали весь заработокъ, говоря, что цѣлые дни тщетно искали, но нигдѣ не нашли труда; уличить же ихъ въ противномъ не представлялось никакой возможности: они отправлялись на работы и занимались ими поодиночкѣ, дабы скорѣе, какъ они объясняли, быть нанятыми и за большую сумму, при отсутствіи конкурентовъ.

Завели въ самомъ Убѣжищѣ сапожную, переплетную и столярную мастерскія, но выручка отъ продажи простыхъ столовъ и табуретовъ не окупала стоимости матеріаловъ, и потому, замѣнили столярную—дѣланіемъ сундуковъ, различныхъ коробочекъ, папиросницъ, однако и отъ этихъ работъ выгоды было мало, отчего, сохранили только переплетную, да сапожную мастерскія.

Протоіерей К. П. Стефановичъ и священникъ В. Г. Спирятинъ вели съ призрѣнниками религіозно-нравственныя собесѣдованія въ праздничныя, преимущественно дни, когда они были свободны отъ всякихъ занятій. Для предварительнаго ознакомленія съ характерами и наклонностями будущихъ призрѣнниковъ—мальчиковъ, дабы, по ихъ приходѣ въ Убѣжище, безошибочно знать чѣмъ и какъ легче на кого дѣйствовать,—Комитетъ, по нашему заявленію, открылъ Начальнику Убѣжища доступъ въ малолѣтнее Отдѣленіе, а для умственнаго ихъ развитія опредѣлилъ (съ 1 Сентября 1876 г.) воспитателемъ студента медико-хирургической Академіи, съ жалованьемъ по 25 руб. въ мѣсяцъ, при готовой, въ Убѣжищѣ, для жительства, комнатѣ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ.

Строго слѣдить за возвышеніемъ нравственнаго уровня призрѣнниковъ было трудно: сказываясь, что уходятъ на работы, или пріискивать мѣста,—они цѣлые дни пребывали внѣ всякаго надзора, а будучи со слабою волею, съ легкомысленныхъ взглядовъ,—нѣкоторые изъ нихъ закладывали, продавали съ себя вещи, данныя имъ для прикрытія ихъ наготы; наконецъ иные и сами

[redacted]

пропадали. Въ довершеніе всѣхъ неурядицъ, начальникомъ Убѣжища былъ человѣкъ рѣшительно неспособный, да къ томужъ еще предпочитавшій ходить на богомолья, нежели заниматься порученнымъ ему заведеніемъ, изъ котораго онъ, случалось, отсутствовалъ и цѣлыми сутками... Удалить же его попечительство затруднялось; онъ находился подъ особеннымъ покровительствомъ предсѣдателя...

Невозможность управлять Убѣжищемъ на правильныхъ началахъ, привело къ тому, что въ 1876 г., первоначальное Попечительство надъ Убѣжищемъ распалось, а замѣнилось новымъ, Убѣжищемъ большинство членовъ Комитета было не довольно. Въ 1877 г., бывшій Директоромъ и Предсѣдателемъ Попечительства надъ Убѣжищемъ, И. Я. Фойницкій, внесъ въ Комитетъ представленіе о соединеніи несовершеннолѣтнихъ *арестованныхъ* со *свободными* призрѣнниками въ одно помѣщеніе, съ подраздѣленіемъ ихъ на разныя Отдѣленія, т. е., о сохраненіи Убѣжища для однихъ лишь несовершеннолѣтнихъ; взрослымъ же предлагалъ оказывать индивидуальную помощь. Докладъ этотъ разсматривался въ особомъ засѣданіи Комитета 9 Марта 1878 г. *), къ присутствіи 20 лицъ, принимавшихъ болѣе или менѣе серьезное участіе въ преніяхъ. Содержаніе этихъ преній передавать не станемъ: интересующіеся дѣломъ могутъ вычитать ихъ изъ книги. Комитетъ почти единогласно рѣшилъ сохранить Убѣжище и для взрослыхъ, а индивидуальную помощь—отвергъ.

Прежде, чѣмъ слушался докладъ Г. Фойницкаго, въ февральской книгѣ „Вѣстника Европы“ 1878 г., явилась его статья „Патронатъ въ Россіи и за границею“,—статья, которую онъ рекомендовалъ вниманію Комитета, въ подкрѣпленіе его доклада. Противъ этой статьи мы помѣстили въ апрѣльской книгѣ „Слова“

*) См. книгу „Стенографическій отчетъ засѣданій Комитета о преобразованіи отдѣленія малолѣтнихъ арестантовъ и о мѣрахъ противъ повторенія преступленій“, изд. 1879 г, цѣна 50 к.

1878 г., статью—„патронатъ въ Россіи“, доказывая, что Г. Фойницкій, относительно русскаго патронатства, совершенный профанъ, ибо выпущенникамъ у насъ, по его мнѣнію, рѣшительно никогда и ни чѣмъ не покровительствовали, т. е. онъ, по незнанію тюремной исторіи, отрицалъ все, разсказанное выше, безъ всякаго стѣсненія. Мы считаемъ, въ интересахъ дѣла, полезнымъ привести здѣсь изъ нашей статьи лишь то, что касается индивидуальной помощи.

Г. Фойницкій находитъ цѣлесообразнымъ призрѣвать въ Убѣжищахъ „однихъ лишь несовершеннолѣтнихъ мужчинъ и отчасти женщинъ“ на основаніи отчетовъ глесгаузскаго убѣжища, ибо начальство этого заведенія признаетъ, видите ли, „вреднымъ призрѣвать взрослыхъ мужчинъ“. Я и многіе, практически близко знакомые съ русскимъ арестантскимъ бытомъ и патронатствомъ, напротивъ, убѣждены, что взрослые также достойны призрѣнія и, именно — въ убѣжищахъ. Во-первыхъ, голодные, въ отрепьяхъ, и въ стужу—взрослые, гораздо скорѣе способны сдѣлаться рецидивистами, нежели несовершеннолѣтніе: первые несравненно меньше боятся вернуться въ тюрьму, болѣе смѣлы, даже дерзки, да и житейскія потребности ихъ значительно больше. Во-вторыхъ, противъ взрослыхъ выпущенниковъ обыватели предубѣждены гораздо сильнѣе, чѣмъ противъ мальчиковъ (къ нимъ часто относятся и съ сожалѣніемъ); оттого взрослымъ пристроиться къ мѣсту труднѣе, нежели мальчикамъ, тѣмъ болѣе, что первые снабжаются еще „волчьими паспортами“, отъ которыхъ послѣдніе избавлены. Въ-третьихъ, умственнымъ, нравственнымъ развитіемъ и стойкостью противъ искушеній, взрослые немногимъ отличаются отъ мальчиковъ, выгадывающихъ существенно своею трезвостью, тогда какъ взрослые, просто за „выпивку“, нерѣдко попадаютъ въ соучастники и укрыватели преступленій. Въ-четвертыхъ, въ числѣ выпущенниковъ бываетъ достаточное число, напр., плотниковъ, штукатуровъ, маляровъ, каменьщиковъ, которымъ зимою положительно немыслимо обра-

[redacted]

титься къ своимъ профессіямъ, а спросъ на чернорабочихъ, въ родѣ переносчиковъ клади,—въ это время года уменьшается больше, чѣмъ на половину противъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Стеченіе всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ доводитъ выпущенниковъ до отчаянія и разрѣшается, обыкновенно, взломами, среди дня, сараевъ, дворницкихъ и т. под. хранилищъ, съ цѣлью „попасть въ тюрьму на казенныя харчи“. Вотъ главнѣйшая причина сильнаго скопленія зимою рецидивистовъ въ тюрьмахъ.

Гуманность Г. Фойницкаго такъ пространна, что онъ, опираясь на изрѣченіе француза Ламарка, совѣтуетъ примѣнить къ взрослымъ выпущенникамъ—„систему индивидуальнаго попеченія, со вмѣненіемъ имъ въ обязанность возвратить всѣ, понесенныя на нихъ расходы“. Мы, давнишніе члены тюремнаго Комитета (я могу назвать до 10 чел.), практиковали и эту систему, но пришли къ категорическому заключенію, что она у насъ, въ Россіи, непримѣнима до серьезнаго возвышенія умственныхъ и нравственныхъ качествъ тюремной администраціи и обитателей, а равно до радикальнаго измѣненія къ лучшему многихъ законодательныхъ и общественныхъ порядковъ и взглядовъ на значеніе филантропіи. Охарактеризуемъ эту мысль наглядно.

Ближайшими руководителями арестантовъ, по законамъ юридическимъ и нравственнымъ, считаются тюремныя администраціи и духовенство. Мы, представители филантропіи, посѣщая заключенныхъ и вникая въ ихъ міросозерцаніе, положеніе и документы, изъ продолжительныхъ личныхъ наблюденій и разспросовъ смотрителей, священниковъ, составили себѣ мнѣніе, что желающіе покровительства по освобожденіи изъ подъ стражи—люди порядочные; поэтому мы брали ихъ къ себѣ въ квартиры, снабжали одеждою, обувью и самыми разнообразными способами пристраивали къ мѣстамъ. Проходило нѣсколько дней, и призрѣнные возвращались къ намъ въ лохмотьяхъ и съ искреннимъ, какъ намъ, по крайней мѣрѣ, казалось, раскаяніемъ, сообщали намъ: *одни*, — что „съ радости выпили“, отъ долгаго неупотреб-

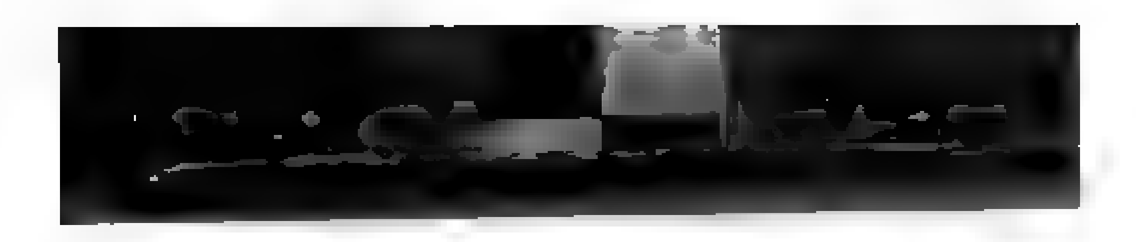
ленія вина, тотчасъ же охмѣлѣли, ихъ въ кабакѣ обобрали, а хозяева за это прогнали; другіе,—что хозяева, товарищи по ремеслу, издѣвались надъ ними, называли ихъ „арестантами", они не стерпѣли—„съ горя выпили", перессорились, разодрались съ врагами (при этомъ пострадали и ихъ вещи) и сами отстали отъ опротивѣвшихъ имъ мѣстъ; третьи,—что случайно встрѣтились съ бывшими, по тюрьмѣ, знакомыми, тѣ заманили ихъ въ притоны, уговорили тамъ „одолжить имъ на часокъ платье", и совсѣмъ исчезали въ немъ, а за жалобу на обиду—ихъ же продержали въ кутузкѣ сутки, чрезъ что они и лишились мѣстъ. Словомъ, всѣхъ одинаково „грѣхъ попуталъ". Вѣрить или не вѣрить этимъ, нерѣдко, естественнымъ разсказамъ,—зависѣло, въ каждомъ данномъ случаѣ, разумѣется, отъ степени опытности покровителя; но добраться до истины ему никогда не удавалось вотъ почему. У всякаго изъ насъ, кромѣ заботы о выпущенникахъ, есть служебныя, общественныя, домашнія обязанности, оставляющія намъ незначительные досуги. Между тѣмъ собираніе справокъ сопряжено съ самыми разнородными препятствіями и даже непріятностями: то выпущенникъ не укажетъ, гдѣ именно стряслась съ нимъ бѣда, при наличности, напр., двухъ кабаковъ въ одномъ домѣ; то содержатель притона осыпаетъ васъ дерзкими упреками за „пущенную о его фатерѣ хулу"; то хозяинъ отказывается и говорить съ вами „изъ за мазурика, да еще спутьяна"; то вамъ ничего не отвѣчаютъ до предъявленія документа о томъ, что вы родитель, опекунъ или повѣренный обиженнаго и т. д. И мы поневолѣ многихъ выпущенниковъ, исключительно для возбужденія въ нихъ стыда, совѣсти, многократно призрѣвали, экипировывали и сбывали на работу до тѣхъ поръ, покуда они оставляли насъ въ покоѣ!

Паспорты многихъ выпущенниковъ бываютъ, обыкновенно, либо потеряны, либо просрочены, а за допущеніе выпущенниковъ къ проживанію въ частныхъ квартирахъ не прописанными,

до выправки паспортовъ (на это требуется меньшее—недѣли), покровителямъ угрожаютъ денежными штрафами, которые нѣкоторые изъ насъ не разъ и платили, ради филантропіи. Пріютить дома мальчика нестѣснительно, безопасно: наши жены, дѣти, прислуга ихъ не остерегаются; они своимъ возрастомъ вызываютъ симпатію, а физически—безсильны причинить вредъ, скандалъ, тогда какъ взрослые—старались сблизиться съ кухарками, горничными, похищали, иногда, разные предметы изъ нашихъ же квартиръ, либо кармановъ, да и исчезали и т. д.

Превращаться въ безотлучныхъ гувернеровъ выпущенниковъ никто изъ насъ, повторяю, не располагалъ возможностью; поэтому они, сказавшись намъ, что отправляются навѣдаться объ обѣщанномъ мѣстѣ, уходили, попадались, случалось, въ кражахъ, и на вопросъ о мѣстѣ жительства,—ссылались на наши квартиры или заявляли объ оставшемся у насъ имуществѣ, и къ намъ *формально* являлись съ обысками, съ требованіями лохмотьевъ, а въ свидѣтели призывали насъ сплошь да рядомъ. Мало того: намъ доставались и деликатныя *внушенія* за „укрывательство подозрительныхъ, праздношатающихся людей", въ лицѣ выпущенниковъ, за которыми иногда дѣлали у насъ и „облавы" съ понятыми и другими операми. Низводить свои квартиры къ уровню притоновъ; принимать у себя городовыхъ, дворниковъ, полагающихъ и хозяевъ „нечистыми, коли на ихъ фатеры съ облавой пришли",—согласитесь, читатели, явленіе вѣдь поучительное, грустное и способное заставить отвернуться и отъ сей филантропіи...

Мы занимались и раздачею выпущенникамъ денегъ на ихъ прокормленіе, на одежду, подъ росписки, съ тѣмъ, чтобы они возвратили намъ долги эти впослѣдствіи изъ заработка, жалованья, какіе получатъ за свой трудъ. И что же? Большинство нашихъ должниковъ, по полученіи первыхъ же денегъ,—покидали мѣста и преднамѣренно скрывались отъ насъ, изъ опасенія требованія съ нихъ долговъ, тогда какъ взысканіемъ денегъ мы

только *страницами* ихъ, чтобы узнать степень ихъ исправленія, честности.

Найдутся, пожалуй, люди, которые вздумаютъ поразить насъ этими же фактами, т. е. упрекнуть насъ въ поверхностномъ ознакомленіи въ *самыхъ* тюрьмахъ съ людьми, которымъ мы потомъ покровительствовали не по ихъ заслугамъ и которые за это отплачивали намъ непріятностями, причиняли намъ убытки бездѣльно. Доступно ли всестороннее, безошибочное изученіе людей въ *одиночку*, когда „чужая душа—потемки"; когда, будучи въ тюрьмѣ, никто не въ состояніи ни совершить кражи, ни пьянствовать, ни соблазняться чѣмъ бы то ни было (въ тюрьмѣ ничто немыслимо); когда обозрѣніе мастерскихъ, напримѣръ, нѣсколькими Директорами (въ числѣ ихъ находился и И. Я. Фойницкій) завершилось, однажды, въ 1877 г., тѣмъ, что смотритель удалилъ и ихъ изъ мастерской? Отсюда и мысль „объ открытіи представителямъ, совершенно *частныхъ* патронатствъ, доступа въ тюрьмы для изученія людей", какъ желалъ г. Фойницкій,—есть мысль, противорѣчащая азбучнымъ понятіямъ о значеніи отношеній, въ которыхъ стоятъ *частныя* лица къ оффиціальнымъ учрежденіямъ. Что же касается нашихъ неудачъ, то онѣ происходили отъ намѣченныхъ выше общественныхъ аномалій, а главнѣе всего отъ того, что простолюдины въ тюрьмѣ—*одни*, а на волѣ—совершенно *другіе* люди: подъ гнетомъ тюремной обстановки, они и благонравны и аккуратны, тѣмъ болѣе, что этого требуетъ даже и товарищество, обуздывающее, нерѣдко, строптивыхъ *своимъ* судомъ, чтобы не вызывать противъ себя новыхъ стѣсненій; но, переставъ называться арестантомъ и сдѣлавшись, въ *разбродѣ*, самостоятельными,—они, по невѣжеству, безхарактерности, страсти къ вину, живо заражаются неумѣстными, въ ихъ положеніи, претензіями, чувствительностью, жаждою какъ можно скорѣе оправиться и забыть прошлое. Ихъ единственное спасеніе—*во временной полусвободѣ* и систематическомъ руководительствѣ въ Убѣжищѣ, при раціональномъ, понятно, устрой-

ствѣ, да при управленіи имъ лицъ, свѣдущихъ и преданныхъ дѣлу человѣколюбія.

Въ убѣжищѣ они находятся подъ безпрерывнымъ контролемъ смотрителя, его помощниковъ и товарищей по призрѣнію; помня, что они „вольные", въ своей средѣ вправѣ думать, говорить о себѣ, курить, выпить рюмку, а въ то же время и разсчитывать на поддержку,—они откровенны, легко поддаются *правильному* изученію, такъ какъ опасаться дисциплинарныхъ взысканій имъ уже нѣтъ повода: хорошъ—живи, дуренъ—ступай куда знаешь,—главный принципъ убѣжища. Кромѣ того, корпоративный духъ въ Убѣжищѣ дѣлается осмысленнымъ, разумнымъ и люди солидарно дорожатъ вниманіемъ къ нимъ и спокойствіемъ ихъ покровителей уже изъ чувства *общаго* самосохраненія и благополучія: за строптивость, пьянство и т. п. проступки они исключаются изъ убѣжища. Оттого лишь только прослышатъ, что кто нибудь собирается злоупотребить покровительствомъ,—объ этомъ тотчасъ же заявляютъ смотрителю или попечителямъ, а они принимаютъ мѣры къ предупрежденію неурядицъ. Приходившіе, напримѣръ, изъ исправительной тюрьмы и дома предварительнаго заключенія (не подвѣдомственныхъ комитету), часто отзывались незнаніемъ никакого ремесла, безродными, судившимися первый разъ и т. д., съ цѣлью *напередъ* дознаться, „не ловушка ли какая—это убѣжище"; но чрезъ 2—3 дня они сами сознавались въ обманѣ и его побужденіи, или товарищи уличали ихъ въ этомъ, чтобы „не держали дармоѣдовъ-обманщиковъ". Короче, судя по поведенію призрѣнниковъ за первый годъ существованія Убѣжища, когда мы, въ числѣ другихъ Директоровъ, имъ завѣдывали,—удостовѣряемъ, что мы знали призрѣнниковъ со всѣми хорошими и дурными ихъ качествами, а соображаясь съ тѣми или другими свѣдѣніями, мы однихъ—здѣсь пристраивали, другихъ—отсылали на родину, а третьимъ—отказывали въ покровительствѣ.

Содержаніе призрѣнниковъ въ Убѣжищѣ освобождаетъ также покровителей отъ непріятностей, сопровождающихъ безпаспортность, обыски, облавы. О безпаспортныхъ *начальство* Убѣжища сообщаетъ *формально* полиціи, чтобы до выправки имъ новыхъ видовъ она не безпокоилась, ибо надзоръ за подобными лицами учрежденъ исправный. Взамѣнъ „обысковъ" письменно спрашиваютъ *начальство* Убѣжища: не скрыты ли въ немъ слѣды преступленій, а если полиція иногда и являлась для производства „облавы", то этимъ ни членамъ попечительства, ни администраціи Убѣжища шокироваться или обижаться не приходилось: таково общественное учрежденіе.

Наконецъ, и пристроить людей изъ Убѣжища гораздо легче, проще, нежели съ квартиръ покровителей. Наниматели-хозяева несравненно больше довѣряютъ рекомендаціи *учрежденія*, чѣмъ лица, по той естественной причинѣ, что о качествахъ рекомендуемаго можно дознаться отъ нѣсколькихъ лицъ, а не отъ одного только; слѣдовательно, свѣдѣнія могутъ быть достовѣрнѣе, всестороннѣе; точно также и ручаться за добронравіе рекомендуемаго Попечительство можетъ гораздо смѣлѣе, чѣмъ одно лицо, ибо изъ наблюденій, справокъ, собранныхъ четырьмя лицами, заключеніе получается всегда правдоподобнѣе, разностороннѣе, нежели изъ мнѣнія одного лица, тѣмъ болѣе, что и способы къ изученію наклонностей выпущенниковъ у покровителя узкіе, однообразные, а въ Убѣжищѣ обширные, разнообразные. Въ довершеніе всего, покровитель стремится скорѣе освободиться отъ выпущенника, чтобы онъ не мозолилъ ему глаза, пересталъ быть на его личномъ иждивеніи, а въ Убѣжищѣ онъ содержится на общій счетъ и въ опредѣленномъ мѣстѣ, поэтому является возможность быть разборчивѣе въ пріисканіи выпущеннику занятія, болѣе подходящаго къ его физическимъ и умственнымъ способностямъ, а, слѣдовательно, и болѣе прочнаго, болѣе соотвѣтствующаго цѣли патронатства.

Вотъ почему „система индивидуальнаго покровительства“ къ нашимъ нравамъ, повторяю, неприложима.

Съ 1878 г., Попечительство надъ Убѣжищемъ опять организовалось изъ Председателя, князя С. Д. Эристова и Членовъ: В. Ф. Мартынова, А. С. Парамонова, И. В. Винокурова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Съ этого времени Убѣжище улучшилось во всѣхъ отношеніяхъ. Бесѣдовалъ съ призрѣнниками священникъ уже за плату 300 руб. въ годъ. Хотя за взрослыми и сохранилось право на призрѣніе въ Убѣжище, но ихъ являлось туда очень мало. Неудовлетворительность положенія Убѣжища продолжало, однако, тяготѣть надъ нимъ. Вдругъ, 28 ноября 1878 года, былъ утвержденъ „Уставъ Общества покровительства несовершеннолѣтнимъ, освобожденнымъ изъ заключенія“. Обстоятельство это породило въ Комитетѣ мысль о закрытіи Убѣжища, въ виду образовавшагося спеціальнаго патронатскаго общества. Противниками этой мысли проявили себя: князь С. Д. Эристовъ и пишущій эти строки. Для всесторонняго обсужденія этого вопроса, Комитетъ учредилъ комисію изъ кн. С. Д. Эристова, В. Г. Карновича, А. І. Кочетова, В. Ф. Мартынова и автора этихъ строкъ. Чтобы комиссія могла основательнѣе дѣлать свои выводы, мы разработали подробную характеристику Убѣжища со дня его открытія по 1879 годъ. Изъ доклада нашего, комисія узнала, что:

Проживало въ Убѣжищѣ.	Взрослыхъ.	Малолѣтнихъ.	Итого
Въ 1875 году . . .	13	6	19
1876 „ . . .	45	22	67
1877 „ . . .	23	25	48
1878 „ . . .	12	64	76
	93	117	210 чел.

Такимъ образомъ, въ 3 года и 3 мѣсяца, въ Убѣжищѣ было призрѣно 210 чел., неимѣвшихъ пристанища, а слѣдовательно уменьшившихъ собою, несомнѣнно, число рецидивистовъ, неизбѣжно *являющихся* изъ этой среды.

[redacted]

Изъ означенныхъ 210 человѣкъ.

	въ 1875		1876		1877		1878		Итого	
	Взрослыхъ.	Несовершен.	Взрослыхъ.	Несовершен.	Взрослыхъ.	Несовершен.	Взрослыхъ.	Несовершен.	Взрослыхъ.	Несовершен.
Отправлено было на родину въ провинціи, по ихъ желанію, на счетъ В. Ф. Мартынова	1	—	6	3	5	2	1	8	12	13
									25 чел.[1]	
Содѣйствіемъ В. Ф. Мартынова, А. С. Парамонова и нашемъ — опредѣлено къ мѣстамъ на патронный заводъ, къ сапожникамъ, столярамъ, переплетчикамъ, въ типографіи и т. д., въ Петербургѣ.	—	—	14	2	8	13	3	12	25	27
									52 чел.[2]	

[1]) Изъ этихъ 25 чел., ни одинъ, на сколько дознано было, собранными справками, вторично въ столичныхъ мѣстахъ заключенія не содержался. Напротивъ: отъ многихъ изъ нихъ и отъ ихъ родителей получались, разновременно, благодарственныя письма за доставленную имъ возможность возвратиться къ честной, трудовой жизни. Содержаніе этихъ писемъ было извѣстно Директорамъ В. Ф. Мартынову, А. С. Парамонову, И. В. Винокурову и другимъ.

[2]) Изъ этихъ 52 чел. также ни одинъ не содержался, вторично, подъ стражею, хотя нѣкоторые, впослѣдствіи и не разъ, перемѣнили родъ занятій. Мало того: многіе изъ нихъ до сихъ поръ ходятъ въ гости въ Убѣжище хорошо одѣтыми, чѣмъ возбуждаютъ въ призрѣнникахъ рвеніе къ труду и надежду сдѣлаться также исправными рабочими. Иные являются иногда и къ пристроившимъ ихъ, чтобы засвидѣтельствовать свою признательность.

[redacted]

	въ 1875		1876		1877		1878		Итого	
	Взрослыхъ.	Несовершен.	Взрослыхъ.	Несовершен.	Взрослыхъ.	Несовершен.	Взрослыхъ.	Несовершен.	Взрослыхъ.	Несовершен.
Возвращено на попеченіе родителей, родственниковъ и опекуновъ	—	—	—	1	—	3	—	3	—	7
Выселились на частныя квартиры . . .	—	—	—	—	1	—	1	1	2	1
									3 чел.[1])	
Выправлено паспортовъ и уплачено податей на счетъ В. Ф. Мартынова	4	3	3	5	—	—	3	2	10	10
									20 чел.[2])	
Исключено изъ убѣжища за дурное поведеніе	—	—	11	—	4	2	3	—	18	2
									20 чел.[3])	
Во время нахожденія въ Убѣжищѣ, впали въ проступки, преступленія и въ число рецидивистовъ . . .	2	—	2	2	4	7	3	4	11	13
									24 чел.	

---

[1]) Изъ этихъ 3-хъ—двое взрослыхъ. Послѣдній же мальчикъ, принялся за прежнюю свою торговлю, въ разносъ, по домамъ, иголками, нитками, гребенками и т. п. мелочью, на 15 р., подаренныхъ ему В. Ф. Мартыновымъ.

[2]) Это дѣлалось и на средства Комитета, но цифровыхъ свѣдѣній за время до 1878 г. собрать было невозможно.

[3]) Куда дѣвались эти 18 взрослыхъ и 2 мальчика — достовѣрно неизвѣстно: за ними никто не слѣдилъ.

[redacted]

	въ 1875		1876		1877		1878		Итого	
	Взрослыхъ.	Несовершен.	Взрослыхъ.	Несовершен.	Взрослыхъ.	Несовершен.	Взрослыхъ.	Несовершен.	Взрослыхъ.	Несовершен.
Скрылись	1	1	10	5	7	9	4	—	21	14
									35 чел.[1])	
Отправлено, за дурное поведеніе, на родину по этапу.	—	—	—	—	1	—	1	—	2	—
Отправлено въ больницы, откуда не вернулись въ Убѣжище . .	—	—	1	—	2	—	—	2	3	2
									5 чел.[2])	
Всего . .	7	4	47	18	32	36	19	32	105	90
									195 чел.	

Къ 1 января 1879 г. осталось на лицо 15 чел.

Занимались въ мастерскихъ Убѣжища.

	Въ 1875—76	въ 1877 г.	въ 1878 г.	Итого.
Въ сапожной	26	30	8	64
столярной	4	14	3	21
переплетной . . .	11	6	3	20
портняжной . . .	—	—	4	4
Итого . .	41	50	18	109

[1] Эти прискорбные факты объясняются слабостію надзора бывшихъ начальниковъ Убѣжища. Людей этихъ не розыскивали, потому что одни—уносили и свои паспорта; другіе—не были своевременно записаны въ алфавитъ, а о 3-хъ, бывшіе начальники Убѣжища, даже и не заявляли Попечительству, чтобы не подвергаться нареканіямъ, замѣчаніямъ.

[2]) Изъ нихъ умеръ 1 взрослый.

[redacted]

Выучились ремесламъ въ Убѣжищѣ.

	Въ 1875—76	въ 1877 г.	въ 1878 г.	Итого.
Сапожному	10	16	6	32
Столярному	3	5	2	10
Переплетному	8	4	2	14
Портняжному	—	—	2	2
Итого . .	21	25	12	58[1])

	1875 —76.		1877.		1878.		Итого.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
Затрачено было на инструменты и матеріалы по мастерскимъ	903	84	1975	34	2391	—	5270	18
Выручено за изготовленные предметы работъ	1095	81	2595	90	2953	52	6645	23
Чистой прибыли отъ мастерскихъ получилось, независимо уцѣлѣвшихъ инструментовъ, ... въ	191	97	104	2	87	81	383	80
Заработали поденно въ разныхъ мѣстахъ. .	101	80	112	80	42	96	257	56
Выдано [illegible] за работы въ мастерскихъ [2])	—	—	212	60	312	—	524	60
Все содержаніе убѣжища стоило . .	7719	43	8997	83	5139	31	21856	57
Но если сложить, изъ 21856 р. 57 к., всѣ пожертвованные спеціально на Убѣжище. . . . . въ	5630	66	2286	—	1645	92	9562	58

[1]) Люди эти поступили прямо въ подмастерья, на жалованье, т. е. освободились отъ нищеты и пріобрѣли возможность самостоятельно себя прокармливать.

[2]) Неудовлетворительное положеніе мастерскихъ за 1876 — 1877 г. произошла отъ бездѣятельности бывшихъ начальниковъ Убѣжища, отъ неопытности и недостаточности надзора Попечительства; наконецъ, отъ слишкомъ дешевыхъ цѣнъ, бравшихся за издѣлія.

то окажется, что затрата Комитета ограничивалась 12.298 р. 99 к. Разложивъ эту сумму на 3 года и 3 мѣсяца,—получится, что Убѣжище обходилось въ годъ въ 3.782 р. 76 к.; а за 3 мѣсяца 1875 г.—945 р. 71 к.; т. е. на каждаго изъ 210 призрѣнниковъ въ эти 3 года и 3 мѣсяца по 58 р. 54½ к., эту же сумму слѣдуетъ считать весьма незначительною, сравнительно съ тою существенною пользою, какую убѣжище принесло очень многимъ призрѣнникамъ, какъ читатели усмотрѣли изъ приведенныхъ выводовъ. . . . .

Выводы эти привели комиссію къ единогласному заключенію, что убѣжище пріобрѣло несомнѣнное право на дальнѣйшее существованіе, тѣмъ болѣе, что новое патронатское общество ничѣмъ еще не проявило своей дѣятельности, а по 2 п. его устава оно будетъ „покровительствовать не всѣмъ несовершеннолѣтнимъ; а лишь *отличающимся хорошимъ*, въ заключеніи, *поведеніемъ* и подающимъ надежду на нравственное исправленіе“. Затѣмъ князь С. Д. Эристовъ предложилъ, для болѣе цѣлесообразнаго направленія дѣятельности Убѣжища и его Попечительства: 1) принимать въ Убѣжищѣ только такихъ выпущенниковъ, которые пожелаютъ загладить вину свою добрымъ поведеніемъ; 2) опредѣленіе срока пребыванія ихъ въ Убѣжищѣ предоставить усмотрѣнію Попечительства, сообразно успѣхамъ, оказываемымъ призрѣнниками къ труду и благонадежности къ пользованію свободою; 3) ввести въ Убѣжищѣ строгую дисциплину въ томъ смыслѣ, чтобы призрѣнники не располагали, по своему усмотрѣнію, временемъ и не отлучались безъ дозволенія; 4) вычитать изъ заработковъ призрѣнниковъ за ихъ содержаніе не со всѣхъ поровну, а часть, пропорціонально количеству ихъ заработка; наконецъ 5) кругъ дѣятельности Попечительства расширить правомъ приглашать въ Члены не только не принадлежащихъ къ персоналу Комитета, но вообще лицъ полезныхъ, а также простирать надзоръ за призрѣнниками и по оставленіи ими Убѣжища. Коммиссія, принявъ эти пункты, признала возможнымъ принимать въ Убѣжищѣ, на

[illegible] меньшее — недѣли); [illegible] штрафами, которые нѣко- [illegible] филантропіи. Прію- [illegible] безопасно: наши жены, [illegible]: они своимъ возрастомъ [illegible] — безсильны причинить вредъ. [illegible] — старались сблизиться съ кухар- [illegible] иногда, разные предметы изъ нашихъ [illegible] да и исчезали и т. д.

[illegible] безотлучныхъ гувернеровъ выпущенниковъ [illegible], повторяю, не располагалъ возможностью; по- [illegible], сказавшись намъ, что отправляются навѣдаться объ [illegible] мѣстѣ, уходили, попадались, случалось, въ кражахъ, и на вопросъ о мѣстѣ жительства, — ссылались на наши квартиры [illegible] объ оставшемся у насъ имуществѣ, и къ намъ *формально* являлись съ обысками, съ требованіями лохмотьевъ, а въ свидѣтели призывали насъ самихъ [illegible] рядомъ. Мало того: намъ доставались и деликатныя [illegible] за „укрывательство подозрительныхъ, праздношатающихся людей“. Въ лицѣ выпущенниковъ, за которыми иногда дѣлали у насъ и „облавы“ съ понятыми и другими онерами. Низвести свои квартиры къ уровню притоновъ; принимать у себя [illegible], дворниковъ, укрывающихъ и хозяевъ „нечистыми. Если за ихъ фатеры съ облавой пришли“, — согласитесь, читатели, занятіе вѣдь поучительное, грустное и способное заставить [illegible] и отъ самой филантропіи...

Мы занимались и раздачею [illegible] на ихъ прокормленіе, на одежду, [illegible] чтобы они возвратили намъ долги эти [illegible]. Жалованья, какія получать за свой [illegible] Большинство [illegible] должниковъ, по [illegible] — [illegible] мѣста и преднамѣренно скрывались отъ насъ. [illegible] требованія съ нихъ долговъ [illegible]

[redacted]

XVIII.

Очеркъ положенія „не въ родѣ арестантовъ".

Система принудительной пересылки по этапу (почти вся несостоятельная) ждетъ кореннаго обновленія. Такъ, слѣдуетъ установить прочный порядокъ относительно заковки: каторжныхъ — въ кандалы, поселенцевъ—въ наручники, а отъ нихъ избавить безпаспортныхъ, а въ особенности высылаемыхъ на родину для занятія должностей: старостъ, сотскихъ; точно также нужно освободить женъ отъ обязательнаго слѣдованія къ мужьямъ, „на водвореніе въ Сибирь" и т. д. Эти и другіе животрепетущіе вопросы мы подробно разобрали въ нашей книгѣ „Жизнь заключенныхъ» а, какъ они съ 1871 г.,—современи изданія нами этой книги и до сихъ поръ остались въ прежнемъ не разрѣшенномъ видѣ, то мы о нѣкоторыхъ изъ нихъ еще поговоримъ ниже, а здѣсь скажемъ, что въ общей системѣ пересылки господствуетъ, между прочимъ, и такая аномалія, предъ которою просто въ тупикъ становишься!

Аномалія эта выражается вопросомъ: слѣдуетъ ли людей, *добровольно, по бѣдности*, переселяющихся по этапамъ, подвергать всѣмъ стѣсненіямъ, установленнымъ для обвиняемыхъ и обвиненныхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ, караемыхъ уложеніемъ и уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями? Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть, разумѣется, отри-

[redacted]

цательный. Къ сожалѣнію практика разрѣшаетъ его утвердительно; по этому, въ интересахъ истины и человѣколюбія, разсмотримъ: почему это происходитъ и нѣтъ ли возможности ввести нормальный, въ этомъ отношеніи, порядокъ.

Для выполненія этой задачи, намъ неизбѣжно обратиться, прежде всего, къ закону. „При передачѣ внутренней стражѣ людей гражданскаго вѣдомства, для отправленія по этапамъ изъ одного мѣста въ другое, *не должно* требовать отъ нея препровожденія ихъ, *„не въ родѣ“* арестантовъ, кромѣ тѣхъ *случаевъ,* въ коихъ сіе именно и *предписано закономъ“*. Вотъ, что гласитъ примѣчаніе къ 220 ст. уст. о содерж. подъ стражею, т. XIV св. зак., изд. 1857 г., до сихъ поръ, прибавимъ, сохранившее силу закона и цѣликомъ повторенное въ 317 ст. уст. о служ. внутр. стр., 3 гл. 2 кн. VII т. св. воен. пост., изд. 1869 г. Между тѣмъ ни въ гражданскомъ, ни въ военномъ уставахъ нѣтъ ни слова о томъ, при какихъ случаяхъ предписывается пересылать „не въ родѣ арестантовъ“ *гражданскихъ* лицъ, а сказано лишь о солдатахъ, въ спискахъ которыхъ воинскіе начальники обязываются отмѣчать: кто „какого поведенія, дабы за людьми, подверженными порокамъ, или бывшими въ штрафахъ, употреблять надлежащій присмотръ и не допускать ихъ до побѣговъ“. Прописывать ихъ „не въ родѣ арестантовъ“ установлено собственно потому, что имъ полагаются „кормовыя деньги не по арестантскому положенію, а по особой табели, ежегодно, на сей предметъ, издаваемой“ (402 и 403 ст. уст. о сл. внутр. стр.). Цитированныя нами статьи военнаго устава тоже понынѣ дѣйствуютъ, какъ явствуетъ изъ продолженія къ VII т. св. воен. пост., изд. 1870 г.

Внутренняя стража, сопровождающая этапы, учреждена, первоначально, въ 1811 г.; тогда же издана, разновременно измѣнявшаяся впослѣдствіи, инструкція для начальниковъ стражи, но въ этой инструкціи и не упоминается о людяхъ „не въ родѣ арестантовъ“. Затѣмъ къ ихъ числу причисляются, впрочемъ, кромѣ сол-

Содержаніе призрѣнниковъ въ Убѣжищѣ освобождаетъ также покровителей отъ непріятностей, сопровождающихъ безпаспортность, обыски, облавы. О безпаспортныхъ *начальство* Убѣжища сообщаетъ *формально* полиціи, чтобы до выправки имъ новыхъ видовъ она не безпокоилась, ибо надзоръ за подобными лицами учрежденъ исправный. Взамѣнъ „обысковъ" письменно спрашиваютъ *начальство* Убѣжища: не скрыты ли въ немъ слѣды преступленій, а если полиція иногда и являлась для производства „облавы", то этимъ ни членамъ попечительства, ни администраціи Убѣжища шокироваться или обижаться не приходилось: таково общественное учрежденіе.

Наконецъ, и пристроить людей изъ Убѣжища гораздо легче, проще, нежели съ квартиръ покровителей. Наниматели-хозяева несравненно больше довѣряютъ рекомендаціи *учрежденія*, чѣмъ лица, по той естественной причинѣ, что о качествахъ рекомендуемаго можно дознаться отъ нѣсколькихъ лицъ, а не отъ одного только; слѣдовательно, свѣдѣнія могутъ быть достовѣрнѣе, всестороннѣе; точно также и ручаться за добронравіе рекомендуемаго Попечительство можетъ гораздо смѣлѣе, чѣмъ одно лицо, ибо изъ наблюденій, справокъ, собранныхъ четырьмя лицами, заключеніе получается всегда правдоподобнѣе, разностороннѣе, нежели изъ мнѣнія одного лица, тѣмъ болѣе, что и способы къ изученію наклонностей выпущенниковъ у покровителя узкіе, однообразные, а въ Убѣжищѣ обширные, разнообразные. Въ довершеніе всего, покровитель стремится скорѣе освободиться отъ выпущенника, чтобы онъ не мозолилъ ему глаза, перестал быть на его личномъ иждивеніи, а въ Убѣжищѣ онъ содержится на общій счетъ и въ опредѣленномъ мѣстѣ, поэтому является возможность быть разборчивѣе въ прінсканіи выпущеннику занятія, болѣе подходящаго къ его физическимъ и умственнымъ способностямъ, а, слѣдовательно, и болѣе прочнаго, болѣе соотвѣтствующаго цѣли патронатства.

[redacted]

Такимъ образомъ, ни гражданскій, ни военный законы вовсе не признаютъ „не въ родѣ арестантовъ", за исключеніемъ солдатъ, рекрутъ и еврейскихъ дѣтей, но и этимъ лицамъ не предоставляютъ, повторяемъ, никакихъ льготъ противъ арестантовъ. Административныхъ, частныхъ распоряженій объ облегченіи участи „не въ родѣ арестантовъ" также не существуетъ, кромѣ того лишь, что они освобождены „отъ заковки, во время пути, въ наручники". Тѣмъ не менѣе, чиновники, чиновницы, мѣщанки, короче говоря, лица обоихъ половъ, всѣхъ сословій и возрастовъ, съ незапамятныхъ временъ переселяются, массами, по этапамъ, *добровольно*, на казенный счетъ, среди преступниковъ. Чрезъ одну, напр., петербургскую пересыльную тюрьму прошло: въ 1873 г.—244, въ 1874 г.—199, въ 1875 г.—134, въ 1876 г.—65, въ 1877 г.—91, въ 1878 г.—88, а въ 10 мѣсяцевъ 1879 г.—154 чел. *); итого въ 5 лѣтъ—975 чел.,—всѣ по собственному желанію. Что же, спрашивается, побуждаетъ этихъ людей домогаться сравненія ихъ съ арестантами; какими благами они пользуются въ дѣйствительности и на основаніи какихъ соображеній блага эти имъ присваиваются? Все это совершается, обыкновенно, такъ. Главу семьи ссылаютъ на поселеніе, водвореніе, или на житье въ отдаленное мѣсто, причемъ жена и дѣти, по бѣдности, отправляются съ нимъ, по этапу же. Частныя, домашнія обстоятельства привели бѣднаго, но честнаго человѣка, положимъ, въ Петербургъ, гдѣ, прожившись въ погонѣ за должностью, работою, или по личному дѣлу до крайности и, убѣдившись, что ему угрожаетъ голодъ—онъ проситъ начальство полиціи оказать ему милость — препроводить его на казенный счетъ, на родину, напр., въ Казань. Мѣстная полиція удостовѣряетъ о дѣйствительной честности и бѣдности просителя и его отводятъ въ пересыльную тюрьму.

Смотритель тюрьмы распоряжается объ отобраніи у претендента

---

*) *Мужч.*—88, женщ.—32 и дѣтей—34.

Изъ означенныхъ 210 человѣкъ.

	въ 1875 Взрослыхъ.	въ 1875 Несовершен.	1876 Взрослыхъ.	1876 Несовершен.	1877 Взрослыхъ.	1877 Несовершен.	1878 Взрослыхъ.	1878 Несовершен.	Итого Взрослыхъ.	Итого Несовершен.
Отправлено было на родину въ провинціи, по ихъ желанію, на счетъ В. Ф. Мартынова	—	—	6	3	5	2	1	8	12	13
									25 чел. [1])	
Содѣйствіемъ В. Ф. Мартынова, А. С. Парамонова и нашемъ — опредѣлено къ мѣстамъ на патронный заводъ, къ сапожникамъ, столярамъ, переплетчикамъ, въ типографіи и т. д., въ Петербургѣ	—	—	14	2	8	13	3	12	25	27
									52 чел. [2])	

[1]) Изъ этихъ 25 чел., ни одинъ, на сколько дознано было, собранными справками, вторично въ столичныхъ мѣстахъ заключенія не содержался. Напротивъ: отъ многихъ изъ нихъ и отъ ихъ родителей получались, разновременно, благодарственныя письма за доставленную имъ возможность возвратиться къ честной, трудовой жизни. Содержаніе этихъ писемъ было извѣстно Директорамъ В. Ф. Мартынову, А. С. Парамонову, Н. В. Винокурову и другимъ.

[2]) Изъ этихъ 52 чел. также ни одинъ не содержался, вторично, подъ стражею, хотя нѣкоторые, впослѣдствіи и не разъ, перемѣняли родъ занятій. Мало того: многіе изъ нихъ до сихъ поръ ходятъ въ гости въ Убѣжище хорошо одѣтыми, чѣмъ возбуждаютъ въ призрѣнникахъ рвеніе къ труду и надежду сдѣлаться также исправными рабочими. Иные являются иногда и къ пристроившимъ ихъ, чтобы засвидѣтельствовать свою признательность.

[redacted]

6.825 р.; в) отъ Нижняго до Казани на пароходѣ по 1 р. 50 к. за человѣка—412 р. 50 к.; итого 11.625 р.

Съ точки зрѣнія закона, почти весь этотъ расходъ, положительно, неправиленъ: кормовыя деньги, какъ и плата за провозъ, полагаются лишь *арестантамъ* и слѣдующимъ при нихъ малолѣтнимъ дѣтямъ (258 — 264 ст. уст. о содерж. подъ стр.). Мало того: добровольно заключившіе себя подъ стражу и изрядно натерпѣвшись въ тюрьмѣ, чрезъ нѣсколько дней, часто случается, отказываются отъ путешествія на казенный счетъ и умоляютъ выпустить ихъ изъ заточенія, но это осуществляется не раньше 5 — 7 дней, покуда смотритель донесетъ губернскому правленію, а въ немъ состоится новое разрѣшительное постановленіе. Мученія же женщинъ, обремененныхъ дѣтьми, просто ужасны: можно часто видѣть матерей съ 3—4 маленькими дѣтьми, переправляющимися изъ Архангельска въ Уфу, изъ Томска въ Кіевъ и т. д., причемъ ихъ горю и отчаянію нѣтъ, кажется, предѣла: ни обмыть, ни накормить, ни прогулять, ни одѣть дѣтей имъ, по ихъ увѣренію нигдѣ, какъ слѣдуетъ, не удавалось, исключительно потому, что ихъ считали лишившимися правъ свободныхъ людей. Иные строгіе смотрители недѣлями не допускали осужденныхъ отцовъ, мужей—даже видѣться съ ихъ малютками или женами, жившими подъ одною съ ними кровлею, но въ разныхъ отдѣленіяхъ: „свиданія позволяются по воскресеньямъ и ждите“, рѣшали эти смотрители. А каково должно быть настроеніе такихъ мужей и женъ—читателямъ легко себѣ представить!..

Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ, что: во 1-хъ, въ принципѣ, благодѣяніе, оказываемое правительствомъ неимущимъ—перевозкою ихъ на счетъ казны — существуетъ внѣ закона; во 2-хъ, суровый порядокъ перевозки этихъ людей, обрекаетъ ихъ на нравственныя и физическія страданія на продолжительное время; а въ 3-хъ, канцелярскій педантизмъ непроизводительно увеличиваетъ и безъ того значительные расходы казны, даже и

XVIII.

Очеркъ положенія „не въ родѣ арестантовъ".

Система принудительной пересылки по этапу (почти вся несостоятельная) ждетъ кореннаго обновленія. Такъ, слѣдуетъ установить прочный порядокъ относительно заковки: каторжныхъ — въ кандалы, поселенцевъ—въ наручники, а отъ нихъ избавить безпаспортныхъ, а въ особенности высылаемыхъ на родину для занятія должностей: старостъ, сотскихъ; точно также нужно освободить женъ отъ обязательнаго слѣдованія къ мужьямъ, „на водвореніе въ Сибирь" и т. д. Эти и другіе животрепетущіе вопросы мы подробно разобрали въ нашей книгѣ „Жизнь заключенныхъ» а, какъ они съ 1871 г.,—современи изданія нами этой книги и до сихъ поръ остались въ прежнемъ не разрѣшенномъ видѣ, то мы о нѣкоторыхъ изъ нихъ еще поговоримъ ниже, а здѣсь скажемъ, что въ общей системѣ пересылки господствуетъ, между прочимъ, и такая аномалія, предъ которою просто въ тупикъ становишься!

Аномалія эта выражается вопросомъ: слѣдуетъ ли людей, *добровольно, по бѣдности*, переселяющихся по этапамъ, подвергать всѣмъ стѣсненіямъ, установленнымъ для обвиняемыхъ и обвиненныхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ, караемыхъ уложеніемъ и уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями? Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть, разумѣется, отри-

[redacted]

такихъ людей покинетъ этапъ во Владимірѣ, тѣмъ казнѣ выгоднѣе: меньше истратиться денегъ на провозъ ихъ; въ тюрьмахъ окажется просторнѣй; смотрителямъ, партіоннымъ, конвойнымъ—облегчится наблюденіе за арестованными; наконецъ въ губернскихъ правленіяхъ убавится переписки, отчего ускорится заготовленіе документовъ на пересыльнихъ, задерживаемихъ, ради этой канцелярской процедуры, въ тюрьмахъ на 2 лишнихъ недѣли.

Все это, конечно, необходимо положительно узаконить, во избѣжаніе произвольныхъ распоряженій, играющихъ главную роль касательно „не въ родѣ арестантовъ".

Въ заключеніе прибавимъ, что объ облегченіи участи „не въ родѣ арестантовъ" петербургскій тюремный Комитетъ многократно разсуждалъ по заявленіямъ: напр., нашимъ — въ 1874 и 1875 г.; А. Г. Савельева — въ 1879 г.; но всѣ доводы, постоянно, къ прискорбію, разбивались опасеніями со стороны смотрителей и партіонныхъ, какъ бы подъ видомъ „не въ родѣ арестантовъ"—не сбѣжали настоящіе „арестанты".

XIX.

)черкъ разнообразныхъ системъ призрѣнія : воспитанія малолѣтнихъ дѣтей арестантовъ, въ теченіи 60-ти лѣтъ.

Заарестованіе людей, имѣвшихъ семейства, всегда причиняло)слѣднимъ горе; а семействамъ неимущихъ еще и нужду, даже іщету, такъ какъ они лишались своихъ кормильцевъ. Въ старіну, къ критическому положенію такихъ семействъ вообще и малолѣтнихъ дѣтей арестованныхъ, въ частности, относились со)ршенно равнодушно, какъ къ явленію, по тогдашнимъ поняямъ, неизбѣжному. Но, съ постепеннымъ смягченіемъ нравовъ, іастіе къ дѣтямъ проявилось въ установившемся, вначалѣ нынѣшняго столѣтія, обычномъ правѣ бѣдныхъ родителей — брать ь собою въ тюрьмы и дѣтей. Эти дѣти томились въ заточеніи мѣстѣ: мальчики — съ отцами, а дѣвочки — съ матерями. Содерась подъ стражею, вмѣстѣ съ родителями, дѣти довольствовались долями тѣхъ порцій, какія отпускались отъ казны ихъ тцамъ или матерямъ, а платье носили то, которое было взято ля нихъ изъ дома. Это пребываніе дѣтей, часто и годами, сре и взрослыхъ арестантовъ и арестантокъ; плохая пища и отсутгвіе какого-бы то ни было обученія, разумѣется, вредно отраались на ихъ физическомъ и моральномъ развитіи; но на все го никѣмъ не обращалось уже ни малѣйшаго вниманія.

[redacted]

Такъ велось до учрежденія „Общества попечительнаго о тюрьмахъ“, т. е. до 1819 года. Въ слѣдующемъ же (1820-мъ) году, членъ этого общества, В. Венингъ, найдя въ Петербургѣ, въ тюрьмѣ, при отцѣ, 6-ти лѣтняго мальчика, заявилъ здѣшнему Комитету общества о крайней ненормальности такого порядка съ точки зрѣнія человѣколюбія. Комитетъ, вполнѣ раздѣляя взглядъ Веннига, просилъ Президента общества, кн. А. М. Голицына, принять участіе въ печальной судьбѣ мальчика. Голицынъ, сочувствуя заявленію Комитета, распорядился помѣстить мальчика въ заведеніе человѣколюбиваго общества, состоявшаго также подъ его вѣдѣніемъ. Тоже самое повторялось, затѣмъ, неоднократно, такъ что въ законодательныхъ мѣропріятіяхъ обществу, на первыхъ порахъ, не представлялось серьезной надобности.

Прошло года полтора. Бѣлорусскій Генералъ-Губернаторъ, осматривая витебскій острогъ, „увидѣлъ въ немъ, при арестованныхъ матеряхъ, дѣтей“, и, посредствомъ разспросовъ узналъ, что „матери, получавшія кормовыхъ по 15 коп. ассигн. въ сутки,—должны были раздѣлять это скудное содержаніе съ своими дѣтьми, на которыхъ отъ казны *ничего* не полагалось“. Сердобольный Генералъ-Губернаторъ обратился къ Министру юстиціи съ ходатайствомъ, чтобы, „впредь на подобныхъ дѣтей отпускалось отъ казны, по крайней мѣрѣ, по $7^1/_2$ коп. ассигн. въ сутки“. Мѣру эту считалъ онъ возможнымъ допустить преимущественно потому, что „издержка казны была бы малозначащая, ибо случаи нахожденія женщинъ въ тюрьмахъ съ дѣтьми весьма рѣдки“. Министръ юстиціи сообщилъ Министру внутреннихъ дѣлъ это представленіе, со своимъ заключеніемъ, что оно заслуживаетъ уваженія. Къ этимъ мнѣніямъ присоединился и Голицынъ, какъ Призидентъ тюремнаго общества. Министръ внутреннихъ дѣлъ, подъ вліяніемъ приведенныхъ мнѣній, вошелъ въ Комитетъ Министровъ съ представленіемъ объ установленіи „*общимъ положеніемъ* выдавать на дѣтей, содержащихся при *матерях*,

вимнаго количества порціонныхъ, производящихся самимъ ряиъ". Представленіе это, одобренное Комитетомъ Министровъ, Высочайше утверждено 24 января 1822 года.

Съ обнародованіемъ этого закона, заарестованные неимущіе тели чаще прежняго стали приводить и приносить съ собою юрьмы дѣтей, которыя, такимъ образомъ, послужили предме- новыхъ заботъ столичнаго Комитета, какъ центральнаго всей Россіи. Забота эта усложнилась, главнымъ образомъ, ку, что всесильный вліяніемъ и расположеніемъ къ „узни-" и ихъ дѣтямъ Голицынъ, оставилъ президенство, а преем- его: сперва—государственный контролеръ, баронъ В. Б. енгаузенъ, а потомъ—обезъ-полиціймейстеръ И. В. Глад- ие пользовались особеннымъ значеніемъ въ высшихъ сфе- и не имѣли желанія энергически поддерживать гуманныя Голицына. Такимъ образомъ, Комитету сдѣлалось несрав- труднѣе пристраивать въ заведенія этихъ дѣтей, число рыхъ, между тѣмъ, значительно увеличивалось. Пока коми- обдумывалъ, какія именно средства будутъ наиболѣе при- я для облегченія тягостнаго положенія дѣтей,—надзиратель цской тюрьмы запросилъ губернскаго прокурора о томъ, уетъ ли выдавать кормовыя деньги дѣтямъ, находящимся юрьмѣ при арестантахъ, ибо законъ 1822 г. установилъ овыя только для дѣтей, находящихся при арестанткахъ? курорь разъяснилъ надзирателю, что дѣти „арестантовъ ъ какомъ случаѣ не имѣютъ права на кормовыя, отъ казны, и", а члену Комитета, В. Р. Гайнаму, завѣдывавшему мою,—изложилъ, что „какъ человѣколюбіе требуетъ, дабы лѣтнимъ оказано было возможное пособіе въ содержаніи, а отцы ихъ доставлять имъ онаго не имѣютъ средствъ", ть, прокуроръ, и совѣтовалъ Гайнаму „довести о нихъ до ѣнія членовъ Комитета" (1 ноября 1824 г.). Гайнамъ за- ъ Комитету объ этомъ дѣлѣ, какъ о такомъ, „кое заслужи- ь дѣйствительно человѣколюбиваго вниманія", причемъ отъ

[redacted]

себя присовокупилъ, что „выдавать на дѣтей кормовыя изъ комитетской суммы—нельзя: если сдѣлать это однажды, то это послужитъ послабленіемъ другимъ, кои пожелаютъ также имѣть дѣтей съ собою, когда иныхъ ближайшіе родственники не отреклись бы, на нѣкоторое время, содержать, приличнымъ образомъ, чего учинить въ тюрьмѣ невозможно". Содержаніе же дѣтей въ тюрьмѣ, Гайнамъ считалъ во всякомъ случаѣ „вовсе *недостойнымъ*, тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ видится достаточно богоугодныхъ заведеній, гдѣ дѣти могли бы быть призраеми приличнымъ ихъ состоянію воспитаніемъ" (10 ноября 1824 г.). Комитетъ разсудилъ, что „дѣтямъ, неприкосновеннымъ къ дѣламъ родителей, находиться вмѣстѣ съ ними въ тюрьмѣ *неприлично* въ нравственномъ отношеніи"; что, „хотя на ихъ прокормленіе онъ и могъ бы опредѣлить сумму, но считаетъ этотъ способъ не совершенно благонадежнымъ: чрезъ него можетъ увеличиться въ тюрьмѣ число малолѣтнихъ". Поэтому, „во избѣжаніе вредныхъ послѣдствій, всего лучше было бы начальству принять мѣры о недопускѣ въ мѣста заключенія дѣтей, которыхъ, до освобожденія ихъ родителей, отдавать на пропитаніе родственникамъ или въ богоугодныя заведенія". Это постановленіе Гладковъ сообщилъ Генералъ-Губернатору, гр. М. А. Милорадовичу, который призналъ его правильнымъ, и поручивъ Губернскому правленію привести въ исполненіе (29 января и 17 февраля 1825 г.).

Комитетъ полагалъ на этомъ успокоиться, потому что считалъ дѣтей себѣ неподвѣдомственными; но ошибался въ разсчетѣ: примѣнить указанное постановленіе къ практикѣ властямъ не удалось. Такъ, не далѣе, какъ чрезъ два мѣсяца, надзиратель тюрьмы рапортовалъ Гладкову, что хотя онъ, Гладковъ, и самъ „приказывалъ арестанткамъ Талзиной, Степановой, Ивановой и Абрамовой отослать пятерыхъ ихъ дѣтей (7, 6, 2 лѣтъ, 6 и 2 мѣсяцевъ) на квартиры или къ сродникамъ, но онѣ не повинуются этому распоряженію, отговариваясь неимѣніемъ ни квар-

‚, ни родственниковъ", а потому онъ, надзиратель, спра-
ыль: что ему дѣлать? Комитетъ вспомнилъ, какъ дѣти удачно
траивались, во время президентства Голицына, и рѣшился
ользоваться свѣжими еще примѣрами. Гладковъ адресовался
:лавному Попечителю Человѣколюбиваго общества, Митропо-
Новгородскому и Петербургскому Серафиму, съ просьбою—
ѣшить передавать означенныхъ дѣтей въ заведенія общества.
рополитъ Серафимъ, сверхъ ожиданія, однако, отозвался,
,,Человѣколюбивое общество имѣетъ въ столицѣ, для при-
ія и воспитанія бѣдныхъ 132-хъ мальчиковъ, только одно
цепіе, а въ немъ не только нѣтъ ни одной вакансіи, но
ма много безпріютныхъ сиротъ числятся, для поступленія
это заведеніе, кандидатами; для дѣвочекъ же нѣтъ ни
го постояннаго заведенія, а попечительный Комитетъ о бѣд-
ъ содержитъ 4 частныя рукодѣльни, въ которыхъ при-
ъ до 100 дѣвочекъ, да еще столько же ждетъ кандида-
". Въ заключеніе, Серафимъ оговорился, что ,,Человѣко-
вое общество" не можетъ принимать для *временнаго* при-
ія *арестантскихъ* дѣтей, когда оно имѣетъ въ виду мно-
во безпомощныхъ *сиротъ*, требующихъ *постояннаго* при-
я и воспитанія" (21 Апрѣля 22 и 29 октября 1825
).

Отказъ Серафима вынудилъ Комитетъ строже слѣдить за не-
щеніемъ въ тюрьмы такихъ дѣтей, которыхъ была хоть ка-
нибудь возможность вручить людямъ, близкимъ къ аресто-
нымъ; дѣтей же оказывавшихся, по разнымъ уважительнымъ
чинамъ, подъ стражею вмѣстѣ съ родителями,—Комитетъ
ъ помѣщать, за вознагражденіе, къ постороннимъ лицамъ,
въ разныя заведенія, *частнымъ* образомъ, посредствомъ
ъ вліятельныхъ своихъ сочленовъ (въ 1825 и 1826 гг.).
Облегчая, такимъ образомъ, участь дѣтей, столичные муж-
и дамскій Комитеты въ то же время замѣчали, что при
ихъ въ мѣстахъ заключенія находятся также и грудные

[redacted]

младенцы, которые, какъ засвидѣтельствовалъ тюремный докторъ, Вейсъ, въ своемъ отчетѣ за 1826 г., преждевременно умираютъ, потому что „горесть матерей отравляетъ ихъ молоко, а приличной для младенцевъ пищи нѣтъ". Избавить младенцевъ отъ ихъ горькой участи было уже внѣ всякой возможности Комитетовъ: спеціально для младенцевъ въ столицѣ не было никакихъ заведеній, кромѣ воспитательнаго дома, куда принимали, впрочемъ, исключительно незаконнорожденныхъ. Тѣмъ не менѣе, Комитетъ просилъ Генералъ-Губернатора, П. В. Кутузова, „оказать благодѣтельное вліяніе, чтобы младенцевъ брали въ воспитательный домъ на вскормленіе, за плату отъ Комитета, до освобожденія изъ тюремъ ихъ матерей, или до отсылки ихъ въ провинціи, а тогда возвращать имъ младенцевъ". Кутузовъ завелъ объ этомъ переписку съ завѣдывавшимъ воспитательнымъ домомъ, почетнымъ опекуномъ, тайн. сов. Саврасовымъ. Объ этомъ же просилъ опекуна и предсѣдатель Комитета, сенаторъ гр. Д. Н. Хвостовъ, прибавившій, что „Комитетъ готовъ платить за прокормленіе младенцевъ по стольку, по скольку желательно начальству воспитательнаго дома". Саврасовъ доложилъ это двойное ходатайство Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, а Она передала Государю. Императоръ Николай Павловичъ одобрилъ „къ руководству" особое „положеніе" слѣдующаго содержанія: „Такъ какъ по кореннымъ узаконеніямъ, поступающіе въ воспитательный домъ младенцы причисляются къ его питомцамъ, а по выпускѣ ихъ изъ него — *взрослыми*, они пользуются *вольностію*, то для споспѣшествованія человѣколюбивой цѣли Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета, воспитательный домъ можетъ принимать младенцевъ арестантокъ лишь *свободнаго* состоянія. Младенцевъ же крѣпостныхъ Комитетъ воленъ раздавать, на вскормленіе, въ городѣ, за ежемѣсячную плату, снабжая ихъ билетами, а воспитательный домъ долженъ поручать благонадежному медицинскому чиновнику имѣть за этими младенцами надзоръ".

Это „Положеніе" было встрѣчено Комитетами съ призна-
ьностью, а со стороны дамскаго съ гуманною оговоркою,
о онъ воспользуется „Положеніемъ" не иначе, какъ съ
гласія матерей, или по указанію доктора, что арестант-
мъ вредно самимъ кормить младенцевъ, ибо малѣйшее при-
жденіе матерей къ разлукѣ съ ихъ дѣтьми,—какъ съ пред-
томъ единственнаго ихъ утѣшенія, огорчитъ ихъ, усугубитъ
счастіе, въ которомъ онѣ находятся; самая же смерть младен-
въ—возбудитъ въ ихъ матеряхъ ропотъ и негодованіе" (22
ія, 7 и 24 іюля, 7, 13 и 21 ноября 1827 года).

Столичные и ближайшіе къ нимъ провинціальные Комитеты
чали выполнять приведенное „Положеніе" относительно тѣхъ,
рочемъ, только младенцевъ, матерей которыхъ членамъ удава-
сь приводить къ *добровольному* сознанію необходимости раз-
аться, на время, съ ихъ младенцами, ради благополучія этихъ
слѣднихъ. Отъ этого нововведенія смертность младенцевъ въ
рьмахъ, по удостовѣреніямъ медиковъ, впослѣдствіи значи-
ьно уменьшилась, а въ помѣщеніяхъ арестантокъ сдѣлалось
ятнѣе, чище и спокойнѣе.

Отъ младенцевъ возвратимся къ дѣтямъ. Указанная выше
ра—отдача ихъ въ заведенія, родственникамъ и постороннимъ—
актиковалась, правда, долго, но порождала разнородныя пре-
тствія и неудобства. Во-первыхъ, начальства заведеній, слу-
лось, совсѣмъ отказывались принимать дѣтей, либо заставляли
ъ ждать въ *тюрьмахъ* до тѣхъ поръ, пока въ заведеніяхъ
крывались вакансіи; во-вторыхъ, Комитеты являлись лишь
ронными, за дѣтей, просителями, добывали имъ мѣста въ
дѣ лишь *милости*, тогда какъ Комитеты признавали за
ними *право* на воспитаніе на общественный счетъ; въ треть-
хъ, за посторонними воспитателями, стоившими Комитетамъ
негъ, необходимо было имѣть строгій надзоръ, а родственни-
въ не легко было розыскать, либо они уклонялись отъ при-
ѣнія дѣтей; наконецъ, въ четвертыхъ, Комитетамъ казалось

крайне несправедливымъ подвергать дѣтей различнымъ стѣсненіямъ заурядъ съ ихъ родителями, ибо, предоставлять имъ свободу дѣйствій въ тюрьмахъ—было немыслимо: это значило бы разрушать узаконенный въ нихъ (тюрьмахъ) дисциплинарный порядокъ и т. д.

Все это, вмѣстѣ взятое, побудило, четвертаго по счету, Президента, кн. В. С. Трубецкаго, просить „установить правиломъ, чтобы этихъ дѣтей, для *сбереженія их здоровья и нравственности*, повсемѣстно принимали на воспитаніе въ заведенія приказовъ общественнаго призрѣнія" (25 мая 1839 г.). Гр. А. Г. Строгановъ, помня, какъ членъ Комитета, что „Попеченіе о лучшемъ моральномъ исправленіи самихъ заключенныхъ составляло обязанность Комитетовъ, имѣющихъ собственные капиталы,"—въ качествѣ Министра, призналъ правильнымъ „дозволить Комитетамъ помѣщать сихъ дѣтей въ сиротскіе дома, съ тѣмъ, однакожъ, условіемъ: во первыхъ, чтобы Комитеты предварительно сносились съ Приказами общественнаго призрѣнія (въ ихъ вѣдѣніи состояли сиротскіе дома), объ уступкѣ для дѣтей вакансій, а во вторыхъ, чтобы денежная, на ихъ воспитаніе, затрата покрывалась на счетъ положенныхъ на нихъ кормовыхъ и комитетскихъ суммъ". Комитетъ Министровъ одобрилъ эту мѣру, а Императоръ Николай Павловичъ на журналѣ изволилъ написать: „весьма справедливо, а какъ число таковыхъ дѣтей всегда будетъ ограниченно, то не можетъ быть затрудненія привесть мѣру сію вездѣ въ исполненіе, хотябъ и при богадѣльняхъ" (11 августа 1839 г.). Изданнымъ, по этому предмету, закономъ былъ констатированъ замѣченный уже ранѣе Комитетами фактъ „*неудобства содержанія* малолѣтнихъ *дѣтей* вмѣстѣ *съ родителями въ тюрьмахъ*", а потому „дозволялось тюремнымъ Комитетамъ помѣщать этихъ дѣтей (кромѣ грудныхъ младенцевъ [1]), въ заведенія Приказовъ общественнаго при-

---

[1]) Ихъ участь считалась обезпеченною положеніемъ 1827 г. Оно, впрочемъ, впослѣдствіи перестало примѣняться, главнымъ образомъ, вслѣдствіе нежеланія

ѣнія, хотябъ и въ богадѣльни; издержки же, потребныя на хъ содержаніе *въ продолженіе времени заключенія ихъ одителей*"—повелѣвалось „относить на счетъ казны и Ко-итетовъ".

Объ этомъ,—по тогдашнему времени, благопріятномъ для дѣ-й исходѣ ходатайства за нихъ,—Трубецкой, съ своей стороны, вѣстилъ „циркулярно всѣ Комитеты, для точнаго исполненія". а первыхъ порахъ, дѣти были устранены вездѣ отъ со-жительства съ родителями въ тюрьмахъ и помѣщены, для вос-итанія, въ существовавшіе тогда сиротскіе дома. Это было испол-ено повсемѣстно, потому что въ старину Комитеты строго слѣдили точнымъ примѣненіемъ закона, да и Трубецкой, всею душою реданный дѣлу, которымъ управлялъ совершенно самостоятельно,— ергически настаивалъ на исполненіи приведеннаго распоряже-я и никому не дозволялъ относиться равнодушно къ его цир-лярамъ. Но, по прошествіи нѣкотораго времени и въ особен-ости послѣ смерти Трубецкаго (въ 1841 году), прак-ика осязательно доказала, что приведеннымъ закономъ по-женіе бѣдныхъ дѣтей еще далеко не было улучшено. Соб-венно „сиротскіе дома" имѣлись въ сносномъ видѣ лишь кое-ѣ. Богадѣльни могли предоставлять дѣтямъ только кровъ и щу, а отнюдь не воспитаніе, не обученіе, хотя-бы только лишь меслам: онѣ существовали для дряхлыхъ стариковъ и ста-хъ, да для калѣкъ. Далѣе, и пристроенныя въ тѣ или дру-я учрежденія, дѣти не отпускались для свиданій со своими точенными родителями, которые, поэтому, томились полною не-вѣстностію о судьбѣ, постигавшей оторванныхъ отъ нихъ дѣтей ъ. Наконецъ, 44-ю ст. Уст. о содерж. подъ страж. т. 14 . Зак. изд., 1842 г., право дѣтей на кормовыя и на пребы-

терей разставаться со своими младенцами, которыхъ изъ воспитательнаго а разсылали, въ числѣ прочихъ, на воспитаніе по деревнямъ, гдѣ они теря-ъ изъ виду до такой степени, что матери не могли ихъ найдти.

[redacted]

ваніе при матеряхъ въ тюрьмахъ,—ограничено было 10-лѣтнимъ ихъ возрастомъ. Вслѣдствіе этого, перешедшія этотъ возрастъ и непопавшія въ заведенія общественнаго призрѣнія дѣти должны были оставаться совершенно уже безпріютными, брошенными на произволъ судьбы...

Все это, прежде всѣхъ, принялъ близко къ сердцу Петербургскій дамскій тюремный Комитетъ *) который рѣшился создать свой „Пріютъ для 25 бѣдныхъ арестантскихъ дѣтей, не моложе 5 и не старше 14 лѣтъ, съ обязательствомъ содержать ихъ въ чистотѣ, опрятности и обучать свойственнымъ ихъ возрасту и происхожденію наукамъ" (въ концѣ 1842 г.). Мужской Комитетъ не только присоединился къ желанію Комитета дамскаго, но еще согласился принять на свой счетъ третью часть стоимости пріюта. Тогда Комитеты сообща наняли воспитательницъ, учителя, квартиру, скромно обставили ее всѣмъ нужнымъ, собрали 20 дѣтей, стали ихъ содержать и учить „закону Божію, чтенію, письму, четыремъ правиламъ ариѳметики, а дѣвочекъ еще и рукодѣльямъ". Когда, немного спустя, все установилось въ пріютѣ, его осмотрѣлъ тогдашній (пятый) Президентъ, гр. М. Х. Бенкендорфъ, и остался настолько имъ доволенъ, что призналъ полезнымъ упрочить его существованіе. Съ этою цѣлію Бенкендорфъ представилъ Государю слѣдующаго содержанія докладъ:

„Дамскій Попечительный о тюрьмахъ Комитетъ, движимый чувствомъ состраданія къ малолѣтнимъ дѣтямъ, *невинно* томящимся при ихъ родителяхъ въ тюремномъ заключеніи, устроилъ, изъ собственныхъ своихъ суммъ, для временнаго призрѣнія сихъ дѣтей, до освобожденія ихъ родителей, пріютъ, въ который помѣщаются всѣ дѣти свыше 5 лѣтъ отъ роду. Эти дѣти ограждаются отъ порчи нравовъ, столь заразительной между преступ-

*) Предсѣдательницею этого Комитета была, съ 1828 г., извѣстная Т. Б. *Потемкина.*

[redacted]

шкахъ, и притомъ *обучаются грамотѣ и закону Божію и заняты рукодѣльями. Два раза въ недѣлю*, въ опредѣленные часы, *ихъ приводятъ въ тюрьму, для свиданія съ родителями*. Это истинно благодѣтельное учрежденіе требуетъ не мало издержекъ'', почему Бенкендорфъ спрашивалъ повелѣнія ,,объ отпускѣ на этихъ дѣтей тѣхъ же кормовыхъ денегъ, какія полагались на нихъ на время содержанія ихъ, по расположенію Комитетовъ, въ заведеніяхъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія, на счетъ казны'' (10 іюня 1843 г.).

Докладъ этотъ былъ утвержденъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Такимъ образомъ, Бенкендорфъ, исходатайствованіемъ казенныхъ кормовыхъ,—распространилъ дѣтямъ доступъ въ пріютъ, потому что увеличеніе на него средствъ—открывало Комитетамъ возможность воспитывать въ немъ большее число ихъ. Этимъ путемъ они получили, *впервые*, право на дѣйствительное воспитаніе и обученіе на общественный счетъ, о чемъ Комитеты тщетно хлопотали въ теченіе 19 лѣтъ.

Объ учрежденіи, на изложенныхъ началахъ, Петербургскаго пріюта дали знать во всѣ Комитеты. Изъ нихъ — Московскій, Калужскій и Вологодскій Комитеты немедленно открыли тоже пріюты, по примѣру Петербургскаго. Столичные же Комитеты, по собственному усмотрѣнію, нашли нужнымъ расширить предѣлы своего права—допущеніемъ къ воспитанію въ пріютахъ дѣтей, какъ бѣдныхъ родителей, никогда *не* содержавшихся подъ стражею, такъ и безродныхъ, не имѣвшихъ пристанища.

Предоставивъ Комитетамъ право содержать, на полномъ ихъ иждивеніи, безпріютныхъ и не арестантскихъ дѣтей, а также самостоятельное управленіе пріютами, на указанныхъ началахъ, Бенкендорфъ преподалъ Комитетамъ—„о порядкѣ полученія кормовыхъ отъ казны на арестантскихъ дѣтей“,—слѣдующія пра-

[redacted]

вела: 1) чтобы нуждающихся въ пріютѣ дѣтей полиція отсылала въ пріютъ со свидѣтельствами о заарестованіи ихъ родителей; 2) чтобы получаемыя изъ пріюта, въ пріемѣ дѣтей, квитанціи, тюремные смотрители пріобщали къ дѣламъ заарестованныхъ ихъ родителей; 3) чтобы, при переводѣ арестантовъ изъ одного мѣста въ другое, смотрители рапортовали Комитетамъ и судебнымъ инстанціямъ о томъ, кто куда прибылъ и откуда выбылъ; 4) чтобы всѣ судебныя и полицейскія власти извѣщали Комитеты о времени окончательнаго рѣшенія участи арестантовъ, дѣти которыхъ находятся въ пріютѣ, для прекращенія требованія на этихъ дѣтей кормовыхъ отъ казны. Правила эти Генералъ-Губернаторъ преподалъ „къ непремѣнному руководству" всѣмъ учрежденіямъ, ему подчиненнымъ (5 и 11 ноября 1843 г.).

Съ этого времени уже не видимъ, изъ архивныхъ документовъ, переписки объ отсылкѣ Комитетами, по своей иниціативѣ, дѣтей въ заведенія приказовъ. Потребность въ пріютахъ наглядно выразилась числомъ питомцевъ петербургскаго пріюта за первый же полный (1844) годъ его существованія: въ немъ воспитывалось 51 дитя. Изъ нихъ, въ теченіи этого года, возвращено было освобожденнымъ изъ заключенія родителямъ, согласно ихъ желанію, 21 дитя. Содержаніе пріюта за годъ обошлось въ 1,520 руб., считая въ томъ числѣ казенныхъ кормовыхъ 354 р. 27 коп.

Дозволеніе завести пріюты многіе Комитеты привели въ исполненіе, какъ свидѣтельствуютъ всеподданнѣйшіе годовые отчеты Общества. „Призрѣніе дѣтей, поступающихъ съ родителями въ тюрьмы, производится большею частію въ особо устроенныхъ Комитетами, внѣ тюремъ, пріютахъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ члены Комитетовъ или благонадежные обыватели принимаютъ дѣтей сихъ на свое попеченіе,"—говорится въ отчетѣ 1846 г. „Дѣти эти, подъ надзоромъ членовъ обучаются грамотѣ, закону Божію, счисленію, рукодѣльямъ и церковному пѣнію. *Утѣшительно*, что Евреи не чуждаются этого полезнаго учреж-

денія въ Москвѣ, гдѣ дѣти ихъ, въ числѣ 7 чел., обучались грамотѣ и священной исторіи вѣтхаго завѣта". „По *всѣмъ* губернскимъ и уѣзднымъ тюрьмамъ дѣти призрѣваются совершенно отдѣльно, въ нѣкоторыхъ городахъ—въ пріютахъ, у членовъ или въ заведеніяхъ приказовъ общественнаго призрѣнія"— гласятъ отчеты 1848 и 1849 г. Объ обученіи ихъ повторяется предъидущее. „Заботливость о дѣтяхъ была продолжаема съ тою христіанскою любовію, какъ и въ предшествовавшіе годы"—излагается въ отчетѣ 1854 г. „Тамъ, гдѣ устроены пріюты — ихъ содержали въ оныхъ, а гдѣ заведеній не имѣлось — въ тюрьмахъ, но отдѣльно отъ арестантовъ. Ихъ обучали грамотѣ и закону Божію". „Обученіе дѣтей, въ 1858 г., приняло большое развитіе чрезъ увеличеніе школъ, открытыхъ или улучшенныхъ въ Тамбовѣ, Калугѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Могилевѣ, Орлѣ, Кіевѣ, Тулѣ, Херсонѣ, Самарѣ, Чигиринѣ, Звенигородѣ и Сквирѣ. Затѣмъ въ Казани была также школа для дѣтей, а въ Одессѣ, основанная въ 1857 г., въ 4 верстахъ отъ города, на берегу моря, школа для нищенскихъ и арестантскихъ дѣтей обоего пола, которыхъ „пріучали къ полевымъ и садовымъ работамъ, къ ремесламъ и рукодѣльямъ. Двухгодичный опытъ доказалъ, по словамъ отчета, очевидную пользу учрежденія, почему предполагается упрочить и расширить его, пріобрѣтеніемъ нѣсколькихъ сельскихъ избъ и исходатайствовать для содержанія заведенія ежегодной суммы". Относительно этого заведенія, въ отчетѣ 1859 г. повторяется сказанное и выражается сожалѣніе, что „недостатокъ средствъ Одесскаго Комитета угрожаетъ разстройству полезнаго заведенія, почему приняты мѣры къ его поддержанію". Отчетъ 1860 г. извѣщаетъ, что Одесская колонія для мальчиковъ и дѣвочекъ, по прежнему, процвѣтала приношеніями. Въ Новочеркаскѣ Директоръ Ефремовъ устроилъ и содержалъ, на свой счетъ, школу. Наконецъ, въ Томскѣ, въ томъ же 1860 г., устроенъ былъ Комитетомъ особый пріютъ, для дѣтей арестантовъ и бѣднѣйшихъ ссыльныхъ и т. д.

Для подробной характеристики всѣхъ названныхъ пріютовъ и школъ, мы не располагаемъ, къ сожалѣнію, матеріалами, а потому, ограничившись отмѣткою фактовъ, вернемся къ Петербургскому Пріюту.

Руководство внутреннимъ бытомъ здѣшняго пріюта всецѣло лежало на обязанности дамскаго Комитета, а мужской—пособлялъ послѣднему деньгами и перепискою о дѣтяхъ. Стремленіе Комитетовъ быть полезными дѣтямъ, характеризуется нижеслѣдующими способами ихъ дѣйствій и отдѣльными любопытными эпизодами изъ далекаго прошлаго.

Вдова унтеръ-офицера Гурьева, осужденная въ 1846 г., къ ссылкѣ въ Сибирь, имѣла 10 лѣтняго сына Федора, котораго Управа Благочинія распорядилась отправить, чрезъ гарнизонный, въ здѣшній баталіонъ военныхъ кантонистовъ. Гурьева, дознавшись, что дѣтямъ жить: въ пріютѣ—хорошо, а въ баталіонѣ—плохо, умоляла представителей Комитетовъ взять ея сына въ пріютъ. Мужской Комитетъ просилъ командира гарнизона доставить Гурьева въ пріютъ, но получилъ отъ него отвѣтъ, что передалъ уже Гурьева въ баталіонъ кантонистовъ, откуда Комитетъ и можетъ, дескать, взять его, если онъ ему нуженъ. Комитъ потребовалъ Гурьева отъ командира баталіона кантонистовъ, но тотъ отозвался, что исполнитъ бумагу Комитета не иначе, какъ по приказанію департамента военныхъ поселеній, въ вѣдѣніи котораго состоятъ всѣ кантонисты.

Комитетъ адресовался въ департаментъ и, кстати, претендовалъ на нарушеніе командирами закона—взятіемъ въ кантонисты Гурьева, когда онъ *сынъ арестантки*, да еще сосланной въ Сибирь—принадлежитъ исключительному попеченію Комитета и воспитанію въ содержимомъ имъ, спеціально для подобныхъ дѣтей, пріютѣ. Департаментъ отказался освободить Гурьева изъ баталіона на томъ уже основаніи, что онъ—*солдатскій сынъ*,—по закону долженъ воспитываться именно въ баталіонѣ кантонистовъ, а потомъ, по достиженіи возраста и по окончаніи уче-

нія, поступить въ военную службу. Права Комитета на Гурьева, очевидно, поглощались правами на него военнаго вѣдомства. Комитетъ „съ сожалѣніемъ“ отступился отъ дальнѣйшаго „безнадежнаго спора“ и отъ Гурьева.

Неудачныя хлопоты объ освобожденіи Гурьева отъ обязательной муштровки въ баталіонѣ кантонистовъ и, за тѣмъ, отъ военной службы,—твердо запомнились и дамскому Комитету, который принялъ по этому болѣе дѣйствительныя мѣры къ огражденію питомицъ пріюта отъ посягательства на нихъ со стороны разнаго начальства. Дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ часто ловили, безъ паспортовъ, деревенскихъ дѣвочекъ и предавали ихъ суду за бродяжничество. Директрисы находили ихъ въ съѣзжихъ, среди взрослыхъ арестантокъ, добивались переселенія ихъ, до рѣшенія ихъ дѣлъ,—въ пріютъ, а оттуда уже рѣшительно не отдавали ихъ въ руки правосудія.

Такъ, Экзекуторъ управы благочинія предложилъ „Конторѣ пріюта передать дѣвочку Федорову конвойному рядовому, для отправленія ея по назначенію, согласно предписанію губернскаго правленія. „Секретарь дамскаго Комитета Далецкій увѣдомилъ Губернское правленіе, что „Федорова находится подъ непосредственнымъ *покровительствомъ* Комитета, а потому онъ не исполнитъ предписанія правленія, по неизвѣстности причинъ, сопровождающихъ таковое“. Экзекутору же Далецкій, вмѣсто отвѣта, разъяснилъ, что „пріютъ есть ничто иное, какъ учебное заведеніе, гдѣ призрѣваются дѣти; слѣдовательно, ни конторы, ни канцеляріи пріюта нѣтъ“. Губернское правленіе сообщило Комитету, что „Федорова прислана въ правленіе командиромъ гарнизоннаго баталіона, вмѣстѣ съ конвертомъ, вслѣдствіе требованія новгородской полиціи въ гдовскій земскій судъ, а для чего—правленію неизвѣстно“ (4, 8 и 19 іюля 1846 г.). Комитетъ оставилъ безъ всякихъ послѣдствій и категорическое требованіе Экзекутора и безсмысленное извѣщеніе Правленія. Прошло около трехъ лѣтъ спокойнаго проживанія Федоровой въ пріютѣ,

Вдругъ Приставъ слѣдственныхъ дѣлъ 4 адмиралтейской части спросилъ Комитетъ: ,,откуда, когда, кѣмъ, на какой предметъ (!) прислана въ пріютъ Федорова и какого она происхожденія"? Комитетъ ограничился молчаніемъ. Приставъ еще дважды повторилъ свои вопросы, но тоже безуспѣшно, поэтому и пожаловался Управѣ благочинія, а та ,,предписала Канцеляріи пріюта „немедленно исполнить требованіе пристава и ей объ этомъ донести". Далецкій отвѣтилъ Управѣ, что „Федорова, по ея словамъ, крестьянка, въ пріютъ прислана по распоряженію властей, за неотысканіемъ мѣста ея родины, почему находится подъ *особымъ* покровительствомъ Комитета" (22-го октября, 11-го ноября, 6-го, 10-го и 31-го декабря 1849 г.). Далѣе Слѣдственный приставъ, а за нимъ и Управа, тщетно уже продолжали спрашивать: то контору, то канцелярію пріюта, то Комитетъ: „откуда, по распоряженію какихъ властей, когда прислана Федорова, кто были ея мать, давно ли она въ тюрьмѣ, отчего названа крестьянкою, изъ какой губерніи, уѣзда и деревни она родомъ?" (19-го января, 11-го февраля, 10 марта, 3 и 7 апрѣля 1850 г.). Ни мифическія контора и канцелярія пріюта, ни дѣйствовавшій Комитетъ ни единымъ словомъ не отзывались. Слѣдователь и Управа тоже отступились отъ Федоровой, которую Комитетъ не пускалъ, притомъ, даже и къ допросамъ, изъ опасенія—какъ бы ее не услали. Миновало еще полгода. Сюрпризомъ для защитницъ Федоровой, Петербургская Палата госуд. имуществъ разъяснила Комитету, что „отецъ Федоровой, государственный крестьянинъ гдовскаго уѣзда, деревни Голубина, предназначенъ былъ, за дурное поведеніе, къ ссылкѣ на водвореніе въ Сибирь, но въ петербургской тюрьмѣ умеръ"; сама же Федорова, изъ снисхожденія къ ея малолѣтству, приговоромъ совѣстнаго суда, присуждена за бродяжничество — къ призрѣнію общества". Оттого Палата, какъ начальство государственныхъ крестьянъ, просила Комитетъ „вручить Федорову чиновнику Пекину, для привода въ Палату".

Комитетъ опять отвѣтилъ, что Федорова „содержится въ пріютѣ на счетъ суммъ особъ дамъ, составляющихъ Комитетъ и потому считаетъ полезнымъ оставить ее въ заведеніи, до совершеннолѣтія" (31 октября и 10 ноября 1851 г.). Что предприняла дальше Палата — изъ документовъ не видно, но Федорова еще нѣсколько лѣтъ сряду значилась въ спискахъ питомицъ пріюта. Ясно, слѣдовательно, что палата также отъ нея отступилась.

Губернское правленіе предписало управѣ благочинія—отправить двухъ круглыхъ сиротъ, крестьянокъ Савельевыхъ, по этапу, на родину. Предсѣдательствовавшая въ дамскомъ Комитетѣ, жена Генералъ-Губернатора, узнала объ этомъ и *форменнымъ*, на бланкѣ Комитета, за нумеромъ, письмомъ просила своего мужа объ оставленіи этихъ дѣвочекъ въ пріютѣ. Письмо это начиналось словами: „Милостивый Государь, Матвѣй Евграфовичъ," а оканчивалось словами „съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть готовая къ услугамъ Н. Храповицкая". Онъ отвѣтилъ также формальнымъ письмомъ: „Милостивая Государыня, Наталья Сергѣевна," а закончилъ его выраженіями: „примите увѣреніе въ отличномъ почтеніи и преданности, Вашего Высокопревосходительства, покорнѣйшій слуга М. Храповицкій". Такого же рода переписку многократно вели между собою супруги Храповицкіе, до тѣхъ, впрочемъ, поръ, покуда жена не попросила содѣйствія мужа „о дозволеніи купцамъ Дурдинымъ отправить, въ закавказскій край, ихъ сестру, Прасковью, мѣщанокъ Шапоровыхъ и Яковлеву, осужденныхъ за скопчество, не по этапу, а на ихъ счетъ". На этотъ разъ, мужъ „секретно" отвѣтилъ женѣ рѣзкимъ отказомъ, да только просьбою „принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи," уже и безъ „вашего Высокопревосходительства и покорнѣйшаго слуги" (13 и 17 сентября и 26 октября 1846 г.).

Отъ комическихъ эпизодовъ, вернемтесь, читатели, къ серьозной сторонѣ дѣла. Благодѣтельствовалъ дамскій Комитетъ пріютскимъ питомицамъ самыми разнообразными способами. Крестьянку

[redacted]

Гаврилову, 16 лѣтъ, судъ приговорилъ, за бродяжничество, къ наказанію 15 ударами розогъ и къ возвращенію къ помѣщику по этапу. Комитетъ возмутился этимъ приговоромъ, но такъ какъ онъ вошелъ въ окончательную силу и подлежалъ исполненію, то Комитетъ отсрочилъ стеганье дѣвушки, розыскалъ ея владѣльца, заплатилъ ему за „вольную" для нея 100 руб.; и тѣмъ самымъ освободилъ ее не только отъ тѣлеснаго наказанія, но и отъ крѣпостной зависимости (въ 1848 г.). Васильеву, 13 лѣтъ, сбѣжавшую „отъ помѣщичьихъ побоевъ," Комитетъ тоже выкупилъ отъ поручика Глаяи на волю за 85 руб. (въ 1855 г.). Подобные случаи часто повторялись въ практикѣ Комитета, который, для достиженія цѣли, нерѣдко прибѣгалъ къ содѣйствіямъ провинціальныхъ Генералъ-Губернаторовъ и Губернаторовъ, объ отпускѣ помѣщиками на волю дѣвушекъ даромъ, или за деньги, письменно торговался съ ними, выдавалъ деньги чрезъ властей, и, затѣмъ, пристраивалъ дѣвушекъ къ мѣстамъ, выдавалъ ихъ замужъ, снабжалъ ихъ приданымъ, доставлялъ протекціи ихъ мужьямъ и т. д. Особенно ревностно всѣмъ этимъ занималась бывшая, впродолженіи 40 лѣтъ, предсѣдательницею Комитета, Т. Б. Потемкина, которая съумѣла поставить пріютъ такъ, что объ немъ знали, съ первыхъ же годовъ его существованія, всѣ, до сената включительно. Такъ, Выборгская мѣщанка Энкилевичева была объявлена несостоятельною должницею и присуждена къ лишенію свободы. Между тѣмъ, при ней находились малолѣтнія дѣти. Тогда Сенатъ, согласно заключенію Министра внутреннихъ дѣлъ, предписалъ опредѣлить этихъ дѣтей, до возвращенія ихъ отца изъ за-границы, въ пріютъ, на счетъ суммъ петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія (въ 1846 г.).

Пріютъ поглощалъ значительныя суммы, а онѣ нужны были Комитетамъ на всякомъ шагу, въ разносторонней ихъ дѣятельности. И вотъ Комитеты заявляли, что опредѣленная на дѣтей норма кормовыхъ—только *въ половинномъ*, противъ взрослыхъ, *размѣрѣ*—крайне недостаточна вообще, а для дѣтей, слѣдующихъ

[redacted]

съ родителями по этапамъ — въ особенности, потому что для нихъ нужна, для сохраненія ихъ здоровья, улучшенная пища. Отсюда возбудился вопросъ, разрѣшенный законодательнымъ порядкомъ тѣмъ, что „количество кормовыхъ на дѣтей, могущихъ находиться въ тюрьмахъ при родителяхъ, въ пріютахъ и пересправляющихся по „этапамъ“ разрѣшено было „выдавать *наравнѣ* съ взрослыми арестантами“ (29 января 1846 г.).

Изыскивая, дальше, средства къ удовлетворенію всѣхъ потребностей пріюта, Комитеты отдѣлили мальчиковъ отъ дѣвочекъ и помѣстили: первыхъ—въ зданіи Комитета призрѣнія нищихъ, а послѣднихъ—въ устроенное, для нихъ, особое помѣщеніе въ тюремномъ замкѣ, съ сохраненіемъ за раздѣленными, такимъ образомъ, пріютами первоначальной ихъ организаціи и системы воспитанія (26 января и 6 апрѣля 1846 г.). Переселеніе мальчиковъ именно въ Комитетъ нищихъ обусловливалось слѣдующими, совершенно подходящими обстоятельствами: во-первыхъ—Комитетъ нищихъ принадлежалъ къ обществу попечительнаго о тюрьмахъ (3 п. правила 6 іюня 1837 г.); во-вторыхъ—Предсѣдатель (Графъ А. И. Апраксинъ) и члены этого Комитета были, въ тоже время, Предсѣдателемъ и членами тюремнаго Комитета; въ третьихъ—въ числѣ нищихъ приводили не мало и мальчиковъ; наконецъ, въ четвертыхъ—помѣщеніе и средства обоихъ Комитетовъ благопріятствовали цѣли, да и ихъ персоналу удобнѣе было слѣдить за правильностію воспитанія однородныхъ, по положенію, мальчиковъ.

До сихъ поръ жертвователями для пріютовъ были исключительно интелегентные члены Комитетовъ. Вдругъ „Петербургскій 3 гильдіи купеческій сынъ Н. Г. Евдокимовъ“, заявилъ мужскому Комитету, что, „услыхавъ, что при тюрьмѣ устраивается пріютъ для арестантскихъ дѣтей, коимъ потребны одежда, обувь посуда, мебель, чай и сахаръ, а для нравственности—науки“,— онъ, „движимый христіанскимъ усердіемъ ко благу попеченія объ узникахъ,—желаетъ принять пріютъ, по всѣмъ назван-

[redacted]

нымъ предметамъ, единовременно и напредь—на свой коштъ" (18 Января 1846 г.). Заявленіе это, переданное дамскому Комитету, показалось ему удивительнымъ и даже сомнительнымъ, почему онъ рѣшился выждать: сдержитъ ли Евдокимовъ свое обѣщаніе. Когда же онъ снабдилъ пріютъ всѣмъ, что предлагалъ, сразу на 6.000 руб., то дамы—члены Комитета, усердно представляли его, какъ диковину, всѣмъ сановникамъ, потомъ просили наградить его, за усердіе къ бѣднымъ ближнимъ, медалью. Медали онъ, однакожъ, не получилъ: знаки отличія тогда цѣнились очень высоко и собственно за деньги ихъ не раздавали, въ особенности мелкому купечеству.

Точно также и собираніе денегъ съ публики въ пользу благотворительныхъ учрежденій сопряжено было, въ то время, съ значительными затрудненіями, даже и для вліятельныхъ лицъ. Для большаго развитія пріюта для дѣвочекъ въ матеріальномъ отношеніи, Потемкина просила Бенкендорфа исходатайствовать Высочайшее разрѣшеніе на то, чтобы Придворной Капеллы пѣвчіе ежегодно давали, на второй недѣлѣ Великаго поста, духовный концертъ, въ пользу пріюта. Бенкендорфъ, въ докладѣ объ этомъ Государю, между прочимъ, выразился, что „соизволеніемъ Ваше Величество упрочите способы существованія этого благотворительнаго учрежденія, безъ малѣйшаго отягощенія казны". Государь, не смотря на близость къ нему Бенкендорфа, поручилъ разсмотрѣть этотъ вопросъ Министру двора, князю П. М. Волконскому, который потомъ увѣдомилъ, что Государь разрѣшилъ „допускать публику 4 раза въ годъ на публичныя репетиціи пѣвческой Капеллы, съ платою по 3 руб. за билетъ; изъ вырученной же суммы третью часть выдавать пріюту, а остальныя части обращать въ фондъ на пособія вдовамъ и сиротамъ умершихъ придворныхъ пѣвчихъ (14 и 21 февраля 1844 г.).

Тѣмъ не менѣе, три года сряду Комитетъ ничего не получалъ отъ репетицій. Затѣмъ, Потемкина освѣдомилась о предположенномъ духовномъ концертѣ придворныхъ пѣвчихъ, и уже

сама обратилась къ Волконскому за частью сбора прiюту. По повелѣнiю Государя, прiюту было выдано въ 1847 г.—300 р. Потемкина ежегодно, потомъ, напоминала о прiютѣ, которому и отпустили: въ 1848 г.—121 р., въ 1851 г.—306 р. 49 к., въ 1852 г. — 394 р., въ 1854 г. — 272 р. 56 к. и въ 1862 г.—111 р. 23 к.; итого 1.505 р. 18 к.

Смягченный временемъ взглядъ представителей власти на значенiе прiютовъ тоже способствовалъ ихъ упроченiю: судебныя мѣста неоднократно приговаривали дѣвочекъ за преступленiя къ содержанiю именно въ этотъ прiютъ, и притомъ на счетъ приказа общественнаго призрѣнiя, платившаго Комитету по 30 руб. въ годъ за каждую дѣвочку (въ 1848, 1852 г.). Что же касается прiюта для мальчиковъ, то какъ только Предсѣдателями и членами Комитета призрѣнiя нищихъ перестали быть Предсѣдатели и члены тюремнаго Комитета,—такъ прiютъ началъ разстраиваться, теряться среди нищихъ и незамѣтно со всѣмъ упразднился; мальчиковъ же, сыновей арестантовъ, снова начали опредѣлять въ прiютъ для дѣвочекъ (въ 1857 и послѣдующихъ годахъ).

Спокойное существованiе этого прiюта, вторично сдѣлавшагося общимъ для дѣтей обоего пола, было нарушено, вслѣдствiе дошедшихъ до Генералъ-Губернатора свѣдѣнiй о томъ, что „въ прiютѣ, въ Замкѣ находящемся, есть, кромѣ арестантскихъ дѣтей, и постороннiя малолѣтнiя". Призрѣнiе Комитетами этихъ постороннихъ, Генералъ-Губернаторъ счелъ „не только неудобнымъ, но и вреднымъ: отъ нихъ стѣснено помѣщенiе тюрьмы". Кромѣ того „пребыванiе самаго прiюта въ Замкѣ служитъ поводомъ къ допущенiю въ него постороннихъ лицъ, что должно быть всемѣрно отвращено". Далѣе „дѣти, взросшiя подъ кровомъ благотворительности, составятъ себѣ превратное понятiе о мѣстѣ заключенiя: оно не только не можетъ ихъ устрашать, но должно имъ внушать чувство признательности къ мѣсту своего воспитанiя, въ коемъ они обезпечены надежнѣе, чѣмъ на волѣ". Вслѣд-

[redacted]

ствіе этихъ соображеній, Генералъ-Губернаторъ просилъ исключить изъ пріюта всѣхъ постороннихъ дѣтей (18 октября 1857 г.).

Потемкина возразила, что „изъ дѣтей, родители которыхъ не содержатся въ тюрьмахъ, остаются въ пріютѣ: одни — потому, что родители не имѣютъ никакихъ средствъ содержать ихъ, а другія—для избѣжанія пересылки ихъ на родину по этапамъ. Содержатся эти дѣти на *собственныя* средства Комитета, значитъ, ему нельзя воспретить благодѣтельствовать. Дѣти эти, по достиженіи возраста, пристраиваются къ мѣстамъ и, затѣмъ, все таки находятся подъ дальнѣйшимъ покровительствомъ Комитета, такъ что опасаться за нихъ неосновательно. Вслѣдствіе удаленія пріюта изъ Замка—помѣщенія не прибавится: онъ занимаетъ только двѣ, изъ сотенъ, комнатъ. Наконецъ, дѣти—всѣ безродныя и на свиданія къ нимъ никто не ходитъ". „Впрочемъ—прибавила Потемкина—если Генералъ-Губернаторъ настаиваетъ на исключеніи изъ пріюта не арестантскихъ дѣтей, то пусть предварительно увѣдомитъ: какъ *онъ* устроитъ ихъ участь, ибо простымъ изгнаніемъ—ихъ нельзя предоставить на произволъ судьбы". Возраженіе это круто измѣнило мнѣніе Генералъ-Губернатора. Онъ пожелалъ уже, чтобы хоть на будущее время не держали въ пріютѣ такихъ дѣтей, родители которыхъ освобождены на волю или вовсе не содержались подъ арестомъ. Это послѣднее мнѣніе и Комитетъ формально принялъ, обязавъ смотрителя Замка „наблюдать за точнымъ его исполненіемъ".

Оградивъ дѣтей отъ угрожавшей имъ опасности очутиться въ числѣ уличныхъ нищихъ,—Потемкина, въ свою очередь, потребовала распоряженія Генералъ-Губернатора, „чтобы присылаемыя въ пріютъ дѣти всегда, по бумагамъ, показывались при родителяхъ, а въ случаѣ отправленія куда либо послѣднихъ—начальство заботилось бы и о прочномъ обезпеченіи первыхъ, потому что только введеніемъ и соблюденіемъ разумнаго порядка, дѣти, родители коихъ выбываютъ изъ тюрьмы, не будутъ дольше *оставаться* въ пріютѣ". Генералъ-Губернаторъ предложилъ

[redacted]

Оберъ-Полицiймейстеру „выработать объ этомъ особыя правила“, а Оберъ-Полицiймейстеръ поручилъ это второму департаменту Управы Благочинiя. Департаментъ затребовалъ отъ смотрителя Замка нужныя, для составленiя правилъ, свѣдѣнiя. Смотритель донесъ, что „дѣти арестантовъ и арестантокъ размѣщаются: мальчики и дѣвочки не старше 7 лѣтъ—при матеряхъ, въ женскомъ отдѣленiи, гдѣ записываются въ списокъ арестантокъ, вмѣстѣ съ родителями, за присутственными мѣстами, въ которыхъ производятся ихъ дѣла; отъ 7 же до 17 лѣтняго возраста: дѣвочки — помѣщаются въ прiютъ, а мальчики, на основанiи приказовъ бывшихъ Оберъ-Полицiймейстеровъ, должны быть отсылаемы въ малолѣтнiя отдѣленiя исправительнаго заведенiя и пересыльной тюрьмы, ибо къ Замокъ таковыхъ присылать строго воспрещено“.

Смотритель совершенно произвольно причислилъ свободныхъ къ числу арестованныхъ мальчиковъ: только послѣднiе направлялись въ заведенiе и тюрьму; первые же и отъ 5-лѣтняго возраста содержались исключительно въ прiютѣ. Тѣмъ не менѣе департаментъ „заключилъ: вмѣнить въ обязанность должностнымъ лицамъ полицiи: а) при отсылкѣ въ Замокъ арестантовъ, при которыхъ находятся дѣти,—непремѣнно объяснять имена, лѣта дѣтей и куда они отосланы; б) при отсылкѣ куда либо дѣлъ объ арестантахъ, родителяхъ этихъ дѣтей излагать, какъ послѣднихъ зовутъ, сколькихъ они лѣтъ и гдѣ содержатся, дабы присутственныя и судебныя мѣста могли своевременно распорядиться и о ихъ дѣтяхъ, и в) смотрителю Замка показывать при родителяхъ дѣтей, какъ содержащихся при матеряхъ, такъ и въ прiютѣ, или въ малолѣтнихъ отдѣленiяхъ исправительнаго заведенiя и пересыльной тюрьмы, а при отправленiи изъ тюремъ арестантовъ—отсылать съ ними и дѣтей, о чемъ сообщать по принадлежности“. Обо всемъ этомъ Управа постановила „дать знать приставамъ исполнительныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ, Полицiймейстерамъ, стряпчимъ полицейскихъ дѣлъ, надворному уголовному

[redacted]

суду, департаментамъ уѣзднаго суда и магистрата, губернскому правленію и уголовной палатѣ". Это, одобренное Оберъ-Полицій-мейстеромъ, „заключеніе" утверждено было Генералъ-Губернаторомъ и преподано всѣмъ названнымъ учрежденіямъ и лицамъ, для „непремѣннаго исполненія" (20 и 25 января, 5 и 18 марта, 7 и 26 апрѣля 1858 г.).

На этихъ оформленныхъ, но въ дѣйствительности никуда не годившихся и никѣмъ, впослѣдствіи, не исполнявшихся „правилахъ" всѣ опять успокоились, а пріютъ продолжалъ управляться, во всѣхъ отношеніяхъ, по прежнему, сообразно нарождавшимся практическимъ надобностямъ, причемъ никого изъ мальчиковъ и дѣвочекъ никуда не отсылали, а также и не исключали изъ пріюта, помимо желанія родителей, или безъ предварительнаго отысканія имъ приличнаго мѣста.

Между тѣмъ „до свѣдѣнія Государя Императора было доведено объ учрежденіи въ Митавѣ школы для обученія арестантскихъ дѣтей: чтенію, письму, слову Божію и разнымъ рукодѣльямъ. „На этомъ донесеніи Его Величеству благоугодно было написать „*не мѣшало бы это завести и у насъ*". Президентъ С. С. Ланской, извѣщая объ этомъ циркулярно всѣ Комитеты и говоря, что „подобныя школы заведены уже въ Петербургѣ и другихъ губернскихъ и портовыхъ городахъ" *), — приглашалъ Комитеты „озаботиться устройствомъ школъ тамъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ" (15 января 1858 г. № 36). Согласно этому циркуляру, Волынскій Комитетъ запросилъ Петербургскій о томъ, на какихъ основаніяхъ учреждена здѣсь школа, по какой программѣ, кто преподаетъ уроки, получаютъ ли преподаватели вознагражденіе за трудъ, и, если да, то изъ какихъ источниковъ, — для соображенія при учрежденіи подобныхъ же школъ въ Волынской губерніи. Комитету этому отвѣтили, что правилъ для

*) Число школъ этихъ, устроенныхъ по примѣру петербургскаго пріюта, возросло, въ это время, до 20, въ разныхъ мѣстахъ.

пріюта нѣтъ, но принимаются дѣти отъ 15 до 5 лѣтняго возраста; продовольствуются они значительно лучше, нежели арестанты; имъ даются, напр., ежедневно сбитень, молоко. Надзираетъ за ними смотрительница, которая обучаетъ ихъ рукодѣльямъ и помогаетъ имъ приготовлять уроки; учитъ дьяконъ тюремной церкви (получающій по 5 руб. въ мѣсяцъ) чтенію, письму, закону Божію, первоначальнымъ правиламъ ариѳметики и грамматики; по временамъ, дѣтямъ производятся испытанія членами Комитета. Дѣти, остающіяся въ пріютѣ за смертію, ссылкою родителей въ Сибирь и по другимъ причинамъ,—отсылаются къ родителямъ, родственникамъ или помѣщикамъ при вѣрныхъ оказіяхъ; безродныя же и не крѣпостныя находятся въ пріютѣ до возраста, а тогда отдаются въ обученіе ремесламъ, въ услуженіе и т. под.; но первое время ихъ бытности на волѣ—комитетъ наблюдаетъ за ихъ участью". Царскосельское отдѣленіе отозвалось, что при мѣстной тюрьмѣ втеченіи послѣднихъ 5 лѣтъ, было только по одному ребенку и то короткое время; но если ихъ окажется, впослѣдствіи, больше—отдѣленіе откроетъ школу. Гдовское же отдѣленіе отказалось заводить школу, потому что, въ теченіи протекшихъ 5 лѣтъ, случайно было тамъ 3 мальчика, да и отдѣленіе не имѣетъ, на школу, средствъ (17 февраля, 10 марта и 15 апрѣля 1858 г.).

Завелъ ли Волынскій Комитетъ школы или нѣтъ—не знаемъ; но факты существованія такихъ школъ во многихъ городахъ не подлежатъ сомнѣнію: это читатели видѣли выше, да и самъ президентъ засвидѣтельствовалъ въ циркулярѣ, который послужилъ основаніемъ къ улучшенію и Петербургскаго пріюта. Комитетъ предполагалъ даже вывести его изъ замка, но не сдѣлалъ этого, чтобы „не лишить дѣтей хорошей, даровой провизіи изъ подаяній, и не затруднить имъ свиданій съ родителями" (въ 1860 г.). Однако, по прошествіи года, Потемкина нашла полезнымъ открыть, на волѣ, для мальчиковъ особый пріютъ, на свой счетъ (въ 1861 г.). Этотъ новый пріютъ она поручила

[redacted]

„по частямъ: учебно-воспитательный—учителю ланкастерскихъ школъ, Наумову, а по хозяйственной—его женѣ“. Наумовы получали въ мѣсяцъ за каждаго мальчика: за помѣщеніе, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, за обученіе, продовольствіе, стирку ихъ бѣлья и пр.—по 7 руб. въ мѣсяцъ. Мальчиковъ этихъ было въ 1861 г. 9 челов.; платили за нихъ Наумовымъ: за 7-хъ Потемкина, а за остальныхъ—княгиня Ю. Ѳ. Куракина и П. Н. Мятлева.

Въ тоже время безпомощное положеніе семействъ и, въ особенности, малолѣтнихъ дѣтей лицъ, содержавшихся въ домѣ неисправныхъ должниковъ, навело директора, завѣдывавшаго должниками, П. В. Чебыкина, на мысль—облегчить ихъ участь. И вотъ онъ, съ одобренія Комитета и Президента: сперва—въ короткій промежутокъ—собралъ пожертвованіями 991 руб. 18 к., а потомъ,—при содѣйствіи князя А. А. Суворова,—устроилъ „съ Высочайшаго разрѣшенія, въ залѣ Дворянскаго Собранія, 22 апрѣля 1861 г., концертъ любителей и любительницъ музыки, хора пѣвчихъ графа Д. Н. Шереметьева, въ 150 челов., подъ управленіемъ Г. Я. Ломакина, при участіи гг. Контскаго и Никельскаго“. Концертъ этотъ доставилъ чистой прибыли 1.113 р. 10 к., всего же съ прежними и новыми пожертвованіями набралось 3.024 руб. Изъ этого основнаго капитала, который, по разсчетамъ П. В. Чебыкина и другихъ, долженъ былъ постепенно увеличиваться,—мужской Комитетъ рѣшился тратить, преимущественно на призрѣніе дѣтей должниковъ и должницъ, ежегодно третью часть.

Въ виду этого источника, предсѣдательствовавшая въ дамскомъ Комитетѣ, Е. В. Потанова, предложила „пріютъ для мальчиковъ вниманію мужскаго Комитета“, потому что „попеченіе о мальчикахъ ближе и прямѣе относится къ кругу его дѣйствій“. Комитетъ согласился участвовать въ содержаніи и этого пріюта, съ условіемъ, чтобы въ немъ содержались и сыновья должни-

ковъ, до ихъ освобожденія; если же они, по бѣдности, не в состояніи будутъ своевременно взять мальчиковъ, то держать ихъ въ пріютѣ еще полгода и лишь, затѣмъ, замѣнять другими. Число вакансій не опредѣлялось, а пріемъ обусловливался просторомъ въ помѣщеніи. За каждаго мальчика Комитетъ обязывался платить по 84 р. въ годъ, проживетъ ли онъ тамъ этотъ срокъ, или нѣтъ—безразлично; стоимость квартиры пріюта (по 300 р. въ годъ) Комитетъ принялъ также на свой счетъ, въ дополненіе къ прежней ежегодной субсидіи, какую выдавалъ дамскому Комитету, съ 1843 г. Всѣ эти условія были утверждены Президентомъ и примѣнены къ практикѣ (18 августа 1862 г.).

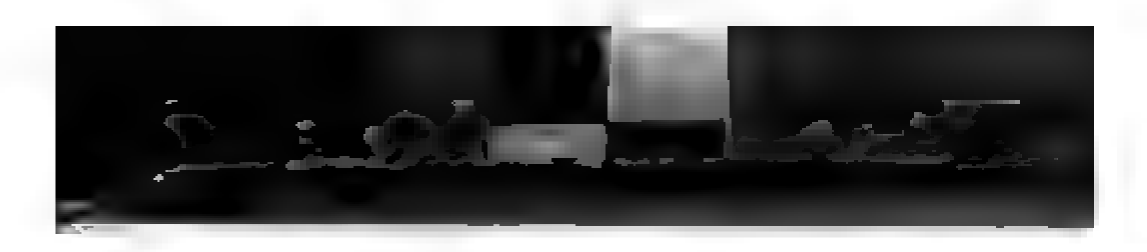
Въ этотъ же пріютъ опять помѣщали и мальчиковъ, оказывавшихся, вслѣдствіе своего круглаго сиротства и безпріютства, въ частяхъ: напр., по желанію князя А. А. Суворова—6-лѣтняго Григорьева; по настояніямъ Директоровъ: П. С. Лебедева—7-лѣтняго Сергѣева; В. Н. Пантелѣева — 8-лѣтняго Поликарпова и т. д. (въ 1862—1864 гг.).

Настоятельная надобность въ просторномъ, самостоятельномъ пріютѣ для мальчиковъ побудила Генералъ-Губернатора, князя А. А. Суворова, просить мужской Комитетъ осуществить это благое дѣло. Со своей стороны, и самъ Комитетъ, платя значительныя, ежегодно, суммы на пріюты и ведя о нихъ переписку, въ тоже время, долженъ былъ, каждый разъ, просить согласія дамскаго Комитета на помѣщеніе того или другаго мальчика, т. е. фактически оставаться въ сторонѣ отъ пріютовъ. Все это тяготило Комитетъ и онъ, наконецъ, додумался до мысли—учредить, для мальчиковъ, собственный пріютъ, чтобы быть полнымъ его хозяиномъ. Съ этою цѣлью онъ пригласилъ всѣхъ своихъ членовъ „оказать возможное, въ ихъ положеніи, моральное или матеріальное содѣйствіе къ осуществленію этого предпріятія» (въ 1864 г.). Оно вызывалось, между прочимъ, и тѣмъ, что

[redacted]

нерѣдко положительно некуда было дѣвать даже дѣтей арестантовъ, достойныхъ особеннаго о нихъ попеченія. Такъ, послѣ сосланнаго въ Сибирь вдоваго чиновника, Недачина, остались 3 сына, которыхъ надлежало, единственному ихъ покровителю, Комитету вырастить и поставить на ноги. Комитетъ и обращался въ разныя учебныя заведенія, отказавшіяся принять ихъ, за исключеніемъ, впрочемъ, Совѣта дѣтскихъ пріютовъ, но онъ требовалъ за каждаго изъ нихъ по 90 р. въ годъ, на 7 лѣтъ— 1.890 руб., когда на эту сумму легко было содержать и учить годъ 15 такихъ же несчастныхъ мальчиковъ (въ 1865 г.). Комитету хоть и удалось, правда, пристроить Недачиныхъ въ учебное заведеніе, но это не освобождало его отъ другихъ горемычныхъ сиротъ, требовавшихъ также продолжительныхъ о нихъ заботъ.

Миновало еще года два, но желаннаго „содѣйствія" ни съ чьей стороны не послѣдовало. И вотъ, чтобы вызвать это „содѣйствіе", Комитетъ образовалъ (изъ Директоровъ: С. Г. Ланкарева, кн. С. Д. Эристова, Н. И. Гвоздаво-Голенко и В. Н. Пантелѣева) особую коммисію „для изысканія средствъ къ учрежденію пріюта" (4 октября 1867 г.). Пока коммисія разсуждала, гдѣ найдти „средства," возникъ споръ о томъ, до какого именно возраста можно содержать дѣтей арестантовъ въ Комитетскихъ пріютахъ, съ производствомъ на нихъ казенныхъ кормовыхъ? Президентъ разъяснилъ это недоразумѣніе чрезвычайно справедливо и гуманно. Именно, что „содержаніе дѣтей въ пріютахъ или при родителяхъ, въ мѣстахъ заключенія, допускается лишь въ виду ихъ безпомощнаго положенія, слѣдовательно, и право ихъ на помощь — должно распространяться до достиженія ими такого физическаго развитія, при которомъ они могли бы существовать собственнымъ трудомъ, т. е. до *семнадцатилѣтняго возраста*". Съ этимъ мнѣніемъ согласился и Государственный контролеръ. Въ заключеніе Президентъ настойчиво совѣтовалъ Комитетамъ „*учить этихъ дѣтей гра-*

мотѣ, ремесламъ и готовить ихъ къ трудовой жизни" (циркуляръ 10 августа 1868 г. № 158).

Этотъ циркуляръ, обязывавшій Комитеты пещись о дѣтяхъ, родители которыхъ умерли въ заключеніи или сосланы въ каторгу, въ Сибирь на поселеніе или въ другія отдаленныя мѣста — до 17-лѣтняго ихъ возраста, а равно и начавшіяся приготовленія къ 50-лѣтнему юбилею „Общества Попечительнаго о Тюрьмахъ,“ довершили дѣло. Директоры С. Г. Лашкаревъ и кн. Е. Д. Эристовъ (члены коммисіи, все еще не изыскавшей средствъ къ созданію пріюта) предложили ознаменовать юбилей устройствомъ пріюта на *общіе* источники Комитета. Онъ на это согласился 15 ноября, а 5 декабря 1869 г. открылъ „пріютъ на 20 мальчиковъ отъ 3-хъ до 7-ми-лѣтняго возраста, до освобожденія ихъ родителей изъ подъ стражи,“ т. е. для такихъ дѣтей, которыхъ учить грамотѣ и ремесламъ еще рано.

Всю хорошую обстановку для пріюта пожертвовали нѣкоторые богатые Директоры; напр. П. Х. Розенбергъ — 40 желѣзныхъ кроватей, 8,000 арш. холста на бѣлье; А. А. Буренинъ — одежду на 20 питомцевъ и т. д.; а управлять имъ вызвался одинъ изъ жертвователей П. О. Юнѣевъ. Въ 1870 г. набралось 10 мальчиковъ, но все такихъ малолѣтнихъ, за которыми нуженъ былъ исключительно женскій уходъ, почему Комитетъ замѣнилъ надзирателя — надзирательницею, а наскоро составленныя, для руководства, краткія правила, г. Юнѣевъ полагалъ передѣлать такъ, чтобы Директоръ завѣдывалъ пріютомъ самостоятельно. Мысль эта не соотвѣтствовала желанію предсѣдательствовавшаго въ Комитетѣ, А. А. Волоцкаго (умеръ), именоваться „попечителемъ пріюта“, и онъ не далъ движенія проекту П. О. Юнѣева, который поэтому и покинулъ пріютъ. Имъ завѣдывали, потомъ, по приглашенію А. А. Волоцкаго, еще трое Директоровъ*), но вслѣдствіе разногласія съ А. А. Во-

*) Ѳ. Н. Смирной, Ѳ. В. Кравцовъ и пишущій эти строки.

[redacted]

лодцкимъ изъ-за „попечительства,“—никто долго не оставался.

Мы застали пріютъ, въ концѣ 1871 г., въ матеріальномъ отношеніи—вполнѣ обезпеченнымъ, а въ учебно-воспитательномъ—весьма плохимъ: учила дѣтей грамотѣ — надзирательница-старушка, изрѣдка, по старинной методѣ. Мальчики, по возрасту отъ 4 до 12 лѣтъ, ни во что ее не ставили; напротивъ, она ихъ боялась; занимались же они — кто когда и чѣмъ хотѣлъ. Все, чѣмъ они щеголяли — это умѣньемъ пѣть духовныя и нѣкоторыя свѣтскія пѣсни, которыми они приводили покойнаго А. А. въ самое умилительное состояніе духа. Мы успѣли увеличить нѣсколько время обученія, да усадить нѣсколько мальчиковъ за сапожное ремесло (переплетное продолжалось на счетъ Ѳ. Н. Смирнаго). Затѣмъ мы исподволь узнали, что многимъ родителямъ, уже выпущеннымъ на свободу или и небывавшимъ никогда подъ стражею, положительно нельзя было возвращать ихъ дѣтей: одни—многократно впадали въ преступленія, въ которыя вовлекали и дѣтей; другія—умоляли не исключать изъ пріюта ихъ сыновей, по неимѣнію ими рѣшительно никакихъ средствъ къ ихъ пропитанію; третьи же—отрекались отъ сыновей, даже изъ Петербурга скрывались, изъ опасенія, какъ бы имъ силою не вручили ихъ дѣтей, чрезъ полицію. Оттого большинство мальчиковъ пріюта были уже не арестантскіе дѣти, слѣдовательно не подлежавшія попеченію Комитета, который, однако, содержалъ ихъ наравнѣ съ сыновьями арестантовъ, изъ простаго сожалѣнія къ ихъ безпріютству.

Послѣ оставленія Комитета А. А. Волоцкимъ, пріютъ порученъ былъ А. П. Пятковскому, на правахъ завѣдывающаго отдѣльною частію его вѣдомства (съ 1 ноября 1872 г. *). Съ этого времени, т. е. со вступленія въ предсѣдатели Комитета кн. А. И. Шаховскаго, дѣятельность Комитета очень расши-

*) По 1877 г., пишущій эти строки, ежегодно, лѣтомъ, по 2—3 мѣсяца, замѣнялъ пріюту отсутствовавшаго А. П. Пятковскаго.

рилась, оживлялась по всѣмъ предметамъ. Кн. Шаховскій считалъ вреднымъ всякій формализмъ, загребаніе жара чужими руками, а потому открылъ членамъ полный просторъ дѣйствій, нерѣдко прямо въ глаза выражалъ имъ свои одобренія и порицанія. Это истинное пониманіе значенія филантропіи устранило нѣкоторые тормазы, привлекло, пріохотило дѣятелей, между прочимъ, и въ интересахъ пріюта.

Ко времени принятія пріюта А. П. Пятковскимъ число мальчиковъ, отъ 5 до 14 лѣтъ, повысилось за 30 челов. Г. Пятковскій, какъ педагогъ, улучшилъ воспитательный персоналъ, увеличилъ программу—до программы народныхъ школъ, слѣдилъ за способомъ преподаванія, ввелъ полугодовые и годовые экзамены *), приглашалъ на нихъ членовъ Комитета, педагоговъ и жертвователей, дабы видѣли, что ихъ приношенія идутъ въ прокъ. Все это обратило серьезное вниманіе на пріютъ не только представителей Комитета, но и публики, которой пріютъ сталъ симпатиченъ. Въ началѣ 1878 г. возникала, правда, мысль о закрытіи пріюта, вслѣдствіе недостатка средствъ Комитета и пребыванія въ пріютѣ большинства не арестантскихъ дѣтей, но эта мысль была отвергнута. Напротивъ: Комитетъ, въ виду процвѣтанія пріюта, по предложенію А. П. Пятковскаго, установилъ правиломъ—дурнымъ родителямъ не только не навязывать сыновей, но не отдавать и по ихъ просьбамъ, чтобы не подвергать мальчиковъ опасности очутиться въ тюрьмѣ и развратиться, но сперва научить ихъ грамотѣ, ремесламъ и правиламъ нравственности, а потомъ пристраивать ихъ въ учебныя или благонадежныя ремесленныя заведенія, глядя по ихъ способностямъ.

Для всего сказаннаго понадобились значительныя матеріальныя затраты, но и за ними дѣло не стало. Такъ, съ устроеннаго Комитетомъ, въ пользу пріюта, въ 1873 г., музыкально-

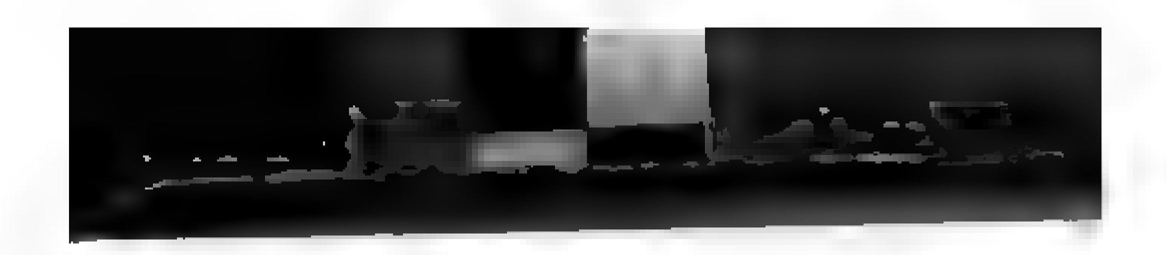
*) Начиная съ 20 декабря 1872 г. въ газетахъ, ежегодно, печаталось о празднованіи годовщинъ пріюта и о производившихся экзаменахъ мальчиковъ.

драматическаго вечера получилось барыша 1.025 р., да по подпискѣ, среди Директоровъ, 800 р.; музыкально-художественный вечеръ доставилъ въ 1874 г., 2.000 руб., потому что кн. А. И. Шаховской, собственными средствами, покрылъ всѣ расходы, простиравшіеся далеко за 1.000 р., пожертвовали Директоры: П. М. Виковъ, въ теченіе 3-хъ лѣтъ—до 5.000 руб.; А. Ф. Кони доставилъ до 1.000 р., гр. Строгоновъ—до 500 руб., Э. У. Быковскій, на школьныя принадлежности—200 руб. и т. д. Потомъ А. П. Пятковскій, желая обезпечить пріютъ на долго *постояннымъ* фондомъ,—выхлопоталъ, въ 1875 г., отъ городской думы и отъ попечительства надъ исправительною тюрьмою субсидію по 600 р. въ годъ на неопредѣленное время. Въ этотъ же фондъ д. т. сов. К. И. Менде пожертвовалъ 2.500 руб.; отъ спектакля (въ 1875 г.) осталось 865 руб., отъ лѣтнихъ спектаклей въ загородныхъ театрахъ, г. Пятковскій собиралъ, съ 1873 г., ежегодно, по 200—300 р. и т. д. Словомъ, пріютъ окончательно упрочился и оставлялъ во всѣхъ, когда либо его посѣщавшихъ, самое отрадное впечатлѣніе. Это могутъ засвидѣтельствовать десятки лицъ, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ сферамъ столичнаго общества. Мало того: по примѣру здѣшняго пріюта, Ѳ. В. Кривцовъ*) устроилъ пріютъ въ г. Тамбовѣ; свѣдѣнія о пріютѣ, для соображенія, посылались нѣсколькимъ Комитетамъ, намѣревавшимся, при открытіи пріютовъ, принять ихъ къ руководству у себя.

Въ 1876 г., когда въ Комитетѣ предсѣдательствовалъ кн. А. Н. Крапоткинъ, поднимался вопросъ объ обращеніи пріюта въ простое убѣжище для дѣтей арестованныхъ, но защитники пріюта отстояли его неприкосновенность. За то, появившійся въ въ числѣ жертвователей на пріютъ, купецъ Р. И. Эйхгольцъ, подъ благовиднымъ предлогомъ упроченія пріюта, рекомендовалъ купить для него деревянный домъ за 15.000 р., что и было

---

*) Бывшій Директоръ здѣшняго Комитета.

исполнено по настоянію лицъ, предусматривавшихъ въ этой покупкѣ интересъ... Комитетъ вступилъ во владѣніе этимъ домомъ въ зимѣ 1876 г., когда приспособлять его для пріюта было уже поздно; весною же 1877 г., А. П. Пятковскій, и В. П. Львовъ (академикъ архитектуры) освидѣтельствовали домъ и признали его для пріюта положительно негоднымъ. Представленіе этихъ Директоровъ, кн. Крапоткинъ, оставилъ безъ вниманія, пріютъ перевелъ въ этотъ домъ (24 іюня 1877 г.), а противившихся его переводу: А. П. Пятковскаго и начальницу пріюта, Р. И. Казанскую,—устранилъ отъ должностей *).

Сырое, ветхое, съ прогнившими полами, безъ оконъ и дверей зданіе, породило, среди дѣтей, разныя болѣзни, а по управленію пріютомъ — всевозможныя неурядицы, царившія почти 5 мѣсяцевъ, какъ засвидѣтельствовала особая комиссія изъ А. І. Гурко, Е. Е. Аникина, архитектора г. Бравура и друг.

По назначеніи предсѣдателемъ Комитета Ѳ. Н. Смирнаго, въ пріютъ возвратились А. П. Пятковскій и г-жа Казанская, а въ завѣдываніе хозяйственною частію пріюта вступилъ Е. Е. Аникинъ. Они возстановили разрушенный было до основанія порядокъ, приспособили зданіе для временнаго жительства пріюта (на это было затрачено Комитетомъ до 1.500 р.), потомъ, по предложеніямъ Ѳ. Н. Смирнаго, А. П. Пятковскаго и Е. Е. Аникина, Комитетъ прибавилъ законоучителя, другую помощницу начальницѣ, учителя пѣнія, мастеровъ для обученія дѣтей переплетному, столярному и сапожному ремесламъ. Устройствомъ мастерскихъ пріютъ обязанъ исключительно Ѳ. Н. Смирному. За то онъ порадовался и плодами своихъ трудовъ: выучившіеся дѣти поднесли ему въ подарокъ, собственнаго издѣлія, изящную большую деревянную шкатулку, послѣ экзамена, вначалѣ 1879 г. Кромѣ того они сами себѣ шьютъ сапоги, бѣлье и даже верхнюю одежду.

*) Свѣдѣнія эти заимствовали мы изъ происходившей, въ 1877 г., горячей, по этому предмету, газетной полемики, многимъ и теперь еще памятной.

Съ обновленіемъ по всѣмъ частямъ пріюта пожертвованія опять начали дѣлаться Директорами и членами Комитета; особенно крупными благотворителями были, до сихъ поръ, супруги Колесниковы. Далѣе, Гг. Смирной, Пятковскій, Кочетовъ и Аникинъ разработали проектъ устава пріюта на 40 челов., съ предоставленіемъ воспитанникамъ льготъ по воинской повинности 3 разряда, а Комитетъ, въ ознаменованіе дня столѣтняго рожденія Императора Александра перваго—основателя общества попечительнаго о тюрьмахъ,—рѣшилъ назвать пріютъ Его именемъ. На названіе состоялось Высочайшее разрѣшеніе (въ 1878 г.); проектъ же устава, до сихъ поръ, еще не утвержденъ, безъ всякаго, впрочемъ, надо признаться, ущерба для пріюта, такъ какъ онъ вовсе не нуждается въ регламентаціи, нерѣдко стѣсняющей начальство заведеній, тѣмъ болѣе, что репутація пріюта, какъ хорошаго заведенія, окончательно возстановилась въ глазахъ всѣхъ.

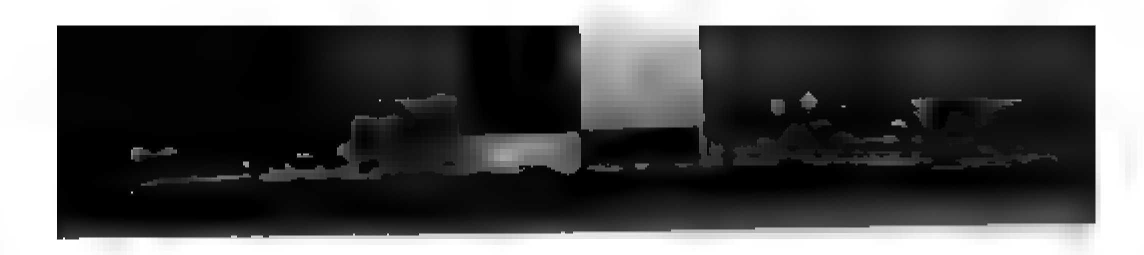
Благодаря этой репутаціи, установленной исключительно А. П. Пятковскимъ, городская дума, по ходайству Ѳ. Н. Смирнаго, подарила Комитету 1.800 кв. саж. земли, на Преображенскомъ плацу, для постройки на ней, для пріюта, дома, съ освобожденіемъ Комитета отъ платежа городскихъ повинностей, въ теченіи 40 лѣтъ *) (въ 1878 г.), такъ какъ негодный домъ Комитетъ продалъ, получивъ отъ этой операціи болѣе 3.000 р. убытку. Самый же пріютъ, съ 14 мая 1879 г., помѣщается, безплатно, въ домѣ гг. Колесниковыхъ.

Наконецъ, въ виду круглаго сиротства большинства мальчиковъ и отдачи подростающихъ изъ нихъ въ учебныя и ремесленныя заведенія **), Комитетъ, по инціативѣ Ѳ. Н. Смирнаго,

---

*) Постройка дома не началась еще, потому что между городскимъ управленіемъ, военнымъ и придворнымъ вѣдомствами возникъ споръ о правѣ собственности на плацъ. Скоро ли разрѣшится споръ — неизвѣстно, а покамѣстъ нельзя, разумѣется, производить постройку.

**) Съ 1870 г. поступили: въ учебныя заведенія—9, а въ торговыя и ремесленныя заведенія — 20 мальчиковъ, находящихся въ Петербургѣ. Изъ нихъ одинъ—уже кончилъ курсъ въ военно-фельдшерскомъ училищѣ и поступилъ на *службу* фельдшеромъ, другой служитъ конторщикомъ въ кондитерской, третій—*готовится* въ прикащики и т. д.

учреждать, для дальнѣйшей защиты ихъ отъ житейскихъ невзгодъ, особое попечительство изъ Директоровъ: А. П. Пятковскаго, Е. Е. Аникина, А. I. Кочетова, Колесниковыхъ и пишущаго эти строки (18 января 1879 г.).

Въ заключеніе прибавимъ, что мальчики распадаются, по ученію, на три отдѣленія: старшее, среднее и младшее, причемъ учатся: закону Божію, русскому языку, ариѳметикѣ, предметнымъ урокамъ (напр., какъ приготовляется холстъ, бумажная, шерстяная и шелковая матерія, бумага, ленъ, свѣчи, стекла и т. д.), естественной, русской исторіи, отчизновѣдѣнію и проч. Содержатся они чисто, опрятно, довольствуются хорошо (4 раза въ день), смотрятъ бойкими, здоровыми дѣтьми, а по возрасту отъ 3 до 14 лѣтъ.

Вдавшись въ изложеніе оснований учрежденія и дальнѣйшаго существованія пріюта для мальчиковъ, мы прервали повѣствованіе о пріютѣ для дѣвочекъ, находившихся, какъ читатели помнятъ, въ Замкѣ. Долгъ безпристрастія побуждаетъ насъ восполнить оставшійся пробѣлъ здѣсь, что будетъ, полагаемъ, кстати, какъ для полноты картины, такъ и для того, чтобы въ одномъ мѣстѣ—въ концѣ очерка—сгруппировать однородныя характеристическія, статистическія и денежныя свѣдѣнія по обоимъ пріютамъ.

Дѣвичій пріютъ также постепенно совершенствовался. Такъ, въ программѣ наукъ, преподававшихся дѣвочкамъ, дамскій Комитетъ прибавилъ: географію—въ 1864 г., славянскій языкъ и церковное пѣніе—въ 1866 г. Потомъ, въ 1870 г., Комитетъ задумалъ вывести пріютъ изъ Замка, вслѣдствіе „неудобства существованія его *въ тюрьмѣ*,“ но, по недостатку средствъ, вынужденъ былъ, изъ года въ годъ, отсрочивать осуществленіе этой мѣры. Въ 1874 г., Комитетъ призналъ рѣшительно невозможнымъ оставлять пріютъ въ стѣнахъ тюрьмы, ибо „смежность помѣще-

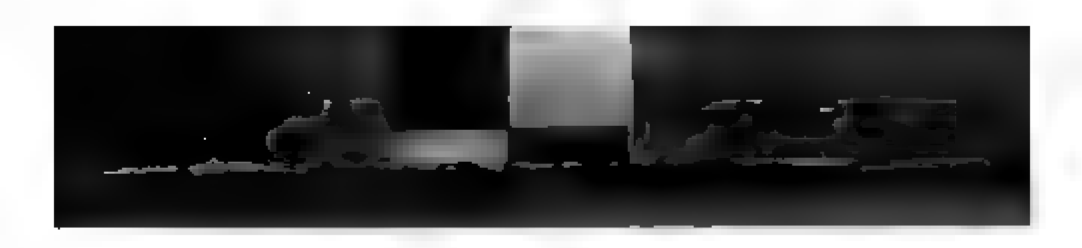
[redacted]

нія арестантокъ съ дѣвочками могла вредно отозваться на умѣ и дальнѣйшемъ развитіи послѣднихъ". Мотивъ этотъ побудилъ Комитетъ предложить Попечительству надъ исправительною тюрьмою помочь деньгами: единовременно—на первоначальное обзаведеніе пріюта на волѣ; да ежегодно—на воспитаніе въ пріютѣ дочерей арестантовъ названной тюрьмы. Попечительство дало сразу 500 р., да обязалось платить постоянно за 5 питомицъ по 120 р. въ годъ. Точно также и дума опредѣлила пріюту навсегда по 600 р. въ годъ.

Въ 1875 г., Комитетъ пріискалъ для пріюта домъ, приспособилъ его и перевелъ его туда, затративъ на все это: своихъ—1,118 р. 32 к., да пожертвованныхъ завѣдывающею пріютомъ съ 1870 г.—Директрисою Ю. Ф. Абазою 806 р. Въ 1876 г., Комитетъ перемѣстилъ пріютъ въ другой домъ, окруженный „обширнымъ, разросшимся садомъ," потому что прежняя квартира оказалась, зимою, холодною для дѣтей. Докторъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, г. Подобѣдовъ, вызвался даромъ лечить дѣвочекъ, а полковое начальство отвело имъ даже особое мѣсто въ домовой церкви, по близости къ мѣсту пребыванія пріюта.

На постройку дома и для этого пріюта дума также отвела 1.800 кв. саж. земли, на томъ же плацу и на вышеуказанныхъ ея условіяхъ. Наконецъ, по предстательству предсѣдательницы Комитета, принцессы Евгеніи Максимиліановны, состоялось Высочайшее повелѣніе объ отпускѣ, втеченіи 5 лѣтъ, пріюту изъ Государственнаго Казначейства по 2.000 р. въ годъ (въ 1876 г.).

Теперь, какъ и въ предшествовавшіе годы, дѣвочекъ пріюта учатъ начаткамъ закона Божія, чтенію, письму, ариѳметикѣ, русской исторіи, географіи, шить, приготовлять пищу, стирать и гладить бѣлье и т. п., чтобы онѣ, по выходѣ изъ пріюта, могли существовать честнымъ трудомъ. Въ пріютѣ призрѣваются и воспитываются дѣвочки отъ 5 до 16 лѣтняго возраста, а тогда Ю. Ф. Абаза и Комитетъ пристраиваютъ ихъ лишь на заведомо хорошія мѣста, покровительствуютъ имъ и впослѣдствіи по

ихъ отношеніяхъ. Дурнымъ родителямъ дѣвочекъ также не возвращаютъ; послѣ освобожденія родителей изъ-подъ стражи, дочерей ихъ изъ пріюта тоже не исключаютъ, круглыхъ сиротъ приписываютъ, по достиженіи ими возраста, къ обществу. Пища, одежда и помѣщеніе ихъ не оставляютъ желать лучшаго; видъ ихъ точно также живой, веселый, всѣмъ довольный.

Со времени основанія въ Петербургѣ пріюта, въ немъ воспитывалось дѣтей безъ раздѣленія на число мальчиковъ и дѣвочекъ.

въ 1844 г.	51 чел.	въ 1845 г.	50 чел.	въ 1846 г.	34 чел.
1847	19	1848	22	1849	19
1850	23	1851	15	1852	20
1853	29	1854	23	1855	16
1856	20	1857	16	1858	19
1859	18	1860	22	1861	21

Итого 332 человѣка, кромѣ находившихся въ Комитетѣ для разбора нищихъ, гдѣ они смѣшивались, нѣсколько лѣтъ сряду, съ нищими и потому число ихъ достовѣрно неизвѣстно. По раздѣленіи дѣтей на два пріюта было:

	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.
въ 1862 г.	15	10
1863	14	18
1864	17	19
1865	11	11
1866	24	15
1867	20	10
1868	19	—
1869	18	—
	138	83

Со введеніемъ же полнаго разграниченія дѣятельности Комитетовъ по пріютамъ, въ нихъ жило:

[redacted]

			Въ дѣвичьемъ пріютѣ. Стоилъ пріютъ.		Въ пріютѣ мальчиковъ. Стоилъ пріютъ.		
			Руб.	Коп		Руб.	Коп.
въ 1870 г.	22	чел.	828	56	19 чел.	2100	—
1871	32		1382	50	37	2270	—
1872	31		1474	57	33	2822	42
1873	31		1444	91	26	2412	25
1874	30		1509	70	34	2897	18
1875	44		4387	70	40	2319	33
1876	47		3100	—	43	4130	56
1877	46		3406	59	42	4329	50
1878	42	до	3200	—	45	4718	84
	325	чел.	20734	53	319 чел.	28000	8

Изъ приведенныхъ фактовъ вытекаютъ, между прочимъ, вотъ какіе выводы. Призрѣніе и первоначальное воспитаніе получили въ двухъ лишь петербургскихъ пріютахъ, втеченіи 34-хъ лѣтъ,—1.181 дѣтей обоего пола, находившихся безъ крова и пропитанія, отчего могли легко впасть въ пороки и увеличить собою контингентъ арестантовъ и арестантокъ. Мы это говоримъ на основаніи близкаго знакомства съ этими дѣтьми: они прибываютъ въ пріюты, за рѣдкими исключеніями, безъ всякой религіозной и нравственной *подготовки*, не знающими ни молитвъ, ни азбуки (даже и 10-лѣтніе); не имѣющими никакого понятія о различіи между своею и чужою собственностію; неряшливыми, апатичными, а часто и до крайности своенравными. Семилѣтній мальчикъ, напр., за полученный, за шалость, во время обѣда, выговоръ,—двое сутокъ сряду категорически отказывался ѣсть, и хотя сильно отощалъ, но съ большими усиліями удалось уговорить его принимать пищу. Другой, 6 лѣтъ, посаженный учиться грамотѣ, внезапно *перестаалъ говорить* и никакія внушенія, ласки и угрозы не подѣйствовали на него впродолженіи 2-хъ недѣль, покамѣстъ его освободили отъ всякаго занятія и лишь

тогда онъ заговорилъ. Дѣвочка изъ нежеланія чистить своихъ сапогъ, разрѣзала ихъ въ куски и похвалялась своимъ поступкомъ предъ другими; другая, чтобы не учиться — убѣжала изъ пріюта, но попала въ полицію и возвращена обратно и т. д.

Привычки: лгать, браниться, драться, не умываться, все, что попало—рвать, брать—очень сильны въ нихъ. На отученіе ихъ отъ всѣхъ ихъ дурныхъ наклонностей уходятъ, обыкновенно, цѣлые мѣсяцы, ибо они долго не въ силахъ освоиться съ новымъ своимъ положеніемъ. А такія дѣти на волѣ, безъ присмотра,—прямые кандидаты въ тюремные сидѣльцы.

Число этихъ дѣтей, спасаемыхъ пріютами отъ торной дороги къ проступкамъ, съ 1870 г. прогрессивно возрастаетъ, потому, преимущественно, что ихъ родственники уже не оставляютъ ихъ у себя, какъ дѣлали прежде, а тотчасъ же, по заарестованіи ихъ родителей,—спѣшатъ сдать ихъ въ пріюты, чтобы не тратиться на ихъ содержаніе, и, не по скупости, а вслѣдствіе неимовѣрной, для бѣдныхъ людей, дороговизны продуктовъ и т. п. жизненныхъ потребностей. Напротивъ: втеченіи послѣднихъ 8 лѣтъ положительно никто изъ „несостоятельныхъ" или „неисправныхъ должниковъ" не просилъ о помѣщеніи ихъ дѣтей въ пріюты, доступные для нихъ рѣшеніемъ сената 1846 и правилами 1862 гг., такъ какъ большая часть несостоятельностей— удачно *сдѣланная* афера, съ предварительнымъ обезпеченіемъ семействъ, живущихъ въ довольствѣ. Точно также не было ни одного случая, чтобы женщины, содержащіяся подъ стражею съ младенцами, или разрѣшающіяся отъ бремени въ мѣстахъ заключенія,—желали отдавать младенцевъ въ воспитательный домъ, на вскормленіе, въ чемъ имъ бы не отказали по положенію 1827 г., сохранившему свою силу и понынѣ. Это явленіе объясняется расположеніемъ матерей къ дѣтямъ, да тѣмъ, что имѣющимъ при себѣ младенцевъ,—предоставляются въ Замкѣ, дамскимъ Комитетомъ, многія удобства и льготы, ради этихъ

[redacted]

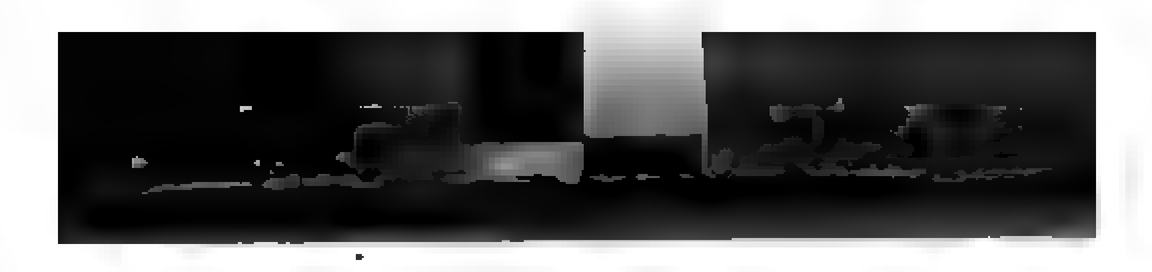
младенцевъ, которые имъ не только не въ тягость, но доставляютъ имъ утѣшеніе въ скорбной ихъ долѣ.

Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ и приблизительными цифрами стоимости пріютовъ всѣмъ Комитетамъ (на 463 стр., пропущенъ, по недосмотру, Вологодскій пріютъ, содержавшійся 1846—1849 г. на счетъ таможняго Директора Гудкова); точно также намъ не удалось извлечь количество затратъ и на Петербургскіе пріюты съ 1844 по 1870 гг. Оттого возьмемъ только по здѣшнимъ пріютамъ самыя наименьшія цифры—по 1.000 р. въ годъ,—за первые за 26 лѣтъ — 26.000 р., да за последнія 8 лѣтъ оба пріюта обошлись Комитетамъ, въ 48.734 р. 62 к.,—итого 74.734 р. 62 к. Затѣмъ, скинемъ изъ этой суммы казенныя кормовыя, которыхъ, среднимъ числомъ, получалось не болѣе 300 р. въ годъ *) (это составитъ, въ сложности за 34 года, 10.200 р.), —и въ результатѣ увидимъ, что лишь два Комитета употребили на пріюты, изъ собранныхъ ими общественныхъ и частныхъ источниковъ—64.534 р. 62 коп. Этотъ же капиталъ, вмѣстѣ съ безкорыстными личными хлопотами и трудами, привесенными Комитетами на пользу обездоленныхъ, судьбою гонимыхъ дѣтей,—даютъ Комитетамъ неоспоримое право на признательность общества.

На этомъ и кончимъ сжатый очеркъ о разнообразныхъ системахъ призрѣнія и воспитанія малолѣтнихъ дѣтей лицъ, находившихся арестованными, какъ въ Петербургѣ, такъ и по всей Россіи, за 60 лѣтній періодъ дѣятельности общества Попечительнаго о тюрьмахъ. Инициатива относительно обезпеченія этихъ дѣтей всегда исходила, какъ читателямъ извѣстно, отъ представителей общества.

---

*) Собственно за время содержанія родителей дѣтей подъ стражею.

XX.

Характеристика петербургскихъ мѣстъ заключенія за послѣдніе 10 лѣтъ.

При полиціи.

Въ С.-Петербургѣ 38 полицейскихъ участковъ, а въ каждомъ изъ нихъ по каморкѣ, лишенныхъ, въ большинствѣ, свѣта, а вездѣ — постельныхъ и какихъ бы то ни было принадлежностей жилыхъ помѣщеній; каморки эти: длиною—въ 6—8, а шириною—въ 2—4 шага.

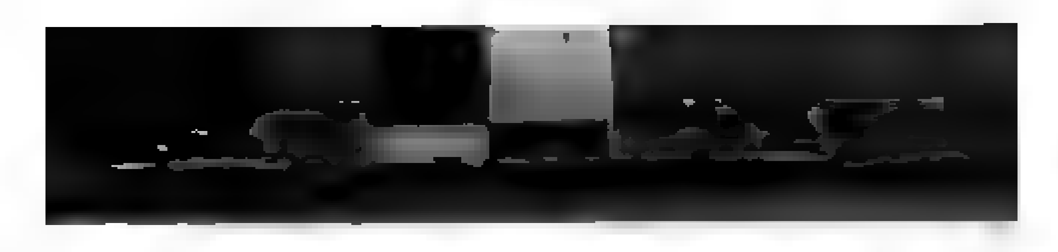
Всякій, задержанный по подозрѣнію въ совершенномъ преступленіи и по административному распоряженію, прежде всего, приводится въ участокъ, и, до тѣхъ поръ, пока составится установленный протоколъ, напишется бумага съ препровожденіемъ его дальше,—запирается въ каморку на 2—3 часа, а если онъ задержанъ ночью — до утра; въ каморкахъ этихъ валяются на голомъ полу, иногда, цѣлыя ночи на пролетъ и по 3—6 человѣкъ, подъ надзоромъ служителей, которые обходятся сурово, въ особенности съ тѣми, которые не повинуются, протестуютъ и тѣмъ самымъ разгоняютъ дремоту этой, физически уставшей дневною бѣготнею, стражи... На слабонервныхъ, новичковъ въ прегрѣшеніяхъ, каморки производятъ сильное впечатлѣніе: въ ихъ головахъ живо рождается мысль, что коль скоро здѣсь имъ, еще не уличеннымъ, не допрошеннымъ, такъ ужъ неудобно, тяжело, то послѣ, когда переведутъ въ часть, тюрьму, начнется

формальное слѣдствіе, безъ сомнѣнія, будутъ вдесятеро тяжелѣе, хуже... Чувство самосохраненія навѣваетъ на нихъ унынiе, раскаяніе и, въ это время, нѣсколькихъ ласковыхъ словъ совершенно достаточно для раскрытія истины. Мы увѣрены, что отъ допроса обвиняемыхъ, въ этотъ именно моментъ, значительно выиграла бы слѣдственная часть; тѣмъ болѣе, что составляющіе первые протоколы, большею частію, околодочные надзиратели не въ состояніи достигнуть этой цѣли, по малому пониманію того, что они творятъ...

По изготовленіи роковыхъ протоколовъ, часто, —кстати прибавимъ, —не провѣряемыхъ слѣдователями и судьями, по наступленіи утра, арестованные отсылаются, для содержанія подъ стражею, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій подлежащей власти, въ частные полицейскіе дома, подвѣдомственные, касательно арестованныхъ: полиціи, прокуратурѣ и тюремнымъ: мужскому и дамскому Комитетамъ *) (15, 17 и 18 ст. уст. о сод. подъ стр., т. XIV св. зак.), а относительно ремонта, отопленія и освѣщенія—городскому управленію. Завѣдывающіе этими домами смотрителя, или ихъ помощники, распоряжаются обыскомъ приведенныхъ къ нимъ, запискою ихъ въ алфавиты, отобраніемъ отъ нихъ всего, кромѣ одежды, которая на нихъ, и отводятъ ихъ самихъ въ камеры, согласно 24—28 и 30 п. инструкціи, преподанной смотрителямъ Оберъ-полиціймейстеромъ въ 1868 г.

Въ каждомъ изъ 12 частныхъ домовъ есть по 3—6 общихъ, да по стольку же одиночныхъ камеръ. *Оффиціально* камеры эти 3-хъ сортовъ: для содержанія въ одиночномъ заключеніи; для зачисленныхъ за мировыми судьями—въ другой, осужденныхъ мировыми судьями на срокъ до 4-хъ мѣсяцевъ — въ третьей. Мужчинъ, разумѣется, отдѣльно отъ женщинъ; но, въ дѣйствительности, бываютъ еще категоріи, распредѣляющіяся

*) По смыслу 34 ст. уст. о содерж. подъ стр., Комитеты занимаются: мужскіе—арестантами, а женскія — арестантками; но съ казною или высшимъ начальствомъ ведетъ переписку мужской Комитетъ, въ силу 79 ст. уст.

дѣляются отъ другихъ; напримѣръ, привилегированные, задерживаемые по распоряженію администраціи, да гдѣ расположеніе позволяетъ — безпріютные, малолѣтніе и несовершеннолѣтніе тоже отдѣляются отъ взрослыхъ.

Съ поселеніемъ въ частяхъ, арестованные подпадаютъ уже подъ дѣйствіе инструкціи, во многомъ расходящейся съ другою инструкціею смотрителямъ губернскихъ тюремныхъ замковъ (прил. къ 96 ст. уст. о содерж. подъ стражею) въ томъ, что „при [illegible] лицъ, приносящихъ подъ стражу въ части, можетъ присутствовать и „постороннее лице“, въ качествѣ, такъ сказать, общественнаго контролера, чего въ тюрьмахъ не допускается; [illegible] арестованнымъ дозволяется собственную одежду, бѣлье и [illegible]; а въ тюрьмахъ — все казенное; въ бани арестованныхъ, въ частяхъ, предписывается водить въ тюремныя, а за неимѣніемъ [illegible] въ частныя; бѣлье имъ указывается отсылать мыть въ тюрьму же, наконецъ, свиданія съ родственниками имъ дозволяются, сверхъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, какъ въ тюрьмахъ, еще и по четвергамъ (21, 28, 43 пунктъ [illegible] прилож. [illegible] 49 и 54 §§ инструкціи).

Общія камеры въ частяхъ, сравнительно съ участковыми [illegible], представляютъ много удовлетворительныхъ помѣщеній, потому что это преимущественно большія, свѣтлыя комнаты; [illegible] мѣста предварительнаго заключенія — онѣ не соотвѣтствуютъ своему назначенію: въ нихъ бываетъ часто очень тѣсно, [illegible] для простолюдиновъ [illegible], перегородки деревянныя, [illegible] отдѣленіи, а неисправный и, почти всегда запоздалый ремонтъ, какъ бы восполняетъ ненормальность гигіеническихъ и прочихъ условій. Обстановка арестованныхъ [illegible]: въ каждой части, кромѣ необходимыхъ докторовъ, [illegible]меровъ, пожарныхъ, служителей и проч., — располагаютъ просторными квартирами лица, въ сущности не причастныя къ [illegible] (полиціймейстеры, блюстители за проституціею, участковые пристава и проч.), а квартиральныхъ столько, что [illegible]

[redacted]

ить сразу освободились, — не представляло бы никакой надобности въ постройкѣ арестнаго дома и все еще предполагаемой новой тюрьмы: оба учрежденія легко помѣстились бы въ частяхъ, при иномъ разсортированіи обывателей послѣднихъ.

Арестованные живутъ: простолюдины по 10—15 человѣкъ и болѣе, а привиллегированные по 2—4 человѣка въ камерахъ. Въ камерахъ для благородныхъ и въ одиночныхъ, есть желѣзныя кровати, мочальные матрацы, подушки, суконныя одѣяла, столики съ ящиками для склада имущества, а простолюдины спятъ на нарахъ и рогожныхъ постельникахъ. Все это жертвуютъ мѣстные Комитеты, ихъ члены, либо и частныя, случайныя лица. Кто изъ арестованныхъ не имѣетъ собственной одежды, бѣлья, обуви, — тѣмъ и это дается изъ хранящагося въ вѣдѣніи смотрителей запаса, заготовляемаго Комитетами на ихъ счетъ, да иногда жертвуемаго частными благотворителями, потому что отъ казны ровно ничего не полагается. Въ имуществѣ въ частяхъ чувствуется постоянно крайній недостатокъ по слѣдующимъ причинамъ:

Во 1-хъ, при періодическихъ постройкахъ вещей, нужныхъ Комитетъ, для правильнаго расходованія получаемыхъ имъ изъ разныхъ источниковъ денегъ, обязанъ собирать точныя справки куда, чего и по скольку именно нужно, чтобы сразу дешевле все приготовить; вызывать, посредствомъ печатныхъ объявленій, желающихъ взять поставку матеріаловъ; производить торги, переторжки, заключать контракты, принимать, свидѣтельствовать матеріалы и составлять о томъ акты; потомъ шить вещи непремѣнно руками арестантовъ, для доставленія имъ занятія, а отчасти и заработковъ, а когда вещи сошьются — свидѣтельствовать ихъ, составлять новые акты, и, лишь по исполненіи всего этого, — раздать ихъ въ части, а на всю эту процедуру уходитъ обыкновенно по 4—6 мѣсяцевъ.

Во 2-хъ, третья часть общаго контингента арестованныхъ поступаетъ въ части всегда въ ветхихъ рубищахъ, потерявшими

XX.

Характеристика петербургскихъ мѣстъ заключенія за послѣдніе 10 лѣтъ.

При полиціи.

Въ С.-Петербургѣ 38 полицейскихъ участковъ, а въ каждомъ изъ нихъ по каморкѣ, лишенныхъ, въ большинствѣ, свѣта, а вездѣ — постельныхъ и какихъ бы то ни было принадлежностей жилыхъ помѣщеній; каморки эти: длиною—въ 6—8, а шириною—въ 2—4 шага.

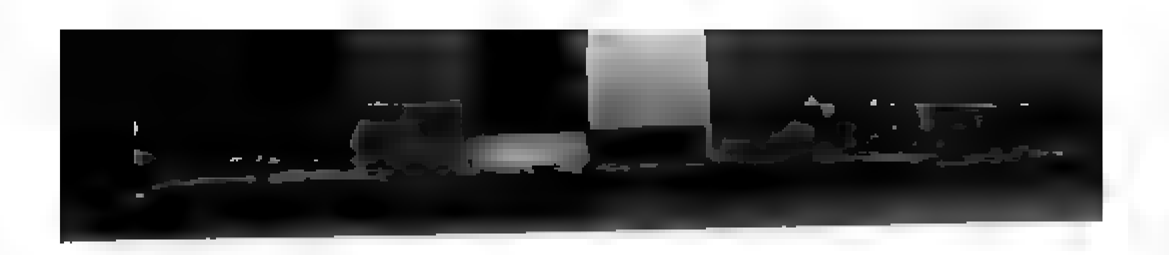
Всякій, задержанный по подозрѣнію въ совершенномъ преступленіи и по административному распоряженію, прежде всего, приводится въ участокъ, и, до тѣхъ поръ, пока составится установленный протоколъ, напишется бумага съ препровожденіемъ его дальше,—запирается въ каморку на 2—3 часа, а если онъ задержанъ ночью — до утра; въ каморкахъ этихъ валяются на голомъ полу, иногда, цѣлыя ночи на пролетъ и по 3—6 человѣкъ, подъ надзоромъ служителей, которые обходятся сурово, въ особенности съ тѣми, которые не повинуются, протестуютъ и тѣмъ самымъ разгоняютъ дремоту этой, физически уставшей дневною бѣготнею, стражи... На слабонервныхъ, новичковъ въ прегрѣшеніяхъ, каморки производятъ сильное впечатлѣніе: въ ихъ головахъ живо рождается мысль, что коль скоро здѣсь имъ, еще не уличеннымъ, не допрошеннымъ, такъ ужь неудобно, тяжело, то послѣ, когда переведутъ въ часть, тюрьму, начнется

дѣйствія: Комитетъ не находилъ средствъ на жалованье учителямъ, а другія власти признавали этотъ предметъ ихъ не подвѣдомственнымъ. Книгами для чтенія Комитетъ всегда снабжалъ части, но какъ книги и бумага, то она постоянно истреблялась арестованными на папиросы, либо терялась по невнимательности попечительныхъ смотрителей.

Все вышеизложенное вынуждало Комитетъ ограничивать свою дѣятельность относительно арестантскихъ частей указанными предметами, да порученіемъ арестантовъ попеченію отдѣльныхъ Директоровъ, которые навѣдывались туда, собирали для арестантовъ справки объ ихъ дѣлахъ; требовали пищу, жертвовали кто—кровати, кто—бѣлье, кто—деньги на необходимыя надобности и проч., но дѣятельность ихъ выражалась довольно слабо, потому преимущественно, что они не имѣли такъ никакого значенія: о нихъ и въ названной инструкціи нѣтъ, кажется, ни одного слова; при всякомъ посѣщеніи они видѣли грустное положеніе арестованныхъ, къ нимъ обращались то за тѣмъ, то за другою помощью, оказать которыя они были не въ силахъ, и потому уходили скрѣпя сердце, а разбившіяся надежды просителей вооружали ихъ и противъ Директоровъ—членовъ Комитета, касса котораго, по наивному понятію всѣхъ—отъ смотрителей до арестантовъ включительно,—будто бы неистощима.

Все это относилось, впрочемъ, до мужчинъ; женщины же содержались значительно лучше, чище, благодаря вліянію, какое имѣли, въ разныхъ сферахъ, директрисы дамскаго Комитета супруги и родственницы сановниковъ. Женщины судившіяся—работали, занимались и размѣщались порядочно, ибо нѣкоторыя помѣщенія ихъ недавно были передѣланы.

Описанное бездѣйствіе, а отсюда скука и тоска производили въ однихъ—раздражительность, отчего они бранились, дрались между собою, а въ другихъ—апатію ко всему, кромѣ явки къ мировымъ судьямъ, къ допросамъ, къ которымъ старательно готовились, учили другъ друга, какъ лучше изворачиваться,

выпутываться изъ угрожающей имъ бѣды. Появленіе въ нихъ новичка также значительно оживляло ихъ: они „приводили его въ свою вѣру" *), обступали съ разспросами, навязывали ему совѣты, вселяли въ него предубѣжденіе преимущественно противъ судей, слѣдователей и прокуроровъ, такъ, что въ теченіи 3—6-ти сутокъ (если преступленіе не выходило изъ ряда вонъ, то первый формальный допросъ никогда не дѣлался ранѣе, какъ черезъ 5 дней) онъ совершенно очерствлялся, а представъ, затѣмъ, предъ представителемъ правосудія, категорически отрекался отъ самыхъ безспорныхъ фактовъ и глазомъ не моргнувъ. Подсудимые мировымъ судьямъ черезъ недѣлю, двѣ обыкновенно, осуждаются или оправдываются, а тѣ, которые „зачислятся за слѣдователями", переводятся въ „домъ предварительнаго заключенія".

Господствовавшіе прежде грабежи, теперь, славу Богу, вывелись, благодаря строгимъ карамъ, постигшимъ въ особенности нѣсколькихъ смотрителей и многихъ арестантовъ, о чемъ живо разнеслось повсемѣстно. Впрочемъ, теперь ужъ рѣдки и тѣ буйные арестанты, которые прежде проводили цѣлые годы въ частяхъ, а потому до крайности свирѣпѣли при тогдашней распущенности нравовъ вообще. Остается горячо желать, чтобы и драки прекратились, что вполнѣ возможно достигнуть энергическимъ распоряженіемъ начальства полиціи.

Во всѣхъ частяхъ принимаются, для ночлеговъ, желающіе того, безпріютные, бѣдняги, а равно подбираемые полиціею пьяные, до вытрезвленія; помѣщаются пьяные въ особыхъ комнатахъ, въ которыхъ вечеромъ дышать трудно отъ зловонія. Будучи въ безпамятствѣ, многіе тамъ же испражняются... Пьяныхъ всѣхъ лежитъ на полу, на нарахъ, въ комнатѣ по 15—30 человѣкъ, а въ большіе праздники, или во время гуляній на кладбищахъ—въ ближайшихъ къ нимъ частяхъ—и до сотни. Скла-

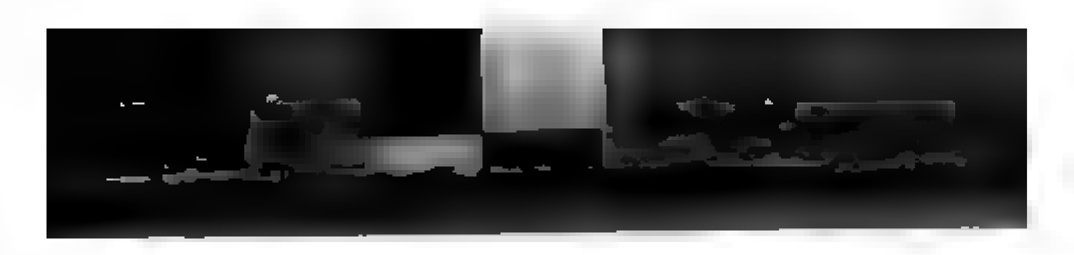
*) Совѣтуютъ, чтобы запирался.

[redacted]

дираютъ пьяныхъ въ камеры въ одномъ бѣльѣ, а остальныя ихъ вещи связываютъ въ отдѣльные узлы, на которыхъ пишется № по порядку поступленія пьяныхъ; этотъ же № ставится чернилами, краскою, или дегтемъ, и на спинѣ рубашки каждаго, чтобы впослѣдствіи скорѣе и вѣрнѣе распознать: кто въ чемъ доставленъ.

Способъ этотъ наносилъ однако ущербъ какъ вытрезвлявшимся, такъ и смотрителямъ частей: ловкіе мазурики, притворившись пьяными, попадали въ части и общія камеры, разглядывали на товарищахъ качество бѣлья и на комъ находили щегольское,— съ тѣхъ снимали рубашки, надѣвали: на нихъ—свои, на себя—ихъ, и нѣкоторое время спустя стучали въ дверь, чтобы ихъ, какъ отрезвившихся, выпустили, что и исполнялось. Тогда, получивъ по № хорошую чужую одежду—они уходили благополучно, оставляя свои отрепья спавшимъ, которые потомъ принуждены бывали проститься съ вещами, во избѣжаніе новыхъ для себя скандаловъ, а если не дорожили репутаціею, вознаграждались смотрителями, платившимися за недосмотръ своими карманами. Оказіи эти и доселѣ иногда повторяются, а дабы ихъ устранить, установлено: всѣхъ, въ теченіи сутокъ забранныхъ, отсылать, для водворенія на мѣсто ихъ жительства,—разомъ, утромъ, такъ что буде произойдетъ обмѣнъ вещей—онѣ тотчасъ же узнаются и возвращаются по принадлежности.

Вотъ все, что происходитъ въ частяхъ, откуда арестованные направляются: одни, отсидѣвшіе, по приговорамъ мировыхъ судей, краткіе сроки—на свободу; другіе, безпріютные—въ Комитетъ для разбора и призрѣнія нищихъ; третьи, просрочившіе паспорты и удаляемые по другимъ причинамъ, административнымъ порядкомъ—въ пересыльную; четвертые, осужденные мировыми же судьями за крупные проступки къ заключенію на продолжительные сроки—въ исправительную тюрьму, а пятые,—слѣдствія о которыхъ начаты—въ домъ предварительнаго заключенія.

Содержались въ частяхъ подолгу, правда, исключительно ...скіе закононарушители. Тѣмъ не менѣе и за ними требовался ...дзоръ, но онъ, къ сожалѣнію, чаще всего отсутствовалъ, по...ому что самимъ смотрителямъ некогда было, а ихъ помощ...ики — околодочные, преимущественно, люди малоразвитые, ...вно какъ и служителя цѣлые дни бывали въ разгонѣ. Понятно, ...о къ вечеру всѣ они безсильны были серьезно наблюдать ... тѣмъ, что именно происходило въ камерахъ. Коль скоро до ...ъ ушей не доносилось ни крика, ни брани—они мирно дремали ... корридорахъ... Оттого же—о налагаемыхъ на арестованныхъ ...сциплинарныхъ взысканіяхъ—въ книгахъ не писалось; при ...іемѣ людей подъ стражу и отобраніи отъ нихъ вещей и де...егъ—постороннихъ не бывало; врачи частей арестантовъ и ...меръ — не осматривали; несовершеннолѣтніе рѣдко помѣща...ісь отдѣльно отъ взрослыхъ; вмѣшательство смотрителей въ ...одовольственную часть — вездѣ значительное и т. д. Короче ... только 16, 18, 30, 36, 41 п. инструкціи, касающіеся пе...численныхъ предметовъ, игнорировались, но почти и вся она до ...кой степени находилась въ забвеніи, что о ней даже иные ...отрители располагали самымъ смутнымъ понятіемъ, какъ мы ...огократно въ этомъ убѣждались, при объясненіяхъ съ этими ...цами.

Домъ предварительнаго заключенія.

Сооружалъ этотъ домъ академикъ архитектуры, дѣйств. ... сов. Маевскій, подъ наблюденіемъ особой Коммиссіи, со...оявшей изъ представителей министерствъ: внутреннихъ дѣлъ ... юстиціи. Когда домъ еще достраивался, въ немъ, „1 Іюля ...378 г., обрушились два кирпичныхъ, 4-го этажа, сводика, ...обившіе своею тяжестію своды всѣхъ остальныхъ 3-хъ эта-

...жей

[redacted]

жей до подвальнаго, отчего трое рабочихъ было до смерти убито, да шестеро — ранено; изъ послѣднихъ трое получили тяжкія увѣчья". За „нерадивое исполненіе обязанностей, допущеніе безпорядковъ и нарушеніе правилъ при постройкѣ зданій", г. Маевскій привлекался къ уголовной отвѣтственности и судился, въ 1874 г., въ судебной палатѣ, которая оправдала его, потому, предпочтительно, что эксперты, собратьи Г. Маевскаго по профессіи, подтвердили, что „весьма трудно указать причину разрушенія сводиковъ, ибо въ наукѣ нѣтъ ни одного правила какъ слѣдуетъ разбирать сводики, провалившіеся, по всей вѣроятности, отъ сотрясенія въ нихъ, отъ растревоженія ихъ хожденіемъ по нимъ и бросаніемъ тяжести",—точно они были хрустальные, а дѣлались, лишь для летанія, по нимъ, птицъ!... Всѣ прелести этого, въ архитектурномъ и пенитенціарномъ отношеніяхъ, дома описалъ, въ фельетонѣ, самымъ восторженнымъ тономъ *) В. Д. Спасовичъ, потомъ защищавшій г. Маевскаго. Мы ограничимся сообщеніемъ, что по кубическому содержанію воздуха, домъ построенъ на 700 чел.; при чемъ одиночныхъ келій: мужскихъ—285, женскихъ—32, а общихъ камеръ—68. Знаменитый архитекторъ-академикъ забылъ только построить хлѣбопекарню, ледникъ и еще кое-что. На домъ затратилъ онъ болѣе 800.000 р.

Когда домъ былъ готовъ, послѣдовало, по представленію Министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайше утвержденное (28 января 1875 г.) мнѣніе Государственнаго Совѣта о томъ, что—

1) Для содержанія лицъ, подвергшихся взятію подъ стражу, на время состоянія подъ слѣдствіемъ и судомъ въ предѣлахъ С.-Петербурга и его уѣзда, учреждается въ С.-Петербургѣ Домъ предварительнаго заключенія; 2) впредь до утвержденія, въ законодательномъ порядкѣ, новаго положенія о тюрьмахъ, с.-петербургскій Домъ предварительнаго заключенія *изъемлется изъ* вѣдѣнія С.-Петербургскихъ губернскаго правленія и *Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета*; 3) по-

*) См. „С.-Пет. Вѣд." 21 августа 1874 г., № 229.

рядокъ управленія Домомъ установляется временно Министромъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ Министромъ юстиціи, причемъ участіе прокурорскаго надзора въ наблюденія за правильнымъ содержаніемъ заключенныхъ опредѣляется на основіи существующихъ узаконеній. Проектъ временнаго штата Дома предварительнаго заключенія привести въ дѣйствіе впредь на *три* года; весь исчисленный по штату расходъ, въ количествѣ *пятидесяти пяти тысячъ пятисотъ восьмидесяти рублей* въ годъ, отнести на счетъ государственнаго казначейства, со внесеніемъ въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ, начавъ отпускъ означенной суммы съ 1-го января 1875 г. Въ случаѣ могущаго послѣдовать сокращенія расходовъ города С.-Петербурга по содержанію здѣшняго тюремнаго замка, весь остатокъ, отъ расходуемыхъ нынѣ городомъ на этотъ предметъ,—обращать въ счетъ назначенной, по настоящему штату, суммы на содержаніе Дома предварительнаго заключенія, съ соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ ассигнованій изъ государственнаго казначейства. На покрытіе расходовъ по устройству въ зданіи с.-петербургскаго Дома предварительнаго заключенія водопроводной машины, отпустить единовременно *четырнадцать тысячъ рублей* изъ сборнаго тюремнаго капитала.

Персоналъ Дома, по штату, опредѣленъ изъ 70 чел., содержаніе которыхъ, кромѣ квартиръ натурою, — вычислено въ 28.780 р. въ годъ, затѣмъ, положено: на содержаніе зданія, отопленіе, освѣщеніе и проч. 25.000 руб., да на дѣлопроизводство 1.800 р. въ годъ. Наконецъ, для обезпеченія порядка примѣчаніями къ штату постановлено:

1-е, Въ должности: ключника, надзирателей и надзирательницъ могутъ быть опредѣляемы лица всякаго званія, которыя, во время состоянія въ сихъ должностяхъ, пользуются правами, опредѣленными въ статьѣ 464-й Уст. служ. Прав. (Св. Зак. Т. III). 2-е, Всѣ вольнонаемные чины управленія и надзора, за преступленія и проступки по должности, подвергаются отвѣтственности наравнѣ съ состоящими на дѣйствительной службѣ. 3-е, Старшіе и младшіе надзиратели и надзирательницы, а также вся вообще прислуга при Домѣ, одѣваются на собственное иждивеніе, по формѣ и продовольствуются также на собственный счетъ. 4-е, Лицо, которое будетъ назначено въ должность эконома, обязано, въ обезпеченіе ввѣряемаго ему по должности казеннаго имущества, представить залогъ въ опредѣляемомъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ размѣрѣ. 5-е, Число разнаго рода служителей

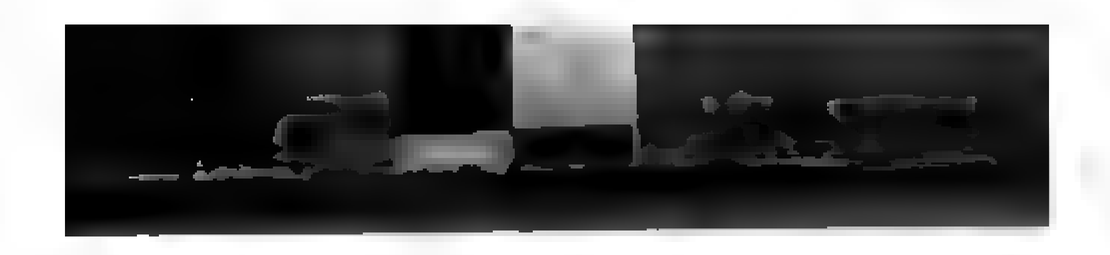
[redacted]

при домѣ предварительнаго заключенія и размѣръ присвоиваемаго каждому изъ нихъ жалованья опредѣляются управленіемъ Дома, съ утвержденія Министра внутреннихъ дѣлъ. 6-е, Остатки отъ суммъ, ассигнуемыхъ ежегодно на содержаніе личнаго состава управленія и надзора, могутъ, съ разрѣшенія Министра внутреннихъ дѣлъ, быть распредѣляемы въ награду достойнѣйшимъ изъ служащихъ въ Домѣ предварительнаго заключенія (Собр. узак. 1875 г. № 21).

„Установленіе системы управленія Домомъ" предоставлено было министерствамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Оттого, чрезъ 5 мѣсяцевъ спустя, была обнародована*) „Инструкція по управленію Домомъ предварительнаго заключенія". Для ознакомленія читателей съ этою инструкціею *первой* еще слѣдственной тюрьми, какъ новѣйшимъ взглядомъ *на подслѣдственныхъ*, — приведемъ изъ нея существеннѣйшіе пункты.

Заключенные во время содержанія подъ стражею подвергаются лишь *тѣмъ стѣсненіямъ*, которыя вызываются необходимостію предупредить уклоненіе отъ слѣдствія, суда и исполненія приговора, а также не допустить ихъ къ воспрепятствованію раскрыть преступленія. Арестованные при поступленіи въ Домъ заключенія помѣщаются въ *одиночныя камеры*, изъ которыхъ переводятся въ общія, не иначе, какъ *по распоряженію* судебной власти. Совершеннолѣтніе содержатся отдѣльно отъ несовершеннолѣтнихъ. Совершеннолѣтніе ни къ какимъ работамъ не принуждаются, но желающимъ заняться работою управленіемъ Дома, доставляются, по возможности, всѣ способы къ тому; недостигшіе же 21 года, обязательно, или занимаются работами, или обучаются въ школѣ. Тѣ изъ содержащихся въ общихъ камерахъ, которые будутъ приговорены къ наказанію лишеніемъ свободы,—немедленно, по вступленіи приговора о нихъ въ законную силу, отправляются по назначенію, но впредь до такого отправленія помѣщаются въ одиночныя камеры. — Домъ состоитъ въ вѣдѣніи Градоначальника, на общемъ, съ другими мѣстами заключенія столицы, основаніи. — Въ отношеніи порядка содержанія арестованныхъ, управляющій Домомъ дѣйствуетъ подъ непосредственнымъ надзоромъ прокурора, до свѣдѣнія котораго доводитъ о всѣхъ обстоятельствахъ, могущихъ имѣть какое-либо значеніе для производящихся объ арестованныхъ дѣла.—На управляющаго Домомъ возлагается завѣдываніе всѣ-

*) *См. Сборн.* Узакон. 1875 г., № 62.

ми частями дома и надзоръ за точнымъ исполненіемъ предписанныхъ правилъ, какъ опредѣленными по штату управленія должностными лицами, такъ и заключенными. — Подробное распредѣленіе обязанностей между помянутыми лицами составляется управляющимъ Домомъ и *утверждается Градоначальникомъ*. — На обязанности священника лежитъ: а) отправлять богослуженіе и исполнять всѣ духовныя требы; б) посѣщать, *съ разрѣшенія подлежащей судебной власти*, тѣхъ изъ заключенныхъ, *которые сами будутъ о томъ ходатайствовать*; в) преподавать въ школѣ законъ Божій.— Къ обязанности врача, между прочимъ, относится: *ежедневный* обходъ камеръ заключенныхъ, для санитарнаго и гигіеническаго наблюденій. — Обязанность надзирателей состоитъ въ постоянномъ и бдительномъ надзорѣ за заключенными. Подробныя указанія по сему предмету опредѣляются въ особой *инструкціи*, составленной управляющимъ Домомъ и *утвержденной* Градоначальникомъ. Для исполненія обязанностей по хозяйству и содержанію зданія въ чистотѣ и порядкѣ, нанимаются особые служители; но управленію Домомъ не возбраняется *назначать* на эти работы *арестованныхъ*, за вознагражденіе по установленной Градоначальникомъ *таксѣ*. — Семействамъ и прислугѣ лицъ, составляющихъ управленіе Домомъ, воспрещается входить въ помѣщенія, предназначенныя собственно для арестованныхъ, *не исключая и церкви*. Въ хозяйственномъ правленіи предсѣдательствуетъ управляющій Домомъ заключенія, а членами состоятъ: одинъ изъ помощниковъ управляющаго, священникъ, врачъ и экономъ. При обсужденіи предметовъ, касающихся хозяйства женскаго отдѣленія, на правахъ члена,—участвуетъ помощница управляющаго — Предметы занятій хозяйственнаго правленія заключаются: а) въ завѣдываніи всѣми частями хозяйства Дома заключенія; б) въ составленіи ежегодно смѣты на содержаніе Дома и заключенныхъ въ немъ, и в) въ пріисканіи работъ для заключенныхъ и въ распредѣленіи получаемой за работы платы.—Пріемъ, храненіе и отпускъ суммъ ввѣряется эконому.— Расходы производятся по журнальнымъ постановленіямъ хозяйственнаго правленія. — Одежда и *постельная принадлежности* для заключенныхъ въ размѣрѣ годоваго запаса, по наступленіи каждаго года, заготовляются по табелямъ, приложеннымъ къ штату.—Арестованнымъ предоставляется, во время заключенія, носить *казенное или собственное бѣлье и платье*. Порядокъ же употребленія того и другаго опредѣляется Градоначальникомъ. Для продовольствія арестованныхъ составляется особая табель, въ которую должны войдти количество припасовъ, необходимыхъ для приготовленія пищи,

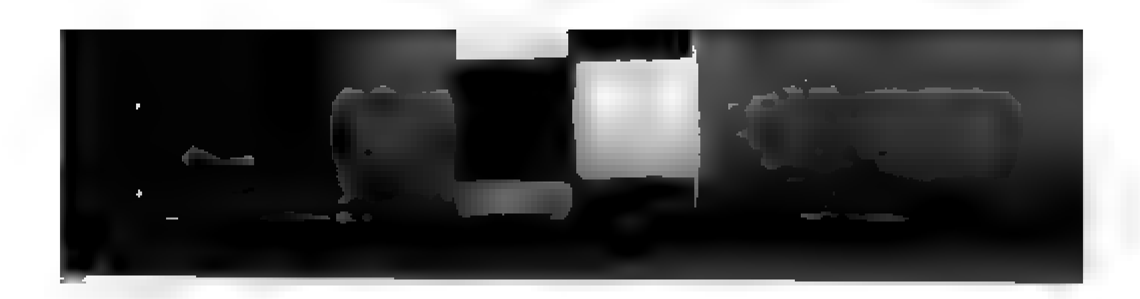
и стоимость ихъ. На основаніи вычисленій, составленныхъ такимъ способомъ, опредѣляется размѣръ суточнаго довольствія каждаго заключеннаго. Лицамъ привиллегированныхъ сословій, при поступленіи ихъ, объявляется, что они *могутъ*, буде *желаютъ*, вмѣсто установленнаго продовольствія, получать, опредѣляемыя закономъ, кормовыя деньги; въ случаѣ незаявленія о томъ, *въ теченіи недѣли*,—лица эти теряютъ право на полученіе денегъ и продовольствуются на общемъ основаніи.—Содержащіеся могутъ продовольствоваться и *на собственный счетъ*, но *съ соблюденіемъ порядка*, который будетъ *указанъ* с.-петербургскимъ *Градоначальникомъ*. — Въ случаѣ смерти заключеннаго,—онъ передается, для погребенія, родственникамъ. Если же родственниковъ у умершаго нѣтъ и хоронить его нечѣмъ, онъ погребается на счетъ казны.— Арестованный, немедленно послѣ привода, *обыскивается* надзирателемъ, въ присутствіи управляющаго Домомъ или его помощника и доставившаго его полицейскаго служителя. Лица женскаго пола *обыскиваются* надзирательницею, въ присутствіи помощницы управляющаго Домомъ заключенія, но при этомъ обыскѣ воспрещается находиться лицамъ мужскаго пола, за исключеніемъ одного только врача, который можетъ быть приглашаемъ въ случаѣ надобности. — Обыску же подвергаются заключенные при каждомъ возвращеніи, хотя бы изъ *кратковременныхъ отлучекъ*, вызванныхъ требованіями подлежащихъ властей. Найденныя при арестованномъ деньги, цѣнныя вещи (кромѣ креста и образа на шеѣ, обручальнаго кольца и часовъ), письма, бумаги, документы и другіе предметы отбираются и записываются въ особую книгу. Послѣ обыска, арестованный записывается въ реестръ о заключенныхъ: а) по порядку вступленія, въ которомъ, затѣмъ, отмѣчается и номеръ отведенной ему камеры, и б) алфавитный. Кромѣ того, арестованный вносится въ листокъ «о прибывающихъ», который ежедневно представляется *Градоначальнику* и прокурору. Потомъ арестованный помѣщается предварительно въ особый пріемный покой, до медицинскаго освидѣтельствованія. Врачъ вноситъ подробное описаніе примѣтъ арестованнаго въ особый протоколъ, который и отсылается затѣмъ для пріобщенія къ слѣдственному производству. По требованію судебной власти и полицейскаго начальства, съ арестованнаго можетъ быть снятъ фотографическій портретъ. — Арестованный, признанный при врачебномъ освидѣтельствованіи здоровымъ, обязанъ, прежде перевода его въ камеру, принять ванну. Отъ арестованныхъ требуется, чтобы во время заключенія, они, по возможности, сохраняли въ своей наружности тотъ видъ, который имѣли при взятіи подъ стражу.

Съ этою цѣлью, носящимъ усы, бакенбарды и бороду *не дозволяется стричь и брить* ихъ, а не носящимъ — отпускать. *Куреніе табаку дозволяется* лицамъ мужскаго пола, но права этого арестованный лишается, если будетъ замѣчено, что онъ неосторожно обращается съ огнемъ. Одиночныя камеры освѣщаются до 9 часовъ вечера. *Отъ усмотрѣнія* управляющаго Домомъ зависитъ, однако, дозволить заключенному употребленіе *собственной лампы или свѣчей*. Порядокъ распредѣленія дня опредѣляется особыми *росписаніями*, представляемыми управляющимъ Домомъ заключенія *на утвержденіе Градоначальника*. Содержаніе въ чистотѣ носимой одежды и обуви, равно какъ *уборка постели*, а *для одиночныхъ и занимаемой ими камеры, лежитъ на обязанности каждаго заключеннаго*. Заключеннымъ въ одиночныя камеры не воспрещается, въ теченіи дня—спать на постели. Содержащіеся въ общемъ заключенія днемъ не впускаются въ помѣщенія, назначенныя для содержанія ночью. Въ положенные часы, желающіе воспользоваться прогулкою на воздухѣ, выводятся на дворъ, согласно *распредѣленію* управляющаго Домомъ. Заключеннымъ не дозволяется заниматься пѣніемъ и музыкою и воспрещаются всякаго рода игры, какъ-то: въ карты, кости, шашки и проч., а также шумъ, крики, свистъ, громкіе разговоры и вообще дѣйствія, нарушающія спокойствіе и благочиніе.—Помѣщенія арестованныхъ, равно какъ и сами они подвергаются, не менѣе раза въ мѣсяцъ, внезапному обыску, и если, при томъ будетъ найдено что-либо принесенное безъ разрѣшенія, то найденное отбирается, причемъ *съѣстные припасы* и напитки *уничтожаются*, а деньги и вещи передаются въ Канцелярію, для храненія.—О каждомъ заболѣвшемъ и умершемъ заключенномъ доводится до свѣдѣнія прокурора. — Желающій заниматься работою заявляетъ о томъ, чрезъ надзирателя, управляющему Домомъ, а онъ доставляетъ заключенному, *по возможности*, способы къ занятію такою работою, которая *можетъ быть допущена* въ Домѣ.—Заниматься работою, требующею употребленія инструментовъ, дозволяется заключенному не иначе, какъ съ разрѣшенія прокурорскаго надзора.—Матеріалы для работы покупаются управленіемъ Дома на средства арестованнаго, или на особо ассигнованныя, для сей потребности, деньги.—Матеріалы и инструменты, доставленные въ Домъ заключенія родственниками или знакомыми арестованнаго, до передачи ему—тщательно осматриваются. — Заключенному, работающему своими инструментами и изъ матеріала, пріобрѣтеннаго на его собственныя средства—заработокъ принадлежитъ полностію.—Предметы, выработанные заключеннымъ изъ матеріала, даннаго ему отъ Управленія Домомъ и при пособіи казенныхъ инструментовъ, продаются Хо-

[redacted]

зяйственнымъ Управленіемъ. — Изъ заработка, за вычетомъ стоимости матеріала, три четверти отчисляются въ пользу заключеннаго, а остальная четверть въ пользу Дома, для пріобрѣтенія инструментовъ, учебныхъ и ремесленныхъ руководствъ и вообще пособій къ работѣ. — Если заключенный приговоренъ судомъ къ *вознагражденію* вреда или убытка, причинненаго ему преступленіемъ, или если на него возложены судебныя издержки, то слѣдующая *часть заработка* выдается ему не иначе, какъ по полученіи на то разрѣшенія Прокурора.—Заключенный можетъ, съ разрѣшенія Прокурора, пользоваться слѣдующею ему частью заработка во время содержанія подъ стражею на такія нужды, удовлетвореніе которыхъ не воспрещено инструкціею.—Обученіе въ школѣ для несовершеннолѣтнихъ заключенныхъ обязательно, остальные же обучаются только въ случаѣ заявленной ими о томъ просьбы.— Въ Домѣ заключенія преподаются: Законъ Божій, чтеніе, письмо и начальныя правила счисленія.—Обученіе заключенныхъ лежитъ на обязанности священника —Занятія въ школѣ производятся ежедневно въ часы, установленные общимъ распредѣленіемъ дня. — Для обученія въ школѣ, заключенные раздѣляются на разряды, сообразно способностямъ ихъ и степени развитія.—Тѣ изъ совершеннолѣтнихъ, которые будутъ обнаруживать *лѣнь*, *нерадѣніе* и явное уклоненіе отъ занятій послѣ неуспѣшности педагогическихъ взысканій, опредѣляемыхъ по соглашенію учащаго и Управляющаго Домомъ, исключаются изъ школы. — Для чтенія заключенныхъ имѣется въ Домѣ собраніе книгъ духовнаго и нравственно-поучительнаго содержанія, историческія и географическія сочиненія, описанія путешествій, повѣсти, руководства для изученія ремеслъ и учебники. Каталогъ предъявляется прокурору окружнаго суда, которому принадлежитъ право *воспрещать* чтеніе заключенными тѣхъ книгъ, которыя онъ почему-либо признаетъ *неудобными*.—Заключенные могутъ пользоваться собственными книгами, а также доставленными имъ родственниками и знакомыми, которыя выдаются имъ на руки по предварительномъ испрошеніи *разрѣшенія* прокурора и послѣ самаго тщательнаго осмотра.—Каждому заключенному дозволяется, по мѣрѣ надобности, писать 1) письма къ роднымъ, и 2) всякаго рода дѣловыя бумаги, относящіяся до его лица и имущества, и жалобы на неправильныя дѣйствія должностныхъ лицъ управленія дома, касающіяся лично приносящаго жалобу. *Всѣ письменныя занятія дозволяются* заключенному не иначе, какъ съ *разрѣшенія* прокурора окружнаго суда. — Вся переписка заключенныхъ и подаваемыя ими жалобы передаются на разсмотрѣніе прокурора, отъ котораго зависитъ или отослать письма по назначенію, или возвратить заключенному, съ объ-

> извѣстнымъ причинъ.—Письма и дѣловыя бумаги, получаемыя въ домѣ заключенія на имя арестованныхъ, передаются на предварительное разсмотрѣніе прокурора окружнаго суда и, съ его разрѣшенія, выдаются по адресу.— Переписка по какимъ-либо причинамъ непереданная заключеннымъ, выдается имъ при освобожденіи изъ дома заключенія, кромѣ той, въ которой будутъ *обнаружены признаки преступленія*.— Свиданія заключенныхъ съ ихъ родственниками и знакомыми допускаются на основаніи письменнаго разрѣшенія прокурора, въ которомъ должно быть указано, съ какими *именно лицами* свиданіе дозволяется. — Свиданія заключенныхъ допускаются ежедневно въ часы, установленные распредѣленіемъ дня. Въ особыхъ случаяхъ, управляющему домомъ заключенія не возбраняется дозволить свиданіе съ заключенными лицами, получившимъ разрѣшеніе прокурора, и не въ назначенное время. —Каждый посѣтитель, получающій отъ прокурора разрѣшеніе имѣть свиданіе съ заключенными,—снабжается именнымъ бланковымъ билетомъ, который и предъявляется при входѣ въ помѣщеніе для свиданій.—Заключенные, за всякое нарушеніе порядка и установленныхъ правилъ, а равно и за ослушаніе распоряженіямъ начальства, подвергаются, соразмѣрно тяжести вины, заключенію въ карцеръ до шести дней включительно, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ. — Мѣры взысканія записываются въ особую книгу, которая лицамъ прокурорскаго надзора предъявляется, по ихъ требованіямъ.— Подвергнутымъ содержанію на хлѣбѣ и водѣ, чрезъ три дня, на четвертый, отпускается горячая пища; соль дается ежедневно. — Въ случаѣ болѣзни заключеннаго, подвергшагося наказанію, примѣненіе наказанія пріостанавливается и продолжается по выздоровленіи виновнаго. Равнымъ образомъ, исполненіе наказанія пріостанавливается наканунѣ дня, въ который назначено разбирательство дѣла о заключенномъ.— Заключенные, умышленно или по небреженію попортившіе казенныя вещи, находящіяся въ ихъ употребленіи, обязаны вознаградить изъ собственныхъ средствъ стоимость исправленія.

„Инструкція" эта была встрѣчена прессою, вообще, сочувственно; но одна изъ газетъ, глубже вникнувъ въ ея смыслъ и значеніе, не воздержавшись, прибавила: „Такимъ образомъ, это новое мѣсто заключенія изъемлется отъ всякаго вліянія со стороны Попечительнаго общества о тюрьмахъ. Между тѣмъ, казалось бы, забота и попеченіе о лицахъ, не подпавшихъ еще уголовному наказанію и могущихъ быть оправданными судомъ,

[redacted]

могла бы составлять самый умѣстный и благодарный предметъ дѣятельности для такого общества, какъ Попечительное о тюрьмахъ. Оно могло бы, напримѣръ, заботиться объ улучшеніи пищи и одежды предварительныхъ заключенныхъ; члены его могли бы навѣщать ихъ (въ тотъ періодъ времени, когда одиночное заключеніе не требуется уже въ интересахъ обвинительной власти); снабжать ихъ книгами, работой, пріискивать имъ защитниковъ, хлопотать о скорѣйшемъ исходѣ процесса и т. п., и, наконецъ, заботиться объ ихъ участи послѣ оправдательнаго приговора или по прекращеніи дѣла о нихъ самою обвинительною властью" *).

Логичность этого мнѣнія не подлежитъ, полагаемъ, сомнѣнію. Въ разъясненіе же причины устраненія „общества" изъ „дома", скажемъ, что это произошло съ цѣлью произвести другой опытъ—окончательно обойтись въ тюрьмѣ безъ общества; первый опытъ разумѣемъ мы—Попечительство надъ исправительною тюрьмою, хотя и изъ среды общества, но внѣ всякой зависимости отъ его столичнаго Комитета. Затѣмъ, повторимъ кстати, что между исходившимъ изъ Комитета „проектомъ положенія о домѣ заключенія" (см. 238—240 стр.) и „Инструкціею дома предварительнаго заключенія", громадная разница, какъ въ принципѣ, такъ и въ деталяхъ. „Проектъ относился къ подслѣдственнымъ, какъ къ людямъ, вполнѣ сохранившимъ свое „*нравственное достоинство*", почему признавалъ невозможнымъ обратить ихъ въ обыкновенныхъ *арестантовъ*, тогда какъ „Инструкція" видитъ въ нихъ, *обвиняемыхъ*, на половину уже утратившихъ „нравственное достоинство", а слѣдовательно и заслуживших такія чувствительныя стѣсненія, о которыхъ, и въ случаѣ оправданія ихъ судомъ,—они долго, потомъ, вспоминали бы, чтобы и другимъ, дескать, не повадно было...

Сравнивать подробности „проекта" и „Инструкціи", мы не станемъ: послѣдняя во всемъ уступаетъ первому, а отсюда и

---

*) См. „Голосъ" 1875 г., № 212.

Съ этою цѣлью, носящимъ усы, бакенбарды и бороду *не дозволяется стричь и брить* ихъ, а не носящимъ — отпускать. *Куреніе табаку дозволяется* лицамъ мужскаго пола, но права этого арестованный лишается, если будетъ замѣчено, что онъ неосторожно обращается съ огнемъ. Одиночныя камеры освѣщаются до 9 часовъ вечера. *Отъ усмотрѣнія* управляющаго Домомъ зависитъ, однако, дозволить заключенному употребленіе *собственной лампы или свѣчей.* Порядокъ распредѣленія дня опредѣляется особыми *росписаніями*, представляемыми управляющимъ Домомъ заключенія *на утвержденіе Градоначальника.* Содержаніе въ чистотѣ носимой одежды и обуви, равно какъ *уборка постели*, а *для одиночныхъ и занимаемой ими камеры*, *лежитъ на обязанности каждаго заключеннаго.* Заключеннымъ въ одиночныя камеры не воспрещается, въ теченіи дня—спать на постели. Содержащіеся въ общемъ заключеніи днемъ не впускаются въ помѣщенія, назначенныя для содержанія ночью. Въ положенные часы, желающіе воспользоваться прогулкою на воздухѣ, выводятся на дворъ, согласно *распредѣленію* управляющаго Домомъ. Заключеннымъ не дозволяется заниматься пѣніемъ и музыкою и воспрещаются всякаго рода игры, какъ-то: въ карты, кости, шашки и проч., а также шумъ, крики, свистъ, громкіе разговоры и вообще дѣйствія, нарушающія спокойствіе и благочиніе.—Помѣщенія арестованныхъ, равно какъ и сами они подвергаются, не менѣе раза въ мѣсяцъ, внезапному обыску, и если, при томъ будетъ найдено что-либо принесенное безъ разрѣшенія, то найденное отбирается, причемъ *съѣстные припасы* и напитки *уничтожаются*, а деньги и вещи передаются въ Канцелярію, для храненія.—О каждомъ заболѣвшемъ и умершемъ заключенномъ доводится до свѣдѣнія прокурора. — Желающій заниматься работою заявляетъ о томъ, чрезъ надзирателя, управляющему Домомъ, а онъ доставляетъ заключенному, *по возможности*, способы къ занятію такою работою, которая *можетъ быть допущена* въ Домѣ.—Заниматься работою, требующею употребленія инструментовъ, дозволяется заключенному не иначе, какъ съ разрѣшенія прокурорскаго надзора.—Матеріалы для работы покупаются управленіемъ Дома на средства арестованнаго, или на особо ассигнованныя, для сей потребности, деньги.—Матеріалы и инструменты, доставленные въ Домъ заключенія родственниками или знакомыми арестованнаго, до передачи ему—тщательно осматриваются. — Заключенному, работающему своими инструментами и изъ матеріала, пріобрѣтеннаго на его собственныя средства—заработокъ принадлежитъ полностію.—Предметы, выработанные заключеннымъ изъ матеріала, даннаго ему отъ Управленія Домомъ и при пособіи казенныхъ инструментовъ, продаются Хо-

[redacted]

что всѣ арестованные *подслѣдственные* чрезвычайно мнительны, пугливы и считаютъ слѣдователей и прокуроровъ лицъ своими непримиримыми врагами. И эти-то заточенные, зная, что священникъ проникаетъ къ нимъ только послѣ полученія на это „разрѣшенія судебной власти“ — будьте увѣрены — не станутъ съ нимъ бесѣдовать откровенно, изъ опасенія, какъ бы „власть“, прямымъ или косвеннымъ манеромъ, не дознались отъ священника о предметахъ бесѣдъ, и добытыя свѣдѣнія не вмѣнила бы имъ, въ числѣ другихъ, въ вину. Такимъ образомъ важная роль священника, какъ утѣшителя, нравоучителя, радѣтеля о достиженіи правды во имя религіи, человѣколюбія—умалена, дискредитирована въ ущербъ интересамъ, между прочимъ, самого правосудія.

Нашъ выводъ, что заключенные будутъ держаться осторожно, не искренно со священникомъ по указанной причинѣ, находитъ себѣ подкрѣпленіе въ 99 п. инструкціи о томъ, что при освобожденіи людей изъ-подъ стражи, имъ выдается ихняя „*частная* переписка, *кромѣ* той, въ которой будутъ обнаружены *признаки преступленій*“. Проще говоря, инструкція вторгается въ чуждую для нея сферу: беретъ на себя компетентность формулировать „признаки преступленій“ и дѣлается агентомъ прокуратуры, для изобличенія сидѣвшихъ въ домѣ и ведшихъ съ ними переписку—въ новыхъ преступленіяхъ. Такого суроваго пункта, вѣдь, нѣтъ и въ устарѣвшей „инструкціи губернскихъ замковъ“ 1831 г. Относительно этого пункта слѣдуетъ успокоиться развѣ тѣмъ, что онъ на практикѣ не исполнимъ: все, что пишутъ заключенные и что присылается имъ—*предварительно* прочитывается прокуроромъ (97 и 98 п.), а разъ онъ усмотритъ въ перепискѣ „признаки преступленій“—онъ, въ силу 4278 и др. ст. уст. угол. судопр. обязанъ распорядиться обслѣдованіемъ ихъ. Значитъ такая переписка не только не залежится въ домѣ до освобожденія обвиняемыхъ изъ-подъ стражи за тѣ преступленія, за которыя они лишились свободы, но и не попадетъ на храненіе въ домѣ.

> изъясненіемъ причинъ.—Письма и дѣловыя бумаги, получаемыя въ домѣ заключенія на имя арестованныхъ, передаются на предварительное разсмотрѣніе прокурора окружнаго суда и, съ его разрѣшенія, выдаются по адресу.— Переписка по какимъ-либо причинамъ непереданная заключеннымъ, выдается имъ при освобожденія изъ дома заключенія, кромѣ той, въ которой будутъ *обнаружены признаки преступленія*.— Свиданія заключенныхъ съ ихъ родственниками и знакомыми допускаются на основаніи письменнаго разрѣшенія прокурора, въ которомъ должно быть указано, съ какими *именно лицами* свиданіе дозволяется. — Свиданія заключенныхъ допускаются ежедневно въ часы, установленные распредѣленіемъ дня. Въ особыхъ случаяхъ, управляющему домомъ заключенія не возбраняется дозволить свиданіе съ заключенными лицами, получившимъ разрѣшеніе прокурора, и не въ назначенное время. —Каждый посѣтитель, получающій отъ прокурора разрѣшеніе имѣть свиданіе съ заключенными,—снабжается имяннымъ бланковымъ билетомъ, который и предъявляется при входѣ въ помѣщеніе для свиданій.—Заключенные, за всякое нарушеніе порядка и установленныхъ правилъ, а равно и за ослушаніе распоряженіямъ начальства, подвергаются, соразмѣрно тяжести вины, заключенію въ карцеръ до шести дней включительно, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ. — Мѣры взысканія записываются въ особую книгу, которая лицамъ прокурорскаго надзора предъявляется, по ихъ требованіямъ.— Подвергнутымъ содержанію на хлѣбѣ и водѣ, черезъ три дня на четвертый, отпускается горячая пища; соль дается ежедневно. — Въ случаѣ болѣзни заключеннаго, подвергшагося наказанію, примѣненіе наказанія пріостанавливается и продолжается по выздоровленіи виновнаго. Равнымъ образомъ, исполненіе наказанія пріостанавливается наканунѣ дня, въ который назначено разбирательство дѣла о заключенномъ.— Заключенные, умышленно или по небреженію испортившіе казенныя вещи, находящіяся въ ихъ употребленіи, обязаны вознаградить изъ собственныхъ средствъ стоимость исправленія.

„Инструкція“ эта была встрѣчена прессою, вообще, сочувственно; но одна изъ газетъ, глубже вникнувъ въ ея смыслъ и значеніе, не воздержавшись, прибавила: „Такимъ образомъ, это новое мѣсто заключенія изъемлется отъ всякаго вліянія со стороны Попечительнаго общества о тюрьмахъ. Между тѣмъ, казалось бы, забота и попеченіе о лицахъ, не подпавшихъ еще уголовному наказанію и могущихъ быть оправданными судомъ.

Точно также сильною тяжестію обрушивается на всѣхъ привиллегированныхъ 55 п., обязывающій ихъ подметать, мыть полъ ихъ камеръ, чистить себѣ сапоги, платье. Представьте себѣ привезенныхъ изъ грановитыхъ палатъ Юханцева, или Тулакъ-Артемовскую, въ мрачной кельѣ, со шваброю, мочалкою въ рукахъ, въ томъ случаѣ, еслибъ ихъ оправдали, и разсудите, какое чувство должны были бы они вынести изъ дома, за это униженіе и, рѣшите: основательно ли было бы оно? Конечно нѣтъ, въ силу хоть бы того лишь факта, что инструкція 1881 г. освобождаетъ благородныхъ отъ *всякихъ* тюремныхъ черныхъ работъ.

Для чтенія арестованныхъ въ домѣ узаконены опредѣленнаго содержанія книги, но и изъ нихъ „прокуроръ вправѣ воспрещать чтеніе тѣхъ, которыя онъ почему-либо признаетъ неудобными" (92 п.). Разъ книги значатся въ утвержденномъ каталогѣ, исключать ихъ изъ употребленія по личному усмотрѣнію прокурора,—очевидно, не резонъ. Обвиняется, положимъ, А. въ отпаденіи отъ православія и для его защиты ему необходимо прочесть историческія монографіи Щапова о расколѣ. Прокуроръ же, изъ желанія быть сильнѣе въ аргументаціи на судѣ,—запретитъ А. читать монографіи Щапова. Это будетъ и не справедливо и произволъ, который долженъ быть, во всякомъ случаѣ, устраненъ изъ практики.

Заниматься работою зависитъ исключительно отъ „*желанія*" заключенныхъ (75 п.). Однако, вмѣсто того, чтобы способствовать развитію среди заключенныхъ желанія, — оно парализуется тѣмъ, что „если заключенный присужденъ къ вознагражденію убытка, причиненнаго его преступленіемъ, или къ уплатѣ судебныхъ издержекъ,—заработокъ выдается ему не иначе, какъ съ разрѣшенія прокурора" (83 п.). Значительное число преступленій, непремѣнно бываетъ сопряжено присужденіемъ съ обвиняемыхъ вознагражденія за ихъ дѣянія. Оттого люди смѣтливые *предвидя,* что съ обвиненіемъ ихъ приговорятъ къ наказанію и

вознѣщенію убытковъ, издержекъ,— предпочитаютъ, обыкновенно, сидѣть, сложивши руки, чтобы не работать для выгоды ихъ обвинителей, считая, что они достаточно караются предварительнымъ заключеніемъ, лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, а чѣмъ въ смирительный домъ или исправительное отдѣленіе на продолжительное время, а впослѣдствіи—еще „волчьимъ паспортомъ," либо водвореніемъ въ Сибирь...

Читатели помнятъ, разумѣется, что распредѣленіе занятій помощниковъ, помощницъ, управляющаго домомъ и надзирателей, также порядокъ продовольствія арестованныхъ на ихъ счетъ— предоставлено Градоначальнику. Изъ утвержденныхъ имъ названныхъ актовъ, общественный интересъ имѣютъ, по нашему мнѣнію, лишь продовольственныя правила. Мы ихъ и помѣстимъ здѣсь.

„Доставленіе пищи изъ частныхъ домовъ, трактировъ, лавокъ и пр. не допускается, но арестованные могутъ получать чрезъ управленіе домомъ ее и другіе предметы, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Имъ предоставляется назначать то, что пожелаютъ, изъ числа кушаньевъ, означенныхъ въ *прейсъ-курантѣ* и по указаннымъ въ немъ цѣнамъ. 2) Другіе продукты, какъ чай, сахаръ, папиросы, булки и проч. могутъ получаться чрезъ эконома, *по цѣнамъ*, существующимъ въ *лавкахъ*. 3) Каждый, имѣющій средства для продовольствія на свой счетъ, заявляетъ, что желаетъ получать пищу на свои деньги, и тогда снабжается книжкою, въ которой означается количество его денегъ, хранящихся въ кассѣ дома. Въ книжку эту заключенный вписываетъ ежедневно свои требованія на слѣдующій день. Въ 8 часовъ вечера дежурные собираютъ книжки и передаютъ ихъ эконому, а онъ распоряжается изготовленіемъ пищи, покупкою другихъ предметовъ и при тѣхъ же книжкахъ отсылаетъ все требуемое къ заключеннымъ, помѣчая въ книжкахъ, что оно доставлено. 4) Заказы заключеннаго исполняются до тѣхъ поръ, пока не истощатся принадлежащія ему деньги. 5) Заключенный, привыкшій употреблять вино или рюмку водки при обѣдѣ и чувствуя въ томъ *крайнюю* необходимость, заявляетъ о томъ управляющему домомъ или дежурному помощнику. Врачъ удостовѣряется въ необходимости дозволенія употреблять вино или водку, причемъ опредѣляетъ количество напитка, и разрѣшаетъ выдавать водку или вино, каждый разъ въ присутствіи дежурнаго

[redacted]

помощника. 6) Употребленіе напитковъ допускается только въ одиночныхъ камерахъ; въ общихъ же камерахъ воспрещаются".

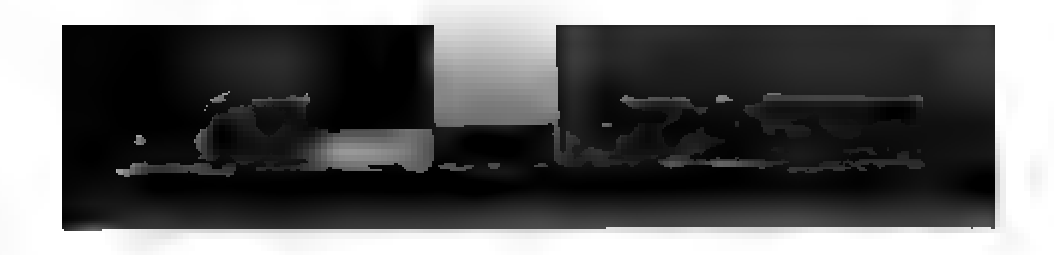
Здѣсь отмѣтимъ во 1-хъ, пробѣлъ, оставленный въ правилахъ, о порядкѣ учета казенныхъ кормовыхъ при довольствіи на личныя деньги заключенныхъ, т. е. какимъ способомъ слѣдуетъ ревизовать правильность требованія кормовыхъ на людей, кормившихся казною, съ исключеніемъ изъ нихъ довольствовавшихся на свой счетъ, а во 2-хъ, неумѣстность лавочныхъ, на всѣ предметы, цѣнъ, долженствующихъ быть непремѣнно *ниже* вольныхъ, хоть отчасти.

Ознакомивъ читателей со всѣми законодательными и административными мѣропріятіями этого, во всякомъ случаѣ, *новаго* въ Россіи „дома предварительнаго заключенія," посмотримъ на сколько и какъ все это примѣнилось въ практикѣ, относительно людей, попавшихъ въ это учрежденіе.

Открылся домъ 1 августа 1875 г., т. е. съ этого времени направляли въ домъ заключенныхъ. Тѣмъ не менѣе до 1876 г., въ немъ все еще оформливалось, вводилось и обставлялось; потому и письменныхъ слѣдовъ дѣятельности управленія домомъ за эти 4 мѣсяца никакихъ не сохранилось.

Содержалось въ домѣ: въ	1876 г.	1.502 мужч.	173 женщ.
	1877	1.148	149
	1878	1.195	138
		3.845	460
	Всего	4.305 чел.	

Изъ нихъ: болѣло въ	1876 г.	146 мужч.	33 женщ.
	1877	287	45
	1878	296	40
		729	118
	Всего	847 чел.	

Изъ нихъ умерло: въ	1876 г.	7	2
	1877 —	8	—
	1878 —	6	1
		21	3
	Всего	24 чел.	

ихъ подверглось дисци- рнымъ взысканіямъ: въ	1876 г.	неизвѣстно
	1877	140 чел.
	1878	331
		471

уществовала ли въ 1875 и 1876 гг. школа и, если—да, лько чел. въ ней училось, тоже нѣтъ свѣдѣній; затѣмъ ъ: въ 1877 г.—134, а въ 1878 — 111 чел. Обучали яникъ и псаломщикъ *).

или ли мастерскія и, если были, то сколько человѣкъ ра- и что именно заработало въ 1875 и 1876 гг.—равнымъ ъ неизвѣстно. Заработали же: въ 1877 г. — 789 р. , а въ 1878 г.—3.456 р. 47 к.

бліотека состоитъ изъ 1.347 книгъ; изъ нихъ русскихъ— , а 285 французскихъ, нѣмецкихъ и даже англійскихъ. обственно на ремонтъ зданія отпускалось 10.000 р., а на ніе, освѣщеніе, чистоту и на наемъ прислуги—40.000 р. ъ. На поставку провизіи для заключенныхъ производились, но, торги, по этому стоимость прокормленія зависѣла отъ устанавливавшихся на торгахъ; средняя же цифра содер- каждаго заключеннаго доходила до 230 р. въ годъ. Про- ая нами казенная пища вкусная, хорошая. Продо- віе на собственный счетъ практикуется, но цѣнамъ, про-

*) Нынѣшній управляющій домомъ П. Г. Григорьевъ образовалъ, на соб- й счетъ, для обученія грамотѣ дѣтей служителей,—особую школу, обез- ее существованіе фондомъ въ 700 р.

[redacted]

ставленнымъ въ прейсъ-курантѣ эконома. Носить собственныя вещи дозволяется всѣмъ тѣмъ, которые располагаютъ приличными, крѣпкими. День арестованныхъ распредѣляется такъ:

Въ 7 часовъ утра они встаютъ, умываются, одѣваются, убираютъ постели и совершаютъ утреннюю молитву; въ 8 ч., содержащіеся въ общихъ камерахъ—переводятся, изъ ночныхъ, въ дневные покои, повѣряются, получаютъ хлѣбъ и кипятокъ; съ $8^{1}/_{2}$ до 10,—сидящіе въ одиночныхъ камерахъ—прогуливаются во дворѣ, а съ 10 до 12 ч. прогуливаются такъ же заключенные въ общихъ камерахъ; съ 12 до $1^{1}/_{2}$ ч. всѣ обѣдаютъ, потомъ отдыхаютъ; съ 2 ч. до сумерекъ, пребывающіе въ одиночныхъ камерахъ—прогуливаются во дворѣ, поочередно; въ 4 часа, всѣ получаютъ кипятокъ для чая; съ 4 до 7 час. принимаются отъ заключенныхъ письма, прошенія и заявленія; въ 7 час. вечера всѣ ужинаютъ; въ 8 час. повѣряются и изъ общихъ—переводятся въ ночныя камеры; въ 9 час. огни тушатся. Кромѣ того: раздаютъ книги для чтенія—по понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ; занимаются въ школѣ—съ 9 до 11 часовъ утра и отъ 5 до $6^{1}/_{2}$ часовъ вечера; имѣютъ свиданія съ посѣтителями—по воскресеньямъ, вторникамъ и пятницамъ отъ 1 до 3 часовъ пополудни. Въ это же время принимаются для заключенныхъ деньги, вещи и съѣстные продукты. Водятся въ баню и ванны: мужчины—по четвергамъ и пятницамъ отъ 1 до 7 часовъ пополудни; а женщины—по субботамъ, отъ 3 до 6 час. вечера. Наконецъ, по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, совершается богослуженіе въ $9^{1}/_{2}$ час. утра, а наканунѣ сихъ дней—всенощная, въ 6 часовъ вечера.

Изложенныя сухія свѣдѣнія показываютъ наглядно, что, въ 1875 и 1876 г., въ домѣ игнорировались почти всѣ „правила", которыя постепенно начали практиковаться лишь съ 1877 г. Домъ и его обитатели стоили казнѣ ежегодно болѣе 200.000 р. А между тѣмъ отказывали даже въ мелкой помощи, какъ семействамъ заключенныхъ, такъ и имъ самимъ, при выпускѣ ихъ на волю,

послѣ оправданія судомъ, ибо весь капиталъ, издерживался по *форменнымъ* смѣтамъ, раскладкамъ... Вопросъ объ изысканіи источника на покупку, для несчастныхъ освобожденныхъ, одежди, обуви представлялся столь важнымъ, что восходилъ на разрѣшеніе Министра внутреннихъ дѣлъ, при чемъ Президентъ многократно предлагалъ тюремному Комитету помогать освобождавшимся вещами. Сами они и до сихъ поръ продолжаютъ обращаться къ Комитету со своими моральными и матеріальными нуждами. Комитетъ, хотя и не получалъ отъ казны на замокъ и половины той суммы, какая ассигновывалась на домъ, а отъ всякаго вліянія на него устраненъ,—все-таки удовлетворялъ многія просьбы заключенныхъ въ домѣ. Наконецъ, въ домъ, управляемый исключительно *администраціею*,—пожертвованій никакихъ не поступало, тогда какъ для сидящихъ въ замкѣ и въ пересыльной тюрьмѣ—въ вѣдѣніи Комитета — пожертвованія провизіею, имуществомъ и деньгами приносятся ежедневно. Ихъ было въ 1877 г.— на 17.290 р. 14 к.; а въ 1878 г.— на 13.228 р. 87 к. Явленіе это объясняется, какъ мы многократно убѣждались изъ разспросовъ благотворителей,—именно тѣмъ, что они довѣряютъ членамъ Комитета, людямъ изъ *общества!* Мы увѣрены, что устраненіемъ Комитета изъ дома,—правительство лишилось, кромѣ даровыхъ силъ и до 10.000 р. въ годъ деньгами, ради только установленія *единовластья*.

Надъ домомъ тоже, правда, учрежденъ былъ, въ 1876 г., особый Комитетъ изъ представителей министерства внутреннихъ дѣлъ и юстиціи; но въ домѣ нѣтъ, къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній о томъ, каковы права и обязанности этого Комитета по отношенію къ дому, да и дѣятельность его на домъ ни въ чемъ еще досалѣ осязательно не выразилась...

Теперь обратимся къ внутренней жизни заключенныхъ, на основаніи довольно вѣрныхъ источниковъ. Вначалѣ собственное, напр., бѣлье мыли наемныя, отъ дома, прачки, чтобы въ немъ не проскальзывали къ арестованнымъ, съ воли, записки; платили

[redacted]

на счетъ арестованныхъ; но это не стѣсняло прачекъ обмѣнивать и отжиливать лучшее бѣлье. Прейсъ-курантъ кушаньямъ равнялся, по цѣнности порцій, съ прейсъ-курантомъ лучшихъ гостинницъ; напр., за порцію щей и кусокъ жареной говядины взималось 1 р. 50 к., за папиросу—копѣйка и т. д., несмотря на то, что распорядители имѣли готовыя кухни, дрова, освѣщеніе, не платили за право торговли; покупали всѣ предметы оптомъ и столько дешевле, что десятокъ папиросъ съ фабрики обходился имъ въ 3 к.

Заключенные за все платили дорого безропотно, изъ опасенія остаться, за неудовольствія, на всемъ казенномъ... Заунывный гулъ по корридорамъ воздухоочистительной, водопроводной и газопроводной трубъ нагонялъ на слабонервныхъ страхъ, раздражалъ ихъ нервы до крайности. Одиночныя кельи вгоняли простолюдиновъ въ отупѣніе, въ идіотизмъ. Сидѣть одному—человѣку, привыкшему къ размышленію, къ умственной работѣ, при наличности книгъ и при позволеніи писать,—не только не тяжело, но напротивъ—пріятно, тогда какъ простолюдину, да еще не грамотному, проведшему годы въ артели — пробыть недѣлю одному — неимовѣрно тягостно. Подвергать заточенію въ кельи убійцъ, грабителей, разбойниковъ, для воспрепятствованія имъ скрыть слѣды преступленій,—есть разумное основаніе; но сажать въ эти же кельи — повинныхъ въ кражѣ хомута изъ сарая, чуйки—изъ чужаго сундука, оцѣненныя въ 2—3 р.,—право нѣтъ причинъ; они вовсе не отпираются отъ своихъ проступковъ, совершаемыхъ преимущественно въ пьяномъ видѣ или по невѣжеству. Оттого и присяжные засѣдатели постоянно отвергаютъ „взломы хранилищъ“ и люди осуждаются къ простому тюремному заключенію на 3—5 мѣсяцевъ, т. е. самое наказаніе постигаетъ ихъ несравненно легчайшее, чѣмъ то, которое они вынесли въ кельѣ, въ качествѣ лишь обвиняемыхъ. Короче говоря, одиночное заключеніе для мелкихъ закононарушителей противорѣчитъ справедливости, по отношенію къ простолюдинамъ. Мы

видѣли, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ одиночномъ заключеніи солдатъ, матросовъ, крестьянъ и всѣ, въ одинъ голосъ, предпочитаютъ тѣлесное наказаніе сидѣнью—въ „душилкѣ," въ „клѣткѣ," какъ они называютъ кельи. Мало того: люди упрямые, сильные характеромъ, сплошь да рядомъ впадаютъ въ ярость, въ изступленіе, совершаютъ криминальныя преступленія *нарочно*, съ единственною цѣлію вырваться изъ „клѣтки," хоть на каторгу—это для нихъ безразлично.

Возвращаясь къ „дому", прибавимъ, что онъ такъ изъящно устроенъ, что заключенные чрезъ отверстія ватеръ-клозетовъ, отъ скуки, свободно разговаривали чрезъ всѣ этажи. Они и нюхали зловоніе, заражали имъ свои легкія и сокращали себѣ жизнь. На „домъ" затрачено, повторимъ, болѣе 800.000 р. Не прошло, однако, и 3-хъ лѣтъ со времени его открытія, какъ уже начала обнаруживаться его непригодность. Фактъ этотъ подтвердили, разновременно, три коммиссіи, а теперь объ этомъ же разсуждаетъ—четвертая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ одного изъ тюремныхъ инспекторовъ, профессора *гигіены*, г. Доброславина. Конечно, остается горячо пожелать, чтобы г. Доброславинъ, на основаніи его научной спеціальности, указалъ, какъ установить гигіеническія правила безъ новыхъ большихъ затратъ на передѣлку дома; въ противномъ же случаѣ „гигіена" долго еще не коснется заключенныхъ: Тюремныя зданія *всей* Россіи не соотвѣтствуютъ условіямъ, требуемымъ гигіеною, а на постройку новыхъ зданій, увы! нѣтъ свободныхъ 40—60 милліоновъ рублей...

С.-Петербургская исправительная тюрьма.

Историческую, законодательную и организаціонную части объ этой тюрьмѣ, мы разсказали выше (240—256 стр.), потому

[redacted]

новторять ихъ не станемъ, а обратимся къ ея бытовой сторонѣ.

Въ эту тюрьму являются люди по приговорамъ: мироваго суда—на тюремное заключеніе отъ 3-хъ мѣсяцевъ до года; а окружнаго суда—къ содержанію въ смирительномъ и рабочемъ домахъ отъ мѣсяцевъ же до $2^1/_2$ лѣтъ. Приводятся осужденные—изъ частей и изъ дома предварительнаго заключенія.

Тюрьма состоитъ изъ главныхъ двухъ-этажныхъ зданій, выходящихъ: одно — на Неву, а другое — на Симбирскую улицу. Въ первомъ зданіи 4 камеры, каждая на 148 челов., въ сложности на 592 чел., для которыхъ устроены отдѣльныя, для каждаго, досчатыя кельи, двойными рядами, съ промежуточными, между ними, корридорами; вышина каждой кельи 2 арш.; верхъ ихъ обрѣшетченъ, чтобы воздухъ проходилъ свободно; во всѣхъ кельяхъ къ стѣнамъ прикрѣплены по доскѣ, на которой лежатъ тюфяки, сѣрое, суконное одѣяло и мочалою набитая подушка, а на гвоздѣ—полотенце; во входныхъ дверяхъ рѣшетчатыя оконки, а надъ ними—номера жильцовъ. При всѣхъ 4 камерахъ есть по мастерской и комнатѣ съ умывальниками и ватерклозетами. Общія камеры раздѣлены одна отъ другой желѣзными дверями, такъ, что камеры представляются какъ бы разными тюрьмами, что способствуетъ группировкѣ арестантовъ по категоріямъ ихъ преступленій. Въ этомъ же зданіи помѣщаются церковь, общая столовая, кухня, хлѣбопекарня и квасоварня. Между описаннымъ и противоположнымъ ему вторымъ зданіемъ на улицу,—площадь, разбитая прекраснымъ скверомъ; въ этомъ зданіи помѣщаются: внизу — служителя и караулъ, а вверху — начальникъ тюрьмы, его помощникъ и священникъ; въ боковыхъ же частяхъ—больница, контора, камеры для привиллегированныхъ арестантовъ, по 1, 3 и 4 чел. на 50 чел.; карцеры, кладовыя и проч. Наконецъ вокругъ двора еще приспособлены нѣсколько зданій для различныхъ надобностей.

Содержалось въ тюрьмѣ арестантовъ: въ 1868 г.—2.391; въ 1869 г.—2.226; въ 1870 г. — 2.587; въ 1871 г. — 2.809; въ 1872 г.—2.853; въ 1873 г.—231; въ 1874 г.— 2.111; въ 1875 г.—1.918; въ 1876 г.—2.025; въ 1877 г.— 2.319; а въ 1878 г.—2.041 чел. мужчинъ: женщинъ здѣсь не бываетъ. Изъ этого контингента болѣло: въ 1868 г. — 594; въ 1869 г.—951; въ 1870 г.—811 ч.; въ 1871 г.— 559 чел., въ 1872 г. — 624 чел.; въ 1873 г. — 678; въ 1874 г.—705; въ 1875 г. — 615; въ 1876 г. — 687, въ 1877 г.—724, а въ 1878 г.—666 чел. Изъ нихъ выздоровѣло: въ 1868 г. — 664 чел.; въ 1869 г. — 891 чел.; въ 1870 г.—769 чел.; въ 1871 г.—519 чел.; въ 1872 г.—558; въ 1873 г.—661; въ 1874—693; въ 1875 г.—615; въ 1876 г.— 672; въ 1877 г.—705, а въ 1878 г.—651 чел. Умерло: въ 1868 г. — 54 чел.; въ 1869 г. — 30 чел.; въ 1870 г. — 16 чел., въ 1871 г. — 12 чел.; въ 1872 г.—37 чел; въ 1873 г. — 17; въ 1874 г. — 12; въ 1875 г. — 19; въ 1876 г.—15; въ 1877 г.—19, а въ 1878 г.—23 чел.

Отличительный характеръ этой, на новыхъ началахъ, устроенной тюрьмы отъ другихъ, заключается въ обязательности *всѣхъ* арестантовъ работать съ утра до вечера, за исключеніемъ промежутковъ, необходимыхъ на обѣдъ (въ общей столовой), на краткій, въ камерахъ, отдыхъ и на занятія въ школѣ тѣмъ, которымъ это приказано. Работы производились въ 9—12 мастерскихъ. Заработали арестанты: въ 1868 г. — 11.244 р. 78 к.; въ 1869 г. — 14.788 руб. 83 к.; въ 1870 г. — 16.533 р. $17\frac{1}{4}$ к.; въ 1871 г.—18.501 р. $25\frac{1}{4}$ к.; въ 1872 г.—14.780 р. 22 к.; въ 1873 г.—15.575 р. $18\frac{3}{4}$ к.; въ 1874 г.—12.792 руб. 74 к.; въ 1875 г.—12.245 р. 44 к.; въ 1876 г.— 15.725 р. $62\frac{1}{2}$ к.; въ 1877 г.—16.404 р. $45\frac{3}{4}$ к.; въ 1878 г.—14.196 р. 85 к.; итого за 10 лѣтъ—162.788 р. $55\frac{1}{2}$ коп.

[redacted]

Изъ этихъ суммъ было отчислено арестантамъ, за ихъ трудъ: въ 1868 г.—2.739 р. 49 к.; въ 1869 г. — 4.759 р. 84 к.; въ 1870 — 8.179 р. 48¼ к.; въ 1871—8.589 р. 39 к.; въ 1872 г.—6.639 р. 30½ к.; въ 1873 г.—7.499 р. 37¼ к.; въ 1874 г.—6.489 р. 47 к.; въ 1875 г.—6.045 р. 66½ к.; въ 1876 г. — 6.693 р. 17 к.; въ 1877 г.— 8.255 р. 8½ к.; а въ 1878 г.—5.266 р. 31¼ к.; итого за 10 лѣтъ—71.156 р. 58½ к.

Собственно работать арестанты, вѣдь, обязывались и въ бывшемъ исправительномъ заведеніи, гдѣ, какъ мы лично помнимъ, самыхъ разнообразныхъ, обширныхъ мастерскихъ было тоже до дюжины. Громадная, однако, между заведеніемъ и тюрьмою разница заключается,—къ чести управителей послѣдней,—именно въ томъ, что въ заведеніи заработокъ *оффиціально* не превышалъ 3.000 р. въ годъ, тогда какъ въ тюрьмѣ ни разу не былъ меньше 11.244 р. въ годъ. Точно также и въ пользу арестантовъ тамъ никогда не отчислялось болѣе 500 р. въ годъ (зависѣло это, впрочемъ, и отъ закона, допускавшаго лишь „нѣкоторое пособіе" изъ заработка), а здѣсь на нихъ не выводилось меньше 2.739 р. въ годъ. Этому прогрессивному увеличенію количества заработка и вознагражденія работавшимъ нельзя, разумѣется, искренно не порадоваться.

Затѣмъ, сопоставляя цифры заработка со стоимостью тюрьмы (наименьшее до 100.000 р. въ годъ), приходится, кстати, отмѣтить, что существовавшее, въ 1868 г., „предположеніе поставить мастерскія въ такое положеніе, чтобы онѣ *возмѣщали расходъ на содержаніе* арестантовъ и, сверхъ того, *доставляли бы* въ ихъ пользу 10—12 к. въ день, *кромѣ затраты на* артельный *чай* по 3—4 р. въ мѣсяцъ на человѣка",— не только, къ сожалѣнію, не осуществилось, но, судя по 10-лѣтнему опыту этой тюрьмы,—едва ли и въ будущемъ оправдается *хоть* гдѣ нибудь на Руси. Категорическій этотъ выводъ основываемъ мы вотъ на чемъ: вольные, припомните, мастера под-

готовлять учениковъ съ малолѣтства, въ теченіи 5 — 7 лѣтъ сряду; мастера совершенно ни отъ кого независимы; они до мельчайшихъ подробностей знаютъ, изъ какого вещества что выйдетъ прочнѣе, красивѣе; сколько на что нужно матеріала, берегутъ его, какъ *собственность;* прилагаютъ они къ своимъ заведеніямъ такія старанія, которыя дали бы наибольшую выгоду исключительно для нихъ, ибо заведенія—единственный источникъ, могущій удовлетворять потребности ихъ семейства, доставить имъ матеріальное благополучіе и т. д. Въ тюрьмы хорошіе мастера попадаютъ рѣдко, но и изъ нихъ иные, по самымъ разнообразнымъ причинамъ, даже скрываютъ свои таланты, благо и ничего не умѣющихъ дѣлать кормятъ, содержатъ на одинаковомъ, съ прочими, положеніи. Выучивать арестантовъ изящно шить, напр., дамскіе сапоги, почти невозможно: на это требуется 3—4 года, а заключеніе не превышаетъ, въ среднемъ выводѣ, года. Остается, очевидно, довольствоваться мастерами, преуспѣвающими лишь въ аляповатомъ шитьѣ. Тюремный персоналъ—хозяинъ многочисленныхъ мастерскихъ, къ тому жъ еще одинаковый профанъ во всѣхъ ремеслахъ, такъ, что если и пожелаетъ, то не съумѣетъ руководить производствами и на пятую долю противъ вольныхъ хозяевъ. Отсюда онъ, неизбѣжно, довѣряется мастерамъ-учителямъ, а они его обманутъ совмѣстно съ арестантами: „воронъ ворону глазъ не клюетъ“ (дашь 10 арш. сукна, а изъ него 2 украдутъ, говорилъ намъ одинъ изъ нихъ, а скажутъ весь употребленъ). Брать крупные заказы съ залогами, неустойками, безъ вѣдома начальства—персоналъ не можетъ, а начальство, видя предъ собою профановъ,—совершенно основательно можетъ отклонить даже и выгодное предложеніе, чтобы не подвергать казенный залогъ риску. Больше или меньше арестанты заработаютъ—это на штатное содержаніе персонала, вѣдь, ни чуть не отразится: оно ни увеличится, ни уменьшится. Ясно, значитъ, что тюремныя мастерскія лишь при посредственныхъ и плохихъ мастерахъ немыслимо довести до такого совершенства, чтобы они могли

[redacted]

конкурировать съ лучшими вольными мастерами. Наконецъ, еслибъ это, сверхъ всякаго ожиданія, гдѣ либо и случилось,—то это въ интересахъ общегосударственныхъ, было бы положительно вредно: это понизило бы плату честнымъ, трудолюбивымъ работникамъ, которымъ, при повсемѣстномъ быстромъ возрастаніи цѣнъ на квартиры, съѣстные припасы и проч.,—и безъ того тяжело пропитывать семейства и воспитывать дѣтей. Мало того: противъ этой искусственной конкуренціи людей, сидящихъ на всемъ готовомъ, и въ самой передовой странѣ—Франціи, совершенно справедливо возставали, доказывая, что арестантскій трудъ долженъ непремѣнно цѣниться гораздо дешевле вольнаго.

Такимъ образомъ тюремныя мастерскія всегда будутъ посредственныя и никогда не окупятъ даже стоимости содержанія арестантовъ и ихъ непосредственной администраціи, такъ какъ заказчики изъ средняго и низшаго сословія (имъ, преимущественно, пригодны тюремныя произведенія—всегда обратятся скорѣе къ вольнымъ мастерамъ, съ которыми ведется дѣло просто, безъ всякихъ церемоній и хлопотъ, нежели съ тюремными властями: съ ними и за свои же деньги надо деликатничать и исполнять различныя формальности. Съ тюремнымъ начальствомъ знаете ли кто склоненъ дѣла дѣлать? Пройдохи-подрядчики, но съ единственнымъ намѣреніемъ—склонить его на стачку съ собою противъ рабочихъ, какъ мы многократно убѣждались въ разныхъ городахъ русскихъ.

Отъ этихъ общихъ, практически безспорныхъ разсужденій, вернемся къ описываемой тюрьмѣ. Лѣтъ 7—8 тому назадъ она представлялась простою машиною въ 600 рабочихъ силъ, направлявшихся исключительно на добычу денегъ. Тѣмъ не менѣе на человѣка приходилось, среднимъ числомъ, заработка: въ 1872 г.—напр. по 11 р. 23 к., а въ 1873 г.—по 12 р. 72 к. въ годъ. Какъ ни скуденъ былъ этотъ заработокъ, но изъ тюрьмы люди уносили: въ 1872 г. —по 5 р. 4½ к., а въ *1873* г.—по 6 р. 12½ к. каждый. Доискиваясь причины

послѣдняго явленія, мы тогда вотъ что писали *): „Мало сберегали арестанты денегъ потому, кажется, что существовавшее стѣснительное правило, по которому никто не могъ тратить на себя изъ заработка болѣе 15 к. въ день — впослѣдствіи отмѣнено. Несомнѣнно, что при казенныхъ помѣщеніи, платьи, обуви и хорошей пищѣ, арестантамъ нужно было еще—развѣ чаю, до котораго они всѣ охотники, а на это и 10 к. въ сутки достаточно. Арестанты-простолюдины, по невѣжеству своему, не любятъ ни скоплять богатства, ни думать о томъ, чѣмъ они будутъ жить по выходѣ на волю, а готовы растранжирить все, что дадите. Но если арестантъ привыкнетъ ежедневно ѣсть булки, ситный съ масломъ или пирожки, то во 1-хъ доля казеннаго хлѣба останется безъ прямаго назначенія и обратится въ тюремную экономію, а не въ ихъ пользу; создавать же этимъ оригинальнымъ способомъ экономію—едва ли логично; а во 2-хъ, затрачивая въ заключеніи по 20—30 к. въ день на *всемъ* готовомъ,—сколько же, спрашивается, понадобится ему, голышу, на прожитіе на свободѣ, на всемъ своемъ? Кромѣ того, чернорабочіе на волѣ довольствуются право хуже, чѣмъ въ тюрьмѣ, а освобождаемые изъ нея обращаются въ тѣхъ же чернорабочихъ, слѣдовательно, постоянная ѣда въ заключеніи при хорошей, повторяемъ, казенной пищѣ,—булокъ и т. под.—роскошь, которая можетъ способствовать размноженію числа рецидивистовъ,“ а ихъ было въ 1872 г. 145 чел. — формальныхъ, да тайныхъ,—вслѣдствіе сокрытія судимости,—вѣроятно столько же.

Цифры общихъ и частныхъ заработковъ впослѣдствіи, правда, тоже незначительно повысились, но въ тюремной жизни произошелъ благопріятный переломъ. Тогдашнее начальство тюрьмы вслѣдствіе централизаціи, получило, въ свое исключительное вѣдѣніе, хозяйственную часть—и на ней успокоилось... Это открыло Попечительству возможность предоставить машинѣ въ 600 силъ

---

*) См. „Судебный журналъ“ за сентябрь 1874 г.

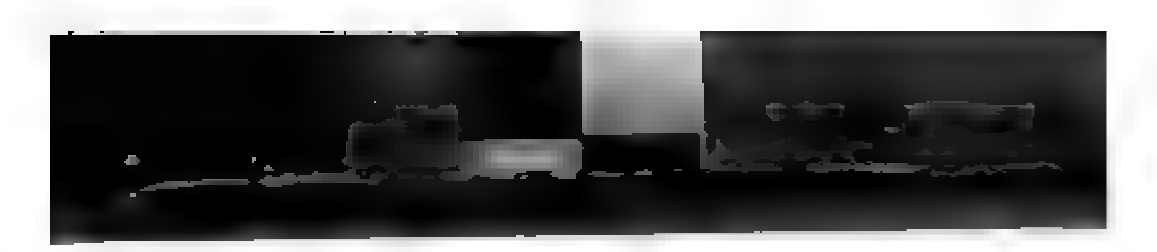
[redacted]

право поразмыслить и о моральныхъ достоинствахъ человѣка, какъ это свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ умственному и нравственному развитію арестованныхъ. Характеристика обновленія тюремнаго быта заключалась въ слѣдующемъ.

Со времени открытія тюрьмы, въ ней постоянно существовала школа, въ которой учились грамотѣ только несовершеннолѣтніе. Попечительство привлекло къ ученію всѣхъ осужденныхъ на сроки не менѣе 4 мѣсяцевъ, а имѣющихъ отъ роду отъ 17 до 30 лѣтъ—обязательно, а изъ остальныхъ—желающихъ. Выучено грамотѣ: въ 1872 г.—15; въ 1873 г.—93; въ 1874 г.—147; въ 1875 г.—249; въ 1876 г.—111; въ 1877 г.—124; а въ 1878 г. уже 288 чел. Видите, какіе благіе успѣхи! Оказались онѣ, всего вѣрнѣе, потому, что Попечительство исходатайствовало назначеніе штатнаго учителя грамотности, съ приличнымъ содержаніемъ по 900 р. въ годъ.

Далѣе, для поднятія умственнаго уровня арестантовъ, независимо школьнаго обученія, Попечительство ввело, по праздникамъ, чтенія арестантамъ статей, подобныхъ тѣмъ, какія читаются въ Соляномъ городкѣ (такихъ чтеній было въ 1873 г. 76); грамотнѣйшимъ—выдавались изъ библіотеки книги на руки; книгъ для чтенія выдано въ 1873 г.—4.470 разъ. Наконецъ, ввело и духовныя бесѣды съ заключенными.

Затѣмъ Попечительству дано было свыше разрѣшеніе инспектировать тюрьму по всѣмъ частямъ, чѣмъ значительно, конечно, разсширился кругъ дѣятельности Попечительства. Результатовъ инспекцій мы, правда, не читали, а лишь слышали, что князь С. Д. Эристовъ произвелъ, однажды, инспекцію и сдѣлалъ потомъ интересный докладъ. Тѣмъ не менѣе одно „право инспектированія" поставило Попечительства въ другія уже условія къ тюремному начальству, повсюду стремящемуся къ полной самостоятельности. Это право, важно, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что опять проявилось убѣжденіе въ невозможности даровать незави-

ємкость тюремной администраціи, т. е. опять увѣдимъ „тѣхъ, кому вѣдать надлежало,“ что филантропическій элементъ долженъ стоять посредникомъ между тюремнымъ начальствомъ и арестантами, чтобы „жалобы послѣднихъ не заглушались.“

По поводу „волчьихъ паспортовъ“ (см. 366 стр.), Попечительство дало заключеніе, „что безусловная отмѣна отмѣтокъ о судимости не можетъ быть допущена безъ ущерба интересамъ общества, хотя эти отмѣтки и имѣютъ характеръ вѣчнаго наказанія, поддерживающій одно изъ тяготѣющихъ надъ обществомъ золъ— рецидивизмъ“. Оттого Попечительство заключило, что „установленіе въ законѣ срока, по истеченіи котораго надписи уничтожались бы,—могло бы удовлетворить обѣ стороны“. Читатели помнятъ, полагаемъ, наше мнѣніе о „волчьихъ паспортахъ“ и потому полемизировать съ Попечительствомъ здѣсь не станемъ, высказавшись выше, а тутъ лишь прибавимъ, что „волчьими паспортами“ никто не спасется отъ злоумышленниковъ. Напротивъ: въ самой тюрьмѣ, во всякое время, есть заключенные по приговору *впервые*, когда они уже по два-три раза сидѣли тамъ же. Очевидно, „у страха только глаза велики!“

Для отправленія выпущенниковъ на родину съ тѣмъ, чтобы они непремѣнно прибыли туда,—Попечительство выхлопотало у правленій желѣзныхъ дорогъ особой формы билеты для нихъ, а бѣднѣйшимъ выпущенникамъ жертвовало разныя вещи; для избавленія выпущенниковъ, подлежавшихъ отсылкѣ на водвореніе на родину, отъ слѣдованія по этапу,—Попечительство пріобрѣло разрѣшеніе отсылать въ мѣста приписки, съ особыми провожатыми, на счетъ Попечительства, примѣняясь къ 512 ст. уст. о ссыльныхъ,—тѣхъ изъ нихъ, которые, въ продолженіе нахожденія въ тюрьмѣ, не подвергались никакимъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, заключены были первый разъ и за неважныя преступленія, съ обращеніемъ путевыхъ издержекъ провожатыхъ на заработки выпущенниковъ; при недостаткѣ же заработка, Попечительство принимало расходъ на свой счетъ. На это оно употребило: въ 1874 г.—

253 р. 36 к. На дорогу же оно снабжало ихъ экземплярами Новаго завѣта.

Наконецъ, Попечительство организовало, изъ арестантовъ, хоръ пѣвчихъ. Вечерами, послѣ работъ, арестанты собирались по 100 и 150 чел. въ комнату, гдѣ слушали религіозныя поученія священниковъ, а въ праздники, послѣ обѣда, имъ читали статьи нравственнаго, повѣствовательнаго, а иногда и историческаго содержанія. Чтенія сопровождались и туманными картинами. Многимъ зрѣлымъ людямъ учиться не вмоготу. Поэтому Попечительство сдѣлало обязательною школу для арестантовъ только до 25-лѣтняго возраста, вслѣдствіе малаго успѣха, оказывавшагося отъ старшихъ лѣтами. Въ заключеніе, чтобы возбудить въ арестантахъ охоту къ обученію мастерствамъ, право—пить артельный чай предоставлено лишь тѣмъ, кто старательнѣе работаетъ и больше зарабатываетъ. Право это прекращается для тѣхъ, заработокъ которыхъ не превышаетъ 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ.

Всѣ перечисленныя мѣропріятія, осуществленныя Попечительствомъ въ продолженіи 1874 и 1875 г. достойны безусловнаго одобренія и принесли несомнѣнную пользу. Установивъ всѣ изложенныя нами правила и наблюдая за точнымъ ихъ примѣненіемъ,— Попечительство сочло излишнимъ распространяться о нихъ въ дальнѣйшихъ своихъ годовыхъ отчетахъ, которые стало ограничивать уже только оборотомъ денежныхъ, по тюрьмѣ, операцій. Лично мы близко незнакомы съ *настоящимъ* бытомъ тюрьмы, но свѣдущіе люди, которымъ мы вѣримъ, удостовѣряютъ, что тамъ все ведется хорошо и относятъ все благоустройство къ заботливости Попечительства, состоящаго теперь изъ Директоровъ: А. В. Бѣлостоцкаго, князя С. Д. Эристова, Н. А. Войсраза и А. П. Пятковскаго.

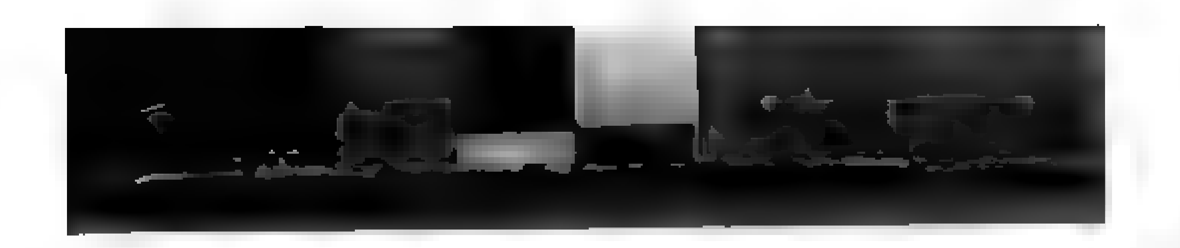
С.-Петербургскій тюремный Замокъ.

Замокъ этотъ съ 1822 г. содержалъ въ себѣ всякаго рода арестованныхъ, включая и должниковъ. Съ открытіемъ „дома предварительнаго заключенія“, зданіе на половину было опустѣло, т. е. въ немъ остались женщины, осуждаемыя въ смирительный и рабочій дома и къ тюремному заключенію. Въ это время министерство внутреннихъ дѣлъ распорядилось направлять въ замокъ „присуждаемыхъ къ арестанскимъ ротамъ, но не поступившихъ еще по назначенію, преступниковъ С.-Петербургской, Псковской, Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерній“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, министерство дало знать градоначальнику, что и послѣ перевода въ замокъ осужденныхъ въ арестантскія роты,—онъ „долженъ сохранить характеръ Замка“ (п. 2 ст. 2 уст. о содерж. подъ стр.), и тѣмъ не менѣе, содержась въ немъ, арестанты „должны быть употребляемы на *обязательныя*, для нихъ, работы, которыя, составляя важнѣйшее средство нравственнаго исправленія,—должны отличаться *безпрерывностью*, а по мѣстнымъ условіямъ, въ которыя поставленъ Замокъ,—могутъ быть только внутреннія“. При этомъ министерство просило градоначальника распорядиться объ организованіи этихъ работъ (22 и 29 Сентября 1875 г.). И замокъ сдѣлался одновременно: смирительнымъ, рабочимъ домами, тюрьмою и арестантскою ротою. О системѣ работъ, мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ (см. 281 стр.), потому, прибавимъ, изъ положенія Комитета Министровъ, отъ 17 Сентября 1877 г., лишь то, что „хозяйственная часть Замка, (содержаніе тюрьмы, арестантовъ, стражи, Церкви, больницы и школы) оставлены, по прежнему, въ вѣдѣніи Комитета, съ сохраненіемъ существующаго, по тюрьмѣ, порядка въ отношеніи удовлетворенія расходовъ по всѣмъ этимъ предметамъ, денежныхъ источниковъ

[redacted]

къ покрытію сихъ издержекъ; точно также и отчетность въ суммахъ по всѣмъ означеннымъ предметамъ оставлена также на обязанности Комитета".

По закону (1047, 1049, 1051, 1062, 1065 и 1076 ст. уст. объ арест. рот.), Попечителями ротъ избираются двое изъ Директоровъ мѣстнихъ Комитетовъ. Роль этихъ Попечителей, по отношенію къ арестантамъ, очень важная: испытуемые переводятся въ исправляющіеся не иначе, какъ съ ихъ утвержденія; наказывать тѣлесно исправляющихся нельзя безъ разрѣшенія Попечителей, такъ какъ наказаннымъ удлинняется срокъ пребыванія въ ротѣ на 6 мѣсяцевъ, а безукоризненное пребываніе въ исправляющихся 10 мѣсяцевъ—считается за годъ до освобожденія и проч. Положеніе Комитета Министровъ 1877 г. имѣло, безъ сомнѣнія, въ виду распространить на учреждавшееся Попечительство права, закономъ обусловленныя. Коль скоро это Попечительство открываясь—закрылось, а Исправительный, въ Замкѣ, совѣтъ остался, по прежнему, изъ Директоровъ, смотрителя, священника и доктора, то и права Попечительства или Попечителей должны были, очевидно, перейдти,—именно къ Совѣту, спеціальному, для *исправленія* арестантовъ, учрежденію. Къ удивленію, права Попечителей, рѣшительно непонятно почему удалились и, куда бы вы, читатели, думали? Въ губернское Правленіе, имѣющее, касательно роты, обязанностью—только за полгода до наступленія сроковъ содержанія арестантовъ—запрашивать общества, согласны ли принять въ свою среду бывшихъ ихъ членовъ, а при отрицательныхъ отвѣтахъ—отправлять ихъ на водвореніе въ Сибирь (1082—1084 ст. Устава). Въ старину, когда Комитетъ составлялъ сплоченную, единомыслящую корпорацію филантроповъ, онъ не поступился бы своими правами, а энергически отстаивали бы ихъ, но теперь... теперь Комитетъ не всегда, къ сожалѣнію, исполняетъ даже и то, что ему позволяютъ, а потому... будемъ лучше продолжать рѣчь о Замкѣ и его обитателяхъ.

Зданіе замка, ни въ пенитенціарномъ, ни въ гигіеническомъ отношеніяхъ положительно не годится и исправленіе онаго возможно при одномъ лишь условіи, если радикально передѣлать всѣ внутреннія стѣны, насквозь пропитавшіяся однимъ тюрьмамъ свойственнымъ, гнилымъ запахомъ. Состоитъ зданіе изъ 94 камеръ, положенныхъ на 793 мѣста, въ томъ числѣ для мужчинъ—664; для женщинъ—92; для больныхъ обоего пола—37 чел., тогда какъ общее число содержащихся осенью и зимою доходило до 900, а въ больницѣ меньше 100 человѣкъ никогда не бывало Зданіе распадается на двѣ, совершенно отдѣльныя половины: мужскую и женскую, и на 10 отдѣленій.

Теперь перейдемъ къ арестантамъ. Движеніе тюремнаго населенія представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Къ январю 1872 г. было . .	583 чел.	168 чел.
Въ теченіе 1872 г.		
Прибыло	1.824	727
Убыло	1.898	717
Осталось къ 1873 г. . . .	599	178
Въ теченіе 1873 г.		
Прибыло	1.802	358
Убыло	1.781	356
Осталось къ 1874 г. . . .	530	181
Въ теченіе 1874 г.		
Прибыло	6.053	1.433
Убыло	6.111	1.441
Осталось къ 1875 г. . . .	474	165
Въ теченіе 1875 г.		
Прибыло	2.285	543
Убыло	2.266	545
Осталось къ 1876 г. . . .	493	163

[redacted]

Въ теченіе 1876 г.		
Прибыло	929	629
Убыло	874	619
Осталось къ 1877 г. . . .	548	173
Въ теченіе 1877 г.		
Прибыло	1.063	771
Убыло	1.132	811
Осталось къ 1878 г. . . .	479	133
Въ теченіе 1878 г.		
Прибыло	1.316	951
Убыло	1.339	954
Осталось къ 1879 г. . . .	456	130

Въ больницѣ Замка пользуются изъ камеръ, пересыльной тюрьмы и изъ частей. Она дѣлится на двѣ мужскую и женскую. Статистика вотъ какъ представляетъ цифры:

	Пользовалось.	Выздоровѣло.	Умерло.
Въ 1872 г. . . .	1.472 чел.	1.368 чел.	103 чел.
1873 . . .	1.712	1.569	120
1874 . . .	1.488	1.240	118
1875 . . .	1.438	1.338	73
1876 . . .	1.713	1.639	104
1877 . . .	1.580	1.225	92
1878 . . .	1.136	1.001	128

Деньги на удовлетвореніе текущихъ потребностей отпускаются мужскому и дамскому Комитетамъ: на жалованье администраціи — отъ казны и города; на кормовое довольствіе и леченіе больныхъ—изъ казны, которая, кромѣ того, еще платитъ — за новое бѣлье, обувь и одежду для однихъ здоровыхъ арестантовъ; на отопленіе, освѣщеніе, очистку и вообще содержаніе зданія—изъ городскаго управленія, которое само ремонтируетъ зданія (*13, 117,* 180, 138 и проч. ст. уст.). Затѣмъ постоянныя

принадлежности, мыло, вѣники для арестантовъ, мыло для стирки бѣлья, всякаго рода посуда, хозяйственные инструменты, обмундированіе фельдшеровъ, больничные инструменты, жалованье: хозяйственной и больничной прислуги, прачкамъ, хлѣбопекамъ, кашеварамъ, снабженіе зданія водою, ремонтъ водопроводовъ, лампы, книги для чтенія, школьныя пособія и множество другихъ предметовъ, перечислять которые долго,—все это падаетъ, повторяемъ, на счетъ частныхъ и экономическихъ средствъ Комитетовъ вообще и мужскаго въ особенности. На всѣ эти и подобные предметы издержано, напр., въ 1877 г.—до 20.000 р., а въ 1878 г.—16.058 р.

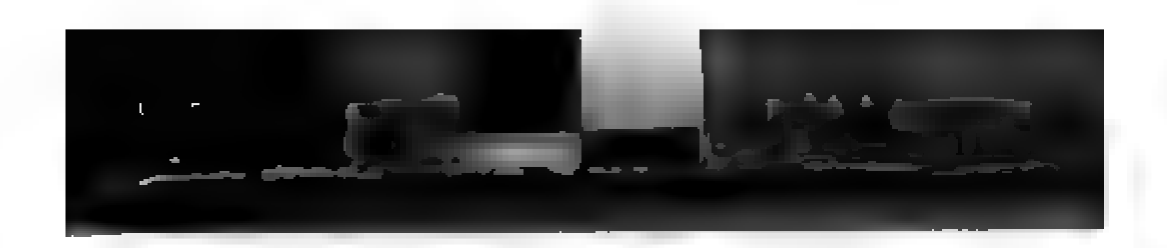
Арестанты живутъ въ свѣтлыхъ, опрятныхъ камерахъ, носятъ все форменное: зимою—изъ грубаго сукна; а лѣтомъ—холщевыя вещи; спятъ: привиллегированные—на кроватяхъ, а остальные—на подъемныхъ, для каждаго отдѣльныхъ, нарахъ; всѣ имѣютъ порядочныя постельныя принадлежности; бѣлье и полотенцы мѣняютъ еженедѣльно. Ѣдятъ: привиллегированные—всегда по два блюда въ обѣдъ, и по одному—въ ужинъ, а прочіе по буднямъ—одно, а по праздникамъ два кушанья, на счетъ 7 к., полагающихся на человѣка въ сутки кормовыхъ отъ казны; при чемъ мяса и рыбы кладется въ котелъ ежедневно: на благородныхъ—по 1/2 фунта, а на простолюдиновъ—по 12 золотниковъ на каждаго; хлѣба дается на человѣка въ сутки по 2 1/2 фунта; завтракаютъ почти постоянно подаянные калачи, сайки, булки.

Арестантки (въ вѣдѣніи дамскаго Комитета) несравненно въ лучшихъ, нежели мужчины, условіяхъ, одѣваются тоже по формѣ, спятъ всѣ на кроватяхъ и пользуются всѣми удобствами. Пища ихъ вкуснѣе бываетъ, чѣмъ у мужчинъ, ибо варятъ *женщины*, подъ наблюденіемъ экономки и начальницы, а женщины, какъ извѣстно, гораздо практичнѣе въ кухонныхъ вопросахъ. Часть общихъ подаяній удѣляется и женщинамъ, по числу людей, и распредѣляется между ними преимущественно взамѣнъ положенныхъ порцій. Благоустройство женскаго отдѣленія во многомъ

[redacted]

обязано начальницѣ, В. И. Шавшевой, прекрасно изучившей дѣло и занимающей должность болѣе 10 лѣтъ, съ истинною пользою для заключенныхъ.

Какъ арестанты, такъ и арестантки работаютъ, учатся грамотѣ прилежно, слушаютъ поученія внимательно на столько, что всегда вѣрно перескажутъ сущность бесѣды. Ведутъ они себя вообще осторожно, но чѣмъ человѣкъ судился за большее преступленіе,—тѣмъ онъ акуратнѣе, деликатнѣе. Изъ давнишнихъ тюремныхъ традицій сохранилась доселѣ только мгновенная передача запрещенныхъ предметовъ изъ рукъ въ руки, да сообщенія изъ отдѣленія въ другія о совершающихся гдѣ-либо казусахъ, о которыхъ чрезъ 10 минутъ всѣмъ извѣстно: столь проворны ихъ руки, чутки уши и воспріимчиво воображеніе къ окружающему! Эгоизмъ до того среди нихъ преобладаетъ, что всѣ живутъ особняками, себѣ на умѣ и въ каждой камерѣ найдете фискала, предателя, посуливъ ему только кусокъ сахару. Завистливы арестанты какъ дѣти, и вотъ тому доказательства. Дадутъ, напримѣръ, одному булку на взглядъ больше двумя золотниками, чѣмъ другому, — первый озлобляется и малѣйшаго повода достаточно, чтобы затѣялъ перебранку, драку съ послѣднимъ. Освѣдомившись, однажды, что малолѣтніе пьютъ чай, ѣдятъ ситный,—взрослые взроптали на то, что ихъ обижаютъ, и, сколько имъ ни доказывали, что ропотъ ихъ лишенъ смысла, потому что малолѣтніе—*дѣти*, еще ростутъ, ихъ организмъ нуждается въ легкой пищѣ и проч., — они упорно возражали, что они, какъ и мальчики, одинаковые *арестанты*, и потому всѣмъ все должно быть равномѣрное по количеству и качеству. Взглядъ этотъ поддержалъ бывшій смотритель. Они подали администраціи жалобу на представителей Комитета, распорядившихся кормить булками: дѣтей—постоянно, а взрослыхъ—когда бывало много поданныхъ булокъ, по очереди. Жалоба эта прошла всѣ инстанціи и Комитету пришлось доказывать свою правоту, чуть ли ни цѣлою диссертаціею

о разности положенія и организма дѣтей отъ взрослыхъ заключенныхъ.

Многократно представители Комитета, напримѣръ, слышали тоскливыя разсужденія арестантовъ о неизвѣстности положенія ихъ семействъ. Забота о семьѣ — черта хорошая. Оттого, чтобы ее укрѣпить,—было объявлено, что желающимъ имѣть свѣдѣнія о родныхъ, но не располагающимъ деньгами на почтовую бумагу и конверты со штемпелями—оба предмета будутъ даваться отъ Комитета *безвозмездно*. Изъ заявившихъ тотчасъ же намѣреніе писать—до половины оказалось такихъ, которымъ положительно не *къ кому* было писать, а „бумага и конвертъ, по ихъ словамъ, годились бы по выходѣ на волю;“ вѣрнѣе же для обмѣна на кусочекъ махорки, на спичку, которую искусники умѣютъ расщипливать ногтемъ на 10 частицъ въ длину, съ сохраненіемъ при томъ на *концахъ всѣхъ фосфора и сѣры* — этой драгоцѣнности для закуриванія папиросъ. Курить позволено.

Самые неугомонные воры, мотыги на волѣ—въ тюрьмѣ ярые скряги, абсолютные защитники собственности, когда это касается не администраціи (предъ нею они стѣсняются, заискиваютъ до приторности), а интересовъ Комитета. Обсчитайте, напр., случайно, или умышленно такого человѣка на одну лишь копѣйку за его работу въ мастерской, такъ онъ вамъ проходу не дастъ до тѣхъ поръ, покуда не удовлетворите его; если же ему удасться дважды получить разсчетъ и это потомъ откроется—онъ униженно упрашиваетъ подарить ему, „несчастному, эту малость на бѣдность“, Двойные платежи бывали вотъ отчего: человѣкъ, впервые являющійся въ мастерскую, снабжался работою и разсчетною книжкою, въ которой означалось его имя, фамилія и какую дали ему работу. Захвативъ, въ суетѣ, другой экземпляръ книжки—онъ въ ней повторялъ *) тоже самое, но ужъ

*) Въ комнатахъ надзирателей, рядомъ съ арестантскими, держались чернила и перья, для веденія надзирателями алфавитовъ отдѣленій. Староста, въ

[redacted]

называлcя по отчеству и, по истеченіи мѣсяца, предъявлялъ, разновременно, двѣ книжки, а какъ дѣлавшій разсчетъ не могъ знать всѣхъ въ лицо, то и обманывался.

Однажды пожертвовано было 250 сырыхъ яицъ, которыя употреблены были для больныхъ. Нѣкоторые здоровые потребовали, чтобъ взамѣнъ означенныхъ яицъ куплены были и розданы имъ другія; на замѣчаніе, что этого не сдѣлаютъ, ибо всѣ арестанты ѣли, сверхъ положенія: въ Рождество—жаркое, а въ Новый годъ—кашу, они отвѣчали: „и жаркое, и кашу мы точно съѣли, за это спасибо, но это особая статья, а яица пожалуйте: они наши“.

Впрочемъ, съ простолюдинами не столько хлопотъ, сколько бывало съ благородными, которые, отъ снѣдавшей ихъ, въ бездѣйствіи, скуки,—беспрерывно нарушали обычныя правила. И вотъ, чтобы ихъ успокоить, въ теченіи года, трижды пытались, согласно собственному ихъ желанію,—пріурочить ихъ къ труду, но безуспѣшно; очутившись въ мастерской,—они ссорились между собою изъ за дратвы, молотка, допекали прислугу, претендовали на самоуправленіе и продѣлывали самыя разнообразныя штуки, разстраивавшія все дѣло. Купятъ, напр., бывало, лимонъ, согрѣютъ лакъ, опустятъ въ него куски лимона, сольютъ сверху лакъ и остающійся внизу осадокъ спиртъ—пьютъ, вмѣсто водки; тоже самое творили и съ керосиномъ. Принесутъ имъ изъ лавки селедку, обыкновенно завернутую въ бумагу, они снимутъ, случалось, со стѣны, икону почернѣе, соскоблятъ съ нее краску, намажутъ ее на мокрую бумагу, трутъ ее круглою палочкою дотолѣ, пока краска прилипнетъ къ бумагѣ, которую высушатъ, она превратится какъ бы въ аспидную доску и мѣломъ на ней пишутъ, что вздумается и т. п. Разъ староста благороднаго отдѣленія, человѣкъ ужъ пожилой, семейный, че-

качествѣ помощниковъ надзирателей свободно къ нимъ ходили и помогали [illegible] „обработывать простофилей,“—[illegible] мастерскихъ директоровъ.

помощникъ, подалъ прошеніе о томъ, чтобы „во вниманіе къ его *хорошему поведенію*—выдавали ему *папиросы*, ибо ему не на что ихъ купить".

Простолюдины, чтобы доказать свою сметливость, тоже старались подражать благороднымъ въ разныхъ выходкахъ. Въ школѣ буквы, наклеенныя на бумагѣ, ломали, обыкновенно, зря. Явясь учиться грамотѣ, и не находя тамъ, иногда, запоздавшаго учителя—начинали играть буквами, чтобы картами: переименованіе буквъ въ соотвѣтствующія карты происходило въ камерахъ по букварямъ, раздаваемымся для чтенія, на досугѣ. Сторожъ несетъ себѣ напр., въ чашкѣ, горячихъ щей. Въ это время его обступятъ и опустошатъ карманы самымъ благовиднымъ манеромъ. Сомнѣваясь, чтобы можно было быть такимъ ротозѣемъ, мы предложили, однажды, группѣ арестантовъ испробовать—вытащить что нибудь изъ нашихъ кармановъ. Они обѣщали. Дня черезъ 3 спустя, мы положили въ наружный боковой карманъ пальто папиросницу, наполненную папиросами, обошли до 15 камеръ, для сообщенія арестованнымъ справокъ о положеніи ихъ дѣлъ и присаживались, въ нѣсколькихъ камерахъ, при чемъ ихъ обитатели окружали насъ. Выйдя, потомъ, на дворъ, мы не нашли папиросницы, хотя тщательно, казалось, сторожили ее и не были даже въ томъ отдѣленіи, въ одной изъ камеръ которыхъ обѣщались ее вытащить. Пропустивъ двое сутокъ, мы зашли въ третье уже отдѣленіе и спросили: не слыхали ли, гдѣ и кто „взялъ" нашу папиросницу? („укралъ"—слово постыдное среди арестантовъ). Къ удивленію, намъ ее тотчасъ же подали. Мы ее открыли, увидѣли въ цѣлости всѣ папиросы и спросили: отчего они не воспользовались ими, когда чрезвычайно дорожатъ куреніемъ? Они отвѣтили: „чужихъ папиросъ намъ не надо, особенно вашихъ: за добро зломъ не отплачиваемъ". У одного изъ членовъ тоже разъ, вынули, ради шутки, табакерку, въ больницѣ, а черезъ полчаса она возвращена была ему уже изъ камеры, расположенной, по крайней мѣрѣ, черезъ 100

[redacted]

камеръ отъ больницы, въ противоположномъ концѣ зданія. Больной, покуда докторъ дѣлалъ ему серьезную операцію, успѣлъ, лежа на кровати, свободною рукою вытащить изъ жилета доктора часы и спрятать ихъ къ себѣ подъ подушку. Кончивъ операцію—докторъ хотѣлъ уходить, но больной задержалъ его, возвратилъ часы и объяснилъ, что, чувствуя сильную боль и желая заглушить ее хоть отчасти—онъ занялся похищеніемъ, при чемъ процессомъ этого дѣйствія достигъ своей цѣли.

Все это называется молодечествомъ, возведеннымъ въ искусство. Всѣ тюремные проступки бываютъ въ этомъ же родѣ. За то забудьте въ любой камерѣ, что хотите,—хоть чрезъ недѣлю съ гордостью представятъ вамъ вещь: неосторожностью такъ же не принято пользоваться.

Закаленные, въ преступленіяхъ, арестанты очень дорожатъ своею репутаціею въ этомъ смыслѣ, и защищаютъ ее до послѣдней крайности. Въ больницѣ пользовался, напр., два года тому назадъ, калека, бывшій въ прежнихъ 2-хъ каторжныхъ отдѣленіяхъ въ крѣпостяхъ—лѣтъ 10, вслѣдствіе чего онъ слылъ знатокомъ арестантскаго быта. Вдругъ прибываетъ другой, человѣкъ образованный, сиживавшій въ разныхъ не только русскихъ, но и заграничныхъ тюрьмахъ, и въ 2—3 дня уничтожаетъ весь авторитетъ калеки. И что же? Калека впалъ въ такую ярость, что проломилъ противнику голову оловянною кружкою, да еще сожалѣлъ, что не совсѣмъ его укокошилъ.

Изъ всего народонаселенія замка подверглось дисциплинарнымъ взысканіямъ: въ 1872 г.—266; въ 1873 г.—411; въ 1874 г.—243 м. и 15 ж.; въ 1875 г.—232 м. и 10 ж.; въ 1876 г.—135 м. и 7 ж.; въ 1677 г.—94 м. и 8 ж.; въ 1878 г.—65 мужчинъ и 3 женщины, по распоряженію администраціи замка, которая караетъ женщинъ не иначе, какъ по заявленію начальницы, что провинившіяся того заслуживаютъ.

Стоили замокъ, его народонаселеніе и хозяйство одному Лужскому Комитету: въ 1875 г.—56.938 р. 96 к.; въ

1876 г. — 67.075 р. 75 к.; въ 1877 г. — 63.538 р. 72 к.; а въ 1878 г. — 86.862 р. 78 к. Источниками на покрытіе расходовъ служатъ казенныя, городскія, Комитетскія и жертвуемыя суммы, которыя казна и городъ отпускаютъ въ возмѣщеніе уже *произведенныхъ* Комитетомъ затратъ. Возвратъ денегъ постоянно затягивается, а иногда и на долгіе годы. Напр., съ 1865 г. Дума перестала платить Комитету за отопленіе и освѣщеніе зданія. Споръ усложнился и продолжался до 1874 г. Тогда, по ходатайству Комитета, Министръ внутреннихъ дѣлъ распорядился организовать, для разбора дѣла, особую коммисію изъ представителей: города (А. Г. Поповъ), полиціи (П. В. Юдинъ); земства (Графъ Е. Е. Сиверсъ), и отъ Комитета (пишущій эти строки), а предсѣдателемъ Коммисіи назначилъ причисленнаго къ Министерству, ст. сов. А. Г. фонъ Бринкмана. Чтобы доказать Коммисіи затрату Комитета, мы принуждены были извлечь изъ дѣлъ Комитета, конторъ: Замка, Пересыльной тюрьмы, Казенной и Контрольной палатъ подробныя, по мѣсяцамъ и годамъ, съ 1865 по 1875 г. включительно, свѣдѣнія о числѣ содержавшихся и довольствовавшихся арестантовъ; о числѣ печей по разнымъ ихъ конструкціямъ; о числѣ фонарей и лампъ; о количествѣ, закономъ положенныхъ и въ дѣйствительности сожженныхъ: дровъ, керосина, свѣчей и существовавшихъ, на эти вещества, ежегодно, справочныхъ и контракныхъ цѣнахъ. Изъ всѣхъ перечисленныхъ, отдѣльныхъ по годамъ, данныхъ,—получилась общая издержка Комитета за 10 лѣтъ. Цѣлый годъ самаго кропотливаго труда, хлопотъ и разъѣздовъ,—привелъ, въ результатѣ, къ тому, что Коммиссія присудила Комитету: отъ города—15.646 р. 76 к., а изъ государственнаго земскаго сбора—6.241 р. 16 к., итого 21.887 р. 92 к. Изъ земскаго сбора до сихъ поръ еще деньги не получены, а городъ отдалъ свою долю въ 1876 г. Комитетъ считалъ эту сумму „совершенно потерянною,“ но, добывъ ее,—онъ такъ расщедрился, что, вслѣдствіе просьбы г. Фонъ-Бринкмана, что онъ,

[redacted]

служа безъ содержанія, трудился въ пользу Комитета, — вознаградилъ его 2.000 р., уплатилъ ему же за канцелярскіе расходы 378 р., да удѣлилъ дамскому Комитету 2.000 р.

Въ Замкѣ содержатся, какъ читатели видѣли выше, осужденные: а) въ арестантскія роты; б) въ смирительный; в) въ рабочій дома; г) къ тюремному заключенію и д) не рѣдко еще и подслѣдственные. Примѣненіе совершенно различныхъ, по законамъ, правилъ содержанія всѣхъ названныхъ категорій въ одномъ и томъ же зданіи—породило много неудобствъ, затрудненій. Комитетъ и поручилъ, въ 1878 г., особой (изъ К. Ф. Хартулара, Г. Г. Гогеля и пишущаго эти строки) Коммиссіи выяснить и урегулировать, на основаніи законовъ, для каждой, изъ названныхъ категорій—ихъ права, обязанности и отвѣтственность по отношенію къ властямъ и обратно властей къ нимъ, чтобы всѣ знали свои роли и не претендовали бы на чужія. Коммиссія составила, примѣнительно къ законамъ, для всеобщаго руководства, особыя правила, одобренныя Комитетомъ и развѣшанныя, въ печатномъ видѣ, по камерамъ, для исполненія, при чемъ правилами этими способъ управленія разнородными элементами значительно упростился, облегчился.

С.-Петербургская пересыльная тюрьма

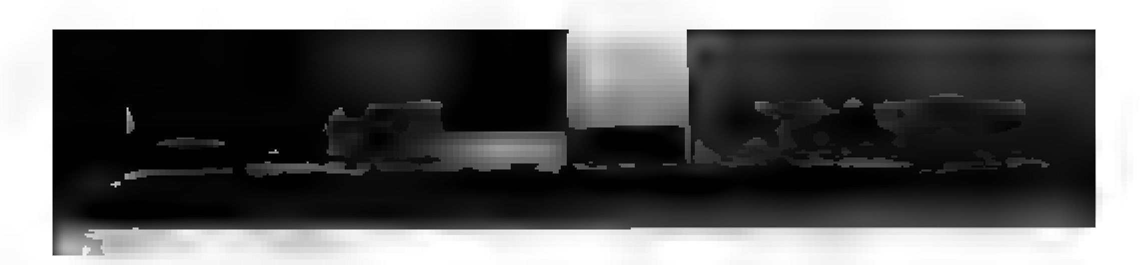
Въ публичной библіотекѣ хранится книга „Описаніе Петербурга", первоначально составленная, въ 1750 г., помощникомъ библіотекаря Академіи Наукъ, Богдановымъ, а потомъ дополненная и исправленная, въ 1779 г., Директоромъ Новороссійскихъ училищъ, Рубаномъ. Въ этой книгѣ излагается: на 157 стр.,—что „на *С.-Петербургской сторонѣ, въ концѣ большой Никола-*

ской слободы, гдѣ прежде была *губернская* канцелярія—помѣщался одинъ изъ тогдашнихъ трехъ остроговъ", построенный въ 1714 г., т. е., чрезъ 11 лѣтъ послѣ основанія Петербурга; а на 57 стр.,—что, „при губернской канцеляріи, завѣдывавшей судными и розыскными дѣлами, состоялъ, для содержанія колодниковъ, острогъ, построенный въ 1714 году". Существовавшая, въ 1735 г., с.-петербургская воеводская канцелярія, разрѣшавшая судныя и розыскныя дѣла, переименована была, въ 1738 г., въ губернскую канцелярію, которой поручено было заниматься всѣми дѣлами предшествовавшей канцеляріи, а въ 1775 г. губернскую канцелярію замѣнило губернское правленіе, которое помѣщалось въ томъ самомъ зданіи, въ какомъ дѣйствовали вышепомянованныя канцеляріи (на углу Демидова переулка и бывшей Мѣщанской, нынѣ Казанской улицы); причемъ, „во дворѣ правленія находился и давнишній острогъ". Губернское правленіе, въ 1803 г., перемѣщено было въ новое зданіе, на уголъ Гороховой и Адмиралтейской площади, а то, которое послѣ него освободилось — обращено было, въ томъ же 1803 г., въ гимназію; надворное же строеніе—острогъ оттородили заборомъ и, въ 1804 г., назвали „городскою тюрьмою", каковою приняло его, въ 1819 г., „общество Попечительства о тюрьмахъ". Затѣмъ, когда въ 1826 г., открылся тюремный замокъ, опроставшееся зданіе бывшей городской тюрьмы передано было: сперва — въ 1828 г., Приказу общественнаго призрѣнія; потомъ—въ 1838 г., Комитету для разбора и призрѣнія нищихъ; а въ 1841 г. состоялось повелѣніе: обратить это зданіе въ „пересыльную тюрьму", но оно передѣлывалось до 1847 г.; въ этомъ же году, въ немъ помѣстили холерную больницу, и лишь, по ея закрытіи,—зданіе, съ 1852 г., окончательно стало пересыльною тюрьмою" *).

*) См. полн. собр. закон.: т. IX ст. 6827; т. X ст. 7579; т. XX ст. 14392; Высочайшее повел. 17 октября 1803 г. (по Министст. просвѣщенія); отнош. спб. ген.-губерн. 14 іюля 1828 г.; Высоч. повел. 15 декабря 1837 г. (по Комитету нищихъ); 9 апрѣля 1848 г. (по тюремному Комитету), и послѣд. переписку между Генералъ-Губернаторомъ и Комитетомъ.

[redacted]

Любопытная исторія этого старѣйшаго тюремнаго зданія имѣетъ еще и свою, не безъинтересную исторію. Со введеніемъ земскихъ учрежденій, отопленіе, освѣщеніе и ремонтъ зданія отнесены были на счетъ губернскихъ земскихъ сборовъ. Петербургское земство и возбудило, въ 1865 г., вопросъ о передачѣ ему въ собственность, мѣста и зданія на немъ, въ предположеніи продать ихъ, а на вырученныя деньги построить другую, просторную тюрьму. Городское управленіе протестовало, говоря, что мѣсто и зданіе принадлежатъ городу, выстроившему это зданіе. Споръ объ этомъ затянулся на долго, доходилъ до Государственнаго Совѣта, который потребовалъ разъясненія: кто собственникъ мѣста и зданія? „За всѣми принятыми мѣрами ни въ какихъ архивахъ, ни въ чертежныхъ, никакихъ доказательствъ не оказалось". Тогда Министръ внутреннихъ дѣлъ приказалъ „подвергнуть настоящее обстоятельство обсужденію особой коммиссіи изъ членовъ заинтересованныхъ учрежденій: городской Думы, Градоначальства (въ качествѣ правительственнаго делегата) и тюремнаго Комитета (27 іюня 1873 г.). Послѣдній избралъ насъ въ члены Коммиссіи, для которой мы произвели вышеприведенное изслѣдованіе и нашли планъ зданія 1820 г. На основаніи этого, подробно мотивированнаго изслѣдованія, мы доказывали, что мѣсто и зданіе *правительственныя*, такъ какъ при устройствѣ Петербурга городскаго сословія не было. Членъ отъ Думы Ф. В. Гроздовъ, причислялъ мѣсто и зданіе городу — въ силу *давностнаго* владѣнія. Между тѣмъ городъ намѣревался продать земству мѣсто и зданіе; поэтому мы извлекли изъ дѣлъ Комитета, за 50 лѣтъ, свѣдѣнія о количествѣ денегъ, затраченныхъ Комитетомъ на ремонтъ и поддержку зданія, стоившаго въ сложности: Комитету—27.445 р. 96 к., а городу (по справкѣ его делегата) — 32.530 р. 67 к., въ томъ числѣ на содержаніе собственно администраціи тюрьмы—7.000 р. Коммиссія представила свой трудъ въ январѣ, а Комитетъ, раздѣляя наше мнѣніе, — 2 мая 1874 г, просилъ г. Президента о томъ, что если раз-

рѣшивъ Думѣ продать земству мѣсто и зданіе, то, чтобы Дума, изъ полученныхъ денегъ, возвратила Комитету затраченную имъ сумму. Однако, чѣмъ кончилось это дѣло, до сихъ поръ еще неизвѣстно. Такъ, что зданіе осталось при прежнемъ назначеніи — тюрьмы.

Тюрьма эта подчиняется Градоначальству, тюремнымъ Комитетамъ, инспектору пересылки арестантовъ, губернскому правленію, прокуратурѣ; а касательно ремонта, отопленія и освѣщенія — еще земству (15, 28, 29 и др. ст. уст. о содерж. подъ стр.). Состоитъ тюрьма изъ двухъ зданій, соединенныхъ между собою корридоромъ; положена она на 160, а проживаетъ въ ней отъ 300 до 800 чел. арестантовъ, при случающихся соединеніяхъ этаповъ съ нѣсколькихъ трактовъ; приливъ и отливъ людей происходитъ огромными массами и единицами не только ежедневно, но нерѣдко и ежечасно.

Прошло чрезъ тюрьму:

Въ каторжную работу: въ 1872—73 г. — 46 м., въ 1874 г. — 87 мужч., въ 1875—9 м., въ 1876—315 м., въ 1877—108 м.; на поселеніе: въ 1872 и 1873 г. — 386 мужч., 51 женщ.; въ 1874 г. — 389 м., 67 ж.; въ 1875 г. — 408 м., 88 ж.; въ 1876 г. — 345 м., 45 ж.; въ 1877 г. — 808 м., 65 ж.; въ исправит. арест. отдѣленія: въ 1872—73 г. — 607 мужч., въ 1874 г. — 286 м.; въ 1875 г. — 409 м.; въ 1876 г. — 514 м.; въ 1877 г. — 378 м.; въ разные города и селенія по требованіямъ властей и на родину: въ 1872 и 73 г. — 6,028 м., 908 женщ.; въ 1874 г. — 4.297 м., 593 ж.; въ 1875 г. — 4.515 мужч., 500 женщ.; въ 1876 г. — 5.361 м., 621 ж.; въ 1877 г. — 5.329 м.; 554 ж.; для заключенія, водворенія и проч.: въ 1872—73 г. — 882 мужч., 118 женщ., въ 1874 г. — 970 мужч., 113 женщ.; въ 1875 г. — 869 м., 73 ж.; въ 1876 г. — 891 м., 102 ж.; въ 1877 г. — 1.708 мужч., 64 женщ.; освобождено здѣсь: въ 1872—73 г. — 44 мужч.,

[redacted]

2 женщ.; въ 1874 г.—131 м., 7 ж.; въ 1875 г.—30 м., 4 ж.; въ 1876 г.—57 м., 8 ж.; въ 1877 г.—35 мужчинъ и 6 женщинъ.

Въ томъ числѣ прошло дѣтей:

На поселеніе: въ 1874 г. — 23 мужс., 15 женск.; въ 1875 г. — 33 м., 36 ж.; въ 1876 г. — 21 м.; 25 ж.; въ 1877 г. — 20 м., 23 ж.; въ разныя мѣста: въ 1874 г. — 57 муж., 54 жен.; въ 1875 г.—35 м., 47 ж.; въ 1876 г.—60 м., 64 ж.; въ 1877 г. — 60 м., 69 ж.; въ заключеніи водвореніе: въ 1874 г. — 5 муж., 7 жен.; въ 1875 г.— 8 м., 2 ж.; въ 1876 г.—3 м., 3 ж.; въ 1877 г.—4 м., 2 ж.; освобождено: въ 1875 г. —1 ж.; въ 1876 г.—1 ж.; въ 1877 г.—1 муж.

Статистика 1878 г. представляется уже въ другомъ, частію—улучшенномъ, а частію—ухудшенномъ видѣ: она показываетъ, что прослѣдовало:

	Привилегированныхъ.			Разночинцовъ.		
	М.	Ж.	Дѣт.	М.	Женщ.	Дѣт.
Къ слѣдствію и суду	3	1	—	74	9	4
По приговорамъ судебныхъ учрежденій	31	5	5	644	38	23
По отбытіи сроковъ заключенія	—	—	—	344	22	—
По распоряженіямъ административныхъ властей:						
а) за неблагонадежность	28	1	—	327	253	282
б) за безпаспортн.	112	10	—	4.770	393	88
в) за прошеніе милостыни	27	1	—	504	109	3
Итого	201	18	5	6.663	824	400

а всего 8.111 чел.; но сколько изъ нихъ: въ каторгу, на поселеніе, въ арестантскія роты и освобождено—уже неизвѣстно.

Порядокъ содержанія здѣсь людей зиждется на инструкціи смотрителю замка 1831 г., которая, кромѣ правилъ надзора по существу ни въ чемъ не примѣнима къ пересыльнымъ, находящимся въ исключительныхъ условіяхъ; создать же особую, спеціальную инструкцію до сихъ поръ еще не позаботились. Прибываетъ народъ въ тюрьму со всѣхъ иногороднихъ, загородныхъ, попутныхъ пунктовъ и изъ столичныхъ: частей, тюремнаго замка, исправительной тюрьмы и изъ административныхъ инстанцій. Живутъ въ зданіи арестанты: мужчины—въ 15, а женщины—въ 8 камерахъ, совершенно врозь одни отъ другихъ. Спатъ: благородные и женщины—на отдѣльныхъ кроватяхъ, а простолюдины—на сплошныхъ нарахъ. На кроватяхъ есть матрацы, подушки и одѣяла: въ первыхъ—безукоризненнаго, а на послѣднихъ постельники и подушки—сноснаго качества. Довольствуются: благородные, магометане, евреи и малолѣтніе—на положенные порціоны, а простолюдины—готовою пищею, ежедневно утромъ привозимою изъ тюремнаго замка въ мѣдныхъ котлахъ, опускаемыхъ, по наполненіи ихъ приваркомъ, въ деревянные ящики, обитые цинкомъ, а ящики, вставленные въ глухіе фургоны; оттого пища бываетъ: лѣтомъ—горячая, а зимою—едва теплая; часть приварка, оставляемаго отъ обѣда на ужинъ, подогрѣвается въ самой тюрьмѣ. Ѣдятъ простолюдины-мужчины по тѣснотѣ зданія: зимою—въ банѣ, а лѣтомъ—на дворѣ.

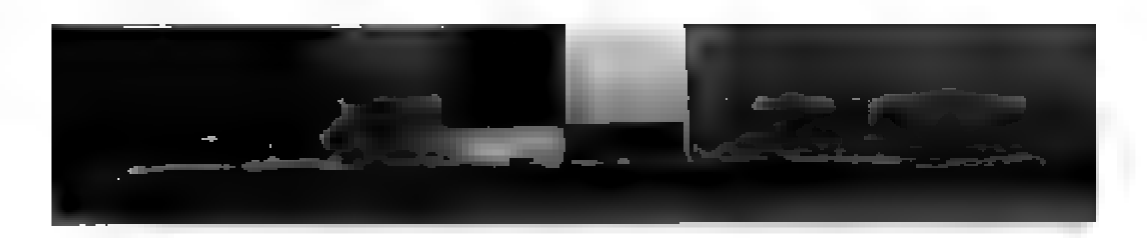
Неудобство перевозки пищи и польза, отъ лучшей пищи, какую слѣдовало ожидать для здоровья арестантовъ, приходящихъ съ этаповъ изнабиными, хворыми,—еще въ 1878 г. побудили Комитетъ, по моему заявленію, устроить кухню въ самой тюрьмѣ, но это и понынѣ еще не осуществлено, ибо исчислено было на приспособленіе кухни единовременно—1.000 р., да на поддержаніе хозяйства и на жалованье за надзоръ по приготовленію пищи—по 1.000 р. въ годъ. Между тѣмъ военство (на

[redacted]

примѣчанію къ 34 ст. уст. о содер. подъ стр., по продол. 1868 г.) обязанное принимать участіе въ тюрьмѣ по хозяйственной части, отозвалось, что, относительно помощи Комитету деньгами и дровами, дастъ отвѣтъ въ 1875 г.,—послѣ разсмотрѣнія вопроса собраніемъ въ декабрѣ того же года, но ничего не отвѣтило и до сихъ поръ. Самъ же Комитетъ не устроилъ кухни въ надеждѣ, что, по открытіи дома предварительнаго заключенія, въ него переведутъ, изъ Замка, подслѣдственныхъ, а въ Замокъ—пересыльныхъ; слѣдовательно затрата принесла бы Комитету лишь матеріальный ущербъ. Затѣмъ, когда Замокъ обратили въ арестантскую роту, опять не сдѣлали кухни вслѣдствіе не разрѣшенія, до сихъ поръ, разсказаннаго выше спора о правѣ собственности на мѣсто и зданіе тюрьмы.

Организовать въ этой тюрьмѣ мастерскія на твердыхъ началахъ, при 2-хъ недѣльномъ пребываніи на лицо рабочихъ, представлялось всегда трудомъ несбыточнымъ; тѣмъ не менѣе и тамъ работаютъ понемногу портные и сапожники, заработавшіе, напр., въ 1878 г. 229 р. 3 к. Женщины стираютъ и чинятъ арестантское бѣлье, также за вознагражденіе. Работаютъ только умѣющіе изъ ссылаемыхъ за мелкія преступленія,—съ благодарностью за избавленіе ихъ отъ тоскливаго бездѣйствія; серьезные же преступники къ физическому труду не привлекаются: признается опаснымъ вооружать молотками, утюгами людей, которымъ „терять ужъ больше нечего". Грамотѣ учить, разумѣется, тутъ ужъ некогда, но бесѣды слушаютъ арестанты внимательно, отъ чтенія книжекъ народныхъ, духовныхъ никто не отказывается, особенно, если книжку *дарятъ*; начитавшись вдоволь, они истребляютъ ихъ на папиросы, противъ чего дарители не претендуютъ, потому что жестоко же, въ самомъ дѣлѣ, лишать людей, какіе бы они ни были, послѣдней, на ихъ взглядъ, отрады—покурить.

На приводимыхъ сюда подъ стражу изъ столичныхъ частей, тюремъ и проч. ни одежды, ни обуви, ни постельныхъ и какихъ *бы то* ни было принадлежностей отъ казны, (какъ для частей,

не полагается во все время *пребыванія* ихъ собственно въ *тюрьмѣ*; на дорогу же снабжаются одеждою и обувью наканунѣ выступленія этаповъ: каторжные и идущіе на поселеніе— всѣ, а изъ остальныхъ только тѣ, которые въ томъ нуждаются. Этою операціею завѣдываетъ губернское правленіе. Вслѣдствіе не отпуска *ничего* казною, Комитеты и тутъ производятъ расходы на имущество; расходы, правда, не очень крупные, но иные весьма странные; напримѣръ за снабженіе тюрьмы водою платитъ мужской Комитетъ, тогда какъ содержаніе зданія зависитъ отъ земства, непризнающаго за собою обязанности платить за воду потому лишь, что водопроводы устроены на счетъ Директора Комитета, П. Х. Розенберга, въ 1870 г. затратившаго на это 2.000 р.

Въ числѣ заключенныхъ въ тюрьмѣ людей множество препровождается за нищенство къ мѣсту ихъ приписки, при чемъ всѣ они обыкновенно въ рубищахъ, въ одномъ бѣльѣ, а иногда и безъ онаго. Выпроваживаніемъ ихъ въ ближайшіе къ Столицѣ города: Царское-село, Лугу и, всего чаще, въ Кронштадтъ достигается только увеличеніе расходовъ казны: сегодня человѣка задержатъ, завтра отведутъ въ Комитетъ для разбора и призрѣнія нищихъ, гдѣ онъ пробудетъ 3 дня, потомъ Комитетъ пришлетъ: его—въ пересыльную тюрьму, а бумагу о немъ—въ губернское правленіе. Въ пересыльной его проморятъ, обыкновенно, 2 недѣли, до изготовленія на него статейнаго списка, затѣмъ его отвезутъ по желѣзной дорогѣ и сдадутъ, по назначенію, мѣстному обществу. Обществу дѣвать его рѣшительно некуда, оно и возвращаетъ ему, поневолѣ, паспортъ, чтобъ пріобрѣлъ возможность кормиться, а какъ онъ привыкъ къ тунеядству и на родинѣ подачки микроскопическія, въ родѣ корки хлѣба, то чрезъ 3 дня возвращается сюда, а чрезъ 3 недѣли ѣдетъ опять въ Кронштадтъ и т. п. Среди нищихъ встрѣчаются и такіе субъекты, которые въ годъ по 10 и болѣе разъ безнаказанно путешествуютъ взадъ и впередъ... Особенно часто попадавшихся въ

[redacted]

прошенія милостыни, Комитетъ для разбора нищихъ отсылалъ, случалось, съ отмѣткою „на родину“—и въ Калугу и въ Ветлугу и даже дальше, чтобы глаза здѣсь не мозолили. Они, правда, заявляли, что ихъ родина Луга, Петергофъ, жаловались на произвольныя отмѣтки, но ихъ никто не слушалъ, а увозили „туда, куда Макаръ телятъ не загонялъ“. Нѣкоторые изъ нихъ удачно притворялись раскаявшимися, клялись, что перестанутъ нищенствовать, успѣвали пріобрѣсть поручителей за нихъ въ губернскомъ правленіи, гдѣ брали съ этихъ поручителей подписки, что будутъ *„воздерживать* отъ прошеній милостыни“ положимъ, Гаврилова, котораго и освобождали. Такія подписки и мы давали неоднократно, покамѣстъ убѣдились, что нищіе насъ обманывали,—снова очутившись подъ стражею. Для подобныхъ пиллигримовъ нуженъ не даровой кормъ, а именно тотъ работный домъ, который по 691 ст. уст. обществ. призр. предполагается существующимъ, но котораго въ дѣйствительности, со временени изданія закона, никто еще не открывалъ...

Не мало лѣтомъ обитателей въ тюрьмѣ и потому, что представители пригородной и уѣздной полиціи тяготятся, повидимому, вникать во *внутренній* смыслъ своихъ обязанностей. Остановится въ устьѣ Невы или въ Ладожскомъ каналѣ барка. Рабочіе сойдутъ на берегъ за провизіею, кстати выпьютъ, охмѣлѣютъ, уснутъ гдѣ нибудь въ полѣ, или подерутся, ихъ захватятъ, и ничего не говоря, отправятъ въ Петербургъ, въ качествѣ *„бродягъ,“* тогда какъ ихъ паспорты чуть ли не подъ носомъ у блюстителей порядка—на баркахъ. Очутившись здѣсь, они вопіютъ о своемъ несчастіи, но все тщетно: ихъ маршрутъ на родину, въ наручникахъ, и лишь рѣдкимъ счастливымъ удается вернуться на барку, чаще всего въ Ижору, просидѣвъ подъ арестомъ двѣ-три недѣли. Добыть, между тѣмъ, волю этимъ людямъ намъ и нашимъ товарищамъ удавалось просто—посылкою служителя на барки за паспортами, которые получались въ тотъ

же или на другой день, передавались въ губернское правленіе, и оно освобождало задержанныхъ.

Въ устарѣвшей системѣ пересылки случались и такія поразительныя аноманіи, что арестованный здѣсь, добирался до Пулкова почти черезъ мѣсяцъ! Однажды, напр., крестьянинъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, выпилъ здѣсь чрезъ мѣру, набуянилъ и попалъ въ часть. Какъ безъ паспортнаго — его, чрезъ 3 сутокъ, переправили въ пересыльную. Тутъ онъ просидѣлъ 2 недѣли, потомъ его отвезли, по этапу, въ Царское село. Тамъ пробылъ онъ въ тюрьмѣ, до передачи его земской полиціи,— тоже недѣлю, такъ что перешагнулъ порогъ своего дома только на 26 день, когда Пулково отъ столицы въ 18 верстахъ!

Въ числѣ проходившихъ въ каторгу былъ, года 4 тому назадъ, — значительный процентъ изъ военно-исправительныхъ ротъ. Арестанты эти, осужденные за нападеніе на бывшихъ, въ ротахъ, ихъ начальниковъ, были все молодые, но физически чрезвычайно изнуренные. На вопросы о томъ, что они думаютъ о своей будущности, они постоянно отвѣчали одно и тоже: „худшей каторги, чѣмъ та, изъ которой мы вырвались, — и быть не можетъ". Къ одному изъ нихъ при насъ, однажды, пришли на свиданіе мать и сестра. Завидѣвъ сына и брата въ кандалахъ, съ обритою вдоль полголовою,—обѣ женщины произвели такую потрясающую сцену, что и привыкшіе „во всякимъ видамъ", мы потеряли спокойствіе духа: съ матерью нѣсколько разъ дѣлался обмороръ, сестра чуть шкафъ не проломила головою, а виновникъ всего,—остовъ человѣческій, утѣшалъ ихъ тѣмъ, что «не умеръ же я? Въ каторгѣ люди тоже вѣдь живутъ и, если Богъ дастъ, еще увидимся на этомъ свѣтѣ"…. Мать съ горечью возразила: „нѣтъ, нѣтъ не увидимся," впилась въ него руками и окочентла вся. И, дѣйствительно, горе матери было велико: сынъ 24 лѣтъ, хорошо грамотный, развитой, надежда старости ей и его калеки отца,—этотъ сынъ въ 3 года дослужился до 12 лѣтней каторги!… Самолюбивый, строптивый характеръ под-

[redacted]

стрекнулъ его оказать неповиновеніе офицеру, за что онъ очутился въ исправительной ротѣ, а тамъ, заработавъ втихомолку, 60 к.,— онъ далъ эти деньги унтеръ-офицеру купить табаку, но тотъ оставилъ ихъ себѣ, а когда онъ присталъ къ унтеру, чтобы возвратилъ хоть деньги,—его стащили въ карцеръ. Жажда мщенія побудила его сговориться съ двумя товарищами, тоже обиженными унтеръ-офицеромъ, и втроемъ они ранили своего врага, за что ихъ и осудили. Онъ призывалъ всѣхъ святыхъ въ свидѣтели, что передавалъ сущую правду; это подтверждали и соучастники несчастнаго.

Тюрьму населяютъ люди „кто съ борка, кто съ сосенки," при томъ же весьма короткіе сроки; потому и выдающихся своеобразныхъ арестантскихъ обычаевъ тутъ сложиться не можетъ. По прибытіи съ этапа, они спѣшатъ захватить мѣсто поудобнѣе, чтобы уснуть, а здѣшніе—присматриваются ко всему, для нихъ новому. Далѣе всѣ въ камерѣ знакомятся между собою (помѣщаются врозь благородные, малолѣтніе, бродяги, безпаспортные, нищіе, поселенцы и, наконецъ, каторжные). Благородные обыкновенно ропщутъ на законы и судъ, рисуются жертвами произвола, или приписываютъ себѣ громкія дѣла. Напримѣръ, одинъ увѣрялъ насъ, что сенатъ, вслѣдствіе интригъ генерала, безвинно приговорилъ его въ ссылку, а другой съ гордостью отозвался, что онъ „политическій агитаторъ," тогда какъ они уличены были: первый—въ кражѣ, а послѣдній—въ поддѣлкѣ векселей. Изъ десяти благородныхъ много трое скромны, откровенны, а остальные одержимы „дворянскимъ гоноромъ," и страстью писать просьбы, жалобы: имъ чудится, что все еще могутъ поправить свои обстоятельства, о чемъ своевременно тщетно хлопотали или ровно ничего не дѣлали. Человѣкъ, напримѣръ, попалъ подъ судъ еще въ 1862 году, съ оставленіемъ на свободѣ, въ Москвѣ, гдѣ впослѣдствіи женился, обзавелся семьею и благодушествовалъ. Прошло 12 лѣтъ. Вдругъ ему объявили не ожиданно рѣшеніе стараго сената, которое привело его въ пересыльную

тюрьму, по пути въ Архангельскъ — на житье, подъ надзоръ полиціи... Грустна, конечно, участь семьи и ея главы, но почему же, спрашивается, онъ самъ-то не заботился о себѣ своевременно, тѣмъ болѣе, что при прежнемъ судѣ, да при умѣньи, ему было бы не трудно оправдаться, или добиться легчайшаго наказанія, которое понесъ бы одинъ, будучи еще холостякомъ? Но какъ по его же легкомыслію, все пропало — онъ проклиналъ законъ, судъ, а себя именовалъ мученикомъ...

Малолѣтніе распадались по роду ихъ прегрѣшеній, на двѣ категоріи. Мальчики, почти исключительно Ярославской губерніи, находились въ Столицѣ, въ разныхъ торговыхъ заведеніяхъ, гдѣ научились всему дурному, просрочивали паспорты и тогда хозяева, пользуясь этимъ случаемъ, — передавали ихъ полиціи, чтобы за ихъ службу не платить ихъ родителямъ, родственникамъ, или они сами убѣгали отъ хозяевъ, вслѣдствіе суровости послѣднихъ, и слонялись, гдѣ попало, до поимки ихъ полиціею. Дѣвочки — это окрестныя, витебскія и смоленскія, крестьянки, пробравшіяся сюда для прошенія милостыни, либо нашалившія въ женскихъ мастерскихъ, въ которыхъ здѣсь учились, и, во избѣжаніе отвѣтственности предъ хозяйками, неуступающими хозяевамъ въ взысканіяхъ, тоже пускались въ бродяжничество. Какъ мальчики, такъ и дѣвочки крайне заморены, пугливы, и тѣмъ не менѣе способны на всякую продѣлку; ложныя показанія — отличительная черта ихъ характеровъ.

Изъ взрослыхъ безпаспортныхъ, или просрочившихъ таковые, до половины хорошіе ремесленники, но отъявленные пьяницы, буяны, и потому немогущіе нигдѣ ужиться; иныхъ и въ тюрьму приводили разбитыхъ, хмѣльныхъ, нагихъ. Это типъ людей, про которыхъ говорятъ: „руки у него золотыя, да ротъ-то поганый". Среди нихъ же нерѣдко, встрѣчались и наборщики, и не по неимѣнію денегъ на выправку паспортовъ, а потому, что они, по принципу, отрицали потребность въ видахъ. Теорію свою они, обыкновенно, энергически отстаивали, страдаютъ, часто

[redacted]

говорили, „за идею,“ — а это, дескать, не предосудительно. Другая половина—провинившіеся по безграмотству, безденежью и простотѣ душевной. Одни забывали сроки своимъ паспортамъ; у другихъ—не хватало денегъ на ихъ выписку, они и заключали: „погожу маленько: заработаю и пошлю за паспортомъ, а покуда и такъ ладно: худаго никому не чиню, ну и меня, авось, тоже не тронутъ“. Третьи—являясь въ трехъ-копѣечные ночлеги, отдавали паспорты на сбереженіе квартиро-содержателямъ, у которыхъ ихъ похищали, и которые иногда и продавали ихъ мазурикамъ, а на утро отпирались отъ того, что получили паспорты; увѣрявшихъ же въ противномъ—просто выгоняли вонъ. Четвертые — сходясь на площадяхъ наниматься въ работы, сталкивались съ мазуриками (обыкновенно съ двумя), которые приглашали ихъ, въ счетъ будущаго совмѣстнаго заработка, на закуску въ харчевню, тамъ издалека заговаривали о томъ, какъ плохо просрочить паспортъ и „желая простаку добра“ выманивали паспортъ посмотрѣть: не просроченъ-ли, при чемъ одинъ—чѣмъ-нибудь отвлекалъ его вниманіе на минуту, а другой въ это время пряталъ законный паспортъ, доставалъ, предварительно ужъ приготовленную, скроенную и сложенную, въ формѣ паспорта, газетную или другую подходящую бумагу, или же поддѣльный паспортъ, возвращалъ обманутому и потомъ благополучно расходились въ разныя стороны. Наконецъ, пятые — просидѣвъ разъ въ тюрьмѣ и получивъ, потомъ, паспортъ съ отмѣткою на немъ о судимости его владѣльца, они рвали, жгли эти „волчьи паспорты,“ съ которыми въ работу ихъ не брали; сказывались потерявшими паспорты и поэтому возвращались на родину съ непремѣннымъ рѣшеніемъ скрыть тамъ отъ всѣхъ „стрясшуюся бѣду“. И просрочившіе, потерявшіе и, неимѣвшіе паспортовъ, въ тюрьмѣ ведутъ себя „тише воды, ниже травы“; ихъ грусть разгоняютъ, обыкновенно, заправскіе бродяги „не помнящіе родства,“ которые большіе мастера на самые фантастическіе вымыслы о *себѣ*. Наконецъ, нищіе стараются какъ можно больше ѣсть и

спать; даже прогуляться по двору (гуляютъ поочередно отдѣленіями) ихъ приходится заставлять.

Женщины, жившія въ переднемъ флигелѣ, выходящемъ окнами во дворъ, если ничѣмъ не были не заняты, торчали у оконъ, возбуждая въ себѣ и въ мужчинахъ недостижимыя желанія, или ссорились между собою. Часто самыя, казалось бы, дружелюбныя ихъ бесѣды, кончались перебранкою; среди нихъ, впрочемъ, бывали и такія чувствительныя, что безутѣшно плакали о своихъ несчастіяхъ. Мы помнимъ, напримѣръ, барыню, осужденную въ каторгу, за поджогъ собственной дачи, ради полученія денегъ отъ страховаго общества; барыню, какъ только она, бывало, вспомнитъ о своей участи — живо впадала въ ярость, рвала на себѣ волосы, платье и рыдала до истерики, что повторялось съ нею разъ по десяти въ день. Чтобы облегчить ея горе—ей, въ видѣ рѣдкаго исключенія, позволили и уѣхать отсюда въ собственномъ платьѣ. За то другая барышня, также страшившаяся каторги (за убійство выстрѣломъ изъ револьвера любовника), въ обыкновенное время была всегда спокойна, иногда даже весела, но какъ только узнавала, что ей пора одѣваться въ путь, мгновенно падала въ обморокъ и доктора долго признавали ее больною: она синѣла, изъ рта ея выступала пѣна и она пластомъ лежала по часу и больше. Оттого мѣсяца три ее все оставляли отъ этаповъ и, можетъ быть, ея участь облегчили бы, еслибъ она сама не выдала себя: разъ она похвасталась сожительницамъ, что обманываетъ докторовъ и въ подтвержденіе своихъ словъ *сдѣлала* истерику. Это распространилось и, когда предъ слѣдующимъ этапомъ, съ нею повторилась истерика, на нее внезапно вылили цѣлое ведро воды, она вскочила на ноги и стала браниться... Въ тотъ же день ее отвезли на станцію желѣзной дороги, не взирая ни на какія, можетъ статься, и дѣйствительныя уже припадки.

Простолюдинки, криминальныя преступницы, распадались на три разряда: однѣ, большинство,—признавали себя наказан-

[redacted]

ними „за грѣхи тяжкіе" и покорно, чуть ли не съ благоговѣніемъ, преклонялись предъ постигшею ихъ участью. Другія, утверждая, что иначе, по сложившимся обстоятельствамъ, поступить не могли, — упрекали всѣхъ за осужденіе ихъ; „бабъ, у которыхъ только волосъ длиненъ, а умъ коротокъ, потому и не слѣдуетъ обижать ихъ, и безъ того обижаемыхъ всѣми мужчинами". „Какъ бы былъ бабій, для бабъ, судъ — онѣ бы лучше судили: мужчины не понимаютъ бабьихъ дѣловъ", слышали мы многократно изъ устъ женщинъ. Наконецъ третьи — съ злорадствомъ хвастались своими дѣяніями, доходили въ этомъ экзальтированномъ настроеніи до отрицанія всякой чести, нравственности и заключали, обыкновенно, такъ: „наплевать на все, будемъ жить какъ придется, а коли смежи по ближности будутъ мужчины, или начальники, падкіе до бабъ, то и горевать нечего"...

Изъ иноплеменныхъ арестантовъ—поляки и нѣмцы вѣчно заискивали, старались подслуживаться каждому солдату, вели себя деликатно, внимательно и молча изучали прочихъ, а потомъ обсуждали все видѣнное, слышанное на *родномъ* нарѣчіи; между собою они были очень дружны и вели жизнь изолированную отъ арестантовъ не ихъ исповѣданія. У евреевъ время, обыкновенно проходило такъ: или надъ ними, за ихъ оригинальные нравы, поступки, остальные потѣшались; или они чинили, чистили и перекладывали, въ углахъ, свои пожитки, безпрерывно удостовѣряясь: цѣлы ли они, или же читали свои бумаги, коментировали всякое выраженіе приговоровъ на тысячу ладовъ и совѣщались съ благородными о томъ, правильно ли все, въ приговорахъ, выяснено. Критикуя дѣйствія суда, они показывали видъ, что себя имъ ничуть не жаль, а спокойно доискивались основанія власти суда, каждой статьи закона, къ нимъ примѣненной, исторически. Въ тюрьмѣ не бывало ни *одного*, положительно, еврея, который бы не берегъ, какъ та-

листамъ, копій съ слѣдственнаго производства, обвинительныхъ актовъ, протоколовъ судебнаго засѣданія, приговоровъ въ окончательной формѣ и даже кассаціонныхъ рѣшеній по ихъ дѣламъ. Мало того: начиная отъ полицейскихъ чиновниковъ, задержавшихъ ихъ, проходя слѣдователями, прокурорами, судьями, защитниками, сенаторами и секретарями, скрѣплявшими находившіяся въ ихъ рукахъ копіи—всѣ эти лица служили для нихъ предметомъ самыхъ тщательныхъ изслѣдованій во всѣхъ отношеніяхъ.

Какъ евреи немыслимы въ тюрьмѣ *безъ пачки бумагъ*, такъ русскіе простолюдины, напротивъ, рѣдки съ бумагами: большинство терпѣть ихъ не можетъ, не беретъ, а кто и получитъ какія нибудь копіи, истребитъ ихъ на сигарки еще до прибытія сюда. Изъ 150 человѣкъ, слѣдовавшихъ въ каторгу, на поселеніе, и у пяти не имѣлось копій съ приговора, а на вопросъ: отчего не сохраняютъ этихъ документовъ—они обыкновенно отвѣчали: „не для чего: мы порѣшены окончательно, а куда—помнимъ по кандаламъ, по бритымъ головамъ; кому же интересно знать про насъ, такъ для тѣхъ въ нашихъ спискахъ все прописано“. Переселяющіеся въ каторгу и на поселеніе держатся сосредоточенно, съ достоинствомъ. О своихъ преступленіяхъ они говорятъ: „такая ужъ знать судьба наша“; иллюзій о снисхожденіи, прощеніи въ нихъ не замѣчалось, къ религіозности многіе изъ нихъ совершенно равнодушны, „потому стоитъ ли молиться, коли Богъ не милуетъ“; къ мелкимъ закононарушителямъ относились они свысока, а между собою дѣлились всѣмъ пополамъ, толковали предпочтительно о Сибири и о собственномъ въ ней будущемъ; съ этою же цѣлію они съ большимъ вниманіемъ читали, буде попались, описанія Сибири въ какомъ угодно родѣ.

Бесѣдовать *„по простецки“* съ „кандальными“, которымъ „больше терять нечего“, можно и безъ стражи, безъ малѣйшаго опасенія за свою персону: довѣріемъ они чрезвычайно дорожатъ. Среди нихъ встрѣчались разумные, симпатичные люди, которыхъ просто заслушаешься. Мы многократно проси-

[redacted]

вали, разновременно, далеко за полночь между десятками каторжныхъ, бесѣдуя съ ними и, только звяканье, временами, кандаловъ, напоминало намъ, что насъ окружаютъ „отверженные“... Мы нерѣдко видывали, въ числѣ ихъ, и людей, бѣгавшихъ съ каторги и товарищи ихъ уважали за отличное знаніе каторжныхъ порядковъ. Иные доказывали нецѣлесообразность тамошнихъ работъ очень логично, клялись бѣгать оттуда до тѣхъ поръ, покуда ихъ или засѣкутъ до смерти, или введутъ раціональную систему работъ. Слушая ихъ иногда бывало, просто поражаешься живучестію въ нихъ чувства любви къ семьѣ. Такъ, года три тому назадъ, мы видѣли въ тюрьмѣ, въ Старой-Руссѣ, бѣжавшаго съ каторги тамошняго мѣщанина, съ единственною цѣлью повидаться съ женою и дѣтьми, оставшимися дома. Болѣе года добирался онъ изъ Томской губерніи на родину, гдѣ всѣ его знали, слѣдовательно никоимъ образомъ не могъ оставаться незамѣченнымъ, но объ этомъ онъ и не размышлялъ. Онъ просто, подъ вечеръ, явился въ семьѣ, переночевалъ у нея, отвелъ, какъ говорилъ, душу, а на утро самъ предался въ руки властей!... Мы слышали это какъ отъ него, такъ и отъ представителя прокуратуры. Совершенное отчаяніе овладѣвало тѣми, которыхъ слали въ „центральныя каторжныя тюрьмы“: объ этихъ тюрьмахъ они усвоивали, неизвѣстно откуда, понятіе, какъ о мѣстахъ, гдѣ „безпремѣнно передохнемъ“. Называли они тюрьмы „централкой“. Оттого отсылаемымъ отсюда обыкновенно не говорили, куда ихъ отправятъ. Въ Сибирь на поселеніе народъ идетъ безъ особенной грусти, а арестанты, направляемые изъ военно-исправительныхъ ротъ „на водвореніе, по неспособности, ни къ какимъ работамъ“—даже съ радостью...

Люди, проведшіе нѣсколько дней въ кандалахъ и съ бритою полголовою, вполнѣ развязны, а тѣ, которые ждутъ этого „облаченія“ и „трепки“, съ робостью засматриваются на кандальныхъ, подтрунивающихъ надъ ними за то, что „умѣли кататься, но ерепенятся саночки возить“. Осужденныхъ, въ Петербургѣ въ каторгу,

заковнли въ кандалы наканунѣ отправки ихъ въ путь; въ это же время брили имъ и головы. Облекались въ кандалы многіе еще хладнокровно, но самые зачерствѣлые въ злодѣяніяхъ преступники превращались въ „мокрыхъ курицъ“, когда имъ приходилось подставлять головы подъ бритву: лишеніе волосъ на половинѣ головы,—этого послѣдняго *остатка* гражданской *чести*—до глубины души потрясало всѣхъ и выжимало горючія слезы изъ глазъ иногда и такихъ, которые съ злорадствомъ рѣзали ближняго. Во время бритья и минутъ 5 послѣ того, они, говорятъ, чувствуютъ какъ „въ груди что-то страшно больно тянется, тянется и наконецъ отрывается“... Свиданія родныхъ съ только что закованными и обритыми сопровождались, не рѣдко, такими ужасными трагическими сценами, что вчуже становилось до крайности жутко... Одна старушка, увидѣвъ внука въ кандалахъ, обритаго и въ серьмягѣ сперва—остолбенѣла, потомъ—истерически захохотала и, наконецъ, помѣшалась... Жена другаго, въ тотъ же день, отравилась. Отецъ третьяго—застрѣлился съ горя и т. д. Не переносятъ, впрочемъ, исключительно люди развитые, особенно слабонервные.

Здѣсь, кстати, добавимъ, что относительно заковки происходилъ постоянно крайній произволъ, вслѣдствіе противорѣчія, не доколвокъ и неправильности самаго закона. Заковывать слѣдуетъ: по второй части 170 ст. уст. о содерж. подъ стр. каторжныхъ — въ кандалы, а поселенцевъ, согласно 96 ст. уст. о ссыльныхъ и 463 ст. уст. о службѣ внутр. стр.—въ наручники. Не смотря на это категорическое, казалось бы, постановленіе закона, поселенцовъ заковывали тоже въ кандалы, а въ наручники по 2 человѣка вмѣстѣ и по 12 на прутъ,—„*всѣхъ* идущихъ по этапной дорогѣ“ (примѣч. къ 224 ст. уст. о содерж. подъ страж. и 406 ст. уст. о сл. внутр. стр.). Этапною дорогою слѣдуетъ разумѣть, конечно, *сухопутную*, тогда какъ *все* время перевозки по желѣзнымъ дорогамъ, арестанты, запертые въ вагонахъ (примѣч. къ 220 ст. уст. о содерж.

[redacted]

подъ стр. и 9 п. прилож. къ 16 ст. уст. о ссыльныхъ, по прод. 1863 г.) сидѣли въ нихъ также *скованные попарно*, въ одни наручники, что составляло невообразимое мученіе, которому подвергались не только возвращаемые на родину, за безпаспортность, но и за неявку для отправленія должностей по сельскому самоуправленію. Мы, изъ любознательности, не разъ ѣздили по желѣзной дорогѣ, въ арестантскомъ вагонѣ и бывали очевидцемъ горючихъ слезъ массы народа, скованнаго по парно изъ за того, что одинъ не разлученъ съ другимъ ни на секунду отъ Петербурга до Москвы... Между тѣмъ пересыльная часть находится въ вѣдѣніи, кромѣ обыкновеннаго начальства, еще спеціальной инспекціи, прямая обязанность которой заботиться о правильномъ примѣненіи закона, а если онъ въ чемъ несостоятеленъ—ходатайствовать объ исправленіи подлежащихъ статей сообразно измѣнившимся, со времени изданія закона о перевозкѣ арестантовъ по желѣзнымъ дорогамъ—1857 г. *) обстоятельствамъ и долгу справедливости, человѣколюбія. Къ сожалѣнію, инспекція эта ни на людскія страданія, ни на письменныя и даже печатныя указанія никакого, повидимому, вниманія не обращала.

Съ отправкою этаповъ прекращается роль тюрьмы, а съ нею и наше повѣтствованіе о ней.

---

*) Тогда существовали только николаевская и варшавская, а теперь до 50 желѣзныхъ дорогъ и по всѣмъ возятъ арестантовъ; возятъ и водою отъ Нижняго до Тюмени, такъ что „этапной дороги“ осталось десятая доля прежней; значитъ, необходимо исправить и законъ въ этомъ смыслѣ.

XXI.

Очеркъ дѣятельности С.-Петербургскаго дамскаго Комитета общества Попечительнаго о тюрьмахъ съ 1870 по 1878 годъ.

Дамской Комитетъ открылся, какъ и мужской,—въ 1819 г. Съ тѣхъ поръ, по настоящее время, онъ занимался, совершенно самостоятельно, исключительно въ интересахъ арестованныхъ женщинъ. Совмѣстно-же съ персоналомъ мужскаго Комитета,—дамскій участвовалъ въ старину, лишь въ „генеральныхъ собраніяхъ,“ для обсужденія возникавшихъ общихъ важнѣйшихъ вопросовъ; годовыхъ отчетовъ общества; для выслушанія Высочайшихъ благоволеній за труды и т. под. Эти общія засѣданія Комитетовъ, подъ предсѣдательствомъ Президента, происходили по одному—два раза въ годъ, въ 1820—1840 годахъ. Затѣмъ, Высочайше утвержденнымъ 7 ноября 1851 г. уставомъ, Общество получило новое учрежденіе—Совѣтъ Вице-Президентовъ. Оттого, здѣшніе мужской и дамскій Комитеты лишились, прежнею практикою, присвоеннаго имъ, названія центральныхъ Комитетовъ Общества. Въ силу правъ и обязанностей Совѣта Вице-Президентовъ, прекратились и генеральныя собранія, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и всякія общія засѣданія. Состоялъ дамскій Комитетъ всегда изъ особъ высокопоставленныхъ, дѣйствительно „извѣстныхъ благомысліемъ, честностью и человѣколюбіемъ“. Первая

[redacted]

предсѣдательница его была княгиня С. С. Мещерская *), пользовавшаяся, по сказаніямъ ея современниковъ, заслуженною громкою популярностію, за ея умственныя, нравственныя качества и добродѣтель; тюремные же дѣятели сравнивали ее со знаменитою, въ тюремной лѣтописи, англичанкою Елизаветою Фрей. Преемница Мещерской, Т. Б. Потемкина, своею филантропическою дѣятельностію, до сихъ поръ многимъ еще памятная, — предсѣдательствовала въ Комитетѣ почти 24 года сряду (1827—1858 г.). Замѣнившая Потемкину, Княгиня Е. А. Васильчикова — исходатайствовала, чрезъ Президента, Высочайшее разрѣшеніе „о приглашеніи въ члены Комитета лицъ, извѣстныхъ благотворительностью, не стѣсняясь числомъ,“ т. е. штатнымъ комплектомъ Директриссъ (7 января 1869 г.). Наконецъ, въ день 50-лѣтняго юбилея Общества Попечительнаго о тюрьмахъ—20 декабря 1869 г.,— Предсѣдательницею Комитета Высочайше назначена Ея Императорское Высочество Принцесса Евгенія Максимиліановна, причемъ Ея Высочество поннѣ изволитъ занимать этотъ постъ.

Съ плодотворною, долголѣтнею дѣятельностью дамскаго Комитета по пріютамъ дѣтей арестантовъ и по Убѣжищу для женщинъ, освобождаемыхъ изъ заключенія, мы уже ознакомили читателей (415 и 460 стр.). Намъ очень хотѣлось обстоятельно очертить труды Комитета съ его основанія и доселѣ, разсчитывая найти для этого большой запасъ разнообразныхъ, характерныхъ матеріаловъ, но, къ крайнему сожалѣнію, все, что, по преданіямъ, дѣлалось до 1868 г., и, что представляло бы живой интересъ— неизвѣстно куда дѣвалось; въ сохранившейся же тощенькой связкѣ дѣлъ мы не нашли положительно ничего любопытнаго, собственно объ отношеніяхъ Комитета къ взрослымъ женщинамъ—заключеннымъ. Это-то обстоятельство и вынуждаетъ насъ ограничиться изображеніемъ образа дѣйствій Комитета лишь съ 1870

*) Мать князя В. П. Мещерскаго, автора книгъ: „Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ“; „Женщины Петербургскаго большаго свѣта“, „Тайны Петербурга“, „*Въ улику* времени“, „Графъ Обезьяниковъ на новомъ мѣстѣ“ и проч.

по 1878 г., т. е. воспользоваться данными, оглашенными въ печатныхъ годовыхъ отчетахъ Комитета.

Впрочемъ, къ 1870 г., слѣдовъ прежней практической дѣятельности также не обнаружилось, почему Комитету пришлось начать все сначала. Задавшись мыслію поддержать, поставить на ноги „падшаго человѣка,—“ Комитетъ улучшилъ помѣщенія арестантокъ въ тюремномъ Замкѣ; ввелъ въ женскую больницу сестеръ милосердія; устроилъ запасный складъ вещей для снабженія ими неимущихъ, освобождаемыхъ изъ подъ стражи; помогалъ имъ деньгами, пріисканіемъ занятій; приспособилъ для работъ арестантокъ въ Замкѣ прачешную съ новѣйшими усовершенствованіями; организовалъ: мастерскія; школу грамотности; библіотеку изъ книгъ св. писанія, историческихъ, педагогическихъ, назидательныхъ, математическихъ, географическихъ и біографическихъ; читальню для здоровыхъ арестантокъ; сестрамъ милосердія поручилъ читать вслухъ книги больнымъ; наконецъ, устроилъ духовныя бесѣды. Въ пересыльной тюрьмѣ Комитетъ распорядился раздавать арестанткамъ, на дорогу, одежду и Евангеліе. Въ частяхъ установилъ правильное размѣщеніе арестантокъ, заново перестроилъ женскія камеры въ Коломенской части. Кромѣ того улучшилось вездѣ матеріальное содержаніе арестантокъ (въ 1870 г.).

Для упроченія предпринятыхъ мѣръ, Комитетъ, въ послѣдующіе годы и направлялъ свои силы и средства. Съ этою цѣлію онъ продолжалъ приспособленіе помѣщеній, увеличилъ содержаніе надзирательницъ, приставницъ и прочихъ служащихъ; предложилъ Директриссамъ о всѣхъ ихъ замѣчаніяхъ доносить Комитету, отмѣчать въ книгахъ въ мѣстахъ заключенія; распредѣлилъ, между директриссами, занятія, преподалъ инструкціи помощницамъ надзирательницъ, завѣдывавшимъ читальнею и пользовавшимся изъ нея книгами; для систематическаго обученія арестантокъ истинамъ вѣры и нравственности ввелъ особаго священника; опредѣлилъ число часовъ для ежедневнаго обученія грамотѣ,

[redacted]

ариѳметики, отмѣнилъ назначеніе арестантокъ на черныя работы въ кватирахъ служащихъ въ замкѣ; возложилъ на священника пересыльной тюрьмы сообщеніе арестанткамъ главнѣйшихъ истинъ вѣры,—объясненіемъ символъ вѣры, молитвъ, заповѣдей и т. под. Наконецъ, организовалъ работы въ Коломенской и Казанской частяхъ (въ 1871 г.).

Слѣдуя предначертанной программѣ своей Комитетъ, для умственнаго и нравственнаго возрожденія заключенницъ,—разрѣшилъ имъ чтеніе разсказовъ Погоскаго и Григоровича, обученіе ихъ, въ замкѣ, духовному пѣнію. Точно также исправилъ, капитально, камеры Литейной части и завелъ въ нихъ работы (въ 1872 г.). Далѣе онъ обновилъ помѣщеніе Рождественской части, установилъ тамъ бѣсѣды съ арестантками (въ 1873 г.). Для доставленія большихъ удобствъ арестанткамъ привиллегированнымъ, а изъ простолюдинокъ тѣмъ, при которыхъ находились младенцы, — Комитетъ испросилъ разрѣшеніе на помѣщеніе тѣхъ и другихъ со всей столицы исключительно въ Рождественскую и Коломенскую части (въ 1874 г.). А вслѣдствіе перевода подслѣдственныхъ арестантокъ изъ Замка въ открывшійся „домъ предварительнаго заключенія,“—отчего въ Замкѣ оказалось много свободнаго мѣста,—Комитетъ сосредоточилъ всѣхъ арестантокъ изъ частей въ Замокъ, а чтобы лучше обезпечить служащихъ, которыя будутъ усерднѣе, полезнѣе — прибавилъ имъ содержаніе, а въ пересыль ной тюрьмѣ также открылъ мастерскія (въ 1875 г.).

Въ 1876 г. Комитетъ увеличилъ число надзирательницъ, а въ 1877 г., по настоянію Комитета, былъ измѣненъ штатъ служащихъ съ усиленіемъ, значительно, полагавшагося имъ жалованья. Мала того: выпускаемыхъ изъ заключенія и пожелавшихъ поступить въ Убѣжище—Комитетъ избавилъ отъ обязательнаго снятія съ нихъ въ полиціи фотографическихъ карточекъ, а чтобы не держать 11-ти-лѣтнюю дѣвочку, осужденную за кражу въ

6 мѣсячному заключенію, вмѣстѣ со взрослыми, перемѣстилъ ее, съ Высочайшаго разрѣшенія, на этотъ же срокъ, въ Убѣжище.

Всѣ перечисленныя и многія другія благоразумныя, плодотворныя мѣры Комитетъ провелъ и прочно привилъ къ дѣйствительности безъ особенныхъ затрудненій, потому что ни въ комъ не встрѣчалъ противодѣйствія, а напротивъ, всѣ власти оказывали ему всевозможное содѣйствіе. Оттого онъ и разрѣшалъ свою задачу послѣдовательно, безъ всякихъ уклоненій и пререканій, а стройно, гармонично.

Существуетъ изрѣченіе, что „цифры міромъ управляютъ". И дѣйствительно, дѣятельность Комитета какъ нельзя лучше рисуется именно цифрами. Прекрасно составлявшіеся завѣдывающимъ дѣлами Комитета, Директоромъ, П. К. Рѣшеткинымъ, годовые отчеты Комитета, наполнены самыми разнообразными статистическими и другими свѣдѣніями. Изъ этихъ отчетовъ мы, между прочимъ, узнаемъ слѣдующее.

Содержалось арестантокъ:

Въ замкѣ: въ 1870 г.—1.512, въ 1871 г. — 912, въ 1872 г.—747, въ 1873 г.—639, въ 1874 г. —479, въ 1875 г.—651, въ 1876 г.—910, въ 1877 г.—928; въ пересыльной тюрьмѣ: въ 1870 г. — 4.351, въ 1871 г. — 1.599, въ 1872 г.—1.416, въ 1873 г.—1.156, въ 1874 — 865, въ 1875 г.—737, въ 1876 г.—885, въ 1877 г. — 774; въ городскихъ частяхъ: въ 1870 г. — 12.495, въ 1871 г.—6.313, въ 1872 г.—6.230, въ 1873 г.—7.140, въ 1874 г. — 1.887. Съ этого времени всѣ направлялись въ замокъ.

Въ частяхъ же:

Задержанныхъ въ нетрезвомъ видѣ: въ 1871 г. — 7.119, въ 1872 г. — 9.621, въ 1873 г.—8.608, въ 1874 г. — 448; ночлежницъ: въ 1871 г.—1.749, въ 1872 г.—2.130 въ 1873 г.—2.809, въ 1874 г.—221; за дурное поведеніе

[redacted]

(въ Казанской части): въ 1872 г.—1.965; для медицинскаго пособія: въ 1873 г.—68, въ 1874 г.—198.

Для женщинъ, содержащихся въ замкѣ, пересыльной тюрьмѣ и въ частяхъ здѣсь одна общая больница въ замкѣ. Оттого пользовались тамъ заболѣвавшія:

Въ 1870 г.—453; въ 1871 г.—423; въ 1872 г.—370: въ 1873 г.—362; въ 1874 г. — 470; въ 1875 г. — 410; въ 1876 г.—371; въ 1877 г.—296 женщинъ.

Изъ нихъ умерло: въ 1870 г. — 13; въ 1871 г. — 16; въ 1872 г. — 15; въ 1873 г. — 14; въ 1874 г.—13; въ 1875 г.—13; въ 1867 г.—6; въ 1877 г.—5 женщинъ.

Изъ содержавшихся въ замкѣ женщинъ учились грамотѣ: въ 1870 г.—40; въ 1871 г.—121; въ 1872 г.—144; въ 1873 г.—98; въ 1874 г. — 142; въ 1875 г. — 143; въ 1876 г.—120; въ 1877 г.—114 женщинъ.

Подспорьемъ обученію служила библіотека, состоявшая вотъ изъ какого числа экземпляровъ книгъ: въ 1870 г.—459; въ въ 1871 г. — 504; въ 1872 г.—521; въ 1873 г. — 579; въ 1874 г.—517; въ 1875 г.—544; въ 1876 г.—566, а въ 1877 г.—620.

Отъ умственнаго перейдемъ къ физическому труду—мастерскимъ. Въ нихъ арестантки заработали: въ 1870 г.—590 р. 39 к.; въ 1871 г. — 1.371 р. 80½ к.; въ 1872 г.— 2.221 р. 98 к.; въ 1873 г.—2.177 р. 62 к.; въ 1874— 2.850 р. 75 к.; въ 1875 г.—3.380 р. 67 к.; въ 1876— 3.357 р. 56 к.; въ 1877 г. — 3.104 р. 48 к. Изъ заработка издержали онѣ во время заключенія на разныя надобности: въ 1870 г. — 170 р. 99 к.; въ 1871 г. — 385 руб. 92 к.; въ 1872 г.—553 р. 20 к.; въ 1873 г. — 521 р. 28 р.; въ 1874 г. — 780 р. 60 к.; въ 1875 г. — 873 р. 18 к.; въ 1876 г.—898 р. 56 к.; въ 1877 г. — 746 р. 70 к. Получили при выходѣ на свободу: въ 1870 г.—170 р. 99 к.; въ 1871 г.—377 р. 9 к.; въ 1872 г. —553 руб.

[redacted]

21 к.; въ 1873 г.—521 р. 28 к.; въ 1874 г. — 780 р. 60 к.; въ 1875 г.—895 р. 98 к.; въ 1876 г. — 898 р. 56 к.; въ 1877 г.—746 р. 70 к.

Всякая дѣятельность, вообще, а тюремная, въ особенности, требуютъ, главнѣе всего, значительныхъ денежныхъ средствъ. Къ 1870 г. Комитетъ располагалъ фондомъ въ 7.673 руб. 70 к. Затѣмъ, онъ послѣдовательно имѣлъ казенныхъ, городскихъ и частныхъ приходовъ: въ 1870 г. — 15.592 р, 23$^{1}/_{2}$ к.; въ 1871 г. — 26.221 р. 31$^{1}/_{2}$ к.; въ 1872 г.— 31.440 р. 94$^{3}/_{4}$ к.; въ 1873 г. — 26.320 р. 59 к.; въ 1874 г.—33.895 р. 97$^{1}/_{4}$ к.; въ 1875 г. — 38.214 руб. 99$^{1}/_{4}$ к.; въ 1876 г.— 40.413 р. 45 к.; въ 1877 г.—40.048 р. 58$^{3}/_{4}$ коп.

Изъ этихъ источниковъ, Комитетъ произвелъ расходы: въ 1870 г.—8.664 р. 90 к.; въ 1871 г.—10.387 р. 24$^{1}/_{2}$ к.; въ 1872 г. — 16.094 р. 27 к.; въ 1873 г. — 13.734 р. 51 к.; въ 1874 г. — 14.374 р. 46$^{1}/_{4}$ к.; въ 1875 г. — 18.186 р. 35 к.; въ 1876 г. — 17.888 руб. 69 к.; въ 1877 г.—19.663 р. 99 к.

Такимъ образомъ, не смотря на коренное обновленіе всей тюремной жизни арестантокъ, — Комитетъ къ 1878 г. имѣлъ запаснаго капитала въ разныхъ бумагахъ и наличныхъ деньгахъ 20.384 р. 59$^{3}/_{4}$ к., а скопленіе столь значительной суммы должно отнести именно къ преуспѣянію Комитета въ его дѣятельности, на пользу находившихся на его попеченіи заключенныхъ женщинъ. Заслуги Комитета констатированы, недавно, тѣмъ, что:

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Президента „Общества попечительнаго о тюрьмахъ" о благотворной дѣятельности находящагося подъ Предсѣдательствомъ Ея Императорскаго Высочества, Евгеніи Максиміліановны, Принцессы Ольденбургской, С.-Петербургскаго дамскаго попечительнаго о тюрьмахъ Комитета за все время Предсѣдательства Ея Высо-

ства

чества,—14-го сего декабря Высочайше повелѣть соизволилъ: учрежденнымъ при дамскомъ Комитетѣ: пріюту для арестантскихъ дѣтей женскаго пола и убѣжищу для женщинъ, выходящихъ изъ мѣстъ заключенія, присвоить наименованіе „Пріюта и убѣжища Ея Императорскаго Высочества, Евгеніи Максиміліановны, принцессы Ольденбургской“.

XXII.

Причины, препятствовавшія Обществу Попечительнаго о тюрьмахъ устроить тюремную часть и вызвавшія мысль о необходимости тюремной реформы.

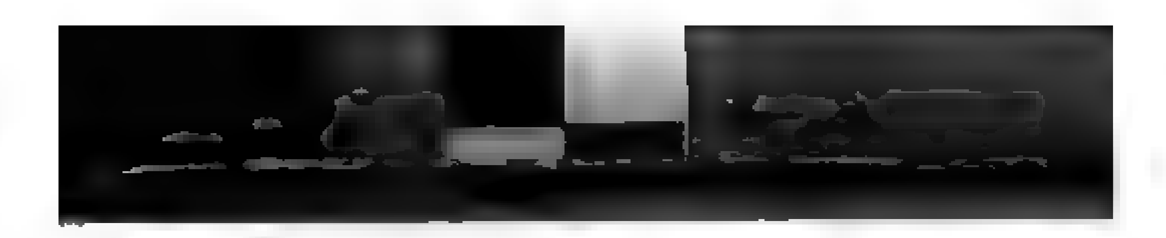
Изъ всѣхъ предъидущихъ очерковъ читатели вывели, полагаемъ, заключеніе о томъ, чего именно заслуживо Общество, т. е. признательности ли за 60-лѣтніе безвозмездные труды и посильныя матеріальныя приношенія на пользу заключенныхъ, или осужденія за бездѣйствіе и низведеніе тюремъ на степень разсадниковъ пороковъ? Антогонисты Общества, по черствости ихъ натуры, смѣющіеся даже и надъ идеею о тюремной филантропіи и не знающіе исторіи Общества,—безъ церемоніи оглашаютъ, что Общество принесло только вредъ, а потому должно быть изгнано изъ тюремъ, которыя слѣдуетъ ввѣрить исключительно „отвѣтственнымъ начальникамъ". Безпристрастные же, благомыслящіе люди скажутъ, мы увѣрены, противное, какъ на основаніи прочитанныхъ ими очерковъ, такъ и по выводамъ, какіе они усмотрятъ ниже. Тюрьмы наши въ общемъ смыслѣ ниже всякой критики,—да, это правда! Но повинно ли въ этомъ Общество? Этотъ вопросъ надлежитъ всесторонне изслѣдовать, а отнюдь не довѣряться разглагольствованіямъ [illegible] „[illegible]

[redacted]

соблазнительной" или „лакомыхъ кусковъ изъ общественнаго пирога". Такъ поищите же правыхъ и виноватыхъ.

Всякое производство успѣшно сбывается на рынкѣ, когда оно приноровлено ко вкусамъ и надобностямъ потребителей. Въ какомъ положеніи нашло Общество тюрьмы даже въ Петербургѣ, читатели помнятъ изъ „доношенія" Венинга. Въ эти-то, между тѣмъ, „неспособныя для помѣщенія человѣчества" тюрьмы Общество вошло безъ власти, безъ денегъ, а съ однимъ лишь патентомъ „людей, извѣстныхъ благомысліемъ, честностью и человѣколюбіемъ", т. е. съ высокимъ, христіанскимъ идеаломъ. Осмотрѣвшись вокругъ,—Общество увидѣло, что для воздѣйствія на умъ и сердце заключенныхъ нужны, прежде всего, громадные капиталы на устройство зданій, соотвѣтственно ихъ назначенію. Оно и привело, на сколько позволяли собранныя имъ средства, въ порядокъ столичныя тюрьмы; на провинціальныя же убѣдило властей отпустить, въ теченіи 4-хъ лѣтъ, 10.371.793 р. 7 к. ассигн. въ распоряженіе, впрочемъ, тогдашняго строительнаго вѣдомства. Сумма эта была, конечно, чрезвычайно велика, но сравнительно съ тою, какая дѣйствительно нужна была — она представлялась очень маленькою. Оттого ею упорядочили тюрьмы едва въ двадцатой части Россіи. Общество и этому радовалось, по пословицѣ „кто малымъ доволенъ, тотъ очень богатъ". Иначе, впрочемъ, и быть не могло: Общество сознавало, что государство не можетъ предпочесть тюремное благоустройство другимъ, болѣе важнымъ своимъ нуждамъ.

Въ силу этого логическаго заключенія Общество пыталось улучшить зданія на счетъ городовъ и собственнаго фонда, но города отказывались отъ содѣйствія, а деньги Общества „пропадали даромъ"... Что, спрашивается, Обществу оставалось дѣлать? Оно указывало, сѣтовало, взывало къ милосердію, но увы! напрасно!.. Тогда оно представляло вниманію своего Августѣйшаго покровителя. Онъ многократно, правда, повелѣвалъ „сдѣлать соображенія къ *немедленному* улучшенію мѣстъ заключенія",—но

также безуспѣшно... Общество не сошло, однако, отъ неудачъ, со сцены, а продолжало, по мѣрѣ силъ, трудиться, во имя любви къ несчастнымъ ближнимъ; о негодности же зданій съ грустію отмѣчало въ годовыхъ своихъ отчетахъ Императорамъ. Эта скорбная лѣтопись проходитъ положительно чрезъ всю исторію Общества. Дабы насъ не заподозрили въ голословности, приведемъ выдержки изъ отчетовъ различныхъ годовъ.

„Къ сожалѣнію замки во многихъ губернскихъ, а тѣмъ болѣе уѣздныхъ городахъ, устроенные въ прежнее время, представляютъ мало удобствъ къ правильному размѣщенію арестантовъ", гласитъ отчетъ 1836 г. „Многіе замки и остроги, будучи весьма тѣсны, вѣтхи, или устроены не удобно,—мало представляютъ возможности къ систематическому размѣщенію арестантовъ и не допускаютъ распространить полезныя работы" (1840 г). „Комитеты озабочены отстраненіемъ хотя нѣкоторыхъ изъ многихъ неудобствъ, препятствующихъ въ большей части тюремъ правильному размѣщенію арестантовъ, сообразно съ требуемыми, для успѣшнаго хода ихъ дѣлъ и исправленія ихъ нравственности, — подраздѣленіями" (1846 г). „Комитеты находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ со строительными Коммиссіями о скорѣйшемъ разсмотрѣніи и утвержденіи плановъ, проектовъ и смѣтъ, для устраненія тѣсноты, не представляющей возможности"... „Предсѣдатель Общества и со своей стороны ходатайствовалъ о скорѣйшемъ утвержденіи смѣтъ, о понужденіи Коммиссій" (1849 г). „Достигнуть желаемыхъ результатовъ нельзя: надо устроить по всей Россіи, начиная со столицъ,—такія тюрьмы, которыя бы соотвѣтствовали своему назначенію; исполнить это — нужны огромныя средства" (1854 г.) „Затрудненія создать что либо полезное въ тюрьмахъ, заключаются въ вѣтхости и тѣснотѣ зданій, требующихъ не отлагательной постройки новыхъ. Особенно замѣчательны по вѣтхости, неудобству и не сообразности съ числомъ арестованныхъ тюрьмы: въ Смоленскѣ, Вильнѣ, Екатеринославлѣ, Житомірѣ, Кіевѣ, Саратовѣ, Симферополѣ и Таганрогѣ" (1856 г).

[redacted]

„Замки въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. На поддержку ихъ Комитеты затратили значительныя суммы“ (1859 г.) „Мѣста заключенія по прежнему тѣсны, вѣтхи, а большая часть ихъ и не безопасны отъ побѣговъ арестантовъ“ (1860 г). „Замки, по числу содержащихся, тѣсны, не удобны; въ нѣкоторыхъ городахъ пришли въ совершенную вѣтхость“ (1864 г). „Зданія, построенныя большею частью въ давнее время, пришли въ вѣтхость и тѣсны; наемные же дома не представляютъ удобствъ для правильнаго размѣщенія арестантовъ“ (1867 г). и т. д.

Вотъ какъ Общество отзывалось о тюремныхъ зданіяхъ въ продолженіи полустолѣтія сряду. Этотъ отзывъ никто изъ властей никогда не опровергалъ. Сначала Обществу въ высшихъ сферахъ сочувствовали, помогали улучшить зданія, потомъ къ его сѣтованіямъ привыкли, сдѣлались равнодушны, а подъ конецъ даже перестали и слушать его рѣчь, потому что она надоѣла своимъ однообразнымъ, заунывнымъ тономъ...

Не подумайте, однако, читатели, что Общество и ограничивалось жалобами въ отчетахъ? Нѣтъ: оно въ тоже время, внѣ всякой обязанности, добровольно пристраивало, починяло и улучшало тюрьмы *„на свои средства“*, причемъ затратило: напр.— въ 1827 г.—2.224 р.; въ 1829 г.—2.650 р. 17 к.; въ 1830 г. — 10.585 р.; въ 1831 г. — 13.600 р. 40 к.; въ 1832 г. — 7.312 р.; въ 1836 г. — 30.356 р. 28 к.; въ 1837 г. — 42.654 р. 95 к.; въ 1838 г. — 38.588 р. 31 коп.; въ 1840 г. — 9.336 р. 49 к.; въ 1842 г. — 7.747 р. 89 к.; въ 1846 г. — 49.676 р. 79 к.; въ 1847 г. — 29.991 р. 92 к.; въ 1848 г.—24.278 р. 64 к.; въ 1849 г.—25.907 р. 14 к.; въ 1853 г.—45.181 р. 7 к.: въ 1854 г.—55.307 р. 62 к.; въ 1855 г.—79.933 р. 22 к.; въ 1856 г. — 103.475 р. 55 к.; въ 1857 г.—111.046 р. 50 к.; въ 1858 г. — 90.686 р. 57 к.; въ 1859 г.— 86.652 р. 81 к.; въ 1860 г.—92.052 р. 50 к.; въ 1861 г.— *161.764* р. 21.; въ 1863 г.—21.456 р. 82 к.; въ 1864 г.—

[redacted]

21.057 р. 82 к.; въ 1865 г. — 17.182 р. 79 к.; въ 1866 г.—18.436 р. 47 к.; въ 1867 г.—15.674 р. 15 к.; и т. д., т. е. только за 28 лѣтъ 1.209.768 р. 8 к.; да съ 1820 по 1826 г. — 54.069 р. 85 к.; итого въ теченіи 34 лѣтъ **одинъ милліонъ двѣсти шестьдесятъ три тысячи восемь сотъ триддать семь рублей сорокъ три копѣйки.**

Мы ограничились проставкою цифръ лишь за 34 года, потому что отчеты за послѣдніе 10 лѣтъ еще не издавались, а во многихъ, разныхъ годовъ, печатныхъ отчетахъ расходы на зданія отдѣльными статьями не выводились, а значились въ общихъ издержкахъ, съ указаніемъ, впрочемъ, „на ремонтъ и поддержку зданій". Но если бъ сосчитать этотъ расходъ Общества за все 60 лѣтнее его существованіе, то, сообразно приведеннымъ цифрамъ,—онъ, по всей вѣроятности, дойдетъ до 3-хъ милліоновъ рублей, доставленныхъ Обществомъ правительству *собственно на поддержку зданій* и теперь аттестуемыхъ точно также, какъ это Общество дѣлало 10, 20, 30 и 50 лѣтъ тому назадъ. Такимъ образомъ отсутствіе помѣстительныхъ зданій очевидно—нельзя ставить въ вину Обществу. Напротивъ: оно вправѣ говорить, что ему никогда не отводили мѣста, въ которомъ оно могло бы разрѣшить задачу, предложенную ему правилами 1819 и Уставомъ 1851 годовъ.

Антогонисты Общества, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, пропогандируютъ, будто бы оно никогда не заботилось объ организаціи арестантскаго труда, почему заключенные и до сихъ поръ сидятъ сложивши руки, тунеядствуютъ, вслѣдствіе, дескать, равнодушія Общества къ своимъ обязанностямъ. И на это отвѣтимъ выдержками изъ годовыхъ отчетовъ Общества.

[redacted]

„При недостаткѣ удобныхъ помѣщеній для мастерскихъ, невозможно учредить какихъ либо фабричныхъ мастерствъ и рукодѣлій въ обширномъ видѣ". По этому „арестанты занимаемы были, по мѣстной возможности, шитьемъ для собственнаго употребленія и по заказу постороннихъ одежды, бѣлья, обуви, картонныхъ и переплетныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Комитеты завели, по близости тюремъ, огороды, обработываемые арестантами для своего продовольствія; въ другихъ устроены жернова и ручныя мельницы, для перемола зерноваго хлѣба, также машины для перемалыванія древесной коры, толченія мѣла и проч". (1836 г.). „Многія тюрьмы, будучи ветхи, тѣсны, не дозволяютъ распространить полезныя работы", хотя „Комитеты и изыскиваютъ всѣ способы къ занятію арестантовъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ введены многія рукодѣлья; въ другихъ мѣстахъ огороды, мельницы, арестанты вездѣ очищаютъ тюрьмы, приготовляютъ пищу, шьютъ, стираютъ бѣлье и т. под." (1840 г.).

Въ отчетѣ 1842 г. между прочимъ было указано, что Волынскій Комитетъ завелъ огородъ, доставившій существенную пользу. Императоръ Николай Павловичъ изволилъ написать противъ этой статьи: *„полезно завести вездѣ"*, а на всемъ отчетѣ *„читалъ съ удовольствіемъ"* (30 ноября 1843 г.). Эти резолюціи Президентъ сообщилъ циркулярно всѣмъ Комитетамъ (21 января 1844 г.), а они усердно принялись заводить огороды, посредствомъ добычи земли отъ казны, городовъ и отъ своихъ членовъ. Огородничество столь прогрессивно развивалось, что къ 1848 г. „обработываніе огородовъ было введено почти во всѣхъ тюрьмахъ, исключая городовъ, которые не могли отвести мѣста, близъ тюремъ. Это занятіе весьма полезно для здоровья заключенныхъ и выгодно въ хозяйственномъ отношеніи" заключаетъ отчетъ за 1847 г. Отчетъ же 1848 г. поясняетъ, при этомъ, что „огородничествомъ арестанты не занимались только въ Петербургѣ, Кронштадтѣ, Митавѣ, Могилевѣ, Гроднѣ, Кіевѣ, *Астрахани*, Воронежѣ, Симбирскѣ, Херсонѣ, Симферополѣ, Мо-

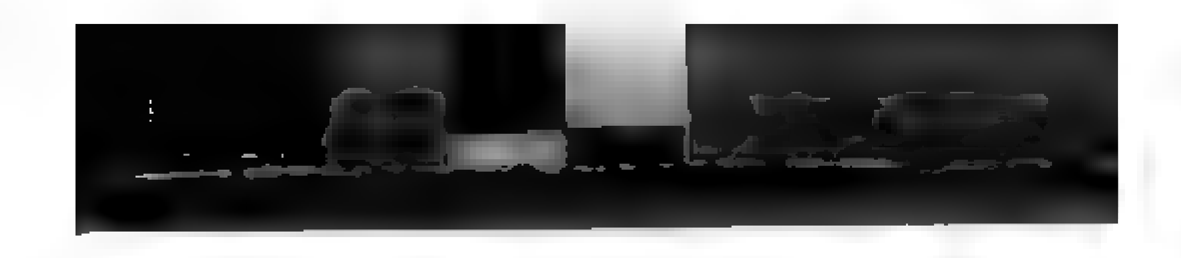

скѣ, Томскѣ и многихъ уѣздныхъ городахъ". „Овощей собрано было на 1,528 р. 21 к". Огородничествомъ занимались, затѣмъ, постоянно, такъ, что въ 1856 г. „самые обширные огороды считались въ Смоленскѣ, Вологдѣ, Харьковѣ, Калугѣ, Тобольскѣ и проч.". Отчетъ 1857 свидѣтельствуетъ, что „при многихъ тюрьмахъ съ успѣхомъ обработывались огороды и собранными, съ нихъ, овощами улучшалась пища арестантовъ". Въ 1859 г. „огородами располагали 38 губернскихъ и нѣкоторыя уѣздныя тюрьмы. Комитеты продолжали ходатайствовать объ отводѣ мѣстъ подъ огороды, полезные для здоровья арестантовъ и выгодные для хозяйства тюремъ, но заводить огороды *вдали* тюремъ затруднительно; по неимѣнію Комитетами людей, для конвоированія арестантовъ". Далѣе изъ отчетовъ видно, что овощей съ огородовъ собиралось: въ 1862 г. (въ 23 губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ тюрьмахъ) на 5.464 р.; въ 1863 г. (при 26 тюрьмахъ) на 6.181 р. $31\frac{1}{2}$ к.; въ 1864 г. на 3.391 р. $85\frac{1}{2}$ к.; въ 1865 г.—на 4.724 р. $49\frac{1}{2}$ к.; въ 1866 г.—на 4.739 р. 26 к.; въ 1867 г.—на 5.023 р. 60 к. Въ 1868 году огороды существовали уже при „незначительномъ числѣ" тюремъ, въ 1870 г.—при „весьма немногихъ" тюрьмахъ, а въ 1875 г. уже при „нѣсколькихъ" только тюрьмахъ.

Антагонисты Общества припишутъ упадокъ огородничества прямо бездѣйствію Общества, а люди любопытные спросятъ: отчего же погибло „это полезное для здоровья людей и выгодное для хозяйства" занятіе арестантовъ? Да отъ того, отвѣтимъ мы, что военное вѣдомство: сперва—постепенно уменьшало, для тюремъ, число караульныхъ, а потомъ—рѣшительно прекратило назначеніе конвоя для присмотра за арестантами, во время ихъ работъ на огородахъ. Достать другихъ надежныхъ караульныхъ—Комитетамъ не откуда было, поручать арестантовъ надзору наемныхъ людей за городомъ, съ одной стороны—было рисковано, а съ другой—этого не позволяли. Комитеты возставали, правда, противъ введенной военнымъ вѣдомствомъ мѣры, но они [illegible]

[redacted]

чества,—14-го сего декабря Высочайше повелѣть соизволилъ: учрежденнымъ при дамскомъ Комитетѣ: пріюту для арестантскихъ дѣтей женскаго пола и убѣжищу для женщинъ, выходящихъ изъ мѣстъ заключенія, присвоить наименованіе „Пріюта и убѣжища Ея Императорскаго Высочества, Евгеніи Максимиліановны, принцессы Ольденбургской“.

XXII.

Причины, препятствовавшія Обществу Попечительнаго о тюрьмахъ устроить тюремную часть и вызвавшія мысль о необходимости тюремной реформы.

Изъ всѣхъ предъидущихъ очерковъ читатели вывели, полагаемъ, заключеніе о томъ, чего именно заслужило Общество, т. е. признательности ли за 60-лѣтніе безвозмездные труды и посильныя матеріальныя приношенія на пользу заключенныхъ, или осужденія за бездѣйствіе и низведеніе тюремъ на степень разсадниковъ пороковъ? Антогонисты Общества, по черствости ихъ натуры, смѣющіеся даже и надъ идеею о тюремной филантропіи и не знающіе исторіи Общества,—безъ церемоніи отляпаютъ, что Общество принесло только вредъ, а потому должно быть изгнано изъ тюремъ, которыя слѣдуетъ ввѣрить исключительно „отвѣтственнымъ начальникамъ". Безпристрастные же, благомыслящіе люди скажутъ, мы увѣрены, противное, какъ на основаніи прочитанныхъ ими очерковъ, такъ и по выводамъ, какіе они усмотрятъ ниже. Тюрьмы наши въ общемъ смыслѣ ниже всякой критики,—да, это правда! Но повинно ли въ этомъ Общество? Этотъ вопросъ надлежитъ всесторонне изслѣдовать, а отнюдь не довѣряться разглагольствованіямъ жаждущихъ „усып

[redacted]

соблазнительной“ или „лакомыхъ кусковъ изъ общественнаго пирога“. Такъ поищемте же правыхъ и виноватыхъ.

Всякое производство успѣшно сбывается на рынкѣ, когда оно приноровлено ко вкусамъ и надобностямъ потребителей. Въ какомъ положеніи нашло Общество тюрьмы даже въ Петербургѣ, читатели помнятъ изъ „доношенія“ Венинга. Въ эти-то, между тѣмъ, „неспособныя для помѣщенія человѣчества“ тюрьмы Общество вошло безъ власти, безъ денегъ, а съ однимъ лишь патентомъ „людей, извѣстныхъ благомысліемъ, честностью и человѣколюбіемъ“, т. е. съ высокимъ, христіанскимъ идеаломъ. Осмотрѣвшись вокругъ,—Общество увидѣло, что для воздѣйствія на умъ и сердце заключенныхъ нужны, прежде всего, громадные капиталы на устройство зданій, соотвѣтственно ихъ назначенію. Оно и привело, на сколько позволяли собранныя имъ средства, въ порядокъ столичныя тюрьмы; на провинціальныя же убѣдило властей отпустить, въ теченіи 4-хъ лѣтъ, 10.371.793 р. 7 к. ассигн. въ распоряженіе, впрочемъ, тогдашняго строительнаго вѣдомства. Сумма эта была, конечно, чрезвычайно велика, но сравнительно съ тою, какая дѣйствительно нужна была — она представлялась очень маленькою. Оттого ею упорядочили тюрьмы едва въ двадцатой части Россіи. Общество и этому радовалось, по пословицѣ „кто малымъ доволенъ, тотъ очень богатъ“. Иначе, впрочемъ, и быть не могло: Общество сознавало, что государство не можетъ предпочесть тюремное благоустройство другимъ, болѣе важнымъ своимъ нуждамъ.

Въ силу этого логическаго заключенія Общество пыталось улучшить зданія на счетъ городовъ и собственнаго фонда, но города отказывались отъ содѣйствія, а деньги Общества „пропадали даромъ“... Что, спрашивается, Обществу оставалось дѣлать? Оно указывало, сѣтовало, взывало къ милосердію, но увы! напрасно!.. Тогда оно представляло вниманію своего Августѣйшаго покровителя. Онъ многократно, правда, повелѣвалъ „сдѣлать соображенія къ *немедленному* улучшенію мѣстъ заключенія“,—но

также безуспѣшно... Общество не сошло, однако, отъ неудачь, со сцены, а продолжало, по мѣрѣ силъ, трудиться, во имя любви къ несчастнымъ ближнимъ; о негодности же зданій съ грустію отмѣчало въ годовыхъ своихъ отчетахъ Императорамъ. Эта скорбная лѣтопись проходитъ положительно чрезъ всю исторію Общества. Дабы насъ не заподозрили въ голословности, приведемъ выдержки изъ отчетовъ различныхъ годовъ.

„Къ сожалѣнію замки во многихъ губернскихъ, а тѣмъ болѣе уѣздныхъ городахъ, устроенные въ прежнее время, представляютъ мало удобствъ къ правильному размѣщенію арестантовъ", гласитъ отчетъ 1836 г. „Многіе замки и остроги, будучи весьма тѣсны, вѣтхи, или устроены не удобно,—мало представляютъ возможности къ систематическому размѣщенію арестантовъ и не допускаютъ распространить полезныя работы" (1840 г). „Комитеты озабочены отстраненіемъ хотя нѣкоторыхъ изъ многихъ неудобствъ, препятствующихъ въ большей части тюремъ правильному размѣщенію арестантовъ, сообразно съ требуемыми, для успѣшнаго хода ихъ дѣлъ и исправленія ихъ нравственности, — подраздѣленіями" (1846 г). „Комитеты находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ со строительными Коммиссіями о скорѣйшемъ разсмотрѣніи и утвержденіи плановъ, проектовъ и смѣтъ, для устраненія тѣсноты, не представляющей возможности"... „Предсѣдатель Общества и со своей стороны ходатайствовалъ о скорѣйшемъ утвержденіи смѣтъ, о понужденіи Коммиссій" (1849 г). „Достигнуть желаемыхъ результатовъ нельзя: надо устроить по всей Россіи, начиная со столицъ,—такія тюрьмы, которыя бы соотвѣтствовали своему назначенію; исполнить это — нужны огромныя средства" (1854 г.) „Затрудненія создать что либо полезное въ тюрьмахъ, заключаются въ вѣтхости и тѣснотѣ зданій, требующихъ не отлагательной постройки новыхъ. Особенно замѣчательны по вѣтхости, неудобству и не сообразности съ числомъ арестованныхъ тюрьмы: въ Смоленскѣ, Вильнѣ, Екатеринославлѣ, Житомірѣ, Кіевѣ, Саратовѣ, Симферополѣ и Таганрогѣ" (1856 г).

[redacted]

„При недостаткѣ удобныхъ помѣщеній для мастерскихъ, невозможно учредить какихъ либо фабричныхъ мастерствъ и рукодѣлій въ обширномъ видѣ“. По этому „арестанты занимаемы были, по мѣстной возможности, шитьемъ для собственнаго употребленія и по заказу постороннихъ одежды, бѣлья, обуви, картоннымъ и переплетнымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Комитеты завели, по близости тюремъ, огороды, обработываемые арестантами для своего продовольствія; въ другихъ устроены жернова и ручныя мельницы, для перемола зерноваго хлѣба, также машины для перемалыванія древесной коры, толченія мѣла и проч“. (1836 г.). „Многія тюрьмы, будучи вѣтхи, тѣсны, не дозволяютъ распространить полезныя работы“, хотя „Комитеты и изыскиваютъ всѣ способы къ занятію арестантовъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ введены многія рукодѣлья; въ другихъ мѣстахъ огороды, мельницы, арестанты вездѣ очищаютъ тюрьмы, приготовляютъ пищу, шьютъ, стираютъ бѣлье и т. под.“ (1840 г.).

Въ отчетѣ 1842 г. между прочимъ было указано, что Волынскій Комитетъ завелъ огородъ, доставившій существенную пользу. Императоръ Николай Павловичъ изволилъ написать противъ этой статьи: „*полезно завести вездѣ*“, а на всемъ отчетѣ „*читалъ съ удовольствіемъ*“ (30 ноября 1843 г.). Эти резолюціи Президентъ сообщилъ циркулярно всѣмъ Комитетамъ (21 января 1844 г.), а они усердно принялись заводить огороды, посредствомъ добычи земли отъ казны, городовъ и отъ своихъ членовъ. Огородничество столь прогрессивно развивалось, что къ 1848 г. „обработываніе огородовъ“ было введено почти во всѣхъ тюрьмахъ, исключая городовъ, которые не могли отвести мѣста, близъ тюремъ. Это занятіе весьма полезно для здоровья заключенныхъ и выгодно въ хозяйственномъ отношеніи“ заключаетъ отчетъ за 1847 г. Отчетъ же 1848 г. поясняетъ, при этомъ, что „огородничествомъ арестанты не занимались только въ Петербургѣ, Кронштадтѣ, Митавѣ, Могилевѣ, Гроднѣ, Кіевѣ, *Астрахани*, Воронежѣ, Симбирскѣ, Херсонѣ, Симферополѣ, Мо-

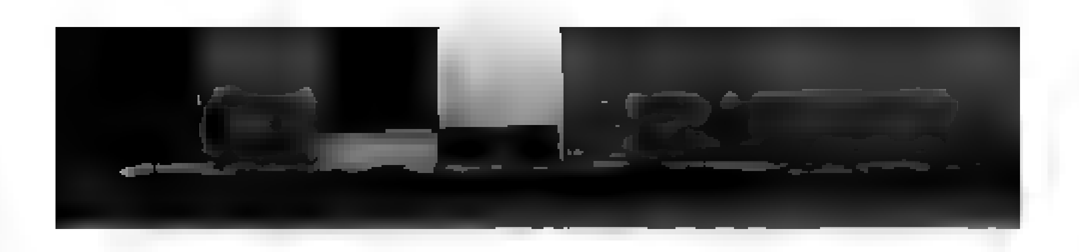
скѣ, Томскѣ и многихъ уѣздныхъ городахъ". „Овощей собрано было на 1,528 р. 21 к". Огородничествомъ занимались, затѣмъ, постоянно, такъ, что въ 1856 г. „самые обширные огороды считались въ Смоленскѣ, Вологдѣ, Харьковѣ, Калугѣ, Тобольскѣ и проч.". Отчетъ 1857 свидѣтельствуетъ, что „при многихъ тюрьмахъ съ успѣхомъ обработывались огороды и собранными, съ нихъ, овощами улучшалась пища арестантовъ". Въ 1859 г. „огородами располагали 38 губернскихъ и нѣкоторыя уѣздныя тюрьмы. Комитеты продолжали ходатайствовать объ отводѣ мѣстъ подъ огороды, полезные для здоровья арестантовъ и выгодные для хозяйства тюремъ, но заводить огороды *вдали* тюремъ затруднительно; по неимѣнію Комитетами людей, для конвоированія арестантовъ". Далѣе изъ отчетовъ видно, что овощей съ огородовъ собиралось: въ 1862 г. (въ 23 губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ тюрьмахъ) на 5.464 р.; въ 1863 г. (при 26 тюрьмахъ) на 6.181 р. $31\frac{1}{2}$ к.; въ 1864 г. на 3.391 р. $85\frac{1}{2}$ к.; въ 1865 г.—на 4.724 р. $49\frac{1}{2}$ к.; въ 1866 г.—на 4.739 р. 26 к.; въ 1867 г.—на 5.023 р. 60 к. Къ 1868 году огороды существовали уже при „незначительномъ числѣ" тюремъ, въ 1870 г.—при „весьма немногихъ" тюрьмахъ, а въ 1875 г. уже при „нѣсколькихъ" только тюрьмахъ.

Антогонисты Общества припишутъ упадокъ огородничества прямо бездѣйствію Общества, а люди любопытные спросятъ: отчего же погибло „это полезное для здоровья людей и выгодное для хозяйства" занятіе арестантовъ? Да отъ того, отвѣтимъ мы, что военное вѣдомство: сперва—постепенно уменьшало, для тюремъ, число караульныхъ, а потомъ—рѣшительно прекратило назначеніе конвоя для присмотра за арестантами, во время ихъ работъ на огородахъ. Достать другихъ надежныхъ караульныхъ—Комитетомъ не откуда было, поручать арестантовъ надзору наемныхъ людей за городомъ, съ одной стороны—было рискованно, а съ другой—этого не позволяли. Комитеты возставали, правда, противъ введенной военнымъ вѣдомствомъ мѣры, но они вошли уже

[redacted]

въ пустынѣ. Отсюда огородничество, очень естественно, прекратилось, и какъ видите, тоже не по винѣ Комитетовъ.

О существованіи въ тюрьмахъ мастерскихъ въ 1820—1830 годахъ читатели уже знаютъ изъ X главы, и еще болѣе убѣдяться изъ цифръ заработковъ. Заработковъ этихъ было, кромѣ массы не оцѣнявшихся издѣлій, напр.: въ 1826 г.—4.249 р. 40 к.; въ 1827 г.—9.191 р. 32 к.; въ 1829 г.—7.782 р. 61 к.; въ 1830 г.—6.611 р. 35 к.; въ 1831 г.—8.946 р. 37 к.; въ 1832 г.—11.186 р. 44 к.; 1834 г. — 18.581 р. 50 к.; въ 1836 — 15.600 р.; въ 1838 — 18.581 р. 30 к. и т. д. Теперь перейдемъ къ отчетамъ 1840-хъ годовъ. „Сообразно мѣстнымъ удобствамъ арестанты во всѣхъ тюрьмахъ работаютъ по ихъ хозяйству, шьютъ и чинятъ платье, бѣлье и обувь. Въ столицахъ и нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ Комитеты занимаютъ арестантовъ разными мастерствами. Въ приморскихъ городахъ расщипливаютъ пеньку, ткутъ изъ нея маты, коврики, плетутъ веревки и лапти; во многихъ тюрьмахъ введено портное, сапожное и столярное мастерства; въ нѣкоторыхъ вяжутъ рыболовныя сѣти, дѣлаютъ половики, щетки, ткутъ сукно, холстъ, обмалываютъ, на ручныхъ жерновахъ, хлѣбъ, выдѣлываютъ кирпичь. Женщины шьютъ бѣлье, прядутъ, вяжутъ чулки, варятъ, разматываютъ шелкъ, бумагу. Въ нѣкоторыхъ городахъ арестанты роютъ канавы, очищаютъ площади, улицы, бьютъ щебень для шоссе и проч.“ (1846 г.) „Исчисленныя въ предшествующихъ отчетахъ занятія арестантовъ мастерствами не могутъ получить желаемаго развитія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не могутъ быть и введены, пока тюрьмы пристройками и новыми зданіями дадутъ возможность отдѣлить для мастерскихъ, помѣщенія“ (1849 г.). „На сколько мѣстность позволяла—въ тюрьмахъ занимались ремеслами; кромѣ того дѣлали корпію, бинты и компрессы для арміи: въ Петербургѣ, Либавѣ, Твери, Калугѣ, Херсонѣ, Астрахани, Казани, а въ Одессѣ шили мѣшки, для городскихъ *батарей*“ (1854 г.). „Кромѣ городскихъ, общественныхъ работъ,

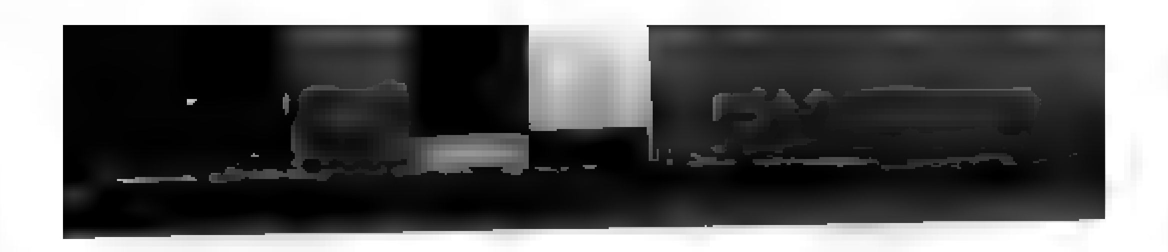
вшихся арестантами, въ 1855 г., въ Петербургѣ—они
ли 6.858 штукъ бѣлья, арестанты же нащипали 150 пуд.
кіи, сшили до 3,000 штукъ суконной и парусинной одежды,
отали въ столярной, малярной, сапожной и проч. мастер-
къ. Въ Москвѣ заработали 3.321 р. 30 к., въ Казани
дили 110 пуд. корпіи; въ Астрахани добыли 2.900 р.;
Полтавѣ перемололи ржи 4.350 пуд., выдѣлали крупъ 497
., сшили бѣлья и обуви 1.203 штуки и наклеили 47.280
вертовъ; заработали: въ Воронежѣ—1.650 р., въ Митавѣ—
р., въ Тобольскѣ сдѣлали 3.500 штукъ бѣлья и одежды.
е значительныя работы были въ Петербургѣ, гдѣ сдѣлали
тюремъ 3.811, а по заказамъ 6.949 штукъ одежды и
ья; столярничали и проч.; въ Москвѣ заработали 4.188 р.
/4 к. (1856 г.); „Гдѣ мѣстность позволяла, тамъ работы
ыты удовлетворительно. Это особенно замѣчается въ Петер-
гѣ, Москвѣ, Тамбовѣ (тамъ арестанты посылались на част-
и казенныя работы), Харьковѣ, Полтавѣ, Иркутскѣ (тамъ
танты строили сами замокъ и ходили на общественныя ра-
, внѣ тюрьмы) и друг." (1857 г.) „При тѣснотѣ занима-
ь хозяйствомъ, чинили вещи. Развитыми мастерскія счита-
ь, въ 1857 г.: въ Петербургѣ, Москвѣ, Твери, Тамбовѣ,
скѣ, Харьковѣ, Воронежѣ, Владимірѣ и Чардыни. Обще-
нныя работы рѣдко доступны, по затруднительности назначе-
конвоя для арестантовъ" (1858 г.). „Смотря по мѣстнымъ
бствамъ... въ Перми наклеили до 40.000 конвертовъ; въ
скѣ дѣлали кирпичъ; въ Астрахани щипали канаты. Болѣе
гихъ мастерскія развиты: въ Петербургѣ, Москвѣ (выручено
60 р. 19 к.), Твери, Одессѣ, Полтавѣ, Вильнѣ и нѣкото-
ъ другихъ мѣстахъ" (1859 г.). Въ 1860 г. мастерскія
ествовали въ Москвѣ, Петербургѣ, Вильнѣ, Одессѣ, Сим-
скѣ, Томскѣ, Твери, Самарѣ, Тулѣ, Рязани, Новгородѣ,
рахани, Смоленскѣ, Витебскѣ, Житомирѣ, Каменецъ-По-
скѣ, Вологдѣ, Воронежѣ, Полтавѣ, Ковнѣ и Митавѣ.

[redacted]

Ремесла были: столярное, портняжное, сапожное, переплетное и плотничное. Въ Петербургѣ женщины сшили 10.825 штукъ бѣлья; мужчины трудились въ портняжной и столярной мастерскихъ; въ Москвѣ заработали 3.738 р. 40 к.; кромѣ того выдѣлывали кирпичь, а также крупу на ручныхъ мельницахъ" (въ Полтавѣ, Житомірѣ, Астрахани и Воронежѣ).

Далѣе мастерскія дѣйствовали и заработали: въ 1862 г.—(въ 29 тюрьмахъ) болѣе 8.000 р., въ 1863 г.—(въ 37 тюрьмахъ) 13.911 р. 72 к.; въ 1864 г.—9.439 р. 62 к.: въ 1865 г.—19.060 р. 40 к., въ 1866 г.—14.137 р. 40 к., въ 1867 г.—17.356 р. 34 к. Въ томъ же 1866 г. мастерскія „улучшились или вновь заведены были: въ Новгородѣ, Симбирскѣ, Костромѣ, Петрозаводскѣ, Воронежѣ, Ковнѣ, Владимірѣ, Новочеркаскѣ и Венденѣ, но особеннаго одобренія заслуживали мастерскія въ Симбирскѣ, Новгородѣ, Воронежѣ, Владимірѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Митавѣ и въ Твери". Тѣмъ не менѣе „крайне неудовлетворительное состояніе и тѣснота зданій не представляютъ удобствъ къ устройству особыхъ мастерскихъ, безъ чего нѣтъ возможности дать правильное развитіе труду заключенныхъ", мужественно кончаетъ Общество свою лебединую пѣснь, въ отчетѣ 1867 г. Въ общемъ же отчетѣ за 1868 и 1869 г. говориться, что „главный недостатокъ тюремъ заключается въ ихъ тѣснотѣ, негодности, разрушающихъ всѣ благія стремленія Общества".

Изъ приведенныхъ нами выдержекъ изъ отчетовъ читатели снова должны вынести заключеніе, что Комитеты вводили, во многихъ тюрьмахъ, самыя разнообразныя внутреннія работы. Мастерскія далеко, правда, не соотвѣтствовали своему назначенію, но это объясняется опять-таки не имѣніемъ никогда и нигдѣ свободнаго помѣщенія для хорошей организаціи и упроченія мастерскихъ. Мало того: даже и для подвергавшихся, съ 1846 г., тюремному заключенію,—не были возведены особыя зданія, какъ читатели усмотрѣли выше (236 стр.) и, какъ подтверждаютъ

отчеты. Ясно, что и законы издавались, иногда, съ упущеніемъ изъ виду не примѣнимость ихъ къ практикѣ.

Антогонисты Общества увѣряютъ будто бы оно ровно ничего не предпринимало и къ исправленію нравственности заключенныхъ, къ облегченію ихъ участи и т. д. И на это довольно краснорѣчиво отвѣчаютъ отчеты.

„Во всѣхъ губернскихъ замкахъ, исключая не многихъ, сооружены и содержатся Комитетами церкви и причты. На эти церкви и причты и на покупку священныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ для чтенія арестантамъ, Общество затратило въ годъ 19.427 р. 85 к., а въ уѣздныхъ тюрьмахъ, расположенныхъ по главнымъ трактамъ, куда стекается значительное количество пересыльныхъ въ Сибирь,—члены Комитетовъ уже сдѣлали нужныя пожертвованія для возведенія церквей. Для арестантовъ католическаго, лютеранскаго и магометанскаго исповѣданій учреждены особыя молельни“. (1836 г.) „Члены Комитетовъ наблюдали, что бы арестантовъ водили въ церковь, а также и за ихъ поведеніемъ; раздавали имъ, для чтенія, духовно-нравственнаго содержанія книги въ достаточномъ количествѣ, часто посѣщали ихъ, а духовные наставляли ихъ въ словѣ Божіемъ, возбуждали въ порочныхъ сердцахъ даже закоренѣлыхъ преступниковъ чувство раскаянія. Обратили Комитеты въ православіе: евреевъ, католиковъ, магометанъ, малаканъ, безпоповцевъ, калмыковъ, армянъ и лютеранъ: въ Москвѣ—22, въ Саратовѣ—57, въ Симбирскѣ—5, въ Калугѣ—2, въ Новочеркасскѣ—4, въ Тамбовѣ—23, въ Грязовецкѣ—2 и въ Волховѣ—2, итого 117 чел. Въ Житомірѣ Комитетъ соорудилъ церковь, снабдивъ ее всѣмъ нужнымъ, а въ Волховѣ члены пожертвовали на церковь 3.000 руб.“ (1840 г.).

Въ этомъ же смыслѣ излагается дѣятельность Комитетовъ послѣдовательно во всѣхъ отчетахъ. Комитеты или ихъ члены

[redacted]

соорудили или обновили церкви, а также устроили молитвенныя комнаты въ тюрьмахъ, на свои средства: напр.—въ 1846 г.—въ Саратовѣ; въ 1848 г.—въ Вильнѣ и въ Петербургѣ (лютеранскую); въ 1854 г.—въ Москвѣ, Витебскѣ, Самарѣ, Тулѣ, Воронежѣ, Пирятинѣ, Ромнахъ, Вытегрѣ, Радомыслѣ, Чигиринѣ, Умани, Волоховѣ; въ 1855 г.—въ Нижнемъ Новгородѣ, Тобольскѣ, Шавлѣ, Вилькомірѣ, Городкѣ, Поневежѣ, Таращѣ, Сквирѣ, Черкасскѣ и Васильковѣ; въ 1856 г.—въ Тюмени, Екатеринбургѣ, Балахнѣ; въ 1857 г.—въ Грязовцѣ, Тотьмѣ, Моршанскѣ, Козловѣ, Усмани и въ Бѣлостокѣ: въ 1858 г.—въ Каинскѣ, Борисоглѣбскѣ и Спасскомъ; въ 1859 г. церкви „были въ 46 губернскихъ и многихъ уѣздныхъ тюрьмахъ", а въ этомъ году сооружены были: въ Семеновѣ, Дорогобужѣ, Красномъ, Вязьмѣ; въ 1860 г.—въ Ардатовѣ, Ржевѣ, Калязинѣ; въ 1862 г.—„церкви имѣлись при 53 губернскихъ и многихъ уѣздныхъ тюрьмахъ", а въ этомъ году вновь устроены: въ Красноярскѣ, Ростовѣ, Борисоглѣбскѣ, Нижнеудинскѣ, Торжкѣ; въ Москвѣ же возобновлены: въ замкѣ и въ пересыльной тюрьмѣ; наконецъ въ Калязинѣ Директоръ Свѣшниковъ устроилъ молельню со всѣми предметами богослуженія и облаченіемъ для причта; въ 1863 г. въ Твери, въ Нижнеломовѣ, Устюжнѣ, Богодуховѣ, а въ Петербургѣ (директоромъ барономъ Б. И. Фитингофомъ) лютеранская для неисправныхъ должниковъ; въ 1864 г.—въ Путивлѣ, Клину, Балахнѣ, Островѣ и Порховѣ; въ 1865 г. — въ Уфѣ, Княгининѣ и Устюжнѣ; въ 1866 г. — въ Новгородѣ - Волынскѣ, Овручѣ, Ровнѣ, Невелѣ, Череповцѣ, Мценскѣ, да пожертвовано деньгами на украшеніе церквей 11.695 р. 94 к. и проч.' въ 1867 г.—въ Ковнѣ, Липецкѣ, Вилькомірѣ; въ 1868 и 1869 г. сооружены были 3 церкви, а денегъ на украшеніе собрано 13.486 р. 82 к.

Вычислить во что, въ 60 лѣтъ, обошлись Комитетамъ и ихъ членамъ всѣ церкви—невозможно, по отсутствію точныхъ цифръ, но онѣ образовали бы, мы увѣрены, весьма солидный капиталъ,

затраченный для религіозныхъ потребностей арестантовъ. Созидая храмы,—Комитеты, въ тоже время, продолжали усердно привлекать въ нихъ отпавшихъ отъ православія и иновѣрцевъ. Объ этомъ миссіонерствѣ точно также свидѣтельствуютъ всѣ отчеты. Такъ, усердіемъ и внушеніями духовныхъ и свѣтскихъ членовъ Комитетовъ, присоединено было къ православію, напр., въ 1846 г.—Петербургскаго, Московскаго, Астраханскаго, Тамбовскаго, Симбирскаго, Псковскаго, Екатеринославскаго, Саратовскаго, Пермскаго, Тобольскаго, Одесскаго, Калужскаго и уѣзднаго Новоалександровскаго—115 чел.; въ 1848 г.—Петербургскаго, Новгородскаго, Московскаго, Архангельскаго, Пермскаго, Витебскаго, Волинскаго, Кишиневскаго, Нижегородскаго, Астраханскаго, Тобольскаго и Саратовскаго—97 чел., изъ нихъ 29 раскольниковъ, 12 католиковъ, 30 лютеранъ, 9 магометанъ, 15 евреевъ и 2 язычниковъ; въ 1849 г.—Петербургскаго, Московскаго, Кіевскаго, Курляндскаго, Псковскаго, Пермскаго, Саратовскаго, Минскаго, Тобольскаго, Новгородскаго, Астраханскаго, Симбирскаго, Витебскаго, Новочеркасскаго и Одесскаго—121, т. е. раскольниковъ 39, евреевъ 43, католиковъ 19, лютеранъ 11 и магометанъ 9 чел., въ 1854 г. 130 чел. „Особенно замѣчательные случаи были въ Варнавинѣ, гдѣ по убѣжденію директоровъ обратились въ православіе 16 раскольниковъ, а ихъ глава 80-лѣтній старикъ Голубевъ, по особому старанію директора, купеческаго брата Тихонова“ и т. д. до 1870-хъ годовъ,—когда раскольниковъ перестали преслѣдовать.

Денежныхъ пособій выпущеннымъ изъ тюремъ и ихъ семействамъ столичные Комитеты роздали, напр.: въ 1847 г.—1.418 р.; въ 1848 г.—4.060 р. 52 к.; въ 1849 г.—1.283 р. 86 к.; въ 1852 г.—9.625 р. 64 к.; въ 1854 г.—7.036 р. 75 к.; въ 1855 г.—10.975 р. 1 к.; въ 1856 г.—8.071 р. 96 к.; въ 1857 г.—5.008 р. 48 к.; въ 1858 г.—5.109 р. 71 к.; въ 1859 г.—6.261 р. 54 к.;

[redacted]

въ 1860 г. — 5609 р. 84 к.; въ 1865 г. — 1.264 р. $99^{1}/_{2}$ к. и т. д.

Снабженіе арестантовъ духовными и нравственными книгами началось и производилось Обществомъ со времени его основанія постоянно; но строгой системѣ не держались. И вотъ, членъ Московскаго Комитета А. Н. Львовъ обратился къ Президенту Бенкендорфу съ письмомъ, въ которомъ изложилъ, что „пробывъ болѣе 20 лѣтъ членомъ,—пришолъ къ заключенію, что большая часть преступленій—результатъ недостатка религіознаго и нравственнаго образованія простаго народа“, а потому спрашивалъ разрѣшенія издавать книги для народа. Бенкендорфъ такъ сочувственно отнесся къ мысли Львова, что тотчасъ же внесъ объ этомъ представленіе въ Комитетъ Министровъ. Комитетъ затребовалъ заключенія Министра внутреннихъ дѣлъ, а онъ, по соглашенію съ Министромъ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода,—отозвался, что не встрѣчаетъ препятствій къ осуществленію предположенія, съ условіемъ, чтобы книги выходили въ свѣтъ подъ общею свѣтскою и духовною цензурою. Комитетъ Министровъ разрѣшилъ выпускать книги подъ цензурою Святѣйшаго Синода. (26 февраля, 23 марта, 6 апрѣля и 14 сентября 1843 г.).

Издавать книги предполагалось „по самымъ низкимъ цѣнамъ—для народа, а для арестантовъ—даромъ“. Львовъ пожертвовалъ на это предпріятіе 1,000 р., а Петербургскій и Московскій Комитеты предложили отъ себя сразу также по 1,000 р.,—да брались и впослѣдствіи покрывать, изъ своихъ суммъ, какой понадобиться расходъ на книги. Тогда Бенкендорфъ, чтобы „упрочить это дѣло и правильно вести о немъ отчетность“,—испрашивалъ соизволенія Государя на утвержденіе, для этой цѣли, особаго Комитета, подъ предсѣдательствомъ вице-президента Московскаго Комитета, тамошняго Митрополита Филарета, съ предоставленіемъ: ему—избраніе членовъ въ Комитетъ, а Комитету—*самостоятельно*, по его усмотрѣнію, издавать книги. При этомъ

скв, Томскѣ и многихъ уѣздныхъ городахъ". „Овощей собрано было на 1,528 р. 21 к". Огородничествомъ занимались, затѣмъ, постоянно, такъ, что въ 1856 г. „самые обширные огороды считались въ Смоленскѣ, Вологдѣ, Харьковѣ, Калугѣ, Тобольскѣ и проч.". Отчетъ 1857 свидѣтельствуетъ, что „при многихъ тюрьмахъ съ успѣхомъ обработывались огороды и собранными, съ нихъ, овощами улучшалась пища арестантовъ". Въ 1859 г. „огородами располагали 33 губернскихъ и нѣкоторыя уѣздныя тюрьмы. Комитеты продолжали ходатайствовать объ отводѣ мѣстъ подъ огороды, полезные для здоровья арестантовъ и выгодные для хозяйства тюремъ, но заводить огороды *вдали* тюремъ затруднительно; по неимѣнію Комитетами людей, для конвоированія арестантовъ". Далѣе изъ отчетовъ видно, что овощей съ огородовъ собиралось: въ 1862 г. (въ 23 губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ тюрьмахъ) на 5.464 р.; въ 1863 г. (при 26 тюрьмахъ) на 6.181 р. 31½ к.; въ 1864 г. на 3.391 р. 85½ к.; въ 1865 г.—на 4.724 р. 49½ к.; въ 1866 г.—на 4.739 р. 26 к.; въ 1867 г.—на 5.023 р. 60 к. Къ 1868 году огороды существовали уже при „незначительномъ числѣ" тюремъ, къ 1870 г.—при „весьма немногихъ" тюрьмахъ, а къ 1875 г. уже при „нѣсколькихъ" только тюрьмахъ.

Антогонисты Общества припишутъ упадокъ огородничества прямо бездѣйствію Общества, а люди любопытные спросятъ: отчего же погибло „это полезное для здоровья людей и выгодное для хозяйства" занятіе арестантовъ? Да отъ того, отвѣтимъ мы, что военное вѣдомство: сперва—постепенно уменьшало, для тюремъ, число караульныхъ, а потомъ—рѣшительно прекратило назначеніе конвоя для присмотра за арестантами, во время ихъ работъ на огородахъ. Достать другихъ надежныхъ караульныхъ—Комитетомъ не откуда было, поручать арестантовъ надзору наемныхъ людей за городомъ, съ одной стороны—было рискованно, а съ другой—этого не позволяли. Комитеты возставали, правда, противъ введенной военнымъ вѣдомствомъ мѣры, но они вопіяли уже

зам-

[redacted]

члены Комитетовъ: Новочеркасскаго и Нижегородскаго, протоіереи: И. М. Солтыковъ и П. І. Лебедевъ, просили разрѣшенія Президента Орлова напечатать ихъ „бесѣды съ узниками“. Орловъ отправилъ рукописи въ Комитетъ, а Филаретъ отозвался, что „отъ этихъ бесѣдъ не будетъ пользы: въ нихъ недостаетъ правильной послѣдовательности мыслей, основательности и приличнаго примѣненія“ (7 октября 1849 г. и 19 апрѣля 1850 г.). Книгъ, — изданія этого Комитета, — роздано было, напр., въ 1846 г.—3.377, въ 1848 г. — 6.688, въ томъ числѣ 617 на французскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ, еврейскомъ, финскомъ и латышскомъ языкахъ. Затратили Комитеты на книги, напр., въ 1848 г.—1.388 р. 65 к., въ 1849 г.—2.447 р. 50 к. Въ 1854 г.—Комитетъ издалъ 3.000 экземпляровъ „Наставленія о собственныхъ всякаго христіанина должностяхъ“, соч. Тихона Задонскаго и т. д., дѣйствовалъ онъ довольно еще долго, чуть ли не до кончины Филарета.

Относительно улучшенія положенія тюремныхъ обитателей просвѣщеніемъ нельзя, кстати, не прибавить, что столичные Комитеты и ихъ представители изстари очень часто сносились съ заграничными тюремными Обществами, изучали тюремныя системы въ разныхъ государствахъ Европы и даже Америки (въ 1871 г. В. И. Солдатенковъ), причемъ печать всегда считали однимъ изъ лучшихъ средствъ къ достиженію цѣли. Не говоря уже о томъ, что отчеты Общества съ 1821 до 1870 годовъ печатались и разсылались повсемѣстно,—Комитеты и сами члены ихъ издавали различныя книги и брошюры по тюремной части. Напр., „О тюрьмахъ“, соч. Лудовика Рене Виллерме, перевелъ и издалъ, въ 1822 г., П. С. Гаевскій; „Слово къ заключеннымъ въ темницѣ“ (1843 г.) и „Слово предъ отправленіемъ арестантовъ въ Сибирь“ (1845 г.), протоіерей, магистръ П. Покровскій.

Петербургскій Комитетъ и его члены издали: „Описаніе проекта городской тюрьмы“ (1861 г.); „Матеріалы къ изученію тюремнаго вопроса“ издалъ М. Н. Галкинъ (1868 г.); Комитетъ издалъ:

исполнявшихся арестантами, въ 1855 г., въ Петербургѣ—они сшили 6.858 штукъ бѣлья, арестанты же нащипали 150 пуд. корпіи, сшили до 3,000 штукъ суконной и парусинной одежды, работали въ столярной, малярной, сапожной и проч. мастерскихъ. Въ Москвѣ заработали 3.321 р. 30 к., въ Казани нащипали 110 пуд. корпіи; въ Астрахани добыли 2.900 р.; въ Полтавѣ перемололи ржи 4.350 пуд., выдѣлали крупъ 497 пуд., сшили бѣлья и обуви 1.203 штуки и наклеили 47.280 конвертовъ; заработали: въ Воронежѣ—1.650 р., въ Митавѣ—761 р., въ Тобольскѣ сдѣлали 3.500 штукъ бѣлья и одежды. Болѣе значительныя работы были въ Петербургѣ, гдѣ сдѣлали для тюремъ 3.811, а по заказамъ 6.949 штукъ одежды и бѣлья; столярничали и проч.; въ Москвѣ заработали 4.183 р. 29¹/₄ к. (1856 г.); „Гдѣ мѣстность позволяла, тамъ работы развиты удовлетворительно. Это особенно замѣчается въ Петербургѣ, Москвѣ, Тамбовѣ (тамъ арестанты посылались на частныя и казенныя работы), Харьковѣ, Полтавѣ, Иркутскѣ (тамъ арестанты строили сами замокъ и ходили на общественныя работы, внѣ тюрьмы) и друг.“ (1857 г.) „При тѣснотѣ занимались хозяйствомъ, чинили вещи. Развитыми мастерскія считались, въ 1857 г.: въ Петербургѣ, Москвѣ, Твери, Тамбовѣ, Томскѣ, Харьковѣ, Воронежѣ, Владимірѣ и Чардыни. Общественныя работы рѣдко доступны, по затруднительности назначенія конвоя для арестантовъ“ (1858 г.). „Смотря по мѣстнымъ удобствамъ... въ Перми наклеили до 40.000 конвертовъ; въ Томскѣ дѣлали кирпичь; въ Астрахани щипали канаты. Болѣе другихъ мастерскія развиты: въ Петербургѣ, Москвѣ (выручено 2.260 р. 19 к.), Твери, Одессѣ, Полтавѣ, Вильнѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ“ (1859 г.). Въ 1860 г. мастерскія существовали въ Москвѣ, Петербургѣ, Вильнѣ, Одессѣ, Симбирскѣ, Томскѣ, Твери, Самарѣ, Тулѣ, Рязани, Новгородѣ, Астрахани, Смоленскѣ, Витебскѣ, Житомирѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Вологдѣ, Воронежѣ, Полтавѣ, Ковнѣ и Митавѣ.

[redacted]

Москвѣ, Одессѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Кіевѣ, Томскѣ, Новгородѣ, Тулѣ, Симбирскѣ, Тамбовѣ, Новочеркасскѣ, Самарѣ, Кіевѣ, Саратовѣ, Ковнѣ, Архангельскѣ, Митавѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ, Уфѣ, Могилевѣ, Черниговѣ и въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ тюрьмахъ. Въ 1862 г. школы существовали при столичныхъ, 18 губернскихъ и 18 уѣздныхъ тюрьмахъ; въ 1868 г. и въ 27 губернскихъ; въ 1864 г. библіотеками располагали 14 тюремъ; въ 1869 г. учили грамотѣ въ 147 тюрьмахъ и т. д. Короче говоря, Комитеты въ школьномъ дѣлѣ поступали сообразно духу времени.

Помощію пересыльнымъ особенно отличался московскій комитетъ. По его ходатайствамъ были, напр., помилованы осужденные къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе: 70-лѣтній еврей,—съ отдачею на пропитаніе сыновьямъ, живущимъ въ Динабургѣ; жена корнета—съ оставленіемъ при матери; съ арестантами отпущены въ Сибирь: съ однимъ—жена и 6 дѣтей; съ другимъ—мать и племянница; съ третьимъ—жена и сынъ; съ четырьмя—ихъ сыновья и матери, бывшіе крѣпостные; съ бродягою — его дочь, при чемъ семействамъ этимъ Комитетъ выдалъ въ пособіе 200 р., да заплатилъ за нихъ недоимокъ 40 р. 57 к. (въ 1846 г.). Крестьянинъ, осужденный Смоленскою уголовною палатою на поселеніе въ Сибирь,—благодаря Комитету, былъ возвращенъ Сенатомъ на родину, какъ неправильно обвиненный. Почтальонъ, осужденный на поселеніе въ Сибирь, за провозъ боченка корчемнаго вина, Всемилостивѣйше былъ прощенъ, вслѣдствіе участія Комитета, въ его судьбѣ. Еврею Комитетъ испросилъ соизволеніе взять съ собою въ Сибирь 10-ти лѣтняго сына; крестьянину, приговоренному также къ ссылкѣ въ Сибирь,—разрѣшено было поселиться съ семействомъ въ одномъ изъ Московскихъ удѣльныхъ имѣній; три еврейскихъ семейства, слѣдовавшія въ Сибирь, возвращены были на родину, съ пособіемъ (въ 1847 г.). „Предметомъ особенной заботливости Столичныхъ, Казанскаго, Пермскаго и Тобольскаго Комитетовъ были пересыльные, которыхъ снабжали вещами, и

отчеты. Ясно, что и законы издавались, иногда, съ упущеніемъ изъ виду не примѣнимость ихъ къ практикѣ.

Антогонисты Общества увѣряютъ будто бы оно ровно ничего не предпринимало и къ исправленію нравственности заключенныхъ, къ облегченію ихъ участи и т. д. И на это довольно краснорѣчиво отвѣчаютъ отчеты.

„Во всѣхъ губернскихъ замкахъ, исключая не многихъ, сооружены и содержатся Комитетами церкви и причты. На эти церкви и причты и на покупку священныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ для чтенія арестантамъ, Общество затратило въ годъ 19.427 р. 85 к., а въ уѣздныхъ тюрьмахъ, расположенныхъ по главнымъ трактамъ, куда стекается значительное количество пересыльныхъ въ Сибирь,—члены Комитетовъ уже сдѣлали нужныя пожертвованія для возведенія церквей. Для арестантовъ католическаго, лютеранскаго и магометанскаго исповѣданій учреждены особыя молельни“. (1836 г.) „Члены Комитетовъ наблюдали, что бы арестантовъ водили въ церковь, а также и за ихъ поведеніемъ; раздавали имъ, для чтенія, духовно-нравственнаго содержанія книги въ достаточномъ количествѣ, часто посѣщали ихъ, а духовные назидали ихъ въ словѣ Божіемъ, возбуждали въ порочныхъ сердцахъ даже закоренѣлыхъ преступниковъ чувство раскаянія. Обратили Комитеты въ православіе: евреевъ, католиковъ, магометанъ, малаканъ, безпоповцевъ, калмыковъ, армянъ и лютеранъ: въ Москвѣ—22, въ Саратовѣ—57, въ Симбирскѣ—5, въ Калугѣ—2, въ Новочеркасскѣ—4, въ Тамбовѣ—23, въ Грязовецкѣ—2 и въ Волховѣ—2, итого 117 чел. Въ Житомірѣ Комитетъ соорудилъ церковь, снабдивъ ее всѣмъ нужнымъ, а въ Волховѣ члены пожертвовали на церковь 3.000 руб.“ (1840 г.).

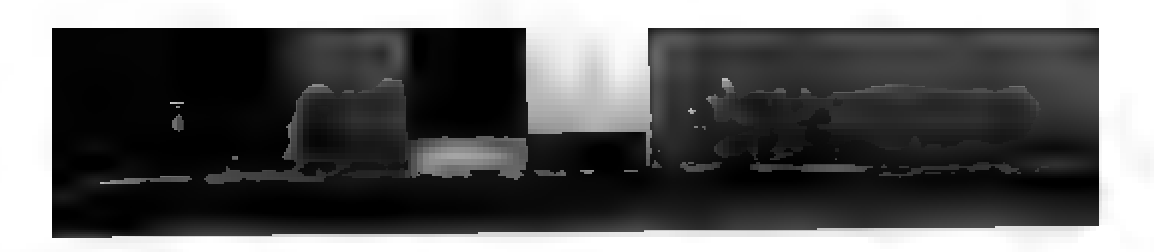
Въ этомъ же смыслѣ излагается дѣятельность Комитетовъ послѣдовательно во всѣхъ отчетахъ. Комитеты или ихъ члены

[redacted]

крошечный кормилъ весь этотъ годъ всѣхъ арестованныхъ на свои средства, и обѣщалъ это дѣлать и 1855 г.“

„Малолѣтніе арестанты и арестантки, со времени открытія Общества, вездѣ отдѣлялись отъ взрослыхъ и почти повсемѣстно учились закону Божію, грамотѣ, ариеметикѣ и легкой работѣ, какъ свидѣтельствуютъ отчеты 1826 — 1838, 1840 — 1842, 1846—1849, 1854 г.). „Замѣчательную попечительность объ нихъ выказали, въ 1857 г., Комитеты: Петербургскій, Московскій, Митавскій, Одесскій, Казанскій, Вологодскій, Уфимскій, Симбирскій и особенно Томскій“. „До 1858 г. обученіе малолѣтнихъ заключенныхъ производилось въ столицахъ, Владимірѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Новочеркасскѣ, Полтавѣ, Вильнѣ, Митавѣ, Харьковѣ, Уфѣ, Симбирскѣ и другихъ городахъ“. Въ этомъ же году „въ Симбирскѣ, напр., выучились весьма хорошо читать и писать 44 чел., а школы для нихъ открылись еще въ Тамбовѣ, Калугѣ, Новгородѣ, Могилевѣ, Орлѣ, Тулѣ, Херсонѣ и Самарѣ“. „Особенное усердіе и успѣхи въ обученіи малолѣтнихъ проявили, въ 1859 г., Комитеты: столичные, Одесскій, Нижегородскій, Казанскій, Кіевскій, Томскій, Новгородскій, Тульскій, Симбирскій, Тамбовскій, Самарскій, Архангельскій, Вологодскій, и нѣкоторые другіе“. Въ 1860 г. школы были также при 20 губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ тюрьмахъ. Въ 1867 г. въ Москвѣ малолѣтніе арестанты содержались *не* въ тюрьмѣ, а въ особо устроенномъ, для нихъ, помѣщеніи, около замка, въ зданіи бывшей этапной команды и т. д. Положеніе малолѣтнихъ арестованныхъ и дѣтей арестантовъ особенно занимало всегда Комитеты и въ отчетахъ Общества имъ постоянно отводились отдѣльныя главы, съ указаніемъ гдѣ, какъ и чѣмъ ихъ обезпечивали и учили.

Статистика по роду преступленій, по мѣсту рожденія, по системамъ наказаній о здоровыхъ, больныхъ и умершихъ арестантахъ,—велась постоянно съ 1819 г. изъ года въ годъ *самая обстоятельная*; напр. высчитывались процентныя отношенія

преступленій къ числу народонаселенія (въ 1836 г.); какой % больныхъ падаетъ на здоровыхъ и т. д. Это видно изъ всѣхъ отчетовъ 1830-хъ, 1840-хъ, 1850-хъ и 1860-хъ годовъ. Такъ, что только профаны могутъ разглагольствовать, будто бы никакой тюремной статистики больныхъ и умершихъ не было и нѣтъ, какъ это было выражено въ одной изъ замѣтокъ „Голоса" (лѣтомъ 1879 г.), по поводу назначенія тюремнымъ Инспекторомъ—г. Доброславина.

Мы дивели бы цифровыя данныя за всѣ 60 лѣтнее существованіе Общества, но не дѣлаемъ этого вотъ почему. Читатели вообще, какъ мы уже оговорились вначалѣ книги, цифирныхъ выкладокъ не любятъ, между тѣмъ: а) на отысканіе нѣкоторыхъ цифръ за старинное время нужно слишкомъ много времени; б) отчеты за послѣдніе 10 лѣтъ, еще не оглашались въ печатномъ видѣ и в) характеръ дѣятельности Общества, по нашему мнѣнію, достаточно ясно обрисовывается и безъ уснащенія его собственно цифрами: вѣдь не было предмета, который Общество не разработывало бы; не было вопроса, котораго бы оно не подымало, точно также не было и городка, представители котораго не внесли бы свою посильную лепту на пользу заключенныхъ, не осуществили бы завѣта Спасителя о „посѣщеніи узниковъ въ темницахъ томившихся". А на все это требовались главнѣе всего деньги. И рука дающаго дѣйствительно не оскудѣвала. Вотъ, въ подкрѣпленіе нашихъ словъ, изъ разныхъ отчетовъ, факты, Общество затратило изъ частныхъ своихъ средствъ:

а) На одежду, обувь и бѣлье для арестантовъ, напр. въ 1836 г. — 36.918 р. 61 к.; въ 1846 г. — 22.709 р. 87 к. сер.; въ 1856 г.—28.409 р. 77 к.; въ 1860 г.—32.818 р. 22 к.; въ 1864 г.—22.038 р. 97 к. и т. д.

б) На устройство больницъ и поддержку ихъ: въ 1836 г.—21.736 р. 16 к.; въ 1847 г.—16.796 р. 83 к.; въ 1857 г.—6.124 р. 61 к.; въ 1860 г.—5.661 р. 50 к. и т. д.

в) На добавочное продовольствіе арестантовъ: въ 1834 г.—5.971 р. 80 к.; въ 1838 г. — 16.339 р. 36 к.; въ 1846 г.—22.709 р. 87 к.; въ 1856 г.—7.052 р. 5 к.; въ 1858 г.—25.710 р. 58 к.; въ 1860 г.—42.603 р. 11 к.; въ

[redacted]

1863 г.—22.522 р. 22 к.; въ 1865 г.—32.620 р. 68 к.; въ 1866 г.—37.972 р. 1 к.; въ 1867 г.—34.295 р. 58 к.; въ 1868 г.—39.864 р. 79 к.; а въ 1869 г.—34.726 р. 71 к.

г) На церкви: въ 1836 г.—19.427 р. 85 к.; въ 1846 г.—10.842 р. 15 к.; въ 1856 г.—9.485 р. 49 к.; въ 1860 г.—9.074 р. 40 к.

д) На добавочное жалованье, награды, тюремныхъ: администраціи, причтамъ, медикамъ, надзирателямъ и служителямъ, чтобы лучше служили, наблюдали, исправляли и лечили арестантовъ: въ 1836 г. — 42.407 р. въ 1842 г. — 18.065 р. 45 к.; въ 1847 г.—27.942 р. 73 к.; въ 1857 г. —70.779 р. 33 к.; въ 1860 г.—102.552 р. 15 к. и т. д.

Наконецъ на всю тюремную часть Общество издержало *своихъ*: съ 1819 по 1826 г.—406.014 р. 76 к.; въ 1826 г.—42.648 р. 80 к.; въ 1827 г.—61.035 р. 94 к.; въ 1828 г.—39.239 р. 45 к.; въ 1829 г.—51.975 р. 7 к.; въ 1830 г.—113.691 р. 25 к.; въ 1831 г.—84.539 р. 75 к.; въ 1832 г. — 114.566 р. 95 к. *); въ 1834 г.—70.468 р. 48 к.; въ 1836 г. — 151.522 р. 90 к.; въ 1837 г. — 180.258 р. 28 к.; въ 1838 г. — 204.197 р. 2 к.; въ 1840 г.—72.920 р. 75 к.; въ 1842 г.—73.205 р. 48 к.; въ 1846 г.—181.931 р. 92 к.; въ 1847 г.—123.037 р. 71 к.; въ 1848 г.—125.079 р. 52 к.; въ 1849 г.—145.334 р. 25 к.; въ 1851 году — 187.646 р. 33 к.; въ 1852 году — 171.606 р. 82 к.; въ 1853 году — 186.502 р. 42 к.; въ 1854 г.—194.029 р., въ 1855 г.—219.751 р. 77 к.; въ 1856 г.—262.605 р. 66 к.; въ 1857 г.—262.626 р. 89 к.; въ 1858 г. — 313.341 р. 17 к.; въ 1859 г. — 290.933 р. 79 к.; въ 1860 г.—361.043 р. 99 к.; въ 1861 г.—899.134 р. 23 к.; въ 1862 г.—784.652 р. 26 к.; въ 1863 г.—747.548 р. 20 к.; въ 1864 г.—719.670 р.

---

*) Отчетовъ за 1833, 1835, 1839, 1841, 1843, 1844, 1845 и 1850 г. мы нигдѣ *не нашли*, по этому никакихъ цифръ за эти годы не проставляемъ.

68 к.; въ 1865 г.—806.298 р. 78 к.; въ 1866 г.—750.186 р. 46 к.; въ 1867 г.—928.466 р. 25 к.; въ 1868 г.—1.042.526 р. 13 к.; въ 1869 г.—1.141.388 р. 26 к.; а въ 1870 г.—1.202.080 р., т. е. прогрессивно все больше и больше.

Итакъ, Общество, въ теченіи 42 лѣтъ, затратило на тюрьмы собранныхъ *„частныхъ благотворительныхъ" тринадцать милліоновъ семьсотъ тринадцать тысячъ семьсотъ семь руб. сорокъ семь коп.*

Къ этой же суммѣ слѣдуетъ еще прибавить расходы, произведенные Обществомъ на тюрьмы же, въ теченіи недостающихъ до 60 остальныхъ — 17 лѣтъ, сравнительно съ проставленными, по годамъ, *наименьшія* цифры: за 8 лѣтъ 1830-хъ — 1840-хъ годовъ, по 100,000 р.—800,000 р., а за 9 лѣтъ 1870-хъ годовъ—только хоть по 500.000 р. (тратили, какъ извѣстно, и болѣе милліона рублей въ годъ)—4.500.000 р., итого *пять милліоновъ триста тысячъ* рублей.

Такимъ образомъ, сложивъ оба итога, увидимъ, что Общество израсходовало, за 60 лѣтъ, по тюрьмамъ, *„частныхъ благотворительныхъ" девятнадцать милліоновъ тринадцать тысячъ семьсотъ семь рублей сорокъ семь копѣекъ.*

Сверхъ того Общество, въ 1879 г., располагало еще запаснымъ наличнымъ фондомъ, въ *два милліона двѣсти двадцать тысячъ сто семьдесятъ девять рублей двѣ коп.*

Проще говоря Общество, своимъ существованіемъ, принесло Государству, въ подспорье къ его издержкамъ на тюремную часть

двадцать одинъ милліонъ двѣсти тридцать три тысячи восемь сотъ восемьдесятъ шесть рублей сорокъ девять копѣекъ.

Противники Общества и противъ этихъ знаменательныхъ и неотразимыхъ фактовъ, со свойственнымъ имъ легкомысліемъ, возражаютъ, что Общество тратило и скопляло суммы не свои

[redacted]

частныхъ, а изъ отпускавшихся въ его распоряженіе казенныхъ и городскихъ ассигнованій. Возраженіе это тоже не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, — вотъ почему.

Общество имѣло спеціально *„частныхъ благотворительныхъ приходовъ“*: съ 1820 по 1826 г. — 510.014 р.; въ 1826 г. — 125.940 р. 85 к.; въ 1827 г. — 153.546 р. 20 к.; въ 1828 г. — 206.921 р. 56 к.; въ 1829 г. — 89.369 р. 48 к.; въ 1830 г. — 96.083 р. 69 к.; въ 1831 г. — 108.161 р. 79 к.; въ 1832 г. — 99.643 р. 21 к.; въ 1834 г. — 201.252 р. 51 к.; въ 1836 г. — 270.392 р. 44 к.; въ 1838 г. — 283.926 р. 67 к.; въ 1840 г. — 432.596 р. 88 к.; въ 1842 г. — 186.810 р. к.; въ 1846 г. — 190.145 р. 37 к.; въ 1847 г. — 114.391 р. 12 к.; въ 1848 г. — 155.578 р. 18 к.; въ 1849 г. — 164.478 р. 22 к.; въ 1851 г. — 232.323 р. 73 к.; въ 1852 г. — 155.182 р. 57 к.; въ 1853 г. — 152.218 р. 92 к.; въ 1854 г. — 195.252 р. 69 к.; въ 1855 г. — 248.522 р. 72 к.; въ 1856 г. — 228.746 р. 49 к.; въ 1857 г. — 256.017 р. 50 к.; въ 1858 г. — 393.872 р. 25 к.; въ 1859 г. — 366.570 р. 73 к.; въ 1860 г. — 564.616 р. 22 к.; въ 1861 г. — 924.810 р. 1 к.; въ 1862 г. — 839.539 р. 55 к.; въ 1863 г. — 762.096 р. 67 к.; въ 1864 г. — 851.386 р. 9 к.; въ 1865 г. — 792.429 р. 42 к.; въ 1866 г. — 672.794 р. 10 к.; въ 1867 г. — 771.195 р. 53 к.; въ 1868 г. — 1.084.504 р. 50 к.; а въ 1869 г. — 1.106.117 р. 50 к.; итого *тринадцать милліоновъ девятьсотъ шестьдесятъ семь тысячъ девять сотъ сорокъ девять рублей сорокъ девь коп.*

Изъ отпускавшихся Обществу казенныхъ и городскихъ суммъ, сберегло оно: въ 1827 *) г. — 3.195 р. 45 к.; въ 1828 г. — 19.701 р. 14 к., въ 1829 г. — 17.555 р. 43 к.; въ 1830 г. —

---

*) Съ этого времени стало оно получать казенныхъ, а съ 1829 г. — городскія *суммы* и пользоваться остатками изъ нихъ.

68 к.; въ 1865 г. — 806.298 р. 78 к.; въ 1866 г. — 750.186 р. 46 к.; въ 1867 г. — 928.466 р. 35 к.; въ 1868 г.—1.042.526 р. 13 к.; въ 1869 г. — 1.141.388 р. 26 к.; а въ 1870 г.—1.202.080 р., т. е. прогрессивно все больше и больше.

И такъ, Общество, въ теченіи 42 лѣтъ, затратило на тюрьмы собранныхъ *„частныхъ благотворительныхъ“ тринадцать милліоновъ семьсотъ тринадцать тысячъ семьсотъ семь руб. сорокъ семь коп.*

Къ этой же суммѣ слѣдуетъ еще прибавить расходы, произведенные Обществомъ на тюрьмы же, въ теченіи недостающихъ до 60 остальныхъ — 17 лѣтъ, сравнительно съ проставленными, по годамъ, *наименьшія* цифры: за 8 лѣтъ 1830-хъ — 1840-хъ годовъ, по 100.000 р.—800.000 р., а за 9 лѣтъ 1870-хъ годовъ—только хоть по 500.000 р. (тратили, какъ извѣстно, до и болѣе милліона рублей въ годъ)—4.500.000 р., итого *пять милліоновъ триста тысячъ* рублей.

Такимъ образомъ, сложивъ оба итога, увидимъ, что Общество употребило, за 60 лѣтъ, повторяемъ, *„частныхъ благотворительныхъ“ девятнадцать милліоновъ тринадцать тысячъ семьсотъ семь рублей сорокъ семь копѣекъ.*

Сверхъ того Общество, въ 1870 г., располагало еще запаснымъ наличнымъ фондомъ въ *два милліона двѣсти двадцать тысячъ сто семьдесят девять рублей два коп.* Проще говоря Общество, своимъ существованіемъ, принесло Государству, въ подспорье къ его издержкамъ на тюремную часть

двадцать одинъ милліонъ двѣсти тридцать три тысячи восемь сотъ восемьдесятъ шесть рублей сорокъ девять копѣекъ.

Противники Общества и противъ этихъ знаменательныхъ и неотразимыхъ фактовъ, со свойственнымъ имъ легкомысліемъ, возражаютъ, что Общество тратило и скопляло суммы *не изъ*

[redacted]

томъ слѣдующаго содержанія: „Изъ представленнаго Мнѣ отчета Комитета Общества о дѣйствіяхъ его за 1824 г., *я съ удовольствіемъ* видѣлъ плоды трудовъ сего Общества на пользу человѣчества. Обращая Мое вниманіе на благотворные его виды, мнѣ пріятно удостовѣрить Общество въ готовности Моего ему покровительства". Это вниманіе Императора и потомъ часто выражалось въ личныхъ его посѣщеніяхъ мѣстъ заключенія, въ такомъ же рескриптѣ, въ 1834 году, въ подаркахъ дѣятельнѣйшимъ изъ членовъ и въ объявленіи Обществу благоволеній (въ 1820 — 1830 годахъ). Вотъ, напр., третій рескриптъ, данный на имя президента Трубецкаго. „Усматривая изъ представленнаго Мнѣ вами отчета о дѣйствіяхъ Общества за 1838 г., что Общество продолжаетъ дѣйствовать на тѣхъ же основаніяхъ, которыя уже неоднократно обращали на оное Мое вниманіе, Мнѣ *пріятно* изъявить всѣмъ членамъ Общества и въ особенности вамъ, какъ президенту, равно вице-президентамъ и предсѣдательницамъ Мое совершенное *удовольствіе*, а потому и поручаю вамъ объявить о томъ какъ здѣшнему, такъ губернскимъ и уѣзднымъ Комитетамъ Общества". (28 іюля 1839 г.). Не зависимо этого и въ указахъ о назначеніи Бенкендорфа и Орлова президентами говориться: „*въ постоянномъ вниманіи моемъ къ благотворнымъ и полезнымъ дѣйствіямъ Общества*",—повелѣваю... (27 февраля 1848 г. и 23 октября 1844 г.).

И Бенкендорфъ, вступивъ въ должность Президента, представилъ Императору рапортъ, въ которомъ, между прочимъ, изложилъ, что „будучи облеченъ *лестнымъ* званіемъ предсѣдателя Общества, я немедленно обозрѣлъ Петербургскій тюремный замокъ и домъ призрѣнія нищихъ, нашелъ ихъ *въ самомъ отличномъ положеніи* во всѣхъ частяхъ, а это должно отнести къ *неусыпному попеченію* моего предмѣстника, покойнаго генералъ-адъютанта князя Трубецкаго и членовъ Общества и Комитета нищихъ; они *создали все*, что *отъ нихъ могло зависѣть*". При этомъ онъ прибавилъ „утѣшительное, въ нравственномъ отношеніи, замѣчаніе", что „въ столь многолюдной столицѣ, заключающей до полмилліона жителей, сложное *число* арестантовъ не превышаетъ 500 чел., тогда какъ въ

14.290 р. 95 к.; въ 1831 г.—20.171 р. 77 к.; въ 1832 г.—30.200 р. 91 к.; въ 1834 г.—10.898 р. к.; въ 1836 г.—52.216 р. 42 к.; въ 1837 г.—22.465 р. въ 1838 г.—32.001 р. 16 к.; въ 1840 г. — 12.255 р. 24 к.; въ 1842 г. — 24.753 р. 40 к.; въ 1846 г. — 20.449 р. 1 к.; въ 1847 г. — 54.085 р. 78 к.; въ 1848 г.—20.419 р. 15 к.; въ 1849 г.—21.628 р. 18 к.; въ 1851 г.—70.135 р. 15 к.; въ 1852 г.—96.401 р. 96 к.; въ 1853 г.—117.337 р. 77 к.; въ 1854 г.—99.210 р. 71 к.; въ 1855 г.—79.481 р. 29 к.; въ 1856 г.—100.827 р. 75 к.; въ 1857 г.—89.237 р. 41 к.; въ 1858 г.—44.020 р. 11 к.; въ 1859 г.—21.701 р. 94 к.; въ 1860 г.—17.661 р. 1 к.; въ 1861 г.—44.686 р. 38 к.; въ 1862 г.—20.019 р. 11 к.; въ 1863 г. — 29.160 р. 44 к.; въ 1864 г.—72.087 р. 3 к.; въ 1865 г.—7.733 р. 16 к.; въ 1866 г.—6.698 р. 72 к.; въ 1867 г.—29.713 р. 6 к.; въ 1868 г.—101.091 р. 60 к.; въ 1869 г. — 128.083 р. 80 к., итого *одинъ милліонъ пятьсотъ пятьдесятъ одну тысячу пятьсотъ семьдесятъ пять рублей тридцать четыре копѣйки.*

Слѣдовательно частныхъ благотворительныхъ было больше экономическихъ,—въ 42 г.,—на 12.446.374 р. 8 к. Несомнѣнно, кромѣ того, что самое скопленіе такъ называемыхъ экономическихъ 1.551.575 р. 34 к. должно приписать «благомыслію, честности и человѣколюбію Общества», если вспомнить, что отвѣтственная администрація изъ дѣлавшихся ей ассигновокъ, никогда, вѣдь, ничего не сберегала для казны.

Совокупность разумныхъ, даровыхъ трудовъ, сборъ значительныхъ пожертвованій, бережливость и стремленіе Общества къ добру—доставили ему, въ старину, высокую, нравственную силу, довѣріе и помощь отовсюду, начиная съ Царскихъ чертоговъ и кончая хижинами простолюдиновъ. Еще 26 Апрѣля 1828 г. Императоръ Николай Павловичъ удостоилъ Общество рескри-

[redacted]

потому что они существуютъ исключительно принадлежностью наградъ, раздававшихся, при томъ же, къ прискорбію, иногда и просто, чтобы „порадѣть родному человѣчку". — Въ старину же „запрещеніе представлять къ наградамъ", прошло совершенно безслѣдно для дѣятельности Комитетовъ: тогда люди дѣломъ занимались „не изъ корысти", не „изъ тщеславія", а по убѣжденію, по христіанскому къ нему расположенію, тѣмъ болѣе, что труды ихъ находили сильную поддержку, одобреніе.

Въ засѣданіи Петербургскаго Комитета, Бенкендорфъ, между прочимъ, устно произнесъ: „я желалъ бы почаще получать отъ всѣхъ членовъ, о посѣщеніи ими частей, такія же свѣдѣнія, какія получаю отъ членовъ: И. М. Гамалея и К. А. Случевскаго. Искренно благодарю всѣхъ за ревностное содѣйствіе ваше, ознаменовавшееся многими полезными дѣйствіями. При таковомъ вашемъ устремленіи — для меня особенно лестно быть главою Общества, отличающагося толикими доблестями". Подобныя рѣчи при томъ значеніи, какое имѣлъ Бенкендорфъ и сплочивали членовъ, подвигали ихъ на помощь ближнимъ, и дѣло отъ того спорилось (въ 1844 г.).

Что же, спросятъ читатели, мѣшало Обществу достигать полнаго успѣха? Плохія зданія, смотрители, ихъ помощники, законодательныя погрѣшности, а отъ нихъ и тормозившія дѣло пререканія съ администраціею, — вотъ главныя затрудненія, которыя обществу не въ силахъ было одолѣть особенно съ понятіями сороковыхъ годовъ.

О зданіяхъ мы уже говорили, поэтому перейдемъ къ тюремному персоналу. Самое положеніе тюремъ исстари и до нашихъ дней у насъ таково, что начальствовать въ нихъ людямъ, принадлежащимъ къ интеллигенціи, а главное милосерднымъ — было, есть и будетъ, если не немыслимо, то чрезвычайно тяжело, по неопредѣленности назначенія тюремъ. Вы идете, положимъ, начальствовать надъ арестантскою ротою, твердо зная, что въ нее поступаютъ, по закону, исключительно преступники. Вдругъ по недостатку зданій въ нее приводятъ, для

[redacted]

держаній, 30—50 подслѣдственныхъ, привилигированныхъ, въ числѣ ихъ и вашего знакомаго, даже родственника. Долгъ службы требуетъ, чтобы вы во всемъ поступали совершенно одинаково какъ съ завѣдомымъ разбойникомъ, такъ и съ роднымъ вашимъ отцомъ, очутившимся въ тюрьмѣ по оговору, по недоразумѣнію: вы призваны исполнять велѣніе закона, а не резонерствовать. Въ тоже время при видѣ образованнаго, знакомаго или близкаго вамъ человѣка, чувство деликатности, гуманности, дружбы, родства, униженный видъ стоящаго предъ вами,— все это разшатываетъ, неизбѣжно, вашъ долгъ. Велѣть раздѣть до нога воришку, порыться у него во рту, въ волосахъ, и потомъ облачить его въ арестантскую форму — васъ, разумѣется, не стѣснитъ, да онъ съ предупредительностью самъ охотно все это сдѣлаетъ. Но повернется ли вашъ языкъ, а если повернется, то съ какимъ усиліемъ на приказаніе исполнить эту унизительную операцію надъ человѣкомъ вашей среди, вашего развитія, или, чего Боже сохрани— самимъ— это такой вопросъ, который, мы увѣрены,—рѣдкій изъ васъ разрѣшитъ утвердительно. А вѣдь съ обыска и переоблаченія только еще начинаются ваши, по отношенію къ заключеннымъ, обязанности, составляющія длинный рядъ разныхъ стѣсненій и запрещеній. Помните еще, что послабленіемъ одному—вы возстановляете противъ себя многихъ: нѣтъ завистливѣйшихъ, подозрительнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ о равноправности людей, какъ заключенныхъ. Потомъ, вы ежедневно видите потрясающія душу сцены; получаете просьбы, которыхъ не можете удовлетворять; жалобы, которыхъ не въ силахъ предотвратить; нарѣканія, въ которыхъ ни на волосъ не повинны...

Вы приложили, напр., долгій усиленный трудъ на организацію; положимъ, мастерскихъ и радуетесь, что наладили ихъ, что онѣ даютъ доходъ, привлекли рабочія силы и тѣмъ самымъ уменьшили нарушенія тюремныхъ правилъ. На бѣду приходитъ, неожиданно, большая партія, которую надо разсчитать въ пере-

[redacted]

сильной тюрьмѣ. По необходимости вамъ и приказываютъ закрыть мастерскія, для освобожденія мѣста на 50—80 чел. И не только всѣ ваши хлопоты пропали напрасно, но въ теченіи 2—3 недѣль, покуда партія проживала у васъ,—вы нажили массу новыхъ заботъ, непріятностей отъ пришельцевъ, потому что они по праву требовали разныхъ, для нихъ, допускаемыхъ, но у васъ не позволительныхъ льготъ. Партія ушла, вы возстановляете господствовавшій, въ мастерскихъ, порядокъ, но вы ни чуть не гарантированы, что чрезъ мѣсяцъ вы его опять не разрушите.

Начальства надъ вами есть и будетъ много, ибо по нашимъ шаткимъ нравамъ, неустойчивости убѣжденій, а слѣдовательно и легкости сдѣлокъ съ совѣстью,—положительно нельзя устранить отъ наблюденія за правильностію размѣщенія, продовольствія, исполненія приговоровъ и проч., ни губернаторовъ, ни градоначальниковъ, ни прокуроровъ, ни тюремныхъ: по нынѣ — Комитетовъ, а въ будущемъ — Инспекторовъ, да наконецъ Сенаторовъ, ревизующихъ губерніи и т. д. И вотъ вы получаете, какъ случалось, а навѣрное и впереди будетъ случаться,—приказанія, распоряженія, естественно противорѣчащія одно другому, какъ исходящія отъ разныхъ лицъ, но вы обязываетесь одно — удовлетворить, другое—отклонить такъ, однако, дипломатически, чтобы всѣ остались, по меньшей мѣрѣ, не въ претензіи.

Всѣ эти явленія результатъ отсутствія зданій, не колеблющагося значенія власти, а право похвальнаго стремленія властей оградить заключенныхъ отъ произвола, притѣсненія и т. под. Но вы, человѣкъ мыслящій,—вѣдь съ самолюбіемъ, а не автоматъ, значитъ все это производитъ, понятно, въ вашемъ умѣ и сердце такую безконечную, безпрерывную ломку, что вы впадаете или въ апатію и тогда отъ упущеній въ вашей тюрьмѣ образуется хаосъ, или же—въ раздражительность, разочарованіе и бѣжите вонъ изъ дома печали, отряхая прахъ съ ногъ своихъ...

Вотъ почему у насъ въ смотрители никогда не шли, не идутъ и не пойдутъ люди просвѣщенные, интеллигентные и гу-

жаніе, хотябы ихъ и хорошо обезпечили. Нагляднымъ этой мысли подкрѣпленіемъ могутъ служить Смотрители военно-исправительныхъ ротъ, да и нѣкоторыхъ гражданскихъ тюремъ, получающіе содержаніе на равнѣ съ директорами гимназій. По указаннымъ же причинамъ даже и тюремные филантропы нерѣдко прерывали, временами, и посѣщенія тюремъ, чтобы не видѣть и не слышать того, что тамъ творится, такъ какъ и они безсильны были помочь какъ смотрителямъ, такъ и заключеннымъ. Скажемъ больше: слабонервному человѣку совершенно достаточно пробыть часъ, во время свиданія арестантовъ, въ любой пересыльной тюрьмѣ, что бы эта мрачная картина грознымъ призракомъ рисовалась предъ нимъ цѣлые годы.

Профаны, а въ числѣ ихъ г. Фойницкій, и противъ этого кричатъ: „а знаменитые Гольцендорфъ, Крофтонъ вѣдь служили простыми же смотрителями тюремъ"? На это мы отвѣтимъ: во 1-хъ именно только профаны и способны подводить подъ одну рамку англійскіе и германскіе порядки съ нашими самобытными, сложными условіями, а во 2-хъ и далеко „не все то золото, что блеститъ". Знаменитость Крофтона и Гольцендорфа ни чуть не мѣшаетъ совершаться и въ англійскихъ и въ австрійскихъ тюрьмахъ такимъ ужаснымъ безобразіемъ, позорящимъ человѣчество *), какихъ въ Россіи не было, слава Богу, и 50 лѣтъ тому назадъ.

Отдать тюремный персоналъ въ исключительное вѣдѣніе Комитетовъ, и самъ основатель Общества, Императоръ Александръ Первый,—не рѣшился, чтобы не умалить достоинства коронной власти. Еслибы Трубецкой, или Бенкендорфъ захотѣли,—они несомнѣнно могли бы достигнуть подчиненія тюремнаго персонала исключительно Комитетамъ; но они не видѣли въ этомъ надоб-

*) См. „Въ тюрьмѣ" романъ Марка Гоппа, перев. съ англ., въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1879 г.; „С.-Птб. Вѣдомости" 1879 г. № 328.

[redacted]

ности: распоряженія ихніе и Комитетовъ исполнялись, и они этимъ довольствовались. Само, замѣтимъ, даже правительство въ старину противилось регламентаціи специальныхъ законовъ по тюремной части, чтобы не стѣснять руководителей тюремнаго быта. Еще въ 1822 г. Голицынъ, желая установить правильныя отношенія Петербургскаго Комитета къ смотрителямъ тюремъ, предложилъ Комитету выработать особую инструкцію, которую сперва—критически разбирали генералъ-губернаторъ съ оберъ-полиціймейстеромъ; потомъ—передѣлывали въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; наконецъ—передали на разсмотрѣніе Совѣта этого министерства. Совѣтъ же, зная, что тамъ, гдѣ есть Комитеты *),—они все улаживаютъ сами, или чрезъ Президента,—уклонился дать мнѣніе о помянутой *столичной* инструкціи (утвержденной самимъ Трубецкимъ 6 августа 1830 г.), а предпочелъ составить „Инструкцію смотрителю *губернскаго* замка“, въ томъ именно вниманіи, что въ громадномъ большинствѣ городовъ смотрители дѣйствовали единолично. Отсюда и вытекла настоятельная необходимость преподать собственно имъ руководство, потому что ни о правахъ, ни объ обязанностяхъ Комитетовъ касательно смотрителей или тюремъ, въ инструкціи не было выражено ни единаго слова, а все, напротивъ, сведено къ основной идеѣ, что смотритель „полный хозяинъ замка“ (208 п. инструкціи). Однако авторитетъ Столичнаго Комитета на столько уже окрѣпъ, что „составленная въ Совѣтѣ Инструкція, была пополнена и исправлена по замѣчаніямъ Комитета“ и въ заключеніе была „разослана Министромъ внутреннихъ дѣлъ ко всѣмъ губернаторамъ (9 апрѣля 1831 г.), съ порученіемъ „привести въ дѣйствіе изложенныя въ ней правила“, какъ въ губернскихъ, такъ и въ уѣздныхъ городахъ „сколько мѣстныя обстоятельства и способы то дозволятъ“.

---

*) Въ 1830 г. Комитеты существовали: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кронштадтѣ, Архангельскѣ, Вологдѣ, Перми, Калугѣ, Орлѣ и Одессѣ.

Между тѣмъ Комитеты, на основаніи правилъ 1819 г. и нѣсколькихъ дополнительныхъ къ нимъ повелѣній по хозяйственной части, не особенно быстро открывались (по 2—3 въ годъ). Трубецкой и рѣшился дознаться причины провинціальной, въ этомъ случаѣ, неподвижности, а также и о томъ, какъ преуспѣваютъ наличные Комитеты и въ какомъ состояніи тюрьмы Россіи. Съ этою цѣлью командировалъ онъ назначеннаго къ нему, какъ къ президенту, для особыхъ порученій, коллежск. сов. Шкляревича (съ жалованьемъ по 4.000 р. ассигн. изъ суммъ здѣшняго Комитета) по Россіи, съ „предписаніемъ“ собственноручно имъ редактированнымъ. Онъ предписывалъ Шкляревичу:

1) По прибытіи въ какой либо губернскій городъ явиться къ г. Губернатору и представивъ ему сіе предписаніе, просить о благосклонномъ позволеніи осмотрѣть тюремный замокъ и полицейскія мѣста заключенія и о приказаніи сообщить вамъ (Шкляревичу) нужныя, о сихъ мѣстахъ и о содержащихся въ нихъ арестантахъ, свѣдѣнія. 2) При осмотрѣ обратить особенное вниманіе: а) на самое помѣщеніе арестантовъ, раздѣленіе ихъ по поламъ, возрастамъ, роду и степени преступленій; б) на продовольствіе пищею, снабженіе одеждою и обувью, на способы къ доставленію имъ возможности держать себя въ чистотѣ и опрятности и в) на занятіе ихъ времени, ибо сими средствами пріуготовляется нравственное преобразованіе арестантовъ; главнѣйшее же и существенное въ дѣлѣ попеченія составляетъ самая нравственность, а вѣрныя и прямыя къ тому способы законъ Божій; Святая церковь, наставленія и увѣщанія священника и чтеніе душеспасительныхъ книгъ. Сіи важные и коренные предметы, составляющіе основныя и правила Попечительныхъ Комитетовъ,—должны быть основаніемъ и вашихъ (Шкляревича) наблюденій. 3) Если найдете какой въ чемъ бы то ни было недостатокъ и неудобство, то объяснивъ объ немъ Губернатору, просить обстоятельнаго и яснаго истолкованія о причинѣ сего, на тотъ конецъ, что если устраненіе недостатка не зависитъ отъ распоряженій мѣстнаго начальства, то, что бы можно было принять, въ С.-Петербургѣ, должныя мѣры. 4) Все сіе разумѣется о тѣхъ городахъ, въ коихъ существуютъ Комитеты; если же на пути встрѣтятся и такіе губернскіе города, гдѣ Комитетовъ еще не учреждено, то осмотрѣть и въ оныхъ, равно какъ и въ уѣздныхъ городахъ мѣста заключенія на вышеозначенныхъ

[redacted]

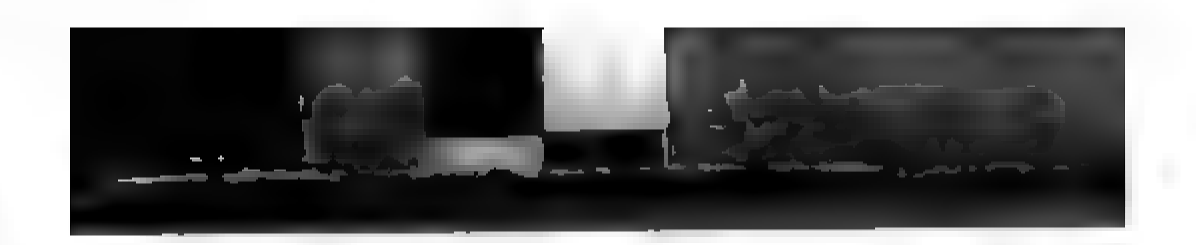
комъ основаніи,—и не упустите войти въ объясненія съ начальниками таковыхъ губерній, объ изысканіи возможности къ открытію въ оныхъ Комитетовъ, столь полезныхъ въ общемъ составѣ государственнаго благоустройства и удостоиваемыхъ всемилостивѣйшаго вниманія Государя Императора. Изъ всѣхъ сдѣланныхъ замѣчаній составивъ, самымъ точнымъ и вѣрнымъ образомъ, обозрѣніе или отчетъ,—представить его, по возвращеніи, въ такомъ видѣ, чтобы изъ него можно было видѣть настоящее положеніе дѣла попеченія о заключенныхъ и дать ему, въ потребныхъ случаяхъ, дальнѣйшій и успѣшный ходъ (6 Сентября 1834 г.).

Шкляревичъ, въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ, объѣхалъ 12 губерній, вездѣ былъ встрѣчаемъ и провожаемъ съ почетомъ, а въ тоже время Генералъ-Губернаторы, Губернаторы, Архіереи и другія лица слали Трубецкому благодарственныя письма, за доставленіе имъ, чрезъ Шкляревича, случая узнать цѣли Общества, называли его „истиннымъ христіаниномъ, благодѣтелемъ страждущаго человѣчества" и просили утвержденія Комитетовъ *). Шкляревичъ представилъ, Трубецкому, замѣчательный, во многихъ отношеніяхъ, обширный отчетъ**), которымъ Трубецкой воспользовался для многихъ улучшеній, введенныхъ простыми же письменными его сношеніями съ разными властями. По поводу же поѣздки Шкляревича, въ отчетѣ Общества за 1834 г., гов[illegible]ться, что Шкляревичъ

---

*) Ихъ насчитывалось въ 1826 г.—7, а въ 1837 г.—46 губернскихъ и 52 уѣздныхъ. Уѣздные открылись первыми, въ 1824 г., въ Вологодской и Петербургской губерніяхъ.

**) Ревизіею провинціальныхъ тюремъ занимались и впослѣдствіи съ 1842 по 1852 г., по порученіямъ и просьбамъ Президентовъ: Вице-Президенты и Директоры здѣшняго Комитета; Свиты Его Величества Генералы и Флигель-Адъютанты, ѣздившіе присутствовать при рекрутскихъ наборахъ, для объявленія манифестовъ и проч. Напр., графы: Левашевъ, Строгоновъ, Канкринъ, Ржевусскій, Князь Васильчиковъ, баронъ Притвицъ, Стюрлеръ, Янковскій. Кромѣ того ѣздившіе для ревизій: судебныхъ учрежденій — служившій въ Министерствѣ Юстиціи К. Н. Лебедевъ, Сибири: Сенаторъ Толстой, Генералъ Анненковъ и проч. Всѣ названныя и другія лица присылали Президентамъ свои замѣчанія, по которымъ дѣлались соотвѣтственныя распоряженія. Объ этихъ ревизіяхъ мы, можетъ статься, впослѣдствіи напишемъ особо, такъ какъ рѣшились не увеличивать объемъ книги.

«осмотрѣлъ внимательно замки и остроги, входилъ въ дѣйствія самыхъ Комитетовъ, удостовѣрялся, что дѣло попеченія о заключенныхъ, при всѣхъ мѣстныхъ неудобствахъ и недостаткахъ, находится въ благопріятномъ положеніи: недостатки помѣщеній и худыя мѣста заключенія поддерживаются, въ порядкѣ, усердіемъ, дѣятельностію, ежедневными посѣщеніями, денежными и другими пожертвованіями членовъ Комитетовъ. Вездѣ пробуждается духъ и усердное желаніе содѣйствовать правительству, частными усиліями, способами и пожертвованіями, и, если воспользоваться таковымъ расположеніемъ, поддержать и ободрить оное, то изъ сего источника *могутъ*, современемъ, *произойти значительныя*, *для облегченія казны*, послѣдствія» *).

Число Комитетовъ постепенно увеличивалось, обстоятельства мѣнялись, а правила 1819 г. и Инструкція 1831 г. продолжали оставаться неприкосновенными: возникавшіе споры, безапелляціонно рѣшались Президентами, ибо провинціальные Губернаторы, безразлично были ли они Вице-Президентами или нѣтъ, не рисковали не подчиняться предписаніямъ Президентовъ. Исключенія составлялъ Петербургъ, гдѣ Комитетъ нерѣдко прибѣгалъ къ содѣйствію Президента. Особенно рельефно явленіе это *впервые* обрисовалось по слѣдующему случаю. Вслѣдствіе скопленія въ больницѣ замка больныхъ, Комитетъ просилъ распоряженія Генералъ-Губернатора о присылкѣ изъ съѣзжихъ только такое число заболѣвающихъ, на какое окажется свободныхъ мѣстъ. Генералъ-Губернаторъ поручилъ двумъ чиновникамъ провѣрить въ больницѣ, заявленіе Комитета. Они хоть и убѣдились въ правотѣ Комитета, но доложили Генералъ-Губернатору, что можно разсширить больницу закрытіемъ мастерскихъ, на что онъ и согласился было. Комитетъ обидѣлся за недовѣріе къ его заявленію, за умаленіе его значенія въ глазахъ смотрителей и арестантовъ, да за посягательство на его коренныя права, о чемъ и аппелировалъ къ Президенту, который

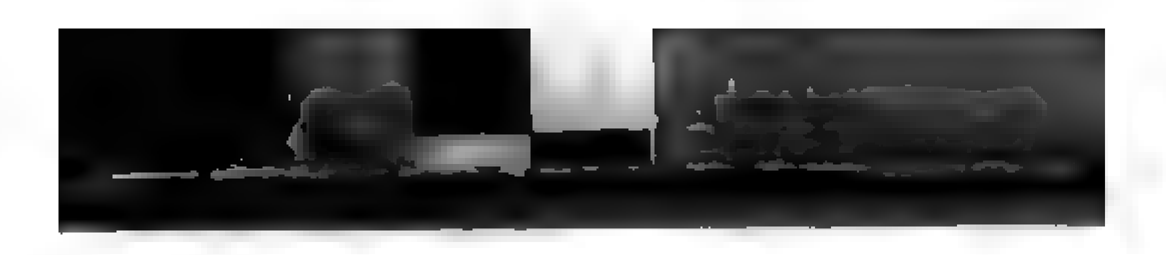
*) Эти послѣдствія читатели видѣли, между прочимъ, въ милліонныхъ затратахъ Общества на тюрьмы.

[redacted]

приняль ту сторону, замѣтилъ Генералъ-Губернатору о неумѣстности его поступка и дѣло устроилось согласно желанію Комитета (29 сентябрь 1835 г.).

Помѣщенная нами вначалѣ книги, для любопытныхъ, правило 1819 г., съ теченіемъ времени обнаруживали все больше и больше пробѣловъ, недомолвокъ, а Инструкцію 1830 г. и различныя распоряженія, утвержденныя и преподанныя къ руководству Президентами (при томъ уже и умершими: Трубецкимъ и Бенкендорфомъ) даже высшая администрація перестала признавать обязательными. Оттого разбросанныя въ предъидущихъ очеркахъ мелкія и крупныя пререканія прогрессивно разростались, и завершились характернымъ эпизодомъ о закрытіи Кавелиныхъ мастерскихъ (213 стр.). Дабы положить предѣлъ пререканіямъ и упрочить положеніе Комитетовъ, Орловъ призналъ самымъ лучшимъ—законодательнымъ порядкомъ провести какъ новую Инструкцію Смотрителю Петербургскаго тюремнаго замка (въ 1847 г.), такъ и новый полный Уставъ Общества, мотивированный сообразно съ народившимися потребностями времени. Въ Уставъ счелъ онъ нужнымъ включить, въ качествѣ постоянныхъ членовъ Комитетовъ, введенныхъ въ нихъ частными соглашеніями Президентовъ съ властями: предводителей дворянства, предсѣдателей судовъ, палатъ и городскихъ головъ (въ 1844 г.); имѣвшихъ придворныя званія, но не служившихъ, съ сохраненіемъ за ними этихъ званій, а также прокуроровъ (6 апрѣля и 28 іюля 1847 г.). Наконецъ ясно регламентировать: взаимныя отношенія Комитетовъ и администраціи; способъ комплектованія директоровъ Комитетовъ изъ членовъ общества, о чемъ не разъ возникали споры (21 марта 1844 г., 10 августа 1847 и 18 іюня 1849 г.), роль коронныхъ дѣлопроизводителей, секретарей, экономовъ и проч.

Разработанную Инструкцію послалъ Орловъ не прямо отъ *себя* въ Государственный Совѣтъ, какъ дѣлали его предмѣстники, а для внесенія туда, къ Министру внутреннихъ

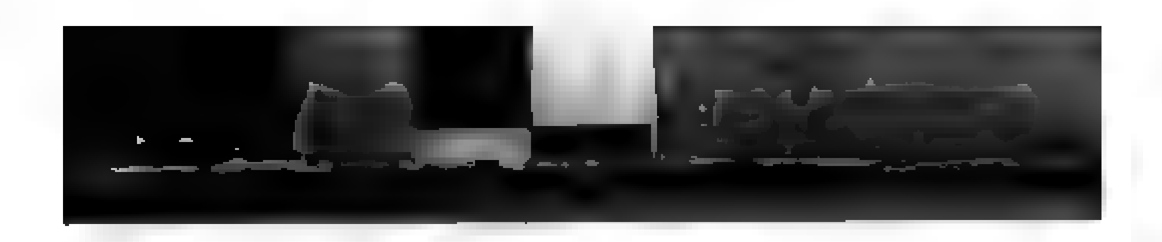
дѣлъ, собственно похожую на Инструкцію 1831 года и цензу-рованную Министерствомъ. Въ скорѣйшемъ достиженіи цѣли прошлъ отъ Министра внутреннихъ дѣлъ, говоритъ заключи-тельнымъ Инструкціею для Министра юстиціи (въ 1848 г.). Между тѣмъ бывшій Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Л. А. Перовскій, соображаясь съ потребностями Комитета, новая Ин-струкція, подобно прежней (1831 г.), составленной и разослан-ной къ руководству при губерніи по непосредственному распоря-женію Министра внутреннихъ дѣлъ, можетъ быть передана къ исполненію только безъ утвержденія на сіе особаго Высочайшаго разрѣшенія, тѣмъ болѣе, что касаясь собственно внутренняго управленія замковъ, Инструкція не заключаетъ въ себѣ никакихъ такихъ правилъ, которыя измѣняли бы существующія узаконенія" (13 мая 1849 г.). Вслѣдствіе этого разъясненія, въ которыхъ Президентъ согласился, здѣшній Комитетъ вновь пересмотрѣлъ нѣкоторые пункты Инструкціи и она была утвержде-на и подписана Управляющимъ Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланскимъ (въ отсутствіе Перовскаго), и послѣ-днимъ и передана къ руководству Петербургскому Комитету и Смотрителю замка, где при циркулярѣ Президента разослана была по всей Коммиссіи для соображенія и возможнаго при-мѣненія къ обязанностямъ смотрителей тюремныхъ замковъ, съ согласія подлежащаго начальства" (21 мая 1852 г.).

Такимъ образомъ Инструкція сдѣлалась административнымъ, а не законодательнымъ актомъ. Для ясненія вопроса прибавимъ, что случилось приходится отмѣтить, что съ конца 1840-хъ годовъ, Орловъ, когда не дѣлалъ значительно сдѣ-докъ въ интересахъ Общества, отчего Комитеты и дѣятель-ность ихъ стѣснительнымъ обходомъ утратили свое значе-ніе. Обстоятельство это естественно ослабляло значеніе Обще-ства. Надо еще прибавить, что Петербургскій Комитетъ со-хранялъ до тѣхъ поръ своей независимыхъ отъ Общества и про-свѣщенныхъ членовъ всегда отстаивалъ свои прерогативы и по-

[redacted]

тому пріобрѣлъ, въ различныхъ сферахъ, не малое число противниковъ. Все это, вмѣстѣ взятое, очень неблагопріятно отразилось и на проектѣ устава, который былъ утвержденъ (7 ноября 1851 г.) съ существенными сокращеніями правъ Общества и со введеніемъ въ его дѣятельность изрядной доли бюрократизма, не соотвѣтствовавшаго духу филантропическаго учрежденія. Мало того: въ 1851 г. Комитеты уже дѣйствовали повсемѣстно, но ни въ указѣ, при которомъ былъ обнародованъ новый Уставъ, ни въ немъ, не было выражено ни слова о томъ, отмѣняется ли или сохраняетъ свою силу Инструкція смотрителя губернскаго замка 1831 г.? Этого не выяснило и Министерство внутреннихъ дѣлъ „подлежащему начальству“, согласіемъ котораго Президентъ совѣтовалъ Комитетамъ заручиться, для „примѣненія Инструкціи Петербургскаго замка 1852 г.“.

И вотъ, урѣзанныя права Комитетовъ Уставомъ, молчаніе объ Инструкціи 1831 г. и предложеніе примѣнять Инструкцію 1852 г.—породили на долго всеобщую путаницу, сумбуръ. По Уставу и Инструкціи 1852 г. Комитеты становились распорядителями въ тюрьмахъ и наблюдателями за смотрителями, которые дѣлались „главными ихъ сотрудниками“; а по Инструкціи 1831 г. смотрителя назывались единственными „полными хозяевами замковъ“. Комитеты настаивали на примѣненіи Инструкціи 1852 г., въ силу циркуляра Президента, да потому, что кругъ дѣятельности смотрителей и Комитетовъ вездѣ одинаковъ; Инструкція 1831 г. издана была до образованія Комитетовъ; Уставъ самъ собою отмѣнялъ устарѣвшую Инструкцію 1831 г., а Инструкція 1852 г. согласована съ Уставомъ. Напротивъ: смотрителя, а за ними и губернаторы, преимущественно не предсѣдатели Комитетовъ, но непосредственные начальники смотрителей, находили, что Инструкція 1852 г. обязательна, по буквальному ея заглавію, исключительно для смотрителя *Петербургскаго* замка и здѣшняго Комитета; для *провинціальныхъ* же смотрителей сохраняетъ свою силу Инструк-

ція *Губернскаго* замка 1831 г., ибо она ни Уставомъ, ни Инструкціею 1852 г., ни особымъ даже распоряженіемъ Министра внутреннихъ дѣлъ, не отмѣнена. На этомъ пунктѣ для обѣихъ сторонъ вопроса сосредоточились противоположные интересы. Никакіе запросы, а хоть иныхъ Комитетовъ даже угрозы прекратить всякую дѣятельность, если не примѣнять петербургской Инструкціи 1852 г. и въ Вологдѣ, и въ Калугѣ и т. д. Изъ Петербурга отвѣчали Министерство — Губернаторамъ, что слова [illegible] обязательна Инструкція *губернскаго* замка, если находите неудобнымъ держаться Инструкціи Петербургскаго замка, утвержденной для столицы, а Президентъ Комитетамъ, — чтобы смотрѣли, да и сами они не отступали главнѣе всего отъ Устава, который есть законъ, а Инструкція 1831 г. лишь административное предписаніе, преданное при томъ же „въ видѣ проэкта" для руководства, властію Министра, несомнѣнно покрываемою Высочайшею властію, санкціонировавшей уставъ. Разумѣется это все безполезно, побуждало трактовать объ Инструкціяхъ заранѣе и послѣ: [illegible]

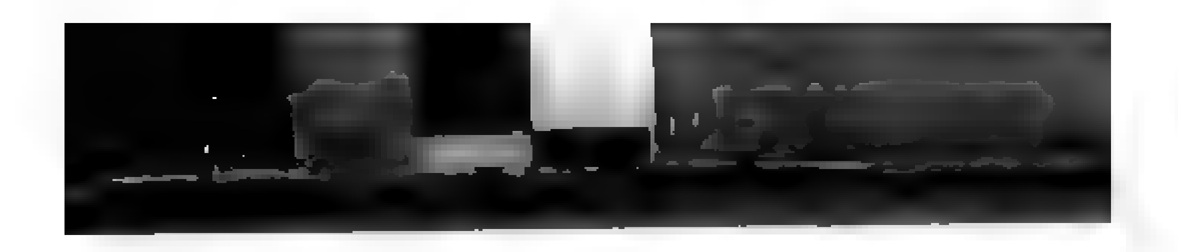
Обратившись вновь къ Уставу, но содержаніе его еще болѣе растравляло всѣхъ, ибо оно свидѣтельствовало *о двойственности* положенія Общества: самостоятельность и зависимость оказались другъ противъ друга. Такъ, предсѣдательствующіе въ Комитетахъ Вице-Президенты избираются самимъ Президентомъ, а утверждаются Высочайшею властью. Слѣдовательно, законъ придаетъ чрезвычайно важное значеніе лицамъ, занимающимъ эти должности, такъ какъ ими управляются комитеты (84 ст.). Между тѣмъ самое ихъ управленіе ограничивается правомъ: а) избирать въ члены Общества и Директоры Комитетовъ лишь обоего пола благороднаго, духовнаго и купеческаго званія; причемъ объ утвержденіи избранныхъ въ Директоры представлять Президенту Общества; б) давать предписанія Смотрителямъ тюремъ по предметамъ попечительства Комитетамъ, а если замѣтятъ небрежное исполненіе Смотрителями и подчиненными служителями ихъ обязанностей, — сооб-

[redacted]

щать мѣстному начальству для прекращенія безпоряд-
ковъ; в) сноситься съ присутственными мѣстами и начальствую-
щими лицами, по ходатайствамъ мужскихъ и женскихъ Комите-
товъ; г) дѣлать Комитетамъ предложенія по вопросамъ, которые
рѣшены несогласно съ уставомъ, и въ случаѣ несогласія
съ состоявшимися постановленіями, если Комитетъ, разсмот-
рѣвъ вопросъ, все-таки останется при прежнемъ мнѣніи, представ-
лять копію съ постановленія и предложенія Министру на разрѣшеніе
Президента; д) наблюдать за [illegible] засѣданіями
Комитетовъ [illegible] Директоровъ, [illegible] для полной
[illegible] и исполненія [illegible]
[illegible] требованія [illegible]
однакожъ, съ условіемъ, чтобы [illegible]
сообщать о томъ Комитетамъ; но въ случаѣ не признавать расходовъ
правильными [illegible]; ж) наблюдать, чтобы
въ кассахъ не хранилось наличныхъ денегъ болѣе, чѣмъ нужно
на 2-хъ мѣсячные расходы, а остальныя передавались въ кре-
дитныя учрежденія для приращенія процентами, по закону; з) пред-
ставлять Президенту ежегодно [illegible], и
надзирать за порядкомъ веденія канцелярій Комитетовъ и дѣлъ
послѣднихъ (35, 36, 51, 62, 63, 72, 76, 81, 88, 90 ст. Уст.).

Въ сущности Предсѣдательствующаго Вице-Президента [illegible]
предоставлено [illegible]
[illegible] Комитетами [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

*138

[redacted]

митеси доставляется „особенная заботливость о занятіи арестан-товъ, съ нѣкоторымъ, за ихъ труды, вознагражденіемъ", которое выдается имъ только по освобожденіи изъ заключенія (160 и 207 ст.). Затѣмъ 206 ст. говоритъ, что „все, сдѣланное осужденнымъ изъ своего матеріала (котораго онъ въ тюрьмѣ ни въ какомъ случаѣ держать не можетъ, по 84 п. Инструкціи), — признается его собственностью; а изъ тюремнаго — оцѣнивается чрезъ свѣдущихъ людей, причемъ изъ опредѣленной общей суммы вычитается: стоимость матеріала и одна треть на доходъ тюремный, а остальное — работавшему; заработанныя же цифры по наряду (безъ него арестанты, живя въ замкѣ, не могутъ тронуться ни на какую работу, согласно 246 — 254 п. Инструкціи), — дѣлятся между тюрьмою и работавшимъ по поламъ".

— Обвиненныхъ судомъ 203 ст. Устава приказываетъ „непремѣнно отдѣлять отъ прочихъ и помѣщать особо", тогда какъ 159 ст. предоставляетъ имъ заниматься, если желаютъ, работою. Если удовлетворять ихъ желанія, — они, пробывъ въ мастерскія, неизбѣжно тамъ соединятся съ прочими, слѣдовательно, не будутъ уже помѣщаться „особо". Гдѣ же, спрашивается, выходъ изъ этихъ противорѣчій? Да въ 85 п. Инструкціи, который гласитъ, что подобныхъ людей „ни на какія работы не посылать", вопреки прямому разрѣшенію 103 ст. Мало того: право оцѣнки издѣлій 252 п. Инструкціи предоставляетъ „конторѣ замка", т. е. положительно устраняетъ отъ этого свѣдущихъ людей, компетенціи которыхъ только и вѣритъ 206 и 293 ст. Устава. Изъ поручаемыхъ, за арестантскія работы денегъ, 260 пунктъ Инструкціи установляетъ выдавать арестантамъ: одну часть — во время ихъ заключенія, на ихъ нужды (въ 160 и 207 ст. Устава сказано, что всѣ деньги выдаются имъ только по освобожденіи); другую — при выходѣ ихъ изъ замка, а третью — велятъ употреблять на инструменты, матеріалы и вообще на содержаніе работъ", дополняя, такимъ образомъ, этимъ ни въ одной изъ приведенныхъ нами статей Устава [illegible]

Содержаніе церквей съ цѣлымъ благочинія вѣдомствомъ, 8 п. 30 и 154 ст. Уст., — на Комитеты, а 150 и 151 п. Инструкціи предоставляютъ заботиться объ этомъ смотрителю, что и помощникамъ и священникамъ, причемъ 151 п. вмѣняетъ имъ только въ обязанность ничего изъ церковнаго имущества „не выключать изъ книги, безъ разрѣшенія Комитета". Стало быть, власть Комитетовъ заключается въ одномъ лишь наблюденіи, чтобъ безъ его вѣдома не выключали изъ книгъ церковнаго имущества, чѣмъ до крайности съуживается смыслъ 8 п. 30 и 154 ст. Устава. Если въ хозяйствѣ тюремъ случались безпорядки, то и они проистекали отъ непрактичности закона, который гласитъ: „каждое мѣсто заключенія поручается ближайшему надзору одного директора" (82 ст. Уст.). Руководствуясь этою статьею, комитеты возлагали хозяйственную часть тюремъ на Директоровъ *единолично*, а они дѣйствовали, кромѣ экономовъ, совершенно самостоятельно, ибо другіе Директоры, замѣтивъ что-либо неисправное въ тюрьмѣ, вправѣ, по 60 ст., только „сообщать о томъ настоящему хозяину". Имъ предоставляется, правда, доносить и Предсѣдателямъ Комитетовъ, но только въ „случаяхъ особой важности". Сообщать хозяину — значитъ упрекнуть его въ бездѣятельности, а если онъ человѣкъ самолюбивый, то и всѣ сообщенія безполезны. Директоры часто совсѣмъ отступались отъ тюремъ, во избѣжаніе непріятныхъ столкновеній, ссоръ съ сочленами. Точно также одному лицу заботиться, независимо отъ матеріальныхъ, еще о нравственныхъ интересахъ 400—600 арестантовъ — рѣшительно невозможно; другимъ же закрытъ въ тюрьму доступъ, въ силу 60 ст. Не мудрено, что при этой системѣ было плохо. Очевидно, что требовалось въ каждой изъ тюремъ коллегіальное учрежденіе изъ Директоровъ, но ихъ не было, а по многимъ нѣтъ и до сихъ поръ.

Обязательными членами Комитетовъ Уставъ сдѣлалъ всѣхъ, власть имущихъ. По 88 ст. „въ званіе Вице-Президентовъ Комитетовъ *непосредственно* поступаютъ: гражданскій начальникъ губерніи,

[redacted]

(генералъ-губернаторъ), епархіальный архіерей и начальникъ губерніи; а въ Директоры: губернскій предводитель дворянства, вице-губернаторъ, совѣстный судья, предсѣдатели губернскихъ присутственныхъ мѣстъ (палатъ: уголовныхъ, гражданскихъ, казенной, государственныхъ имуществъ, удѣловъ), губернскій прокуроръ, инспекторъ врачебной управы и городской голова, а въ уѣздныя отдѣленія: уѣздный предводитель дворянства, судья, стряпчій, окружный начальникъ государственныхъ имуществъ, уѣздный врачъ, благочинный и городской голова*. Авторы Устава разсчитывали, разумѣется, на содѣйствіе всѣхъ названныхъ лицъ къ благоприличному устройству тюремъ, но практика скоро же показала ошибочность этого взгляда, какъ читатели узнаютъ ниже, изъ достовѣрнаго источника, а здѣсь только замѣтимъ, что ни въ этомъ пунктѣ, ни въ томъ, который установляетъ комплектное число Директоровъ, — ничего не сказано о томъ, входятъ ли обязательно въ число комплектныхъ или нѣтъ? Между тѣмъ при утвердительномъ отвѣтѣ — они заняли бы половину вакансій.

Персоналъ Комитетовъ не долженъ былъ превышать, по 37 ст. Уст., въ столицахъ: въ мужскихъ 5 — Вице-Президентовъ и 30 Директоровъ, въ женскихъ — 15 Директриссъ; въ губернскихъ городахъ: мужскихъ — 20 Директоровъ, женскихъ — 10 Директриссъ, и въ уѣздныхъ городахъ — 10 Директоровъ; при этомъ: а) никто изъ опороченныхъ не въ правѣ получить это званіе; б) всѣ утвержденные обязаны вносить не менѣе: въ столицахъ — 15, губернскихъ городахъ — 10 и уѣздныхъ — 5 р. въ годъ; в) правъ государственной службы никому изъ нихъ не присвояется (камергерамъ и камеръ-юнкерамъ, если они найдутъ въ [illegible], сохраняется, впрочемъ, придворное званіе) (41, 42, 45, 47 ст. Уст.). Избраніе кандидатовъ въ Директоры, прежде 1819 г., предоставлялось, какъ читатели помнятъ, Комитетамъ, а они собирали о желающихъ предварительныя справки, потомъ баллотировали изъ нихъ себѣ сотрудниковъ. Уставъ же

[redacted]

вручилъ это право Предсѣдателямъ, которые вольны были представить къ утвержденію исключительно такихъ, какихъ лично они хотѣли. Отсюда понятно, что Комитеты стали наполняться единомысленниками, знакомыми и родственниками Предсѣдателя, а это давало двоякій результатъ: если онъ былъ дѣятеленъ — Комитетъ трудился, а если онъ былъ, положимъ лѣнивъ — и Комитетъ бездѣйствовалъ. Скажемъ больше: право это приводило, какъ бывали примѣры, въ среду филантроповъ, выгнанныхъ изъ службы взяточниковъ, завѣдомыхъ ростовщиковъ, т. е. лицъ, которымъ многіе члены руки не подавали, а заниматься съ ними вмѣстѣ—ни за что не рѣшались.

Точно также и занятія члены Комитетовъ прежде дѣлили между собою по общему, взаимному ихъ соглашенію, т. е. группировались дружными кружками и вели дѣло стройно, а Уставъ провозгласилъ: „для успѣшнаго исполненія изложенныхъ въ Уставѣ обязанностей, Вице-Президенты губернскихъ Комитетовъ и старшіе Директоры уѣздныхъ отдѣленій, по соглашенію съ Директорами, распредѣляютъ между ними занятія, на опредѣленное время, по разнымъ предметамъ ихъ обязанностей". Этотъ пунктъ Устава Комитеты трактовали и примѣняли различно: одни—въ смыслѣ сохраненія выборнаго начала, а въ другихъ—Предсѣдатель, по своему усмотрѣнію, предлагалъ отдѣльнымъ членамъ такія обязанности, на исполненіе которыхъ *онъ* признавалъ ихъ способными, подходящими; они же, симпатизируя предложенію—принимали ихъ, а въ противномъ случаѣ—отказывались отъ чести, подъ разнообразными благовидными предлогами; тѣ же, кого *онъ* по какимъ бы то ни было побужденіямъ обходилъ — ничего и не дѣлали.

Мы видѣли проектъ Устава 1851 г., со множествомъ, на поляхъ, карандашомъ, какъ насъ увѣряли, собственноручно Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, начертанными чрезвычайно мѣткими, справедливыми замѣчаніями. Напр. „между членами благотворительнаго Общества *должны быть всѣ равны*" .

[redacted]

„Неограниченность числа членовъ охлаждаетъ усердіе къ дѣлу", а противъ цитированнаго пункта: „въ дѣлахъ благотворенія — это значитъ убить Комитетъ. Занятія должны распредѣляться Комитетомъ и не могутъ быть обязательны безъ собственнаго согласія каждаго члена", т. е. педагогу нельзя навязывать мастерскихъ, а технику—школу, а надо на оборотъ, сообразно тому, что для нихъ сподручнѣе, легче. Замѣчанія эти, при сопоставленіи ихъ съ послѣдующею практикою, сдѣлались пророческими. Покамѣсть доступъ въ Комитеты обусловливался круговою, такъ сказать, порукою членовъ,—всѣ они несли тяготу, а какъ только Уставъ передалъ право избранія въ однѣ руки—въ каждомъ Комитетѣ проявились Директоры единственно для почета, да для счета. Равнымъ образомъ до тѣхъ поръ, покуда число Директоровъ въ Комитетахъ не превышало положенныхъ 20—30—всѣ приносили большую или меньшую пользу, потому что шли прямо на общественную работу, но съ постепеннымъ увеличеніемъ числа больше 30—охотниковъ трудиться прогрессивно уменьшалось и дошло до того, что двѣ трети ровно ничего не дѣлали, одинъ по примѣру другаго. Далѣе, стоило тому или другому члену стать почему либо въ непріязненныя отношенія къ Предсѣдателю, даже и какъ къ частному совершенно человѣку—и они, противъ воли, обрекались на бездѣйствіе: изъ нежеланія встрѣчаться съ ними—онъ не допускалъ ихъ ни къ какимъ занятіямъ. Бывали, кромѣ того, случаи, когда Предсѣдатели, вооружившись этимъ пунктомъ—устраняли членовъ отъ всякихъ обязанностей и за то, что по закону и совѣсти—они обнаруживали ихъ произвольныя, противозаконныя операціи съ суммами Комитета. Наконецъ, однажды, Предсѣдатель, полною своею несостоятельностію, возстановилъ противъ себя большинство членовъ и, чтобы зажать имъ ротъ,—умудрился устроить отмѣну выборнаго начала, довольно долго практиковавшагося. Въ свою очередь члены, пораженные тѣмъ, что онъ заручился правомъ командовать ими—сошли со сцены, а это ему еще больше понравилось. Онъ вручилъ бразды правленія

кружку симпатизированшихъ ему „фамильныхъ портретовъ“, во главѣ съ холоднымъ, но беззастѣнчивымъ патентованнымъ обвинителемъ, который съ кафедры проповѣдывалъ о добродѣтели, а втихомолку не брезговалъ даже тюремнымъ керосиномъ*)...

Разбирать дальше всѣ затрудненія, встрѣченныя Комитетами при сравненіи правилъ 1819 г. съ Уставомъ 1851 г. мы не станемъ: и изложенныя рельефно рисуютъ урѣзки правъ Комитетовъ, да и дальнѣйшія разсужденія безполезны. Потому и ограничимся заявленіемъ, что указанные и многіе другіе недостатки Устава, въ особенности при наличности Инструкціи 1831 г.,— поставили Комитеты въ пассивную роль къ тюрьмамъ и ихъ администраціи.

До какой степени Уставъ не благопріятно повліялъ на дѣятельность Общества—свидѣтельствуютъ цѣлый рядъ знаменательныхъ фактовъ, изъ которыхъ остановимъ вниманіе читателей лишь на болѣе крупныхъ, рѣзко парализовавшихъ благія намѣренія Общества.

Не прошло еще и полуторыхъ лѣтъ, современи введенія Устава въ дѣйствіе, какъ Петербургскій Оберъ-Полиціймейстеръ заявилъ здѣшнему Комитету, что „нѣкоторые Директоры, не извѣстные Смотрителямъ частей, при осмотрѣ ихъ,—дозволяютъ себѣ осматривать напр., пріемные покои и дѣлаютъ свои замѣчанія. Это вмѣшательство не согласно порядку службы“. Исходя изъ этого взгляда, онъ просилъ „предварять его каждый разъ: кто изъ Директоровъ и когда посланъ будетъ осматривать части, чтобы своевременно принять надлежащія мѣры къ предупрежденію всякихъ безпорядковъ“ (16 января 1853 г.). Комитетъ отказался, правда, исполнить желаніе Оберъ-Полиціймейстера, находя, что члены, по предъявленіи Смотрителямъ

*) Впрочемъ, о серьезныхъ злоупотребленіяхъ со стороны принадлежавшихъ къ Обществу, изъ всей его исторіи извѣстно только 5 случаевъ, въ разныхъ мѣстахъ.

[redacted]

своихъ билетовъ, вправѣ, во всякое время, осматривать и пріемные покои, тѣмъ не менѣе ихъ, и потомъ, случалось, просто не впускали туда, или, напр., въ такъ называемыя „секретныя камеры", куда свободно ходили Смотрителя, ихъ помощники и даже служителя. Это изумительное недовѣріе къ Директорамъ шокировало ихъ, умаляло значеніе ихъ филантропическаго званія, но для Общества пора отстаивать свое право начало уже проходить, потому что администрація крѣпчала, а филантропія ослабѣвала...

Нужно было только еще „одно послѣднее сказаніе", чтобы благопріятная „лѣтопись" Общества „была окончена". И сказаніе это не замедлило послѣдовать вотъ по какимъ основаніямъ. Покойный С. С. Ланской былъ послѣдовательно, въ теченіи многихъ лѣтъ сряду: сперва—Директоромъ Столичнаго, потомъ—Предсѣдателемъ: Владимірскаго и Костромскаго Комитетовъ, а затѣмъ—Сенаторомъ. За смертію предсѣдательствовавшаго въ Петербургскихъ Комитетахъ: тюремномъ и для разбора нищихъ, графа А. И. Апраксина,—Президентъ Орловъ избралъ на эти должности Ланскаго; но Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ предварительно спросить Ланскаго: „можетъ ли онъ занять эти должности, при многосложности его занятій?" Ланской отвѣтилъ Орлову, что „почтетъ себя счастливымъ исполнять возлагаемыя на него новыя порученія". Тогда Государь изволилъ написать на вторичномъ докладѣ Орлова „съ удовольствіемъ согласенъ" (21 и 26 іюля 1848 г.). Спустя около года состоялось повелѣніе о томъ, чтобы Ланской постоянно замѣнялъ Президента, на время его отсутствія, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и Предсѣдателемъ обоихъ Комитетовъ (13 марта 1849 г.). Наконецъ права Товарища Президента присвоены были Предсѣдателю Петербургскаго Комитета и литерою а, пункта 5, Устава 1851 г. Ланской продолжалъ предсѣдательствовать въ Комитетахъ и нерѣдко исправлять должность Президента до 1855 г. включительно. *Ланской* вступилъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ

дѣлъ, а Орловъ отказался отъ президентства. Тогда Ланской и испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на „причисленіе Общества къ этому министерству, съ присвоеніемъ Министру званія Президента Общества“ и съ сохраненіемъ за послѣднимъ всѣхъ его прерогативъ, Уставомъ предусмотрѣнныхъ (26 августа 1855 г.), такъ какъ Общество по тюремной части имѣло много общаго съ вѣдомствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Въ подкрѣпленіе мысли, что Общество, до самаго причисленія его къ Министерству, пользовалось еще, за прежнюю службу, хорошею репутаціею, сошлемся, увы! на послѣдній Всемилостивѣйшій рескриптъ, пожалованный Ланскому, какъ Президенту. Въ этомъ рескриптѣ было выражено, что „усмотрѣвъ изъ отчета Общества за 1855 г.; что труды онаго сопровождались желательными успѣхами,—поручаю вамъ объявить особенное Мое благоволеніе: Вице-Президентамъ, деректорамъ, директриссамъ и членамъ Комитетовъ (9 августа 1856 г.).

Безспорно, разумѣется, что причисленіе Общества къ Министерству, Ланской оправдывалъ надеждою принести Обществу, своими знаніями и властію, — дальнѣйшую пользу, какую онъ видѣлъ отъ него Государству, въ продолжительную свою бытность тюремнымъ собственно дѣятелемъ. Справедливость нашего вывода *) подкрѣпляется и началомъ отчета Общества за 1857 г.

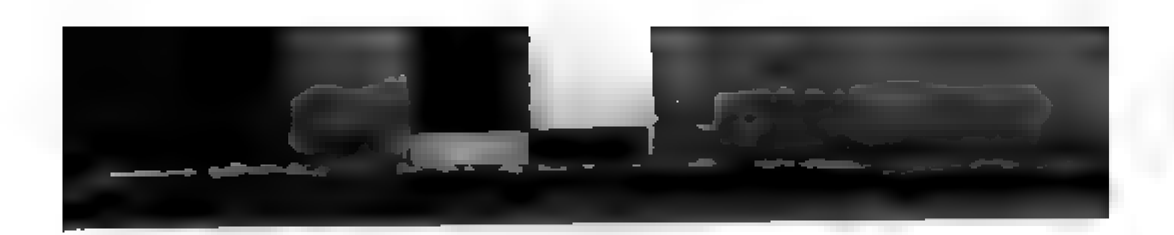
---

*) Этому и еще кое-чему рѣшительно не вѣритъ одинъ изъ профановъ, г. Тальбергъ, изучавшій, въ 1878 г., въ Петербургѣ, тюремный вопросъ посѣщеніемъ здѣшнихъ мѣстъ заключенія, да полученіемъ отъ Ѳ. Н. Смирнаго различныхъ рукописныхъ и печатныхъ матеріаловъ. И вотъ, чтобы угодить „родному человѣчку“, г. Фойницкому, онъ, г. Тальбергъ, подъ предлогомъ „восполнить въ литературѣ пробѣлъ“ о 60-лѣтней дѣятельности Общества, помѣстилъ, въ журналѣ „Гражданское и Уголовное право“, за Сентябрь — Декабрь 1878 г., статейку (58 страницъ), подъ заглавіемъ „Общество Попечительное о тюрьмахъ“. Пробѣлъ онъ такъ и оставилъ пробѣломъ, ибо всю статейку скомпилировалъ изъ длинныхъ и краткихъ отрывковъ изъ неизданной работы Н. Л. Ломана, изъ нѣсколькихъ, случайно ему попавшихся, печатныхъ годовыхъ отчетовъ Общества, изъ свода мнѣній Губернаторовъ о Комитетахъ, изъ перечня громкихъ

[redacted]

„Соединеніе двухъ управленій подъ однимъ начальствомъ, въ лицѣ Министра внутреннихъ дѣлъ, гласитъ отчетъ, *должно было принести значительную пользу дѣлу попеченія объ арестантахъ и улучшенію мѣстъ заключенія;* потому что Общество, лично наблюдая, чрезъ своихъ членовъ, за тюрьмами, могло указывать Министерству на многія необходимыя исправленія, улучшенія и недостатки въ тюрьмахъ. Такое взаимное дѣйствіе Общества и Министерства, слившееся въ одномъ главномъ управленіи, *много способствовало къ открытію* настоящаго положенія тюремъ и содержащихся въ нихъ арестантовъ: оно открыло, что тюрьмы, большею частію, ветхи, сыры, построены на неудобныхъ низменныхъ мѣстахъ и несообразны съ числомъ содержащихся; пища крайне непитательна, вслѣдствіе назначенія кормовыхъ денегъ только на хлѣбъ и крупу. Отсюда происходитъ то, что арестанты, по тѣснотѣ тюремъ, не только не могутъ быть заняты работами и чрезъ то укрѣплять свои силы,—но не вездѣ даже размѣщаются по родамъ преступленій, что имѣетъ крайне вредное вліяніе на молодыхъ, неопытныхъ арестантовъ; далѣе, болѣзни и самая смертность между заключенными также весьма значительны, представляя цифру, по средней сложности послѣднихъ трехъ лѣтъ, одного больнаго изъ шести здоровыхъ и одного умершаго изъ 16 больныхъ. И какъ не быть значительному числу больныхъ и умершихъ? Дурное устройство и тѣснота тюремъ, пища безъ мяса (если нѣтъ пожертвованнаго или отпущеннаго отъ тюремныхъ Комитетовъ)—непитательна; почти постоянное бездѣйствіе и медленное, томительное для арестантовъ производство дѣлъ объ

именъ Говарда, Токвиля, Гольцендорфа и проч.; изъ пропаганды учрежденія во всѣхъ Университетахъ кафедръ тюрмовѣдѣнія, изъ восхваленія дѣйствій г. Фойницкаго въ Комитетѣ, изъ порицанія Комитетовъ вообще и здѣшняго въ особенности, наконецъ, изъ полемики лично съ нами и изъ непристойныхъ упрековъ и клеветы противъ насъ,—все за то, что мы были въ Комитетѣ единственнымъ изобличителемъ „легкомыслія и стремительности характера" г. Фойницкаго, безцеремонно оправдывавшаго произвольное растранжиреніе суммъ. Мы дали г. Тальбергу отвѣтъ (№ 91 „Новости" 1879 г.). Въ означенной же статейкѣ Г. Тальбергъ, между прочимъ, сомнѣвался въ томъ, дѣйствительно ли а) Комитетъ нищихъ родился и выросъ изъ тюремнаго Комитета и призрѣвалъ выпущенныхъ изъ тюремъ; б) были ли въ тюрьмахъ, въ старину, мастерскія; в) ходатайствовалъ ли Ланской о причисленіи Общества къ Министерству, чтобы не разстаться съ тюремною дѣятельностію. Всѣ эти сомнѣнія, какъ читатели видѣли выше, ничто иное, какъ плодъ неразумѣнія г. Тальбергомъ дѣла. Но онъ пошелъ за предѣлы непозволительнаго для самаго даже простѣйшаго изъ *смертныхъ*. Именно, восхваляя г. Фойницкаго,—онъ, по отношенію къ [illegible]

ниха;—все это вмѣстѣ, причиняя застой въ организаціи, дѣлаетъ арестанта вялымъ, и скоро неспособнымъ ни къ какимъ упражненіямъ. Это же самое порождаетъ между заключенными болѣзни, преимущественно цынгу, особенно въ сѣверныхъ полосахъ Россіи; а содержаніе арестантовъ, безъ раздѣленія по преступленіямъ, значительно замедляетъ и запутываетъ судопроизводство, ибо и самый неопытный арестантъ, брошенный въ толпу опытныхъ негодяевъ,—скоро научается отъ нихъ изворотливому искусству, дать дѣлу своему направленіе, согласное его видамъ.

Со стороны Комитетовъ и Отдѣленій хотя и принимаются къ улучшенію положенія тюремъ и арестантовъ возможныя мѣры, смотря по степени усердія Членовъ; но причины, препятствующія къ отстраненію всѣхъ поименованныхъ недостатковъ, не всегда и не вездѣ зависятъ отъ Общества: *нужны значительныя единовременныя пожертвованія на устройство тюремъ*, сообразно съ числомъ и потребностями арестантовъ, и постоянныя на улучшеніе ихъ пищи для иного приварка. Отъ недостатка назначенія кормовыхъ денегъ особенно страдаютъ пересыльные арестанты, которые получаютъ, на основаніи 258 ст. т. XIV, уст. содерж. подъ страж., изд. 1857 г., по $3^{1}/_{2}$ коп. сер. въ сутки,—количество, на которое въ иныхъ губерніяхъ нельзя купить и фунта хлѣба. Это также одна изъ причинъ, увеличивающихъ въ тюрьмахъ число больныхъ и умершихъ; ибо пересыльные арестанты, страдая въ пути отъ недостатка, даже лишенія пищи,—являются въ тюрьмы, на трактѣ ихъ слѣдованія, крайне изнуренными и часто больными.

нимъ арестованнымъ изложилъ, что „широкая точка зрѣнія *не доступна пониманію* Комитета, а постановка въ немъ вопроса о малолѣтнихъ—противорѣчитъ общественнымъ интересамъ и выводамъ науки", тогда какъ обозрѣвъ, 8 мая 1878 г., это самое отдѣленіе малолѣтнихъ, онъ собственноручно написалъ въ книгѣ для замѣчаній посѣтителей: „засталъ мальчиковъ за работою въ мастерскихъ. Воздухъ *прекрасный*. Школа устроена, какъ видно, *очень хорошо*, съ *новѣйшими приспособленіями* для успѣха *наглядного обученія*. Вообще впечатлѣніе *самое благопріятное*, свидѣтельствующее о вниманіи и заботливости лицъ, завѣдывающихъ отдѣленіемъ". А завѣдывалъ этимъ отдѣленіемъ только Комитетъ, въ лицѣ нѣсколькихъ Директоровъ. „Отдѣльныя" далѣе Комитеты, г. Тальбергъ говорилъ, что „въ нихъ преобладаетъ *темный* элементъ людей *безъ всякаго образованія*, склонныхъ злоупотреблять властью, давать ее чувствовать подчиненнымъ и заключеннымъ; за границею тюремныя науки и практика идутъ рука объ руку, а у насъ онѣ не имѣютъ ничего общаго, *благодаря составу* Комитетовъ, изъ которыхъ *все образованное бѣжитъ, отряхая прахъ съ ногъ своихъ*". Осмотрѣвъ тюремный замокъ, онъ же, 11 мая 1878 г., въ книгѣ замѣча-

[redacted]

Всѣ вышеизложенные недостатки находятся теперь въ виду Министерства внутреннихъ дѣлъ; объ отстраненіи нѣкоторыхъ изъ нихъ приняты мѣры, о другихъ дѣлаются соображенія, а со стороны Общества тюрьмы поддерживаются посредствомъ исправленій; пища улучшается, арестанты, гдѣ только возможно, занимаются работами и такимъ образомъ Общество старается дѣлать все то, что можетъ улучшить положеніе тюремъ и ускорить производство дѣлъ".

Миновало еще года полтора и практика разрушила всѣ иллюзіи Ланскаго, наглядно показавъ, что сліяніе Общества съ Министерствомъ, въ дополненіе къ измѣненіямъ, сдѣланнымъ 7 ноября 1851 г. въ Уставѣ Общества, причинило ему весьма чувствительный, даже непоправимый ущербъ. Отчеты Общества, какъ состоящаго съ его основанія „подъ особымъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества", ежегодно, съ 1820 г., печатались во всеобщее свѣдѣніе, подносились на Высочайшее возврѣніе, постоянно удостоивались одобренія, а часто передавались и на обсужденіе особыхъ, изъ членовъ Государственнаго Совѣта, коммиссій, для уясненія степени удовлетворительности заботъ и трудовъ Общества. И вотъ, коммиссія, разсматривавшая, въ 1859 г., отчетъ Общества за 1858 г., замѣтила, что Общество уже „не довольно успѣшно развиваетъ свои дѣйствія", и, поэтому, она „сочла нужнымъ принять мѣры къ его оживленію".

ній изобразилъ ,,*изъ всѣхъ видѣнныхъ мною тюремъ* въ Россіи *замокъ произвелъ на меня самое благопріятное впечатлѣніе.* Арестанты заняты работами, въ больницѣ воздухъ *прекрасный, большой порядокъ и чистота.* Женское отдѣленіе свидѣтельствуетъ о большой заботливости и вниманіи лицъ, имъ завѣдывающихъ; всѣ арестантки заняты работою; повсюду *чистота безукоризненная. Посѣтитель невольно забываетъ, что онъ въ тюрьмѣ* — мѣстѣ заключенія. Въ заключеніе не могу не выразить, вторично, того *благопріятнаго впечатлѣнія*, которое *производитъ* тюрьма *во всѣхъ отношеніяхъ*". Подъ этою аттестаціею, какъ и подъ предъидущею, онъ подписался ,,Магистрантъ по кафедрѣ Уголовнаго Права Кіевскаго Университета Дмитрій Тальбергъ". Замкомъ, прибавимъ, завѣдывали и продолжаютъ завѣдывать, во всѣхъ отношеніяхъ, Комитеты же мужской и дамскій, которые сей же г. Тальбергъ чрезъ 3 — 4 мѣсяца спустя печатно съ грязью смѣшивалъ. Достоинъ ли такой поступокъ ,,Магистранта Уголовнаго Права",—предоставляемъ разсудить самимъ читателямъ.

Проще говоря, Комиссія констатировала фактъ, что *обязательное* назначеніе въ Комитеты, согласно поправкамъ Устава 1851 г., Губернаторовъ — Предсѣдателями, а Вице-Губернаторовъ, Прокуроровъ, Предсѣдателей Губернскихъ Палатъ и Полиціймейстеровъ — Директорами и подчиненіе всего Общества административнымъ властямъ, вѣдающимъ тюремную часть съ административно-полицейской стороны,—въ короткій промежутокъ времени успѣли окончательно парализировать и безъ того уже поколебавшееся значеніе тюремной филантропіи.

Расположеніе Ланского къ этой филантропіи и безпристрастіе побудили его сознаться въ своемъ, конечно, непредвидѣнномъ заблужденіи. Онъ безотлагательно заготовилъ докладъ о „необходимости дать Обществу такое направленіе, которое вело-бы его къ болѣе быстрому достиженію предначертанной для него цѣли, весьма важной для нравственнаго состоянія народа". Существенный недостатокъ Общества заключался, какъ излагалось въ докладѣ, въ томъ, что: а) „казна не даетъ самыхъ даже необходимыхъ матеріальныхъ средствъ на устройство, исправленіе и содержаніе тюремъ, ихъ церковныхъ причтовъ, экономовъ, бухгалтеровъ, секретарей, надзирателей, на постели, мясо, соль, перецъ и т. под.", а ограничивается „скуднымъ отпускомъ денегъ лишь на 2½ фун. муки въ сутки и по 1½ гарнца крупы въ мѣсяцъ на человѣка", б) тюремные Комитеты „состоятъ изъ *обязательныхъ*: Предсѣдателей—Губернаторовъ *), а членовъ—Вице-Губернаторовъ, Предводителей дворянства, Предсѣдателей мѣстныхъ Палатъ, городскихъ головъ, инспекторовъ врачебныхъ управъ и полиціймейстеровъ, которые, будучи обременены своими служебными обязанностями, вознаграждающимися

---

*) Въ Петербургскомъ и Московскомъ Комитетахъ, пользующихся, съ ихъ основанія, исключительными привиллегіями, Предсѣдателями всегда назначались постороннія лица. Петербургскій Комитетъ, какъ представитель остальныхъ, освобожденъ даже отъ ревизіи и общаго контроля. Этихъ двухъ Комитетовъ, которыми Ланской былъ доволенъ, онъ въ докладѣ не касается.

[redacted]

различными правами, преимуществами и отличіями", относятся къ комитетскимъ обязанностямъ „безъ всякаго вниманія, рѣдко заглядываютъ въ тюрьмы, не въ состояніи, въ засѣданіяхъ комитетовъ, контролировать свои собственныя, относительно арестантской части, упущенія по занимаемымъ ими служебнымъ должностямъ, и потому объ этихъ упущеніяхъ въ Комитетахъ не бываетъ и рѣчи"; в) остальные „добровольные члены-Директори, изъ не служащихъ лицъ, не выказываютъ должнаго рвенія потому, что не видятъ примѣровъ, достойныхъ подражанія со стороны обязательныхъ представителей Комитетовъ, начиная съ Губернаторовъ, находятся подъ ихъ давленіемъ, и труды ихъ ничѣмъ не поощряются".

Очертивъ причины „не довольно успѣшнаго развитія Обществомъ своихъ дѣйствій", Ланской находилъ возможнымъ устранить ихъ преобразованіемъ Общества слѣдующимъ способомъ: а) „Предсѣдателямъ и Директорамъ Комитетовъ и отдѣленій предоставить служебныя права, безъ жалованья; б) опредѣлять кандидатовъ въ Директоры, безъ правъ службы; в) секретарей и другихъ лицъ, составляющихъ канцеляріи Комитетовъ, назначать съ правами государственной службы и съ содержаніемъ изъ государственнаго казначейства; г) всѣхъ представителей губернскихъ и уѣздныхъ управленій, которые по своимъ служебнымъ обязанностямъ должны заботиться о ходѣ арестантскихъ дѣлъ,—*отстранить* отъ участія въ Комитетахъ и, тѣмъ самымъ открыть послѣднимъ просторъ къ контролированію личныхъ дѣйствій названныхъ оффиціальныхъ лицъ; д) званіе предсѣдателей Комитетовъ и отдѣленій предоставлять лицамъ, не служащимъ, но пользующимся, среди мѣстныхъ населеній, уваженіемъ. Комитетамъ же присвоить права: е) ходатайствовать о награжденіи тѣхъ изъ ихъ дѣятелей, которые принесутъ значительную пользу своими личными трудами и пожертвованіями; ж) приглашать въ свои засѣданія, когда встрѣтятъ надобность, *въ губернскихъ* городахъ—Губернаторовъ и Архіереевъ, а въ

уѣздныхъ—городничихъ и благочинныхъ; з) предъявлять Губернаторамъ, для прочтенія, выписки изъ комитетскихъ постановленій, въ которыхъ заключаются *особыя* распоряженія о порядкахъ въ тюрьмахъ, о содержаніи арестантовъ, о ходѣ ихъ дѣлъ или о лицахъ, при тюрьмахъ служащихъ, — наконецъ и) отпускать Комитетамъ ежегодно изъ казны по 122.000 руб. на содержаніе канцелярій и чиновниковъ ихъ вѣдомствъ".

Установивъ приведенные 9 пунктовъ, докладъ прибавляетъ, что „только при такихъ измѣненіяхъ, дающихъ возможность Комитетамъ и отдѣленіямъ дѣйствовать не *подъ вліяніемъ* и въ присутствіи оффиціальныхъ лицъ, отвѣтствующихъ за упущеніе въ тюрьмахъ,—можно ожидать значительной пользы отъ дѣятельности Общества и остановить порчу нравовъ, истекающую изъ тюремъ, *набитыхъ* арестантами, а все это неминуемо поведетъ къ улучшенію народнаго быта". Въ этомъ же докладѣ отмѣчены, въ защиту Общества, и неотъемлемыя его заслуги, выразившіяся въ томъ, что оно, гдѣ и какъ могло, „устроило, приспособило зданія, церкви, правильно размѣщаетъ арестантовъ, уничтожило, среди нихъ, вредную торговлю спиртными напитками и другими запрещенными предметами, удовлетворительно кормитъ и одѣваетъ арестантовъ, ввело правильный учетъ кормовыхъ денегъ, чѣмъ искоренило злоупотребленія смотрителей, вездѣ прежде получавшихъ лишнія, противъ численности арестантовъ, суммы; занимаетъ заключенныхъ ремеслами, водворило порядокъ свиданіи ихъ съ родственниками; издерживаетъ на содержаніе однихъ *только* служащихъ при тюрьмахъ, изъ частныхъ своихъ средствъ, до 200,000 р. въ годъ *) и т. д.", словомъ, принесло посильную и неоспоримую пользу правительству и гражданамъ.

---

*) Добытый нами списокъ доклада, мы давали, для прочтенія, Ѳ. Н. Смирному, а онъ Г. Тальбергу, который помѣстилъ его въ своей статейкѣ за собственный матеріалъ.

[redacted]

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что еслибъ С. С. Ланской располагалъ дальше временемъ и обстоятельствами, цитированный нами докладъ—навѣрное получилъ бы законодательную санкцію, и, мы бы теперь, можетъ быть, не нуждались въ *сочиненіи* тюремной реформы,—но судьба распорядилась иначе: Ланской, углубившись въ созданіе болѣе настоятельной—крестьянской реформы,—по ея осуществленіи, въ 1861 г., оставилъ министерство, вмѣстѣ съ нимъ и президентство, а увѣнчанный земною славою,—сошелъ въ могилу, не успѣвъ поддержать честь и достоинство Попечительнаго Общества о тюрьмахъ, дѣятельности котораго онъ искренно сочувствовалъ. Это сочувствіе вотъ еще чѣмъ подкрѣпляется. Тотчасъ послѣ назначенія его въ члены Государственнаго Совѣта, члены Петербургскаго тюремнаго Комитета, заявили, что „прослужа 13 лѣтъ подъ начальствомъ Ланскаго, желали бы сохранить его, въ качествѣ полезнаго и опытнаго руководителя“, а потому просили разрѣщенія „на присвоеніе ему званія почетнаго президента“. На это онъ, изъ заграницы, отозвался, что „въ Обществѣ Почетнаго Президента не положено,“ да и едва ли такое званіе совмѣстно съ прямою цѣлію учрежденія, требующею отъ членовъ благотворительной дѣятельности, а не стремленіе къ почестямъ“. Далѣе онъ призналъ неумѣстнымъ, чтобы „члены, большею частію лица должностныя,—приняли иниціативу въ дѣлѣ, которое не прямо касается ихъ обязанности“, а въ заключеніе пояснилъ, что „оставаясь членомъ Общества, я столько же могу содѣйствовать ему, какъ и въ званіи почетнаго Президента, и, конечно вмѣню себѣ въ пріятную обязанность это исполнить“ (30 августа 1861 г.).

Крестьянская реформа, разрушившая всю русскую патріархальную экономическую жизнь, неблагопріятно отозвалась и на дѣятельности Общества: многіе члены, владѣвшіе крестьянами, *удалялись*, изъ Комитетовъ, приводить въ порядокъ свои имѣ-

нія, да для занятія въ уѣздныхъ, губернскихъ и столичныхъ коммиссіяхъ. Ланской, правда, поставилъ на видъ Комитетамъ „невнимательность нѣкоторыхъ изъ нихъ къ христіанскому попеченію о заключенныхъ“ (27 ноября 1859 г.), но это замѣчаніе уже не подѣйствовало, потому что во 1-хъ, личные интересы каждому становились дороже общественныхъ, а во 2-хъ, представители Комитетовъ, вслѣдствіе указанныхъ выше обстоятельствъ, видѣли какъ мудрено приносить осязательную пользу дѣлу, когда противъ него выросли разныя преграды. Мало того: даже продолжавшіе тюремную деятельность, мужественно предпочитали наложить на себя руку, нежели находиться въ пассивномъ положеніи. Примѣръ подалъ Петербургскій Комитетъ.

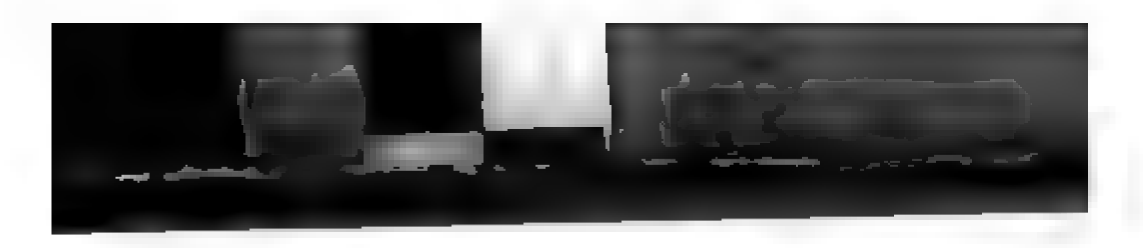
„Желая, по возможности, удовлетворительнѣе исполнять свои обязанности, Комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что хотя по списку число Вице-Президентовъ и Директоровъ значительно, но одни изъ нихъ,—обязательно носящіе это званіе по должностямъ — не имѣютъ свободнаго времени для занятій по Комитету; другіе, по собственному желанію поступившіе въ Комитетъ, но отвлеченные посторонними занятіями, полагаютъ, что заплативъ 15 р.—вполнѣ исполнили свои обязанности по Комитету. Между тѣмъ дѣятельность Комитета требуетъ отъ членовъ большаго усердія и полнаго сознанія обязанностей Комитета, носящаго названіе *Попечительнаго*. Не говоря уже о всѣхъ предметахъ вѣдомства Комитета, одинъ только замокъ заключаетъ въ себѣ, среднимъ числомъ, 800 арестантовъ, о которыхъ слѣдуетъ пещись. Если же прибавить медленность производства слѣдствій, по которымъ арестанты содержатся по нѣсколько лѣтъ, продолжительность судопроизводства и многочисленность, въ столицѣ, мѣстъ и лицъ, за которыми числятся заключенные, то получится убѣжденіе въ невозможности не только одному, но даже тремъ-четыремъ успѣшно ходатайствовать о скорѣйшемъ окончаніи дѣлъ арестантовъ, по долгу содержащихся въ заключеніи. Правильное управленіе хозяйствомъ требуетъ весьма близкаго надзора; наконецъ, наблюденіе за многими другими мѣстами заключенія, при точномъ исполненіи различныхъ правилъ, — все это должно принести существенную пользу государству. Комитету возможно бы, для достиженія цѣли своего учрежденія, сдѣлать отчетливое распредѣленіе своихъ занятій между членами, но для этого онъ

[redacted]

считалъ бы нужнымъ сдѣлать измѣненія, которыя, будучи противны Уставу,—превышаютъ его власть, а потому онъ опредѣлилъ представить, на благоусмотрѣніе Президента, слѣдующіе пункты.

1) Званіе Вице-Президента и Директоровъ замѣнить званіемъ членовъ, съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ нихъ былъ Предсѣдателемъ Комитета; а въ случаѣ болѣзни или отсутствія Предсѣдателя, мѣсто его занималъ бы другой членъ, по *избранію* Комитета, вслѣдствіе предложенія о томъ Предсѣдателя. Утвержденіе членовъ и Предсѣдателя Комитета въ званіяхъ, равно и права ихъ—оставить на основаніи правилъ, изложенныхъ въ Уставѣ. Существующее раздѣленіе членовъ на Вице-Президентовъ и Директоровъ дѣлаетъ между ними разграниченіе, въ дѣйствительности не имѣющее основанія: при сужденіи о дѣлахъ—всѣ имѣютъ равныя права, при занятіяхъ—одинаковыя обязанности, а потому нѣтъ причины сохранять различіе, не приносящее пользы, но только *разъединяющее* между собою лицъ, дѣйствующихъ одинаково на одномъ и томъ же поприщѣ. Званіе Вице-Президента имѣетъ особенное значеніе только въ случаѣ болѣзни или отсутствія предсѣдательствующаго: мѣсто его, по Уставу, заступаетъ другой Вице-Президентъ, но при этомъ нерѣдко встрѣчается большое затрудненіе, ибо число Вице-Президентовъ довольно ограниченное, одни изъ нихъ по занимаемымъ важнымъ государственнымъ должностямъ, а другіе по отсутствію—не имѣютъ возможности замѣнять предсѣдательствующаго; Комитетъ же, не будучи вправѣ поручить этой должности никому изъ Директоровъ,—находится почти въ невозможности исполнить Уставъ.

2) Обязательное соединеніе званія члена Комитета съ исчисленными въ Уставѣ должностями государственной службы отмѣнить; равнымъ образомъ отмѣнить и ограниченіе числа Членовъ въ столицѣ, а допустить, по *усмотрѣнію* Комитета, неопредѣленное число Членовъ. Въ губернскихъ городахъ, а тѣмъ болѣе въ уѣздныхъ, при малочисленности общества—соединеніе званія Члена Комитета съ служебною должностію, быть можетъ и въ состояніи принести извѣстную пользу; но въ Столицахъ, гдѣ по многолюдности жителей занятія служащихъ гораздо многосложнѣе и гдѣ болѣе можно надѣяться встрѣтить людей свободныхъ отъ занятій, или желающихъ удѣлить часть своего времени на дѣло полезное,—не оказывается нужды требовать отъ кого бы то ни было обязательнаго занятія по дѣлу, за которое не полагается ни жалованья, ни поощреній самолюбія,—можно почти навѣрно ручаться, что лицо, дѣйствовавшее не по собственному жела-

нію,—будетъ исполнять возложенную на него обязанность весьма холодно, а потому и безъ всякой пользы для самаго дѣла.

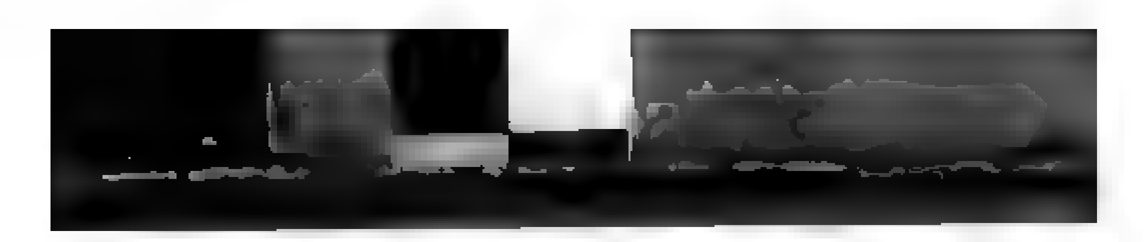
3) Членовъ Комитета раздѣлять на: а) Членовъ-благотворителей: б) дѣйствительныхъ Членовъ и в) почетныхъ Членовъ. Желающіе служить въ званіи Членовъ благотворителей обязаны вносить, для усиленія средствъ Комитета, не менѣе 100 руб. ежегодно, затѣмъ они освобождаются отъ всякаго занятія по дѣламъ Комитета и могутъ принимать участіе въ его засѣданіяхъ по собственному усмотрѣнію. Желающіе носить званіе дѣйствительныхъ Членовъ, обязаны личною дѣятельностію и трудами участвовать въ занятіяхъ и засѣданіяхъ Комитета и не вправѣ отказываться отъ завѣдыванія одною изъ частей управленія или надзора, возлагаемой на нихъ Комитетомъ, но освобождаются отъ всякаго обязательнаго ежегоднаго денежнаго взноса въ Комитетъ. Въ званіе почетныхъ Членовъ избираются Комитетомъ, лица, занимающія высшія государственныя должности и могущія, своимъ вліяніемъ, оказывать содѣйствія Комитету, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствія Комитета соприкосновенны къ кругу ихъ служебной дѣятельности, а также благотворители, заслужившіе своими особенными и исключительными пожертвованіями или заслугами благодарность Комитета. Раздѣленіемъ Членовъ на Членовъ-благотворителей и дѣйствительныхъ Членовъ, будетъ возможно точно опредѣлить какого рода участіе они могутъ принять въ дѣлахъ Комитета: денежнымъ ли ежегоднымъ пожертвованіемъ, или личнымъ трудомъ. Тогда Комитетъ пріобрѣтетъ дѣйствительныхъ сотрудниковъ, въ предѣлахъ взятыхъ ими добровольно на себя обязанностей. Наконецъ, нѣтъ причины не дозволять Членамъ, по измѣнившимся обстоятельствамъ, переходить изъ благотворительныхъ въ дѣйствительные Члены и на оборотъ, а потому слѣдуетъ сохранить Комитету право за нежеланіе заниматься или дѣлать взносы—исключать Членовъ изъ состава Комитета.

4) По тѣмъ же уваженіямъ, по которымъ допускается избраніе Казначеевъ-Директоровъ, преимущественно изъ купеческаго званія, съ освобожденіемъ ихъ отъ службы по выборамъ и предоставляется право возлагать обязанность Секретаря губернскаго Комитета на одного изъ Директоровъ безвозмездно,—желательно было бы, что бы это право предоставлено было Комитету и относительно выбора Эконома, для завѣдыванія тюремнымъ хозяйствомъ, съ поясненіемъ, что бы избранный въ Экономы безвозмездно,—пользовался бы, въ тоже время, наравнѣ съ прочими, званіемъ Члена Общества и при томъ, если избранный въ эту должность принадлежитъ къ купеческому званію, что бы онъ считался въ службѣ по выборамъ,

если же, напротивъ того, въ Экономы приглашено будетъ постороннее лицо съ жалованьемъ изъ суммъ Комитета, то чтобы Экономъ не имѣлъ права быть Членомъ Комитета". (21 Ноября 1861 г.).

Изъ изложеннаго нами, вкратцѣ, журнала, читатели усмотрѣли, разумѣется, что Комитетъ, ради общаго блага, ни чуть не щадилъ себя, а откровенно показывалъ свои недостатки, привившіяся къ нему, вслѣдствіе преобразованія его въ смѣшанное полуказенное и полуфилантропическое учрежденіе, наполнившееся съ одной стороны — вольными филантропами, а съ другой стороны—обязательными чиновниками. Представленіе Комитета о его желаніи сдѣлаться: въ своей средѣ—равными, а въ тюрьмахъ,— дѣйствительнымъ *общественнымъ* элементомъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова—было отвергнуто. А такъ какъ расшатывавшееся положеніе Комитетовъ было очевидно, то разсчитывали укрѣпить ихъ простымъ циркуляромъ, чтобы „всѣ директоры непремѣнно занимались"; чтобы „представлять въ директоры не иначе, какъ по вакансіи" и чтобы „старались имѣть комплектъ", уставомъ предусмотрѣнный (18 октября 1862 г.). Впрочемъ и это слишкомъ слабое средство поспѣшили уничтожить, внушеніемъ административнымъ властямъ и самимъ Комитетамъ, что существованію послѣднихъ не придаютъ серьезнаго значенія.

Распредѣленіе арестантовъ въ камерахъ по категоріямъ преступленій, какъ по правиламъ 1819 г., такъ и по Уставу 1851 г., составляло одинъ изъ коренныхъ предметовъ вѣдомства Комитета. Тѣмъ не менѣе сдѣлать это было предписано Оберъ-Полиціймейстеру (циркуляръ 28 ноября 1861 г. № 135), а онъ, организовавъ для этого коммиссію, просилъ Комитетъ назначить въ нее члена. Комитетъ отозвался, что „всѣ вопросы его вѣдомства обсуждаются и разрѣшаются коллегіально, отчего мнѣніе одного никакого значенія не имѣетъ", а потому и назначать члена въ создаваемую, не правильно, Коммиссію „считаетъ излишнимъ". Отвѣтъ этотъ дошелъ до Президента и онъ при-

зналъ Комитетъ правилъ. Это однакожъ не помѣшало полиціи распредѣлить арестантовъ по своему усмотрѣнію, помимо Комитета.

Вторженіе въ сферу дѣятельности Комитета пошло еще дальше. Такъ, Оберъ-Полиціймейстеръ сообщилъ Комитету, что Генералъ-Губернаторъ, осмотрѣвъ замокъ „призналъ полезнымъ имѣть надъ постелями арестантовъ *надписи*, съ объясненіемъ: именъ, фамилій, рода преступленій и времени заарестованія каждаго изъ нихъ“, а потому предлагалъ Комитету изготовить нужныя досчечки, матеріалъ для писанія и денегъ на уплату за работу. Князь Г. А. Щербатовъ отвѣтилъ Оберъ-Полиціймейстеру, что исполненіе желанія Генералъ-Губернатора „не входитъ въ составъ обязанностей Комитета, а касается полицейскаго управленія, находящагося въ полномъ распоряженіи его и городской думы“; которая „хотя и отпускаетъ Комитету деньги на расходы по замку, но каждая сумма имѣетъ свое опредѣленное назначеніе; на непредвидимыя же статьи, какъ доски и писаніе ихъ въ отпускахъ не заключается“, отчего Комитетъ и „непричастенъ къ настоящему вопросу“. Кромѣ того „до всѣмъ дѣламъ, до Комитета касающимся, съ нимъ сносятся—самъ Генералъ-Губернаторъ или Президентъ Общества“. Отвѣтъ этотъ единогласно одобрилъ и Комитетъ (20-го ноября и 2-го декабря 1861 г.).

Послѣ такихъ категорическихъ отвѣтовъ, дѣлавшихся, своевременно, извѣстными всѣмъ властямъ, — слѣдовало бы, казалось, возвратиться къ порядку, закономъ установленному, но не тутъ-то было: игнорированіе Комитета, опиравшагося на законъ, стало уже обыкновеннымъ явленіемъ. На намѣченное „введеніе новой тюремной системы“—воспослѣдовало мнѣніе Государственнаго Совѣта (12 августа 1862 г.). Объ этомъ оповѣстили столичныя и губернскія администраціи циркуляромъ, которымъ обошли Комитеты, ближе всѣхъ заинтересованные улучшеніемъ тюремъ исключительно съ моральной стороны, ибо матеріальна

[redacted]

Комитеты ни отъ какой реформы рѣшительно ничего не прогадывали. И вотъ, тотъ же Оберъ-Полицiймейстеръ сообщилъ Комитету, что

признано необходимымъ приступить ко всестороннему изслѣдованiю устройства мѣстъ заключенiя на началахъ единообразныхъ и соотвѣтствующихъ настоящему времени и способамъ Государства, а потому ему поручено собрать свѣдѣнiя о томъ, во что обошлось содержанiе столичныхъ арестантовъ въ 1857—1859 годахъ, съ указанными, въ особой формѣ, подраздѣленiями, и изъ какихъ суммъ покрыты расходы. Такъ какъ арестанты столицы продовольствовались Комитетомъ, то Оберъ-Полицiймейстеръ и проситъ доставить ему требуемыя свѣдѣнiя за каждый годъ порознь. Комитетъ усмотрѣвъ изъ бумаги, что ,,свѣдѣнiя собираются для представленiя Министру внутреннихъ дѣлъ, Президенту Общества,— призналъ болѣе удобнымъ предоставить ихъ прямо отъ себя, Президенту, ибо въ числѣ ихъ заключаются и такiя, которыя относятся собственно къ суммамъ и дѣйствiямъ Комитета, подлежащимъ единственному свѣдѣнiю Президента".

Далѣе Оберъ-Полицiймейстеръ, со словъ другаго циркуляра разъяснилъ Комитету, что спрашивается:

на сколько человѣкъ устроены мѣста заключенiя, сколько въ дѣйствительности содержалось людей въ 1857—1858 годахъ, изобразить состоянiе сихъ учрежденiй, степень ихъ неудовлетворительности, происходящихъ въ ихъ неустройствъ, мѣры, какiя могли бы быть приняты къ отвращенiю недостатковъ на будущее время; указать, существуютъ ли въ нихъ мастерскiя, какiя именно, а если нѣтъ — почему; имѣются ли способы при настоящемъ существованiи мѣстъ заключенiя, къ устройству ихъ, а также, могутъ ли, въ случаѣ закрытiя смирительныхъ и рабочихъ домовъ, осужденные къ содержанiю въ нихъ люди быть размѣщены въ тюрьмахъ и подвергнуты принудительнымъ, въ нихъ, работамъ отдѣльно отъ прочихъ арестантовъ, или же съ уничтоженiемъ заведенiй, встрѣтится потребность въ устройствѣ новыхъ исправительныхъ заведенiй и какiя имѣются къ тому средства. Независимо сего поручено возложить на опытнѣйшихъ чиновниковъ специальное изслѣдованiе этого важнаго предмета, для извлеченiя на мѣстахъ полезныхъ практическихъ выводовъ, могущихъ наиболѣе содѣйствовать обстоятельному рѣшенiю общаго вопроса, при этомъ обратить

ихъ вниманіе на изысканіе возможности, при настоящемъ устройствѣ тюремъ, отдѣленіе арестантовъ, отданныхъ уже подъ судъ, такъ какъ въ числѣ первыхъ могутъ быть люди вовсе невинные, изъ вторыхъ же оставляются подъ стражею только тѣ, кои навлекли на себя подозрѣніе въ совершеніи преступленій; наконецъ, обѣ эти категоріи арестантовъ содержать отдѣльно отъ высиживающихъ сроки. По важности предмета Оберъ-Полицiймейстеръ просилъ Комитетъ поручить кому либо изъ его Членовъ, какъ лицъ, спеціальныхъ въ дѣлѣ содержанія арестантовъ, заняться обсужденіемъ сего вопроса совмѣстно съ смотрителями тюремъ и о послѣдующемъ увѣдомить".

Комитетъ, сознавая всю необходимость кореннаго преобразованія мѣстъ заключенія,—нашелъ, что при столь обширной программѣ недостаточно занятій Смотрителей тюремъ, хотя бы и при содѣйствіи одного изъ Членовъ Комитета. Напротивъ, Смотрителя, по мнѣнію Комитета, могли бы быть только сотрудниками по доставкѣ матеріаловъ, долженствующихъ быть подвергнуты подробному обсужденію большаго числа *настоящихъ спеціалистовъ*, чѣмъ Смотрителя, а потому онъ призналъ неудобнымъ и безполезнымъ исполнить просьбу Оберъ-Полицiймейстера, о назначеніи одного изъ Членовъ въ сотрудники Смотрителямъ. Но, какъ поднятый, съ административной стороны, вопросъ о преобразованіи тюремъ, относится къ прямому кругу дѣйствій Комитета, то онъ счелъ необходимымъ самому заняться этимъ дѣломъ, независимо отъ Смотрителей и для составленія проэкта устройства мѣстъ заключенія, образовалъ коммиссію изъ Директоровъ: П. А. Зубова, Барона А. В. Фитингофа, П. В. Чебыкина, П. С. Лебедева, А. В. Никитина и Н. И. Гвоздово-Голенко (28 февраля и 12 марта 1861 г.).

О приведенныхъ постановленіяхъ, заключавшихъ въ себѣ совершенно легальный протестъ противъ отрицанія наличности Комитета и прямой его дѣятельности, а также противъ признанія спеціалистами Смотрителей и чиновниковъ,—онъ увѣдомилъ Оберъ-Полицiймейстера, а послѣдній куда слѣдовало. Не смотря на это—мнѣніе Комитета, непосредственно отъ него,—все-таки не спросили. А не довольствуясь разсказаннымъ умаленіемъ его значенія,—администрація поручила полицiймейстеру, полковнику Романовскому, произвести дознаніе

40\"

[redacted]

по доносу о безпорядкахъ, существовавшихъ будто бы въ замкѣ, и заключавшихся въ томъ, будто бы въ мужскомъ отдѣленіи была крайняя нечистота, отчего спертый воздухъ не могъ вредно не вліять на здоровье содержащихся; тѣснота же произошла вслѣдствіе временнаго перевода въ замокъ изъ ордонансъ-гауза 100—120 военныхъ арестантовъ, и до 100 чел., задержанныхъ безъ паспортовъ въ домѣ князя Вяземскаго; будто бы обѣды и ужины арестантовъ начинаются съ 11 часовъ утра и продолжаются до 9-ти час. вечера, почему при раннихъ сумеркахъ,—администрація лишена возможности бдительно надзирать за заключенными; будто бы камеры не запираются, или, по крайней мѣрѣ, ихъ не видно запертыми; а на вопросы объ этомъ—отвѣчають, что арестанты отправлены на кухню, въ столовую, въ баню, или рубить капусту. Смотритель замка Генералъ-Маіоръ Повало-Швейковскій отвергалъ доносъ, при этомъ, въ подкрѣпленіе своей правоты, ссылался на посѣщавшихъ замокъ, князя Г. А. Щербатова (въ недѣлю два раза постоянно) и Директоровъ, видѣвшихъ во всемъ порядокъ. Г. Романовскій, по ссылкѣ Смотрителя на Предсѣдателя и Членовъ Комитета и въ виду того, что „тюремное начальство, какъ онъ слышалъ, не успѣло вселить къ себѣ того уваженія въ заключенныхъ, какого бы слѣдовало ожидать",—просилъ Комитетъ сообщить ему отзывы Предсѣдательствующаго Вице-Претидента и Директоровъ, посѣщавшихъ замокъ по вышепомянутымъ предметамъ, т. е. звалъ ихъ въ свидѣтели для опроверженія или подтвержденія доноса.

Комитетъ отказался удовлетворить желаніе г. Романовскаго, такъ какъ „отзывъ нужно бы было отобрать отъ всего состава Комитета, а Вице-Президенты и Директоры, не подчиненные Комитету въ служебномъ порядкѣ. Комитетъ сообщилъ Генералъ-Губернатору, что Смотритель, г. Повало-Швейковскій, во все время нахожденія его въ этой должности,—посѣщавшими замокъ гг. Вице-Президентомъ и Директорами. никогда не былъ замѣчаемъ въ неисправности; ежели бы случилось противное, то Комитетъ, въ силу возложенной на него закономъ обязанности, своевременно увѣдомилъ бы объ этомъ Генералъ-Губернатора, для возстановленія порядка" (12 марта 1862 г.).

И ссылка Комитета на законъ уже не способствовала его спокойствію: объявленный тюремный вопросъ до такой степени дискредитировалъ значеніе Комитета, что онъ лишился возможности даже въ мелочахъ дѣйствовать самостоятельно. Онъ содержалъ, напр., на

[redacted]

свой счетъ, 8 добавочныхъ надзирателей, но распоряжаться ими не позволяли ему. Онъ и предположилъ прекратить производства имъ содержанія. На это Генералъ-Губернаторъ замѣтилъ Комитету, что отъ уменьшенія числа надзирателей произойдетъ безпорядокъ. Комитетъ возразилъ, что полицейскій порядокъ его не касается. Генералъ-Губернаторъ настаивалъ, что безъ дополнительныхъ, на средства Комитета, надзирателей нельзя обойтись, по неимѣнію другихъ источниковъ. Комитетъ отступился отъ права распоряженія надзирателями, но въ то же время сохранилъ за ними содержаніе (10 апрѣля 1863 г.).

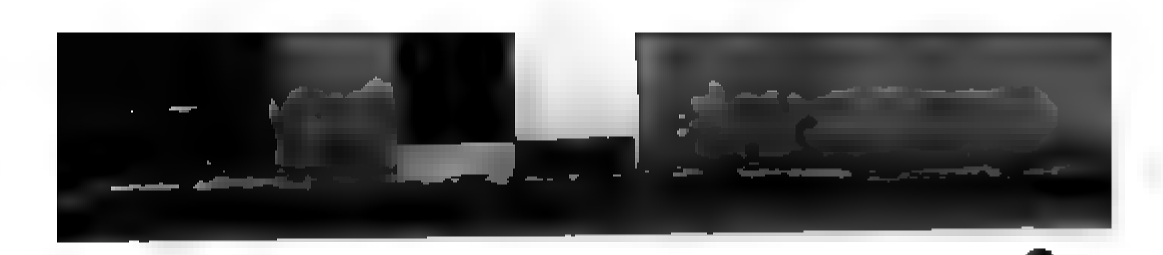
Энергическая, но безуспѣшная борьба за права Комитета, за измѣненіе его правилъ и за привлеченіе его къ непосредственному участію въ предположенной тюремной реформѣ,—все это побудило князя Г. А. Щербатова заявить Комитету, что „продолжительныя его старанія поставить Комитетъ въ узаконенное, независимое положеніе и усилія Комитета быть дѣйствительно полезнымъ заключеннымъ,—остались тщетными", по этому онъ, князь, предпочелъ сложить съ себя званіе Предсѣдателя. Комитетъ „единогласно просилъ его остаться еще хоть на годъ, не покидать его, такъ какъ реформою хозяйственной и счетной частей, введеніемъ смѣтъ, распредѣленіемъ занятій членовъ, хлопотами о скорѣйшемъ разрѣшеніи участи заключенныхъ, отмѣною негодившихся табелей,—всѣмъ этимъ и многимъ другимъ Комитетъ обязанъ исключительно ему, князю, личными, многосложными трудами и примѣромъ воодушевлявшему всѣхъ членовъ на благое попеченіе о заключенныхъ". Князь остался непреклоннымъ. Комитетъ выразилъ „искреннее свое соболѣзнованіе по поводу оставленія княземъ Комитета" (30 декабря 1863 г.).

Удаленіе князя Г. А. Щербатова изъ Комитета, сразу же чрезвычайно рѣзко отразилось на всѣхъ его дѣлахъ: онѣ приняли снотворный и чисто бумажный характеръ. Преемникъ князя Г. А. Щербатова, сенаторъ, генералъ-лейтенантъ А. А. Волоцкой (утвержденъ 15 марта 1864 г.) былъ человѣкъ добродушный,

[redacted]

симпатичный; весь благихъ намѣреній, для осуществленія которыхъ ему не доставало, какъ онъ и самъ выражался, одного—удобнаго времени. Засѣданія велъ онъ съ большимъ апломбомъ, точно президировалъ въ парламентѣ, говорилъ красноречиво, всѣму хорошему радовался, ежегодно ѣздилъ за-границу, заводилъ тамъ знакомство со всѣми знаменитостями по тюремной части, привозилъ отъ нихъ массу книгъ, брошюръ, переводилъ, редактировалъ и издавалъ ихъ на счетъ Комитета и нѣкоторыхъ директоровъ; вліяніемъ же и умѣньемъ воодушевлять другихъ,—онъ, къ сожалѣнію, не располагалъ, потому, кажется, предпочтительно, что держался въ отдаленіи отъ членовъ, да сидѣлъ, чаще всего, дома, удрученный ревматизмомъ, нажитымъ долгою службою на Кавказѣ.

Съ этого времени администрація, вопреки примѣчанія къ 62 ст. Устава,—перестала спрашивать предварительное согласіе Комитета на опредѣленіе или увольненіе того или другаго изъ Смотрителей и ихъ помощниковъ, а начала ихъ сортировать по собственному усмотрѣнію. Со своей стороны и Смотрителя, увидѣвъ себя свободными отъ всякаго вліянія Комитета на ихъ служебное положеніе, ни во что уже не ставили Комитетъ и даже его Предсѣдателя. Однажды Смотритель замка поручикъ Н—скій положительно не впустилъ покойнаго А. А. Волоцкаго къ арестантамъ, прямо заявивъ ему, что онъ, Смоританель; „полный хозяинъ замка". Поступокъ Смотрителя такъ сильно поразилъ А. А., что онъ, сенаторъ, генералъ-лейтенантъ, ушелъ домой, заболѣлъ, отъ огорченія, а потомъ говорилъ намъ, что „не желаетъ связываться со Смотрителемъ, потому что онъ человѣкъ безъ религіи, безъ нравственнаго и умственнаго образованія". Такой же афронтъ получилъ, вскорѣ же послѣ того, и вице-президентъ, тоже генералъ-лейтенантъ и покойный П. П. Пущинъ, также не протестовавшій. Какъ бы въ видѣ финала другой Смотритель отвергъ обязательное исполненіе Инструкціи „Петербургскаго замка" (1852 г.), только потому, что она не была

изъята въ приложеніи къ XIV тому, изд. 1857 г.; а началъ руководствоваться Инструкціею „губернскаго замка" (1831 г.), по которой Смотритель „полный хозяинъ".

Возникъ вопросъ о томъ, какая изъ двухъ Инструкцій обязательна для Смотрителя? Комитетъ признавалъ только Инструкцію 1852 г., потому что „Инструкція 1831 г. была преподана Смотрителю *„Губернскаго"*, а Инструкція 1852 г. спеціально для *„С.-Петербургскаго* замка"; что коль скоро первая не есть Высочайше утвержденный законъ, то Министръ воленъ былъ замѣнить ее послѣднею, для Столицы, въ виду исключительнаго положенія здѣшняго Комитета, среди прочихъ, въ которыхъ предсѣдательствуютъ Губернаторы, а здѣсь всегда особыя лица; что Инструкція 1831 г. облекала всею властію Смотрителя вслѣдствіе того, что тогда въ большинствѣ губерній Комитетовъ еще не существовало; наконецъ, что Инструкціею 1852 г. ничего изъ текста закона не отмѣнено, не измѣнено, а она лишь согласована съ нимъ. Администрація, напротивъ, поддерживала Смотрителя, объясняя, что такъ какъ „Инструкція 1852 г. не напечатана, какъ Инструкція 1831 г., въ приложеніи къ Уставу о содерж. подъ стр., изд. 1857 г., то она и не подлежитъ исполненію". Въ законодательномъ второмъ отдѣленіи на вопросъ о причинѣ не включенія Инструкціи 1852 г. въ приложеніи къ XIV тому, отвѣтили, что это произошло по простой *ошибкѣ*. Несмотря на очевидную правоту Комитета, — онъ и этотъ споръ проигралъ *).

О добровольномъ отреченіи Комитета (по безсилію), въ прямой ущербъ его и казенныхъ матеріальныхъ интересамъ, отъ права получать на обмундированіе арестантовъ, не матеріалами, а именно — деньгами, мы уже говорили (69 и 70 стр.). Оттого здѣсь намъ остается, для характеристики дѣла, прибавить, что госу-

*) О примѣненіи Инструкціи 1852 г. въ провинціяхъ вначалѣ 1860-хъ годовъ — никто даже ужъ и не слыхалъ.

[redacted]

Но послѣ освобожденія крестьянъ, многимъ пришлось трудиться для удовлетворенія личныхъ потребностей, а потому, между прочимъ, и господствовавшая у насъ болѣе 40 лѣтъ сряду тюремная филантропія внезапно была отвергнута, безъ надлежащей провѣрки степени ея цѣлесообразности. Началось, какъ извѣстно, съ мнѣнія Государственнаго Совѣта (12-го августа 1862 г.) о необходимости „введенія новой тюремной системы“. Для разработки этой системы обратились за матеріалами не къ тюремнымъ Комитетамъ, во всякомъ случаѣ ближе всѣхъ стоявшимъ къ тюрьмамъ и заинтересованнымъ въ ихъ преуспѣяніи исключительно съ маральной стороны, а къ губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полиціймейстерамъ, отвѣтствовавшимъ за тюрьмы лишь съ административно—полицейской точки зрѣнія. Названныя власти, будучи вдалекѣ отъ тюремъ, потребовали, естественно, свѣдѣнія и мнѣнія отъ своихъ подчиненныхъ чиновниковъ и смотрителей, т. е. отъ лицъ, безпристрастію и компитентности которыхъ едва ли слѣдовало довѣряться. Чувство самосохраненія, желаніе стать не зависимымъ, посредствомъ освобожденія отъ контроля Комитетовъ, — этого общественнаго элемента, не рѣдко критиковавшаго дѣйствія и самихъ губернаторовъ,—вотъ что побуждало всѣхъ спрошенныхъ приписывать: Комитетамъ—всѣ недостатки, а себѣ—всѣ достоинства. Этотъ односторонній характеръ рельефно выразился во всѣхъ губернаторскихъ отзывахъ, вошедшихъ въ „сводъ матеріаловъ по вопросу о преобразованіи тюремной части въ Россіи“, изданный въ 1865 г. Объясненій Комитетовъ, которые фактами несомнѣнно опровергли бы „отзывы“,—выслушать не поинтересовались. Комитеты и понесли, на всегда, всю тяжесть несостоятельнаго, объ нихъ, мнѣнія...

Въ томъ же 1865 г. Московскій смирительный и рабочій домъ сдѣланъ былъ предметомъ опытовъ по тюремному преобразованію. Опыты заключались въ разъединеніи арестантовъ на ночь и въ *введеніи* трояваго рода работъ: безплатныхъ и за вознагражде-

ніе: въ $^{1}/_{3}$ и $^{2}/_{3}$ общаго заработка, для обучившихся ремеслу, да въ заведенія школы, т. е. новыми, въ сущности, оказались только а) артельные попечители и б) увеличенный заработокъ (съ 1865 по 1872 г. на 1.316 чел. 14.073 р. 14 к., т. е. за 6-ти лѣтній трудъ каждому по 10 р. 69 к.). Не мѣшаетъ, впрочемъ, вспомнить, что самое увеличеніе количества заработка, зависѣла главнѣе всего отъ отведеннаго дому просторнаго помѣщенія, доставившаго возможность устроить разныя мастерскія. Затѣмъ, не слѣдуетъ забывать, что и эти, — по существу мелкіе, но казавшіеся блестящими результаты преобразованія дома продолжались вѣдь не долго, какъ читатели замѣтили въ XI гл. (247 стр.).

Независимо реформы Московскаго рабочаго дома, подъ председательствомъ бывшаго Товарища Министра юстиціи, графа К. И. Палена, трудилась комиссія, надъ общею тюремною частію, а для реформированія собственно Петербургскихъ тюремъ существовала другая комиссія, подъ председательствомъ бывшаго Товарища Министра внутреннихъ дѣлъ, князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго (въ 1869 г.). Въ заключеніе само министерство внутреннихъ дѣлъ составило проектъ исправительныхъ тюремъ (въ 1870 г.). Вскорѣ послѣ того Петербургская срочная тюрьма была переименована въ исправительную тюрьму, на началахъ, изложенныхъ нами въ XI главѣ (въ 1872 г.).

Далѣе, подъ председательствомъ графа В. А. Соллогуба, была образована третья комиссія, для „составленія общаго систематическаго проекта тюремнаго преобразованія" (въ 1870 г.) Выработанные этою комиссіею проекты: каторжныхъ, исправительныхъ, смирительныхъ, подслѣдственныхъ тюремъ и арестныхъ домовъ, были переданы на обсужденіе особаго Комитета, подъ председательствомъ члена Государственнаго Совѣта П. А. Зубова.

О существованіи тюремныхъ Комитетовъ впервые вспомнилъ только П. А. Зубовъ *). Тѣмъ не менѣе, и онъ обратился лишь

*) Онъ былъ въ концѣ 1850-хъ и въ началѣ 1860-хъ годовъ, въ числѣ директоровъ Петербургскаго Комитета, а въ 1868 г. председателемъ комиссіи

[redacted]

частнымъ образомъ, за содѣйствіемъ къ бывшему предсѣдателю Столичнаго Комитета, князю А. И. Шаховскому, а князь къ Ѳ. Н. Смирнову, Н. Л. Ломану и къ намъ. Мы составили о причинахъ упадка дѣятельности Комитетовъ, краткую историческую записку, вчетверомъ обсудили ее и затѣмъ она была передана княземъ А. И. Шаховскимъ, П. А. Зубову. Въ тоже время по соглашенію П. А. Зубова съ княземъ А. И. Шаховскимъ, послѣдній предложилъ Комитету обсудить нижеслѣдующіе вопросы:

а) Пожелаетъ ли Комитетъ принять на себя патронатство надъ выпускаемыми изъ тюремъ, надъ дѣтьми содержащихся въ нихъ и вообще по предметамъ, до патронатства относящимся? б) Если пожелаетъ, то не согласится ли выработать, объ этомъ, въ своей средѣ, законопроэктъ? в) Пожелаетъ ли Комитетъ принять на себя обязанность ревизовать имѣющій установиться въ тюремныхъ учрежденіяхъ новый порядокъ и о своихъ замѣчаніяхъ—посылать, періодическую отчетность, мѣстнымъ губернаторамъ? Если на это согласенъ, то не выработаетъ ли также основныя, по этому предмету, правила? г) Не слѣдуетъ ли предоставить исключительно Комитету, какъ патронатству,—учрежденіе мѣстъ заключенія собственно для малолѣтнихъ арестантовъ, содержать ихъ самостоятельно, вслѣдствіе исключительности ихъ положенія, на казенныя и частныя средства, какъ находящіяся въ распоряженіи Комитета, такъ и на другіе источники, какіе будетъ изыскивать?

Комитетъ, послѣ продолжительныхъ преній,—большинствомъ голосовъ принялъ мнѣніе одного изъ директоровъ Н. И. Олферьева, что Комитетъ, при всемъ желаніи участвовать въ дѣлѣ преобразованія тюремной части, — за силою 164 ст. Уст. о содерж. подъ стр.,—не можетъ дать отвѣтовъ на предложенные ему вопросы, безъ сообщенія ему, *формальнымъ порядкомъ*, то есть *чрезъ Президента*, основаній, на которыхъ предполагается тюремная реформа. Затѣмъ, по рѣшеніи утвердительно, вопроса о правѣ Комитета обсуждать, по существу, перечисленные вопросы,—онъ постановилъ: отвѣчать, что Комитетъ, со всею готовностью, займется обсуж-

---

для составленія проекта тюремной реформы, съ точки зрѣнія Комитета (см. 629 стр.)

вали, не разъ, въ пристрастіи къ Комитетамъ, тогда какъ мы постоянно доказывали, что они способны приносить государству существенную пользу при лучшей ихъ организаціи, приноровленной къ современнымъ потребностямъ. Мало того: изъ 10-тилѣтней личной практики мы вынесли глубокое убѣжденіе, что и при наличныхъ, даже плохихъ, для Комитетовъ, обстоятельствахъ, — они могли бы дѣлать очень много добра, еслибы ихъ персоналъ руководствовался сознаніемъ своего высокаго призванія, единомысліемъ, завѣщанными ему предками традиціями и желаніемъ трудиться, во имя общаго блага, не взирая на внѣшнія давленія. Къ прискорбію, эгоистическое направленіе нашего времени, надѣлило большинство интелигентныхъ людей чрезмѣрнымъ честолюбіемъ, самолюбіемъ, равнодушіемъ, лѣнью, да изгнало изъ употребленія солидарность мысли, цѣли. Оттого и въ Комитетахъ все пошло въ разбродъ. Одни—вполнѣ способные, видимо преданные дѣлу—покидаютъ его, вслѣдствіе мелкихъ, по существу, столкновеній, неудачъ, на которыя не слѣдовало бы обращать и вниманія. Другіе—оправдываютъ свою бездѣятельность трудностію работать при встрѣчающихся препятствіяхъ, ошибочно думая, что коль скоро они желаютъ трудиться, то предъ ними все должно преклоняться. Третьи — прямо отказываются дѣйствовать до будущей реформы, говоря: стоитъ ли сегодня тратить силы и время, если завтра реформа признаетъ все сдѣланное не пригоднымъ, не нужнымъ, забывая, что на свѣтѣ все подвержено измѣненію. Четвертые называютъ „безпокойными" товарищей, работающихъ, по мѣрѣ силъ, безъ всякихъ заднихъ мыслей, просто по принципу; удивляются какъ можно посвящать всѣ досуги занятію, оплачивающемуся огорченіями, либо инсинуаціями, а иногда и ложными доносами, проникающими въ разныя сферы. Но самыми, прибавимъ, по опыту, худшими членами Комитетовъ—*нынѣшніе* образованные молодые люди, категорически пренебрегающіе какимъ бы то ни было занятіемъ, а носящіе званіе исключительно для скорѣйшаго достиженія

[redacted]

торные не столь спѣшны и заняться сперва—первыми, а потомъ—послѣдними.

Это заключеніе Совѣта послужило основаніемъ къ образованію, въ 1877 г., изъ членовъ Государственнаго Совѣта К. К. Грота, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, князя Д. А. Оболенскаго, Н. И. Стояновскаго и К. П. Побѣдоносцева, особой коммиссіи, для разсмотрѣнія проекта тюремной реформы и 2 гл. 1 раздѣла Уложенія (лѣстницы наказаній).

О достоинствахъ и недостаткахъ проектовъ всѣхъ перечисленныхъ коммиссій мы своевременно высказывали свое мнѣніе въ разныхъ изданіяхъ; перепечатывать же статьи здѣсь считаемъ лишнимъ, потому что изъ проектовъ: одни—были отвергнуты, а другіе—передѣланы, такъ, что какіе и въ какой именно редакціи будутъ утверждены—покамѣсть положительно ничего не извѣстно. Мы знаемъ только, что послѣдняя коммиссія, между прочимъ, константировала, что „однимъ изъ главныхъ недостатковъ нынѣшняго тюремнаго управленія—это одновременное участіе въ завѣдываніи тюрьмами нѣсколькихъ вѣдомствъ, изъ коихъ каждое въ извѣстной степени входитъ въ распоряженія и дѣйствія другаго“, но спеціальнаго учрежденія для завѣдыванія тюремною частію у насъ нѣтъ; что „Совѣтъ при Президентѣ изъ Вице-Президентовъ, собирается весьма рѣдко и никогда не занимается разсмотрѣніемъ новыхъ проектовъ, или предположеній, относящихся къ усовершенствованію системы тюремнаго заключенія и нравственнаго исправленія арестантовъ, или къ улучшенію хозяйственной части, отчетности и порядка управленія по вѣдомству Общества Попечительнаго о Тюрьмахъ, а на предварительное заключеніе его передаются Министрамъ одни только предположенія о наградахъ, составляемые годовые, о дѣятельности Общества, отчеты, отчего Совѣтъ почти совсѣмъ не дѣйствуетъ“. Изъ различныхъ источниковъ коммиссія сдѣлала выводъ, что необходимо прежде всего образовать особый органъ—„*Главное* Тюремное Управленіе, а при его начальникѣ—инспекторовъ,

[redacted]

изъ лицъ, *„спеціально знакомыхъ съ тюремнымъ дѣломъ“*, чтобы они,—*„основательно знакомые со своею частью*—могли руководить непосредственныхъ исполнителей разъясненіемъ недостатковъ ихъ дѣятельности, указаніемъ на способы къ достиженію лучшихъ результатовъ и т. д.“. Кромѣ того, коммисія предположила учредить „Совѣтъ по тюремнымъ дѣламъ, тоже изъ лицъ „спеціально знакомыхъ съ тюремною частью и на столько опытныхъ и свѣдущихъ, чтобы ихъ мнѣнія могли содѣйствовать правильной постановкѣ предположеній Главнаго тюремнаго Управленія“. Наконецъ Совѣтъ Вице-Президентовъ коммиссія нашла нужнымъ упразднить, ибо „замѣною его совѣтомъ по тюремнымъ дѣламъ *ни въ чемъ не поколеблется устройство* Общества Попечительнаго о Тюрьмахъ: *представленія* и ходатайства тюремныхъ Комитетовъ *по прежнему будутъ обращаться* къ Министру внутреннихъ дѣлъ, какъ *къ Президенту* Общества и получать разрѣшенія въ Главномъ тюремномъ Управленіи, на томъ же основаніи, какъ разрѣшались въ департаментѣ полиціи исполнительной“. Что же касается самихъ Комитетовъ, то о нихъ коммиссія отозвалась, что въ настоящее время „весьма трудно сказать: нужно ли будетъ совершенно упразднить ихъ или можно будетъ еще ими воспользоваться“.

Чрезъ 3 мѣсяца спустя послѣ окончательнаго формулированія коммиссіею своихъ сужденій, по этимъ предметамъ, было обнародовано *) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, слѣдующаго содержанія:

Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ, государственной экономіи и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ предположенія Высочайше учрежденной, въ составѣ Государственнаго Совѣта, коммиссіи о тюремномъ преобразованіи, по вопросу объ учрежденіи главнаго тюремнаго управленія,

---

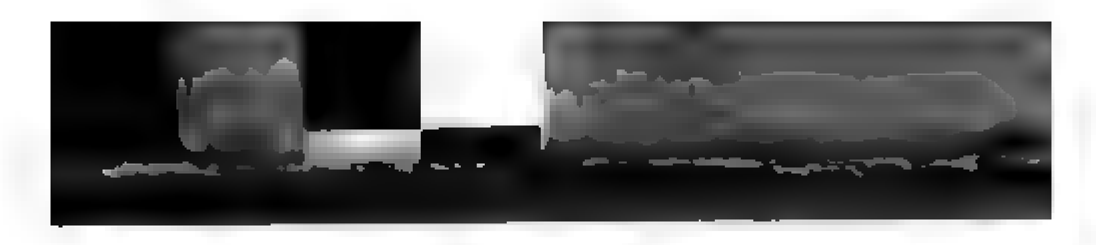
*) См. Собр. Узакон. и распор. правит. 4 апрѣля 1879 г. № 43.

[redacted]

и соглашаясь въ существѣ съ означенными предположеніями, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Главное завѣдываніе тюремною частью гражданскаго вѣдомства сосредоточить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, возложивъ на сіе министерство и приведеніе въ дѣйствіе тюремнаго преобразованія на основаніи главныхъ началъ, утвержденіе коихъ *послѣдуетъ* въ законодательномъ порядкѣ.

II. Въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ учредить главное тюремное управленіе и совѣтъ по тюремнымъ дѣламъ, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: 1) Главное тюремное управленіе составляютъ: начальникъ управленія, его помощникъ, тюремные инспекторы и канцелярія по штату. 2) Начальникъ главнаго тюремнаго управленія назначается Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату, по представленію Министра внутреннихъ дѣлъ. 3) Начальникъ главнаго тюремнаго управленія, по званію своему, состоитъ членомъ Совѣта Министра внутреннихъ дѣлъ и совѣта по тюремнымъ дѣламъ. 4) Совѣтъ по тюремнымъ дѣламъ состоитъ изъ Предсѣдателя и семи членовъ, назначаемыхъ Высочайшими указами Правительствующему Сенату. Сверхъ того, въ составъ Совѣта входитъ начальникъ главнаго тюремнаго управленія (ст. 3). 5) Въ случаѣ отсутствія или болѣзни Предсѣдателя Совѣта, мѣсто его занимаетъ одинъ изъ членовъ, избираемый для этого Совѣтомъ. 6) Предсѣдателю и Членамъ Совѣта не присвоивается особаго содержанія и правъ государственной службы. Званія эти совмѣстимы съ должностями по всѣмъ вѣдомствамъ. Членами Совѣта могутъ быть и лица, не состоящіе вовсе въ государственной службѣ. 7) Въ совѣтъ могутъ быть приглашаемы, по усмотрѣнію Предсѣдателя, для совѣщаній или объясненій, лица постороннія, отъ коихъ можно ожидать, по свойству обсуждаемыхъ дѣлъ, полезныхъ свѣдѣній и указаній. 8) Дѣлопроизводство по Совѣту возлагается на секретаря Совѣта, назначаемаго Министромъ внутреннихъ дѣлъ, по выбору Предсѣдателя Совѣта. 9) Начальникъ главнаго тюремнаго управленія завѣдываетъ всѣми мѣстами заключенія гражданскаго вѣдомства и арестантскою пересыльною частію; въ вѣдѣніи его состоятъ также исправительные пріюты. 10) Начальнику главнаго тюремнаго управленія принадлежитъ расходованіе ассигнованныхъ по смѣтамъ кредитовъ и надзоръ за мѣстными учрежденіями тюремнаго управленія. Всѣ вообще распорядительныя мѣры, необходимыя для дѣйствія существующихъ законовъ по тюремной части, начальникъ главнаго тюремнаго управленія принимаетъ собственною властью, не испрашивая особаго разрѣшенія Министра внутреннихъ дѣлъ. 11) Дѣла, требующія особаго соображенія по важно-

сти или спеціальности ихъ, вносятся начальникомъ главнаго тюремнаго управленія въ Совѣтъ Министра внутреннихъ дѣлъ или въ Совѣтъ по тюремнымъ дѣламъ, по принадлежности (ст. 17 и 18). 12) О дѣлахъ, требующихъ соглашенія съ Министрами или Главноуправляющими отдѣльными частями, а также подлежащихъ разсмотрѣнію въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, или зависящихъ отъ непосредственнаго разрѣшенія Государя Императора, начальникъ главнаго тюремнаго управленія представляетъ Министру внутреннихъ дѣлъ. 13) Помощникъ начальника главнаго тюремнаго управленія состоитъ въ непосредственномъ его распоряженіи. Прямую обязанностью его составляетъ завѣдываніе канцеляріею главнаго тюремнаго управленія. Въ случаѣ отсутствія или болѣзни начальника управленія, его помощникъ занимаетъ его мѣсто, при чемъ обязанности помощника возлагаются на одного изъ инспекторовъ. 14) Инспекторы состоятъ также въ непосредственномъ распоряженіи начальника главнаго тюремнаго управленія и командируются имъ, по мѣрѣ надобности, для осмотра мѣстъ заключенія и ссылки. Согласно указаніямъ начальника управленія, они собираютъ на мѣстахъ необходимыя свѣдѣнія и данныя, производятъ ревизіи мѣстныхъ учрежденій тюремнаго управленія и направляютъ ихъ дѣйствія, а также принимаютъ участіе въ составленіи предположеній и работъ по устройству тюремныхъ учрежденій. 15) На канцелярію главнаго тюремнаго управленія возлагается все дѣлопроизводство управленія, необходимое содѣйствіе секретарю Совѣта по тюремнымъ дѣламъ, а также *переписка* Министра внутреннихъ дѣлъ *по званію Президента Попечительнаго Общества о Тюрьмахъ*. 16) Порядокъ дѣйствій чиновъ главнаго тюремнаго управленія и распредѣленіе между ними дѣлъ опредѣляются особыми *инструкціями*, утверждаемыми Министромъ внутреннихъ дѣлъ. 17) Разсмотрѣнію Совѣта Министра внутреннихъ дѣлъ подлежатъ дѣла, исчисленныя въ пунктахъ 6, 9—13 и 15—18 статьи 97 Учрежд. Мин. (св. зак. т. I). 18) Въ совѣтъ по тюремнымъ дѣламъ поступаютъ всѣ новыя предположенія, касающіяся тюремнаго устройства, порядка пересылки арестантовъ, организаціи частныхъ тюремныхъ учрежденій и обществъ, нравственнаго исправленія заключенныхъ, улучшенія тюремнаго хозяйства, порядка управленія и отчетности, а также проекты общихъ смѣтъ доходовъ и расходовъ по тюремной части, годовые отчеты о дѣятельности тюремнаго управленія и другія дѣла, которыя, по ихъ важности, Министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ нужнымъ передать на предварительное обсужденіе Совѣта. 19) Совѣтъ по тюремнымъ дѣламъ не имѣетъ исполнительной власти.

[redacted]

Онъ созывается Предсѣдателемъ по мѣрѣ надобности и накопленія дѣлъ. Постановленныя Совѣтомъ заключенія вносятся въ журналъ, который подписывается Предсѣдателемъ и Членами и обращается въ главное тюремное управленіе. Къ журналу пріобщаются также особыя мнѣнія членовъ, несогласныхъ съ общимъ заключеніемъ. 20) Журналы Совѣта представляются начальникомъ главнаго тюремнаго управленія на усмотрѣніе и разрѣшеніе Министра внутреннихъ дѣлъ. О дальнѣйшемъ направленіи каждаго изъ разсмотрѣнныхъ въ Совѣтѣ дѣлъ начальникъ главнаго тюремнаго управленія доводитъ до свѣдѣнія Совѣта въ ближайшемъ его засѣданіи. 21) При внесеніи Министромъ на высшее разрѣшеніе дѣлъ, подлежащихъ предварительному обсужденію Совѣта по тюремнымъ дѣламъ, соображенія и заключеніе онаго должны быть изложены въ представленной Министромъ запискѣ.

IV. Главное тюремное управленіе образовать изъ состава Департамента полиціи исполнительной, занимающагося дѣлопроизводствомъ по тюремной части; и изъ канцеляріи при Президентѣ Попечительнаго Общества о Тюрьмахъ. Лицъ, которыя не получать при этомъ назначенія, оставить за штатомъ на общемъ основаніи.

V. Потребную на содержаніе главнаго тюремнаго управленія сумму, въ размѣрѣ *шестидесяти дной тысячи рублей*, отпускать изъ Государственнаго Казначейства съ 1880 года, со внесеніемъ оной въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ смѣтъ Министерства внутреннихъ дѣлъ и съ прекращеніемъ отпуска суммъ, ассигнуемыхъ по той же смѣтѣ въ ст. 3 § 4—1.000 р., по ст. 1 § 5—17.652 р. и по ст. 2 того же §—1,680 р., всего *двадцать тысячъ трисга тридцать два* рубля на содержаніе Департамента полиціи исполнительной, и на усиленіе центральнаго управленія Министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ текущемъ году на расходъ на содержаніе главнаго тюремнаго управленія, сколько придется по расчету, со времени его открытія, обратить на сумму, назначенную на тѣхъ же основаніяхъ къ условному отпуску по смѣтѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ.

VI. Совѣтъ и канцелярію при Президентѣ Попечительнаго Общества о тюрьмахъ упразднить, оставивъ *на существующемъ основаніи устройство тюремныхъ Комитетовъ и отдѣленій и отношенія ихъ къ Президенту Общества.*

VII. Предоставить Министру внутреннихъ дѣлъ произвести въ штатѣ Департамента полиціи исполнительной сокращенія, соотвѣтственно суммамъ, передаваемымъ на содержаніе главнаго тюремнаго управленія изъ средствъ, ассигнуемыхъ на содержаніе означеннаго Департамента.

VIII. Статью 16 устава о содержащихся подъ стражею (св. закон. т. XIV) отмѣнить *).

Пунктомъ третьимъ этого закона предусмотрѣно утвержденіе проектированнаго штата служащихъ чиновъ.

ШТАТЪ ГЛАВНАГО ТЮРЕМНАГО УПРАВЛЕНІЯ.

	Число чиновъ.	Содержаніе. Одному. Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Итого	Всего.
		Рублей.				
Начальникъ главнаго тюремнаго управленія	1	4000	1500	1500	7000	7000
Его помощникъ	1	2000	1000	1000	4000	4000
Инспекторовъ.	3	—	—	—	—	15000
	3	—	—	—	—	
Дѣлопроизводителей:						
Старшихъ	5	1000	500	500	2000	10000
Младшихъ	5	750	125	125	1000	5000
Журналистовъ, они же завѣдывающіе архивомъ. . . .	2	500	125	125	750	1500
Секретарь при Совѣтѣ по тюремнымъ дѣламъ	1	1500	500	500	2500	2500
На вознагражденіе техниковъ по строительной части	—	—	—	—	—	2000
На наемъ писцовъ и канцелярскія потребности	—	—	—	—	—	7000
На хозяйственные расходы, въ томъ числѣ на наемъ курьеровъ и лошадей для нихъ . .	—	—	—	—	—	7000
Итого. . .	21	—	—	—	—	61000

Примѣчаніе: 1) Опредѣленіе размѣра содержанія каждаго изъ Инспекторовъ зависитъ отъ усмотрѣнія Министра внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы общая сумма расхода на этотъ предметъ не превышала штатнаго назначенія. 2) Путевыя пособія чинамъ главнаго тюремнаго управленія, при командировкахъ и назначеніи на должности, производятся изъ ассигнуемаго на этотъ предметъ общаго, по Министерству внутреннихъ дѣлъ, кредита.

Такимъ образомъ начало долгожданной реформы, какъ видите, „ни въ чемъ не поколебало устройства Общества Попечи-

*) Объ участіи въ завѣдываніи тюрьмами Министерствъ юстиціи и путей сообщенія.

[redacted]

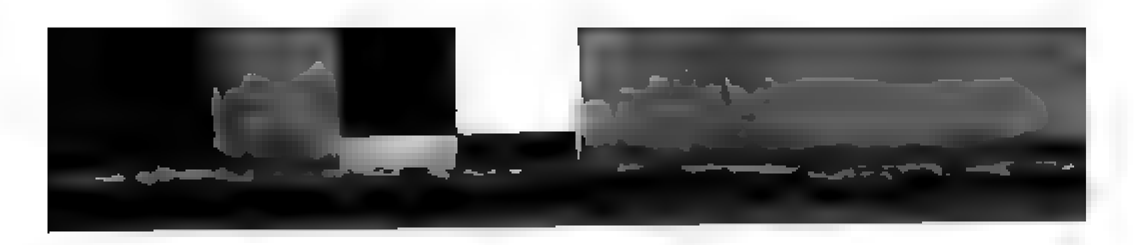
дальнаго о Тюрьмахъ", а оно осталось дальше влачить свое грустное существованіе, подъ вліяніемъ давно уже разрушающихъ его обстоятельствъ.

Объ учрежденіи Главнаго Тюремнаго Управленія, о правахъ и обязанностяхъ его Начальника, Министръ внутреннихъ дѣлъ оповѣстилъ, циркулярно, Губернаторовъ, Начальниковъ областей и Градоначальниковъ, а также съ приложеніемъ экземпляра циркуляра, между прочимъ, Вице-Президента Петербургскаго Комитета (16-го и 25-го іюня 1879 г.) Комитетъ, заслушавъ предложеніе и циркуляръ,—принялъ ихъ „къ свѣдѣнію".

Начальникомъ Управленія назначенъ бывшій Саратовскій Губернаторъ М. Н. Галкинъ-Врасскій (авторъ книги „Матеріалы къ изученію тюремнаго вопроса" и изучавшій заграничныя тюрьмы), а его помощникомъ долго служившій Начальникомъ отдѣленія, по тюремной части, въ Департаментѣ полиціи исполнительной В. И. Власовъ (ѣздившій на Сахалинскій Островъ, для изученія: возможно ли устроить тамъ каторжныя работы и издавшій объ этомъ отдѣльное изслѣдованіе). Открылось управленіе 16-го іюня 1879 г. Совѣтъ по тюремнымъ дѣламъ скомплектовался: изъ Предсѣдателя—Князя Д. А. Оболенскаго *) и членовъ: К. П. Побѣдоносцева; Сенаторовъ: М. Н. Любощинскаго, М. Е. Ковалевскаго, А. Д. Шумахера, Э. В. Фриша (Товарищъ Министра юстиціи) и С. А. Мордвинова.

Едва Главное Тюремное Управленіе приступило къ отправленію своихъ обязанностей, какъ столбцы газетъ стали наполняться безконечнымъ рядомъ „взглядовъ, соображеній, предположеній, извѣщеній" и отмѣтокъ по тюремной части. Репортеры, вслѣдствіе лѣтняго затишья, обрадовались новинкѣ—управленію и взапуски ринулись на него со всѣхъ сторонъ, а въ редак-

*) Въ 1850-хъ годахъ былъ въ числѣ Директоровъ Петербургскаго Тюремнаго Комитета и даже завѣдывалъ хозяйствомъ замка.

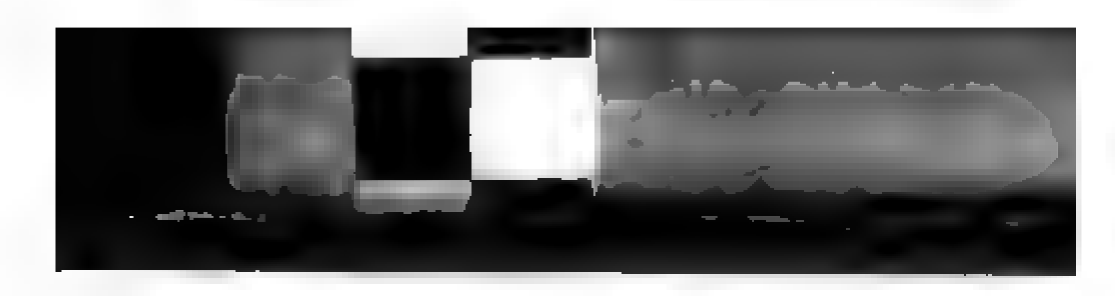

ціяхъ именуя себя: одни — достовѣрными, другіе — оффиціозными, а третьи — прямо оффиціальными глашатаями всего того, что въ управленіи будто бы дѣлалось, думали дѣлать, ревниво слѣдили за всѣми бумагами управленія и съ ихъ содержаніемъ, точно съ талисманомъ, — лѣтали по редакціямъ. Вслѣдъ за репортерскими отмѣтками газетную арену осадили невѣсть откуда выскочившіе, ни кому ни чѣмъ невѣдомые, такъ называемые „тюрьмовѣды" и съ апломбомъ преподносили читателямъ свои бредни, въ качествѣ, якобы, самоновѣйшихъ и наилучшихъ теорій исправленія и обузданія арестантовъ работами; затыканіемъ имъ ртовъ пробками; занятіемъ ихъ земледѣліемъ; приковываніемъ ихъ на цѣпи къ стѣнамъ; ратовали за усиленіе власти смотрителей до права, безнаказанно, застрѣливать буйныхъ и т. д. „Тюрьмовѣды" эти чествовали инспекторовъ „талантливыми, даровитыми" дѣятелями, а въ тюремные Комитеты бросали грязью; не взирая и на то, что они положительно не знали азбуки ни въ прошлой, ни въ нынѣшней дѣятельности Комитетовъ. Не было, право, газеты, въ редакцію которой не проникъ бы кто-нибудь изъ этихъ „тюрьмовѣдовъ"; въ числѣ ихъ проявились даже и такіе, которые ухитрялись одну и ту же чепуху: сперва — размазать на журнальный листъ; потомъ — исправлять въ газетную статью; наконецъ — сократить на книжку, для третьяго изданія!... Словомъ, репортерамъ и „тюрьмовѣдамъ", вкупѣ, удалось произвести неслыханный, въ тюремной лѣтописи, переполохъ не только въ Петербургѣ (здѣсь вездѣ говорили объ управленіи), но и въ провинціяхъ: обыкновенно спокойные, скромные тамошніе тюремные дѣятели тоже взволновались, спорили, желали добраться до самой, что называется, сути... Оттого болѣе нетерпѣливые, для скорѣйшаго разрѣшенія мучившихъ ихъ сомнѣній, — обратились въ Петербургъ (къ знакомымъ, въ томъ числѣ и къ намъ) съ разнородными письменными вопросами, напр., о томъ, подчинены ли Комитеты управленію, обязаны ли директоры являться къ командированнымъ, для

[redacted]

осмотра тюремъ, инспекторамъ; вправѣ ли послѣдніе требовать отъ первыхъ предъявленія документальныхъ доказательствъ ихъ занятій, объясненія, отчеты и т. д. Мы отвѣчали любопытнымъ, что коль скоро „устройство Комитетовъ и отношенія ихъ къ Президенту Общества—остались на существующемъ основаніи"; коль скоро дѣятельность Комитетовъ „не поколеблена" учрежденіемъ управленія и замѣною Совѣта Вице-Президентовъ-Совѣтомъ по тюремнымъ дѣламъ, то о форменномъ чинопочитаніи, судя по закону, конечно не можетъ возникать и рѣчи, но въ филантропическую работу, долженствующую быть для всѣхъ *гласною*, весьма полезно посвятить инспекторовъ, чтобы они уразумѣли среди какой именно обстановки Комитеты трудятся, и выводили бы это, въ своихъ отчетахъ, начальнику управленія, для принятія соотвѣтственныхъ мѣръ къ оживленію Комитетовъ. Двое провинціаловъ даже въ Петербургъ пріѣзжали и настойчиво просили насъ просвѣтить ихъ на счетъ совершившейся реформы. Наконецъ старикъ, смотритель уѣздной тюрьмы, наэлектризованный „слухами" и „вѣстями", увидѣвъ, внезапно, предъ собою Инспектора,—такъ сильно испугался, что ахнулъ, упалъ и отдалъ Богу свою грѣшную душу!..

Мы заносимъ все это на бумагу исключительно для того, чтобы будущій историкъ тюремной части могъ судить о впечатлѣніи, произведенномъ учрежденіемъ управленія и о возлагавшихся на него надеждахъ. Разбирать достоинства печатавшихся „взглядовъ" и „нѣчто" мы не станемъ, потому что не вѣримъ въ солидарность управленія съ тѣмъ, что рапорты и „тюрьмоѣды" ему приписывали. Входить же въ оцѣнку дѣятельности управленія еще слишкомъ рано: оно просуществовало только полгода, тогда какъ задача его такъ сложна, важна, что для разрѣшенія ея требуются года усиленнаго, разносторонняго труда, „лицъ, *спеціально знакомыхъ съ тюремнымъ дѣломъ*". Наконецъ и „руководство" какъ поступать—управленіе получило лишь въ концѣ декабря 1879 г. Мы говоримъ о Высочайше утвержден-

номъ 11 декабря мнѣніи Государственнаго Совѣта „объ основныхъ положеніяхъ, имѣющихъ служить руководствомъ при преобразованіи тюремной части и при пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ“. Вотъ содержаніе этого закона *).

Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ, государственной экономіи и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ заключеніе Высочайше утвержденной коммиссіи о тюремномъ преобразованіи, не могъ, прежде всего, не отдать должной справедливости тщательной и всесторонней разработкѣ предположеній объ измѣненіяхъ, необходимыхъ въ карательной нашей системѣ. Въ этомъ убѣждаетъ какъ постепенный ходъ, относящихся къ сему предмету предначертаній, такъ и достоинство всѣхъ составленныхъ по оному трудовъ. Первоначальныя предположенія о преобразованіи тюремной у насъ части подверглись подробному пересмотру въ Комитетѣ, Высочайше учрежденномъ подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта, тайнаго совѣтника Зубова, изъ представителей отъ всѣхъ вѣдомствъ, которыхъ касается настоящее дѣло. Одновременно съ тѣмъ выработывались въ министерствѣ юстиціи главныя основанія, на коихъ должна быть установлена новая лѣстница наказаній. По представленіи того и другаго проектовъ на разсмотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ, Государственный Совѣтъ призналъ нужнымъ согласовать оные между собою и, въ видахъ скорѣйшаго осуществленія тюремной реформы, извлечь изъ нихъ предметы, требующіе возможно безотлагательнаго разрѣшенія. Для исполненія сего, по Высочайшему повелѣнію Государя Императора, учреждена была, въ составѣ Государственнаго Совѣта, особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота, изъ нѣкоторыхъ членовъ совѣта. Коммиссія эта, при участіи спеціалистовъ, подробно и всесторонне обсудила порученное ей дѣло, составила и внесла на уваженіе Государственнаго Совѣта обширный трудъ, отличающійся замѣчательными достоинствами. Каждое изъ существующихъ у насъ наказаній изслѣдовано въ историческомъ его происхожденіи; затѣмъ внимательно изучено нынѣшнее состояніе карательной системы не только у насъ, но и за границею, и наконецъ на подготовленной, такимъ образомъ, почвѣ проектирована полная лѣстница наказаній, гдѣ всѣ отдѣльныя предположенія, по возможности, согласованы какъ съ современными требова-

*) См. Собр. Узак. и распор. правит. 28-го декабря 1879 г. № 140.

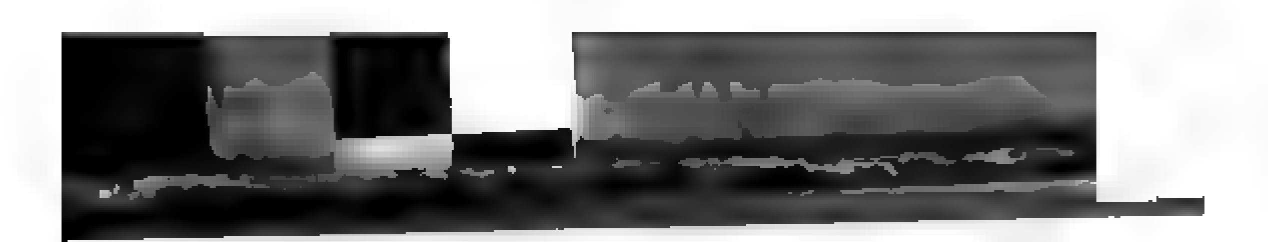
[redacted]

ніями науки, такъ равно и съ условіями нашей государственной жизни.

Отдавая всю справедливость этому труду, соединенные департаменты Государственнаго Совѣта, при разсмотрѣніи его, встрѣтили однако сомнѣніе въ томъ, предстоитъ ли надобность и возможность утверждать теперь же всѣ подробноности предполагаемой системы наказаній. Опасеніе стѣснить такою мѣрою будущихъ составителей новаго уголовнаго уложенія привело къ заключенію, что въ настоящее время слѣдуетъ, не предрѣшая еще всѣхъ относящихся до упомянутаго важнаго предмета подробностей, установить лишь въ общихъ чертахъ тѣ главные типы карательныхъ учрежденій, къ устройству коихъ нужно безотлагательно приступить путемъ тюремной реформы.

Основная эта мысль, и по мнѣнію Общаго Собранія Государственнаго Совѣта, представляется совершенно правильною. Весьма понятно, что коммиссія о тюремномъ преобразованіи, подвергая внимательному пересмотру всю систему нашихъ наказаній какъ уголовныхъ, такъ и исправительныхъ, не ограничилась только указаніемъ новыхъ карательныхъ учрежденій, подлежащихъ устройству, взамѣнъ существующихъ нынѣ. Для самой оцѣнки достоинствъ этихъ новыхъ учрежденій, коммиссія должна была выяснить себѣ весьма обстоятельно, какъ будетъ примѣняться на дѣлѣ каждое изъ наказаній и какимъ образомъ совокупность ихъ сложится въ послѣдовательную и стройную систему. Трудъ этотъ коммиссіею исполненъ весьма успѣшно,

Но ближайшая законодательная задача нынѣшняго собственно времени замыкается въ болѣе тѣсные предѣлы. Задача эта, опредѣлительно указанная въ Высочайше утвержденномъ 28-го февраля 1877 года мнѣніи Государственнаго Совѣта, должна заключаться въ установленіи однихъ только главныхъ началъ карательной системы, безъ которыхъ преобразовательная дѣятельность тюремной администраціи не имѣла бы твердаго направленія. Посему установленіе теперь полной лѣстницы наказаній представлялось бы излишнимъ и преждевременнымъ, тѣмъ болѣе, что многія ея подробности могутъ быть опредѣлены безошибочно лишь по соображеніи всей совокупности работъ, которыя предприняты будутъ при пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ. Признавая, въ виду изложеннаго, необходимымъ не отступать, при разрѣшеніи настоящаго дѣла, отъ взгляда, усвоеннаго въ означенномъ отношеніи соединенными департаментами, Государственный Совѣтъ, въ общемъ собраніи, не могъ, притомъ, не замѣтить, что и за симъ трудъ коммиссіи по разработкѣ подробной

лѣстницы наказаній не утратитъ своего значенія. Трудъ этотъ, представляя собою драгоцѣнный матеріалъ для дальнѣйшихъ работъ по пересмотру уложенія, безъ сомнѣнія, послужитъ основою при совершеніи сего, въ высшей степени важнаго, законодательнаго дѣла.

Вслѣдствіе сего, Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

I. Для руководства при предстоящихъ тюремномъ преобразованіи и пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ, установить слѣдующія основныя положенія: 1) Въ замѣнъ опредѣленныхъ дѣйствующимъ закономъ безсрочныхъ и срочныхъ каторжныхъ работъ, ссылки на житье въ Сибирь и отдаленныя губерніи, кромѣ Сибирскихъ, заключенія въ исправительныя арестантскія отдѣленія гражданскаго вѣдомства, въ рабочій домъ, въ смирительный домъ и въ тюрьму и ареста, должны быть установлены, на будущее время, слѣдующіе виды сопряженныхъ съ лишеніемъ свободы наказаній уголовныхъ и исправительныхъ: а) ссылка на каторгу безъ срока и на срокъ, б) заключеніе въ исправительномъ домѣ на время до шести лѣтъ, в) заключеніе въ тюрьмѣ на время до одного года и г) арестъ до трехъ мѣсяцевъ. 2) Сроки каторжныхъ работъ, а равно сроки содержанія въ мѣстахъ заключенія, имѣютъ быть опредѣлены при пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ, не выходя однако, въ отношеніи къ наказаніямъ исправительнымъ, изъ назначенныхъ въ пунктѣ 1 настоящей статьи высшихъ предѣловъ содержанія въ исправительномъ домѣ, въ тюрьмѣ и подъ арестомъ. При этомъ должно быть наблюдаемо, чтобы низшая степень заключенія въ исправительномъ домѣ ни въ какомъ случаѣ не была менѣе тяжкою, въ сравненіи съ высшею степенью заключенія въ тюрьмѣ. 3) Приговоренные къ ссылкѣ на каторгу должны быть подвергаемы: а) тяжкимъ, принудительнымъ работамъ и б) поселенію по отбытіи работъ. Каторжныя работы сопровождаются содержаніемъ каторжныхъ въ тюрьмахъ. Онѣ устраиваются преимущественно въ Сибири. 4) Приговоренныхъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ надлежитъ подвергать, *на нѣкоторое время*, одиночному заключенію. Затѣмъ они должны быть содержимы въ полномъ разобщеніи между собою, во все время, свободное отъ работъ и въ особенности ночью. Всѣ заключенные въ исправительномъ домѣ обязательно занимаются заведенными въ ономъ работами. Они могутъ быть назначаемы и на работы внѣ дома, но отдѣльно отъ свободныхъ рабочихъ. 5) Приговоренные къ содержанію въ тюрьмѣ подлежатъ одиночному заключенію въ теченіе всего опредѣленнаго для нихъ судебнымъ приговоромъ срока; при этомъ они обязательно заня-

[redacted]

маются въ кельяхъ заведенными въ тюрьмѣ работами, по силамъ и способностямъ каждаго. Отступленіе отъ правилъ объ одиночномъ заключеніи допускается тогда лишь, когда будетъ удостовѣрено, что такое заключеніе допускаетъ опасность для здоровья заключеннаго; и 6) Арестъ есть простое лишеніе свободы. Приговоренные къ аресту могутъ быть употребляемы на работы не иначе, какъ по собственному желанію Они должны быть содержимы или въ назначенныхъ для сего помѣщеніяхъ при полиціи, или въ помѣщеніяхъ для приговариваемыхъ къ аресту мировыми судебными установленіями, а также и въ иныхъ мѣстахъ, допускаемыхъ закономъ.

II. Предоставить Второму Осдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Министерству юстиціи, по взаимному между ними соглашенію, нынѣ же составить планъ производства работъ по пересмотру дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ и затѣмъ представить оный на Высочайшее благоусмотрѣніе и утвержденіе Государя Императора, вмѣстѣ съ соображеніями о томъ, какимъ порядкомъ упомянутый трудъ всего успѣшнѣе можетъ быть приведенъ въ исполненіе.

III. Предоставить Министру внутреннихъ дѣлъ: 1) по предварительному соглашенію съ Министромъ финансовъ войти въ соображеніе вопроса о денежныхъ средствахъ, необходимыхъ и возможныхъ къ отпуску для постепеннаго устройствв новыхъ карательныхъ учрежденій и исправленія существующихъ мѣстъ заключенія; и 2) войти въ сношеніе со всѣми подлежащими вѣдомствами о томъ, не имѣется ли въ ихъ распоряженіи свободныхъ зданій, которыя могли бы быть обращены въ мѣста заключенія для взрослыхъ преступниковъ или же подъ устройство исправительныхъ пріютовъ для несовершеннолѣтнихъ.

И такъ „устройство Общества Попечительнаго о Тюрьмахъ" и послѣднимъ закономъ опять-таки „ни въ чемъ не поколеблено". Вѣроятно свише Обществу суждено вести страдальческую жизнь, во имя той высокой, христіанской идеи, которая была виновницею рожденія Общества.

Впрочемъ, недавно распространился и упорно держится слухъ, будто бы само Главное тюремное управленіе занялось уже передѣлкою Устава Общества. Что именно предполагается сдѣлать—мы, разумѣется, не знаемъ. Тѣмъ большее, полагаемъ, имѣемъ мы пра-

во задаться вопросомъ: неужели и на этотъ разъ, предварительно до утвержденія проектируемаго Устава, — Комитеты, или хоть некоторые, болѣе опытные, изъ ихъ представителей не будутъ спрошены о томъ, на сколько, по ихъ мнѣнію, удобоприемлемо то, что на ихъ предполагаютъ возложить? Отставить нынѣшнее жалкое существованія Общества — вѣдь никто изъ его состава положительно не станетъ, потому что никому въ этомъ рѣшительно никакого интереса нѣтъ! А между тѣмъ практическіе доводы, знаніе дѣйствительности могутъ принести дѣлу существенную пользу. Главное тюремное управленіе, видимо стремящееся къ свѣту, къ добру, не преминетъ, думается намъ, отрѣшиться отъ неправильнаго взгляда, господствовавшаго въ прежнихъ коммиссіяхъ — сохраненія втайнѣ отъ Комитетовъ всего, что непосредственно ихъ касается, а г. Президентъ Общества навѣрно привлечетъ къ участію въ разработкѣ будущей роли Общества настоящихъ его членовъ, въ качествѣ самостоятельной или, по меньшей мѣрѣ, хоть подготовительной коммиссіи, чтобы все выяснилось сообразно современному духу времени, а затѣмъ установилось на прочныхъ началахъ. Общество, затратившее, въ 60 лѣтъ, столько силъ и средствъ, во всякомъ случаѣ, должно, полагаемъ, предварительно спросить ли его, а принять ли дальнѣйшія его услуги съ честью или его похоронить съ безчестіемъ.

Мы не сомнѣваемся, что если представители Общества будутъ внимательно выслушаны, — они выразятъ категорически на что оно способно, что правительство можетъ отъ него ожидать въ интересахъ дѣла. Но на тотъ конецъ, еслибъ судьбу его рѣшать безъ него, — мы позволимъ себѣ обратить особенное вниманіе тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ, — вотъ на что.

Организаторамъ будущности Общества слѣдуетъ, не лишнимъ разумѣю, помнить пророческое предостереженіе, высказанное въ 1834 г., графомъ С. Г. Строгоновымъ, чтобы попечители всегда удалены были отъ всѣхъ разсчетовъ и отвѣтственности по работамъ, ибо *нельзя ожидать* отъ сихъ людей въ тѣхъ

[redacted]

чувства человѣколюбія, ни *постоянства въ усердіи*, безъ которыхъ ни одно предпріятіе, *имѣющее нравственную цѣль,—не можетъ быть увѣнчано успѣхомъ*"; что „злоупотребленіе власти, подстрекаемое корыстолюбіемъ ужасно: вмѣсто *нравственнаго улучшенія*,—узникъ возвратится въ общество *съ чувствомъ мщенія въ сердцѣ своемъ*, за претерпѣнныя имъ притѣсненія и *сдѣлается ожесточеннымъ врагомъ* общества".

Организаторамъ необходимо также имѣть въ виду циркуляръ графа А. Ѳ. Орлова (1847 г.), о томъ, что „не совмѣстно ввѣрять смотрителямъ, властвующимъ надъ арестантами—распоряженіе матеріальнымъ ихъ благосостояніемъ: они *могутъ заглушать всякія претензіи арестантовъ*".

Организаторамъ будущности тюремъ нельзя, равнымъ образомъ, забывать, что совершенное изгнаніе Общества изъ тюремъ неминуемо повлечетъ за собою лишеніе казны тѣхъ почтенныхъ, какъ читатели видѣли, капиталовъ (въ 60 лѣтъ 21.283.806 р. 49 к.), которые Общество приносило Государству въ подспорье къ его расходамъ на тюрьмы: коль скоро однимъ „отвѣтственнымъ начальникамъ" будетъ ввѣрено все матеріальное и моральное благополучіе узниковъ,—никто, для нихъ, повѣрьте, ничего жертвовать не станетъ, какъ мы указали уже на свѣжіе примѣры (517 и 527 стр.).

Организаторамъ ожидаемой реформы предстоитъ, наконецъ, отнестись съ подобающимъ уваженіемъ къ русскому религіозному чувству, ибо изгнаніе общественнаго элемента изъ тюремъ противорѣчитъ религіознымъ нашимъ принципамъ. Мы сошлемся, въ этомъ отношеніи, на высокій авторитетъ Высокопреосвященнѣйшаго Исидора, Митрополита Новгородскаго, С.-Петербургскаго и Финляндскаго. Вотъ рѣчь маститаго и популярнѣйшаго нашего пастыря, касательно тюремной филантропіи.

„Цѣль собранія нашего извѣстна каждому изъ васъ. Любовь къ добродѣтели, указывая всѣ средства къ благо-

творенію, конечно уже сказала душѣ вашей, для чего она призывала васъ, и уже согрѣла сердца ваши къ призрѣнію и облегченію бѣдной участи тѣхъ, которые, по слѣпотѣ своей, измѣнили святымъ законамъ добродѣтели, и сами себя какъ бы отчуждили отъ покровительства и сострađанія любви. Но что ей до того? Она не чуждается и враговъ. Она ищетъ Христа, помня слово Его: „въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко Мнѣ", и простирая руку помощи къ меньшимъ братіямъ Его, радуется, что дѣлаетъ угодное Возлюбленному.

И что мнѣ остается говорить послѣ того, какъ сама христіанская любовь столь сильно, столь убѣдительно говорила сердцу вашему, что вы свободно покорились ея влеченію? Скажу ли, что собравшіеся во имя добродѣтели, собрались во имя Іисуса Христа, а идѣже еста два или тріе собрани во имя Его, ту и Онъ посреди ихъ. Но сіи слова Господа, безъ сомнѣнія, уже начертаны и въ памяти и въ сердцѣ вашемъ. Никто ни усумнится, что Онъ посредѣ насъ, видитъ наши мысли, наше расположеніе, нашу любовь къ ближнимъ, знаетъ, что мы *не изъ корысти и тщеславія желаемъ облегчать нужды бѣдствующихъ*, но изъ любви къ Нему и Его закону, благословляетъ святое намѣреніе наше,—и уже отверзъ книгу живота, да впишетъ имена *милостивыхъ*, чтобы сотворить имъ милость на судѣ Своемъ, и засвидѣтельствовать предъ вселенною: „Я былъ въ темницѣ, и они пришли ко Мнѣ, — *милость меньшимъ братіямъ* моимъ, а въ лицѣ ихъ—милость сотворили Мнѣ".

При этой мысли не могу не благоговѣть предъ благороднымъ собраніемъ вашимъ, почтеннѣйшіе посѣтители! ибо вижу здѣсь не обыкновенное только выраженіе сострадательности, сродной душамъ человѣческимъ, но *свѣтлое торжество христіанской вѣры*, которая побуждая насъ къ дѣламъ милосердія, хощетъ чрезъ это приблизить насъ къ Отцу милосердія, надежды, готовой жертвовать благами временными для пріобрѣтенія благъ вѣчныхъ, праздникъ христіанской любви, по которой, какъ родовой

[redacted]

печати,. Христосъ распознаетъ Своихъ, и разумѣютъ вси, яко Его ученицы есмы...

Господь услышалъ молитвы окованныхъ, и въ сердцахъ христіанъ отозвался призывный гласъ: *„попекитесь* объ нихъ, какъ и Отецъ вашъ, небесный, сіяетъ солнце Свое на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на не праведныя. Правосудіе исполняетъ свой долгъ. *Милосердіе пусть дѣлаетъ свое дѣло*. Предоставляя закону—судъ, оно *видитъ въ узникѣ человѣка*, или *несчастнаго*, или *больнаго душою, питаетъ его, одѣваетъ, утѣшаетъ, вразумляетъ, хочетъ жилище кары претворить въ обитель покаянія*. Подвигъ прекрасный и не трудный! А когда вспомнимъ, что за этотъ подвигъ Судія вселенной обѣщаетъ наслѣдіе царствія Своего: „Я былъ въ темницѣ, и вы пришли ко Мнѣ; наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе", то рождается вопросъ: *кто больше долженъ радоваться: узники ли, ожидающіе отъ насъ благотворительнаго сострадания*, или *сами благодѣтели*, отъ коихъ, въ лицѣ узниковъ, принимаетъ жертвы Христосъ? Рѣшеніе вопроса предоставляю вѣрѣ и упованію вашему.

Рѣчь эта ни въ какихъ комментаріяхъ, разумѣется, не нуждается: она рисуетъ намъ нашъ христіанскій долгъ, нашу обязанность по отношенію „къ узникамъ, въ темницахъ томящимся", такъ какъ ихъ положеніе во всемъ рѣзко отличается отъ положенія, напр.,—призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ, пользуемыхъ въ больницахъ, гдѣ филантропія имѣетъ тоже мѣсто.

Тюрьмовѣды новѣйшей формаціи, въ родѣ Гг. Фойницкаго и Тальберга энергически возстаютъ противъ тюремной филантропіи не по личному убѣжденію, или опыту, котораго они себѣ не усвоили, а просто потому, что такъ, будто бы, дѣлается заграницею, гдѣ внутри тюремъ, всевластны одни лишь смотрителя; предъ всѣмъ же заграничнымъ они благоговѣйно преклоняются...

Мы неоднократно уже говорили, что далеко не все заграничное примѣнимо къ намъ по самымъ разнообразнымъ причинамъ.

Оттого здѣсь исполнимъ наше мнѣніе лишь наглядными примѣрами.

Мыслима ли заграницею коммиссія для реформированія какой либо отрасли управленія безъ людей, *практически* занимающихся этимъ предметомъ? Конечно—нѣтъ, а у насъ—да, какъ читатели видѣли выше. Даже и въ послѣднюю коммиссію приглашались, напр., ученые: Н. С. Таганцевъ, Н. А. Неклюдовъ, Предсѣдатель Петербургскаго Окружнаго Суда А. Ф. Кони, бывшій Товарищъ Прокурора В. К. Случевскій, но этой чести не удостоился никто изъ персонала ни Петербургскаго, ни Московскаго Тюремныхъ Комитетовъ, хотя коммиссіи было достовѣрно извѣстно, что въ этихъ Комитетахъ есть лица, долгіе годы посвятившіе на это дѣло и принесшіе ему не оспоримую пользу своими трудами.

Мыслимо ли, чтобы заграничная корпорація ученыхъ отнеслась совершенно равнодушно къ одному изъ ея „магистрантовъ", за то, что онъ одновременно: письменно—расхвалилъ, а печатно—разбранилъ учрежденіе, съ цѣлію „порадѣть родному человѣчку"? Не беремся предугадывать, что именно отвѣтитъ на поставленный вопросъ г. Тальбергъ (стремящійся забраться на кафедру тюрьмовѣдѣнія), но съ своей стороны отвѣтимъ, съ сожалѣніемъ, что наша ученая корпорація пропустила мимо ушей такой, едва ли приличествующій „магистранту", поступокъ.

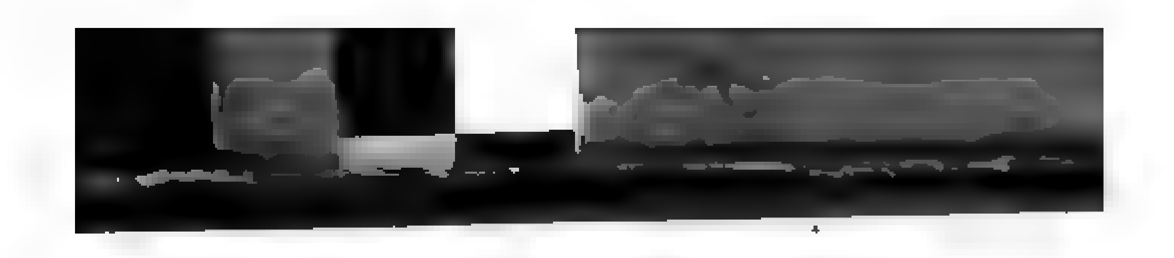
Мыслимо ли, чтобы заграничные профессора и прокуроры не разразились благороднымъ негодованіемъ, презрѣніемъ противъ одного изъ своихъ товарищей по профессіи, за то, что онъ, въ качествѣ филантропа, оправдывалъ безотчетное самовольное разбрасываніе общественныхъ суммъ „стремительностію характера" и „легкомысліемъ", да еще лично не брезгалъ тюремными: напр.,—керосиномъ въ нѣсколько пудовъ, да дорогими шкафами за дешевыя цѣны? Намъ думается, что тамъ подобнаго господина отовсюду подвергли бы остракизму, а какъ бы поступили у

насъ

[redacted]

насъ—объ этомъ спросите …ну, хоть г. Фойницкаго, благо онъ авторъ „Мошенничества по русскому праву“.

Къ прискорбію, понятія о чести, и среди нашей интеллигенціи изрядно расшатались, сдѣлались эластичными, не совмѣстными съ личнымъ благомъ. Противъ безкорыстной помощи несчастнымъ ближнимъ, нерѣдко приходится слышать самые циническіе отзывы. Стремленіе къ высокимъ идеаламъ называется пустыми бреднями. Короче всему предпочитается „лакомый кусокъ изъ общественнаго пирога“… Такимъ образомъ, если и среди передовыхъ, казалось бы, людей такъ понизились моральные принципы, то не достойны ли сожалѣнія люди, не вкусившіе никакихъ плодовъ цивилизаціи, просвѣщенія, да еще и матеріально судьбою обойденные? Отсюда мы и дѣлаемъ выводъ въ пользу сохраненія филантропіи внутри тюремъ, въ какой угодно формѣ безразлично, чтобы по меньшей мѣрѣ „претензіи арестантовъ не могли заглушаться“, такъ какъ участіе хорошо организованнаго общественнаго элемента, составляющаго неоспоримое нравственное значеніе, можетъ служить однимъ изъ лучшихъ средствъ къ достиженію цѣли—возвышенія нравственнаго достоинства тѣхъ, которые, какъ выразился Высокопреосвященнѣйшій Исидоръ, „по слѣпотѣ своей измѣнили святымъ законамъ добродѣтели“, тѣмъ болѣе, что „милосердіе обязано видѣть въ узникѣ человѣка, вразумлять, утѣшать его, жилище его кары претворять въ обитель покаянія“.

XXIV.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

СПИСОКЪ

лицъ, занимавшихъ послѣдовательно должности Президента Общества Попечительнаго о тюрьмахъ и Предсѣдателя С.-Петербургскаго Комитета Общества, съ его основанія по настоящее время.

Президенты:

Князь Александръ Николаевичъ *Голицынъ* (1819—1822 г.).
Баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ *Компенгаузенъ* (1822—1824 г.).
Иванъ Васильевичъ *Гладковъ* (1824—1826 г. исправл. должн.).
Князь Василій Сергѣевичъ *Трубецкой* (1826—1841 г.).
Графъ Михаилъ Христофоровичъ *Бенкендорфъ* (1841—1844 г.).
Графъ (впослѣдствіи князь) Алексѣй Федоровичъ *Орловъ* (1844—1855 г.).
Графъ Сергѣй Степановичъ *Ланской* (1855—1861 г.).
Петръ Александровичъ *Валуевъ* (1861—1867 г.).
Александръ Егоровичъ *Тимашевъ* (1867—1878 г.).

Предсѣдатели Комитета:

Баронъ Борисъ Ивановичъ *Фитингофъ* (1819—1823 г.).
Иванъ Васильевичъ *Гладковъ* (1823—1826 г.).
Графъ Дмитрій Ивановичъ *Хвостовъ* (1826—1835 г.).
Графъ Александръ Ивановичъ *Апраксинъ* (1835—1848 г.).
Графъ Сергѣй Степановичъ *Ланской* 1848—1855 г.).

[redacted]

Николай Михайловичъ *Смирновъ* (1856 г.).
Петръ Матвѣевичъ *Донауровъ* (1856—1857 г.).
Графъ Владиміръ Петровичъ *Орловъ-Давыдовъ* (1857—1861 г.).
Князь Григорій Александровичъ *Щербатовъ* (1861—1864 г.).
Александръ Алексѣевичъ *Волоцкой* (1864—1872 г.).
Князь Александръ Ивановичъ *Шаховской* (1872—1874 г.).
Князь Алексѣй Ивановичъ *Кропоткинъ* (1874—1877 г.).
Θедоръ Николаевичъ *Смирной* *) (1877—1879 г.).

По случаю оставленія Θ. Н. Комитета, въ субботу, 10-го ноября 1879 г., въ ресторанѣ Дюссо происходилъ прощальный обѣдъ, данный *Директорами Комитета*. Участвовали въ обѣдѣ 48 чел., принадлежащихъ ко всѣмъ слоямъ столичнаго общества. Директора поднесли Θ. Н. адресъ, съ перечисленіемъ его заслугъ на пользу заключенныхъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ бытности его Директоромъ и предсѣдателемъ Комитета. За обѣдомъ распорядитель, Князь С. Д. Эристовъ, провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора, Августѣйшаго Покровителя попечительнаго общества о тюрьмахъ. Θ. Н. Смирной предложилъ тосты за здоровье: Президента Общества Попечительнаго о Тюрьмахъ, Л. С. Макова, предсѣдательницы Дамскаго Тюремнаго Комитета, Ея Высочества, принцессы Евгеніи Максимиліановны, а М. И. Михельсонъ—за здоровье Предсѣдательствующаго въ Комитетѣ, епископа Варлаама Потомъ произносили рѣчи.

В. Н. Поливановъ. Позвольте мнѣ, уважаемый Θедоръ Николаевичъ, выразить Вамъ, кромѣ общаго намъ всѣмъ сочувствія, и чувство глубокой признательности за тѣ годы совмѣстнаго труда, когда Вы, во главѣ Исправительнаго Совѣта, служили намъ не только опытнымъ руководителемъ, но и живымъ примѣромъ неуклоннаго исполненія своихъ обязанностей, своего гражданскаго долга! Я вспоминаю то время, когда это учрежденіе новое, необычное для русской тюрьмы, впервые создавалось по Вашему предложенію, при Вашемъ непосредственномъ участіи. Не мало нужно было тогда энергіи, настойчивости и знанія, чтобы это хорошее начало провести и примѣнить къ тюремному быту. Вамъ удалось исполнить многое, и если не все,—то вина не Ваша! Работая съ вами, мы непрестанно были свидѣтелями горячей любви къ ввѣренному Вамъ дѣлу, гуманной справедливости къ участи за-

*) Родители Θ. Н. тоже нѣкогда занимались тюремнымъ дѣломъ. Въ 1832 г. въ *Воронежскомъ* Комитетѣ значились: Директоромъ Ст. Сов. Николай Федоровичъ Смирной и членомъ, супруга его, Марія Андреевна Смирная.

ключенныхъ и безпредѣльной преданности общественному долгу. Такое высокое, безвозмездное исполненіе обязанностей не могло не отразиться благотворно на окружающихъ и не послужить имъ на всегда воспоминаніемъ дорогимъ и достойнымъ подражанія.

Н. П. Сабуровъ говорилъ о тяжелыхъ трудахъ Ѳ. Н. на пользу заключенныхъ и о моральномъ участіи, какое въ этомъ отношеніи принимала супруга Ѳ. Н., Софья Михайловна.

Е. П. Карновичъ говорилъ о добротѣ Ѳ. Н. и объ его отношеніяхъ къ несчастнымъ, которымъ онъ помогалъ всѣмъ, чѣмъ могъ, вѣрилъ въ возможность ихъ нравственнаго исправленія и т. д.

В. Н. Никитинъ высказалъ, что почти 9 лѣтъ сряду былъ онъ вездѣ сотрудникомъ Ѳ. П. и постоянно удивлялся его энергіи, которая сплачивала вокругъ него директоровъ; что со времени основанія Комитета,—въ 1819 г.,—только отставка князя Г. А. Щербатова, въ 1864 году, вызвала общее сожалѣніе Комитета. Хотя Ѳ. Н. и пріобрѣлъ между своими товарищами гораздо большее расположеніе и уваженіе, нежели его предшественникъ; тѣмъ не менѣе Комитету приходится примириться съ совершившимся фактомъ, развѣ лишь въ силу народнаго повѣрья о томъ, что нигдѣ не должно быть *тринадцати*, а Ѳ. Н., со времени учрежденія Комитета, былъ *тринадцатымъ* его предсѣдателемъ.

Говорили также баронъ П. Е. Майдель, М. И. Михельсонъ, А. М. Соковъ и многіе другіе.

Личный составъ С.-Петербургскаго Дамскаго Комитета Общества Попечительнаго о тюрьмахъ 1879 г.

Предсѣдательница Комитета, Ея Императорское Высочество, Евгенія Максимиліановна, Принцесса Ольденбургская.

Директрисы:

Баронесса Анастасія Сергѣевна *Вревская*.
Княгиня Дарія Петровна *Оболенская*.
Юлія Ѳеодоровна *Абаза*.
Марія Никаноровна *Бурнашова*.

[redacted]

Елена Васильевна *Колтовская*.
Екатерина Александровна *Тимашева*.
Графиня Софія Константиновна *Перовская*.
Елизавета Ивановна *Черткова*.
Марія Григорьевна *Пейкеръ*.
Евфимія Борисовна *Зубова*.
Софія Ивановна *Нелидова*.
Лидія Владиміровна *Шидловская*.
Графиня Анна Егоровна *Комаровская*.

При Комитетѣ состояли:

Вице-Президентъ Константинъ Карловичъ *Гротъ*.

Директоры:

Александръ Іосифовичъ *Гурко*.
Графъ Модестъ Модестовичъ *Корфъ*.
Николай Николаевичъ *Бурнашовъ*.
Анатолій Федоровичъ *Кони*.
Павелъ Константиновичъ *Рѣшеткинъ* (завѣдываетъ дѣлами Комитета).
Николай Николаевичъ *Мезенцовъ*.
Василій Львовичъ *Давыдовъ*.

Личный составъ Вице-Президентовъ и Директоровъ С.-Петербургскаго Комитета Общества Попечительнаго о тюрьмахъ, 1879 г., по старшинству утвержденія ихъ въ званіи.

Предсѣдательствующій въ Комитетѣ Вице-Президентъ, Преосвященный Варлаамъ, Епископъ Выборгскій.

Вице-Президенты:

Орловъ-Давыдовъ, графъ, Владиміръ Петровичъ.
Галкинъ-Враскій, Михаилъ Николаевичъ (начальникъ Главнаго тюремнаго Управленія).
Мансуровъ, Николай Павловичъ.

Косаговскій, Павелъ Павловичъ.
Обуховъ, Борисъ Петровичъ.
Качаловъ, Николай Александровичъ.
Гротъ, Константинъ Карловичъ.

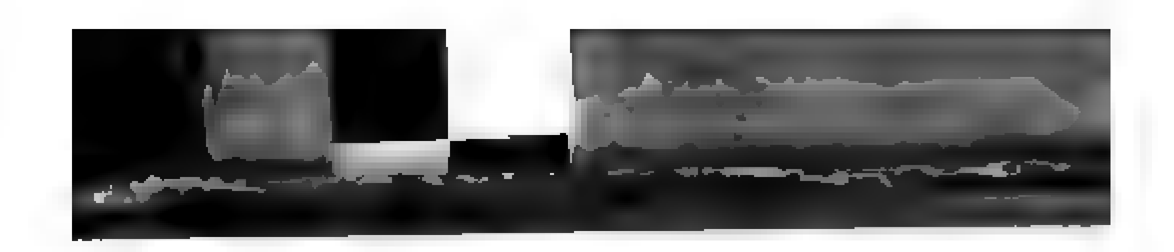
Директоры:

Тучковъ, Михаилъ Павловичъ.
Гвоздаво-Голенко, Николай Ильичъ.
Утинъ, Яковъ Исааковичъ.
Рюминъ, Константинъ Ивановичъ.
Мазовскій, Аркадій Николаевичъ.
Урусовъ, князь, Апполонъ Степановичъ.
Парамоновъ, Александръ Степановичъ.
Тучковъ, Александръ Павловичъ.
Ломанъ, Николай Логиновичъ.
Эристовъ, князь, Самсонъ Давидовичъ.
Андреевъ, Петръ Алексѣевичъ.
Хартулари, Константинъ Федоровичъ.
Федоровъ, Гавріилъ Антоновичъ.
Горчаковъ, Михаилъ Ивановичъ (профессоръ, Протоіерей).
Бѣленченко, Александръ Ивановичъ (Инспекторъ пересылки арестантовъ).
Власовъ, Василій Ивановичъ (помощникъ начальника Главнаго тюремнаго Управленія).
Корфъ, графъ, Модестъ Модестовичъ.
Шрамченко, Павелъ Платоновичъ.
Астафьевъ, Николай Александровичъ.
Быковскій, Эдуардъ Устиновичъ.
Севостьяновъ, Степанъ Павловичъ.
Солдатенковъ, Василій Ивановичъ.
Розенбергъ, Пинхусъ Хаимовичъ.
Бѣлостоцкій, Алексѣй Васильевичъ.
Гурко, Александръ Іосифовичъ.
Поливановъ, Владиміръ Николаевичъ.
Никитинъ, Викторъ Никитичъ.
Аникинъ, Евгеній Евграфовичъ.
Пятковскій, Александръ Петровичъ.
Хольмъ, Францъ Карловичъ

[redacted]

1868

Квистъ, Оскаръ Ильичъ.
Нейманъ, Юлій Федоровичъ.
Винокуровъ, Иванъ Васильевичъ.
Мартыновъ, Василій Федоровичъ.
Брянчаниновъ, Валеріанъ Николаевичъ.
Карновичъ, Евгеній Петровичъ.
Соковъ, Алексѣй Михайловичъ.
Михайловъ, Алексѣй Ивановичъ.
Рѣшеткинъ, Павелъ Константиновичъ.
Чертковъ, Григорій Алексѣевичъ.
Брусницынъ, Николай Николаевичъ.
Давыдовъ, Василій Львовичъ.
Кони, Анатолій Федоровичъ.
Лебедевъ, Дмитрій Николаевичъ.
Шершевскій, Михаилъ Марковичъ.
Савельевъ, Андрей Григорьевичъ.
Мейеръ, Лазарь Левиновичъ.
Шиловъ, Иванъ Сергѣевичъ.
Гобергъ, Александръ Ивановичъ.
Бойсманъ, Николай Александровичъ.
Карновичъ, Валеріанъ Гавриловичъ.
Мелентьевъ, Василій Алексѣевичъ.
Тарасенко-Отрешковъ, Любимъ Ивановичъ.
Кочетовъ, Александръ Іоакимовичъ.
Рудановскій, Александръ Андріяновичъ.
Хрущовъ, Иванъ Александровичъ.
Мишле, Эммануилъ Ивановичъ.
Андреевъ, Евгеній Петровичъ.
Кокушкинъ, Александръ Александровичъ.
Сченсновичъ, Александръ Васильевичъ.
Челищевъ, Сергѣй Михайловичъ.
Кашкаровъ, Павелъ Алесѣевичъ.
Соловьевъ, Михаилъ Александровичъ.
Наумовъ, Дормидонтъ Степановичъ.
Дезобри, Михаилъ Николаевичъ.
Барышниковъ, Василій Парфентьевичъ.
Горязинъ, Левъ Адріановичъ.
Майдель, баронъ, Владиміръ Петровичъ.
Мезенцовъ, Николай Михайловичъ.

Михельсонъ, Морицъ Ильичъ.
Рѣшеткинъ, Александръ Константиновичъ.
Львовъ; Николай Николаевичъ.
Корчевскій, Александръ Викентьевичъ.
Остенъ-Сакенъ баронъ Георгій Александровичъ.

Носятъ званіе Директоровъ по должностямъ:

Бобринскій, графъ Алексѣй Александровичъ (Губернскій предводитель дворянства).
Корфъ, баронъ, Павелъ Леопольдовичъ (Городской Голова).
Майдель, баронъ, Петръ Евстафьевичъ (Инспекторъ и Предсѣдатель С.-Петербургскаго врачебнаго присутствія).
Волковъ, Александръ Александровичъ (Вице-Губернаторъ).
Грейгъ, Василій Алексѣевичъ (Предсѣдатель Казенной Палаты).
Гогель, Григорій Григорьевичъ (Товарищъ Прокурора Окружнаго Суда).

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ

занятій между гг. Директорами и Членами С.-Петербургскаго Комитета Общества Попечительнаго о тюрьмахъ, на 1880 годъ, въ учрежденіяхъ, подвѣдомственныхъ Комитету.

Хозяйственное Правленіе тюремнаго замка.

Предсѣдатель—В. Г. Карновичъ. Члены: Е. Е. Аникинъ, А. П. Тучковъ, А. А. Мейеръ, Э. И. Миніхе, М. Н. Девобри, Н. Н. Львовъ, П. А. Кашкаровъ и Л. А. Гарязинъ. Члены Общества: Н. М. Маловъ, Н. А. Максимовичъ; И. А. Осиповъ. Смотритель замка М. Е. Юрьевъ и старшій врачъ больницы замка П. П. Фридолинъ.

Исправительный Совѣтъ Тюремнаго замка.

Предсѣдатель—И. А. Хрущевъ. Члены: М. И. Михельсонъ, К. Ф. Халтулари, А. А. Кокушкинъ, А. А. Гарязинъ, Л. Л. Мейеръ, В. Н. Варнашниковъ. Члены Общества: Н. А. Максимовичъ, Н. П. Граве, В. И. Якобсонъ, баронъ А. Г. Нолькенъ, Н. М. Маловъ, Смотритель замка М. Е. Юрьевъ, Старшій Врачъ больницы П. П. Фридолинъ, Протоіерей А. Я. Эвенговъ, Священникъ В. Г. Сократинъ и учитель школы.

[redacted]

Попечительство надъ арестантами, содержащимися въ пересыльной тюрьмы.

Председатель — А. Г. Савельевъ. Члены: баронъ Г. А. Остенъ-Сакенъ, А. М. Соковъ, А. В. Карчевскій и членъ—И. А. Копосовъ.

Попечительство надъ арестантами, содержащимися въ отдѣленіи малолѣтнихъ арестантовъ.

Предсѣдатель: А. І. Кочетовъ; Члены: Ю. Ф. Нейманъ, А. И. Михайловъ, В. Н. Никитинъ, А. А. Кокушкинъ, Е. Е. Вагонова, графъ М. М. Корфъ, И. А. Хрущевъ; Смотритель полицейскаго дома Коломенской части, Священникъ Нечаевъ, Воспитатель Ермолинъ и начальникъ убѣжища.

Попечительство надъ арестантами, содержащимися въ полицейскихъ домахъ столицы.

Предсѣдатель Г. А. Федоровъ. Члены, завѣдывающіе арестантскими камерами при полицейскихъ домахъ: А. А. Кокушкинъ, В. Н. Поливановъ и А. А. Рудановскій (Казанской части); Кокушкинъ (Адмиралтейской части); А. К. Рѣшеткинъ и В. Ф. Мартыновъ (Московской части), Н. И. Гвоздово-Голенко и Д. С. Науковъ (Спасской части); Э. У. Выковскій и И. В. Винокуровъ (Нарвской части), А. И. Михайловъ и Н. С. Кормилевъ (Литейной части); М. А. Соловьевъ и Э. И. Мишле (Александро-Невской части); Соловьевъ (Выборской части) Н. А. Астарьевъ и М. И. Михельсонъ (Васильевской части); Е. Е. Аникинъ (въ Петровскомъ полицейскомъ домѣ).

Попечительство надъ содержащимися въ долговомъ отдѣленіи.

Предсѣдатель: Е. П. Карновичъ; члены: князь А. С. Урусовъ и П. А. Андреевъ.

Попечительство надъ призрѣваемыми въ убѣжищѣ для освобождаемыхъ изъ заключенія.

Предсѣдательствующій Вице-Президентъ; Члены: Директоры: *В. Ф.* Мартыновъ, В. Н. Никитинъ; Н. Н. Брусницынъ, А. С. Па-

раменовъ; Членъ Общества С. И. Григорьевъ, священникъ В. В. Нильскій и начальникъ убѣжища.

Попечительство надъ пріютомъ мальчиковъ, дѣтей арестантовъ.

Предсѣдатель: А. П. Пятковскій; Члены: князь С. Д. Эристовъ, графъ М. М. Корфъ, П. П. Шрамченко, В. Н. Никитинъ, А. I. Кочетовъ, и Члены Общества: А. Д. Колесниковъ, А. А. Колесникова.

Коммиссія для духовно-нравственнаго образованія арестантовъ.

Предсѣдатель: Вице-Президентъ Комитета, Преосвященнѣйшій Варлаамъ, епископъ Выборгскій; Члены: А. П. Тучковъ, графъ М. М. Корфъ, Н. А. Астафьевъ, П. П. Шрамченко, В. Н. Никитинъ (онъ же дѣлопроизводитель) Г. А. Федоровъ, Ю. Ф. Нейманъ, князь С. Д. Эристовъ, В. Г. Карновичъ, Е. П. Карновичъ, А. П. Пятковскій, А. I. Кочетовъ, Протоіерей М. И. Горчаковъ, Г. Г. Гогель и священники: Двукратовъ, Спирагинъ и Тихомировъ (въ тюремномъ замкѣ); Предтеченскій (въ пересыльной тюрьмѣ); Нечаевъ (въ отдѣленіи малолѣтнихъ арестантовъ); Буткевичъ (въ пріютѣ арестантскихъ дѣтей); Георгіевскій и Перетерскій (въ Литейной части); Цвѣтковъ (въ Адмиралтейской части); Травинскій (въ Выборгской части); Кедровъ, Кодратовъ и Предтеченскій (въ Казанской части); Двукраевъ (въ Александро-Невской части); Сергіевскій (въ Нарвской части); Славинскій и Нильскій (въ Московской части); Соболевъ (въ Спасской части) и Анненскій (въ Петровскомъ полицейскомъ домѣ).

Контрольная коммиссія.

Директоры: В. Н. Никитинъ (бессмѣнно съ 1874 г.); П. П. Шрамченко (съ 1877 г.) и А. С. Парамоновъ (на 1879 г.).

Контрольная часть имѣетъ свою самостоятельную исторію, заключающуюся, вкратцѣ, вотъ въ чемъ. Съ основанія Комитета — 1819 по 1827 г., — онъ распоряжался только частными суммами, а потому ревизіею правильности ихъ приходо-расходованія занимался, между прочимъ, работный Комитетъ. Въ Комитетъ начали поступать: казенныя — съ 1827 г., а городскія суммы — съ 1829 г. Еще съ 1827 г. Комитетъ былъ освобожденъ отъ уплаты

[redacted]

сударственнаго контроля, но въ 1829 г., Комитетъ издалъ, изъ 30 п., правила ревизіи; причемъ 3 п. этихъ правилъ гласилъ: *„связь Общества составляется единою, доброю волею каждаго изъ членовъ: одинаковое усердіе, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, должно быть увѣнчано общею отвѣтственностію; по сему исправленіе отчетовъ и провѣрка ихъ—обнаруживается дѣйствительное усердіе, а не исправность и не желаніе провѣрить другъ друга—показываетъ лѣнь, слабость Общества"*. Эти правила какъ ревизовать другъ друга исполнялись до 1841 г. Въ этомъ году завѣдывавшій мастерскими зайка, членъ А. И. Левшинъ (впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта и не давно умершій), заявилъ Комитету, что повѣрять другъ друга не удобно, а потому необходимъ самостоятельный *постоянный* Контроль. Сообразно мысли Левшина, Членъ А. Н. Леонтьевъ составилъ утвержденныя Комитетомъ, въ 1842 г., новыя правила, для исполненія которыхъ Комитетъ избралъ самаго Леонтьева *), ревизовавшаго всю денежную часть до 1850 г. включительно.

---

*) Александръ Николаевичъ Леонтьевъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ тюремныхъ дѣятелей, котораго исторія обязана отмѣтить. Онъ воспитывался въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, въ 1819 году поступилъ въ Преображенскій полкъ офицеромъ; въ 1833 г. перешолъ въ адъютанты къ шефу жандармовъ; въ 1841 г.;—съ назначеніемъ Бенкендорфа въ Президенты,—поступилъ въ члены Комитета, съ сохраненіемъ званія чиновника особыхъ порученій при Шефѣ Жандармовъ. Съ этого времени по 1851 г. онъ былъ правителемъ канцеляріи Президента и Комитетовъ: тюремнаго и для призрѣнія нищихъ, безъ всякаго содержанія; контролеромъ, завѣдывалъ мастерскими, участвовалъ, ежегодно, во множествѣ коммиссій, во всѣхъ почти дѣлахъ всѣхъ трехъ канцелярій сохранилась масса проектовъ, докладовъ, бумагъ, журналовъ, циркуляровъ и проч., его рукою писанныхъ. Въ 1848 г. онъ изъ полковниковъ произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 23-го января 1852 г. умеръ. Вдовѣ и 5 несовершеннолѣтнимъ его дѣтямъ назначили пенсію по 95 р. въ годъ. Чрезъ годъ вдова подала прошеніе, въ которомъ изложила, что покойный мужъ ея прожилъ все, небольшое ихъ имѣніе и преждевременно скончался отъ чрезмѣрныхъ трудовъ на пользу тюремнаго дѣла, оставилъ ее съ дѣтьми въ крайней бѣдности и потому просила увеличить ей пенсію. Ей прибавили до 285 р. 90 к. въ годъ.

1878

До обнародованія Устава 1851 г., въ немъ значилась 90 ст., о томъ, что „Составленіе [illegible] хозяйствомъ ежемѣсячные и годовые отчеты, а равно ревизію счетовъ, смѣты и предположенія о расходахъ, до [illegible] и мѣсто заключенія относящіеся, *предварительно* представленія ихъ въ засѣданія Комитета или Отдѣленія, *разсматриваемые, ежегодно избираемыми* Предсѣдательствующимъ Вице-Президентомъ и Директорами, *особыми изъ среды* Директорами, которые вносятъ отчеты и проч. въ Комитетъ, со своими заключеніями".

Тѣмъ не менѣе затруднительность заниматься ревизіею [illegible] побудила Комитетъ отступить отъ этой статьи, въ пользу одного „контрольнаго директора", каковымъ былъ избранъ Н. С. Лебедевъ (бывшій редакторъ „Русскаго инвалида"). Его замѣнилъ, въ 1854 г., Н. О. Богушевичъ, который въ 1857 г., просилъ Комитетъ избрать 3-хъ директоровъ, или же, если Комитетъ признаетъ, какъ онъ полагалъ, трудность [illegible] ревизіею *вопросовъ*, то доложить президенту, что 90 ст. не удобоприложима. Комитетъ сдѣлалъ послѣднее, а Президентъ, въ 1858 г., разрѣшилъ Комитету имѣть одного контрольнаго директора, каковымъ остался г. Богушевичъ. Въ 1865 г., во время введенія въ Россіи новой контрольной системы, Богушевичъ отказался отъ званія контролера въ пользу знатока новой системы Н. И. Хитрово, а въ 1868 г. [illegible] опять замѣнилъ послѣдняго. Комитетъ такъ высоко цѣнилъ контрольныя дѣйствія Богушевича, что за отсутствіемъ постояннаго предсѣдателя Комитета,—поручилъ Богушевичу, въ 1869 г., подписывать чеки и всѣ денежныя бумаги, хотя временный предсѣдатель и былъ на лицо. Въ томъ же 1869 г., вслѣдствіе усложнившейся отчетности, Богушевичъ предложилъ Комитету снабдить его подробною инструкціею, сообразно измѣнившимся, къ этому времени, обстоятельствамъ. Комитетъ образовалъ, въ 1870 г., особую коммиссію, и она разработала „контрольныя правила", утвержденныя Комитетомъ [illegible]

